

Франсуа Рабле

Гаргантюа и Пантагрюэль

Франсуа Рабле
Гаргантюа и Пантагрюэль

«Public Domain»

1532-1552

Рабле Ф.

Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле — «Public Domain»,
1532-1552

Перед Вами самое значительное произведение эпохи французского Ренессанса – сатирический роман Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Созданный на богатой и разнообразной фольклорной основе, роман повествует о двух великанах – отце и сыне. Рабле мастерски высмеивает человеческие пороки, современный ему общественный уклад, а в особенности – церковь и духовенство. Гениальный автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» при помощи сатиры и юмора обличает окружающую его действительность и противопоставляет ей новый мир, свободный от условностей и предрассудков. Уникальность данной книги состоит в том, что она издана по переводу, сделанному в 1552 г. и богато иллюстрирована офортами. В книгу включено более 60 уникальных изображений.

© Рабле Ф., 1532-1552

© Public Domain, 1532-1552

Содержание

К ЧИТАТЕЛЯМ	15
ПРОЛОГ АВТОРА	16
ГЛАВА I. О происхождении и древности рода Гаргантюа	18
ГЛАВА II	20
ГЛАВА III. Как Гаргантюа одиннадцать месяцев пребывал во чреве матери	21
ГЛАВА IV. Как Гаргамель, нося Гаргантюа, объелась потрохами	23
ГЛАВА V. Разговоры пьянчужек	25
ГЛАВА VI. Каким странным образом родился Гаргантюа	26
ГЛАВА VII. Как Гаргантюа был наречен своим именем, и как он принялся тянуть вино	28
ГЛАВА VIII. Как одели Гаргантюа	29
ГЛАВА IX. Цвета и ливрея Гаргантюа	33
ГЛАВА X. О том, что обозначают цвета белый и синий	35
ГЛАВА XI. О юности Гаргантюа	36
ГЛАВА XII. Об игрушечных лошадках Гаргантюа	38
ГЛАВА XIII. Как Грангузье узнал об изумительном уме Гаргантюа, когда тот изобрел подтирку	39
ГЛАВА XIV. Как некий софист обучал Гаргантюа латыни	41
ГЛАВА XV. Как отдали Гаргантюа другим педагогам	43
ГЛАВА XVI. Как Гаргантюа был послан в Париж, и о громадной кобыле, на которой он ехал, и как она уничтожила оводов в округе Бос	45
ГЛАВА XVII. Как Гаргантюа оплатил парижанам за свой прием, и как он унес большие колокола с Собора Богоматери	46
ГЛАВА XVIII. Как Янотус де-Брагмардо был послан к Гаргантюа, чтобы вернуть колокола	48
ГЛАВА XIX. Речь магистра Янотуса де-Брагмардо, обращенная к Гаргантюа, с просьбой вернуть колокола	49
ГЛАВА XX. Как софист унес свое сукно, и как он имел тяжбу с другими	51
ГЛАВА XXI. Занятия Гаргантюа, согласно расписанию софистов, его наставников	53
ГЛАВА XXII. Игры Гаргантюа	56
ГЛАВА XXIII. Как Гаргантюа обучался Понократом в таком порядке, что не терял ни одного часа в день	57
ГЛАВА XXIV. Как Гаргантюа проводил время в дождливую погоду	61
ГЛАВА XXV. Как между пекарями из Лернэ и людьми из страны Гаргантюа возник великий спор, следствием чего были крупные войны	63
ГЛАВА XXVI. Как жители Лернэ под предводительством короля Пикрошоля напали без предупреждения на пастухов Гаргантюа	65
ГЛАВА XXVII. Как некий монах из Севилье спас сады аббатства от вражеского разграбления	68
ГЛАВЫ XXVIII, XXIX и XXX	71
ГЛАВА XXXI. Речь, с которою Галле обратился к Пикрошолю	72
ГЛАВА XXXII. Как Грангузье, желая купить мир, велел вернуть лепешки	74

ГЛАВА XXXIII. Как иные из губернаторов Пикрошоля поспешными советами поставили его в крайне опасное положение	76
ГЛАВА XXXIV. Как Гаргантюа оставил Париж, чтобы поспешить на помощь родине, и как Гимнаст встретил неприятеля	79
ГЛАВА XXXV. Как Гимнаст ловко убил капитана Трипе и других людей Пикрошоля	80
ГЛАВА XXXVI. Как Гаргантюа разрушил замок де-Вед, и как они перешли брод	82
ГЛАВА XXXVII. Как Гаргантюа вычесывал пушечные ядра из волос	85
ГЛАВА XXXVIII. Как Гаргантюа съел в салате шестерых паломников	87
ГЛАВА XXXIX. Как чествовал монаха Гаргантюа и какие прекрасные речи говорил за ужином	89
ГЛАВА XL. Почему монахов избегают, и почему у одних носы длиннее, чем у других	91
ГЛАВА XLI. Как монах усыпил Гаргантюа, и о его часослове и требнике	93
ГЛАВА XLII. Как монах вселял в товарищей мужество, и как он повис на дереве	95
ГЛАВА XLIII. Как передовой отряд Пикрошоля попался навстречу Гаргантюа, и как монах убил капитана Тиравана, а потом попал в плен к врагам	97
ГЛАВА XLIV. Как монах отделался от своих сторожей, и как был разбит отряд Пикрошоля	99
ГЛАВА XLV. Как монах привез паломников, и о хороших словах, сказанных королем Грангузье	101
ГЛАВА XLVI. Как гуманно обошелся Грангузье с пленником Тукдильэном	103
ГЛАВА XLVIII. Как Гаргантюа напал на Пикрошоля в Ла-Рош-Клермо и разбил его армию	106
ГЛАВА XLIX. Как Пикрошоль попал в беду во время бегства, и что сделал Гаргантюа после сражения	108
ГЛАВА L. Речь, с которою Гаргантюа обратился к побежденным	109
ГЛАВА LI. Как были вознаграждены гаргантюисты – победители после битвы	110
ГЛАВА LII. Как Гаргантюа велел построить для монаха Телемскую обитель[129]	111
ГЛАВА LIII. Как была построена и чем снабжена Телемская обитель	112
ГЛАВА LIV. Надпись на главных дверях Телемской обители	113
ГЛАВА LV. Жилище телемитов	114
ГЛАВА LVI. Как были одеты монахи и монахини Телемской обители	115
ГЛАВА LVII. Какой порядок был установлен в жизни телемитов	117
ГЛАВА LVIII. Пророческая загадка	119
ПАНТАГРЮЭЛЬ, КОРОЛЬ ЖАЖДУЩИХ, В ЕГО НАТУРАЛЬНОМ ВИДЕ,	120
ПРОЛОГ АВТОРА	121
ГЛАВА I. О происхождении и древности рода великого Пантагрюэля	122
ГЛАВА II. О рождении грозного Пантагрюэля	123

Глава III. О скорби Гаргантюа по случаю смерти жены его Бадэбек	125
ГЛАВА IV. О детстве Пантагрюэля	126
ГЛАВА V. Деяния знаменитого Пантагрюэля во дни его молодости	128
ГЛАВА VI. Пантагрюэль встречает лимузинца, коверкающего французский язык	130
ГЛАВА VIII. Как Пантагрюэль, будучи в Париже, получил от своего отца Гаргантюа письмо. Копия этого письма	131
ГЛАВА IX. Как Пантагрюэль нашел Панурга, которого полюбил на всю жизнь	134
ГЛАВА XI. Как господу де-Безкюль и Гюмвен тягались перед Пантагрюэлем без адвокатов	138
ГЛАВА XII. Как защищался перед Пантагрюэлем господин де-Гюмвен	141
ГЛАВА XIII. Как Пантагрюэль решил тяжбу двух вельмож	142
Невероятная вещь, но обе стороны на состязательном судеговорение были вполне удовлетворены и одинаково довольны окончательным приговором	
ГЛАВА XIV. Рассказ Панурга о том, как ему удалось вырваться рук турок	143
ГЛАВА XV. Как Панург учил строить стены вокруг Парижа по совершенно новому способу	147
ГЛАВА XVI. О характере и обычных занятиях Панурга	148
ГЛАВА XVII. Как Панург приобретал индульгенции, как он выдавал замуж старух и какие процессы вел в Париже	151
ГЛАВА XVIII. Как один очень ученый англичанин захотел вести диспут с Пантагрюэлем, но был побежден Панургом	154
ГЛАВА XIX. Как Панург посрамил англичанина, который аргументировал на диспуте посредством жестов	157
ГЛАВА XX. Рассказ Таумаста об учености и добродетелях Панурга	159
ГЛАВА XXI. Как Панург влюбился в одну знатную парижанку	160
ГЛАВА XXII. Как Панург сыграл с парижанкой злую шутку, которую нельзя вменить ему в достоинство	163
ГЛАВА XXIII. Как Пантагрюэль выехал из Парижа, получив известие, что дипсоды вторглись в страну аморотов, и о причине того, почему во Франции такие маленькие мили	165
ГЛАВА XXIV. Письмо, которое привез Пантагрюэлю посланец одной парижской дамы, и объяснение одного слова, написанного на золотом кольце	166
ГЛАВА XXV. Как Панург, Карпалим, Эстен и Эпистемон, товарищи Пантагрюэля, посредством тонкой хитрости побили вчетвером шестьсот шестьдесят рыцарей	168
ГЛАВА XXVI. Как Пантагрюэлю и его товарищам надоело есть солонину, и как Карпалим пошел на охоту за дичью	170
ГЛАВА XXVII. Как Пантагрюэль воздвиг в память подвигов триумфальный столб, а Панург – другой, в память зайцев, и как Пантагрюэль породил из своих ветров маленьких мужчин, а из	172

газов маленьких женщин, и как Панург разбил толстое древко на двух стаканах	
ГЛАВА XXVIII. Каким странным способом Пантагрюэль одержал победу над дипсодами и гигантами	174
ГЛАВА XXIX. Как Пантагрюэль уничтожил один три сотни великанов в каменных латах, а также их капитана Вурдалака	177
ГЛАВА XXX. Как Эпистемон с отсеченной головой был искусно вылечен Панургом и об известиях о дьяволах и осужденных	182
ГЛАВА XXXI. Как Пантагрюэль вступил в столицу аморотов, и как Панург женил короля Анарха и сделал его уличным продавцом зеленого соуса	187
ГЛАВА XXXII. Как Пантагрюэль покрыл языком целую армию, и о том, что автор увидел у него во рту	189
ГЛАВА XXXIII. Как Пантагрюэль заболел, и как он вылезился	192
ГЛАВА XXXIV. Заключение сей книги и извинение автора	194
ТРЕТЬЯ КНИГА ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ И СКАЗАНИЙ	195
ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ	
ПРОЛОГ АВТОРА	196
ГЛАВА I. Как Пантагрюэль основал в Дипсодии колонию утопийцев	198
ГЛАВА II. Как Панургу был пожалован замок Сальмигонден в Дипсодии, и как он поедал там свой хлеб на корню	200
ГЛАВА III. Как Панург восхвалял и должников и заимодавцев	203
ГЛАВА IV. Продолжение речи Панурга в похвалу заимодавцам и должникам	206
ГЛАВА V. Как Пантагрюэль честит должников и заимодавцев	208
ГЛАВА VI. О том, почему новобрачные освобождаются от повинности идти на войну	210
ГЛАВА VII. Как Панург, начав носить блоху в ухе, перестал носить свой великолепный гульффик	212
ГЛАВА VIII. Почему гульффик – наиважнейшая часть доспехов воина	214
ГЛАВА IX. Как Панург советовался с Пантагрюэлем о своей женитьбе	215
ГЛАВА X. Как Пантагрюэль доказывает Панургу, что давать советы в брачных делах – очень трудная вещь, – и о гаданиях по Гомеру и Виргилию	218
ГЛАВА XI. Как Пантагрюэль доказывает непозволительность гадания: на костях	219
ГЛАВА XII. Как Пантагрюэль расследует, гадая по Виргилию, каков будет брак Панурга	220
ГЛАВА XIII. Как Пантагрюэль советует Панургу гадать о том, будет ли его брак счастливым или нет, по снам	221
ГЛАВА XIV. Сон Панурга и его истолкование	224
ГЛАВА XV. Извинение Панурга и изложение монастырской каббалы по вопросу о солонине	227
ГЛАВА XVI. Как Пантагрюэль советует Панургу побеседовать с панзустской Сивиллой	229
ГЛАВА XVII. Как Панург разговаривает с панзустской Сивиллой	230

ГЛАВА XVIII. Как по-разному толкуют стихи панзустской Сивиллы Пантагрюэль и Панург	233
ГЛАВА XIX. Как Пантагрюэль рекомендует советоваться с немymi	235
ГЛАВА XX. Как Насдекабр отвечает Панургу знаками	237
ГЛАВА XXI. Как Панург получает совет от одного старого французского поэта, которого звали Раминагробнс	239
ГЛАВА XXII. Как Панург покровительствует ордену нищенствующих монахов	241
ГЛАВА XXIII. Как Панург ведет речь о том, чтобы вернуться к Раминагробису	243
ГЛАВА XXIV. Панург спрашивает совета у Эпистемона	245
ГЛАВА XXV. Как Панург советуется с Гер-Триппой	246
ГЛАВА XXVI. Панург советуется с братом Жаном	249
ГЛАВА XXVII. Как брат Жан дает веселые советы Панургу	250
ГЛАВА XXVIII. Брат Жан успокаивает Панурга в его сомнениях по поводу рогов	252
ГЛАВА XXIX. Как Пантагрюэль, по случаю затруднений Панурга, устроил собрание с участием богослова, лекаря, законника и философа	254
ГЛАВА XXX. Как богослов Гиппофадей дает советы Панургу по поводу вступления в брак	256
ГЛАВА XXXI. Какие советы Панургу дает врач Рондibiliс	259
ГЛАВА XXXII. Как Рондibiliс объявил ношение рогов одним из естественных достояний брака	262
ГЛАВА XXXIII. Какое средство от рогов дает врач Рондibiliс	264
ГЛАВА XXXIV. Как женщин обыкновенно влечет к себе все запретное	266
ГЛАВА XXXV. Как Трульоган, философ, смотрит на трудности брачной жизни	268
ГЛАВА XXXVI. Продолжение ответов Трульогана, философа эфетического и пирронического[231]	270
ГЛАВА XXXVII. Как Пантагрюэль убеждает Панурга посоветоваться с каким-нибудь юродивым	273
ГЛАВА XXXVIII. Как Пантагрюэль и Панург. толкуют насчет Трибулэ	275
ГЛАВА XXXIX. Как Пантагрюэль присутствует при суде Бридуа, который выносит приговоры на основании суммы очков на выбрасываемых костях	276
ГЛАВА XL. Как Бридуа излагает причины, почему он рассматривает все-таки дела до того, как решает их выбрасыванием костей	277
ГЛАВА XLI. Как Бридуа рассказывает историю про некоего посредника, улаживавшего тяжбы миром	278
ГЛАВА XLII. Как рождаются процессы, и как они постепенно совершенствуются	279
ГЛАВА XLIII. Как Пантагрюэль оправдывает Бридуа в том, что тот произносит приговоры, выбрасывая кости	280

ГЛАВА XLIV. Как Пантагрюэль рассказывает странную историю по поводу зыбкости человеческих суждений и приговоров	281
ГЛАВА XLV. Как Панург советуется с Трибулэ	283
ГЛАВА XLVI. Как Пантагрюэль и Панург толкуют по-разному слова Трибулэ	285
ГЛАВА XLVII. Пантагрюэль и Панург решают посетить оракул Божественной Бутылки	286
ГЛАВА XLVIII. Как Гаргантюа доказывает, что дети не должны вступать в брак без ведома и согласия родителей	288
ГЛАВА XLIX. Как Пантагрюэль делает приготовления к морскому путешествию, и о траве, названной пантагрюэльон	291
ГЛАВА L. Как следует готовить пантагрюэльон и в каком виде потреблять	292
ГЛАВА LI. Почему растение названо пантагрюэльон	294
ГЛАВА LII. Как известный вид пантагрюэльона не горит в огне	295
ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ И СКАЗАНИЙ ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ	297
ПРОЛОГ АВТОРА	298
ГЛАВА I. Как Пантагрюэль вышел в море, чтобы посетить оракула божественной Бакбюк	300
ГЛАВА II. Как Пантагрюэль купил множество прекрасных вещей на острове Медамоти	302
ГЛАВА III. Как Пантагрюэль получил письмо от своего отца Гаргантюа и об удивительном способе быстро узнавать новости из чужих и отдаленных стран	304
ГЛАВА IV. Как Пантагрюэль пишет своему отцу Гаргантюа и посылает ему несколько редкостных и очень красивых предметов	306
ГЛАВА V. Как Пантагрюэль встретил корабль с путешественниками, возвращающимися из Фонарии	307
ГЛАВА VI. Как после примирения Панург стал торговать у Дендено одного из его баранов	309
ГЛАВА VII. Продолжение торга между Панургом и Дендено	311
ГЛАВА VIII. Как Панург потопил в море купца и баранов	313
ГЛАВА IX. Как Пантагрюэль прибыл на остров Энназин, и о странных родственных связях между жителями этой страны	315
ГЛАВА X. Как Пантагрюэль сошел на острове Шэли, в котором правил король – святой Панигон	316
ГЛАВА XI. Почему монахи охотно пребывают в кухне	318
ГЛАВА XII. Как Пантагрюэль проехал Прокуратию, и о странном образе жизни сутяг	320
ГЛАВА XIII. Как господин де-Башэ нанимал себе людей по примеру мэтра Франсуа Вильона	322
ГЛАВА XIV. Продолжение избияния кляузников в доме де-Башэ	325
ГЛАВА XV. Кляузниками вводятся вновь старинные обычаи при обряде обручения	326
ГЛАВА XVI. Как брат Жан пробует натуру кляузников	327
ГЛАВА XVII. Как Пантагрюэль прошел острова Тогю и Богю, и о странной смерти Бренгнарилля, глотателя ветряных мельниц	329

ГЛАВА XVIII. Как Пантагрюэля застигла на море буря	331
ГЛАВА XIX. Как держались Панург и брат Жан во время бури	333
ГЛАВА XX. Как матросы покидают корабли, предоставляя их ярости бури	334
ГЛАВА XXI. Продолжение бури и короткий разговор о завещаниях, которые составляются на море	335
ГЛАВА XXII. Конец бури	336
ГЛАВА XXIII. Как по окончании бури Панург снова сделался славным парнем	338
ГЛАВА XXIV. Как брат Жан объявляет, что Панург без причины трусил во время бури	339
ГЛАВА XXV. Как после бури Пантагрюэль сошел на Макреоновы острова	340
ГЛАВА XXVI. Как добрый макроб рассказывает Пантагрюэлю про то, как жили и умирали герои	341
ГЛАВА XXVII. Как Пантагрюэль рассуждает об отходе душ героев и об ужасных чудесах, предшествовавших кончине покойного владельца Ланже	343
ГЛАВА XXVIII. Как Пантагрюэль рассказывает жалостную историю касательно кончины героев	344
ГЛАВА XXIX. Как Пантагрюэль прошел остров Тапинуа, где царствовал Каремпренан	345
ГЛАВА XXX. Как Каремпренан анатомируется и описывается Ксеноманом	347
ГЛАВА XXXI. Анатомия внешних органов Каремпренана	348
ГЛАВА XXXII. Продолжение описания Каремпренана	349
ГЛАВА XXXIII. Как Пантагрюэль заметил чудовищного кита близ острова Фаруш	350
ГЛАВА XXXIV. Как Пантагрюэль поразил чудовищного кита	351
ГЛАВА XXXV. Как Пантагрюэль сошел на остров Фаруш, древнее обиталище Колбас	353
ГЛАВА XXXVI. Как свирепые Колбасы устроили засаду против Пантагрюэля	355
ГЛАВА XXXVII. Как Пантагрюэль послал за капитанами Рифль-андуем и Тайль-буденом, и о замечательной речи его относительно имен, мест и лиц	357
ГЛАВА XXXVIII. Почему люди не должны презирать Колбас	358
ГЛАВА XXXIX. Как брат Жан заключает союз с поварами для предстоящей битвы с Колбасами	359
ГЛАВА XL. Как брат Жан воздвигнул свинью и спрятал в нее поваров	360
ГЛАВА XLI. Как Пантагрюэль сокрушил Колбас	361
ГЛАВА XLII. Как Пантагрюэль вел переговоры с королевою Колбас Нифлезэт	363
ГЛАВА XLIII. Как Пантагрюэль высадился на острове Руах	364
ГЛАВА XLIV. Как малые дожди прекращают большие ветры[260]	365
ГЛАВА XLV. Как Пантагрюэль высадился на Острове Папефигов	366

ГЛАВА XLVI. Как чертенок был обманут папефигом-пахарем	368
ГЛАВА XLVII. Как черт был обманут старухой папефигой	369
ГЛАВА XLVIII. Как Пантагрюэль высадился на Острове Папиманов	370
ГЛАВА XLIX. Как Гоменац, епископ папиманский, показывал нам упавшие с небес декреталии	372
ГЛАВА L. Как Гоменац показал нам первообраз папы	374
ГЛАВА LI. Беседа во славу декреталий во время обеда	376
ГЛАВА LII. Продолжение беседы о чудесах, совершенных декреталиями	377
ГЛАВА LIII. Как силою святых декреталий золото из Франции тонким способом извлекается в Рим	380
ГЛАВА LIV. Как Гоменац подарил Пантагрюэлю груши доброго христианина	381
ГЛАВА LV. Как Пантагрюэль в открытом море услышал разные оттаявшие слова	382
ГЛАВА LVI. Как среди замерзших слов Пантагрюэль нашел непристойности	384
ГЛАВА LVII. Как Пантагрюэль причалил к обители г-на Гастэра, первого в мире магистра искусств	385
ГЛАВА LVIII. Как при дворе хитроумного магистра Пантагрюэлю показались отвратительными энгастримиты и гастролатры	387
ГЛАВА LIX. О смешной статуе «Мандуке» и о том, как и что приносят в жертву гастролатры своему богу – Чреву всемогущему	389
ГЛАВА LX. Как в постные дни ублажали своего бога гастролатры	391
ГЛАВА LXI. Как Гастэр изобрел способы получать и сохранять зерно	392
ГЛАВА LXII. Как Гастэр изобрел искусство не быть раненым пушечными выстрелами	393
ГЛАВА LXIII. Как Пантагрюэль заснул вблизи острова Канэфа, и о задачах, предложенных ему на разрешение при его пробуждении	394
ГЛАВА LXIV. Как Пантагрюэль оставил без ответа предложенные ему на разрешение задачи	396
ГЛАВА LXV. Как Пантагрюэль со своими приближенными повышает погоду	398
ГЛАВА LXVI. Как близ острова Ганабэна, по приказанию Пантагрюэля, музы были встречены приветствием	400
ГЛАВА LXVII. Как Панург обделался от страха и большого кота Родилардуса принял за дьяволенка	402
ПЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ И СКАЗАНИЙ ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ	404
ПРОЛОГ АВТОРА	404
ГЛАВА I. Как Пантагрюэль прибыл на Остров Звучащий, и о шуме, который мы услышали там	405

ГЛАВА II. Как Остров Звучащий был населен ситицинами, которые стали птицами	407
ГЛАВА III. Как на Острове Звучащем есть только один папего	408
ГЛАВА IV. О том, что все птицы с Острова Звучащего – перелетные	409
ГЛАВА V. Как прожорливые птицы немы на Острове Звучащем	411
ГЛАВА VI. Как питались птицы Острова Звучащего	412
ГЛАВА VII. Как Панург рассказывает церковному сторожу притчу о жеребце и осле	413
ГЛАВА VIII. Как нам с великими трудностями был показан папего	416
ГЛАВА IX. Как мы пристали к Острову Железных Изделий	418
ГЛАВА X. Как Пантагрюэль прибыл на остров Кассаду	419
ГЛАВА XI. Как мы проплыли мимо застенка, где обитает Грипмино, эрцгерцог Пушистых Котов	420
ГЛАВА XII. Как Грипмино предложил нам загадку	422
ГЛАВА XIII. Как Панург объясняет загадку Грипмино	424
ГЛАВА XIV. Как Пушистые Коты живут взяткой	426
ГЛАВА XV. Брат Жан решает покончить с Пушистыми Котами	427
ГЛАВА XVI. Как Пантагрюэль прибыл на Остров Апедефтов с длинными пальцами и крючковатыми руками, и о страшных приключениях и о чудовищах, которых он там видел	429
ГЛАВА XVII	430
ГЛАВА XVIII. Как наш корабль сел на мель, и как мы были спасены путниками, плившими из Квинты	431
ГЛАВА XIX. Как мы прибыли в царство Квинтэссенции, именуемое Энтелехией	433
ГЛАВА XX. Как Квинтэссенция лечила больных песнями	434
ГЛАВА XXI. Как королева проводила время после обеда	436
ГЛАВА XXII. Как чиновники Квинтэссенции упражнялись в различных вещах, и как королева удержала нас в должности абстракторов	438
ГЛАВА XXIII. Как королеве был подан ужин, и как она ела	440
ГЛАВА XXIV. Как в присутствии Квинты был дан веселый бал в виде турнира	441
ГЛАВА XXV. Как сражаются тридцать два участника бала	443
ГЛАВА XXVI. Как мы сошли на остров Годос, на котором дороги ходят	446
ГЛАВА XXVII. Как мы прошли Остров Сандалий, и об ордене братьев-фредонов	447
ГЛАВА XXVIII. Как Панург, расспрашивая одного брата-фредона, получал от него только односложные ответы	450
ГЛАВА XXIX. Как Эпистемону не нравится установление поста	454
ГЛАВА XXX. Как мы посетили Атласную страну	456
ГЛАВА XXXI. Как в Атласной стране мы видали Наслышку, содержавшего свидетельскую школу	457
ГЛАВА XXXII. Как мы открыли Фонарную страну. Как мы сошли в Порту Светящихся Рыб и вступили в Фонарию	459
ГЛАВА XXXIII. Что подавали на ужин дамам Фонарии	460

ГЛАВА XXXIV. Как мы прибыли к оракулу Бутылки	461
ГЛАВА XXXV. Как мы спустились под землю, чтобы войти в храм Бутылки, и почему Шинон – первый город в мире	463
ГЛАВА XXXVI. Как мы спустились по четверичным лестницам, и об испуге Панурга	465
ГЛАВА XXXVII. Как двери храма удивительным образом приотворились сами	467
ГЛАВА XXXVIII. Как пол храма был вымощен удивительными эмблемами	469
ГЛАВА XXXIX. Как в мозаике храма была изображена выигранная Бахусом у индийцев битва	470
ГЛАВА XL. Какими эмблемами была изображена битва Бахуса с индийцами	471
ГЛАВА XLI. Как храм освещался чудесною лампой	472
ГЛАВА XLII. Как верховная жрица Бакбюк показала нам в храме фантастический фонтан, и как вода фонтана принимала вкус вина, в зависимости от воображения пивших	473
ГЛАВА XLIII. Как Бакбюк нарядила Панурга, чтобы тот услышал слово Бутылки	476
ГЛАВА XLIV. Как верховная жрица Бакбюк представила Панурга Божественной Бутылке	477
ГЛАВА XLV. Как Бакбюк истолковала ответ Бутылки	478
ГЛАВА XLVI. Как Панург и другие сочиняют стихи в поэтическом неистовстве	479
ГЛАВА XLVII. Как, попросившись с Бакбюк, покинули оракул Божественной Бутылки	480

Франсуа Рабле
ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ

**ПОВЕСТЬ ОБ УЖАСАЮЩЕЙ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО
ГАРГАНТЮА, ОТЦА ПАНТАГРЮЭЛЯ, НЕКОГДА СОЧИНЕННАЯ
МАГИСТРОМ АЛЬКОФРИБАСОМ НАЗЬЕ, ИЗВЛЕКАТЕЛЕМ
КВИНТЭССЕНЦИИ КНИГА, ПОЛНАЯ ПАНТАГРЮЭЛИЗМА**

1542 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Вы, кто прочтете эту книгу, знайте,
Что от нее в восторг вы не придете,
Но и краснеть себя не принуждайте —
Ни зла, ни яда в ней вы не найдете.
Ее вы руководством не считайте,
– Пожалуй, только в области смешного
(Мне не придумать ничего иного).
Я вижу, горе вас угрозой давит,
Так пусть же смех, не слезы, сказ мой славит
Смех людям свойственней всего другого.*

ПРОЛОГ АВТОРА

Блистательнейшие из пьяниц и вы, изысканнейшие из венериков (ибо вам, а не кому другому, посвящаются мои писания)! Алкивиад в диалоге Платона, под названием «Пир», восхваляя своего наставника Сократа, бесспорного князя философов, между прочим говорит, что он похож на Силену. Силенами назывались когда-то ларчики в роде тех, что мы ныне встречаем в лавках аптекарей: сверху нарисованы всякие веселые и игривые изображения – в роде гарпий, сатиров, гусей с уздечкой, зайцев с рогами, уток под выюком, козлов с крылами, оленей в упряжке – и другие такие картинки, придуманные, чтобы возбуждать смех у людей (таков был Силен, учитель доброго Бахуса). Но внутри этих ларчиков сберегали тонкие снадобья: мяту, амбру, амом, мускус, цибет; порошки из драгоценных камней и другие вещи. Вот таков-то, говорят, был и Сократ, потому что, взглянув снаружи и судя по внешности, вы за него не дали бы и луковицы, – так некрасив он был телом и так смешон манерами: нос острый, взгляд быка, лицо дурака; в привычках простой; в грубой одежде; бедный имуществом; несчастливый в женщинах; не способный ни к какой службе; всегда смеющийся, всегда выпивающий, как и всякий другой; всегда насмешливый, всегда скрывающий свое божественное знание. Но откройте этот ларец – и найдете внутри небесное, неоценимое снадобье: разумение более чем человеческое, добродетели изумительные, мужество непобедимое, трезвость несравненную, довольство стойкое, уверенность совершенную, презрение невероятное ко всему, из-за чего люди столько заботятся, бегают, работают, плавают и воюют.

К чему, по вашему мнению, ведет это предисловие и предварение? А к тому, что вы, мои добрые ученики и прочие бездельники, читая веселые заголовки некоторых книг нашего сочинения, как-то: «Гаргантюа», «Пантагрюэль», «Феспент»¹, «О достоинствах гульфиков»², «Горошек в сале» с комментарием, и т. д., слишком легкомысленно судите, будто в этих книгах только и трактуется о нелепостях, глупостях и веселых небылицах, потому что по внешнему признаку (то есть по заголовку), не поискав, что будет дальше, обычно начинаете смеяться и потешаться. Но с таким легкомыслием не подобает судить человеческие творения.

Ведь сами вы говорите, что платье не делает монахом, и что иной хоть и в монашеском платье, а меньше всего монах, – другой и в испанском плаще, а по своей храбрости далек от испанца. Вот почему следует раскрыть книгу и старательно взвесить, что в ней выводится. Тогда вы узнаете, что снадобье, в ней содержимое, совсем другого качества, чем обещал ларец, – то есть, что предметы, в нем трактуемые, совсем не столь глупы, как утверждается в заглавии.

А в случае, если вы даже найдете в буквальном смысле вещи забавные, вполне соответствующие названию, – все-таки не нужно останавливаться на этом, как при пении сирен, а в высшем смысле толковать то, что считаете сказанным в сердечной радости.

Случалось вам когда-нибудь откупоривать бутылку? Черт возьми! Припомните удовольствие, которое вы получали при этом.

А видели вы когда-нибудь собаку, нашедшую мозговую кость? Это, как говорил Платон (см. кн. 2-ю «О государстве»), самое философское в мире животное. Если вы видели, вы могли заметить, с каким благоговением она ее сторожит, с какой заботой охраняет, с каким жаром ее держит, как осторожно раскусывает, с какой любовью разгрызает, как тщательно высасывает. Что заставляет ее делать это? На что она надеется от своих стараний? Какого блага ждет она?

¹ «Хлеши водку» (пьяница).

² По-французски «braguette». Так назывался клапан, или, скорее, футляр, имевший назначением скрывать половой орган. Он прикреплялся к верхней части панталон посредством булавок, или пуговиц, или даже дорожных брошек. Франты того времени клали туда, как в карман, кошельки, носовые платки, фрукты и т. п. Ношение гульфика прекратилось в конце XVI века.

Ничего, кроме капельки мозга. Правда, что эта капелька слаще, чем многое другое, ибо мозг есть пища, в совершенстве приготовленная природой, как говорит Гален (см. гл. III «Прирожд. способн.», и XI – «Употр. част.»).

По примеру сей собаки, нужно быть мудрыми, чтобы уметь вынюхать, прочувствовать и оценить эти прекрасные книги высокого вкуса, нужно быть легкими в преследовании, смелыми в нападении, потом, тщательно читая и постоянно размышляя, разломать кость, высосать оттуда мозговую субстанцию, – то есть то, что я разумею под этими пифагорейскими символами, – в верной надежде сделаться благодаря чтению и благоразумнее и сильнее; ибо в нем найдете вы удовольствие особого рода и учение более сокровенное, которое раскроет перед вами высочайшие таинства и страшные мистерии – как в том, что касается нашей религии, так и в области политики и экономики.

Верите ли вы, что Гомер, некогда написавший «Илиаду» и «Одиссею», думал о тех аллегориях, что выискали там Плутарх, Гераклит, Понтик, Евстатий и Форнунт, и что Полициан у них украл?

Если верите, то вы ни на фут, ни на локоть не приближаетесь к моему мнению, согласно которому Гомер так же мало думал об этих аллегориях, как Овидий в своих «Метаморфозах» о таинствах евангелия, что брат Любен³, истинный лизоблюд, силился бы доказать, если бы встретил олухов вроде себя, или, как говорится в поговорке, нашел бы крышку по котлу.

Если не верите, то есть ли причина, по которой вам не поступить бы так же и с этими веселыми новыми повествованиями, хотя, диктуя их, я не думал об «этом больше, чем вы, которые, пожалуй, умеете выпить, как я? Ибо на сочинение знатной этой книги я не потерял и не употребил иного времени, чем то, которое положено для принятия моей трапезы, то есть еды и питья. Это самое подходящее время для писания о таких высоких материях и глубоких учениях, как умел делать Гомер, образец всех филологов, и Энний, отец латинских поэтов, как об этом свидетельствует Гораций, хотя какой-то невежда выразился, что от его стихов больше пахнет вином, чем елеем.

Какой-то оборванец говорит то же и о моих книгах; ну и черт с ним! Запах вина, – сколь он вкуснее, веселее и ценнее, нежнее и небеснее, чем запах елея! И я так же буду гордиться, когда обо мне скажут, что на вино я тратил больше, чем на масло, – как Демосфен гордился, когда про него говорили, что он на масло тратил больше, чем на вино. Мне только честь и слава, если про меня говорят, что я хороший товарищ и собутыльник; и при такой славе я всегда желанный гость во всякой хорошей компании пантагрюэлистов. Демосфена один придира упрекнул, что от его речей пахнет как от фартука грязного торговца маслом. Однако прошу истолковывать поступки мои и речи в лучшую для них сторону, имейте уважение к сыровидному моему мозгу, который питает вас этими милыми пусячками, и, сколько можете, поддерживайте мое веселое настроение.

Итак, забавляйтесь, друзья, веселитесь, читая, – телу на удовольствие и почкам на пользу! Только слушайте, бездельники, – не забудьте за меня выпить, а уж за мной дело не станет.

³ Англичанин Т. Уоллиз, доминиканский монах, автор нравственных толкований Овидиевых «Метаморфоз» (Париж, 1509).

ГЛАВА I. О происхождении и древности рода Гаргантюа

Я отсылаю вас к великой Пантагрюэльской хронике для ознакомления с происхождением и древностью рода, от коего произошел наш Гаргантюа. Из нее вы более пространно узнаете, как первые великаны зародились на этом свете и каким образом по прямой линии от них произошел отец Пантагрюэля, Гаргантюа; вы не сердитесь, если я теперь отклонюсь от этой истории, хотя она такова, что чем чаще ее вспоминать, тем она больше будет нравиться вашим милостям. Это подтверждено авторитетом Платона в «Филебе» и «Горгии», а также Флакка, который говорит, что есть такие вещи (таковы, без сомнения, и мои), которые тем усладительнее, чем чаще их повторяют.

Дай бог, чтобы каждый знал с такою достоверностью свою генеалогию от Ноева ковчега до наших дней! Думаю, что сейчас много на земле императоров, королей, герцогов, князей и пап, произошедших от каких-нибудь продавцов индульгенций и носильщиков корзин, и, наоборот, немало больных и жалких нищих в странноприимных домах ведут свое происхождение по прямой линии от великих королей и императоров, если принять во внимание изумительный закон смены великих империй:

От ассириян к мидянам,
От мидян к персам,
От персов к македонянам,
От македонян к римлянам,
От римлян к грекам,
От греков к французам.

И вот, чтобы дать вам представление о себе, я полагаю, что происхожу от какого-нибудь богатого короля или принца давнопрошедших времен, потому что вы никогда не видели человека, который сильнее меня желал бы быть королем и богачом, чтобы задавать пиры, не работать, ни о чем не заботиться, а делать богатыми своих друзей и всех достойных и ученых людей. Но меня утешает то обстоятельство, что на том свете я буду таким, и даже больше, чем сейчас я дерзал бы желать. Утешайте и вы себя в несчастье такими же или лучшими мыслями и пейте на здоровье, если пьется.

Возвращаясь к нашим баранам, скажу вам, что вышняя милость не сберегла для нас генеалогии Гаргантюа с древнейших времен в более полном виде, чем чьей-либо другой, кроме мессии, о которой я не говорю, потому что это меня не касается, да и черти, то есть клеветники и лицемеры, противятся этому. Эта генеалогия была найдена Жаном Одо на лугу, которым он владел, близ Голо, что пониже Олив, по направлению к Нарсэ. Роя по его приказу канавы, землекопы наткнулись мотыками на обширный бронзовый склеп бесконечной длины, ибо конца его и не нашли, потому что он заходил далеко за шлюзы реки Вьенны. Вскрыв его в одном месте, отмеченном сверху кубком, вокруг которого шла надпись этрусскими буквами: «Здесь питье бывает» («Nis bibitur»), нашли девять фляг в таком порядке, как ставят гасконские кегли. Средняя из них прикрывала толстую, жирную, большую, серую, красивую, маленькую, покрытую плесенью книжку, пахнущую сильнее, но не лучше, чем роза.

В книжке была найдена вышеупомянутая генеалогия, сплошь написанная канцелярским почерком, не на бумаге, не на пергаменте и не на вошеной дощечке, а на вязовой коре, настолько попорченной от старости, что едва можно было заметить следы букв.

Я, хотя и недостойный, был вызван туда, и с помощью очков, приложив искусство чтения невидимых букв, как учит Аристотель, разобрал их все, как вы сами сможете увидеть, пантагрюэльствуя, то есть в меру выпивая, и читая про ужасающие подвиги Пантагрюэля. В конце книги находился небольшой трактат, озаглавленный «Противоядие от безделья». Крысы, тараканы или (чтобы не соврать) другие зловредные животные отгрызли начало истории. Остальное же прилагаю здесь, из уважения к древности документа.

ГЛАВА II

Здесь приводится стихотворение в 112 строк, заполняющее всю главу, очень сложное по конструкции и темное по смыслу.

ГЛАВА III. Как Гаргантюа одиннадцать месяцев пребывал во чреве матери

В свое время Грангузье⁴ был большой весельчак, любивший выпить до дна, как и всякий человек в то время, и закусить чем-нибудь соленым. Для этого у него обыкновенно хранился большой запас окороков, и майнцских и байоннских, порядочно копченых бычьих языков, множество колбас, по сезону, и солонины с горчицей, подкрепление в виде икры, сосисок, не булонских (потому что он боялся ломбардских пилюль), но из Бигорры, Лонконэ, Брэнны и Руарги. Уже в зрелом возрасте он женился на Гаргамели, дочери короля парпальонов, красивой и здоровой девице, и часто вдвоем они изображали животное о двух спинах и весело терлись друг о друга, так что жена зачала превосходного сына и носила его до одиннадцатого месяца. Ведь женщины могут носить во чреве такой срок и даже больше, особенно если это какая-нибудь выдающаяся личность, коей предстоит в свое время совершить героические подвиги; Гомер говорит, что младенец, которым наградил нимфу Нептун, родился по истечении года, т.-е. на двенадцатом месяце.

Ибо, как говорит в III книге Авл Геллий, величию Нептуна соответствовало столь продолжительное время, дабы этот младенец сформировался в совершенстве. По такой же причине Юпитер продлил до сорока восьми часов ночь, проведенную им с Алкменою; ибо в меньшее время не смог бы он выковать Геркулеса, очистившего мир от чудовищ и тиранов.

Гг. старшие пантагрюэлисты подтвердили сказанное мною и объявили не только возможным, но и законным ребенка, которого родит женщина на одиннадцатом месяце после смерти своего мужа.

См.:

Гиппократ, кн. «О кормлении».

Плиний, кн. VII, гл. V.

Плавт, In Cistellaria.

Марк Варон, в сатире «Завещание», со ссылкой на авторитет Аристотеля по этому вопросу.

Ценсоринус, «О дне рождения».

Аристотель, кн. VII, гл. 3 и 4 «О природе животных».

Геллий, кн. VII, гл. 16.

Сервий в своей эклоге приводит стих Вергилия: «Matri longa decem», etc. («Матери долгие десять», и т. д.).

И много других безумцев, число коих возрастет, если прибавим законников.

«О сыновьях собственных и законных, законом признаваемых», см. § 13 Дигесты.

А также:

«О восстановлении в правах родившегося на одиннадцатом месяце».

Сверх того, о том же нацарапали свой лукавый закон: Галл «О детях и потомках...» и в книге седьмой «О состоянии людей...», и некоторые другие, кого я теперь назвать не решаюсь.

Применяя такие законы, вдовушки могут вполне свободно предаваться вовсю любовным утехам целых два месяца после кончины супруга. Покорнейше прошу вас, добрые товарищи, если повстречаете таких, из-за которых стоит раздеться, действуйте и приводите ко мне. Ведь если они забеременеют на третьем месяце, то ребенок будет считаться наследником умершего, а раз забеременеют, то смело действуют дальше: дорога свободна, раз чрево полно.

⁴ Грангузье – значит: «с большой глоткой».

Юлия, дочь императора Октавиана, отдавалась своим барабанщикам только тогда, когда чувствовала себя беременной, подобно тому как и судно требует лоцмана не раньше, чем оно проконопачено и нагружено. А если кто упрекнет их за то, что они позволяют себя штопать во время беременности, имея в виду, что самки животных в таком положении ни в коем случае не подпустят самцов, они ответят, что одно дело – самки, а другое – женщины, которые превосходно понимают веселые привилегии «второзачатия».

ГЛАВА IV. Как Гаргамель, нося Гаргантюа, объелась потрохами

Каким образом и при каких обстоятельствах Гаргамель родила, – следует ниже, а если не верите, то пусть у вас кишка выпадет. У нее кишка выпала третьего февраля, после обеда, за которым Гаргамель съела слишком много потрохов⁵. Потроха – это внутренности откормленных волов, то есть таких волов, которые жиреют, кормясь в хлеву и на заливных лугах.

Таких именно жирных быков зарезали 367014 штук, с целью засолить их во вторник на первой неделе поста и иметь весной достаточный запас мяса по сезону, чтобы в начале обеда, помянув соленым получше выпить. Потрохов получилось, как сами понимаете, достаточно, и таких вкусных, что каждый пальчики облизывал. Но дьявольски плохо было то, что их нельзя было долго хранить, потому что они портились, а это скверная штука! Поэтому было решено пожрать все, чтобы ничего не пропало. Для этого пригласили всех жителей Сэннэ, Сюилье, Ла-Рош-Клермо, Вогодрэ, не оставили и Ле-Кудрэ, Монпансье, Ге-де-Вед и других соседей. Все это были мастера выпить, добрые товарищи прекрасные игроки в кегли. Добряк Грангузье получил от этого превеликое удовольствие и приказал, чтобы всего было вдоволь.

Все-таки он говорил жене, чтобы та ела поменьше, в виду приближения срока, и что эти потроха не очень-то хорошая еда. «Кто ест кишки, – говорил он, – захочет попробовать и того, что в них». Невзирая на эти предостережения, Гаргамель съела этих кишок шестнадцать больших бочек, две малых, да шесть горшков. Зато и раздулись кишки у ней.

⁵ Выпадение кишки было следствием беременности и того, что Гаргамель объелась. Здесь сказывается в авторе его профессия – врача.

А после обеда все гурьбою повалили в Сольсэ и там на густой траве плясали под звуки веселых флажолетов и нежных волынок, – так весело, что прямо небесное удовольствие было смотреть, как они забавлялись.

ГЛАВА V. Разговоры пьянчужек

Довольно бессвязные речи, местный колорит которых мало интересен; к развитию повести глава не имеет отношения.

ГЛАВА VI. Каким странным образом родился Гаргантюа

В то время как гости обменивались пьяными прибаутками, у Гаргамели начались боли в животе, и Грангузье поднялся с травы и честно принялся успокаивать ее, думая, что это родовые боли, и говоря ей, чтобы она прилегла на траву под ивами, и что скоро у нее отрастут новые ноги⁶; поэтому надо вооружиться новым мужеством, в ожидании появления крошки. Хотя боль будет и очень неприятная, но она не долго продлится; зато радость, что придет ей на смену, уничтожит горечь боли, так что даже и воспоминания о ней не останутся.

– Я докажу тебе это, – говорил он. – В евангелии от Иоанна, гл. XVI, наш спаситель говорит: «Женщина, когда рождает, скорбит, но когда родит младенца, о скорби своей забывает».

– О, – сказала она, – вы хорошо говорите, и я предпочитаю слушать такие евангельские тексты: мне они гораздо приятнее, чем житие святой Маргариты или другие ханжеские жития⁷.

– Не бойся, моя ярочка, поспеши с этим, а там скоро сделаем другого.

– О, – сказала она, – вам, мужчинам, легко говорить, с божьей помощью я уж потружусь ради тебя. Но дал бы бог, чтобы вам его отрезали.

– Что? – сказал Грангузье.

– О, – сказала она, – как вы простодушны! Вы отлично понимаете.

– Ну, если вам угодно, велите принести нож.

– Нет, – сказала она, – не дай бог! Прости меня, господи! Я ведь так только сболтнула, не придавайте моим словам значения. Но мне сегодня придется помучиться, если бог не поможет, и все ведь из-за вашего удовольствия...

– Мужайтесь, милая! – сказал он. – Не беспокойтесь ни о чем; главное уже сделано. Пойду выпью еще чего-нибудь. Если в это время вам будет больно, я буду близко. Хлопните в ладоши, я сейчас прибегу.

Немного погодя Гаргамель начала вздыхать и жалобно кричать. Тотчас гурьбою сбежались отовсюду повитухи и, ощупывая ее снизу, нашли обрывки какой-то кожи прескверного запаха, – и они подумали, что это ребенок, но это была прямая кишка, которая у нее выпала благодаря ослаблению, происшедшему оттого, что она, как сказано выше, объелась потрохами.

Поэтому одна препоганая старуха-бабка, пользовавшаяся славой великой лекарки, выселившаяся из Бризпайля, близ Сен-Жену, лет за шестьдесят до того, дала роженице такого средства от поноса, что у той закупорились и стянулись кишки, так что (страшно подумать!) их едва ли смогли бы растянуть даже зубами, хотя на мессе святого Мартина⁸ дьявол зубами сумел хорошо вытянуть даже пергамент, на котором записывали болтовню куртизанок.

Благодаря этому печальному случаю получилась вялость матки; ребенок проскочил по семяпроводам в полую вену и, вскарабкавшись по диафрагме до плеч, где вена раздваивается, повернул налево и вылез через левое ухо.

Едва родившись, он не закричал, как другие младенцы: «Уа!», но громким голосом заорал: «Пить, пить, пить!» – будто всех приглашал выпить.

Я подозреваю, что вы не верите такому странному рождению. Если не верите, мне дела нет; но порядочный и здравомыслящий человек верит во все, что ему говорят и что написано.

⁶ Намек на родившегося ребенка.

⁷ Был обычай читать роженицам вслух житие св. Маргариты.

⁸ Популярный в средние века святой. Раблэ намекает на запись исповедей во время мессы подслушивавшими их агентами одного из французских королей, который (через болтовню придворных дам – «куртизанок») желал уличить свою жену в неверности.

См. «Притчи Соломоновы», гл. XIV: «Невинный верит каждому глаголу»; св. апостола Павла «Первое послание к коринфянам», гл. XIII: «Милостивец верит всякому». Почему же вы не верите? Никакой видимости правды, – скажете вы. Я же вам скажу, что именно по этой самой причине вы должны верить совершенною верою: ибо сорбонисты говорят, что вера есть «вещей обличение невидимых».

Разве противоречит этот случай нашей религии, закону, разуму и священному писанию? Что до меня, я не нахожу в святой библии ничего, что бы противоречило этому. Но если бог так хотел, то ведь не скажете же вы, что он не мог этого сделать? О, прошу вас, никогда не смущайте своей души подобными суетными мыслями; ибо, говорю вам, для бога нет ничего невозможного, и если бы он захотел, то все женщины рожали бы детей через уши. Разве не родился Вакх из бедра Юпитера? Роктальяд – из пятки своей матери? Крокмуш – из туфли кормилицы? Разве Минерва не родилась через ухо из Юпитерова мозга? А Адонис – из коры миррового дерева? Кастор и Поллукс – из яйца, снесенного Ледой? Но вы еще более были бы поражены и изумлены, если бы я сейчас целиком прочитал вам главу из Плиния, в которой говорится о странных и противоестественных случаях рождения. А я, во всяком случае, не такой самоуверенный вун, каким был он. Почитайте седьмую книгу его «Натуральной истории», глава III, и не морочьте мне голову.

ГЛАВА VII. Как Гаргантюа был наречен своим именем, и как он принялся тянуть вино

Добряк Грангузье, развлекаясь и бражничая с другими, услышал страшный крик, который испустил его сын, выходя на этот свет: «Пи-ить, пи-ить, пи-ить!»

– Ну и здоровая же у тебя (подразумевая глотку), – сказал он. – «Que grand tu as!»

Присутствовавшие, услышав это, сказали, что ребенок должен получить имя «Гаргантюа», по первому слову, сказанному отцом при его рождении, – в подражание и по примеру древних евреев. На это согласился отец, и матери имя очень понравилось. А чтобы успокоить младенца, ему дали вдоволь выпить вина, снесли в купель и окрестили по доброму христианскому обычаю.

Затем из Потиль и Брээмон было назначено 17 913 коров, чтобы кормить его молоком; ибо во всей стране нельзя было найти достаточно молочной кормилицы, сообразуясь с тем большим количеством молока, потребного для его питания; хотя иные врачи из скоттистов⁹ и утверждали, что выкормила Гаргантюа его мать и что она могла извлечь из своих сосцов 1402 пипы¹⁰ и девять горшков молока за один раз, что неправдоподобно, и такое предположение было объявлено скандальным для сосцов, оскорбительным для благочестивых ушей и отдающим ересью.

Такое положение продолжалось год и десять месяцев, и с той поры, по совету врачей, его начали вывозить, для чего была приготовлена прелестная колясочка, с быками в упряжке, изобретенная некоим Жаном Денио. В этой коляске младенца весело катали туда и сюда, и приятно на него было смотреть, потому что у него было славное личико, чуть ли не восемнадцать подбородков, и кричал он очень редко; но пачкался ежечасно, и он был удивительным флегматиком в отношении стула как по своей натуральной комплекции, так и от случайных обстоятельств, а именно – от чрезмерного пристрастия к соске с сентябрьским соком¹¹.

Впрочем, он и капли не пил без причины, потому что, когда он был раздосадован, рассержен или огорчен, если он топал ногами, плакал или кричал, тогда, дав ему выпить, его приводили в чувство, и он опять был спокоен и весел.

Одна из его нянюшек говорила мне, клятвенно подтверждая это, что он настолько привык к этому обычаю, что при одном звоне пинт и фляг приходил в экстаз, как будто предвкушая радость рая. Поэтому все нянюшки, из уважения к этой божественной склонности, чтобы развеселить его, поутру стучали ножами по стаканам, или же пробками по бутылкам, или, наконец, крышками по кружкам, и при этих звуках он радовался, весь дрожал, и сам, покачивая головой, качался в люльке, наигрывая пальцами и баритонально попукивая.

⁹ Последователи шотландского врача Duns Scott.

¹⁰ Пипа – старинная мера жидкости, равнявшаяся двум бочкам (около 400 литров).

¹¹ т.-е. вино из винограда, выжатого в сентябре.

ГЛАВА VIII. Как одели Гаргантюа

В этом же возрасте для ребенка были заказаны отцом одежды фамильных цветов: голубого с белым. Над ними потрудились, и они были скроены и сшиты по тогдашней моде. В древних актах, сохранившихся в счетной палате, я нахожу, что он был одет нижеследующим образом: На рубашку его пошло 900 локтей полотна Шательро, и еще двести на квадратные ластовки, которые подшили под мышками. Рубашка была без сборок, потому что рубашки в сборку изобретены были только когда белошвейки, поломав кончики иглоков, стали работать другим концом. Для куртки взяли 813 локтей белого атласа, а для шнуровки 1 509,5 собачьих шкурок: в это время как раз стали прикреплять штаны к куртке, а не куртку к штанам; ибо последнее, как подробно доказал Оккам в примечаниях к трудам Отшоссада¹², противоестественно.

На штаны взяли 1 105,5 локтей белой шерстяной материи; скроили их в форме колонн, с ложбинками и выемками на заду, дабы не разгорячать почек. Насколько было нужно, снизу был подпущен клином голубой дамасский шелк. Заметьте, что ляжки у мальчика были сами по себе очень красивые и вполне пропорциональны всему росту.

¹² Оккам – известный схоласт XIII в.; Отшоссад (Haut-Chaussade) – мифический автор, фамилию которого Раблэ производит от «haut de chausse», что значит «штаны».

На гульфик его штанов пошло шестнадцать с четвертью локтей такого же сукна, при чем он был шит в виде дуги, живописно прикрепленной двумя красивыми пряжками с двумя эмалевыми крючками; в каждом из них был вправлен изумруд, величиной с апельсин.

Этому камню, по словам Орфея («Книга о камнях») и Плиния (см. «книгу последнюю»), свойственно возбуждать и укреплять естественный орган. Выступ гульфика – длиною локтя полтора – был подшит голубым шелком.

Глядя на все это красивое золотое шитье и изящное ювелирное плетенье, отделанное тонкими бриллиантами, рубинами, бирюзой, изумрудами и персидскими жемчугами, вы сравнили бы его с прелестным рогом изобилия, как вы видите на античных предметах, в роде тех, что богиня Реа подарила двум нимфам, Адрастее и Иде, вскормившим Юпитера. Рог изобилия – вечно нарядный, сочный, свежий, вечно зеленеющий, вечно цветущий, вечно плодоносящий, полный соков, полный цветов и плодов и всевозможных усад. Бог свидетель, он был великолепен, этот гульфик! Но я расскажу о нем гораздо больше в своей книге о «Достоинствах гульфиков». Об одном только скажу наперед: если гульфик был и длинен и широк, то и внутри был снабжен соответственно, и ничуть не походил на лицемерные гульфики повесприставал, наполненные только ветром, к великому ущербу для женского пола.

На его башмаки пошло 406 локтей ярко-голубого бархата; его тщательно разрезали на параллельные полосы и скрепили в виде одинаковых цилиндров. На подошвы для башмаков употребили 1100 шкурок соров темной масти, при чем носки скроили заостренными.

На камзол пошло 1800 локтей синего бархата, очень яркого, с выпитыми вокруг прелестными виноградными лозами, а посредине – с кружками из серебряной канители, перепутанными золотыми кольцами со множеством жемчуга. Этим хотели отметить, что в свое время он будет хорошим пьяницей.

Пояс ему сшили из 300,5 локтей шелковой саржи, наполовину белой и наполовину (если не ошибаюсь) голубой.

Шпага его была не из Валенсии, а кинжал – не из Сарагоссы, потому что его отец ненавидел всех этих омавританившихся, как чертей, пьяных идальго; но у него была прекрасная деревянная шпага и кинжал из смазной кожи, раскрашенные и позолоченные, как всякий бы захотел.

Кошелек его был сделан из слоновой кожи, подаренной ему гером Праконталем, ливийским проконсулом.

На его плащ пошло 9600, без двух третей, локтей синего бархата, затканного по диагонали золотыми фигурами. От этого при некоторых поворотах происходил невыразимый перелив цветов, в роде как на шее горлинки, что удивительно услаждало глаз смотрящего.

На шляпу пошло 302,25 локтя белого бархата; форма ее была широкая и круглая, по объему головы, потому что отец его говорил, что мавританские шляпы приносят несчастье своим бритоголовым владельцам.

Прекрасное голубое перо гигантской водяной птицы, имеющей голос осла, обитательницы пустынь Гиркании, свешивалось чрезвычайно элегантно в виде султана над правым ухом.

Кокарда его, из золотой дощечки, весившей 68 фунтов, имела соответствующее эмалированное изображение, на котором был представлен человек с двумя головами, обращенными друг к другу, с четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя задями, какова, как говорит Платон в «Пире», была природа человека при его мистическом возникновении. Вокруг этой фигуры шла надпись ионическими буквами:

Η ΑΓΑΠΗ ΟΥ ΖΗΤΕΙ ΤΑ ΕΑΥΤΗΣ

то есть: «Любовь не взыскует своя». См. ап. Павла «Первое послание к коринфянам» (гл. VIII).

Для ношения на шее у него была золотая цепь, весом в 25063 золотых марки¹³, сделанная в форме крупных ягод, между которыми висели толстые же драконы из зеленой яшмы, в золотом ореоле лучей и блесков, как когда-то носил Некепсос (египетский царь). Цепь эта спускалась до верха живота, благодаря чему Гаргантюа всю жизнь имел некоторые преимущества, известные греческим врачам.

Для перчаток были пущены в дело 16 кож с домовых, а для опушки их 3 вурдалачьих кожи. Из этого материала они были приготовлены по предписанию каббалистов из Сенлуанда. Из перстней у него были (отец его хотел, чтобы он их носил, чтобы восстановить признак древности своего происхождения): на указательном пальце левой руки – карбункул размером с страусовое яйцо, в тонко сделанной оправе из чистого золота. На безымянном пальце той же руки был перстень из чудесного, никогда еще не виданного сплава четырех металлов, сплава, в котором сталь не стирала золота, а серебро не затмевало меди. Все это было сделано капитаном Шапьюи и Алькофрибасом¹⁴, его поверенным. На безымянном пальце правой руки был перстень в форме спирали, и в нем были вправлены бледный рубин, остроконечный брилли-

¹³ Марка – весовая единица, около 25,0 граммов, ставшая уже в средние века, по примеру древнегреческого «таланта», единицею денежною, – крупной ценности (золотая) и менее крупной (серебряная).

¹⁴ Часть метаграммы: Rabelais Francois-Alcofribas Nasier.

ант и изумруд из Физона, стоимости неопенимой. Ибо Ганс Карвель, великий ювелир короля Мелинды, их ценил в 69 894 018 длинношерстных баранов¹⁵, во столько же ценил их Фурк из Аугсбурга¹⁶.

¹⁵ Золотая монета с изображением агнца.

¹⁶ Банкир, современный Раблэ.

ГЛАВА IX. Цвета и ливрея Гаргантюа

Цвета Гаргантюа были белый и голубой, как вы могли прочесть выше, и этим отец его хотел дать понять, что сын был для него небесной радостью, так как белый цвет означал для него радость, удовольствие, усладу и веселье, а голубой – нечто небесное. Я хорошо понимаю, что, читая эти слова, вы смеетесь над старым пьяницей и находите такое толкование цветов чересчур грубым и нелепым, и говорите, что белый цвет означает веру, а голубой – твердость. Однако ответьте мне, если вам будет угодно, без волнения, раздражения и горячки, а равно без извращения правды (время теперь опасное!). Никакого принуждения я не употреблю ни по отношению к вам, ни к кому бы то ни было другому; только скажу вам словечко о бутылке.

Кто так волнует вас? Кто вас колет? Кто вам сказал, что белый означает веру, а голубой – твердость? Некая, скажете, мхом поросшая книга, у офеней и бродячих торговцев продающаяся под названием «Гербовник цветов». Кто ее сочинил? Кто бы он ни был, но он поступил осторожно, не поставив своего имени. Впрочем, я не знаю, чему больше в нем удивиться: сомнению его или глупости. Сомнению, потому что он, без всякого основания и причины, своим личным авторитетом, осмелился предписывать, что обозначается цветами; таков обычай тиранов, которые желают, чтобы их произвол заменял рассудок, а не мудрых и ученых, которые удовлетворяют читателей убедительными доводами.

Его глупости, потому что он воображает, что без всяких доказательств и достаточных оснований люди будут располагать цвет своих девизов по его вздорным предписаниям.

Действительно (как говорит пословица: «навоз недалеко от того, кого слабит»), он нашел кое-кого из оставшихся простаков от времен высоких колпаков, что верят его писаниям, и по ним накроили изречений, сентенций и разукрасили сбруи своих ослов, одели пажей, сшили разноцветные штаны, вышили перчатки, сделали бахрому вокруг постелей, разрисовали свои гербы, сочинили песни и (что хуже) возвели исподтишка немало подлой клеветы на целомудренных матрон.

В таких же потемках совсем заблудились и придворные хвастуны и пустословы. Желая взять в качестве девиза надежду, они велят начертать одежду; разбитая банка идет вместо краха банка¹⁷, и так далее.

Все это такие неудачные, избитые, грубые и плоские омонимы, что надо бы пришивать лисий хвост к воротнику и надевать из коровьего золота маску на всякого, кто впредь будет пользоваться ими во Франции, после восстановления изящной литературы.

Совсем иначе поступали некогда египетские мудрецы, пользовавшиеся письменами, называвшимися «гиероглифы». Знаков этих никто не понимал, кому недоступны были свойства, особенности и природа вещей, изображавшихся ими. Об этом Горус Аполлон написал по-гречески две книги, а Полифил еще более пространное сочинение – «О любовных сновидениях»¹⁸. Во Франции вы имеете подобный отрывок в девизе г-на Адмирала, впервые принадлежавшем Октавиану Августу.

Но пусть парус мой не несет судна моего дальше между таких опасных стремнин и мелей: я возвращаюсь, чтобы войти в гавань, из которой вышел. Надеюсь, когда-нибудь пространней написать об этом и доказать как философическими доводами, так и путем ссылок на испытанные авторитеты, полученные от древности, какие есть в природе цвета, и сколько их, и что

¹⁷ В подлиннике целый ряд непередаваемых примеров игры слов, в роде: «lit sans ciel» кровать без полога) и «licencié» (лицензиат).

¹⁸ «Polyphilii» (Многолюбивого), «Hupnerotomachia» (Любовных снов борение) – произведение Франциска Колумна, издано первопечатником Альдом в 1449 г.

можно обозначать каждым из них, если только бог сохранит мою колодку для колпака, то есть горшок для вина, как называла моя бабушка.

ГЛАВА X. О том, что обозначают цвета белый и синий

В наполненной схоластическими рассуждениями, со ссылками на Аристотеля, Лоренцо Валла, священное писание и многие труды древних, главе автор доказывает, что белый цвет означает радость и веселье (как контраст траурному – черному) и т. д.

ГЛАВА XI. О юности Гаргантюа

С трех до пяти лет Гаргантюа воспитывали и кормили по всем подобающим правилам, согласно распоряжению его отца, и проводил он это время, как все маленькие дети в стране, а именно: пил, ел и спал, ел, спал и пил; спал, пил и ел.

Вечно валялся в грязи, марал себе нос, мазал лицо, стаптывал сапоги, ловил мух и любил гоняться за всеми мотыльками, подвластными его отцу. Мочил себе на башмаки, ходил в рубашку, сморкался в рукав, плевал в миску с супом, всюду шлепал по грязи, пил из туфли и тер себе живот корзиной. Зубы точил о колодку, руки мыл похлебкой, чесался стаканом, садился между двух стульев на землю задом, покрывался мокрым мешком, запивал суп водою, ел лепешки без хлеба, кусался смеясь и смеялся кусаясь, часто плевал в колодезь, от жирного пукал, мочился против солнца и дождя прятался в воду, ковал, когда остынет, сны видел пустые, ластился как кошка, обдирал лисицу, молился как мартышка, возвращался к своим баранам, в траве удил рыбу, ловил козлов отпущения, волам на хвост надевал хомут, чесался, где не скребло, совал нос, куда не спрашивали, пускал мыльные пузыри и строил воздушные замки, – словом, жизнь начал с одних наслаждений.

Что еще? Гонял лодыря, щекотал у себя подмышкой, на кухне над богами зубоскалил, «Величит душа моя» заставлял петь за утреней и находил, что так и следует. Ел капусту, а ходил пореем, ловил мух в молоке, обрывал мухам лапки, скоблил бумагу, марал пергамент, пешком ездил, в рюмочку заглядывал, рассчитывал без хозяина, черпал воду решетом, считал, что тучи на небе – пузыри, а звезды – плошки, с одного вола драл две шкуры, ловил журавлей в небе; попадал в цель с первого раза, как курочка клевал по зернышку, дареному коню всегда смотрел в зубы, перескакивал с петуха на осла, вал копал, а ров засыпал, стерег луну от волков, по одежке протягивал ножки, из топора суп варил, – и все ему было трын-трава. Отцовы щенки лакали из его тарелки, и он с ними. Он кусал их за уши, а они ему царапали нос. Он им дул в зад; они ему облизывали щеки¹⁹. И знаете что, дети мои? Забери вас белая горячка! Этот маленький блудня щупал своих нянюшек сверху и снизу, сзади и спереди, – только поворачивайся, – и уж начинал пускать в дело гульфик, который его нянюшки ежедневно украшали букетами, лентами, красивыми цветами, красивыми кистями и развлекались тем, что мяли в руках, как палочку из пластыря, и потом хохотали, когда он подымал уши, как будто игра ему нравилась. Одна называла его втулочкой, другая – коралловой веточкой, третья – пробочкой, затычкой, живчиком, пружинкой, буравчиком, подвесочкой, маленькой колбаской красненькой и т. п.

¹⁹ Непереводимая игра слов: «trepeļu» (заросший) и «trīs reu lū» (весьма мало читаемый).

- Он – мой, – говорила одна.
- Нет, мой, – говорила другая.
- А мне ничего не остается, – вмешивалась третья. – Ну, так я его отрежу.
- Как отрезать? Но вы ведь ему больно сделаете, сударыня! Детей калечить! Будет господин бесхвостый!

Для того чтобы он мог забавляться, как и все дети его возраста, ему сделали отличную вертушку с крыльями от большой ветряной мельницы в Мирбалэ.

ГЛАВА XII. Об игрушечных лошадках Гаргантюа

Потом, чтобы всю свою жизнь он был хорошим наездником, ему сделали красивую большую деревянную лошадь, которую он заставлял бить копытами землю, скакать, гарцовать, брыкаться и танцовать – все вместе, ходить шагом, рысью, галопом, иноходью и, на шотландский манер, во весь карьер, и по-ослиному, и по-верблюжьему, и заставлял ее менять масть (как монахи меняют стихари соответственно праздникам): она была то гнедой, то рыжей, то серой в яблоках, то мышьиной, вороной, караковой, чалой, пегой, соловой, бурой, буланой.

Сам он из толстого бревна сделал себе коня для охоты, другого – из балки от давилного чана – на каждый день; а из большого дуба сделал себе мула с попоной – для комнаты. Было у него с десятков или с дюжину лошадей для подставки и семь почтовых. Всех он укладывал с собою. Однажды г-н Пэнансак с пышною свитою посетил его отца в тот день, когда приехали повидаться с ним герцог де-Франрепа и граф де-Муйеван. Ей-богу, помещение оказалось тесноватым для такого множества людей, – особенно конюшни; поэтому дворецкий и конюший названного сеньора Пэнансака, чтобы узнать, нет ли в доме где еще пустых стойл, обратились к юному Гаргантюа, спрашивая его по секрету, где стойла для больших коней, и полагая, что дети охотно все откроют.

Тогда он повел их по большой лестнице замка, провел через вторую залу в главную галерею, через которую они вошли в просторную башню, и когда они подымались по ступеням, конюший сказал дворецкому:

– Этот ребенок нас обманывает: конюшен никогда не бывает в верхних этажах.

– О, – сказал дворецкий, – вы плохо понимаете дело, потому что знаю многие места в Лионе, Баметт и Шеноне, и другие, где конюшни устроены на самом верху. Может быть, сзади есть выход для посадки. Впрочем, я спрошу его для верности.

И он спросил у Гаргантюа:

– Куда, мальчик, вы нас ведете?

– В конюшню, – ответил тот, – где стоят мои большие лошади. Мы сейчас придем туда, поднимемся только по этой лестнице.

Потом, проведя их через другую большую залу, он привел их в свою комнату и, открывая дверь, сказал:

– Вот конюшни, о которых вы спрашивали: вот мой испанский жеребец, вот венгерский, вот мой лаведанский, вот мой иноходец. – Вручая им какой-то рычаг, он сказал: – Дарю вам этого фризского скакуна; я получил его из Франкфурта, но он теперь ваш. Это добрая лошадка и трудолюбивая. С одним кречетом, полдюжиной испанских гончих и парой борзых вы будете куропаточьими и заячьими королями на всю зиму.

– О, святой Иоанн, – сказали они, – хороши мы.

Сами догадаетесь, что из двух им оставалось делать: или спрятаться от стыда, или смеяться над забавным приключением.

– Ну, сегодня, – сказал дворецкий, – если нас станут поджаривать, то мы не подгорим, потому что мы хорошо прошпигованы. О, мальчуган, славно ты нас окрутил: увижу я тебя когда-нибудь папою!

Глава оканчивается разговором между Гаргантюа и гостями, состоящим из непереводаемых острот и игры слов, а также непристойностей.

ГЛАВА XIII. Как Грангузье узнал об изумительном уме Гаргантюа, когда тот изобрел подтирку

К концу пятого года Грангузье, возвратившись после поражения канарийцев, навестил своего сына Гаргантюа и был этим обрадован так, как мог обрадоваться такой отец при виде такого своего сына. Целуя его и обнимая, он расспрашивал о том и о сем из области Ребьячьих интересов. При этом он выпил и с сыном и с нянюшками, у которых тщательно расспрашивал, держат ли они его в чистоте и опрятности. На это сам Гаргантюа ответил, что он завел такой порядок, что во всей стране нет мальчика чище его.

– Как так? – спросил Грангузье.

– После настойчивых и любопытных опытов, – отвечал Гаргантюа, – я изобрел способ подтираться, самый знатный, самый блестящий, самый удобный, какой только когда-либо видели.

– Какой способ? – спросил Грангузье.

– Сейчас вам расскажу, – сказал Гаргантюа. – Однажды я подтерся бархатным кашне одной барышни и нашел это неплохим, потому что мягкость шелка доставила очень большое наслаждение. Другой раз шапочкой – то же самое. Третий раз – шейным платком; затем – атласными наушниками; но чертова куча золотых шариков ободрала мне весь зад. Антонов огонь в кишки ювелиру, который их сделал, и барышне, которая их носила! Боль прошла, когда подтерся шляпой пажа, отделанной перьями по-швейцарски. Присев однажды под кустом, я нашел мартовскую кошку и подтерся ей, но ее когти изъязвили мне весь задний проход. На следующий день я вылечился, подтершись перчатками матери, надушенными бензоем. Подтирался шалфеем, укропом, анисом, майораном, розами, ботвой от тыквы, свеклы, капустными листьями, виноградными, девичьей кожей, травой-акулиной (она краснеет от этого), салатом латук, шпинатом... Все это было весьма полезно для ног. Потом еще брал крапиву, бурьян, почечуй, живокость, но у меня сделалось кровотечение. Вылечился, подтираясь гульфиком.

«Я обратился затем к простыням, одеялам, занавескам, скатертям, салфеткам, носовым платкам, женским халатам.

Все это мне доставило большее удовольствие, чем шелудивому, когда его скребут.

– Вот как! – сказал Грангузье. – Но чем же подтираться лучше всего?

– Я уже подошел к этому, скоро и вы все узнаете. Подтирался я сеном, соломой, паклей и волосом, шерстью, бумагой. Но:

Всегда на передочке замарает,
Кто зад бумагой подтирает.

– Как, мое яичко золотое, – сказал Грангузье, – ты уж и стихами говоришь?

– Да, да, мой король, – ответил Гаргантюа.

– Ну, – сказал Грангузье, – вернемся к нашему предмету.

– К какому предмету?

– К подтиранию.

– А не хотите выставить большой бочонок бретонского, если я припру вас к стенке?

– Непременно, – сказал Грангузье.

– Нет нужды подтираться, если нет г... А г... не бывает, не... потому, значит, надо раньше..., чем подтираться.

– Ого, – сказал Грангузье, – какой ты здравомыслящий мальчуган!

Я тебя на этих же днях представлю к докторской степени, ты умен не по возрасту. Но продолжай, пожалуйста, свое подтиральное рассуждение. Клянусь бородой, вместо одного бочонка, ты получишь шестьдесят бочек хорошего бретонского, которое, однако, идет не из Бретани, а из доброго Веррона²⁰.

– Потом я подтирался, – продолжал Гаргантюа, – колпаком, подушкой, туфлей, охотничьим ягдташем, корзинкой. Какая скверная подтирка! Затем – шляпами. Обратите ваше внимание: есть шляпы гладкие, есть шерстистые, есть ворсисто-бархатные, есть шелковистые, атласные. Но лучше всех шерстистые: отлично подчищают. Затем приходилось подтираться курицей, петухом, цыпленком, телячьей шкурой, зайцем, голубем, бакланом, адвокатской сумкой, капюшонами, чепцами, птичьим чучелом.

«В заключение говорю вам и удостоверяю, что нет лучшей подтирки, чем гусенок с нежным пушком, только надо его взять за голову, когда кладешь между ног. Тогда чувствуешь удивительную приятность нежности его пуха, и от теплоты самого гусенка, которая передается по прямой кишке и по другим внутренностям доходит до области и мозга.

«И не верьте, что блаженство героев и полубогов в Елисейских Полях проистекает от златоцвета, нектара и амвросии, как болт старухи. По моему мнению, блаженство их в том, что они подтираются гусятами; таково и мнение магистра Иоанна Шотландского».

²⁰ Веррон (Вернон) – область, расположенная между Луарой и Вьенной.

ГЛАВА XIV. Как некий софист обучал Гаргантюа латыни

Услышав такие речи, добряк Грангузье изумился и восхитился, видя столь высокий разум и удивительное соображение сына своего Гаргантюа. И он сказал его нянюшкам:

– Филипп, царь македонский, узнал ум своего сына Александра по тому, как он искусно правил конем, который был до того необуздан и страшен, что никто не осмеливался сесть на него, так как всех всадников сбрасывал он с себя – одному шею ломает, другому – ноги, тому – череп, этому – челюсть.

Наблюдая все это на ипподроме (так называлось место, где выезжали лошадей), Александр подметил, что ярость лошади происходит только от страха, который внушает ей собственная ее тень. Тогда, вскочив на коня, он пустил его против солнца, так что тень падала сзади, и таким способом сделал коня послушным своей воле. По этому отец узнал, что у сына его божественное разумение, и приставил к нему наставником в науках Аристотеля, которого чтили в ту пору выше всех философов Греции. Но я скажу вам, что по одному этому разговору, который я сейчас перед вами имел с моим сыном Гаргантюа, я познал, что в его разуме есть что-то божественное, столь он остер, тонок, глубок и ясен, и достигнет высокой степени мудрости, если его хорошо образовать. Поэтому я хочу поручить его какому-нибудь ученому, чтобы научить его по его способностям, и ничего не пожалею для этого.

Действительно, ему указали на одного великого ученого софиста по имени магистр Тюбаль Олоферн, который обучил Гафгантюа азбуке так хорошо, что он говорил ее наизусть в обратном порядке; на что ушло пять лет и три месяца.

Потом прочел с ним Доната²¹, а также Фацета, Тэодолэ и «Параболы» Алана²², на что ушло тринадцать лет, шесть месяцев и две недели. Заметьте, что одновременно он учил Гаргантюа писать готическим шрифтом, и тот переписал все эти книги, потому что искусство печатания еще не было изобретено.

Гаргантюа носил обыкновенно большой письменный прибор, весивший более семи тысяч квинталов²³, пенал из которого равнялся по толщине и величине колоннам аббатства Энэ²⁴, а чернильница висела на толстых железных цепях и равнялась вместимостью огромной бочке.

Потом Тюбаль прочел ему «De modis significandi»²⁵ с комментариями Гуртебиза, Факина, «Беззуба» Галео, Иоанна Тельца, Биллонио, и кучи других. На это пошло времени свыше восемнадцати лет и одиннадцати месяцев.

Он так хорошо изучил этот труд, что на испытании ответил все наизусть от конца к началу и на пальцах и сказал матери, что «De modis significandi» не есть наукой. Затем Тюбаль прочел «Церковный календарь». На это пошло шестнадцать лет и два месяца, когда названный наставник его умер:

В тысяча четыреста двадцатом.

От болезни, причиняемой развратом.

Затем у него был старый кашлюн²⁶, по имени магистр Жоблэн Бридэ, читавший ему Гугуцио²⁷, Эврава «Греческий язык»²⁸, «Доктринал»²⁹, «Части речи»³⁰, «Что сие есть»³¹, «Допол-

²¹ Автор распространенной в средние века латинской св. Иеронима.

²² Сочинения этих авторов были напечатаны в 1410 г. в Лионе и составляют чаем ... Восьми нравственных сочинителей» – поучительного школьного сборника. Алан (из Лилля); жил в XII веке (ученик Абельяра).

²³ Старинная мера веса.

²⁴ Аббатство в бассейне Роны, где от старинного римского храма осталось четыре громадных античных колонны.

²⁵ «О наклонениях».

²⁶ Проповедники того времени имели обыкновение усиленно откашливаться и отмечали в рукописях своих проповедей

нение»³², сочинение Мармотрета³³, «О поведении за столом»³⁴, Сенеки «О четырех кардинальных добродетелях»³⁵, Пассавенто³⁶ с комментариями к нему, и, наконец, на праздниках – «Спи бестревожно»³⁷. Сверх того еще другие труды из такого же теста, от чтения которых поумнел он так, что после таких уже не пекли.

места, где полагается кашлять.

²⁷ Автор грамматики и словаря.

²⁸ Эввар Бетюнский, автор трактата по греческой этимологии, употреблявшегося с XIII по XVI век.

²⁹ Основы латыни в латинских стихах поэта Александра Вильдье (1242 г.).

³⁰ Краткая грамматика того времени.

³¹ Такое же сочинение в вопросах и ответах.

³² «Дополнение к хроникам» – исторический конспект, составленный Филиппом Бергамским.

³³ Комментатор библии.

³⁴ Поэма Жана Сюльпикса.

³⁵ Сенеке ложно приписывается этот труд, автор которого – Мартин, епископ Брагский (583 г.).

³⁶ О Флоренции XIV века.

³⁷ Сборник проповедей на главные годовые праздники.

ГЛАВА XV. Как отдали Гаргантюа другим педагогам

Тогда отец его заметил, что сын занимается, действительно, очень хорошо и тратит на это все свое время, но все-таки не извлекает никакой пользы и – что хуже – от занятий своих глупеет, становится все рассеянное и бестолковее. Когда он пожаловался на это дону Филиппу де-Марэ, вице-королю Папелигоссы, то услышал, что лучше было бы сына вовсе ничему не учить, чем под руководством таких наставников изучать такие книги; потому что их наука – глупость, и ученость их – чистейший вздор, которым они только оскопляют добрые и благородные умы и портят цвет нашей молодежи.

– Возьмите, – сказал он, – кого-нибудь из современных молодых людей, кто проучился всего года два: в случае, если он не окажется лучше вашего сына в рассудительности, красноречии, толковости, в порядочности, в умении вести себя в обществе, – можете считать меня свинорезом из Бренны.

Грангузье это понравилось, и он приказал, чтобы так было сделано.

Вечером, во время ужина, названный де-Марэ привел одного из своих юных пажей, Эвдемона, из Вилльгонжи. Паж был так хорошо причесан, разодет, вычищен, так хорошо держался, что скорее походил на маленького ангела, чем на человека. Затем Марэ сказал Гаргантюа:

– Видите этого отрока? Ему нет еще двенадцати лет. Посмотрим, если угодно, какая разница между знанием ваших болтливых пустомель прежнего времени от современных молодых людей.

Опыт понравился Грангузье, и он приказал пажу произнести речь. Тогда Эвдемон, попросив разрешения на это у своего господина, вице-короля, встал со шляпой в руках и, с открытым лицом, румяными устами, уверенным взором, с юношескою скромностью глядя на Гаргантюа, начал хвалить и превозносить последнего: во-первых, за его добродетели и добрые нравы, во-вторых – за его ученость, в-третьих – за благородство, в-четвертых – за телесную красоту, и в-пятых – мягко стал убеждать его относиться с особым почтением к отцу, который приложил такие старания, чтобы обучить его; и, наконец, просил соблаговолить считать его смиреннейшим из своих слуг, ибо другого дара он не просит теперь у небес, кроме того, чтобы ему была оказана милость угодить Гаргантюа какой-нибудь приятной услугой.

Все это было сказано со столь подобающими жестами, с таким отчетливым произношением, так красноречиво и на таком изысканном латинском языке, что паж походил скорее на Гракха, Цицерона или Эмилия прошлых времен, чем на современного юношу. Гаргантюа же сумел в ответ только зареветь коровою, спрятав лицо в шапку, и нельзя было вытянуть из него ни одного слова, – как звука из мертвого осла.

Отец разгневался до того, что тут же хотел убить магистра Жоблэна. Но де-Марэ прекрасными доводами предостерег его от этого, и гнев его утих. Он велел только уплатить учителю жалованье, напоить его по-богословски, а после чтоб убирался ко всем чертям.

– По крайней мере, сегодня, – сказал он, – его хозяину ничего не будет стоить, если случайно он подохнет, напившись как англичанин.

Когда магистр Жоблэн покинул дом, Грангузье посоветовался с вице-королем, какого сыну можно предоставить учителя, и они уговорились, чтобы на эту должность поставить Понократа, воспитателя Эвдемона, и что все они вместе отправятся в Париж для ознакомления с обучением французских юношей того времени.

ГЛАВА XVI. Как Гаргантюа был послан в Париж, и о громадной кобыле, на которой он ехал, и как она уничтожила оводов в округе Бос

В это самое время Файоль, четвертый король нумидийский, прислал Грангузье из Африки громаднейшую и высочайшую кобылу, каких когда-либо видели на свете, и самую чудовищную (как вы хорошо знаете, Африка всегда приносит нечто новое!). Величиной кобыла была с шесть слонов; на ногах же имела пальцы, как лошадь Юлия Цезаря; уши свисали у нее, как у лангедокских коз, а на заду рос небольшой рог. Масти она была рыжей, с подпалинами, пересыпанной серыми яблоками. Но всего страшнее был у нее хвост – ни много ни мало такой толщины, как колонна св. Марса, близ Ланжа, и тоже четырехугольный и с точно такими пучками, как хлебные колосья.

Если вы этому удивляетесь, то вы должны еще больше удивиться хвостам скифских баранов, весившим больше тридцати фунтов, и баранов сирийских, к крупу которых, если Тено³⁸ говорит правду, необходимо прилаживать тележки, чтобы носить их курдюки, – до того они длинны и тяжелы. У вас таких хвостов нет, господа распутники из равнин.

Кобыла была доставлена в порт Олон, в Тальмандуа, морем, на трех баржах и одной бригантине³⁹. Увидав ее, Грангузье воскликнул:

– Вот как она кстати, чтобы свезти моего сына в Париж. Ей-богу, все пойдет прекрасно. Со временем он станет великим ученым. И вообще если бы не было господ животных – все были бы учеными.

На следующий день, выпив (как вы сами понимаете), выступили в путь Гаргантюа, его наставник Понократ и его люди; вместе с ними – молодой паж Эвдемон. Так как погода стояла ясная и умеренная, то отец заказал Гаргантюа желтые сапоги; Бабен⁴⁰ называет их «полусапожками». И так они весело совершали свое большое путешествие и основательно закусывали до самого Орлеана. В этом месте был обширный лес, в тридцать пять миль длиной и семнадцать шириной, или около того. Этот лес кишмя кишел оводами и слепнями, что было истинным разбоем для бедных ослов, лошадей и кобыл. Но кобыла Гаргантюа честно отомстила за все обиды, нанесенные ее сородичам, способом, о каком и не догадаешься.

Едва они въехали в лес и оводы напали на них, как она высвободила свой хвост и так начала им отмахиваться, что свалила весь лес. Вбок, вкось, поперек, туда, сюда, в длину, в ширину, снизу вверх, сверху вниз – она косила деревья, как косарь траву, так что с тех пор не стало ни деревьев, ни слепней – и весь край был превращен в поле.

Увидав это, Гаргантюа получил большое удовольствие; однако, не кичась этим, сказал своим спутникам: «je trouve beau ce» («по-моему, это прекрасно»), почему область эту впоследствии и назвали «Бос» («beau ce»).

Наконец они прибыли в Париж. Два-три дня он отдохнул здесь, устраивая веселые пирушки со своими людьми, расспрашивая, какие ученые были тогда в городе, и какое здесь пьют вино.

³⁸ Ангулемский доктор богословия Тено описал свое путешествие за море в книге «Voyage et itinéraire de outre mer». О сирийских баранах упоминается у Геродота.

³⁹ Небольшое двухмачтовое судно.

⁴⁰ Башмачник в Шиноне.

ГЛАВА XVII. Как Гаргантюа оплатил парижанам за свой прием, и как он унес большие колокола с Собора Богоматери

После того как они отдохнули несколько дней, Гаргантюа отправился посмотреть город, и все с великим изумлением смотрели на него, потому что парижане так глупы, такие зеваки, так тупы, что любой фигляр, продавец индульгенций, какой-нибудь мул с бубенцами, игрок на виоле на перекрестке, соберут в Париже куда больше народу, чем хороший проповедник евангелия.

И они так назойливо его преследовали, что он был вынужден усесться на башни Собора Богоматери. Будучи там и видя вокруг себя столько народу, он громко сказал:

– Я думаю, что эти бездельники хотят, чтобы я им заплатил за проезд и прием. Это правильно, я угощу сейчас их вином, но только для смеха.

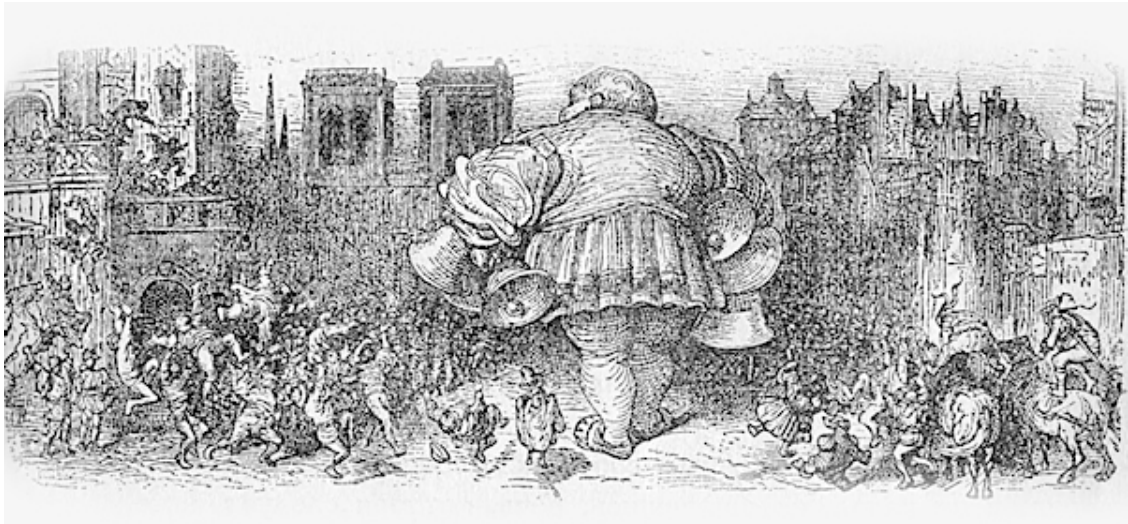
И вот, улыбаясь, Гаргантюа отстегнул свой прекрасный гульфик и сверху так обильно полил их, что утопил 260 418 человек, не считая женщин и детей.

Некоторые из них, благодаря быстроте ног, спаслись от потопа, и когда были на самом верху, у Университета, задыхаясь и обливаясь потом, откашливаясь, отплевываясь, начали клясться и божиться, одни в гневе, другие со смехом: «Каримари-Каримара! Святая дева Мария, вот выкупали-то нас для смеху («Par ris»). Вот отчего и город с тех пор получил название «Париж» («Paris»). Прежде же, как говорит Страбон в кн. IV, его называли Левкецией⁴¹, что по-гречески значит «Белянка» – из-за белизны бедер у местных дам. А так как при названии города новым именем присутствующие клялись каждый святыми своих приходов, а парижане, набранные изо всяких людей и со всяких стран, – все от природы хорошие юристы и хорошие ругатели и все немного сомнительны, то Иоаннин де-Барранко, в книге «Об избыточествующем чиновочитании» полагает, что они названы по-гречески «паррезриане», что значит «дерзкие на язык».

Помочившись, Гаргантюа начал рассматривать громадные колокола, висевшие на башнях собора, и очень гармонично в них зазвонил. Когда он звонил, то ему пришло на мысль, что они бы недурно могли служить колокольчиками на шее его кобылы, которую он собирался отправить обратно к отцу с большим грузом сыра бри и свежих сельдей.

И действительно, он унес их к себе.

⁴¹ По-латыни – Lutezia Parisiorum.

В это время приехал командор св. Антония, для своего свиного сбора⁴². Он тоже хотел потихоньку унести колокола, чтобы о нем было издали слышно, и чтобы сало в кладовых дрожало (от страха, что его унесут), но из честности оставил их: не потому чтобы они жгли ему руки, а потому что были немножко тяжеловаты. Это местечко Сент-Антуан – не то, что в Бурге; командор последнего – мой друг⁴³.

Весь город возмутился: жители Парижа, как вы знаете, настолько склонны к бунту, что иностранцы изумляются долготерпению французских королей, которые, видя затруднения, происходящие от этого изо дня в день, не прибегают для обуздания парижан к мерам правосудия. О, если бы богу было угодно, чтоб я мог проведать, в какой кузнице куются эти ереси и заговоры, и обнаружить их перед братствами моего прихода!

Поверите ли, весь этот обезумевший и взбудораженный народ сбегался к башне Нэль, где помещался тогда (теперь его нет) оракул Левкеции⁴⁴. Ему изложили все дело и указывали, на неудобства того обстоятельства, что колокола унесены.

После долгих обсуждений за и против, по фигуре «baralipton»⁴⁵, было решено послать к Гаргантюа старейшего и достойнейшего представителя факультета, чтобы указать ему на ужасное затруднение от пропажи колоколов, и – несмотря на возражения некоторых членов Университета, ссылавшихся на то, что подобное поручение скорее приличествует дать оратору, чем софисту – для этого дела был избран достопочтенный магистр Янотус де-Брагмардо.

⁴² Члены ордена св. Антония пользовались репутацией целителей больных свиней. За это они получали в вознаграждение сало или окорок от убитой Свиньи. За этим-то сбором и явился командор (т.-е. настоятель) ордена.

⁴³ Шутка Рабле: некий Антуан-дю-Сэкс, настоятель церкви св. Антония в Бурге был приближенным савойского герцога и другом Рабле.

⁴⁴ Намек на существовавший там богословский факультет.

⁴⁵ В схоластической логике классификация умозаключений, в целях лучшего заучивания, была изложена в стихах: «Barbara, Celarent, Darii, Ferio... baralipton». По последней фигуре выводилось из двух общих утвердительных предпосылок частное следствие».

ГЛАВА XVIII. Как Янотус де-Брагмардо был послан к Гаргантюа, чтобы вернуть колокола

Магистр Янотус, выбритый под Цезаря, облачившись в шапочку на античный манер и ублажив свой желудок пирожными с вареньем из айвы и святою водою из погреба, отправился на квартиру Гаргантюа, предшествуемый двумя краснорожими приставами и сопутствуемый пятью-шестью грязнейшими магистрами без искусств.

У входа встретил их Понократ и ужаснулся, увидев такую ряженую компанию, и подумал, что это какие-то нелепые маски. Потом спросил у одного из магистров этой банды, что означает этот маскарад. Ему было отвечено, что они просят возвратить им колокола. Услышав это, Понократ тотчас побежал сообщить эти новости Гаргантюа, чтобы тот приготовился к ответу и наскоро решил, что делать.

Уведомленный об этом, Гаргантюа отозвал в сторону Понократа – своего наставника, затем Филотимия – своего дворецкого, Гимнаста – своего конюшего, и Эвдемона и советовался с ними о том, что делать и что отвечать. Все были того мнения, что – отвести в буфетную и там дать им по-мужицки выпить, а чтобы этот старый кашлюн не тщеславился тем, что колокола вернули благодаря его просьбам, – послать (пока он будет выпивать) за префектом города, ректором факультета и викарным епископом и передать им колокола, раньше чем софист успеет изложить свое поручение.

После этого, в присутствии означенных лиц, выслушать его прекрасную речь. Когда все приглашенные собрались, софиста ввели в залу, полную народа, и он начал, откашлявшись, речь, которая следует ниже.

ГЛАВА XIX. Речь магистра Янотуса де-Брагмардо, обращенная к Гаргантюа, с просьбой вернуть колокола

– Угм. Гм. Гм. Mnadies, господин, Mnadies. Et vobis⁴⁶, господа.

«Было бы только хорошо, если бы вы вернули нам колокола, ибо они нам очень нужны. Гм, гм, кхе, кхе. Мы когда-то отказались отдать их за большие деньги лондонцам из Кагора, также и бордосцам из Брил, которые хотели купить их ради существенных достоинств элементарной комплекции оных колоколов, каковая связана с земною сущностью при родной их эссенции в такой мере, что отгоняет лунный галос⁴⁷, и вихри от виноградников наших, то есть, собственно, не наших, а вообще окрестных. Ибо если мы лишимся вина и выпивки, мы лишимся всего – и разума, и закона. Если вы их нам вернете по моей просьбе, я заработаю десять локтей сосисок и пару хороших штанов, которые будут очень хороши для моих ног, – иначе же они не сдержат своих обещаний.

– О, ей-богу, Domine, хорошая вещь пара штанов. Et vir sapiens non abhorrebit eam⁴⁸. Ах, ах! Не всякий имеет штаны, кто хочет. Я это хорошо знаю по себе. Обратите внимание, Domine, что вот уже восемнадцать дней, как я умствую над сей прекрасной речью. Reddite quae sunt Caes, saris, Caesari: et quae sunt Dei, Deo. Ibi jacet lepus⁴⁹.

Честное слово, Domine, если вы хотите отужинать со мною in самира, черт возьми, charitatis, nos faciemus bonum churubin. Ego occidi unum porcum, et ego habet bonum vino⁵⁰. Из хорошего вина нельзя сделать плохой латыни. Итак, de parte Dei, date nobis clochas nostras⁵¹. Слушайте, я вам подарю от имени факультета сборник Sermones de Utino, utinam⁵² вы бы отдали нам наши колокола. Vultis etiam pardonos? Per diem vos habebitis, et nihil payabitise⁵³.

«О господин, Domine, clochidonnaminor nobis. Поистине est bonum urbis⁵⁴. Все ими пользуются. Если ваша кобыла с ними хорошо себя чувствует, то и наш факультет также, quae comparata est jumentis insipientibus, et similis facta est eis. Psalmo nescio quo⁵⁵. Если только я верно занес в свою книжку, et est unum bonum Achilles⁵⁶. Гм, гм, гм, кхе, кхе! Я вам докажу, что вы должны их мне вернуть. Ego sic argumentor.

Omnis clocha clochabilis in clocherio clochando, clochans clochativo, clochare facit clochabiliter clochantes. Parisius habet clochas. Ergo gluc.⁵⁷

Ха-ха-ха, вот так сказано! Это по третьему виду первой фигуры умозаключения, по типу Darii⁵⁸ и так далее. Клянусь душой, было время, когда я умел дьявольски аргументировать. Ну,

⁴⁶ Mnadies – вместо латинского «bonadies» (добрый день), напыщенное цежение сквозь зубы. Vobis – значит: «вам» (подразумевается: добрый день).

⁴⁷ Halos – блестящий круг около луны, предвещавший, по мнению метеорологов того времени, дождь.

⁴⁸ Domine – по-латыни – «господи» (или «господин»)… «И мудрый муж не отвергнет ее».

⁴⁹ «Воздайте кесарево кесареви и божие богами. Здесь лежит заяц».

⁵⁰ «В горнице… милосердия мы хорошо угостимся. Я зарезал кабана, и у меня есть доброе вино». Все это на варварски искаженном латинском языке.

⁵¹ «Ради бога, отдайте нам наши колокола».

⁵² Игра слов: Леонард из Удинэ – знаменитый проповедник; utinam – по-латыни – «лишь бы».

⁵³ «Хотите ли отпущения грехов? Ныне же его получите и ничего не заплатите».

⁵⁴ «Господин, «околокольте» нас… это городское имущество».

⁵⁵ «Каковой сравнивается с неразумной кобылой и сотворен подобно ей. Псалом, не знаю который».

⁵⁶ «И это прекрасный Ахиллес» (в смысле «аргумент», т.-е.: в этом уязвимая пятя Ахиллеса).

⁵⁷ «Так аргументирую. Каждый звучно звучащий на колокольне колокол, звоня своим языком, заставляет звонящих звонко звонить. У Парижа есть колокола, что и требовалось доказать». Ergo gluc – абсурдный вывод – сокращенная фраза: «Ergo glu cartiuntur aves». (Итак, птицы ловятся на клей). Такими словами в насмешку часто заканчивали речь.

⁵⁸ Первая фигура силлогизма M = P, S = M, S = P, третье видоизменение, когда S – частное утвердительное; по схоласти-

а сейчас умею только молоть вздор. И ничего мне больше не нужно, кроме вина да постели. Спину к огню, живот к столу, да полная миска – вот и все.

Domine, прошу вас – in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, Amen⁵⁹, верните нам колокола; и бог да сохранит вас от болезни, и дева Мария, qui vivit et rugnet per omnia secula seculorum, Amen⁶⁰. Гм, кхе, кхе, кхе, кхе!

«Verum enim vero, quando quidem, dubio procul, Edepol, quoniam, ita, certe, meus Deus fidius⁶¹, город без колоколов подобен слепцу без клюки, ослу без подхвостника, корове без бубенчиков. Пока вы не вернете нам их, мы не перестанем взывать к вам как слепой, потерявший клюку, – реветь как осел без ремня, – мычать как корова без бубенца. Некий латинист, живущий близ госпиталя, как-то, намекая на авторитет некоего Тапоннуса, – ошибаюсь: Понтануса, – светского поэта, сказал, что он желал бы, чтобы колокола были из перьев, а языки к ним – из лисьих хвостов: так как они причиняют ему мозговую боль, когда он сочиняет свои стихоподобные вирши. Но – пететен, пететак, тики-так и тук – его объявили еретиком; ведь лепим этих еретиков как из воска. И больше свидетель ничего не сказал. Valete et plaudite. Calepinus recensui»⁶².

ческой логике «Darii» (см. примеч. 54). Конечно, здесь насмешка над схоластикой!

⁵⁹ Формула католического богослужения: «Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

⁶⁰ «Которая живет и царствует во веки веков. Аминь».

⁶¹ Нагромождение латинских слов, союзов и наречий – пародия на стиль «цицероновских» речей школьных ораторов.

⁶² «Прощайте и похлопайте (в ладоши)» (такую формулой обыкновенно кончались латинские комедии). «Я, Калепинус, сочинение просмотрел (прорецензировал)», – формула подписи комментаторов.

ГЛАВА XX. Как софист унес свое сукно, и как он имел тяжбу с другими

Еще софист не успел окончить речь, как Понократ и Эвдемон так сильно расхохотались, что можно было думать, что они богу душу отдадут, – ни более ни менее как Красе при виде осла, глотавшего красный чертополох, или Филемон, который тоже умер от смеху при виде осла, пожирав-

у них на глазах от чрезмерного сотрясения мозгового вещества, из коего выдавилась слезная жидкость и потекла по путям глазных нервов. Так что они представляли собой Демокрита гераклитствующего и Гераклита демокритствующего⁶³.

Когда смех окончательно утих, Гаргантюа посоветовался со своими, что делать. Понократ был того мнения, что надо вновь напоить этого прекрасного оратора, а в виду того, что он развлек их и рассмешил больше самого Сонжекре, выдать ему десять локтей сосисок, упомянутых в веселой речи, пару штанов, триста толстых поленьев дров, двадцать пять бочек вина, постель с тремя перинами гусиного пера, миску весьма объемистую и глубокую – словом, все, что, по его словам, было необходимо ему в старости.

Все было сделано согласно решению, кроме штанов, потому что Гаргантюа сомневался, чтобы нашлись штаны по его ногам, а также сомневался в том, какой фасон больше подойдет для оратора: или с мартингалом, который, как подъемный мост, служит для облегчения известных надобностей; или на морской образец, для удобства почек; или на швейцарский фасон, чтобы согреть брюхо; или на манер трескового хвоста, чтобы не нагревать поясницы; поэтому он просто велел выдать ему семь локтей черного сукна и три – белой материи на подкладку. Дрова снесли носильщики; сосиски и миски потащили магистры искусств. Магистр Янотус захотел нести сукно.

Один из указанных магистров, по имени Жусс Бандуй, поставил ему на вид, что так неприлично и нечестно делать в его положении, и что ему следует поручить сукно кому-нибудь из них.

– Ах ты, осел, осел, – сказал Янотус, – ты не строишь заключения по фигурам и по модусам. Вот к чему привели предположения и *parva logicalia*. *Pannus pro quo supponit*⁶⁴?

– *Confuse*, – сказал Бандуй, – *et distributive*⁶⁵.

– Не о том спрашиваю тебя, осел, *quomodo supponit*, но *pro quo*? Ответ: *pro tibiis meis*⁶⁶. Посему – его понесу я, *egomet, sicut suppositum portet adpositum*⁶⁷.

И понес его крадучись, словно Пателэн.

Интересно было то, что кашлюн торжественно потребовал штаны и сосиски и на пленарном заседании Матюренов⁶⁸, так как ему было в них решительно отказано, поскольку он их получил уж от Гаргантюа, о чем было известно. Он возражал, что то было *gratis*⁶⁹, от щедрости Гаргантюа, которая вовсе не освобождает их от исполнения обещания. Несмотря на это, ему было отвечено, чтобы он довольствовался справедливым, и что другого куска он не получит.

⁶³ Гераклит («Темный») и Демокрит – древнегреческие философы.

⁶⁴ «Недостаток логики. Сукно для кого предположено?»

⁶⁵ «Неопределенно и разделительно».

⁶⁶ Не спрашиваю: «Каким образом?» – но: «Для кого?» Ответ: «Для моих костей».

⁶⁷ «Я, поскольку то, что предполагается, несет (в себе) и то, что прилагается».

⁶⁸ Члены ордена, основанного с целью способствовать выкупу невольников у магометан и существовавшего с 1199 г. Впоследствии имя «Матюренов» стало нарицательным. Для обозначения сумасшедших фантазеров, юродивых и просто умалишенных.

⁶⁹ «Даром, в подарок».

– Справедливости, – сказал Янотус, – тут нет и капли. Ах вы, несчастные предатели, ничего вы не стоите, хуже вас людей и земля не носила, я это хорошо знаю. Не хромайте перед горбатыми; ваши гадости я с вами проделывал. Клянусь крысой божьей, я донесу королю об огромных злоупотреблениях, которые тут творятся и проделываются вашими руками, и пусть я запаршивею, если он не велит сжечь вас всех живьем, как плутов, изменников, еретиков и соблазнительей, врагов бога и добродетели!

За эти слова составили против него обвинительный акт; он со своей стороны тоже вызвал магистров в суд. В общем, тяжба в суде затянулась и тянется до сего дня. По этому случаю магистры поклялись не очищаться от грязи, а Янотус со своими единомышленниками дал обет не утирать носа до тех пор, пока не будет вынесен окончательный приговор.

В силу таких клятв, до сего дня пребывают они грязными и сопливыми, так как суд до сих пор еще не раскопал всего дела; приговор последует в ближайшие греческие календы, что значит – никогда. Вы ведь знаете, что судейские делаю больше, чем природа, и даже вопреки собственным статьям. Так, в парижских кодексах поется, что один только бог может творить бесконечное. Природа не создает ничего бессмертного, ибо всему созданному ею полагает предел и конец, ибо *omnia orta cadunt, etc.*⁷⁰ Но эти туманоглотатели⁷¹ делают разбираемые ими тяжбы бесконечными и бессмертными. Делая это, они подтверждают изречение Хилона Лакедемонянина: «Нищета – подруга тяжбы, и ненастны тяжущиеся, ибо скорее придет конец жизни, чем конец суда».

⁷⁰ По Саллюстию: «Все рожденное обречено гибели».

⁷¹ Бездельники, занимающиеся вздором.

ГЛАВА XXI. Занятия Гаргантюа, согласно расписанию софистов, его наставников

Когда прошли первые дни и колокола были водворены на свое место, парижане, в благодарность за порядочность Гаргантюа, предложили содержать и кормить его кобылицу, сколько он пожелает. Гаргантюа согласился с удовольствием, и кобылу отправили в лес Бьер. Думаю, что теперь ее там уже нет.

После этого Гаргантюа захотел, по силе своего разумения, учиться по указаниям Понократа, но последний, для начала, велел ему заниматься по прежней привычной системе, чтобы понять, каким путем бывшие его учителя в столь долгое время сумели создать из Гаргантюа такого фата, глупца и невежду. Он распределил время Гаргантюа таким образом, что он просыпался обычно между восемью и девятью часами, было ли светло или нет; так установили его прежние воспитатели, ссылавшиеся на слова Давида: «*Vanum est vobis ante lucem surgere*»⁷². В постели он некоторое время болтал ногами, подпрыгивал, валялся на матрасе, чтобы возбудить животные токи в своем теле; потом, смотря по времени года, одевался, при чем охотно надевал широкий и длинный плащ из толстой фризской ткани, подбитый лисьим мехом. Затем причесывался немецким гребнем, то есть пятернею, потому что его воспитатели говорили, что иначе причесываться, мыться и чиститься – значит, тратить даром время на этом свете.

Затем он облегался сзади и спереди, прочищал гортань, харкал, пукал, зевал, плевал, кашлял, икал, чихал, сморкался, как архидиакон, и завтракал, для предохранения себя от сырости и простуды, чудесными вареными потрохами, жареным мясом, прекрасной ветчиной, жареной козлятиной и хлебом с супом. Понократ заметил ему, что не следует наедаться, только что вскочив с постели, не поделав прежде чего-нибудь. Гаргантюа ответил:

– Как? Разве я не достаточно упражняюсь? По шести-семи раз ворочаюсь на постели, прежде чем встать, разве это мало? Папа Александр (V), по совету врача-еврея, делал то же и прожил до самой смерти, к досаде всех завистников. Меня приучили к этому первые мои наставники; они говорили, что завтрак улучшает память, поэтому за завтраком сами первые пили. От этого я чувствую себя очень хорошо и только лучше обедаю. Магистр Тюбаль (а он был первым по получению парижского лиценциата) говаривал мне, что сила вовсе не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы раньше выбежать. Поэтому для полного здоровья человеку вовсе не важно пить непрерывно, как утка, а важно выпить с утра; на это есть и стих:

Подняться рано – еще не штука,
А рано выпить – это наука.

⁷² «Суeta есть вставать вам до свету». Шутка заключается в возможности именно такого перевода этого латинского текста (псалма), который принято толковать, конечно, иначе.

Позавтракав как следует, Гаргантюа отправлялся в церковь; в громадной корзине за ним несли толстенный, завернутый в мешок молитвенник, весивший вместе с салом от пальцев, застежками и пергаментом ни более ни менее как 11 квинталов 6 фунтов. В церкви отстаивал 26 или 30 обеден. В это время являлся и его капеллан, весь закутанный, как птица-хохлатка, и хорошо обезвредивший свое дыхание сильной дозой виноградного сока.

Вместе с ним он бормотал все ектении и так тщательно вылуцивал их, что ни одно зерно не падало на землю. По выходе малого из церкви ему привозили на телеге запряженной волами, кучу четок святого Клавдия, каждое звено величиною с голову, и он, прогуливаясь по монастырю, галереям или саду, читал больше молитв, чем шестнадцать пустынных.

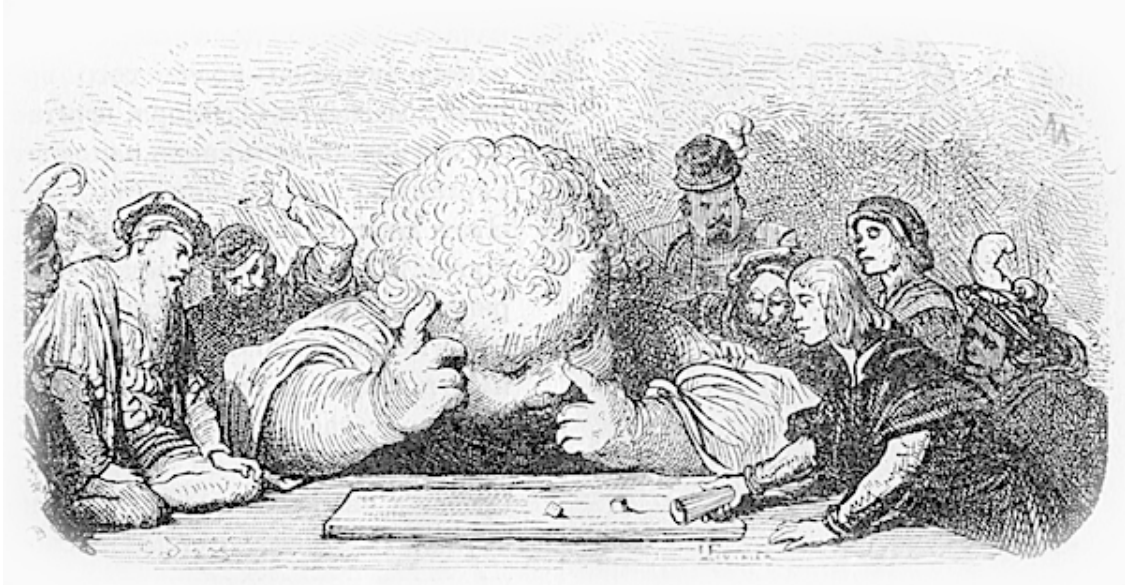
Потом он учился каких-нибудь жалких полчаса, с глазами, уставленными в книгу, но, как говорит комик, душа его была на кухне.

Далее, помочившись как следует, он садился за стол и, будучи по природе флегматиком, начинал свой обед с нескольких дюжин окороков, копченых языков и колбасы, икры и других закусок, предшествующих вину. В это время четверо слуг один за другим непрерывно кидали ему в рот полными лопатами горчицу: потом он выпивал огромный глоток вина, чтобы облегчить почки. Затем, смотря по времени года, съедал в меру своего аппетита говядины и прекращал еду только тогда, когда живот начинало пучить. Но для питья никаких пределов и законов не было, потому что Гаргантюа говорил, что границей и межевым столбом для пьющего является срок, когда у него в туфлях пробочные стельки взбухнут на полфута.

ГЛАВА XXII. Игры Гаргантюа

Потом, с трудом прожевав обрывок благодарственной молитвы, Гаргантюа умывал свежим вином руки, прочищал зубы кабаньей ногой и весело болтал со слугами. Те, растянув ковер, раскладывали кучу карт, костей для игры и досок. И он принимался играть.

Вдоволь поигравши, порастрясши и просеявши время, следовало немножко выпить, каких-нибудь одиннадцать горшков на человека, а после угощения хорошо растянуться на хорошей скамье или на хорошей кровати, поспать часа два-три, без дурных мыслей и дурных слов.

Гаргантюа, проснувшись, встряхивал ушами. В это время ему приносили свежего вина; тут он выпивал лучше, чем когда-либо. Понократ увещевал его, что для здоровья вредно пить после сна. «Это истинная жизнь святых отцов, – говорил Гаргантюа, – у меня от природы соленый сон: спать для меня – то же, что есть ветчину»⁷³. Затем принимался немного за учеенье и, вооружившись четками, чтобы дело шло по форме, сажился на старого мула, служившего уже девяти королям. Так, бормоча сквозь зубы и кивая головою, ехал вынимать кроликов из западни.

По возвращении заходил в кухню, посмотреть, что жарится на вертеле.

Ужинал, скажу по совести, очень хорошо и охотно приглашал нескольких собутыльников из своих соседей, и выпивая с ними вдоволь, рассказывали о старых и о новых.

В числе слуг у него были господа дю-Фуде-Гурвиль, де-Гриньо и де-Мариньи. После ужина опять вынимались деревянные евангелия, то есть шашечницы, либо карточные талии, одна-две-три колоды или даже вся куча. А не то шли к девушкам поблизости и по дороге опять, выпивали и закусывали. Потом Гаргантюа спал без просыпа до восьми часов следующего утра.

⁷³ Шутливый намек на известную поговорку: «Qui dort done» (Кто спит, обедает).

ГЛАВА XXIII. Как Гаргантюа обучался Понократом в таком порядке, что не терял ни одного часа в день

Когда Понократ ознакомился с неправильным образом жизни Гаргантюа, он решил иначе обучать его наукам; но на первые дни оставил все, как было, считая, что природа не выносит резких перемен без сильного потрясения. Для лучшего начала своего дела он спросил одного ученого врача того времени, магистра Теодора, считает ли тот возможным вновь направить Гаргантюа на лучшую дорогу.

Этот доктор, согласно правилам, прочистил его антикирской чемерицей и лекарством очистил мозг юноши от порчи и извращенных привычек. Тем же средством Понократ заставил Гаргантюа позабыть все, чему он выучился у прежних своих учителей, – как поступал Тимофей⁷⁴ с теми из своих учеников, которые обучались у других музыкантов. Чтобы лучше достичь этого, он ввел Гаргантюа в общество местных ученых, дабы соревнование с ними подняло дух юноши и возбудило желание учиться и добиться успехов.

Затем распределил его занятия так, что он не терял ни одного часу дня и все свое время употреблял на изучение благородных наук. Вставал Гаргантюа около четырех часов утра. В то время как его растирали, ему читали вслух, громко и ясно и с подобающею произведению выразительностью, несколько страниц из священного писания. Для этого был специально приставлен молодой паж, по имени Анагност, родом из Башэ. В соответствии с содержанием читаемого Гаргантюа часто принимался молиться, просить и умолять доброго господа. В чтении этом он познавал господне величие и чудесное разумение. После он удалялся в места уединения, чтобы отдать долг природе.

Там учитель повторял ему прочитанное, разъясняя наиболее темные и трудные места. На возвратном пути они наблюдали состояние неба, – таково ли оно, как накануне вечером, и под каким знаком зодиака восходит сегодня солнце, и под каким луна. После этого Гаргантюа одевали, причесывали, завивали, принаряжали и опрыскивали духами, при чем все это время повторяли ему вчерашние уроки; и он сам говорил их наизусть и связывал их с какими-нибудь практическими случаями, относящимися к человеческой жизни; это продолжалось часа два-три, но обыкновенно кончалось, когда он был совсем одет.

Потом добрых три часа было чтение. После чего выходили на воздух, не переставая беседовать о прочитанном, и шли заняться спортом в Брак⁷⁵, или за город, на луга, где и играли в мяч, в лапту, – отважно упражняя тело, как раньше упражняли душу. Игры их отнюдь не были принудительны, потому что они бросали партию, когда вздумается, и обыкновенно прекращали играть, как только вспотеют или утомятся. Тогда, хорошенько вытерши пот, а тело растерши, меняли рубашки и, неспешно прогуливаясь, заходили посмотреть, не готов ли обед. В ожидании последнего, ясно и выразительно декламировали какие-нибудь сентенции, запомнившиеся из урока. Тем временем приходил Господин Аппетит; в добрый час садились за стол. За первыми блюдами читали какую-нибудь занятную историю о старинных подвигах, до того времени, как Гаргантюа принимался за вино. А затем – если заблагорассудится – продолжали чтение или начинали веселый общий разговор, – в первые месяцы говоря об особенностях, свойствах, действии и природе всего, что было подано на стол: хлеба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, фруктов, трав, корнеплодов, и о приготовлении из них кушаний.

⁷⁴ Флейтист при Александре Македонском.

⁷⁵ Врасце – «лягавая собака» – вывеска манежа для игры в мяч, находившегося в предместье Парижа Сен-Марсо.

Благодаря этому Гаргантюа в короткое время выучил все соответствующие места из Плиния, Атеней, Диоскоридов, Юлия Поллукса. Галена, Порфирия, Опиана, Полибия, Гелиодора, Аристотеля, Элиана и других.

Во время этих бесед частенько приносили на стол для проверки вышеназванные книги. И он так хорошо и всецело удержал в своей памяти все эти вещи, что не было в то время врача, который бы вполтину знал столько, как Гаргантюа.

Затем шел разговор об утренних уроках, и, кончив обед каким-нибудь пирожным с вареньем из айвы, Гаргантюа чистил зубы стволком мастикового дерева, мыл себе руки и глаза свежей водой и воздавал хвалу господу богу несколькими прекрасными песнопениями, сочиненными во славу божественного милосердия и щедрот.

После этого приносили карты – не для игры, но для того, чтобы научиться тысячам забавных штук и выдумок, всех основанных на арифметике. И таким путем он чрезвычайно полюбил эту числовую науку. После обеда и ужина развлекался с таким же удовольствием, как прежде за картами и костями. Впоследствии он так хорошо познал теорию и практику этой науки, что Тэнсталь – англичанин, автор пространного о ней сочинения – признавался, что по сравнению с Гаргантюа он в ней понимал столько же, сколько в верхненемецком языке.

И не только в арифметике, но и в других математических науках, как в геометрии, астрономии и музыке; потому что в ожидании переваривания пищи они чертили много забавных геометрических фигур и построений, а также практиковались в астрономических законах. А потом услаждались пением на четыре и пять голосов на какую-нибудь тему, приятную для горла. Что касается музыкальных инструментов, то Гаргантюа выучился играть на лютне, на спинете, на арфе, на флейтах немецкой и девятиклапанной, на виоле и тромбоне.

Так проведя этот час, по окончании пищеварения Гаргантюа освобождал свой желудок, а после еще на три часа или больше садился за главные свои занятия: как за повторение утренних уроков, так и за продолжение чтения начатых книг или за упражнения в чистописании античных и романских букв. После этого они выходили из дому, и с ними один молодой человек из Турени, которого звали Гимнаст – конюший, который обучал его искусству верховой езды.

Переодевшись, Гаргантюа вскакивал или на скакуна, или на битюга, или на испанского жеребца, или на берберского, – на доброго, словом, коня, и то пускал его во весь опор, то вольтижировал в воздухе, то заставлял его брать канавы и барьеры, описывать круги на небольшом пространстве, справа налево и обратно. Потом ломал, только не копьё, – нет в мире ничего глупее, как кричать: «Я сломал десять копий в турнире или в битве», – любой плотник это сумеет сделать, – хвала и честь тому, кто одним копьём ломает десятерых врагов. Гаргантюа своим крепким и твердым копьём со стальным концом ломал ворота, пробивал латы, крушил деревья, подхватывал кольцо, поднимал на лету седло, длинную кольчугу или железную перчатку. Гаргантюа при этом был вооружен с головы до ног.

Что касается уменья погарцовать и заставлять коня проделывать разные штуки, то никто этого не умел делать лучше, чем он. Сам феррарский вольтижёр был обезьяной в сравнении с ним. Особенно он выучился быстро перескакать с коня на коня, не касаясь земли; с любой стороны, с копьём в руке, вскакивать на коня без стремян и править без всякой узды, куда угодно. Все это важно для военной науки.

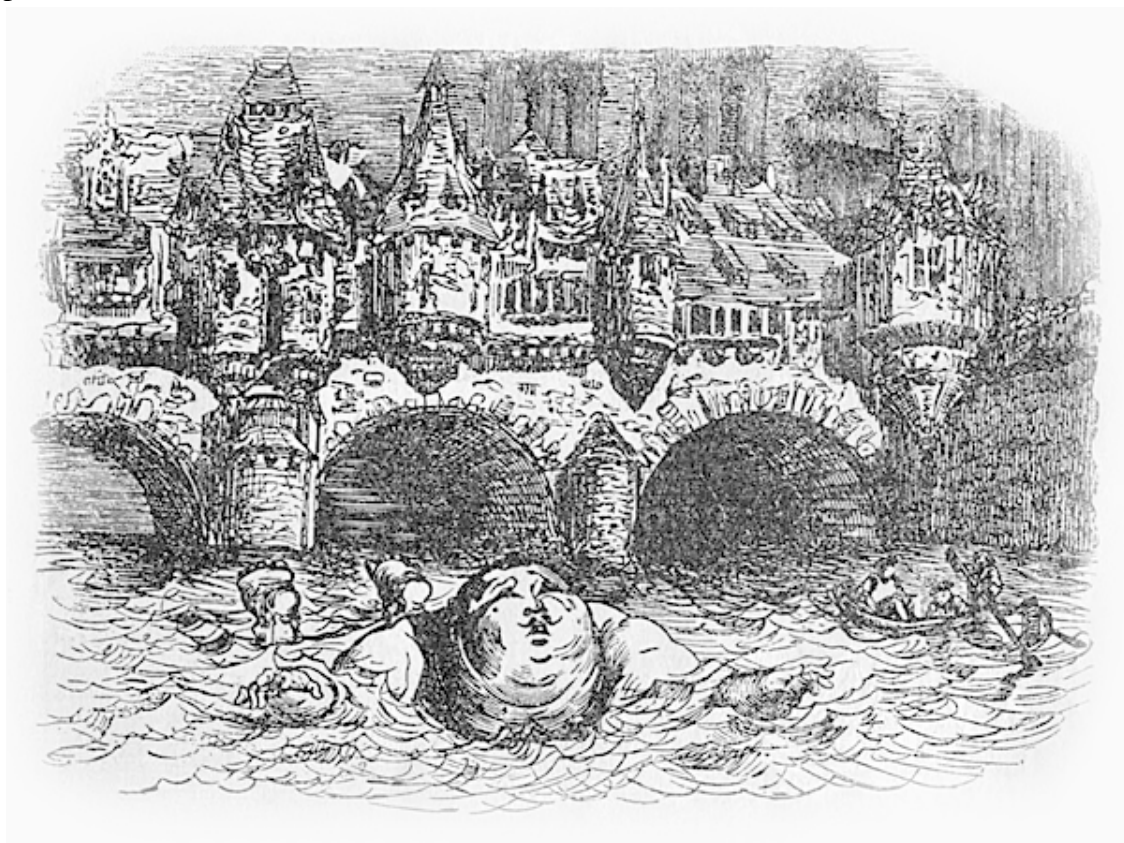
В другие дни он упражнялся с алебардой, и так хорошо ею владел, что прослыл настоящим рыцарем как на поле брани, так и в примерных поединках.

Владел он, кроме того, пикой, эспадроном для двух рук, длинной шпагой, рапирой, широким и узким кинжалом; бился в кольчуге и без нее, со щитом большим и малым.

Преследовал на коне оленя, козулю, медведя, серну, кабана, зайца, фазанов, куропаток, дроф. Играл в большой мяч, подкидывая его на воздух и ногой и кулаком.

Боролся, бегал, делал прыжки, – не с разбегу, не на одной ноге и не по-немецки. «Эти виды прыжков, – говорил Гимнаст, – бесполезны и на войне не нужны». Он перепрыгивал

широкие канавы, перелетал через изгороди, взбегал шагов на шесть на стену и таким образом взбирался до окна, находившегося на высоте копья.

Плавал в глубокой воде на груди, на спине, на боку, то всем телом, то одними ногами; то с рукой в воздухе, держа в ней книгу, переплывал всю Сену, не замочив книги, и таща свой плащ в зубах, как делал Юлий Цезарь. Потом при помощи одной руки вскакивал в лодку и снова бросался в воду, головою вперед, доставал дно, спускался к подводным частям скал, плавал в безднах и омутах. Затем поворачивал лодку, правил ею, вел ее то быстро, то медленно, по течению и против, задерживая лодку у самой плотины; одной рукою вел другой делал упражнения с большим веслом; ставил паруса, влезал на мачты по канатам, бегал по реям, укреплял бусоль, поворачивал булинь против ветра, твердо держал руль. Выскочив из воды, быстр взбегал на гору и так же легко сбегал; на деревья карабкался, как кошка прыгал с одного на другое, как векша; ломал толстые ветки, как второй Милон. При помощи двух отточенных кинжалов и двух испытанных по крепости буравов взбирался, точно крыса, на вершину дома и потом спускался сверху вниз в такой позе, что ни в коем случае не давал повода бояться за возможность падения.

Метал дротик, железный брус, камень, длинное копьё, рогатину, алебарду, натягивал лук и осадный арбалет, нацеливался из пищали, наводил пушку, стрелял в цель – в попугая: снизу вверх, сверху вниз, вперед, вбок, назад, как парфяне.

Для него подвязывали канат, свисающий до земли с какой-нибудь высокой башни, и Гаргантюа на одних руках влезал по нему вверх, а затем спускался вниз, так быстро и так уверенно, что вы лучше не сумели бы проползти на гладком лугу. Или клали, укрепив на двух деревьях, огромную перекладину, и он цеплялся за нее руками и на руках переходил с одного конца на другой, не касаясь ногами ни до чего, так быстро, что его нельзя было догнать даже бегом.

А для упражнения груди и легких Гаргантюа кричал как целый хор чертей. Раз я как-то слышал, как он звал Эвдемона, – от ворот св. Виктора до Монмартра. Даже у Стентора в битве под Троей не было такого голоса.

Для укрепления нервов ему отлили две болванки из свинца, каждая 8700 квинталов весом, которые он называл гирями. Он брал с земли по одной в каждую руку и держал их над головою, не двигаясь, три четверти часа и дольше, – это была сила неподражаемая.

С первыми силачами играл в брусья. Во время игры он так твердо держался на ногах, что сдавался только самым отважным, которые могли сдвинуть его с места, как когда-то Милон, в подражание которому он также держал в руке гранату и отдавал ее тому, кто мог у него ее отнять.

После такого времяпрепровождения его растирали, чистили и одевали в свежий наряд, и он потихоньку возвращался домой. Проходя по лугам или другим покрытым травой местам, рассматривали растения и деревья, справляясь по книгам древних ботаников, – таких, как Теофраст, Диоскорид, Маринус, Плиний, Никандр, Мацер и Гален, и приносили домой много зелени. За этим поручено было наблюдать молодому пажу Ризотому, а также за лопатами, граблями, кирками, скребками, ножами и другими потребными для гербаризации инструментами.

По приходе домой, пока готовили ужин, они повторяли некоторые места из прочитанного и садились за стол. Обед Гаргантюа, заметьте, был умеренным и простым, – потому что ели только, чтобы обуздать позывы желудка; но ужин был обильный и продолжительный, потому что тут Гаргантюа ел столько, сколько надо было для поддержания сил и питания. Это есть истинная диета, предписываемая добрым и точным медицинским искусством, хотя толпа тупиц врачей, препирающихся в школе софистов, советуют обратное. Во время ужина продолжался обеденный урок, сколько хотелось; остальную часть ужина проводили в полезных литературных беседах.

Затем, помолившись, принимались петь, играть на музыкальных инструментах; или развлекались картами или костями, и так оставались, угощаясь и забавляясь, иной раз до часа сна, а иной раз посещали общество людей ученых или таких, что видели чужие страны.

Совсем ночью, до того как укладываться спать, шли на самое открытое место – посмотреть небо, и наблюдали кометы, если они были, или положение, внешний аспект, противостояние и сочетания светил.

Затем Гаргантюа вкратце, по пифагорейскому способу, повторял с наставником все прочитанное, виденное, заученное, сделанное и слышанное в течение дня.

После же, помолившись, ложился спать.

ГЛАВА XXIV. Как Гаргантюа проводил время в дождливую погоду

Если случалась дождливая и холодная погода, то все время до обеда проводилось как и всегда, с тою разницею, что приказывалось развести яркий огонь, чтобы ослабить суровость погоды. Но после обеда, вместо гимнастических упражнений, оставались дома и, в гигиенических целях, принимались сгребать сено, колоть и пилить дрова, молотить в риге зерно; затем упражнялись в живописи и в скульптуре, или же возобновляли древний обычай игры в тали⁷⁶, как ее описал Леоник, и как играет наш друг Ласкарис⁷⁷.

Во время игры они повторяли места из древних авторов, где упоминается об этой игре. Иной раз или ходили смотреть, как плавят металлы, или как льют орудия, или же ходили смотреть мастерские гранильщиков, ювелиров, резчиков драгоценных камней; лаборатории химиков и монетчиков; ковровые мастерские, шелковые и бархатные, ткацкие; ходили к часовых дел мастерам, к зеркальщикам, типографщикам, органистам, красильщикам и всякого рода другим мастерам. Везде давая на вино, они изучали всякие мастерства и разные нововведения в них.

⁷⁶ Вид игры в кости.

⁷⁷ Ласкарис был библиотекарь французского короля Франциска I (1515–1547).

Ходили слушать публичные лекции, на торжественные акты, ораторские упражнения, декламации, на соревнования искусных адвокатов и на выступления евангелических проповедников.

Ходили в залы и места, устроенные для фехтования, и там Гаргантюа выступал против мастеров всякого оружия и доказывал им наглядно, что знал столько же, если не больше их. Вместо того чтобы собирать растения, они посещали лавки москательщиков, собирателей трав и аптекарей и внимательно рассматривали плоды и корни, листья, смолу, семена, всякие чужеземные мази и также, как их подделывали. Ходили смотреть акробатов, жонглеров и фокусников, и Гаргантюа изучал их Уловки и движения, прыжки и красноречие: особенно уроженцев Шони в Пикардии, так как те от природы большие краснобаи и молодцы дурачить людей.

Возвратившись к ужину, ели меньше, чем в другие дни, выбирая пищу более сушащую и более тощую, чтобы этим противодействовать сырости воздуха, в силу необходимости сообщаемой телу, и чтобы уменьшить вред от того, что они не имели обычных физических упражнений.

Так воспитывался Гаргантюа и преуспевал изо дня в день, извлекая, как вы сами понимаете, ту пользу, какую может извлечь юноша, соответственно своему возрасту одаренный умом, из таких непрерывных упражнений, которые хотя сначала и показались ему трудными, но впоследствии – такими легкими, приятными и любезными, что походили больше на королевские развлечения, чем на школьные занятия. Однако Понократ, желая дать своему воспитаннику отдохнуть от сильного умственного напряжения, раз в месяц выбирал погожий и ясный день, когда они с утра двигались за город и отправлялись в Жантильи, или в Булонь, или в Мон-Руж, в Пон-Шарантон, в Ванв, или в Сен-Клу. И там проводили весь день, услаждаясь, как только могли: шутили, смеялись, вдоволь угощались вином, играли, распевали песни, танцевали, валялись на траве лужаек, искали по гнездам птиц, ловили перепелов, лягушек и раков.

Но хотя такой день проходил без книг и чтения, все же не без пользы, потому что на лужайках они повторяли наизусть какие-нибудь приятные стихи из агрикультуры Вергилия, из Гезиода, из «Рустико» Полициана; списывали забавные латинские эпиграммы и потом перекладывали их во французские стихи в форме рондо и баллад.

Угощаясь, отделяли воду от вина, как учит Катон в сочинении «О деревенских делах» и Плиний, пользуясь для того плющом. Вино промывали в полном чану, откуда выливали его через воронку, а воду заставляли переливаться из одного сосуда в другой. Таким образом они соорудили несколько приборов-автоматов, то есть самодвижущихся.

ГЛАВА XXV. Как между пекарями из Лернэ и людьми из страны Гаргантюа возник великий спор, следствием чего были крупные войны

В то время года, когда бывает уборка винограда, в начале осени, местные пастухи занимались охраной виноградников и сторожили, чтобы скворцы не клевали винограда. В это время по большой дороге проезжали пекаря из Лернэ, с обозом в десять-двенадцать возов, нагруженных лепешками. Пастухи вежливо попросили пирожников снабдить их этим товаром по рыночной цене. Заметьте, что это божественная еда – съесть за завтраком винограду с лепешками (все равно какого: дамских пальчиков, изабеллы, малаги, коринки) для страдающих запором.⁷⁸

Просьбу пастухов пекаря не только не были склонны удовлетворить, но – что хуже – стали их оскорблять, обзывая их пустомелями, зубоскалами, пачкунами, тупоумными чурбанами, глухарями, тетерями, бездельниками, обжорами, пьяницами, фанфаронами, негодьями, бараньими башками, шелкунами, собаками, петухами, жадинами, флюгарками, тюфьяками, дубинами, оборванцами, лохмачами, сквернословыми, скрипунами, пастухами и другими, еще худшими словами. И к этому прибавили, что лепешки им-де не к лицу, и что они должны довольствоваться серым хлебом.

На такие оскорбления один из обиженных, по имени Форжье, очень честная личность и юноша знатный, тихо ответил:

– С каких пор у вас выросли рога, что вы стали так наглы? Ведь прежде вы нас обыкновенно охотно снабжали лепешками, а теперь отказываетесь. Это не по-соседски, и мы никогда не поступаем с вами так, когда вы приезжаете к нам покупать прекрасную пшеницу, из которой вы печете свои пироги и лепешки. Мы бы дали вам за них в придачу винограду, но теперь, клянусь богородицей, вы раскаетесь в этом: и вам как-нибудь придется иметь дело с нами, и тогда мы поступим с вами подобным же образом, – помните это.

Тогда Маркэ, великий жезлоносец⁷⁹ братства пекарей, отвечал:

– Право, ты очень петушишься сегодня. Не наелся ли ты вчера на ночь проса? Поди сюда, поди, я тебе дам лепешку.

Тогда Форжье, в простоте душевной, подошел и вытащил было из пояса монету, полагая, что Маркэ отпустит ему лепешек; но тот хлестнул его кнутом по ногам так, что появились рубцы, а сам хотел спастись бегством. Но Форжье, закричав во всю мочь: – Убийца! Насильник! – бросил в него толстой дубиной, которую носил под мышкой, и попал ему в шов лобной кости, прямо над височной артерией с правой стороны, так что Маркэ свалился со своей кобылы и похож был скорее на мертвого, чем на живого.

Тем временем подбежали хуторяне, которые неподалеку сбивали орехи длинными палками, и начали колотить пекарей как сыромолотную рожь. Другие пастухи и пастушки, слышав крики Форжье, прибежали с прутьями и палками и стали осыпать их камнями как градом. В конце концов они захватили их и отняли у них дюжины четыре-пять лепешек; все-таки они заплатили за них по обычной цене и дали им впридачу орехов и три корзинки белого винограду.

Пекаря помогли тяжело раненому Маркэ сесть на лошадь и вернулись в Лернэ, не продолжая пути в Парелье и крепко и сильно угрожая пастухам и хуторянам из Севилье и Синэ. После этого пастухи с пастушками отлично угостились лепешками с чудесным виноградом, повесе-

⁷⁸ Дальше идет непристойное описание действия такой еды.

⁷⁹ Т.-е. староста.

лились под звуки волынки, подсмеиваясь над хвастливыми пекарями, которым не повезло, потому что, верно, утром они не той рукой перекрестились.

К ногам Форжье заботливо и тщательно прикладывали кисти грубого винограда, так что он скоро излечился.

ГЛАВА XXVI. Как жители Лернэ под предводительством короля Пикрошоля напали без предупреждения на пастухов Гаргантюа

Вернувшись в Лернэ, пекаря сейчас же, не пивши, не евши, двинулись в Капитолий и на свою обиду изложили жалобу королю, которого звали Пикрошоль Третий, показали ему свои сломанные корзины, ободранные шляпы, разорванные плащи, раздавленные лепешки, а прежде всего тяжело раненого Маркэ, рассказав, что все это наделали пастухи и хуторяне Грангузье на большой дороге за Севилье.

Король пришел сейчас же в неистовую ярость и, не расспрашивая, как и почему, послал по всей стране кликнуть клич, чтобы каждый, под страхом веревки на шею, в полном вооружении явился в полдень на большую площадь перед королевским замком.

И, чтобы подтвердить свое решение, приказал бить в барабан вокруг города; сам же, пока готовили обед, пошел приказать, чтобы ставили! орудия на лафеты, развернули его знамя и значки и грузили побольше военного снаряжения и провианта. За обедом король давал поручения: так, г-ну Трепелю 96 было приказано командовать авангардом, в котором насчитывалось 16014 пицальников и 30011 других пехотинцев. Командиром артиллерии назначен был обер-шталмейстер Тукдильон; в ней насчитывалось 914 тяжелых бронзовых орудий: пушек, двойных пушек, сто василисков, серпентин и других.

Арьергард был поручен герцогу Ракденару. В отряде находились король и принцы королевства. Снарядившись в поход, раньше чем выступить, послали отряд легкой кавалерии из 300 человек, под началом капитана Ангулевана, чтобы ознакомиться с местностью и узнать, нет ли где поблизости засады. Но после тщательной разведки убедились, что все в округности тихо и спокойно, и нет никакого сборища. Услышав это, Пикрошоль приказал, чтобы все спешно шли под свои знамена. Тогда все в беспорядке бросились в поле, путаясь одни среди других, портя и уничтожая все попадавшееся на пути, не щадя ни бедного, ни богатого, ни святых мест, ни мирских; уводили быков, коров, волов, бычков, телок, овец, баранов, козлов и

коз; кур, каплунов, цыплят, утят, гусей и уток; боровов, свиной, поросят; сбивали орехи, обрывали виноград, уносили целые лозы, обтряхивали плоды с деревьев. Беспорядок производили несравнимый. И не было никого, кто бы им сопротивлялся, а каждый сдавался на их милость, умоляя поступить с ним почеловечнее, – во внимание к тому, что все время они были добрыми и любезными соседями. «Мы-де никогда не наносили вам никаких обид и оскорблений, за что терпеть нам такие мучения? Бог вас за это вскоре накажет». Но на все эти доводы последние отвечали только: «Мы хотели только научить вас есть лепешки».

ГЛАВА XXVII. Как некий монах из Севилье спас сады аббатства от вражеского разграбления

Так они бесновались, грабя и разбойничая, пока не дошли до Севилье и не разорили до нитки мужчин и женщин и не забрали у них всего, что могли, при чем ничто не было для них ни слишком горячим, ни слишком тяжелым. Хотя в большей части домов гнездилась чума, они входили всюду и расхищали все, что было внутри, и никто при этом не заболел, – случай прямо чудесный: ибо все священники и викарии, проповедники, врачи, хирурги и аптекаря, приходившие ухаживать за больными, лечить, исповедовать и наставлять их, – все перемерли, заразившись, а эти дьяволы – грабители и убийцы – не заболели. Отчего это, господа? Подумайте-ка об этом, прошу вас.

Разорив таким образом весь город, со страшным шумом добрались они до аббатства, но нашли его запертым и под крепкой охраной. Поэтому главная часть войска прошла мимо, к Ведскому броду, за исключением семи пеших отрядов и двух сотен копейщиков, оставшихся ломать ограду фруктового сада, чтобы испортить весь сбор винограда. Бедняги-монахи не знали, какому святому себя поручить. На всякий случай принялись бить *ad capitulum capitulantes*⁸⁰. Тут же было решено, пойти крестным ходом, с пением и литаниями, «*contra insidias*»⁸¹, и воззваниями «*рго расе*»⁸². В то время в аббатстве был монах, по имени брат Жан *Des Entommeures*⁸³, – брат-задира, человек молодой, нарядный, веселый, ловкий, сильный, смелый, отважный, решительный, высокий, худошавый, горластый, с выдающимся носом, торопливый в чтении часов, быстро отзванивавший мессу и вмиг отделявавшийся от вечерни. Словом, самый настоящий монах из всех, что существовали с тех пор, как монашеский мир обмонашился⁸⁴ монашеством. Кроме всего прочего, был учен до зубов в отношении требника.

И вот он, услышав шум, производимый неприятелем в их винограднике, вышел посмотреть, что там делается, и, видя, что опустошается виноградник, в котором заключался весь годовой запас вина, возвратился на хоры, в церковь, где были другие монахи, пораженные, как литейщики колоколов, разбившие форму. Видя, что они распевают: *Im, im, re, e, e, e, e, e, tum, um, in, i, ni, i, mi, so, o, o, o, o, o, gum, um*⁸⁵, закричал:

– Хороши песни! А что вы, с божьей помощью, не поете: «Прощай корзины, сбор окончен»⁸⁶? Чорт меня побери, если они не в нашем саду, и так режут и гроздья и лозы, что года четыре, ей-богу, нам придется подбирать одни оборыши. Клянусь чревом святого Иакова! Что мы, бедные, пить будем? Господи боже, *damihî rotum!* Дай мне пить, господи!

Тогда приор монастыря сказал:

– Что тут делает этот пьяница? Посадить его в карцер! Смеет нарушать богослужение!

– Но надо сделать, – сказал монах, – чтобы винослужение тоже не нарушалось; ведь сами вы, господин приор, любите выпить получше: так делает каждый порядочный человек; никогда благородный человек не ненавидит доброго вина: такова монашеская заповедь. А ваши песнопения, ей-богу, не ко времени. Почему часы наши во время жатвы и сбора винограда короткие, а зимой длинные?

⁸⁰ В подлиннике: «*ad capitulum capitulantes*» – «для вызова всех членов капитула».

⁸¹ «Против козней вражеских».

⁸² «О мире».

⁸³ «*Entamure*» – крошево.

⁸⁴ «*Le monde moinant moina de moinerie*».

⁸⁵ То есть: «*impetum inimicorum*» – «нападения врагов».

⁸⁶ Известная песенка: «*Adieu, paniers, vendanges sont faictes*».

«Покойный, блаженной памяти, брат Маса Пелос, истинный ревнитель нашей религии (черт меня побери, если я вру!), помнится, говаривал мне, что это по той причине, что в это время мы отжимаем виноград и готовим вино, а зимой его потребляем.

«Слушайте, господа, вы, которые любите вино: во имя тела господня, следуйте за мной. Потому что – да сожжет меня святой Антоний, если попробует вина кто-нибудь из тех, кто не будет помогать отстаивать виноградник. О чрево господне! Церковное имущество! О нет! Черт возьми! Святой Фома Английский⁸⁷ за церковное имущество принял смерть: значит, если я за это умру, – разве не попаду также в святые? Но я все-таки не умру, а заставлю умереть других».

Говоря это, он сбросил свою рясу и вооружился древком от креста, деланным из сердцевины ясеня, длиною с копье, а толщиной с кулак; на нем кое-где были нарисованы лилии, которые почти стерлись. Так он вышел в одном подряснике, перевязался рясой и кинулся с своим древком от креста на врагов, которые без всякого порядка, без знамен, трубача и барабанщика, обирали виноград в саду. Знаменщики поставили свои знамена вдоль стен, барабанщики проломали барабаны с одного боку, чтобы наполнить их виноградом, трубы тоже нагроулили гроздьями, – всякий безобразил по-своему. И он так свирепо ударил на них, без предупреждения, что опрокинул как свиней, – колотя направо и налево, по старинному способу. Одним он мозжил головы, другим ломал руки и ноги, другим вывихивал шейные позвонки, некоторым сбивал нос, выбивал глаза, дробил челюсти, заставлял давиться зубами, ломал ноги, выворачивал лопатки, бедра, дробил локтевые кости.

Если кто хотел спрятаться в гуще виноградных лоз, тем перебивал крестец и ломал поясицы как собакам. Если кто хотел спастись бегством, тому разбивал голову в куски, ударяя сзади по «ламбдовидному»⁸⁸ шву. Если кто лез на дерево, думая, что там он будет в безопасности, – того он сажал на свое древко как на кол. Если кто из его старых знакомых кричал ему: «Ах, друг мой, брат Жан, я сдаюсь», – он слышал в ответ: «Сколько хочешь, только вместе и всем чертям брешу сдашь».

И приканчивал сразу. А если кто-нибудь, охваченный дерзкой смелостью, хотел оказать ему сопротивление лицом к лицу, тому он показывал силу своих мышц, пронзая грудь сквозь грудную преграду и сердце, одних ударял под ребра, выворачивая желудок, и те умирали тут же.

Одни кричали: «Святая Варвара, помоги!» Другие – «Святой Георгий!» Третьи – «Святая Ни Туш!»⁸⁹ Одни умирали ничего не говоря, другие говорили не умирая; одни говорили умирая; другие умирали говоря. Были и такие, кто кричали во весь голос: «Confiteor, Miserere, In manus!»⁹⁰ Так громки ли крики раненых, что настоятель аббатства и все монахи выбежали, увидав этих несчастных, поверженных в винограднике и раненых на смерть, исповедали некоторых. Но пока священники исповедывали, молодые послушники прибежали к месту, где был брат Жан, и стали спрашивать, в чем он хочет, чтобы ему помогли.

На это он ответил, что нужно дорезать тех, что валяются на земле. Тогда послушники, развесив рясы на изгороди, стали дорезывать и приканчивать тех, кого он уже смертельно ранил. И знаете, каким орудием? Прекрасными резаками, величиной в половину тех ножей, какими дети в нашей стороне снимают шелуху с зеленых орехов.

Потом брат Жан встал со своим древком у пролома в стене, что пробил неприятель. Некоторые из монашеских унесли значки и знамена в свои кельи, чтобы наделать из них подвязок. Но когда те, кто исповедался, хотели уйти через брешь в стене, то брат Жан избивал их,

⁸⁷ Фома Бекет, епископ Кентерберийский, убит в 1162 г.

⁸⁸ Шов затылочной кости, в форме греческой буквы Л (лямбда).

⁸⁹ Не тронь этого.

⁹⁰ Форма молитвы на исповеди: «Исповедую. Милости жду. В руки твои».

приговаривая: «Те, что отысповедывались и раскаялись и получили отпущение грехов, – пойдут в рай по прямой, как серп, дороге».

Так, благодаря его удали, были уничтожены все те из неприятельской армии, кто вошел в сад, до 13 622 человек (не считая женщин и детей, что всегда подразумевается). Отшельник Можис⁹¹ – и тот не действовал так доблестно своей клюкой против сарацинов (про что написано в «Деяниях четырех сыновей Эмона»), как наш монах против неприятеля своим древком от креста.

⁹¹ Жил во время крестовых походов.

ГЛАВЫ XXVIII, XXIX и XXX

В этих главах повествуется о взятии приступом войсками Пикрошоля замка Ла-Рош-Клермо и о том, с какою горечью и тяжестью на душе принял известие об этом Грангузье, гревшийся у камина и рассказывавший мне и родным про доброе старое время. Он написал письмо к Гаргантюа в Париж, призывая его возвратиться и быть готовым на подвиги, которые должно совершить с наименьшим кровопролитием. В то же время Грангузье отправил начальника местной своей канцелярии Ульриха Галле послом в лагерь Пикрошоля, в Ла-Рош-Клермо. Там его не впустили в ворота замка, но Пикрошоль сам вышел на крепостной вал.

– Что нового? Что вы хотите сказать? – спросил он. И посол начал нижеследующую речь.

ГЛАВА XXXI. Речь, с которою Галле обратился к Пикрошолю

– Более справедливой причины для огорчения не может возникнуть между людьми, чем когда оттуда, откуда они по праву ожидают благожелательности и милости, получают досаду и обиду. И не без причины (хотя без разумного основания) многие в таких случаях считали подобную гнусность менее переносимой, чем собственная жизнь, и в случае, если ни силою, ни уменьем не могли исправить случившееся, – то сами лишали себя жизни.

«Поэтому неудивительно, если король Грангузье, мой господин, от твоего яростного и враждебного наступления пришел в великое неудовольствие и ум его смутился. Удивительно было бы, если бы его не взволновали те неслыханные насилия, которые в его землях и над его подданными совершены тобою и твоими людьми, – насилия беспримерные по своему бесчеловечию. Это столь ему тяжело потому, что любит он своих поданных сердечной любовью, какой еще ни один смертный не любил.

«Тем не менее, в рассуждении человеческого, еще более тяжело ему то обстоятельство, что подобные тяготы и несправедливости совершены тобой и твоими; ибо ты и предки твои с незапамятных времен водили дружбу с ним и предками его, и дружбу эту, как святыню, вы до сего времени нерушимо поддерживали и хранили; так что не только он и его народ, но и варварские народы – пуатвинцы, бретонцы и мансонцы, и те, что обитают за Канарскими островами и островом Изабеллы, считали столь же легким сокрушить твердь небесную и воздвигнуть бездны преисподней над тучами небесными, как и разрушить ваш союз; и так страшен был он для козней их, что никогда не смели они бросать вызов, раздражать или вредить одному из вас – из боязни другого!

«Более того. Эта священная дружба настолько наполняла собою всю поднебесную, что мало найдется живущих как на континенте, так и на океанских островах, кто бы честолюбиво не стремился быть принятым в этот союз, на условиях, вами самими продиктованных, союз этот как собственные земли и владения. На памяти человеческой не было властелина или союза, столь дикого или высокомерного, который посмел бы сделать набег – не говорю: на ваши земли – нет, но все же на земли ваших союзников. И если, следуя поспешным советчикам, какой-либо правитель пытался ввести какие-нибудь новшества, – то, услышав имя и титул вашего союзника, сейчас же отказывался от своих намерений. Какая же ярость подвигла тебя, разрушив всякий союз, поправ всякую дружбу, нарушив всякое право, враждебно вторгнуться в земли, – не будучи ни в чем ни им, ни кем-либо из его подданных обиженным, раздраженным или на это вызванным? Где верность? Где закон? Где разум? Где человечность? Где страх господень? Не мыслишь ли ты скрыть эти обиды от вечных духов бога всевышнего, который справедливо воздаст по делам нашим? Если ты мыслишь так, то ошибаешься, но все дойдет до суда его.

«Или это предназначено роком, или же это влияние звезд, что хотят положить конец твоему благополучию и покою? Конечно, все на свете имеет свой конец и обращение и, дойдя до высшей точки, рушится вниз, ибо долго пребывать в таком положении не может. Таков бывает конец тех, кто не умеет с разумной умеренностью пользоваться своим счастьем и благополучием.

«Но если так тебе было предопределено, и если ныне твоему покою и счастью должен придти конец, то нужно ли было, чтобы это произошло чрез вред и обиду королю моему, – тому, кто поставил тебя? Если дом твой должен пасть, – то нужно ли, чтобы он в своем крушении упал на очаги того, кто украсил его? Такая вещь настолько переходит границы разума, столь отвратительна здравому смыслу, что едва может быть понята человеческим разумением,

и до тех пор будет оставаться невероятной для посторонних, пока удостоверенный и засвидетельствованный результат не даст им понять, что нет ничего святого и священного для тех, кто отступил от бога и разума, чтобы следовать своим извращенным прихотям. Если бы нами был причинен твоим подданным или твоим владениям какой урон, если бы мы оказывали милость твоим зложелателям, если бы не помогли тебе самому, если бы нами было оскорблено имя твое и честь, или, лучше сказать, если бы злой дух-клеветник, пытаясь подвинуть тебя на зло, внушил тебе мысль (при помощи лживых призраков и обманчивых видений, намеков и нашептываний), что с нашей стороны по отношению к тебе было совершено что-нибудь недостойное нашей давнишней дружбы, то ты должен бы был сперва разузнать правду, а потом попробовать нас усовестить, и мы бы настолько удовлетворили тебя, что ты должен бы был остаться довольным. Но, боже вечный, что же ты предпринял? Не хотел ли ты, как вероломный тиран, разграбить и разорить королевство моего господина? Разве ты убедился, что он настолько низок и глуп, что не захочет, – или настолько беден людьми, казней, советом и военным искусством, – что не сможет сопротивляться несправедливому твоему нашествию?

«Уходи отсюда сейчас же и завтра же возвращайся навсегда в свои земли, не чиня на пути ни бесчинств ни насилий, и заплати за убытки, причиненные тобою в этих землях, тысячу безантов⁹². Половину ты доставишь завтра, половину – к ближайшим майским идам⁹³, оставив нам заложниками герцогов де-Турнемуль, де-Бадефесс и де-Менюайль, а также принца де-Гратель и виконта де-Морпийль».

⁹² Безант – золотая монета, около 20 франков.

⁹³ Иды – 15-е число месяца по римскому счислению.

ГЛАВА XXXII. Как Грангузье, желая купить мир, велел вернуть лепешки

С этими словами добрый Галле умолк. Но Пикрошоль на всю его речь ответил только следующее:

– Придите и возьмите, придите и возьмите! У наших все в порядке. Они вам наделают лепешек.

Тогда Галле вернулся к Грангузье и застал его в уголке кабинета – на коленях, с непокрытой головой молящимся богу о смягчении гнева Тикрошоля и о его вразумлении, дабы не пришлось прибегнуть к силе, увидев возвратившегося Галле, Грангузье спросил его:

– О друг мой, друг мой, какие вести принесли вы мне?

– Никакого толку, – сказал Галле, – этот человек совсем рехнулся, и бог его покинул.

– Однако, друг мой, – спросил Грангузье, – какие приводит он причины своего буйства?

– Никакой причины он мне не объяснил, – сказал только сердито что-то о лепешках. Не знаю, не было ли какой обиды его пекарям.

– Я хочу, – сказал Грангузье, – хорошенько разобрать это, раньше чем решать, что следует делать.

Грангузье поручил расследовать это дело и удостоверился, что его поди отняли силой несколько лепешек, и что Маркэ получил удар дубиной по голове; но при этом за все было хорошо заплачено, а названный Маркэ сам первый поранил своим бичом ноги Форжье. Весь королевский совет высказался за то, что необходимо обороняться.

Но, несмотря на это, Грангузье сказал:

– Раз вопрос только о нескольких лепешках, я попытаюсь удовлетворить Пикрошоля, так как мне очень неприятно затевать войну.

Тогда он справился, сколько было взято лепешек, и, услышав, что четыре или пять дюжин, велел за ночь приготовить пять возов лепешек, при чем на одном должны были положить лепешки, приготовленные на лучшем масле, на самых свежих желтках, на прекрасном шафране и других пряностях, – для передачи Маркэ. Кроме того он дарил Маркэ 100 003 золотых филиппа для уплаты цырюльникам, которые его лечили, и отдавал ему и его потомству в вечное владение мызу Ла Помардьер.

Чтобы свезти и доставить все это, был послан Галле, который велел по дороге нарвать около Сольсэ побольше камыша и тростника и убрать ими все возы и дать в руки каждому вознице; он сам взял пучок в руки, желая этим дать понять, что они хотят только мира и пришли его получить.

Подъехав к воротам, он просил аудиенции у Пикрошоля от имени Грангузье, но тот не захотел ни впустить их, ни сам выйти и говорить: ним, а велел им передать, что ему некогда, и чтобы они сказали, чего они хотят, капитану Тукдильону, который на стенах устанавливал какое-то орудие. Галле сказал последнему:

– Господин, чтобы избавить вас от всяких споров и лишить вас оправдания в том, что вы не хотите восстановить прежний союз, – мы возвращаем вам лепешки, предмет раздора. Наши взяли пять дюжин и хорошо за них заплатили; мы же так миролюбивы, что возвращаем вам пять возов, из которых вот этот для Маркэ, наиболее пострадавшего. Сверх того, для полного его удовлетворения, вот эти 700 003 филиппа, которые я ему вручаю, а в возмещение убытков, которые он может требовать, я передаю ему в вечное и потомственное владение мызу Ла-Помардьер; вот грамота на передачу. Ради бога, будем отныне жить в мире: весело возвращайтесь домой, оставьте это Место, на которое, как вы сами сознаете, вы не имеете никакого права; будем друзьями, как и прежде.

Тукдильон пересказал все это Пикрошолю и, подзадоривая его храбрость, сказал:

– Эти мужики очень испугались. Ей-богу, Грангузье, этот несчастный пьяница, обмарлся со страха. Его дело не воевать, а опустошать бутылки. Я того мнения, что надо задержать лепешки и деньги, потом спешно укрепиться здесь и воспользоваться счастливым случаем. Неужели они думают, что имеют дело с дураком, и надеются умаслить вас лепешками? Вот что: ваше хорошее обращение и большая фамильярность, которую вы допускали, сделали вас в их глазах достойным пренебрежения: приласкайте мужика, он вас уколет; уколите его – он станет ласкаться.

– Так, так, так, – сказал Пикрошоль. – Они свое получают! Делайте, как сказали!

– Только об одном могу вас предупредить. Мы здесь плохо снабжены провиантом и съестными припасами. И если Грангузье нас осадит, то я сейчас же вырву себе зубы, оставив штуки три; то же пускай сделают все другие, а то чересчур скоро съедем всю провизию.

– У нас, – сказал Пикрошоль, – съестного слишком достаточно. Что мы здесь есть будем или воевать?

– Конечно, воевать, – отвечал Тукдильон, – но с пустым брюхом не заплянешь, а где царит голод, там сила в изгнании.

– Ну, довольно болтать, – сказал Пикрошоль, – забирайте, что они привезли.

Тогда они захватили деньги, лепешки, волов и телеги, а проводников отослали домой без всякого ответа, только сказали, чтобы они не подходили близко, а почему – скажут им завтра. Так, ничего не сделав, вернулись те к Грангузье и рассказали ему все, прибавив, что никакой надежды принудить их к миру, кроме как войной.

ГЛАВА XXXIII. Как иные из губернаторов Пикрошоля поспешными советами поставили его в крайне опасное положение

Когда лепешки были захвачены, перед Пикрошолем предстали герцог дю-Менюайль, граф Спадассен и капитан Мердайль и сказали ему:

– Государь, сегодня мы сделаем вас счастливейшим и победоноснейшим из всех государей, живших после Александра Македонского.

– Наденьте, наденьте шляпы, – сказал Пикрошоль.

– Благодарим, государь, – сказали они. – Мы знаем свой долг. Вот средство для этого: вы оставьте здесь какого-нибудь капитана с небольшим отрядом людей командовать гарнизоном и охранять место, которое на наш взгляд достаточно защищено как самой природой, так и укреплениями, возведенными по вашему плану. Вашу армию вы разделите на две части, как вам покажется лучше. Одна обрушится на этого Грангузье и его людей. С ними вы легко покончите с первого же натиска. Там вы, понятно, заберете денег кучи, потому что у этого мужика их достаточно, – у мужика, говорим мы, потому что у благородного принца никогда нет ни одного су. Копить – дело подлых людей. Одновременно с этим другая часть армии должна направиться к Они, Сентонжу, Ангмуа и Гаскони, Перигору, Медоку и к Ландам. Крепости, города, замки они заберут без сопротивления. В Байонне, в Сен Жан-де-Люк и Фонтараби вы захватите все корабли и, крейсируя у берегов Галисии и Португалии, разграбите все прибрежные страны, до Лиссабона, где найдете подкрепление во всем, потребном завоевателю. О господа! Испания сдастся, ведь это все мужичье. Дальше вы пройдете Сибиллиным проливом⁹⁴, там воздвигнете два столпа, великолепнее, чем Геркулесовы, на вечную память о вашем имени, и пролив получит имя Пикрошолева моря. Проходите Пикрошолево море, и Барбаросса становится вашим рабом...

– Я, – сказал Пикрошоль, – его помилую.

– Хорошо, – сказали они, – пусть так, лишь бы он принял крещение. Вы завоюете королевства: Тунис, Гипп, Алжир, Бону, Кирену, всю Барбарию. Идя дальше, вы захватите в свои руки Майорку, Минорку, Сардинию, Корсику и другие острова Лигурийского и Балеарского морей. Обогнув левый берег, вы завладеете Галлией Нарбоннской, Провансом, землей Аллоброгов, Генуей, Флоренцией, Луккой, и – прощай Рим! Бедный господин папа! Он со страху уже умирает!

– Ей-богу, – сказал Пикрошоль, – я не стану целовать его туфли.

– По взятии Италии – Неаполь, Калабрия, Апулия, Сицилия, а также и Мальта в ваших руках. Желал бы я, чтобы любезные эти рыцари, некогда родосские, оказали вам сопротивление, – посмотрел бы, как они обмочатся.

– Охотно, – говорит Пикрошоль, – отправился бы я в Лоретто.

– Нет, нет, – говорят они, – это будет на возвратном пути. Оттуда мы возьмем Кандию, Кипр, Родос и Цикладские острова и пойдём на Морею. Она – наша. Святитель Треньян!⁹⁵ Храни боже Иерусалим, потому что могуществу султана далеко до вашего!

– О, я, – говорит Пикрошоль, – велю построить храм Соломона.

– Нет, – говорят они, – погодите еще немного; не будьте никогда столь быстры в ваших предприятиях. Знаете, что говорил Октавиан Август? «Спешите, не торопясь». Раньше вам надо

⁹⁴ Гибралтар.

⁹⁵ Такого святого христиане не знают. Есть святой Эн्यान.

получить Малую Азию, Карию, Ликию, Памфилию, Киликию, Лидию, Фригию, Вифинию, Мизию, Харазию, Саталию, Самагерию, Кастамену, Лугу, Савасту⁹⁶, – вплоть до Евфрата.

– А увидим мы, – говорит Пикрошоль, – Вавилон и гору Синай?

– Пока, – говорят они, – в этом нет надобности. Разве мало хлопот переплыть Гирканское море, проскакать по трем Армениям и по трем Аравиям?

– Ну, ей-богу, – говорит Пикрошоль, – мы сошли с ума! О бедняжки!

– В чем дело? – говорят они.

– А что мы будем пить в этих пустынях? Юлиан Август⁹⁷ со всем своим войском, говорят, погиб там от жажды.

– Мы, – говорят они, – уже обо всем распорядились. Вы имеете 9014 больших судов с грузом лучших в мире вин на Сирийском море: они прибыли в Яффу. Там нашлось 2 200 000 верблюдов и 1 600 слонов, которых вы захватили на охоте в окрестности Сигельма, когда вступили в Ливию, и сверх того у вас в руках весь караван, направляющийся в Мекку. Разве они не снабжены вином в достаточном количестве?

– Пожалуй, – говорит он, – но мы не выпьем свежего вина.

– Честью клянемся, – говорят они, – черт возьми, герой, победитель, претендент на мировой престол не всегда может удовлетворить все прихоти! Возблагодарим господа, что вы вместе с вашими людьми добрались целыми и невредимыми до реки Тигра.

– Ну, – говорит Пикрошоль, – а что делает тем временем та часть нашей армии, которая разбила этого негодного пьяницу Грангузье?

– О, они не гуляют, – отвечают те, – мы скоро с ними встретимся. Они завоевали для вас Бретань, Нормандию, Фландрию, Гэно, Брабант, Артуа, Голландию, Зеландию. Они перешли Рейн по трупам швейцарцев и ландскнехтов, а часть их покорила Люксембург, Лотарингию, Шампань и Савойю до Лиона; тут они нашли ваши гарнизоны, возвратившиеся после морских побед, и соединились в Богемии, разорив Швабию, Вюртемберг, Баварию, Австрию, Моравию и Штирию. Затем они вместе сильно ударили на Любек, Норвегию, Швецию, Данию, Готланд, Гренландию, Исландию – до Ледовитого океана. После этого завоевали Оркадские острова и подчинили Шотландию, Англию и Ирландию. Проплыв оттуда по Песчаному морю⁹⁸ и мимо сарматов, они победили и покорили Пруссию, Польшу, Литву, Россию, Валахию, Трансильванию, Венгрию, Болгарию, Турцию, и находятся в Константинополе.

– Поедем же к ним поскорее, – сказал Пикрошоль, – я очень хочу быть также императором трапезундским. Разве мы не перебьем всех этих собак – турок и магометан?

– А какого же черта! – сказали они. – Что нам еще делать? И вы раздадите их земли и имена тому, кто вам честно будет служить.

– Сам разум того требует; это только справедливо, – сказал он. – Вам я даю Карманию, Сирию и всю Палестину!

– А, это очень милостиво с вашей стороны. Весьма благодарны вам, государь, – сказали они. – Да даст вам господь вечное благополучие!

Тут присутствовал один старый дворянин, человек испытанный в различных приключениях, подлинный воин, по имени Эхефрон; слыша такие речи, он сказал:

– Я очень боюсь, что все это ваше предприятие похоже на известный фарс про горшок с молоком, благодаря которому один башмачник мечтал разбогатеть, а горшок разбился, и ему нечем было пообедать. Чего вы добьетесь путем таких славных побед? Каков будет конец стольких трудов и злоключений?

⁹⁶ Часть географических названий выдумана Раблэ, часть – древние государства Малой Азии.

⁹⁷ Римский император Юлиан-Отступник (умер в 363 г.).

⁹⁸ Вероятно, Балтийское, которое называлось так благодаря песчаным отмелям.

– Конец будет таков, что, возвратившись, мы отдохнем в свое удовольствие, – сказал Пикрошоль.

– Ну, а в том случае, – спросил Эхефрон, – если вы никогда не возвратитесь? Ведь путешествие и долгое и опасное. Не лучше ли было бы отдохнуть теперь, не подвергаясь случайностям?

– О, – сказал Спадассен, – ей-богу, вот мечтатель! Ну что ж, забьемся в угол у камина и будем вместе с дамами коротать свой век за нанизыванием жемчуга или за прялкой, как Сарданапал. «Избегаяй рати ни коня ни осла не имать», – сказал еще Соломон.

– «А кто слишком, – сказал Эхефрон, – станет рисковать, и осла и коня может потерять», – ответил Малькон.

– Ну, довольно, – сказал Пикрошоль, – идем дальше. Боюсь я только этих чертовских легионов Грангузье. Что, если – пока мы будем в Месопотамии – они пойдут на нас с тылу? Какое средство против этого?

– Очень хорошее, – сказал Мердаиль. – Маленький приказ, который вы пошлете москочитам, в один миг доставит на поле брани четыреста пятьдесят тысяч отборных бойцов. О, если бы меня сделали вашим заместником, я бы наколотил вам их! Затопчу, загрызу, захвачу, разнесу, – сокрушу!

– Ну, ну, – сказал Пикрошоль, – теперь поторопитесь. Кто меня любит, пусть следует за мной!

ГЛАВА XXXIV. Как Гаргантюа оставил Париж, чтобы поспешить на помощь родине, и как Гимнаст встретил неприятеля

В этот самый час Гаргантюа, на своей громадной кобыле выехавший из Парижа сразу по прочтении письма от отца, проехал уже мост Ноннэн; с ними были Понократ, Гимнаст и Эвдемон, которые, чтобы поспевать за ним, взяли почтовых лошадей. Остальной обоз, везущий его книги и философские приборы, шел обычной скоростью. Приехав в Парилье, Гаргантюа получил известие от арендатора Гугэ, что Пикрошоль укрепился в Ла-Рош-Клермо и послал капитана Трипе с большой армией атаковать леса Вед и Вогодри, и что посланные грабили все дворы вплоть до винодельни Бильяр и, чему было странно и трудно верить, творили насилия по всей стране. Гаргантюа был напуган этим и не знал, что говорить и что делать.

Но Понократ дал ему совет: отправиться к господину де-Вогийону, который был их другом и союзником с давнего времени, и у него получше осведомиться обо всех делах. Так немедленно они и сделали и нашли его в полной готовности помочь им. Он был того мнения, что хорошо бы послать кого-нибудь из своих людей разведать о положении в стране и состоянии неприятеля, и потом действовать согласно плану, соответствующему моменту. Гимнаст вызвался идти; но было решено, чтобы для лучшего успеха он взял с собой кого-нибудь, кто знал бы все дорожки и тропинки и реки в окрестностях. Поэтому он отправился с Преленганом, конюшим Вогийона, и они бесстрашно обследовали местность во всех направлениях. Гаргантюа тем временем отдохнул и подкрепил силы со своими людьми, велев дать меру овса его кобыле; это было семьдесят четыре мюйда⁹⁹ и три четверика.

Гимнаст, едучи со своим товарищем, встретил врагов, рассыпавшихся в беспорядке, грабивших и воруящих все, что могли. Заметив их издали, разбойники сбежались толпой, чтобы их почистить. Тогда Гимнаст закричал им:

– Господа, я – бедный дьявол, я прошу вас помиловать меня. У меня еще есть несколько экю; мы на них выпьем: это, как говорится, *augum potabile*¹⁰⁰; а лошадь мою продадим, чтобы оплатить мое счастливое прибытие; после этого считайте меня своим, потому что нет человека, который сумеет изловить, нашпиговать, изжарить, приготовить и, ей-богу, разрезать и приправить курочку, как я. За мой *proficiat*¹⁰¹, пью за всех добрых товарищей!

Тут Гимнаст открыл свою железную бутылку и, запрокинув голову, изрядно выпил. Бездельники смотрели на него, разинув рот на целый фут и высунув язык, как борзые собаки, в ожидании выпить после него, но в эту минуту подбежал капитан Трипе – посмотреть, что здесь делается.

Гимнаст предложил ему свою бутылку, говоря:

– Натe, капитан, пейте смело; я уж попробовал: это вино из Ла-Фэ-Монжо.

– Как, – сказал Трипе, – этот мужлан потешается над нами! Кто ты такой?

– Я, – сказал Гимнаст, – просто бедный дьявол.

– А, – сказал Трипе, – раз ты бедный дьявол, то можно тебя пропустить, потому что всякий черт проходит повсюду безданным, беспошлинно; но необычно, чтобы бедные черти ездили на таких добрых конях. Поэтому, господин дьявол, сойдите с коня, а я на него сяду; а если он меня плохо повезет, – то, господин дьявол, меня повезете вы, я очень люблю, чтобы черт меня нес!

⁹⁹ Мюйд – мера сыпучих и жидких тел – около 18 гектолитров.

¹⁰⁰ Золото, которое можно пить.

¹⁰¹ Латинское слово: «Да будет благоприятно». Формула тоста (у ученых).

ГЛАВА XXXV. Как Гимнаст ловко убил капитана Трипе и других людей Пикрошоля

Услышав эти слова, некоторые из них испугались и стали креститься обеими руками, думая, что перед ними переряженный дьявол. Один них, по имени Добрый Жоан, начальник деревенской милиции, вытащил из своего гюльфика молитвенник и громко закричал:

– Если ты от бога, говори! Если ты от другого¹⁰², уходи!

Но тот не уходил; многие из солдат услышали это и отошли от компании; Гимнаст замечал все это и соображал. Он сделал вид, что слезает с коня, и, свесившись с левой стороны лошади, ловко перевернулся в стремени, с большой своей шпагой на боку, и, проскочив под лошадь, тотчас взметнулся в воздух и вскочил обеими ногами на седло, стоя задом к голове лошади, и сказал: «Плохи мои дела!» Затем на том же месте подскочил на одной ноге и, сделав оборот налево, возвратился в прежнее положение.

Тогда Трипе сказал:

– Гм, сейчас я этого не буду делать, на что есть причина.

– Скверно! – сказал Гимнаст, – я ошибся; сейчас прыгну по-другому.

И вот с большой силой и ловкостью он сделал прыжок как прежде, но только с оборотом направо. Затем просунул большой палец правой руки под луку седла, всем корпусом поднялся на воздух, поддерживая тело исключительно одними мускулами и нервами названного большого пальца, и в таком положении перевернулся три раза. На четвертый, опрокинувшись всем телом и ни до чего не касаясь, поднялся между ушей лошади, поддерживая тело на воздухе большим пальцем левой руки, и в этом положении сделал круг, а затем, хлопнув ладонью правой руки по середине седла, перекинулся на круп коня, сев по-дамски.

Сделав это, он с той же легкостью перевел правую ногу поверх седла и оказался в положении наездника на крупе. Тут он сказал: «Лучше будет поместиться между луками». И, упершись в круп лошади большими пальцами обеих рук, перекувырнулся в воздухе и очутился в правильном положении уже между луками; затем прыжком подбросил себя в воздухе и так держался на седле, сдвинув ноги; в таком положении перевернулся еще раз сто, со скрещенными на груди руками, крича громким голосом:

– Я беснуюсь, дьяволы, беснуюсь, черти, беснуюсь! Держите меня, дьяволы, держите!

Пока он так вольтижировал, ротозеи в великом изумлении говорили друг другу:

– О, мать божия, это оборотень или черт переряженный. «Ab hoste maligno libera nos, Domine!»¹⁰³

И пустились бежать, оглядываясь как собака, укрывшая дичь. Тогда Гимнаст, видя выгоду своего положения, сходит с коня, обнажает шпагу и начинает поражать ударами самых важных. Он навалил их целые кучи, раненых, убитых, избитых, и никто не оказывал ему сопротивления, полагая, что это голодный дьявол, как из-за его замечательной вольтижировки, так и на основании тех речей, которые вел с ним Трипе, называя его бедным чертом. Правда, Трипе предательски хотел ему раскрыть череп своею ландскнехтской шпагой, но он был хорошо защищен доспехами и почувствовал лишь тяжесть удара; быстро обернувшись, он бросился на Трипе, на лету нанес ему удар острием шпаги и, в то время как тот прикрывался сверху, одним ударом распорол ему желудок, ободочную кишку и полпечени, отчего Трипе упал на землю и, падая, испустил из себя более четырех горшков супу, а вместе с супом и дух.

¹⁰² Т.-е. дьявола.

¹⁰³ «От лукавого врага избави нас, господи!»

После этого Гимнаст ретировался, полагая, что никогда не следует гнаться за счастьем до его поворота, и что каждому рыцарю к своей Удаче следует относиться почтительно, не принуждая и не насилуя ее.

Вскочив на коня, он вонзил ему шпоры и поскакал прямой дорогой на Вогийон, и Преленган вместе с ним.

ГЛАВА XXXVI. Как Гаргантюа разрушил замок де-Вед, и как они перешли брод

Приехав, Гимнаст рассказал, в каком положении застал неприятеля, и о военной хитрости, которую он употребил один против всей их оравы, утверждая, что это бездельники, грабители, разбойники, полные невежды в военном деле, и что Гаргантюа с его спутником смело можно пуститься в путь, потому что им будет очень легко перебить их как скотов.

Тогда Гаргантюа сел на свою громадную кобылу, в сопровождении своих спутников, как мы выше сказали. По дороге, встретив высокое и большое дерево (которое в народе называли «деревом святого Мартина», потому что оно выросло из посоха, посаженного там когда-то святым Мартином) Гаргантюа сказал:

– Вот что мне было нужно. Это дерево будет мне служить и посохом и копьем.

Он легко вытащил дерево из земли, оборвал ветки и обработал по-своему усмотрению. В это время кобыла его стала мочиться, чтобы облегчить живот, сделав это так обильно, что на семь миль затопила окрестность, и вся моча стекла к броду де-Вед и так подняла уровень воды, что вся толпа неприятелей в великом ужасе потонула, кроме некоторых, взявших дорогу к холмам налево.

Когда Гаргантюа прибыл в лес Вед, Эвдемон ему сообщил, что остатки неприятеля засели в замке. Чтобы проверить это, Гаргантюа закричал во всю мочь:

– Там вы или не там? Если вы там, то не будьте больше там; если не там, то мне нечего говорить.

Один негодяй-пушкарь, стоявший у бойницы, выстрелил в него из пушки и попал ему в правый висок, но удар причинил ему боли не больше, чем если бы в него бросили косточкой от сливы.

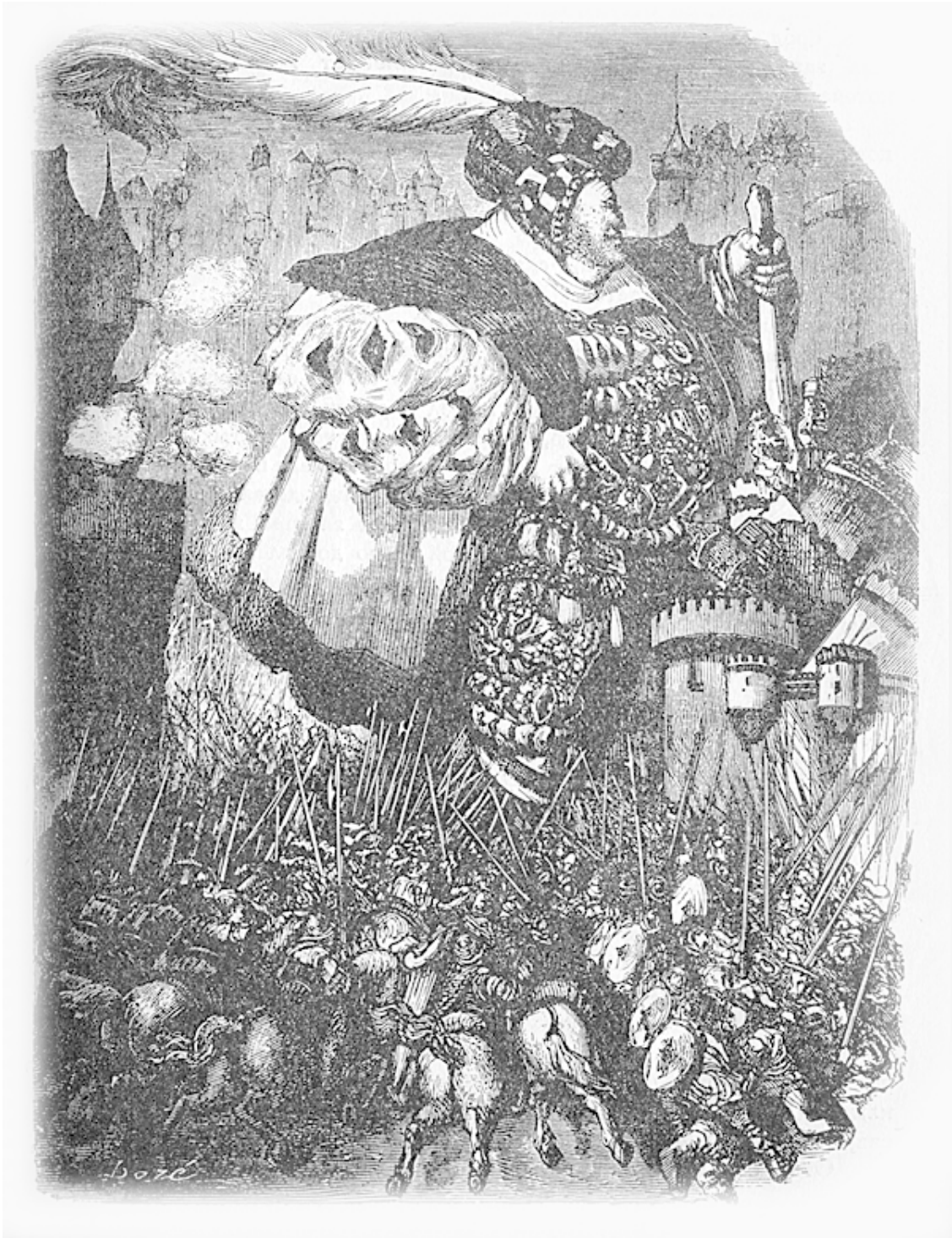
– Что такое? – сказал Гаргантюа. – Вы бросаете в нас виноградом?! Дорого же вам обойдется сбор! I

Он в самом деле думал, что ядро – это виноградина. Те, что были в замке заняты грабежом, услышав шум, побежали к башням и бастиона и выпустили в него больше 9 025 зарядов из бомбард и пищалей, целясь все в голову, и пальба была такая частая, что Гаргантюа закричал:

– Понократ, друг мой, эти мухи слепят мне глаза. Дайте мне какую-нибудь ветку с этих ив, чтобы отмахиваться от них.

Он думал про свинцовые пули и артиллерийские камни, что это слепни. Понократ убедил его, что это не слепни, а артиллерийские выстрелы, и что стреляют из замка.

Тогда Гаргантюа стал колотить своим громадным деревом по замку и – удар за ударом – снес и башни и бастионы и все обрушил на землю. Благодаря этому все находившиеся в замке были разбиты в куски.

Отправившись отсюда, они прибыли к мосту у мельницы и нашли весь брод покрытым трупами так густо, что мельничный проток был запружен; это были те, что погибли от мочевого кобыльего потопа.

Они были в раздумье, как им перейти, в виду нагромождения трупов. Но Гимнаст сказал:

– Если черти здесь переходили, то и я отлично перейду.

– Дьяволы-то, – сказал Эвдемон, – переходили, чтобы унести души осужденных.

– О, святой Треньян, – сказал Понократ, – из этого неизбежно следует, что и он переберется.

– Разумеется, да, – отвечал Гимнаст, – или застряну на дороге.

Пришпорив коня, он свободно переехал на другую сторону, и лошадь ничуть не испугалась мертвых, потому что он ее приучил, согласно учению Элиана, не бояться ни душ ни тел мертвых, не убивая людей, как Диомед, убивавший фракийцев, и Улисс, клавший тела убитых врагов под ноги коню, – как рассказывает Гомер, – а просто, кладя перед нею в сено чучело, заставлял ее переходить через него, когда давал ей овес.

Трое других благополучно проследовали за ним, за исключением Эвдемона, лошадь которого увязла правой ногою до колена в брюхе жирного и толстого негодяя, потонувшего навзничь, и никак не могла вытащить ее оттуда, оставаясь увязшей, пока Гаргантюа концом своей клюки не погрузил остатков требухи этого подлеца в воду, и тогда лошадь подняла ногу и (поразительная вещь в гиппиатрии¹⁰⁴) вылечилась от опухоли на этой ноге от прикосновения к потрохам толстого плута.

¹⁰⁴ Гиппиатрия – наука о лечении лошадей.

ГЛАВА XXXVII. Как Гаргантюа вычесывал пушечные ядра из волос

Проехав по берегу Вед, они немного спустя добрались до замка Грангузье, который дожидался их с большим нетерпением. По прибытии они угощались вовсю; никогда мир не видал более веселых людей, потому что «*Supplementum supplementi chronicorum*»¹⁰⁵ говорит, что Гаргамель от радости умерла. Сам я ничего об этом не знаю, и мне мало заботы как о ней, так и о всякой другой.

Правда, однако, в том, что, переодеваясь и причесываясь своим гребнем величиною в сто канн¹⁰⁶, усыпанным зубьями из цельных слоновых клыков, Гаргантюа стал при каждом зачесе вытряхивать больше семи снарядов, застрявших в волосах во время уничтожения леса Вед.

Отец его Грангузье, заметив это, подумал, что это вши, и сказал ему:

– Милый сын мой, неужели ты занес к нам ястребов из Монтэгу¹⁰⁷. А я и не подозревал, что ты там жил.

Тогда Понократ возразил:

– Господин, не думайте, что я поместил его во вшивый коллеж, называемый Монтэгу. Я предпочел бы поместить его среди нищих святого Иннокентия, из-за ужасной жестокости и мерзости, которые я там узнал: с каторжанами у мавров и татар, с убийцами в уголовных тюрьмах и уж конечно с собаками в вашем доме обращаются гораздо лучше, чем с несчастными в этом коллеже. И будь я в Париже королем, черт меня побери, если бы я не поджег того дома и не сжег с ним вместе и принципала и надзирателей, которые допускают такую бесчеловечную жестокость у себя на глазах!

Подняв один из снарядов, он сказал:

– Это пушечные ядра, которые получил сын ваш Гаргантюа при проходе через лес Вед, благодаря предательству ваших врагов. Но и они получили за это вознаграждение, и все погибли под развалинами замка, как филистимляне от хитрости Самсона и как те, которых раздавила башня Силоамская, о чем написано в евангелии (от Луки, XIII). Я того мнения, что надо за ними идти в погоню, пока счастье за нас.

– Правда, – говорит Грангузье, – но не сейчас. Я хочу этот вечер попраздновать, и добро пожаловать!

При этих словах подали ужинать, – и сверх всего были зажарены 16 быков, 3 телки, 32 теленка, 63 молочных козленка, 95 баранов, 300 молочных поросят под чудесным соусом, 220 куропаток, 700 бекасов, 400 каплунов людионуасской и корнваллийской породы и 1 700 жирных экземпляров других пород, 6 000 цыплят и столько же голубей, 600 рябчиков, 1 400 зайцев, 303 штуки дроф и 1 700 каплунов.

Дичи не могли достать сразу в таком количестве; было 11 кабанов, присланных аббатом из Тюрпенэ, 18 штук красного зверя – подарок г-на де-Гранмона; затем 140 фазанов – от сеньора Дезессара; несколько дюжин диких голубей, речной птицы, чирков, выпи, кроншнепов, ржанок, лесных куропаток, казарок, морских уток, чибисов, диких гусей больших и карликовых, а также хохлатых цапель, аистов, стрепетов и фламинго с красным оперением, красноешек, индюшек; в добавление было несколько сортов похлебок.

¹⁰⁵ «Дополнение к дополнению к хроникам».

¹⁰⁶ Канна – мера длины, равная нашей сажени.

¹⁰⁷ Коллеж Монтэгу, где воспитывалось до двухсот учеников, славился ужасными условиями, в которые они были поставлены.

Кушаний было в изобилии, и они были приготовлены добросовестно Фрипесосом, Ошпо и Пильвержюсом¹⁰⁸.

Жано, Микель и Верренэ подали хорошо выпить.

¹⁰⁸ «Fripresaulce» соответствует нашему «Блюдолиз»; Hochepot – сорт рагу; Pilleverjus – «Жги винцо».

ГЛАВА XXXVIII. Как Гаргантюа съел в салате шестерых паломников

Ход событий требует рассказать о том, что случилось с шестью паломниками, которые пришли из Сан-Себастьяна, близ Нанта, и, чтобы найти себе на эту ночь (из страха перед неприятелем) убежище, спрятались в саду, в горохе, между капустой и латуком. Гаргантюа почувствовал жажду и спросил, нельзя ли найти латука, чтобы сделать салат. Услышав, что латук здесь растет самый большой и самый лучший во всей стране, – величиною со сливовое или ореховое дерево, – он пожелал нарвать его сам и принес в руках, сколько захотелось; и вместе с латуком – шестерых паломников, которые так испугались, что не решались ни кашлянуть, ни вымолвить слова.

Пока салат промывался в источнике, паломники шептались друг с другом:

– Что нам делать? Мы тут потонем, в этом латуке. Не заговорить ли нам? Но если заговорить, он нас убьет как шпионов!

Пока они так рассуждали, Гаргантюа положил их вместе с латуком в салатник, размерами в систойскую бочку, и вместе с маслом, уксусом и солью начал есть, чтобы подкрепиться перед ужином, и уже проглотил пятерых паломников. Шестой оставался в салатнике, спрятавшись под лист салата, из-под которого, однако, выглядывал его посох. Грангузье, увидев его, сказал:

– Я думаю, что это рожок улитки, не ешьте ее.

– Почему? – говорит Гаргантюа. – В этот месяц улитки бывают хороши.

И, потащив посох, с ним вместе поднял паломника и проглотил его. Потом отхлебнул ужасающий глоток белого вина и стал ждать, пока подадут ужин.

Проглоченные таким образом паломники, как могли, выбрались из-под жерновов его зубов и думали, что их посадили в заключение в подземелье. А когда Гаргантюа делал свой глоток, они уже испугались, что потонут у него во рту; винный поток почти унес их в пропасть его желудка; однако, прыгая с помощью посохов, как паломники св. Михаила, они выбрались на свободу, на края зубов. К несчастью, один из них, исследуя посохом местность, чтобы увериться в безопасности, грубо ударил в дуло одного пустого зуба, затронув челюстной нерв, чем причинил Гаргантюа очень сильную боль, и тот начал кричать от бешенства. Чтобы уменьшить боль, он приказал подать свою зубочистку и, побежав к ореховому дереву, выковырял господ паломников. Одного ухватил за ноги, другого за плечи, третьего за суму, четвертого за кошель, пятого за перевязь, а беднягу, который ушиб его посохом, зацепил за гульфик.

Это было для Гаргантюа великим счастьем, потому что тот проткнул ему гнойную опухоль, которая мучила его с того времени, как они прошли Ансени. Вытащенные паломники во всю прыть побежали через сад, а у Гаргантюа сразу прошла боль.

Тут Эвдемон позвал его ужинать, потому что все было готово.

– Я пойду, – сказал Гаргантюа, – отолью свою боль.

И он помочился так обильно, что моча его перерезала паломникам дорогу, и они были вынуждены перебираться через большой поток.

Проходя оттуда по опушке рощи, все они (исключая Фурнилье) попались в западню, сделанную, чтобы ловить волков, из которой вырвались благодаря искусству Фурнилье, который разорвал все шнуры и все веревки. Выйдя оттуда, на остаток ночи они расположились в какой-то хижине около Кудрэ, и тут один из их товарищей, по имени Усталый Пешеход, утешал их добрыми словами в их несчастье, осведомив их, что это приключение было предсказано Давидом в псалме: – «Когда восстали люди на нас, – могло быть, что живыми проглотили бы нас», – это когда нас съели в салате с солью, – говорил он. – «И так как ярость их распалаялась на нас, – может быть, вода поглотила бы нас», – это когда он делал свой большой глоток... «Быть

может, душа наша переходит течение вод непреоборимое»... – это когда мы переходили через великую топь его мочи, которой он перерезал нам путь. «Благословен господь, не давший нас в добычу их зубам. Душа наша, как воробей, захвачена была охотничьим силком», – это когда мы попали в западню. «Западня была разрушена», – с помощью Фурнилье, – «и мы стали свободны. Помощь и защита наши», и т. д.

ГЛАВА XXXIX. Как чествовал монаха Гаргантюа и какие прекрасные речи говорил за ужином

Когда Гаргантюа сел за стол, и первые куски были проглочены, Грангузье начал рассказывать об источнике и причине войны, возникшей между ним и Пикрошолем; он подошел к тому месту рассказа, как брат Жан восторжествовал при защите садов аббатства, и восхвалял его подвиги превыше подвигов Камилла, Сципиона, Помпея, Цезаря и Фемистокла. Тогда Гаргантюа попросил немедленно послать за монахом, чтобы посоветоваться с ним о том, что теперь делать. По его желанию, дворецкий отправился за монахом и весело привел его с древком от креста на муле Грангузье. Когда он прибыл, его встретили тысячами ласк, тысячами объятий, тысячами приветствий... – Ага, брат Жан, друг мой! – Брат Жан, мой сватушка! – А, чорт возьми, брат Жан, давай обнимемся!

И брат Жан шутил и смеялся. Никогда не было такого вежливого и учтивого человека!

– Ну, ну, – говорил Гаргантюа, – скамейку тут поставьте, с этого края, рядом со мной.

– Я тоже так хочу, – говорит монах, – раз вам угодно. А ну-ка, паж, воды! Лей, дитя мое, лей! Вода освежит мне печень. Давай сюда, я прополощу себе горло.

– *Deposita cappa*¹⁰⁹, – сказал Гимнаст. – Снимем рясу.

– Ах, помилуй бог! – говорит монах. – Сударь, есть глава в статутах нашего ордена, которая не одобряет такой вещи.

– К дьяволу, – говорит Гимнаст, – к дьяволу эту главу! Ряса ваша давит вам плечи, скиньте ее.

– Друг мой, – говорит монах, – оставь ее на мне, в ней мне только лучше пьется: она веселит мне тело. Если я ее скину, господа пажи наделают из нее подвязок, как это со мной было раз в Кулэне. Кроме того, у меня пропадет аппетит. А если я в этом платье сяду за стол, то, ей-богу, выпью и за тебя и за твоего коня с радостью. Храни боже от зла честную компанию! Я уже поужинал, но оттого есть буду нисколько не меньше: желудок мой вымощен, пуст, как башмак святого Бенедикта, и всегда открыт, как адвокатская мошна! Да, как говорится: у всякой рыбы, кроме линя... берите крылышко куропаточки, либо бедрышко монашенки¹¹⁰. Наш приор очень любит белое мясо каплунов.

– В этом, – сказал Гимнаст, – он вовсе не похож на лисиц! Те у каплунов, кур и цыплят никогда не едят белого мяса.

– Почему? – спросил монах.

– Потому что у них нет поваров, чтобы его варить, а если мясо не доварено, оно остается красным, а не белым. Краснота мяса есть признак того, что оно не доварено, исключая омаров и раков, которых, когда варят, производят в кардиналы.

– О, праздник божий! – сказал монах. – У лекаря нашего аббатства голова плохо сварена, – глаза у него красны как чашки из ольхи. А вот это заячье бедро хорошо для подагриков! А кстати, о ляжках, – почему это бедра у барышень всегда прохладны?

– Такой проблемы, – сказал Гаргантюа, – нет ни у Аристотеля, ни у Александра Афродизийского, ни у Плутарха.

– По трем причинам, – сказал монах, – какое-нибудь место бывает прохладно. *Primo* – потому что вода протекает вдоль. *Secundo* – потому что место это тенисто, темно и сумрачно, и солнце там никогда не светит; и в-третьих – потому что оно всегда освежается ветрами от колыхания рубашки и особенно от гульфика. Веселей, паж, наливай! Крак-крак-крак! Как добр

¹⁰⁹ «Отложив плащ» (рясу).

¹¹⁰ Из народного стиха: «*De tous poissons, fors la tenche, prenez le dos, laissez penche*».

господь, что дает такое доброе вино! А ей-богу, живи я во времена Иисуса Христа, я охранил бы его от того, чтобы евреи схватили его в Масличном саду. И черт меня возьми, если бы я не подрезал поджилок господам апостолам, которые так трусливо бежали после того, как хорошо поужинали, и доброго учителя своего оставили в нужде! Хуже яда ненавижу человека, который бежит, когда надо поиграть ножом.

«Ох! Побывать бы мне французским королем лет восемьдесят или сто! Ей-богу, я бы обрехал уши и оскопил беглецов из-под Павии. Лихорадка их побери! Почему они не умерли там скорее, чем бросить в нужде своего доброго государя? Не лучше ли и не почетнее ли умереть, доблестно сражаясь, чем жить, постыдно убежав? В нынешнем году! гусей нам уже не есть... Гей, дружок, положи-ка свинины! А, дьяволы! Сусла больше нет! *Germinavit radix Jesse*.¹¹¹ Отказываюсь жить, умираю от жажды... Это вино не из худших. А какое вино вы пили в Париже? Черт меня возьми, больше полгода я держал там свой дом открытым для всех желающих! А знакомы ли вы с братом Клавдием из Верхнего Барруа? Вот славный товарищ! Но какая муха его укусила? С некоторых пор (не знаю, с которых) он только и делает, что учится. А я вот совсем не учусь! Мы в нашем монастыре совсем не учимся из боязни заушницы. Покойный аббат наш говорил, что чудовищная это вещь – вид ученого монаха. Ей-богу, сударь, друг мой, *magis magnos clericos non sunt magis magnos sapientes*...¹¹² О, столько зайцев, как в нынешнем году, никогда не видели! Ни ястреба, ни сокола зато нигде не мог я достать. Г-н де-Беллоньер обещал мне балабана, но недавно он писал мне, что тот стал задыхаться. Нынешний год куропатки нам все уши протрещат. Никакого удовольствия не нахожу расставлять сети, потому что простужаюсь; если я не бегаю, не хлопочу, – мне всегда не по себе. Правда, прыгая через кусты и изгороди, часто оставляешь ключья рясы. Приобрел я прелестную борзую. Дьявол побери меня, ежели она упустит зайца. Лакей вел ее к г-ну де-Молерие: я его ограбил! Плохо я поступил?

– Ничуть, брат Жан, – сказал Гимнаст, – ничуть, клянусь всеми чертями, ничуть!

– Итак, за чертей, пока они есть! Господи боже! Что бы стал делать с этой борзой тот хромой? Ей-богу, ему куда приятней, если ему подарят пару волов.

– Как это вы, брат Жан, – сказал Понократ, – все время божитесь?

– Это только для того, чтобы украсить мою речь! Это цветы цистероновской риторики!

¹¹¹ «Корень Иисея дал ростки».

¹¹² На средневековой латыни: «Наиболее великие из духовенства не принадлежат к великим ученым».

ГЛАВА XL. Почему монахов избегают, и почему у одних носы длиннее, чем у других

– Клянусь верой христианина, – сказал Эвдемон, – я начинаю очень задумываться, видя порядочность этого монаха, который так развеселил нас всех. Но почему, однако, монахов чураются во всякой порядочной компании, зовут их «портильщиками праздников», гонят их как пчелы трутней от улья. «Ignavum fucos recus, – говорит Марон, – a praesepibus arcent»¹¹³.

На это Гаргантюа ответил:

– Нет ничего более верного, как то, что ряса и клобук навлекают на себя упреки и оскорбления и всеобщие проклятия, подобно тому как ветер, говорит Цециас, притягивает тучи. Первая причина этому та, что они пожирают мирские нечистоты, то есть грехи; и, как жующих навоз, их прогоняют в их убежище, то есть в их монастыри и аббатства, лишённые приличного обращения, как отхожие места при домах. Но если вы понимаете, почему в семье всегда высмеивают и дразнят какую-нибудь обезьяну, вы поймете и то, почему все, и старики и молодые, избегают монахов. Обезьяна не сторожит дома, как собака, не тащит плуга, как вол, не дает ни шерсти, ни молока, как овцы, не возит тяжестей, как лошадь. Все ее дело – везде гадить и все портить, вот почему и получает она от всех насмешки и пинки. Подобно этому и монах (говорю о монахах-тунеядцах) – не работает, как крестьянин, не охраняет страны, как воин, не лечит больных, как врач; не проповедует и не учит народа, как хороший евангелический доктор богословия и педагог; не доставляет удобных и необходимых для государства предметов, как купец. Вот причина, почему над ними издеваются и их чураются...

– Но ведь, – сказал Грангузье, – они молятся за нас богу.

– Ничуть не бывало, – ответил Гаргантюа. – Правда только то, что они изводят всех соседей треньканьем своих колоколов.

– Да, – говорит монах, – обедни, утрени и вечерни, хорошо отзвоненные, наполовину отслужены.

– Они бормочут себе под нос многое множество всяких житий и псалмов, которых сами не понимают. Отчитывают десятками «Отче наш» вперемежку с длинными «Богородицами», не вникая в смысл и не думая. Я называю это насмешкой над богом, а не молитвою. Помогай им бог, если они молятся за нас, а не из страха потерять свои хлебы и жирные супы. Все истинные христиане, всех состояний, во всех местах и во всякое время молятся богу, и дух молится и предстательствует за них, и бог посылает им свои милости. Таков и наш добрый брат Жан. Поэтому всякий желает иметь его в своем обществе. Он – не ханжа, не ходит в лохмотьях, честен, весел, решителен, хороший товарищ; он работает, трудится, защищает угнетенных, утешает скорбящих, помогает страждущим, стережет сады аббатства.

– Я, – говорит монах, – делаю еще больше. Справляя заутрени и панихиды на хорах, я в то же время делаю тетивы для лука, полирую стрелы для арбалетов, делаю сети и сачки для ловли кроликов. Я никогда не бываю праздным. Ну, а теперь выпьем! Выпьем! Дай-ка фруктов! А вот каштаны из Эстрокского лесу, со свежим добрым винцом. Эй, вы там! Вы еще не развеселились! А я, ей-богу, пью из каждого брода, как лошадь сборщика!

Гимнаст сказал ему:

– Брат Жан, оботрите каплю, что у вас висит на носу.

– Ха-ха! – сказал монах. – Разве я могу утонуть, если я по нос в воде? О нет, нет! А почему нет? Ибо вода выходит из носа, а не входит в нос, потому что он защищен виноградом.

¹¹³ Стих Виргилия: «Ульи свои охраняют от трутней постыдного стада».

Друг мой, друг мой! Будь у кого зимние сапоги из такой кожи, он бы смело мог в них ловить устриц, потому что они никогда не промокают.

– Почему, – спросил Гаргантюа, – у брата Жана такой красивый нос?

– Потому что, – отвечал Грангузье, – так было угодно богу, который творит нос по таким формам, согласно своему божественному замыслу как горшечник отливает свою посуду.

– Потому, – сказал Понократ, – что брат Жан попал раньше других на ярмарку носов. Он и выбрал себе нос покрасивее и побольше.

– Поехали! – сказал монах. – Согласно истинной монастырской философии, это потому, что у моей кормилицы груди были мягкие: когда я ее сосал, мой нос уходил в них, как в масло, и там поднимался и рос, как тесто в квашне. А у чьих кормилиц груди твердые, те выходят курносыми. Ну, веселей, веселей, *ad formam nasi cognoscitur ad te levavi*¹¹⁴. Я варенья никогда не ем. Паж! Влаги! И также – жаркого!

¹¹⁴ «По форме носа он узнает, что я поднимал его к тебе».

ГЛАВА XLI. Как монах усыпил Гаргантюа, и о его часослове и требнике

Кончив ужинать, стали совещаться о неотложных делах, и было решено около полуночи выйти на разведку, чтобы выяснить дозоры и бдительность врагов, а пока же решили отдохнуть немного, чтобы быть свежее. Но Гаргантюа не мог уснуть, как ни старался. Тогда монах сказал ему:

– Я никогда так хорошо не сплю, как за проповедью или за молитвою. Умоляю вас, начнем вместе семипсалмие, – увидите, что вы сейчас же заснете.

Эта выдумка очень понравилась Гаргантюа, и при начале первого псалма, на словах «Beati quorum»¹¹⁵, заснули оба. Но монах не преминул проснуться до полуночи, – так он привык вставать к монастырской утрени. Проснувшись, он разбудил всех остальных, затянув во весь голос песню:

Го, Реньо, вставай, вставай,
Поднимайся, не зевай!

Когда все проснулись, он сказал:

– Господа, говорят, что заутреня начинается с прокашливания, а ужин с выпивки. Сделаем наоборот – заутреню начнем с выпивки, а вечером, перед ужином, прокашлиаемся: у кого лучше выйдет?

Гаргантюа на это сказал:

– Пить в такую рань, сразу со сна! Это нездорово. Надо сначала очистить желудок от излишков и от нечистот.

– Это очень здорово, – сказал монах. – Сто чертей мне в тело, если старых пьяниц на свете не больше, чем старых докторов. Я со своим аппетитом заключил такой договор, чтобы он всегда ложился спать со мною, и на это я даю распоряжение в течение дня; встает он тоже вместе со мной. Принимайте сколько хотите ваше слабительное, а я пойду за своим рвотным.

– За каким рвотным? – спросил Гаргантюа.

¹¹⁵ «Блаженны, иже...»

– За моим требником, – сказал монах. – Точь-в-точь как соколничие, прежде чем кормить своих птиц, заставляют их погрызть куриную ножку, чтобы очистить их мозг от слизи и возбудить аппетит, так и я, взяв этот веселый требничек, утром прочищаю себе легкие, и вот я готов пить.

– По какому чину, – сказал Гаргантюа, – читаете вы этот прекрасный часослов?

– А по чину Феканского аббатства¹¹⁶: три псалма и три чтения, а то и вовсе ничего, – кто не хочет. Я никогда не подчиняюсь часам: часы для человека, а не человек для часов. Поэтому со своими часами я делаю как с ремнями у стремян: укорачиваю и удлиняю, как мне кажется удобным. «Brevis oratio repetrat coelos, longa potatio evacuat scyphos»¹¹⁷. Где это написано?

– Ей-богу, – сказал Понократ, – не знаю, мой милый, – но ты многого стоишь!

– В этом, – сказал монах, – я похож на вас. Но, Venite apotemus¹¹⁸!

Приготовили побольше жарких и хлеба в бульоне, и монах выпил в свое удовольствие. Одни поддержали ему компанию, другие – уклонились. А потом все стали снаряжаться и вооружаться, и монаха тоже вооружили, против его воли; потому что он не хотел другого вооружения, кроме рясы на животе да древка от креста в руке. Но ради них он все же вооружился с головы до ног и уселся на доброго королевского скакуна и сбоку привесил тяжелый меч. С ним вместе выехали Гаргантюа, Понократ, Гимнаст, Эвдемон и еще двадцать пять самых отважных из Дома Грангузье, все вооруженные как нельзя лучше, с копьями в руках, На конях, как святой Георгий, и у каждого сзади, на крупе коня, сидел стрелок.

¹¹⁶ Фекан – аббатство в провинции; распущенность его монахов вошла в поговорку.

¹¹⁷ «Краткая молитва проникает на небо, длинная выпивка опустошает бокалы».

¹¹⁸ «Придите, выпьем» (пародия на «Venite adoremus» – «Приидите, поклонимся»).

ГЛАВА XLII. Как монах всеял в товарищей мужество, и как он повис на дереве

Итак, благородные бойцы отправляются в свое предприятие, твердо решив взвешивать, какую встречу следует принять и какой остерегаться, когда наступит день великого и страшного боя. А монах придает бодрости, говоря:

– Вперед, дети, без страха и сомнения! Я поведу вас наверняка. С нами бог и святой Бенедикт! Если бы сила моя равнялась моей храбрости, черт возьми, я бы ошпил вам их как утку. Я не боюсь ничего, кроме артиллерии. И то я знаю некую молитву, которую мне передал второй пономарь нашего аббатства и которая может уберечь человека у всякого огнестрельного оружия; но мне эта молитва мало приносит пользы, потому что я в нее не верю. Тем не менее мое древко от креста наделает черт знает чего. И, ей-богу, если кто из вас вздумает куда-нибудь нырнуть, то черт меня побери, если я его не сделаю монахом и не наряжу в свою рясу: эта ряса – лекарство от трусости. Разве вы не слышали о борзом кобеле г-на де-Мерль, совершенно не годном на охоте? Тогда г-н де-Мерль надел на него рясу. Клянусь телом господним, что с тех пор ни один заяц, ни одна лисица не вырвались от него; и еще больше: он покрыл всех сучек в округе, а до того был *De frigidis et maleficiatis*¹¹⁹ совсем бессильным!

Монах, в гневе произнося последние слова, подъехал под орешник и забралом шлема зацепился за обломившуюся толстую ветку. Невзирая на это, он лихо пришпорил коня, который был чувствителен к уколам и рванулся вперед; а монах, желая отцепить забрало от сучка, выпустил поводья и на руке повис на ветвях, меж тем как лошадь из-под него ускакала. Таким образом монах оставался висеть на орешнике и звал на помощь от убийц, видя в этом измену.

Первым заметил его Эвдемон, и позвал Гаргантюа:

– Государь, подите и посмотрите на висящего Авессалома.

Подъехав, Гаргантюа рассмотрел позу монаха, и каким образом он висел, и сказал Эвдемону:

– Вы неудачно вспомнили, сравнив его с Авессаломом, потому что Авессалом повис на волосах; а монах – с бритой головой – повис на ушах.

– Помогите же! – вскричал монах. – Дьявол побери! Время ли тут балагурить? Вы похожи на проповедников-декреталистов, которые говорят, что если кто увидит ближнего в смертельной опасности, то должен под страхом троекратного отлучения, прежде чем помочь, убедить его отысповедываться и удостоиться благодати. Поэтому, когда я увижу таких проповедников, упавших в воду и тонущих, – вместо того чтобы протянуть им руку, я прочту им длинную проповедь *de contemptu mundi et fuga saeculi* – о презрении к миру сему и о преходящести века сего, а когда они станут окоченелыми трупами – выловлю их.

– Не шевелись, крошка, – сказал ему Гимнаст, – я сниму тебя, ты милый, маленький монашек. «*Monachus in claustro non valet ova duo: sed quando est extra, bene valet triginta*»¹²⁰. Я видел больше пятисот повешенных, но не видел ни одного, который висел бы с такой грацией, и если б она была у меня, я хотел бы висеть так всю свою жизнь.

– Скоро вы напроповедуетесь? – сказал монах. – Помогите мне ради бога, если не хотите помочь ради другого¹²¹. Клянусь платьем, которое ношу, вы раскаетесь в этом *tempore et loco praelibatism*.

¹¹⁹ «Из холодных и неспособных».

¹²⁰ «Монах в монастыре и пары яиц не стоит, но на воле стоит добрых тридцать».

¹²¹ Т.-е. дьявола.

Тогда Гимнаст сошел с лошади и, взобравшись на дерево, одной рукой поднял монаха под мышки, а другой отцепил его забрало от сука, и монах упал на землю, а Гимнаст за ним. Спустившись, монах сейчас же сбросил с себя всю ратную сбрую и расшвырял по полю одну часть за другой. Взяв свое древко от креста, он сел на своего коня, которого поймал Эвемон, и так они весело поскакали по пути к Соллэ.

ГЛАВА XLIII. Как передовой отряд Пикрошоля попался навстречу Гаргантюа, и как монах убил капитана Тиравана, а потом попал в плен к врагам

Пикрошоль, после донесения тех, которые успели спастись от поражения, когда Трипе был выпотрошен, охвачен был сильным гневом, слыша, что дьяволы напали на его людей, и всю ночь держал совет, на котором Гастиво и Тукдильон высказывали мнение, что могущество его таково, что он мог бы разбить всех дьяволов ада, если бы они явились. Пикрошоль не верил этому вполне, но в то же время не был уверен и в противном

Однако он послал на разведку, под командой графа Тиравана, тысячу шестьсот всадников легкой кавалерии, хорошо окропив их всех святой водой и каждому повязав епитрахиль вокруг шеи; на тот случай, если они встретят дьяволов: те исчезли бы и расточились от действия как епитрахилей, так и грегорианской воды¹²².

Они доехали почти до Вогийона и Маладри, но нигде не встретили никого, с кем бы поговорить; тогда они вернулись верхней дорогой, и в пастушьей хижине, близ Кудрэ, нашли пятерых паломников. Поколотив их и связав, они увели их в качестве шпионов, несмотря на мольбы, клятвы и просьбы.

Спустившись оттуда к Севилье, они были услышаны Гаргантюа, который сказал своим людям:

– Товарищи, здесь предстоит схватка; их вдесятеро больше, чем нас. Ударим на них?

– Черт возьми! – сказал монах. – Что же мы будем делать? Вы мерите людей числом, а не доблестью и отвагой? – И потом закричал: Ударим, черти, ну, живее!

Слыша это, неприятели подумали, что, наверное, это были истинные дьяволы, и поэтому пустились бежать, бросив поводья, все, за исключением Тиравана, который взял копьё наперевес и со всей мочи ударил монаха в грудь. Но, встретив страшную рясу, железо копья затупилось, будто свечка, которою ударили по наковальне. Тогда монах так ударил его древком от креста между шеей и колетом, в самую кость акромия¹²³, что тот, пораженный, потерял сознание и недвижимый упал к ногам лошади.

Монах, увидев епитрахиль, которую тот носил в виде перевязи, сказал Гаргантюа:

– Это – священники, то есть монахи только в зачатке. Я же, клянусь святым Иоанном, – полный монах, и набью вам их как мух.

Крупным галопом он поскакал вслед за ними, настиг задних и стал молотить их как рожь, нанося удары направо и налево. Гимнаст спросил у Гаргантюа, надо ли их сейчас преследовать, на что Гаргантюа ответил:

– Ничуть! Согласно истинной военной науке, никогда не следует доводить своих врагов до отчаяния, потому что необходимость увеличивает силы и мужество, которые уже ослаблены и истощены, и нет лучшего средства спасения для людей оцепеневших и истомленных, чем потеря всякой надежды на спасение. Сколько побед было вырвано побежденными из рук победителей, когда те, вопреки рассудку, стремились к полному уничтожению и совершенному избиению неприятеля, не желая оставить ни одного, кто мог бы сообщить об этом! Нет, всегда оставляйте неприятелю все ворота и дороги открытыми, и скорее постройте для них серебряный мост, чтобы отправить их.

– Правда, – сказал Гимнаст. – Но ведь у них монах!

¹²² «Грегорианская вода», изобретение которой приписывалось папе Григорию III, – это вода, смешанная с вином и пеплом и служившая для омовения оскверненных храмов.

¹²³ Лопатка.

– Монах, – сказал Гаргантюа, – у них? Честное слово, им же хуже! Но, чтобы быть готовыми ко всяким случайностям, не будем пока отступать. Подождем здесь в тишине, потому что я думаю, что достаточно узнал характер наших врагов. Они руководятся случаем, а не разумом.

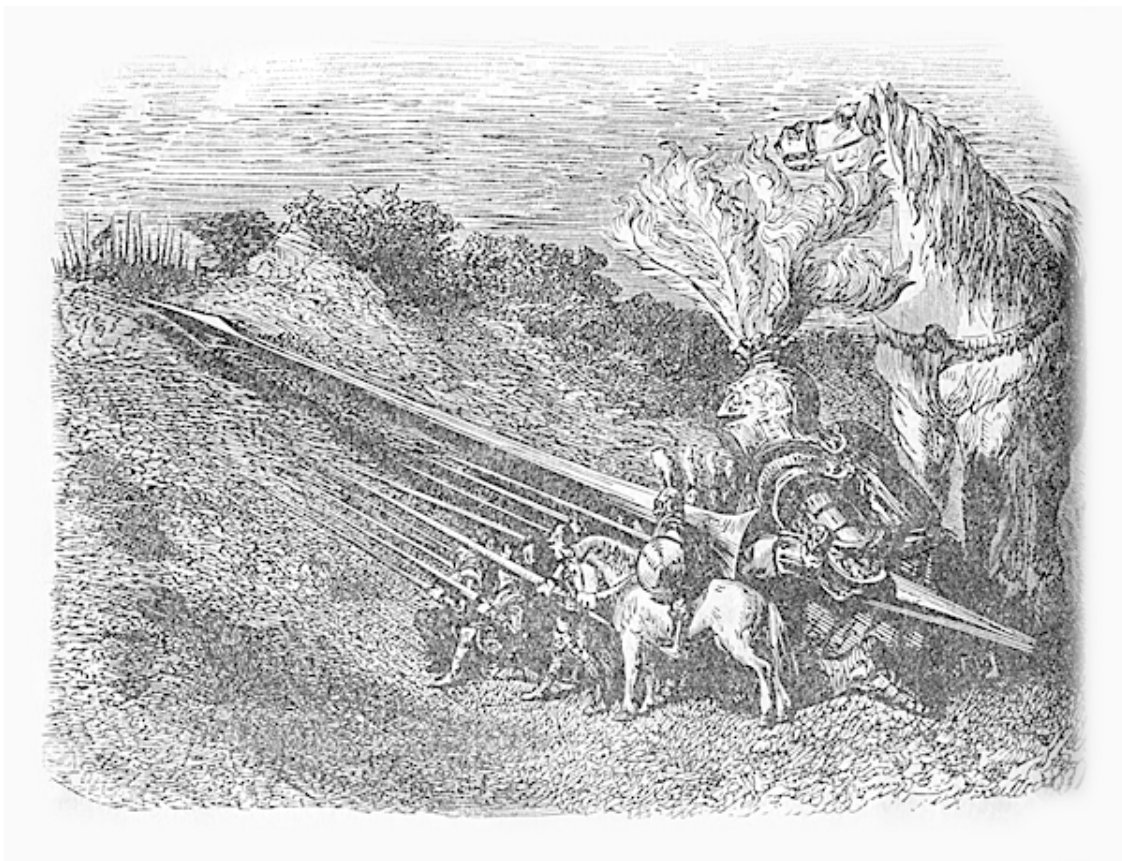
Пока они ждали так под орешником, монах продолжал преследование, поражая без всякой пощады всех, кого встречал, пока не встретил всадника, который вез на крупе коня одного из несчастных паломников, и когда он хотел поразить его, паломник закричал:

– О, господин приор, друг мой, господин приор, спасите меня, прошу вас!

Услышав эти слова, враги обернулись и, заметив, что тут был только монах, который так скандалил, стали колотить его, как деревянного осла, – однако он ничего не чувствовал, даже когда они били его по рысе: такая у него была твердая кожа.

Поручив его стеречь двум стражам и повернув лошадей, они никого заметили впереди себя, из чего заключили, что Гаргантюа со своим отрядом бежал. Тогда они бросились во весь опор к долине Нуарет, чтобы догнать его, и оставили монаха одного с двумя стражами. Гаргантюа услышал шум и ржанье лошадей и сказал своим:

– Товарищи, я слышу топот врагов и уже вижу некоторых из них, которые идут на нас толпою. Сомкнем свои ряды в боевой порядок на дороге: таким образом мы сможем встретить их к нашей чести и их погибели.

ГЛАВА XLIV. Как монах отделался от своих сторожей, и как был разбит отряд Пикрошоля

Монах, видя, как они уехали в беспорядке, вывел заключение, что они нападут на Гаргантюа и его людей, и был страшно огорчен, что не может им помочь. Потом по поведению своих сторожей он увидел, что они охотно поскакали бы за отрядом, чтобы поживиться чем-нибудь, так как все время посматривали на долину, в которую спускался отряд.

– Эти люди очень плохо обучены военному делу, потому что не потребовали от меня обещания не бежать и не отобрать у меня моего меча, – рассуждал он.

После того он внезапно выхватил свой меч и ударил стража, что держал его справа, полностью перерезав ему гортанную вену и сонную артерию на шее, вместе с язычком, вплоть до желез, и, повторив удар, вскрыл ему спинной мозг между вторым и третьим позвонками: страж упал мертвым. А монах, повернув свою лошадь налево, наехал на другого, который, видя, что его товарищ мертв, и монах приближается к нему, закричал во весь голос:

– Господин приор, я сдаюсь! Господин приор, добрый мой друг, господин приор!

А монах тоже кричал:

– Господин постериор, мой друг, господин постериор¹²⁴, вы получите по вашему заду.

– О! – сказал страж, – господин приор, дорогой господин приор, дай вам бог быть аббатом!

– Клянусь рясой, – сказал монах, – что я ношу, я здесь же вас сделаю кардиналом. Что же, вы хотели подкупить духовное лицо? Сейчас вы получите красную шапку из моих рук.

Страж кричал:

– Господин приор, господин приор, господин будущий аббат, господин кардинал, господин всё! Ах! Ох! Эх! Нет, господин приор, мой добрый господинчик приор, я сдаюсь вам, сдаюсь!

– А я тебя сдаю, – сказал монах, – всем чертям.

И одним ударом пробил ему голову, сломав черепную коробку над височной костью, и отделил от затылка обе теменные кости и большую часть лобной доли вместе с стреловидным мостом. Тем же ударом он пробил ему обе мозговые оболочки, так что обнажились желудочки, и задняя часть черепа повисла над плечами (точно шапочка доктора, черная сверху и красная внутри). Тут стражник мертвый свалился на землю.

После этого монах пришпорил лошадь и помчался по тому пути, по которому шли враги, встретившие Гаргантюа и его товарищей на большой дороге, но так значительно поубавившись в числе, благодаря страшному избиению, которое произвел Гаргантюа своим деревом, Гимнаст, Понократ, Эвдемон и другие. Видно было, что враги обратились в бегство в таком ужасе и безумном смятении, как если бы увидели перед своими глазами призрак смерти.

Как осел, которого под хвостом кусает овод Юноны или просто муха, бегаёт без пути и дороги, сбросив вьюк на землю, оборвав вожжи, удила, без отдыха и передышки, и никто не знает, кто его толкает, так как не видит, что его трогает, – так бежали и эти люди, потерявшие рассудок и не знавшие причины своего бегства. Ибо их преследовал лишь панический ужас, охвативший их души.

Монах, видя, что единственной их мыслью было убежать, сходит с коня, взбирается на большой камень, стоявший на пути, и своим большим мечом поражает беглецов со всего размаху, не щадя себя. Он перебил и поверг на землю такое количество врагов, что меч его сло-

¹²⁴ Игра слов: «приор» (prior, ср. ...a priori) – «тот кто впереди (другого)»; «постериор» (posterior, ср. «a posteriori») – «тот, кто сзади (позже) другого».

мался пополам. Тут он решил, что довольно жертв и убийств, и что остальные Должны убежать, чтобы известить своих. Все-таки он схватил в руку секиру одного из тех, что лежали мертвыми, и снова вернулся на камень, где и занялся тем, что стал смотреть, как бегут враги и спотыкаются о трупы, и, кроме того, заставлял всех оставлять пики, шпаги, копья и пищали, а тех, что везли связанных паломников, он скинул с лошадей, которых отдал названным паломникам, держа их с собой около изгороди, как и Тукдильона, которого взял в плен.

ГЛАВА XLV. Как монах привез паломников, и о хороших словах, сказанных королем Грангузье

По окончании схватки Гаргантюа ушел со своими людьми, за исключением монаха, и к вечеру они пришли к Грангузье, который в постели молился богу о даровании им спасения и победы. Увидев всех их целыми и невредимыми, он с любовью расцеловал их и стал расспрашивать о монахе.

Но Гаргантюа ответил ему, что монах, несомненно, попал к врагам.

– О, – сказал Грангузье, – тогда им не поздоровится.

И это было очень верно. Ведь до сих пор в ходу поговорка: «запустить кому-нибудь монаха»¹²⁵.

Он тотчас же приказал подать хороший завтрак, чтобы подкрепить их. Когда все было готово, позвали Гаргантюа; но он был так опечален исчезновением монаха, что не хотел ни пить, ни есть. И вдруг появляется монах и кричит от восторга:

– А ну-ка свежего винца, свежего винца, Гимнаст, мой друг! Гимнаст вышел и увидел, что это брат Жан, который привез пять паломников и пленного Тукдильона. Тогда и Гаргантюа вышел навстречу, монаху оказали самый лучший прием, какой могли, и привели к Грангузье, который стал расспрашивать его обо всех приключениях. Монах рассказал обо всем: как его взяли в плен, как он покончил со стражником, какую бойню учинил он по дороге, как он отобрал паломников и привез капитана Тукдильона.

Потом все принялись весело пировать. Между тем Грангузье спрашивал паломников, из какой они страны, откуда пришли, куда направляются. За всех ответил Усталый Пешеход:

– Государь, я из Сен-Жену, в Берри; этот из Палуо, тот – из Онзэ, этот из Аржи, а тот – из Вильбрена. Мы идем из Сен-Себастьяна, что у Нанта, и теперь возвращаемся небольшими переходами.

– Хорошо! – сказал Грангузье. – Но что вы хотели делать у святого Себастьяна?

– Мы хотели, – сказал Пешеход, – принести ему свои обеты против чумы.

– О, – сказал Грангузье, – бедные люди, неужели вы думаете, что святой Себастьян насылет чуму?

– Ну да, конечно, – это утверждают наши проповедники.

– Да? – сказал Грангузье. – Значит, лжепророки объявляют вам такую ложь? Таким образом они клеветают на святых, праведников божьих, уподобляя их дьяволам, сеющим только зло среди людей, как Гомер написал, что чума на греческое войско была напущена Аполлоном, и как поэты выдумали целую кучу злых богов. В Синэ некий ханжа проповедовал, что Антоний насылет огонь на ноги.

Святой Евтропий – водянку,

А святой Жильдас – сумасшествие,

Святой Жену – подагру¹²⁶.

«Но я его наказал так примерно, что хотя он и назвал меня еретиком, но с той поры ни один святоша не смеет больше показаться на моей земле; и меня поражает, что ваш король позволяет им в своем королевстве проповедовать такую ложь; их надо карать беспощаднее, чем тех, кто посредством магии или других козней насылет на страну чуму. Чума убивает только тела, а эти лжецы отравляют души».

¹²⁵ Bailler le moine a quelqu'un – это значит – издеваться над кем-нибудь.

¹²⁶ Все эти качества приписываются святым, по-видимому, исключительно из-за созвучия (на франц. яз.) их имен с названными болезнями.

Пока он так говорил, в комнату вошел с очень решительным видом монах и спросил:

– Откуда вы, бедняги?

– Из Сен-Жену, – сказали те.

– А как, – сказал монах, – поживает аббат Траншлион, этот славный выпивака? А монахи, что они едят? О тело господне! Ах, попробуют они ваших жен, пока вы странствуете.

– Гм, гм, – сказал Пешеход. – За свою я не боюсь. Потому что кто ее увидит днем, не станет себе шеи ломать, чтобы прийти к ней ночью!

– Это, – сказал монах, – вилами на воде писано. Она может быть дурна, как Прозерпина, – и то не останется в покое, раз монахи поблизости, потому что хороший работник всякую вещь безразлично пускает в дело. Пропади я, если при вашем возвращении вы не найдете их потолстевшими, потому что даже тень от колокольни в аббатстве плодоносит.

– Это как нильская вода в Египте, – сказал Гаргантюа, – если верить Страбону; а Плиний говорит: плодородие зависит также от питания, от одежды и от телосложения.

Тут сказал Грангузье:

– Уходите-ка, бедные люди, во имя господина-создателя – да будет он вашим постоянным руководителем – и впредь не будьте столь легки на праздные и бесполезные путешествия. Содержите ваши семьи, работайте каждый по своему призванию, наставляйте своих детей и живите, как вас учит добрый апостол, святой Павел. Поступая так, вы будете хранимы господом, ангелами его и святыми его, и ни чума, никакая другая болезнь не поразят вас.

Потом Гаргантюа свел их в зал, чтобы накормить их; но паломники только вздыхали и говорили ему:

– О, как счастлив тот край, который имеет своим господином такого человека! Его речи наставили и научили нас больше, чем все проповеди, которые когда-либо говорились в нашем городе.

– Это то, что и говорит Платон, – сказал Гаргантюа, – в книге пятой «О государстве»: счастливы будут государства, когда короли будут философами, или когда философы будут королями.

Потом он велел наполнить их сумы всякою едой, бутылки – вином и каждому дал по коню для облегчения остающегося пути и по несколько монет на прожитие.

ГЛАВА XLVI. Как гуманно обошелся Грангузье с пленником Тукдильэном

Тукдильон был представлен Грангузье, и на вопрос того относительно намерений и деяний Пикрошоля и о том, какая цель преследуется этим внезапным мятежом, Тукдильон ответил, что цель и назначение этого всего – завоевание, по возможности, всей страны, за обиду, нанесенную его пекарям.

– Это уже слишком много, – сказал Грангузье, – кто многого хочет, мало получает. Теперь не время для таких завоеваний, которыми наносится вред ближнему, брату-христианину. Это подражание древним Геркулесам, Александрам, Ганнибалам, Сципионам, Цезарям и другим подобным противно евангельскому учению, коим предписывается нам оберегать, спасать, владеть и править каждому своими землями, а не нападать враждебно на чужие; и то, что некогда сарацины и варвары называли подвигами, ныне мы называем злодейством и разбоем. Лучше бы ему было держаться своего дома и по-королевски управлять им, чем нападать на мой и, как враг, грабить его; потому что, хорошо управляя своим, он возвеличил бы его, а грабя меня – разрушит. Уходите с богом, следуйте путем добрым; указывайте вашему королю ошибки, которые будете знать, и не советуйте ему никогда, имея в виду вашу частную пользу: ибо с общим делом гибнет и частное. А что до выкупа за вас, – я дарю вам его полностью, и вам будут возвращены и оружие ваше и лошадь.

Так надо поступать с соседями и старинными друзьями, так как эта ссора между нами, собственно, не есть война. «Так и Платон в книге пятой «О государстве» не хотел называть войной, а назвал возмущением, когда греки подняли оружие одни на других, и в случаях подобного несчастья он советует действовать со всею умеренностью. Если вы это называете войной, то она только поверхностна, она не проникает в самую глубину наших сердец: ведь ни у кого из нас честь не оскорблена. Весь вопрос, в конечном итоге, в том, чтобы исправить ошибку, совершенную нашими людьми, – я говорю: нашими и вашими, – ошибку, которую, хотя бы вы и убедились в ней, вы должны были спустить, потому что лица, которые поссорились, достойны скорее презрения, чем внимания, даже если и удовлетворить их за убытки, как я уже предложил. Бог будет справедливым судьей в нашей ссоре, – бог, которого я умоляю скорее смертью отнять у меня жизнь и на моих глазах уничтожить все мое имение, чем допустить, чтобы в чем-нибудь он оскорблен был мною или моими подданными».

Сказав это, он позвал монаха и при всех спросил у него:

– Брат Жан, добрый друг мой, это вы захватили в плен присутствующего здесь капитана Тукдильона?

– Государь, – сказал монах, – он здесь, он совершеннолетний и в здравом уме, и я предпочитаю, чтобы вы узнали это из его признания, а не из моих слов.

Тогда Тукдильон сказал:

– Да, государь, это он, действительно, взял меня, и я откровенно признаю себя его пленником.

– Вы хотите за него выкуп? – спросил у монаха Грангузье.

– Нет, – сказал монах, – я об этом не беспокоюсь.

– А сколько бы вы хотели, – сказал Грангузье, – за его пленение?

– Ничего, ничего, – ответил монах. – Это мне не нужно.

Тогда Грангузье велел в присутствии Тукдильона отсчитать монаху шестьдесят две тысячи золотых за его пленение, что и было сделано, пока Тукдильона угощали обедом.

Грангузье спросил, предпочитает ли Тукдильон остаться у него, или вернуться к своему королю. Тот ответил, что поступит так, как Грангузье ему посоветует.

– Ну так, – сказал Грангузье, – возвращайтесь к своему королю, и бог да будет с вами.

Тут он вручил пленнику прекрасную воинскую шпагу с золотыми ножнами, украшенными резьбой искусной работы, и золотое ожерелье, несом в семьсот две тысячи марок¹²⁷, отделанное драгоценными камнями, стоимостью сто шестьдесят тысяч дукатов; кроме того – в виде почетного подарка – десять тысяч экю.

После этого Тукдильон сел на своего коня. Для его безопасности Гаргантюа дал ему свиту из тридцати латников и ста двадцати стрелков под начальством Гимнаста, чтобы проводить его до самых ворот Ла-Рош-Клермо, если будет нужно.

Когда тот уехал, монах вернул Грангузье шестьдесят две тысячи золотых, полученных им, говоря:

– Государь, не время делать такие подарки. Подождите конца этой войны, – потому что неизвестно, какие случатся дела. А война, когда она ведется без хорошего денежного запаса, имеет поддержку только в храбрости. Нервы войн – это деньги.

– Хорошо, – сказал Грангузье, – я вас достойно вознагражу по окончании войны, – как и всех, кто будет хорошо служить мне.

Как Грангузье собрал свои легионы, и как Тукдильон, убив Гастиво, сам был убит по приказу Пикрошоля.

В эти самые дни все окрестные сеньоры¹²⁸ направили к Грангузье своих послов, чтобы сказать ему, что все они извещены об обидах, причиненных ему Пикрошолем, и что в силу старинных своих союзных отношений они предлагают к его услугам все свои силы как людьми и деньгами, так и военным снаряжением. Денег, согласно присланным договорам, было в общем 134 000 0024/3 золотых экю. Людей – 15 000 латников, 32 000 легкой кавалерии, 89 000 пицальников, 140 000 волонтеров; далее 11200 простых и двойных пушек, василисков и мортир; 47 000 человек для земляных работ. Жалованье и продовольствие обеспечивались на 6 месяцев и 4 дня. Гаргантюа этого предложения не принял и не отказался от него. Но, весьма благодаря их, он написал всем, что поведет предстоящую войну таким способом, что вовсе не понадобится столько тратить полезных сил.

Он только послал привести в порядок легионы, которые он содержал обычно в Девиньере, Шовиньи, Граво и Кенкенэ, общим количеством 2 500 латников, 66 000 пехотинцев, 26 000 пицальников, 200 тяжелых орудий, 22 000 землекопов и 6 000 легкой кавалерии. Все отряды были так прекрасно обеспечены казначеями, заведующими провиантом, кузнецами, оружейниками и другими людьми, необходимыми во время войны; все были так прекрасно обучены военному искусству, так хорошо вооружены, так хорошо знали свои знамена, столь быстры были в понимании и повиновении приказаниям своих начальников, столь легки в беге, столь сильны при ударе, столь осторожны, что были похожи скорее на стройный орган или согласованный часовой механизм, чем на армию или воинство.

По приезде Тукдильон явился к Пикрошолю и подробно рассказал, что он сделал и что видел. В конце он советовал, в сильных выражениях, добиться соглашения с Грангузье, который, как он в этом убедился, был самым порядочным человеком в мире. И прибавлял, что не было ни пользы ни справедливости в том, чтобы так обижать своих соседей, от которых не видели ничего, кроме хорошего, а главное, говорил он, что они никогда не выйдут из этого предприятия без великого ущерба и несчастья, так как силы Пикрошоля таковы, что Грангузье легко мог их уничтожить.

Не успел он окончить речь, как Гастиво очень громко сказал:

– Сколь несчастен государь, которому служат люди, столь легкие на подкуп, как Тукдильон; потому что я вижу, что мужество ему изменило настолько, что он охотно бы присоеди-

¹²⁷ См. примеч. 17.

¹²⁸ Следует перечисление имен 32 феодалов, соседей и союзников Грангузье.

нился к нашим врагам, чтобы сражаться против нас и нас предать, если бы они захотели оставить его у себя. Но если доблесть восхваляется и ценится как во врагах, так и в друзьях, то и подлость познается скоро и всегда подозрительна, и хотя враги употребляют ее в свою пользу, тем не менее изменников и предателей презирают.

При этих словах Тукдильон, не стерпев, выхватил меч и пронзил им Гастиво повыше левого соска, отчего тот немедленно умер. Вытащив оружие из тела убитого, он сказал смело:

– Так да погибнет всякий, кто осмелится клеветать на честных слуг.

Пикрошоль внезапно пришел в ярость при виде обагренного кровью меча и воскликнул:

– Разве тебе дали это оружие, чтобы ты в моем присутствии вероломно убил моего доброго друга Гастиво?

И он приказал своим стрелкам разорвать Тукдильона на куски, что и было исполнено тотчас же, с такою жестокостью, что вся комната была залита кровью. Потом он приказал с почетом предать земле тело кстиво, а труп Тукдильона сбросить со стен замка в ров.

Весть обо всех этих жестокостях стала известна всему войску, и многие стали роптать на Пикрошоля, так что Гриппино сказал ему:

– Я не знаю, государь, каков будет исход этого дела. Я вижу, что люди ваши мало тверды в своем мужестве. Они рассуждают, что мы здесь плохо обеспечены припасами, и они уже очень уменьшились в числе после двух ила трех вылазок. Сверх того, к вашим врагам подходит большое подкрепление. Если мы будем осаждены, то я ясно вижу, что для нас это будет полный разгром.

– Ну, к чорту, – сказал Пикрошоль, – вы похожи на мелюнских угрей: начинаете кричать раньше, чем с вас сдирают кожу. Пусть только они придут!

ГЛАВА XLVIII. Как Гаргантюа напал на Пикрошоля в Ла-Рош-Клермо я разбил его армию

Гаргантюа было поручено командование всей армией. Отец его остался в своей крепости и, придавая войскам мужества всякими хорошими словами, обещал великие дары тем, кто совершит какой-либо подвиг.

Войска достигли брода де-Вед и на лодках и по легким, быстро наведенным мостам перешли на другую сторону. Потом, рассмотрев положение города, который был раскинут на высоком и выдающемся месте, Гаргантюа решил, что следует предпринять в эту ночь.

Но Гимнаст сказал ему:

– Господин, природа и комплекция французов таковы, что они сильны только при первом натиске. Тогда они хуже дьяволов; но при промедлении они становятся слабее женщин. Я того мнения, что сейчас же, как только ваши люди немного передохнут и поедят, вы дадите приказ к нападению.

Далее следует рассказ про гибель – сначала вылазки Пикрошоля, а потом главной массы осажденного войска, которое, правда, нанесло некоторый урон и войскам Гаргантюа.

Монах явился, по обыкновению, главным героем: он, увидев, что та сторона города, где он был со своими людьми, никем не защищается, бесшумно влез на городскую стену, перебил стражу и, напав на врага с тылу, заставил оставленный в городе гарнизон и жителей сдаться на милость победителей.

ГЛАВА XLIX. Как Пикрошоль попал в беду во время бегства, и что сделал Гаргантюа после сражения

Пикрошоль от отчаяния бежал к острову Бушар. По дороге к Ривьере лошадь его споткнулась и упала, на что он так вознегодовал, что в гневе убил ее своим мечом. Не находя потом никого, кто бы ему дал на смену коня, он хотел взять осла с мельницы, которая была неподалеку; но мельники избили его и ограбили у него всю одежду, дав ему чтобы прикрыться, какой-то жалкий балахон. Так и шел бедный холерик; потом, перейдя реку у Пор-Гюо и рассказывая о своих злоключениях, он был предупрежден какой-то старой колдуньей, что его королевство будет ему возвращено, когда прилетят из-за моря яйцееды.

С тех пор неизвестно, что с ним случилось. Однако мне говорили, что теперь Пикрошоль работает поденщиком в Лионе, и, сердитый по-прежнему, все жалуется всем иностранцам, что не летят яйцееды, надеясь, конечно, согласно предсказанию старухи, быть восстановленным, по их прилете, в своем королевстве.

По уходе врагов Гаргантюа прежде всего пересчитал своих людей и убедился, что в сражении погибли только немногие, а именно несколько пехотинцев из отряда капитана Тольмера, да не было Понократа, в которого попал выстрел из пищали в упор. Тогда Гаргантюа, после того как все подкрепились и отдохнули по своим отрядам, приказал казначеям заплатить за еду и не причинять никаких обид в городе, ибо город был его.

Всем войскам велел он после обеда явиться на площадь перед замком, где им будет уплачено за шесть месяцев, что и было исполнено. После чего на той же площади он приказал собраться всем, кто остался из людей Пикрошоля, которым, в присутствии всех принцев и капитанов, сказал следующее:

ГЛАВА L. Речь, с которою Гаргантюа обратился к побежденным

(Так как нарушение цельности этой речи повествованию не наносит существенного ущерба, то она пересказана вкратце.)

Все предки наши, – говорил Гаргантюа, – отличались гуманностью к побежденным врагам и совсем не походили на королей и императоров, которые величают себя католиками, и засаживают своих пленников в тюрьмы, требуя за них громадный выкуп.

Альфабрал, царь Канарский, был (до пленения его моим отцом) отчаянным пиратом. Отец мой отпустил его на родину, осыпав милостями и подарками. И тот, в благодарность за этот великодушный поступок, по соглашению со всеми приближенными своими и с выборными от сословий, послал моему отцу в дар огромный корабль, до краев нагруженный редчайшими драгоценностями.

Мало того, по прибытии к отцу Альфабрал представил документ о закреплении себя самого со всем потомством моему отцу – и другой, подписанный сословными представителями, о передаче всех земель королевства ему же.

Отец отказался от того и другого; взамен этого канарцы заставили признать себя вечными данниками моего отца и добровольно обязались ему выплачивать 2 000 000 золотых монет (каждая в 24 карата) ежегодно. Но уже во второй год уплатили 2 300 000 экю, в третий – 2 600 000, в четвертый – 3 000 000, и ежегодно увеличивали бы свои платежи, если бы мы не воспретили им делать это. Я не желаю быть выродком в своем роде и, следуя традициям своих предков, освобождаю вас безусловно и выдам каждому денег на трехмесячный прожиток с семьею, после чего под конвоем, для защиты от крестьян, направлю вас домой.

Неизвестно, куда скрылся ваш король, и я хочу передать королевство целиком его сыну. Так как ему только пять лет, мой добрый Понократ возьмет на себя руководство его воспитанием вплоть до его совершеннолетия.

По примеру кротчайшего из людей, Моисея, и добрейшего из императоров, Цезаря, я все же требую, чтобы зачинщики мятежа были сурово наказаны. Мне угодно, чтобы вами был выдан мне ваш прекрасный Маркэ, этот источник всех бедствий, а также его товарищи пекаря и, наконец, все советники, капитаны, офицеры и слуги Пикрошоля которые подстрекали его к это му нападению на нас.

ГЛАВА LI. Как были вознаграждены гаргантюисты – победители после битвы

Когда Гаргантюа кончил свою речь, ему были представлены зачинщики возмущения, за исключением Спадассена, Мердайля и Менюайля, которые убежали за шесть часов до сражения, один – к ущелью Ленбель, другой – к долине де-Вир, третий – в Логруан, без оглядки, не успевая дух перевести, – и двух пекарей, которые погибли. Гаргантюа ничего дурного им не сделал, а только приставил их к машинам в своей печатне, которую он только что основал.

Потом тех, которые умерли, он велел с почетом предать земле в долине Нуарет и на поле Брюльвье. Раненых он приказал перевязать и лечить в своем главном госпитале.

Затем он навел справки об убытках, нанесенных городу и его обитателям, и велел удовлетворить последних согласно их заявлению в клятве. Велел построить крепкий замок, назначив туда караул и гарнизон, чтобы на будущее время быть лучше защищенным против внезапных нападений.

Уходя, он милостиво благодарил всех солдат своих легионов, которые были в этом деле, и отослал их на зимние квартиры, по их стоянкам и гарнизонам, за исключением некоторых из десятого легиона, которые совершили подвиги в этот день, а также начальников отрядов, которых он повел с собою к Грангузье.

Увидев их, добрый человек так обрадовался, что невозможно описать. Он устроил им великолепнейший праздник, самый обильный, самый вкусный, какого не видали со времен царя Агасфера. По выходе из-за стола он распределил между всеми всю посуду своего буфета, весившую в общем 18 000 014 золотых безантов и состоявшую из больших античных ваз, больших кувшинов, чаш, кубков, кувшинчиков, канделябр, чашек, цветочных ваз, всякой другой посуды – все из массивного золота и украшенное камнями, эмалью и резьбою, которые, по мнению всех, стоили даже дороже самого золота.

Затем каждому велел отсчитать из своих сундуков по 1 200 000 экю и, сверх того, каждому из них отдал в вечное владение (кроме случаев смерти без наследников) их замки и соседние земли, наиболее Удобные для них: Понократу подарил Ла-Рош-Клермо, Гимнасту – Удрэ, Эвдемону – Монпансье, Тольмеру – Ле-Риво, Итиболу – Монсоро и т. д.

ГЛАВА LII. Как Гаргантюа велел построить для монаха Телемскую обитель¹²⁹

Осталось только обеспечить монаха, которого Гаргантюа хотел сделать аббатом в Севилье, но тот отказался. Он хотел ему дать аббатство де-Бургэй или Сен-Флоран, какое из них понравится, или оба, если он хочет. Но монах дал ему решительный ответ, что не хочет иметь никаких монашеских должностей и управлений.

– Как буду я, – говорил он, – управлять другим, когда не умею управлять собою? Если вы думаете, что я вам оказал и в будущем могу оказать полезные услуги, так уж позвольте мне основать аббатство, какое мне хочется.

Такая просьба понравилась Гаргантюа, и он предоставил ему для этого всю Телемскую область – до реки Луары – в двух милях от большого леса Пор-Гюо. Монах просил у Гаргантюа уредить свой монастырь, противоположный всем другим.

– Тогда, прежде всего, – сказал Гаргантюа, – не надо строить стен вокруг, так как все остальные аббатства сурово окружено стенами.

– Конечно, – сказал монах, – и понятно почему: где и сзади и спереди стены, там застенок, и зависть, и ропот, и взаимные ковы.

– Кроме того, так как в иных монастырях существует обычай, если в них войдет женщина (я говорю о целомудренных и стыдливых) чистить место, по которому она прошла, то у нас будет установлено, что если в аббатство случайно зайдет монах или монашка, то будут тщательно очищать все места, по которым они прошли. И так как в монастырях все размерено, ограничено и распределено по часам, у нас указом будут воспрещены всякие часы, и все дела будут распределиться соответственно удобствам и надобностям, потому что самая настоящая потеря времени, какую он знает, – говорил Гаргантюа, – это считать часы. Какая от этого польза? И нет ничего глупее – как руководствоваться звоном колокола, а не указаниями здравого смысла и разума. Также: так как в наше время в монашество допускались из женщин только кривые, хромые, горбатые, уродливые, некрасивые, безумные, тупые, хворые, порченые, а из мужчин – только хилые, худородные, бездельники и никчемные дома...

– Кстати, – сказал монах, – куда годится женщина ни добрая, ни красивая?

– В монастырь, – сказал Гаргантюа.

– Правда, – сказал монах, – и рубашки шить.

– Поэтому, – продолжал Гаргантюа, – будет установлено, что в их монастырь будут приниматься только красивые, хорошо сложенные и с хорошим характером женщины и мужчины. Также: так как в женские монастыри мужчины входят только украдкой и тайком, то будет издан указ, воспрещающий женщинам быть там, когда нет мужчин; а мужчинам – когда нет женщин.

«Также: так как мужчины и женщины, раз принятые в монастырь, после годового послушничества насильно принуждаются оставаться в нем на всю жизнь, то будет установлено, что как мужчины, так и женщины, принятые к ним, имеют право уйти, когда им вздумается, вполне свободно и безусловно.

«Также: так как обычно монахи дают три обета – целомудрия, бедности и послушания, – у них будет установлено, что каждый может состоять в честном браке, быть богатым и жить на свободе. Что касается узаконенного возраста, то женщины будут приниматься с десяти до пятнадцати лет, а мужчины – с двенадцати до восемнадцати».

¹²⁹ Телемский – от греческого слова (thelema), что значит – «желание».

ГЛАВА LIII. Как была построена и чем снабжена Телемская обитель

На постройку и устройство обители Гаргантюа велел выдать наличными 2 700 831 длинношерстого барана и ежегодно, пока все не будет закончено, ассигновал доход с реки Див – 1669 000 экю с солнцем и по столько же экю с изображением плеяд.¹³⁰

На содержание обители он пожаловал в вечное владение 2369514 английских нобилей и гарантированной поземельной ренты, Оплачиваемой каждый год казне обители, о чем сделал дарственную Грамоту.

Здание имело шестиугольную форму, и на каждом углу была выстроена большая круглая башня, диаметром в шестьдесят шагов. Все они были одинаковы по величине и по форме.

Река Луара протекала с севера. У реки была расположена одна из башен, называемая Артис, а к востоку была другая, называемая Калаэ. Следующая башня называлась Анатолия, за нею – Мезембрина, пятая – Гесперия, и последняя – Криэр.

Пространство между каждой башней равнялось 312 шагам.

Здание было в шесть этажей, считая подземные погреба за первый. Второй этаж был сводчатый, в виде ручки от корзины. Прочие этажи были оштукатурены фландрским гипсом. Крыши были аспидные, на карнизах красовались фигуры людей и животных, великолепно сделанные и покрытые позолотой. С них спускались водосточные трубы, расписанные по диагонали золотом и лазурью, доходившие до земли, где кончались большими желобами, ведущими под зданием в реку.

Описываемое здание было в сто раз великолепнее дворцов Бонивэ, Шамбор и Шантильи.¹³¹ Ибо в нем было 9 332 комнаты, и при каждой – уборная, кабинет, гардеробная, часовня; все комнаты выходили в большой зал. В каждой башне посреди жилого корпуса была винтовая лестница, ступени которой были частью из порфира, частью из нумидийского камня, частью из мрамора-змеевика, длиною в двадцать два фута толщиной в три пальца, по двенадцати ступеней от площадки до площадки. На каждой площадке были две античные арки в ширину лестницы, через которые проникал свет и через которые входили в кабинет. Лестница поднималась до самой кровли и кончалась павильоном. По этим лестницам с каждой стороны был ход в зал и из зала в комнаты. Между башнями Артис и Криэр находились прекрасные книгохранилища, с книгами на греческом, латинском, еврейском, французском, тосканском и испанском языках, распределенные по этажам соответственно этим языкам.

Посередине поднималась чудесная лестница, ход на которую был снаружи здания, в виде арки в шесть туазов ширины. Эта лестница была таких размеров и вместимости, что шестеро вооруженных людей, с копьями у бедра, могли в ряд подняться на самый верх здания.

Между башнями Анатолией и Мезембриной помещались прекрасные галереи, расписанные изображениями подвигов древности, исторических событий и картами земли. В середине была такая же лестница и с таким же входом, как и со стороны реки. Над этим входом крупными античными буквами было написано следующее:

¹³⁰ Длинношерстые бараны – золотая монета в 16 франков. Экю с солнцем – были выбиты при Людовике XI; что касается «экю с плеядами» – это шутка Раблэ.

¹³¹ Бонивэ – дворец, который во времена Раблэ начал строить себе адмирал Бонивэ; Шамбор (или Шамбур) – дворец, начатый постройкой королем в 1536 г. (после выпуска первого издания «Пантагрюэля»); в Шантильи помещался известнейший из королевских дворцов, тоже лишь с XVI столетия.

ГЛАВА LIV. Надпись на главных дверях Телемской обители

В подлиннике идет длинное стихотворение (100 строк), содержащее перечисление лиц (профессий), которым запрещен вход в обитель, и таких, которые наоборот, туда приглашаются.

В первую очередь из обители изгоняются лицемеры, ханжи, святоши, чванные болтуны, нищие, ябедники, кляузники, сутяги и так далее: нет места злобе и притворству там, где льется песня от полноты души.

Нет входа в обитель чиновникам, прислужникам власти, искателям дешевой популярности, стряпчим, писакам, судьям старого толка, так называемым хорошим прихожанам и прочего вида фарисеям: привычка к таким занятиям не должна отравлять живущих в Телеме.

Равно запрещен вход хапугам, блюдолизам, низкопоклонникам, трусам и подлецам: поношению человеческого образа. Права на вход не имеют: глупцы, нытики, завистники, смутьяны, всякие гадины, развратники и развратители, шелудивые венерики... В обители все здоровы телом, и оттого счастливы...

Наоборот, добро пожаловать, благородное рыцарство великих и малых орденов, все веселые, учтивые, умеющие шутить, ясные душой люди, хорошие товарищи...

Приглашаются входить все, кто толкует евангелие не по мертвой букве: в обители они найдут крепкое убежище против своих врагов, отравителей народа...

Входите в обитель также и высокие происхождением и красотой женщины, прямые станом, целомудренные... За подвиги ждет и мужчин и женщин высокая награда в этом святом месте.

ГЛАВА LV. Жилище телемитов

Посреди двора был великолепный фонтан из прекрасного алебастра, с тремя Грациями наверху, держащими рог изобилия; из их груди, из рта, ушей, глаз и других отверстий тела лилась вода.

Внутреннее помещение на указанном дворе поддерживалось толстыми колоннами из халцедона и порфира, с прекрасными античными арками. Внутри под арками были прекрасные галереи, длинные и широкие, украшенные живописью, оленьими рогами, а также рогами единорогов, носорогов, клыками гиппопотамов и слонов и другими замечательными вещами.

Дамы занимали помещение между башнями Артис и Мезембриной, мужчины – остальное.

Перед помещением дам, для их развлечения, между двумя первыми башнями находились: стадион, ипподром, театр, бассейны для плавания и великолепные трехъярусные бани, прекрасно снабженные всем нужным, в том числе и благовонной смолистой водой. У реки был красивый парк для прогулок, с прекрасным лабиринтом середине. Между двумя другими башнями находились манежи для игры в мяч и другие. Со стороны башни Криэр был фруктовый сад, полный всяких плодовых деревьев, посаженных косыми рядами. В конце был большой парк, кишаший всевозможными зверями.

Между третьими башнями помещался тир, где стреляли из лука, пищали и арбалета. За башней Гесперией шли службы, в один этаж за службами – конюшни. Около конюшен – соколиная служба, которой заведовали сокольничьи, очень опытные в своем деле. Охота ежегодно пополнялась из Кандии, Венеции, из Сарматии лучшими образцами всякой птицы: орлами, ястребами, коршунами, кречетами, соколами, стер, вятниками, воронами, сапсанами и другими.

Птицы были так приручены и обучены, что, вылетая из замка порезвиться в поле, они ловили все, что им попадалось навстречу. Псарня была немного дальше к парку.

Все залы, комнаты и кабинеты были убраны коврами, различными в зависимости от времени года. Полы были покрыты зеленым сукном постели – в кружевах. В каждой уборной было хрустальное зеркало в раме из чистого золота, отделанной жемчугом. Зеркало было такой величины, что отражало человека во весь рост.

При выходе из зал, на дамской половине расположены были помещения парфюмеров и цирюльников, через чьи руки обязательно проходили мужчины, посещавшие дам. Парфюмеры доставляли каждое утро в дамские комнаты розовую, миртовую и апельсиновую воду и в каждую комнату вносили драгоценную курильницу, дымящуюся всевозможными ароматическими снадобьями.

ГЛАВА LVI. Как были одеты монахи и монахини Телемской обители

Дамы в начале существования монастыря одевались по своему выбору и желанию. А затем по собственной доброй воле ввели реформы, о чем ниже следует. Они носили алые или красные чулки, которые заходили на три пальца выше колена – кайма была из вышивки или прошивками. Подвязки были цвета рукавчиков и охватывали колено сверху и снизу. Башмаки, бальные ботинки и туфли – яркого лилового или красного бархата. Сверх рубашки надевали корсет из шелкового камлота, поверх которого надевали кринолин из белой, красной, серой или каштанового цвета тафты, сверху – юбку из серебряной, с золотыми прошивками тафты в рубчиках, или, по желанию и в соответствии с погодой, из атласа, из шелка, дама, или оранжевого, коричневого, зеленого, пепельного, синего, желтого, светло-желтого, красного, кирпичного, белого бархата, из парчи золотой и серебряной, с канителью и вышивкой, ответственно праздникам. Далее, смотря по сезону, плащи из того материала или сукна и т. д.

Летом иногда вместо плащей – короткие мантильи из вышеназванного материала или мавританские курточки лилового бархата с золотым шитьем, серебристым бисером, или же, наконец, с золотыми витыми шнурами, по швам украшенные индийскими жемчужинами.

На шляпе всегда красовался султан из перьев, под цвет рукавчиков, с золотыми блестками. Зимой верхние одежды украшались драгоценными мехами, как-то рысью, черным енотом, калабрийской куницей, соболем и т. д.

Ожерелья, четки, запястья блистали драгоценными камнями: карбункулами, рубинами, сапфирами, алмазантами, александритами, смарагдами, опалами, гранатами, агатами, бериллами, жемчугами.

Головной убор соответствовал погоде. Зимой носили французские, весной испанские, летом тосканские шляпы. Кроме воскресений и праздников, когда все строго следовали французской моде, ибо она солиднее других и целомудреннее.

Мужчины одевались на свой образец: штаны суконные или шерстяные, темно-красного, розового, белого или черного цвета; верхняя часть – из бархата такого же цвета, или подходящего оттенка, вышитая и опушенная по свободной фантазии. Камзол – золотой или серебряной парчи, или бархатный, атласный, тех же цветов, расшитый по тому же образцу; на нем шелковые шнуры тех же цветов и золотые пряжки с эмалью. Кафтаны парчовые или суконные, или же бархатные. Плащи столь же изящные, как и у дам. Шелковые пояса под цвет камзолов; чудесные шпаги с позолоченной рукоятью и в бархатных ножнах под цвет панталон; наконец, ножны – золотой ювелирной работы; такие же кинжалы.

Шапочки – черного бархата, с кольцами и золотыми пуговицами. Сверху – тщательно пригнанное к шляпе белое перо, в золотых блестках и со свисающими сверху рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями.

Мужчины и дамы так симпатизировали друг другу, что те и другие ежедневно одевались одинаково. Чтобы не ошибиться насчет одеяния, несколько молодых людей были приставлены специально для того, чтобы каждое утро осведомляться, как именно одеты будут сегодня дамы. Ибо все делалось согласно воле дам. Не думайте, что они тратили сколько-нибудь лишнего времени на то, чтобы богато и изящно наряжаться, – нет, особые гардеробщики держали наготове любой костюм каждое утро; горничные же были обучены в одно мгновение одевать дам с ног до головы.

А чтобы они имели все эти наряды своевременно, около Телемского леса тянулось на добрые полмили здание, чистое и светлое, в котором проживали все ювелиры, гранильщики,

швецы, золотошвеи, портные ткачи обоев и ковров, бархатники. Каждый занимался своим ремеслом, все для монахов и монахинь.

Некий сеньор Наузиклэт посылал им ежегодно по семи кораблей, нагруженных золотом, шелком-сырцом, жемчугом и драгоценными камнями с принадлежавших ему островов Жемчужных и Каннибальских.

Если жемчужины старели и начинали менять свою чистую белизну, искусники-мастера кормили ими петухов и тем восстанавливали их Первоначальный цвет.

ГЛАВА LVII. Какой порядок был установлен в жизни телемитов

Вся их жизнь распределялась не законами, статутами и правилами, но доброю и свободою волей. С постели вставали, когда заблагорассудится; пили, ели, работали, спали, когда приходила охота. Никто их не будил, никто не принуждал ни пить, ни есть, ни делать что другое. Так постановил Гаргантюа.

В их регламенте значилась лишь одна статья:
«ДЕЛАЙ, ЧТО ЗАХОЧЕШЬ»!

Ибо люди, свободные, благородные, образованные, вращаясь в порядочном обществе, уже от природы обладают инстинктом и побуждением, которые их толкают на поступки доб-

родетельные и отвлекают от порока: этот инстинкт называют честью. Но те же люди, когда они подавлены и порабощены низкоподчинением и принуждением, отворачиваются от благородной склонности в силу которой они свободно стремились к добродетели, – для того чтобы скинуть с себя и сокрушить иго рабства; ибо мы всегда стремимся к тому, что запрещено, и жаждем того, в чем нам отказывают.

Благодаря этой свободе установилось похвальное соревнование делать всем то, чего хотелось кому-нибудь одному. Если кто-нибудь – мужчина или дама – говорил: выпьем! – все выпивали. Если говорил: сыграем! – все играли. Скажет кто-нибудь: пойдем, порезвимся в поле! – все соглашались идти. Шло ли дело об охоте, – дамы садились на прекрасных иноходцев и сажали сокола, кречета, ястреба или другого хищника на руку, обтянутую перчаткой. Мужчины держали других птиц.

И все они были так благородно образованы, что не было между ними таких, кто не умел бы читать, писать, петь, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти-шести языках, и на каждом языке писать как стихами, так и обыкновенной речью.

Никогда не видали таких храбрых, таких сильных, таких ловких в ходьбе и верховой езде кавалеров. Никто лучше их не владел оружием; не было людей бодрее и веселее, чем они.

Не видывали никогда и таких пригожих, таких милых дам, менее скучных, более искусных рукодельниц, как в шитье, так и во всякой честной и свободной женской работе, какие были там.

И потому-то, когда приходило время, что кто-нибудь должен был выйти из обители или по желанию родителей, или по какой другой причине, то он увозил с собою одну из дам, – ту, которая избрала его своим поклонником; и они вступали в брак. И если в Телеме они жили в преданности и дружбе, то продолжали еще лучшую жизнь в браке и до конца своих дней любили друг друга так же, как в день свадьбы.

Я хочу не забыть описать вам загадку, которая была найдена на фундаменте обители, на большой бронзовой доске. В ней говорится следующее:

ГЛАВА LVIII. Пророческая загадка

В длинных и темных стихах, заимствованных, за исключением двух первых и пятнадцати последних стихов, из сочинения Мелэна де-Сен-Желэ, предсказывается наступление смутных времен, когда сын восстанет на отца, и спасутся только те, кто до конца останется верным своим убеждениям.

В этих стихах видят намек на преследование реформатов. Вообще же оригинальность их только в форме, на чужой язык трудно передаваемой.

Мы оставляем без перевода и остроумное толкование этого пророчества, сделанное в самом конце этой заключительной в книге главы братом Жаном, который находит в этих апокалиптических строках вовсе не предсказание, но «В темных выражениях описанную игру в мяч».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ И ГАРГАНТЮА

**ПАНТАГРЮЭЛЬ, КОРОЛЬ ЖАЖДУЩИХ,
В ЕГО НАТУРАЛЬНОМ ВИДЕ,
С ЕГО УЖАСАЮЩИМИ
ДЕЯНИЯМИ И ПОДВИГАМИ
СОЧИНЕНИЕ ПОКОЙНОГО
МЭТРА АЛЬКОФРИБАСА,
ИЗВЛЕКАТЕЛЯ КВИНТЭССЕНЦИИ**

1542 г.

ПРОЛОГ АВТОРА

Автор выражает уверенность, что все порядочные люди с увлечением зачитывались «Хрониками об огромном гиганте Гаргантюа», и считает их за это достойными великой похвалы и вечной памяти. Но его желание идет дальше: он советует всем забросить всякие дела и, не отвлекаясь ничем, выучить эти хроники наизусть, чтобы, в случае прекращения книгопечатания, быть в состоянии устно передать их потомкам, в виду их огромного значения для жизни. Эти хроники утешают охотников в их неудачах, облегчают зубную боль (если, обернув их в согретое полотно, приложить к больному месту), они помогают венерикам и подагрикам и т. д. Нет книги, равной хроникам по интересу и приносимой пользе. И публика доказала это, так как за два месяца этой книги было продано больше, чем библии за девять лет.

Побуждаемый успехом «Хроник Гаргантюа», автор, желая дать людям новую возможность для полезного времяпрепровождения, предлагает им другую книгу в таком же роде, но еще несколько лучше, в которой он рассказывает о великих подвигах Пантагрюэля. И пусть его поразят всякие болезни, если в его рассказе найдется хоть одно слово неправды; равно как пусть поразят всякие болезни того, кто не поверит безусловно тому, что он рассказывает в предлагаемых хрониках.

ГЛАВА I. О происхождении и древности рода великого Пантагрюэля

В начале главы рассказывается о том, что вскоре после убийства Каином Авеля наступил такой год, когда пропитанная кровью праведника земля была необыкновенно урожайна, особенно же на кизил, который был крупен, красив и вкусен, но обладал свойством заставлять каждого, кто его съест, распухать: у кого вздувался живот, у кого – плечи, и получались горбуны, из рода коих вышел впоследствии Эзоп; у кого вытягивались ноги, у кого нос, у кого уши, так что они могли из одного уха сшить себе полный костюм, а другим накрываться как плащом.

Иные же вырастали во всех измерениях, и от них произошли великаны. Первым из них был Шальброт, который родил Сараброта, который родил Фариброта, который родил Гюртали, любителя супа, царствовавшего во время потопа который родил Немврода, который родил Атласа, подпиравшего плечами небо, чтобы оно не упало, который родил Голиафа, который родил Эрикса, изобретателя фокусов.

Далее следует более пятидесяти имен знаменитых великанов.

В числе их встречаем известные имена: Полифема, Тифона, Бриарея Сторукого, Адаматора, Антея, Пора, «с которым воевал Александр Великий», еще раз Голиафа, Геммагога, Сизифа, «который родил Титанов, от которых произошел Геркулес», который родил Энея, который родил Фьерабраса, побежденного пэром Франции Оливье, другом Роланда, который родил Моргана который «первый в мире играл в кости с очками на носу»... В конце списка стоят имена: Грангузье, Гаргантюа и, наконец, «благородного Пантагрюэля, моего господина».

Закончив список, Раблэ высказывает от имени читателя недоумение: каким образом сохранились великаны во время потопа? В числе заключенных Ноев ковчег людей великана Гюртали не было; но он сидел верхом на ковчеге, как маленькие дети на деревянных лошадках, или как «большой бернский бык, убитый при Мариньяне» (т.-е. трубач, прозванный быком за то, что пользовался вместо трубы рогом быка; с ним мы встретимся в конце четвертой книги), скакал верхом на пушках. Именно он, Гюртали, спас ковчег, так как правил ногами вместо руля. Из недр ковчеге ему подавали в трубу съестные припасы...

«Вы все хорошо поняли? Ну, так выпейте, только не разбавляйте вина водой. Если же вы не верите, – ну, и я не верю».

ГЛАВА II. О рождении грозного Пантагрюэля

В возрасте пятисот двадцати четырех лет Гаргантюа родил сына своего Пантагрюэля от своей жены, по имени Бадэбек, дочери короля аморотов в Утопии. Мать умерла от родов, ибо ребенок был столь чудесно громаден и тяжел, что не мог появиться на свет, не задушив своей матери.

Чтобы вполне понять, почему при крещении дали ему такое имя, надо вспомнить, что в этом году по всей Африке была такая великая засуха, что тридцать шесть месяцев три недели четыре дня и тринадцать с лишним часов и даже немного больше не было дождя, а солнце пекло так, что вся земля пересохла. Даже во времена Илии не было такого зноя, как тогда: на этот раз не было дерева на земле, на котором остался бы хоть лист или цветок; травы пожелтели, реки высохли, источники иссякли; несчастные рыбы, лишенные их родной стихии, в ужасе подпрыгивали и кричали на голой земле. От недостатка росы птицы падали замертво; волки, лисицы, олени, кабаны, козули, кролики, зайцы, ласки, куницы, барсуки и другие звери валялись повсюду на полях мертвые, с разинутыми пастьями.

Жалко было смотреть на людей! Они ходили высунув язык, как борзые собаки после шестичасового бега. Иные бросались в колодцы, другие залезали в брюхо коровы, чтобы укрыться в тень. Гомер таких называл алибантами. Жизнь в стране замерла. Жалостно было видеть человеческие усилия, чтобы избавиться от этой страшной жажды. Настоящим подвигов было спасти святую воду для церквей, чтобы она не была уничтожена. Но советом господ кардиналов и святого отца было приказано, что каждый мог получать ее только раз. Несмотря на это, когда кто-нибудь входил в церковь, то можно было всегда видеть до двадцати несчастных страдальцев, теснившихся вокруг того, кто раздавал воду пришельцам, с разинутыми ртами, чтобы получить хоть капельку, точно злой богач в притче о Лазаре. О, как счастлив был в этот год тот, у кого был холодный и хорошо снабженный погреб!

Философ, обсуждая вопрос – отчего морская вода солонa, – говорит, что в те дни, когда Феб позволил управлять своею светозарной колесницей сыну своему Фаэтону, – последний, несведущий в этом деле, не сумел проехать по линии эклиптики, проходящей между двумя тропиками солнечной сферы, сбился с дороги и настолько приблизился к земле, что засушил все лежащие под ним страны и прожег значительную часть, которую философы зовут Млечным Путем, а лифрелофры¹³² называют Путем Иакова, хотя наиболее хитроумные поэты говорят, что Млечным Путем называется то место, куда пролилось молоко Юноны во время кормления ею Геракла.

Как бы там ни было, земля нагрелась до того, что невероятно вспотела, отчего вспотело и море и стало соленым, потому что всякий пот солон. Вы убедитесь в этом, когда попробуете ваш собственный пот или пот больных венериков, которых заставляют потеть – мне все равно.

Нечто подобное произошло и в описываемом году. В одну из пятниц все отправились крестным ходом, с многочисленными молебнами и литиями, умоляя всемогущего бога соблаговолить воззреть на их бедствие милостивым своим оком... И вдруг молящиеся увидели, как из пор земли выступают крупные капли воды, точь-в-точь как пот у сильно потеющего человека. Бедняги обрадовались, так как считали возможным извлечь из этого для себя пользу, ибо иные объясняли это явление тем, что в воздухе не осталось ни капли влаги, от которой можно было бы ждать дождя и что земля восполняет этот недостаток. Иные же ученые говорили, что это идет дождь у антиподов, как рассказывает Сенека, в четвертой книге «Натуральной исто-

¹³² Лифрелофры, иначе фифрелоши; так назывались в те времена немцы и швейцарцы за их склонность к выпивке, слово составлено из двух вышедших из употребления французских слов – *liffre* и *loffre* – и то и другое одного значения – пьяница. В то же время это слово походит на словечко «филофоль», пародирующее слово «философ», – любитель, но не мудрости (софия), а глупости (фолия).

рии», говоря о происхождении и истоках реки Нила. Однако они ошибались, потому что когда кончился крестный ход и каждый захотел вволю напиться этой росы, то оказалось, что это рассол, – солонее и хуже, чем морская вода. И вот в этот самый день родился Пантагрюэль. Потому отец его и дал ему это имя. Ибо «Панта» по-гречески означает «все», а «грюэль» на языке агарян¹³³ – «жаждущий». Этим отмечалось, что в год, день и час его рождения все в мире жаждало. Это было как бы пророчество: отец младенца предвидел, что некогда тот будет властителем жаждущих. То же самое в тот же час было возвещено еще более очевидным знамением. Когда царица Бадэбек разрешалась младенцем и повитуз готовились его принимать, прежде всего из живота выскочило шестьдесят восемь погонщиков мулов, и каждый держал за уздцы лошак нагруженного солью; за ними последовали девять дромадеров, навьюченных тюками с ветчиной и копчеными языками, семь верблюдов, нагруженных угрями, и затем двадцать пять возов с луком-пореем, чесноком и зеленым луком. Это ужаснуло повитух; но некоторые из них сказал:

– Доброе предзнаменование, чудесная еда: мало мы, значит, пили. После такой пищи много надо вина.

И пока они болтали друг с другом, вылез сам Пантагрюэль, мо натый как медведь. При виде его одна повитуха сказала в пророческом вдохновении:

– Он родился весь в волосах – значит, совершит замечательные подвиги, и если будет жив, проживет долго.

¹³³ Авраама от дкужанки его Агари.

Глава III. О скорби Гаргантюа по случаю смерти жены его Бадэбек

Когда Пантагрюэль родился, кто был смущен и угнетен, так это его отец Гаргантюа. Видя, с одной стороны, умершую жену Бадэбек с другой – родившегося сына Пантагрюэля, такого красивого и такого большого, он не знал, что ему говорить и что делать. Сомнение, смущавшее его разум, состояло в том, что он не знал, должен ли он плакать от горя по своей жене или смеяться от радости при виде сына. В пользу того и другого у него были софистические доводы, которые подавляли его, потому что хотя он рассуждал *in modo et figura*, но не мог их разрешить. Под тяжестью сомнения он оцепенел как мышь в мышеловке, как коршун в силках. Он говорил сам с собою:

– Должен ли я плакать? Да! Отчего? Оттого что скончалась моя добрая жена, которая была и такая и сякая, больше чем всякая другая. Никогда я ее не увижу! Никогда-то не найду подобной! Это для меня потеря непоправимая. Боже мой, боже! Что сделал я такого, чтобы ты так меня наказывал? Отчего не послал ты смерти мне раньше, чем ей? Жизнь без нее для меня мука... О, Бадэбек, моя милочка, моя маленькая крошка! (А в ней было в квадратных мерах три арпана с лишним.) О, моя голубка, башмачок мой, туфелька моя родная, никогда-то я тебя более не увижу! О, бедный мой Пантагрюэль, ты потерял свою добрую маму, ласковую свою кормилицу, возлюбленную свою воспитательницу! Злодейка-смерть, сколь ты злобна и жестока, похитив у меня ту, которой бессмертие принадлежало по праву!

Говоря это, Гаргантюа ревел как корова. И вдруг начинал смеяться как теленок, вспомнив про Пантагрюэля:

– О, мой маленький сынок, – говорил он, – мой п...чик, какой хорошенький! Как я благодарен богу за то, что он дал мне такого веселого, такого прекрасного и радостного сына. Выпьем! Бросим печаль! Принеси-ка вина получше, сполосни стакан, положи скатерть, гони собак вон, раздуй огонь, зажигай свечу, закрывай дверь, нарежь хлеб! Гони нищих вон, подай им то, что они просят! Возьми мой плащ; я надену камзол, чтобы лучше отпраздновать крестины.

Но при этих словах он услышал литию и панихиду, которую служили священники, хоронившие его жену, прервал себя на полуслове и, как иступленный, закричал:

– Господи боже, неужели горе мое не кончится никогда! Я не могу примириться с этим: ведь я уже не молод и старею с каждым днем; погода опасная, я могу схватить лихорадку, – чего доброго, сойду с ума. Честное слово, лучше плакать поменьше, а пить побольше. Супруга моя умерла; хорошо! Но, клянусь богом, слезами мне ее не воскресить. Ей теперь хорошо! Она, по крайней мере, в раю, если еще не лучше! Она молит бога за нас, она блаженствует, и ни несчастья, ни бедствия наши не тревожат ее.

«Бог хранит живущих; мне надо подумать о том, чтобы найти другую. Но вы вот, – обратился он к повитухам, – да где же вы? Добрые люди, я не вижу вас... Идите на похороны, а я тут поянчусь с сыном, – я очень расстроен и могу заболеть. Идите, да сперва выпейте как следует. Вы будете лучше себя чувствовать, верьте моему честному слову.

Те повиновались и отправились на похороны, а бедняга Гаргантюа остался в своем жилище. И написал эпитафию в стихах для надгробного памятника покойной своей супруге:

«Она скончалась, благородная Бадэбек, казавшаяся мне всегда такой милой и наивной, скончалась от родов. Лицом – Ревекка, телом – испанка, а дородством – швейцарка. Молите бога, да будет милостив к ней и да простит ей, если она в чем преступила его заповеди! Здесь покоится тело ее, беспорочно жившее и умершее в год и день, как она скончалась».

ГЛАВА IV. О детстве Пантагрюэля

У древних историков и поэтов я нахожу, что многие в этом мире рождаются самым необыкновенным образом, о чем долго было бы рассказывать; почитайте об этом Седьмую книгу Плиния, если у вас есть время.

Но вы никогда не слышали о чем-либо более чудесном, чем младенчество Пантагрюэля. Трудно поверить, в какой короткий срок он вырос и окреп! Это совсем не Геркулес, который убил, будучи в колыбели, двух змей, потому что эти змеи были очень маленькие и слабенькие! А Пантагрюэль в колыбели совершил действительно страшные вещи. Я не буду говорить о том, как за один раз он высасывал молоко из 4 600 коров, и как для того, чтобы построить печь для варки кашицы, были заняты все печники из Сомюра в Анжу, из Вильдьё в Нормандии. И эту кашу ему подавали в огромном колоколе – и теперь этот колокол показывают в Бурже, близ дворца. Но зубы у него были и тогда такие крепкие и сильные, что он отломил ими от посуды порядочный кусок, как это и видно. Однажды утром, захотев пососать одну из коров (кормилиц, как говорит история, у него никогда не было), он освободил одну из рук, которые были привязаны к колыбельке, ухватил корову за ноги и отъел у нее и вымя и полживота, вместе с печенью и почками, – он пожрал бы ее всю, не зареви она благим матом, точно схватили ее за ноги. На этот крик сбежались люди и отняли корову Пантагрюэля, но не удалось отнять у него ногу, и она осталась у него, и он съел ее, как вы съели бы сосиску. А когда у него хотели отобрать кость, он проглотил ее, как баклан рыбешку, – да еще приговаривая: – Хор!.. хор!.. – Хорошо говорить он еще не умел, но хотел дать знать, что это вкусно и что только этого ему и надо.

Видя это, прислуживавшие ему привязали его к колыбели такими прочными канатами, какими привязан в Нормандской гавани огромный корабль «Французенка».

Но когда громадный медведь, вскормленник его отца, вырвался и стал облизывать его личико, так как кормилицы не обтерли ему губ как следует, то он освободился от названных канатов с такою легкостью, как Самсон, связанный филистимлянами, схватил господина медведя, разорвал его в клочки, как цыпленка, и сделал из него хорошую теплую закуску.

Тут Гаргантюа, опасаясь, как бы сын не причинил себе вреда, велел привязать его четырьмя железными цепями, а над колыбелью воздвигнуть целый свод. Одну из этих цепей можно видеть сейчас в Ла-Рошели, она висит между двумя большими башнями в гавани. Другая находится в Лионе, третья – в Анжере, а четвертую украли дьяволы, чтобы связать Люцифера, который в ту пору освободился от цепей, так как его страшно мучили колики в животе, потому что он съел за завтраком фрикасе из души какого-то сержанта.

Поэтому можно поверить тому, что говорит Николай Лира относительно одного места в псалтыре, где сказано: «Будучи еще малолетним, Ог, царь басанский, был столь силен и крепок, что понадобилось в колыбели сковать его железными цепями»¹³⁴.

После этого Пантагрюэль был мирен и спокоен, так как не мог легко порвать цепей, да и негде было в колыбели размахнуться рукой.

Но вот однажды отец его Гаргантюа в день большого праздника устроил прекрасный пир для принцев своего двора. Я думаю, что все придворные чины настолько были заняты прислуживанием на пиру, что о бедном Пантагрюэле совсем позабыли, и он был оставлен в полном одиночестве.

Что же он сделал? А вот слушайте, добрые люди, что он наделал, сначала он пытался разорвать цепи руками, но не смог, потому что они были слишком крепки. Тогда он забрыкал ногами так, что сломал край своей колыбели (который все-таки был сделан из толстого бревна в семь квадратных ампанов, и таким образом спустив ноги, он коснулся ими земли. Тогда он поднялся, неся люльку на спине, как черепаха свою коробку, когда она лезет на стену. А спереди казалось, что встал на дыбы целый корабль. И в таком виде вошел он к ужинающим, да с такой отвагой, что напугал всех присутствующих.

Но так как руки его были привязаны, он не мог ими схватить ничего съестного, а, сильно изогнувшись, старался захватить языком что-нибудь со стола.

И, увидев это, его отец сразу понял, что младенца оставили сидеть голодным, и велел его расковать, по совету присутствовавших принцев и гостей, да и врачи Гаргантюа были того мнения, что если Пантагрюэля продолжать держать в колыбели, он всю жизнь будет страдать каменной болезнью.

Освободив от цепей, мальчика посадили и хорошо накормили, а он ударом кулака в середину своей люльки раздробил ее на сто тысяч кусочков, сделав невозможным свое возвращение туда.

¹³⁴ Текст взят из псалма 135-го. Николай Лира (1270–1340) – известный францисканский богослов, родом из Лир (Нормандия), прославился трудом «Малые заметы» – комментарии на священное писание.

ГЛАВА V. Деяния знаменитого Пантагрюэля во дни его молодости

Так рос Пантагрюэль, со дня на день развиваясь, на глазах отца, чему тот радовался в силу естественной любви. Гаргантюа велел сделать для сына, пока он был маленьким, самострел, чтобы бить птичек. Тепер этот самострел называют большим шантельским арбалетом.

Затем, отец послал его в школу учиться и проводить отроческие и юношеские годы. Мальчик отправился в Пуатье, чтобы учиться, и преуспел. Там он, видя, что школьники не знают, на что тратить досуги, стал жалеть их.

И вот однажды он взял да отломил от большой скалы, называвшейся Паслурдэн, камень в двенадцать квадратных туазов и толщиной в четырнадцать ампанов и свободно положил его на четыре подпорки среди поля, чтобы школьники, когда им нечего было делать, могли забраться на этот камень с бутылками, ветчиной и пирожками и пировать и вырезать ножиком свои имена на камне. Камень этот и сейчас называют «Вознесенным Камнем». В память этого события, никто не вносится в матрикулы университета в Пуатье, пока не напьется из Конского источника в Крустель, не пройдет по Паслурдэну и не слазает на «Вознесенный Камень».

Как-то, читая прекрасные хроники о своих предках, Пантагрюэль нашел, что Жоффруа де-Люзиньян, прозванный Жоффруа Большой Зуб, дед троюродного брата старшей сестры тетки зятя дяди невестки его тещи, был погребен в Мальезэ. Поэтому он однажды взял отпуск, чтобы навестить могилу, как подобает порядочному человеку. Отправившись из Пуатье с несколькими товарищами, они прошли через Лэгюже, навестив благородного аббата Ардильона, через Люзиньян, Сансэ, Сэль, Колонж, Фонтенэ ле-Конт, где приветствовали ученого Тирако, и оттуда прибыли в Мальезэ, где он посетил могилу старого Жоффруа Большой Зуб. Он немного испугался, увидя его изображение в виде свирепого человека, наполовину обнажившего свой меч из ножен, и спросил причину этого.

И местные каноники объяснили ему, что единственной причиной было то, что «Pictoribus atque poetis»¹³⁵, т.-е. что художники и поэты пользуются свободой рисовать, что им угодно, как им заблагорассудится. Он, однако, не удовлетворился их ответом и сказал:

¹³⁵ Так начинается стих Горация, утверждающий за художниками право на полную свободу творчества.

– Он изображен так не без причины. И я подозреваю, что перед смертью ему нанесли оскорбление или обиду, и вот он требует у родственников отмщения. Я уж дойду, в чем дело, и поступлю, как надо.

Он захотел побывать в других французских университетах. Поэтому, минуя Ла-Рошель, Пантагрюэль сел на корабль и приехал в Бордоге, где он не видел особых занятий, кроме того, что корабельщики играли в лунки на песке.

Оттуда он поехал в Тулузу и там изучил танцы, а также искусство фехтования обеими руками, как это в обычае у студентов местного университета. Он не остался там после того, как увидел, что студенты поджаривали живьем своих профессоров, как копченых сельдей, и сказал по этому поводу:

– Да не будет угодно богу, чтобы я умер на костре. К чему мне греться, когда я от природы охотник до выпивки!

Потом он отправился в Монпелье, где нашел хорошиё вина из Мирво и веселую компанию. Он собирался было там изучать медицину, но рассчитал, что врачевание – беспокойное дело и грустное, и что доктора воняют клистиром как старые черти. Захотел был изучать законы, но, увидев, что этому обучались всего трое шелудивых мальцов да один плешивый, уехал.

От Моста Стражей через Луару до амфитеатра в городе Ниме¹³⁶ он употребил на путь менее трех часов, что кажется делом скорее божеским чем человеческим. Он прибыл в Авиньон и не провел в этом городе и трех дней, как влюбился: потому что женщины в этих местах очень любят играть в жмурки с объятиями, ибо это папская земля. Видя это, его наставник, Эпистемон, увез его в Баланс, в Дофинэ. Но и там тоже занимались не слишком, а вдобавок городские озорники колотили школяров. Это не понравилось Пантагрюэлю, и однажды в воскресенье, когда все танцевали и один школьник собирался потанцевать, а драчуны его не пустили, Пантагрюэль напал на последних и погнал их прямо на берег Роны, где и намеревался потопить их всех, но они попрятались, как кроты, под землю. Отверстие можно видеть и сейчас.

Отсюда в три шага и один прыжок он достиг Анжера, где е было очень не дурно, и он прожил бы там подольше, если бы не выгнала их чума. Тогда он поехал в Бурж, где долго учился, много работая на факультете права. Он говаривал впоследствии, что юридические сочинения ему напоминают блестящий плащ, вышитый золотом и чудесными драгоценностями, а по краям обшитый сухим г...м.

– Так как, – говорил он, – на свете нет более красивых, изукрашенных и изящных произведений, чем тексты Пандектов, но их толкования, то есть глоссы Акдурса, столь грязны, подлы и вонючи, как навоз и гадость.

Из Буржа он приехал в Орлеан, где нашел множество неотесанных парней – студентов, которые устроили хорошее угощение при его приезде. Он научился в короткий срок игре в мяч так хорошо, что прослыл великим мастером. В этом городе студенты только и делают, что упражняются в этой игре.

Они возили его иногда на острова, где отличались в состязаниях стенка на стенку.

Что же касается того, чтобы там ломать голову над книгами, то этого он избегал из боязни испортить зрение. Даже некий профессор из тамошних не раз утверждал в своих лекциях, что ничто так не вредно для зрения, как болезнь глаз.

¹³⁶ Город Ним, на юге Франции, знаменит как своим амфитеатром (ареной), остатками римского владычества, так и постройкой более позднего времени – башней Мань.

ГЛАВА VI. Пантагрюэль встречает лимузинца, коверкающего французский язык

Эпизод с хорошеньким школьником, с которым встретился Пантагрюэль и который только что приехал из Парижа и рассказал ему про тамошние дома терпимости. Язык его трудно переводим, он представляет собой пародию на тогдашний язык парижан. Студент выразился высокопарным штилем, в котором Пантагрюэль не без основания подметил общую тенденцию «обдирать» латынь¹³⁷.

Пантагрюэль схватил его за горло, и лимузинец заорал во всю глотку на обыкновеннейшем местном языке. Он умер через несколько лет «смертью Роланда», то есть от жажды (по народному преданию, Роланд погиб от жажды в Ронсевальском ущелье): юноше постоянно казалось, что Пантагрюэль держит его за горло; и ему хочется пить.

«Божественное возмездие за стремление к вычурной речи, – поучает Раблэ, – доказывает нам, что непонятных и выдуманных слов следует избегать, как моряку – подводных скал».

¹³⁷ Нужно заметить, что к числу слов, казавшихся современникам Раблэ комично-вычурными, относятся такие, как *patriotique*, *seruscule* и т. п., вошедшие с тех пор во всеобщее употребление.

ГЛАВА VIII. Как Пантагрюэль, будучи в Париже, получил от своего отца Гаргантюа письмо. Копия этого письма

Вы уже заметили, что Пантагрюэль учился усердно и с большой пользой для себя. Ум его напоминал вместилище с двойным дном, объем его памяти равнялся двенадцати бочкам оливкового масла.

Однажды он получил следующее письмо от отца:

«Дорогой мой сын! Из числа даров, милостей и преимуществ, которыми всемогущий господь-создатель одарил и разукрасил природу человека от начала веков, представляется особенно замечательным мне то, благодаря чему смертная природа человека приобретает нечто от бессмертия и в преходящей жизни земной увековечивает имя и семя свое. Это достигается через потомство, рождаемое нами в законном браке. Правда, что оно никоим образом не восстанавливает в нас того, что отнято у человека за грех наших прародителей, коим было сказано, что за то, что они не повиновались заповедям бога-создателя, они должны умереть, – каковою смертью будет уничтожено великолепие первозданного человека.

«Но, благодаря распространению семени, в детях живет то, что теряется в родителях, а во внуках – то, что погибает в детях, и так последовательно продолжится вплоть до часа страшного суда, когда Иисус Христос возвратит богу-отцу царство свое мирным, не подверженным никакой опасности и незапятнанным грехом, ибо тогда кончатся и поколения и искушения; элементы стихий прекратят свое вечное превращение, и настанет вожделенный и совершенный мир, и все дойдет до своих границ.

«Посему не без основательной причины воздаю я хвалу богу, моему хранителю, за то, что дал он мне возможность видеть дряхлость и старость мою расцветающей в твоей юности, ибо когда, по желанию его, который размеряет все и управляет всем, душа моя покинет свое человеческое обиталище, – я не вовсе умру, но лишь перейду из одного места в Другое, поскольку в тебе и через тебя я пребуду в видимом моем образе в этом мире живых, вращаясь в обществе честных и хороших друзей, как я к тому привык. Жизнь моя, благостью и милостью божьей, протекла хотя и не без греха, в чем я сознаюсь (ибо все мы грешим и неустанно молим бога оставить нам прегрешения наши), но, могу сказать без упрёка.

«И вот почему, хотя в тебе и пребывает телесный образ мой, но если равным образом не будет сиять твое душевное благонравие, то тебя не будут считать стражем и хранителем бессмертия нашего имени, и то удовольствие, которое я получил бы, созерцая это, приуменьшится. Ибо я видел бы, что осталась меньшая моя часть, то есть плоть, а лучшая, душа, из-за коей имя наше пребывает на устах людей и в их благословении, – что часть эта выродилась и стала как бы незаконнорожденной.

«И говорю я это не от недоверия к твоей добродетели, которую не раз я имел случай испытать, но ради того, чтобы сильнее побудить тебя к постоянному самосовершенствованию. И то, что я сейчас тебе пишу, имеет целью не столько даже заставить тебя идти стезею добродетели, сколько внушить тебе радость от мысли, что ты живешь и жил, как надо, – и ободрить тебя, внушить тебе мужество на будущее.

«В заключение и завершение всего сказанного достаточно напомнить тебе, как никогда я ничего не жалел для тебя, как отдавал себя всего делу твоего воспитания, точно и не было у меня другого сокровища в мире, чем видеть тебя при жизни достигнувшим совершенства «как в доблести, чести и благоразумии, так и в области свободного и честного знания, – и таким именно оставить тебя после моей смерти, чтобы ты, как зеркало, отражал во всем личность твоего отца, – и если и не столь совершенным, как я желаю, то, по крайней мере, стремящимся к этому.

«Но несмотря на то, что доброй памяти мой покойный отец, король Грангузье, все старания и все свое умение приложил к тому, чтобы я вполне усовершенствовался в государственных науках, и чтобы труды и старания мои не только соответствовали, но даже и превосходили его желания, – несмотря на это, как ты прекрасно понимаешь, то время, когда я воспитывался, было благоприятно для наук менее нынешнего, и у меня не было стольких наставников, как у тебя. То время было еще темное, еще сильно было злосчастное влияние варваров, готов, кои разрушили всю хорошую письменность. Но, по доброте божьей, на моем веку свет и достоинство были возвращены наукам, и произошла такая перемена, что сейчас я едва ли принят был бы даже в первый класс низшей школы, – я, который в моем зрелом возрасте считался (и не без основания) учнейшим человеком своего века.

«Говорю это не из пустого хвастовства, хотя в письме к тебе я мог бы и хвалиться вполне безнаказанно, ибо сие позволяется и одобряется такими авторитетами, как Марк Туллий (в его книге «О старости») и Плутарх (в его произведении, озаглавленном: «О похвальбе, не вызывающей зависти»), но исключительно для того, чтобы выразить тебе всю мою нежность. Теперь все науки восстановлены, а также языки: греческий, без знания которого стыдно называть себя ученым, еврейский, халдейский, латинский. Теперь в употреблении печатание, столь изящное и правильное, изобретенное в мое время благодаря божественному вдохновению, как, наоборот, благодаря внушению дьявольскому изобретены пушки. – Мир ныне полон учеными людьми, образованнейшими преподавателями, обширнейшими книгохранилищами, так что, по моему мнению, никогда – ни во времена Платона, ни Цицерона, ни Папиньяна – не было таких удобств для учения, как видим теперь. Отныне не найдет себе места в обществе человек, который не очистится предварительно у жертвенника богини Минервы. Я вижу, что нынешние разбойники, палачи, авантюристы и конюхи более образованы, чем доктора и проповедники моего времени.

«Да что говорить! Женщины и девушки ныне стремятся к науке, этой манне небесной. Даже я, в моем возрасте, вынужден учиться греческому языку, который я не презирал, как Катон, но не имел досуга усвоить себе в юном возрасте. И вот я охотно услаждаюсь чтением «Нравов» Плутарха, прекрасных диалогов Платона, описаний Павзания и древностей Атэнэя, в ожидании часа, когда богу-создателю будет угодно призвать меня к себе и приказать покинуть землю. Поэтому, сын мой, увещаваю тебя использовать юные годы свои для упражнения в науках и добродетели.

«Ты живешь в Париже, с тобою наставник твой Эпистемон: один изустными и живыми наставлениями, а другой похвальными примерами – могут научить тебя. Я стремлюсь и хочу, чтобы ты в совершенстве изучил языки: во-первых – греческий, что указывается Квинтилианом; во-вторых – латинский, и потом – еврейский, ради священного писания, а равно халдейский и арабский. В греческом подражай стилю Платона; в латинском – Цицерону. Ты должен сохранять в своей памяти все исторические события, в чем тебе поможет космография различных авторов. К свободным искусствам, как-то геометрии, арифметике и музыке, я вложил в тебя некоторую склонность, когда ты еще был совсем маленьким – лет пяти-шести, – продолжай их изучение; знай все законы астрономии, астрологию же и искусство Люллия¹³⁸ оставь, как науки пустые и лживые. Выучи наизусть прекрасные тексты гражданского права, ты мне их изложишь с разъяснениями.

«Что касается познания явлений природы, я хотел бы, чтобы ты отдался ему с любознательностью, чтобы не было ни моря, ни реки, ни родника, коих рыб ты бы не знал; и всех птиц в воздухе, все деревья, кусты и кустики лесов, все травы на земле, все металлы в недрах ее, все драгоценности Востока и Юга, – все это изучи; пусть ничто не будет тебе неизвестно. Тща-

¹³⁸ Раймунд Люллий (XII век) из Каталонии, автор «Ars Magna», философ, один из творцов так называемого оккультизма – «тайного знания» – над которым и смеется Раблэ.

тельно перечитай книги греческих, арабских и латинских врачей, не презирая ни талмудистов, ни каббалистов; при помощи анатомии приобрети совершенное познание другого мира, каков есть человек.

«Несколько часов в день отдавай на чтение священного писания. Сначала на греческом прочти «Новый завет» и «Послания апостолов», а потом на еврейском – «Ветхий завет».

«Словом, как видишь – бездна премудрости! Ибо, когда ты станешь взрослым мужчиной, тебе надобно будет выйти из спокойного течения занятий, и учиться ездить верхом, владеть оружием для защиты моего дома и для помощи нашим друзьям, в случае нападения на них со стороны каких-либо злодеев.

«И я желаю, чтобы ты вскоре испытал себя, насколько ты преуспел, для чего лучший способ – публичные диспуты со всеми, а также – посещения литераторов и ученых, которых в Париже больше, чем где бы то ни было.

«Соблазны мира сего пусть не имеют над тобою власти, да бежит сердце твое суеты: ибо жизнь наша преходит, слово же божие пребывает вечно. Будь услужлив по отношению ко всем ближним твоим и люби их, как самого себя. Уважай наставников, избегай общества тех, на которых походить тебе бы не хотелось, дабы оставаться достойным великих и богатых божьих милостей.

«Когда же ты увидишь, что приобрел все знания, какие могли тебя дать в той стране, возвращайся ко мне, чтобы перед смертью я мог увидеть и благословить тебя. Аминь.

«Утопия, семнадцатый день месяца марта.

Твой отец Гаргантюа».

Получив и прочитав это письмо, Пантагрюэль преисполнился мужества и загорелся желанием преуспевания во всех науках. Так что при виде того, как он занимается и преуспевает, вы бы сказали, что дух его среди книг напоминает огонь среди сухого вереска: до того был он горяч и неутомим.

ГЛАВА IX. Как Пантагрюэль нашел Панурга, которого полюбил на всю жизнь

Однажды Пантагрюэль, прогуливаясь за городом по пути к аббатству св. Антония, рассуждая и философствуя с друзьями и кое с кем из студентов, встретил человека прекрасного роста и прекрасно сложенного, но раненного в разные места и такого изодранного, точно он вырвался от собак.

Пантагрюэль, как только его заметил, еще издали сказал товарищам:

– Посмотрите на этого человека, переходящего Шарантонов мост. Честное слово, он беден только по капризу фортуны, потому я вас уверяю, по его физиономии, он – богатого и знатного происхождения, но страсть к приключениям, свойственная любознательным людям, довела его до такого упадка и нищеты.

И как только он подошел поближе к ним, Пантагрюэль обратился к нему с вопросом:

– Друг мой, прошу вас, соблаговолите на минутку остановиться и ответить на мой вопрос! Вы не раскаетесь в этом, о нет, – у меня большое желание посылить вам помощь, поскольку я вижу вас в несчастье, потому что вы внушаете мне большую жалость. Друг мой, скажите мне, – кто вы? Откуда и куда идете? Что ищете, и как ваше имя?

Прохожий ответил на немецком языке:

– Юнкер, Готт геб эйх глюк унд хейль цуфур. Аибер Юнкер, ихь ласс эйх внесен, дасс да ир мих фон фрагт, ист айн арм унд эрбармлих динг, унд вэр филь дарфон цу заген, вельхес эйх фердруслих цу хёрэн, унд мир цу эрцелен вер; вифоль ди поэтен унд ораторн форцэйтен хабен гезагт ин ирен шпрухен унд зентенцен, дасс ди гедэхтнис дес элендс унд армутс форлангст эрлиттен ист айн гроссер люст¹³⁹.

Пантагрюэль возразил незнакомцу:

– Друг мой, я совсем не понимаю этой тарабарщины; если вы хотите, чтобы вас поняли, говорите на другом языке.

На это товарищ отвечал ему:

– Альбарильдим готфано дешмин брин алабо дордио фальброт рингвам альбарас. Нин рортзадикин альмукатин милько прин альэльмин эн тот дальхебен энзуим: кутим аль дум алькатим ним брот дешот порт мин микай им эндот, прущ дальмайзулюм голь мот данфрильрим лупальдас им вольдемот...¹⁴⁰

– Понимаете что-нибудь? – обратился Пантагрюэль к присутствующим.

На это Эпистемон отвечал:

– Думаю, что это язык антиподов, сам черт в нем ногу сломит.

Пантагрюэль сказал:

– Милый кум, эти стены, может быть, вас и поймут, но из нас никто ничего не понял.

На это незнакомец сказал:

Синьор, вой видэтэ пэр экземпло ке ла корнамуза нон суона Май сэлла нон а иль вентрэ пьено. Кози ио паримэнтэ нон ви сапрэи кон Тарэ ле миэ фортунэ, сэ прима иль трибулато вентрэ нон а ла солита Рефекционэ. Аль куале э адвизо, кэ ле мани э ли денти аббуи персо иль ординэ натуралэ э дэль тутто анничият¹⁴¹.

¹³⁹ «Молодой человек, прежде всего дай вам бог счастья и благополучия! Дорогой молодой человек, знайте, что то, что вы у меня спрашиваете, – печальная и жалкая вещь. По поводу этого можно порассказать много, да вам будет скучно слушать, а мне рассказывать... Пусть там поэты и ораторы прошлых дней говорят в своих афоризмах и максимах, будто вспоминать о страданиях приятно...» Это сказано на ломаном немецком языке.

¹⁴⁰ Это, действительно, тарабарщина. Некоторые комментаторы усматривают здесь испорченный арабский язык.

¹⁴¹ «Вы, сударь, знаете, например, что волынка не звучит, когда у нее в животе пусто. Так и я никак не сумею вам рассказать мои приключения, пока не наполню желудка более или менее. А то моему желудку представляется, что и руки и зубы потеряли

Эпистемон ответил:

– Ну, одно другого стоит.

На что Панург сказал:

– Лард, гефт толб бэ суа виртус бе интэлидженс: ас ий бодч шальмис би нечурал рэлыют толб сулд оф мэ пэти гау фор нечур хас улс эгвали майд: бот фортюн сем екзалтит нон йе лес вийоис ноу вирчу дэпреэвит: энт вирчуз мэн дэскривис фор анэн е лад энд ис нон гуд¹⁴².

– Еще меньше, – отвечал Пантагрюэль.

В дальнейших разговорах Панург, прерываемый все более нетерпеливыми возгласами путников, хвастнул перед ними знанием, после баскского, еще рядом языков: сикимунским (такого никогда не существовало), голландским, испанским, старо-датским, еврейским, греческим, утопийским (тоже несуществующим), латинским. Наконец, на вопрос Пантагрюэля:

– Не умеете ли вы говорить по-французски? – незнакомец отвечал:

– Слава богу, это мой родной и материнский язык, я родился и вырос в зеленом саду Франции, в Турени.

Его собеседники нисколько не удивились последнему обстоятельству, так как они не понимали ни одной из его предыдущих речей, из которых некоторые, как, например, баскская или старо-датская, встречались остроумными замечаниями, иногда не совсем приличного свойства. Смысл Панурговых речей сводится к жалобам на пренебрежение мира к добродетельным людям, просьбам пищи и питья и, наконец, к просьбам не утомлять его расспросами.

– Ну, так, – сказал Пантагрюэль, – расскажите, как вас зовут, откуда вы направляетесь. Честное слово, вы мне так полюбились, что если вы только согласны, я не пущу вас от себя ни на шаг, и вы и я – мы составим отныне такую же неразрывную пару друзей, как когда-то Эней с Ахатом.

– Сударь, – говорит ему на это незнакомец, – мое истинное имя, данное мне при крещении, – Панург. Сейчас я из Турции, где был в плену со времени несчастного похода на Митилены¹⁴³. Я с охотой вам рассказал бы о моих злоключениях, более удивительных, чем «Одиссея»¹⁴⁴. Но раз вы хотите меня взять с собой, – это предложение я принимаю охотно и утверждаю, что никогда вас не покину, хотя бы вы пошли ко всем чертям, – так у нас будет еще время на досуге рассказать обо всем... А сейчас мне крайне необходимо подкрепиться пищей: зубы щелкают, брюхо пустое, аппетит пронзительный, в гортани сухо, – все готово. Хотите меня сделать пригодным для дела, так, ради бога, прикажите меня накормить. Сами порадуетесь, глядя, как я буду уписывать за обе щеки.

Пантагрюэль приказал своего нового друга отвести к себе в дом и принести ему побольше еды.

Приказание было исполнено, Панург славно поужинал в этот вечер и улегся спать вместе с курами, а проснулся на следующий день только к самому обеду и в три прыжка, прямо с кровати, очутился за столом.

Как Пантагрюэль правильно разрешил один удивительно темный и трудный вопрос, и так справедливо, что его решение было признано прямо замечательным.

Отлично помня письма и наставления своего отца, Пантагрюэль в один прекрасный день вздумал проверить свои знания. И вот он велел вывесить на всех городских перекрестках свои

свои обычные свойства, и их точно совсем нет». (Итальянский язык.)

¹⁴² «Фонетическое» подражание английскому языку. Комментаторы расшифровали аДесь такой текст: «Lord, if you be so virtuos of intelligence», и т. д., что в русском Чвреводе составляет: «Сударь, если ваше разумение соответствует вашим физическим Достоинствам, – вы должны пожалеть меня. Ибо природа создала нас равными, фортуна же возвысила одних и унизила других. Добродетель при этом зачастую в загоне, доблестными людьми пренебрегают; до последнего своего конца никто не считается хорошим».

¹⁴³ Французы были разбиты турками в 1509 году, в сражении при Мигиленах (в Греции).

¹⁴⁴ Раббанисты – раввины.

тезисы, числом до 9764, по всем научным вопросам, касаясь в них наиболее сомнительных во всех областях знания.

Прежде всего на улице дю-Ферр он выступил против всех деканов, магистров и ораторов и посадил их всех.

Второй диспут, в Сорбонне, против богословов, длился шесть недель, ежедневно с четырех утра до шести вечера (только два часа полагалось среди дня на обед). На этом диспуте присутствовали: много придворных, начальники канцелярий для приема прошений, президенты, советники, счетоводы, секретари, адвокаты и другие, а также старшины города, врачи и каноники.

Заметьте, что большая часть из них в споре с ним закусили удила, но, несмотря на все их ухищрения и выдумки, он всех их посрамил и доказал с очевидностью, что они перед ним просто телята.

Поэтому все зашумели и заговорили о его изумительных познаниях, – Все, включая прачек, сводней, кухарок, судомоек, которые, когда он проходил по улицам, говорили: «Это он!» Это доставляло ему удовольствие, как Демосфену, князю греческих ораторов, когда одна сгорбленная старуха, указывая на него пальцем, сказала: «Это он самый!»

И вот в это-то самое время как раз шел в суде процесс – тяжба двух крупных вельмож: одного звали де-Безкюль – истец; другого – Гюмвен – ответчик. Тяжба их была такая запутанная и трудная с точки зрения права, что парламентский суд разбирался в ней не легче, чем верхне-немецком языке. По этой причине король приказал собрать комиссию из четырех самых ученых и самых жирных членов из всех французских судов, и сверх того – большой совет, в который вошли все важнейшие профессора университетов, и не только французских, но и английских и итальянских, как, например, Язон, Филипп Дэче, Пэтрус де-Петронибус и масса других старых раббанистов. И комиссия и большой совет заседали сорок шесть недель, и все-таки не могли разгрызть орешка, ни понять предмета их спора, чтобы подвести его под существующее узаконение. Это в конце концов так их раздосадовало, что они от стыда обмарались.

Однако один из них, по имени Дю-Дуэ, более знающий, умный и опытный, чем все остальные, однажды – когда у всех уже ум зашел за разум – сказал:

– Господа, уж очень долго мы заседаем, никак не оправдывая расходов на нас, и не можем найти ни дна, ни берега в этом деле. Чем больше мы занимаемся им, тем меньше его понимаем, к нашему стыду и отягчению нашей совести; по моему мнению, не выйти нам из этого дела с честью, потому что мы только бредим в наших консультациях. Но вот что я придумал: вы, наверно, слышали об этой великой личности, о магистре Пантагрюэле? Его ведь признают ученым из людей нашего времени, по тем диспутам, которые он так блистательно провел перед всеми. Мое мнение, что нам следует вызвать его и побеседовать с ним по данному вопросу. Ибо нет человека, который бы мог придти к правильному выводу, если Пантагрюэль к нему не придет.

Все доктора и советники охотно согласились на это предложение и тотчас же послали за Пантагрюэлем, с просьбой сообразоваться принять участие в рассмотрении дела, обсудить вопрос со всех сторон и сделать вывод, который ему покажется правильным с точки зрения истинной науки о праве. Они передали ему в руки все бумаги и документы, что составляло в общем воз, свезти который было по силам не менее как четверке здоровых ослов.

– Господа, – спросил Пантагрюэль, – двое вельмож, тяжущихся между собой, еще живы? Ему было отвечено, что да.

– Так на кой же черт, – сказал он, – столько изводить бумаги и плодить такое количество копий? Не лучше ли выслушать от них самих их спор, вместо того чтобы читать всю эту ерунду, которая есть не что иное, как натяжки, дьявольские ухищрения и всякие извращения права? Я уверен, что и вы, и все, через чьи руки прошло дело, запутывали его, как только могли,

всякими там про и контра, затемняя нелепыми и преглупыми доводами, со ссылками на всех этих Бартолей, де-Кастро, де-Имола, Ипполитов, Панормов, Александров, Курциев и прочих древних приказных, которые никогда и не слышали ни о каких наших уложениях и, в сущности, были молочными телятами, круглыми невеждами в законах и, наверно, не знали ни латинского, ни греческого, а только готский и варварский языки. Во всяком случае, законы первоначально были заимствованы у греков, как вы знаете из свидетельства Ульпиана (кн. «О происхождении права»), и все законы полны греческих слов и выражений. А затем они были написаны поллатыни, на самом изящном и изысканном латинском языке, с которым не может сравниться даже язык Варрона, Саллюстия, Цицерона, Сенеки, Тита Ливия и Квинтиллиана. И как же могли понять тексты закона эти старые пустомели, не видевшие никогда хорошей книги на латинском языке, как это очевидно из их собственного стиля, – стиля печников, поваров и поварят, а не юрисконсультов? Больше того, так как все законы выросли на почве нравственной и натуральной философии, – как могли бы понять их эти глупцы, которые, ей-богу же, менее обучены в философии, чем мой мул? Что же касается гуманитарных наук, изучения древностей и истории, то они снабжены всем этим столько же, как жаба перьями. А между тем всякое право зиждется на основе указанных знаний, и без них не может быть понято, как я когда-нибудь докажу в особом сочинении. Поэтому, если вы хотите познакомить меня с данным процессом, то, во-первых, сожгите все эти бумаги, а во-вторых – велите явиться сюда этим двум дворянам; и когда я их выслушаю, я сообщу вам свое мнение без утайки.

Некоторые на это возражали, – вы знаете лучшую часть, как сказал, говоря о Карфаген упомянутый Дю-Дуэ мужественно держался противного мнения, доказывая, что Пантагрюэль говорит правильно, и что все их реестры, вопросы, больше глупых, чем умных, и что вся эта чертовщина не что иное, как извращение законов и затягивание процесса, и черт их всех побери, если они сейчас не пойдут по другому пути, согласно евангельской и философской справедливости.

Словом, все бумаги были сожжены, и оба дворянина приглашены лично. И тут Пантагрюэль им сказал:

– Вы – те, между которыми идет эта великая тяжба?

– Да, сударь, – сказали они.

– Кто из вас истец?

– Я, – сказал господин де-Безкюль.

– В таком случае, друг мой, расскажите мне по пунктам все ваше дело по всей правде. Ей-богу, если вы солжете хоть в одном слове, я сниму вам голову с плеч и докажу вам, что на суде должно говорить только правду. Поэтому берегитесь прибавлять что-нибудь или чего-нибудь не договаривать. Говорите!

ГЛАВА XI. Как господа де-Безкюль и Гюмвен тягались перед Пантагрюэлем без адвокатов

И вот Безкюль начал нижеследующую речь:

– Господин мой, правда в следующем: одна из женщин, принадлежащих к моему дому, пошла на рынок продавать яйца.

– Наденьте шляпу Безкюль, – сказал Пантагрюэль.

– Благодарю вас сударь, – сказал де-Безкюль. – В дальнейшем ей пришлось пройти между двумя тропиками, по на правлению к зениту, шесть серебряных бланков¹⁴⁵, поскольку Рифэйские скалы в этом году оказались бесплодными на фальшивые камни по причине возмущения, имевшего место между баррагуэльцами¹⁴⁶ и аккурсийцами из-за бунта швейцарцев, которые восстали и собрались в числе немало, желая Новый год встретить под омелой и провести этот первый день года в раздаче супа быка а ключей от кладовых девкам, – чтобы те кормили овсом собак. Всю ночь, руку держа на горшке, только и делали, что рассылали депеши, пешие да конные эстафеты, дабы задержать корабли. Ибо портные собирались из краденых отрезков сделать трубу, чтобы покрыть ею море-океан, которое в этот момент, по мнению уборщиков сена, было брюхато, собираясь разродиться горшком шей. Однако физики говорили, что можно в урине его распознать признаки того, что оно наелось топоров с горчицей, – с тою же уверенностью, с какой можно выследить дрофу по ее повадке. Разве что господа судьи бемольным декретом запретят дурной болезни преследовать медников, – так как бездельники уже потрудились, протанцовав в такт песенки доброго Раго:

В огонь ногою лезь
И голову повесь.

«Ах, господа, божья воля неисповедима, и против дурного глаза возница пускает в ход хлыст. Когда Андроны приехали, как раз происходило очень пышное чествование магистра Антитюс де-Крессоньер. Но пост был перед этим, – ведь каноники говорят: «*Beati Ioures, quoniam ipsi trebuchaverunt*»¹⁴⁷, – пост был, клянусь святым Фиакром Брийским, такой строгий, только оттого, что

Не бывает троицы
Без того, чтобы хозяйству не расстроиться...
Но – «небольшой ветер прогоняет большой дождь».

«Принимая во внимание, чтобы сержант не так высоко ставил цель, стряпчий и подъячий не грызли ногтей на пальцах и своих гусиных перьев... Мы ясно видим, что каждый берет за нос, чтобы взглядеться и в перспективе рассмотреть место у камина, куда вешают питейный флаг с сорока змеями, необходимыми для двадцати поводов к отсрочке. Во всяком случае, кому не хотелось бы выпускать птицу «на поваров, так как, когда штаны наденешь навыворот, становишься беспамятным? Храни бог от зла Тибо Митэна».

Тогда Пантагрюэль сказал:

¹⁴⁵ Бланк – мелкая монета.

¹⁴⁶ Это экзотическое звучное слово служит Раблэ для обозначения мифических народностей. Баррагуэльцев никогда не существовало.

¹⁴⁷ Фраза, составленная частью из французских слов с латинскими окончаниями. Смысл ее: «Блаженны отяжелевшие, поскольку сами поскользнулись».

– Прекрасно, друг мой, прекрасно! Продолжайте не торопясь и без раздражения. Все ясно, говорите дальше.

– Так вот, милостивый государь, справедливо говорят: ум хорошо, а два лучше. Женщина, о которой я говорю, читая свои акафисты и паремии, никак не может укрыться под сенью университетских привилегий, – разве что по-евангельски погружаясь в воду, покрываясь семеркой бубен, извлекая метательное копье близ места продажи старых хоругвей, которыми пользуются живописцы фламандской школы, когда они хотят ловко подковать кузнечика. Очень удивляюсь, как это мир не кладет яиц, раз он так хорошо высиживает их.

На этом месте г-н де-Гюмвен намеревался его прервать и что-то оказать, но Пантагрюэль запретил:

– Клянусь животом святого Антония, кто позволил тебе вступать в разговор? С меня сходит седьмой пот, когда я слушаю речь вашего противника, а ты еще мне подбавляешь жару. Тише, чорт побери! Твой черед настанет, когда этот окончит. Продолжайте, – обратился он к Безкюлю, – не торопитесь.

Безкюль продолжал:

– Принимая во внимание, что

В прагматической санкции
Ничего об этом не упоминается,

и что папа разрешил всем испускать газы совершенно свободно, в случае, если сукно не исцарапано, какая бы нищета ни царила в мире, лишь бы только не подписывались левою рукою под развратом. Только что отточенная в Милане радуга для выводка жаворонков пришла к соглашению относительно упомянутой особы женского пола, дабы она разбила себе ноги выше колен, и с протестом против метания икры рыбками, которые с тех пор признаны необходимыми для понимания конструкций старых башмаков.

«Однако, Иван Теленок, троюродный ее брат, отодвинувшись от костра, посоветовал ей не вмешиваться в эту историю и вымыться щелоком для стирки, не зажигая предварительно бумаги.

«Господа счетоводы не будут иметь мнения относительно суммы немецких флейт, пошедших на сооружение очков для принцев, только что изданных в Антверпене. И вот, господа, таким-то образом плохая отчетность может послужить к выгоде противной стороны. Повинуясь желанию короля, я вооружился с ног до головы четырехугольными латами, чтобы поглядеть, как наши сборщики винограда подрезали свои высокие шапки, чтобы лучше играть в чурки. Ибо стояло несколько опасное время, пора ярмарки, и иные из вольных стрелков отказались от испытания, не потому, чтобы трубы не были достаточно высоки, но из-за подседов и трещин у нашего друга Бодишона. Благодаря этому во всем Артуа раковин было в этом году в изобилии, что составляло немалое подкрепление для господ дровоносов, раз без особого удовольствия обжирались турусами на колесах. Мое желание, чтобы у каждого был красивый голос, – тогда игра в мяч пойдет лучше, и те маленькие тонкости, что служат для этимологизирования высоких ботинок, легче будет спускать в Сену для обслуживания Моста Мельников, как это уже давно предписано указом Канарского короля, и указ этот все еще находится там в капитуляции.

«Посему-то, милостивый государь, я и настаиваю, чтобы ваше превосходительство высказались по этому делу вполне, с уплатой судебных издержек и возмещением проторей и убытков»¹⁴⁸.

Тогда заговорил Пантагрюэль.

¹⁴⁸ В виду отсутствия какого бы то ни было смысла во всей речи Безкюля, в переводе допущены некоторые отступления.

– Друг мой, – сказал он, – к этому вы ничего не имеете прибавить?

– Ничего, – ответил Безкюль. – Я изложил все подробно и точно и без всяких изменений, клянусь честью.

– Ну так вы, – сказал Пантагрюэль, – вы, г-н де-Гюмвен, изложите, со своей стороны, содержание дела, хотя бы вкратце, но отнюдь не упуская ничего, что могло бы послужить материалом для приговора.

ГЛАВА XII. Как защищался перед Пантагрюэлем господин де-Гюмвен

Читатель достаточно ознакомился с образчиками судебного красноречия в пародии Раблэ, поэтому мы опускаем речь Гюмвена.

Пантагрюэль не нашел дела трудным, сделал два-три круга по зале в глубоком размышлении, производя впечатление осла, у которого чересчур затянули подпруги: его занимала мысль, как бы удовлетворить обе стороны, не «дав ни одной предпочтения».

Приговор его своим бессмыслием вполне отвечал речам обеих сторон.

ГЛАВА XIII. Как Пантагрюэль решил тяжбу двух вельмож Невероятная вещь, но обе стороны на состязательном судоговорение были вполне удовлетворены и одинаково довольны окончательным приговором

Что касается советников, а равно ученых, присутствовавших на суде, то последние в течение по меньшей мере трех часов пребывали в настоящем экстазе: до такой степени были они восхищены сверхчеловеческою мудростью Пантагрюэля, который так блестяще разрешил столь запутанное и щекотливое дело. Их удалось вывести из экстатического оцепенения, и привести в обычное состояние только с помощью уксуса и розовой воды, пролитых на них в значительном количестве.

ГЛАВА XIV. Рассказ Панурга о том, как ему удалось вырваться рук турок

Все сейчас же узнали и услышали о приговоре Пантагрюэля; он был отпечатан в большом количестве и внесен в архивы суда, так что все начали говорить:

«Соломон, которому только по догадке удалось вернуть ребенка матери, никогда не проявлял такой совершенной мудрости, как добрый Пантагрюэль. Мы счастливы, что он принадлежит нашей стране».

В самом деле, его хотели сделать докладчиком и председателем суда, но он отказался от всего, милостиво поблагодарив их.

– В этих должностях, – сказал он, – слишком много рабского, и слишком трудно спастись тем, кто занимает их; имея в виду человеческую испорченность, я думаю, что если свободные кресла ангелов не буду заполняться людьми другого сорта, то и через тридцать семь юбилейных лет не наступит последний суд, и Кузанус¹⁴⁹ обманется в своих предположениях. Но если у вас найдется несколько бочек доброго вина, я охотно приму их в подарок.

Они охотно это сделали и послали ему лучшего вина, что был в городе, и он хорошо выпил.

Но бедный Панург выпил здорово, так как был сух, как копченая селедка, оттого и двигался, как драная кошка.

Кто-то ему сделал замечание, когда он одним духом осушил большой кубок с красным вином, сказав:

– Потихе, куманек, слишком вы неистово глотаете!

– К чорту, – сказал Панург, – здесь тебе не парижские жалкие питухи, что пьют точно зяблики и глотают корм только тогда, когда их, как воробьев, похлопаешь по хвосту. Ох, приятель, если бы я так же поднимался вверх, как я спускаю вино вниз, я был бы уже с Эмпедоклом выше лунной сферы! Но что за дьявол! Что это значит: это вино прекрасно, восхитительно, но чем больше я его пью, тем больше хочу пить. Я думаю, что тень господина Пантагрюэля порождает жаждущих, в роде как луна – простуду.

Все присутствующие рассмеялись. Пантагрюэль же, видя это, сказал:

– Панург, чему это вы смеетесь?

– Ах, сударь, я им рассказывал, как эти дьяволы-турки несчастны оттого, что они не пьют ни капли вина. Если бы в Магометовом Коране не было другого зла, кроме этого, – и то я ни за что бы не стал мусульманином.

– Но расскажите же мне, – сказал Пантагрюэль, – как вам удалось от них вырваться?

– Хорошо, сударь, – сказал Панург, – расскажу и не совру ни слова.

Разбойники-турки посадили меня на вертел, обернув салом как кролика; ведь я был таким поджарым, что без этого из меня вышла бы преплохая еда. Итак, когда они поджаривали меня, я поручил себя божественной благодати, памятуя о святом Лаврентии и надеясь на господина, что он освободит меня от мучений, что и случилось самым необыкновенным способом. От глубины сердца взывал я к господину богу: «Помоги мне, господи боже, спаси меня, господи боже! Господи боже, избавь меня от мучений, причиняемых мне предателями этими и собаками за приверженность твоему закону!» Тогда тот, кто меня поджаривал, заснул по воле божьей, – или, быть может, по воле некоего доброго Меркурия, ловко усыпившего стоглавого Аргуса. Заметив, что он больше не ворочает вертела, на котором я жарюсь, я посмотрел и увидел, что он спит. Тогда я схватил зубами головешку с того конца, где она еще не загорелась,

¹⁴⁹ Кардинал Николай Кузанский, францисканец, в 1452 году выпустил труд: «Соображения о ближайших временах», в котором предсказывал конец мира в 1734 году (34-й юбилейный год: каждый такой год приходится один раз в полстолетие).

и бросил ее в мучителя, а другую, размахнувшись, закинул под походную кровать с сеником господина моего поджаривателя, стоявшую возле камина.

«Огонь сейчас же охватил солому, с соломы перескочил на кровать с кровати на пол из сосновых досок, – материал горючий. Что особенно удачно, так это то, что головешка, кинутая мною в моего палача-разбойника, прожгла ему венерин бугорок и т. д. Но не будь он таким вонючим, он бы до утра этого не почувствовал... А тут он, ошалев, вскочил и закричал во всю глотку в окно:

«– Даль барот, даль барот! – что означает: «Пожар, пожар!»

«Он побежал прямо ко мне, чтобы окончательно бросить меня в огонь, и уже разрезал веревки, которыми были связаны мои руки, и стал резать веревки на ногах. Но тут хозяин дома, заслышав крик: «Пожар!» и завидя дым на улице, где он как раз гулял с несколькими пашами и муфтиями, бросился со всех ног к дому, чтобы помочь спасти свои драгоценности. Прибежав, он схватил вертел, на котором я был посажен, и убил им наповал моего мучителя, отчего тот и умер за недостатком ухода: он пронзил его вертелом несколько правее и выше пупка, проткнув третью долю печени, а также диафрагму. Через сердечную сумку вертел вышел наружу у плеча, между левой лопаткой и позвоночным хребтом.

«Когда он выдернул из меня вертел, я упал на землю, близ тагана, и ушибся, хотя не сильно, потому что сало смягчило удар.

«Мой паша, видя, что дело безнадежно и что дом его неминуемо сгорит и все имущество погибнет, взмолился всем дьяволам, призывая по девяти раз Грильгота, Астарота, Раппала и Грибуйля.

«При виде этого страх мой удесятерился: дьяволы сейчас сюда явятся за этим безумцем: будут ли они настолько порядочными, чтобы захватить и меня? Я наполовину изжарен, и сало, которым я нашпигован, будет причиной моего несчастья. Ведь здешние дьяволы – большие охотники до сала, о чем есть авторитетные указания в сочинениях философ Ямвлиха, и у Мюрмо в «Апологии калек и горбатых, посвященной великим учителям». Я сотворил крестное

знамение и возопил: «Хагиос, атанатос, го тэос», и никто не пришел. Видя это, мой противный страж собирался себя убить, проткнув свое сердце моим вертелом. Он приставил его к своей груди, но недостаточно острый вертел не протыкал. Паша давил изо всей силы, но все было бесполезно. Тогда я подошел к нему и сказал:

«— Господин басурман, напрасно теряешь время: так ты себя никогда не убьешь, только ранишь, и всю жизнь будешь страдать. Хочешь, я тебя убью очень легко, так что ты ничего почувствуешь? И поверь, я уж многих так приканчивал, и все они великолепно чувствовали.

«— Друг мой, – говорит паша, – прошу тебя, я подарю тебе за это мой кошелек; вот он: в нем шестьсот серафов, и несколько бриллиантов и рубинов чистой воды».

– Где же они? – сказал Эпистемон.

– Клянусь святым Иоанном, очень далеко! – отвечал Панург. – Где прошлогодний снег? Вот главный вопрос, которым мучил Вильона, парижского поэта.

– Ну, кончай, – сказал, Пантагрюэль, – прошу тебя, чтобы мы знали, как ты нарядил своего пашу.

– Честное слово порядочного человека, – сказал Панург, – я не вру ни слова. Я его затянул полуобгоревшим, ни на что не годным гульфиком от штанов, руки и ноги связал ему накрепко, чтобы он не мог лягнуться; просунул вертел ему в горло, подвесил его, прицепив вертел к двум крюкам, поддерживавшим алебарды, разжег хорошенько огонь и стал поджаривать моего милорда, как коптят сельдей в камине. Потом, взяв его кошелек и висевший тут же на крюке кинжал, убежал во всю прыть. Бог знает, как болело у меня поджаренное плечо! Когда я вышел на улицу, я увидел, что все сбежались на пожар и тащат воду, чтобы его тушить. Видя меня, полузажаренного, надо мной, естественно, сжалились и вылили на меня всю воду, освежив меня, что мне было очень полезно. Потом дали мне немного подкрепиться, но я почти не ел, потому что для питья, по своему обычаю, они подали только воду.

«Другого зла они мне не причинили, кроме того, что один маленький негодяй турок, с горбом спереди, пытался потихоньку содрать с меня сало – я так его ударил по пальцам копьём, что он больше не посмел.

«Заметьте, однако, что поджариванье вылечило меня от ломоты в бедре, которой я был подвержен больше семи лет, с того бока, на котором оставил меня жариться мой мучитель, когда заснул.

«И вот, пока они занимались мною, огонь распространился, не спрашивайте как, и охватил тысячи две с лишком домов, так что кто-то из них заметил это и закричал:

«— Клянусь чревом Магомета, весь город в огне, а мы тут прохладжаемся!

«И каждый побежал к своему дому, а я направился к воротам.

«С холма около ворот я обернулся назад, как жена Лота, и увидел весь город в огне, чем был так доволен, что от радости чуть не обмарался. Но бог покарал меня».

– А как? – спросил Пантагрюэль.

– Вот как. Когда, в великой радости, я смотрел на этот прекрасный огонь и кричал: «Ага, бедные блошки, ага, несчастные мышки! Вам предстоит дурная зима! В ваших норах огонь!» – из города выбежали, спасаясь от огня, шестьсот, – да нет, тысяча триста одиннадцать, если не больше, – собак, и больших и маленьких. Почуввав запах моего поджаренного мяса, они помчались прямо ко мне, и съели бы меня, если бы ангел-хранитель не вдохновил меня, научив прекрасному средству от зубной боли.

– А почему ты, – говорит Пантагрюэль, – боялся зубной боли? Ведь от ревматизма ты уже вылечился.

– Pasques de soles¹⁵⁰! – отвечал Панург. – Разве зубная боль хуже, чем собаки, которые тянут вас за икры? Так вот – я вспомнил о своем сале и стал бросать его в середину кучи.

¹⁵⁰ «Пасха солнца», – ругательство Людовика XI.

Собаки стали грызться между собой из-за сала, а меня оставили. Я их тоже оставил. Так я вырвался, веселый и радостный. Да здравствует жаркое на вертеле!

ГЛАВА XV. Как Панург учил строить стены вокруг Парижа по совершенно новому способу

Однажды Пантагрюэль, чтобы отдохнуть от занятий, прогуливался у предместья Сен-Марсо, желая посмотреть фабрику гобеленов. С ним был и Панург, у которого всегда под плащом была фляжка и кусок ветчины: без этого он никогда не выходил; он шутил, что это его телохранители. Другой шпаги он не носил. Когда Пантагрюэль хотел подарить ему настоящую шпагу, он ответил, что она ему будет греть селезенку.

– Хотя бы и так, – сказал Эпистзмон, – но если на тебя нападут, чем ты будешь защищаться?

– Ударами сапога, – ответил он, – пускать в дело оружие запрещено.

На возвратном пути Панург рассматривал стены, окружавшие город, и с насмешкой сказал Пантагрюэлю:

– Вот прекрасные стены! Они как раз крепки настолько, чтобы защищать гусей, когда те линяют! Клянусь бородой, для такого города, как этот, такие стены никуда не годятся, потому что звука одной коровы достаточно, чтобы повалить брасов шесть.

– Друг мой, – сказал Пантагрюэль, – знаешь ли ты, что сказал Агезилай, когда у него спросили, почему столица лакедемонян не окружена стенами? Он показал на жителей и граждан города, столь опытных в военной науке, столь сильных и хорошо вооруженных, и сказал: «Вот стены города», указывая этим, что стены должны быть только из кости, и что для городов нет стен более верных и более крепких, чем доблесть их граждан и обитателей. Так и Париж настолько крепок большим количеством воинственного населения, что ему не нужно заботиться о постройке других стен. А кроме того, кто хотел бы окружить его стенами, наподобие Страсбурга, Орлеана или Феррары, не смог бы этого сделать, – столь велики были бы расходы и издержки.

– Пожалуй, – сказал Панург, – но все-таки недурно иметь, когда нападает неприятель, так сказать, каменное лицо, хотя бы для того, чтобы успеть спросить: «Кто там?» Что же касается огромных издержек, которые, вы говорите, необходимы на то, чтобы поставить стены, – Так я научу горожан постройке по совершенно новому и очень дешевому способу, – если они захотят угостить меня хорошей кружкой вина.

– А какому способу? – спросил Пантагрюэль.

– Я вас научу, – отвечал Панург, – только никому не говорите об этом. Я вижу, что в этом городе женщины дешевле камней: так вот из женских частей и следовало бы строить стены, при чем расставлять их в полной архитектурной симметрии: большие ставить в первые ряды; дальше – поднимая на два ската – средние, и наконец – маленькие. Потом прошпиговать – как большая башня в Бурже – затвердевшими шпагами, населяющими монастырские гульфики. Какой дьявол разрушит такие стены! Нет металла, который мог бы так сопротивляться ударам, и потом пусть выстрелы трутся об эти стены – вы увидите, как благословенный плод...¹⁵¹ черт возьми! И к тому же молния никогда не ударит в них, потому что они святы и благословенны! Только я вижу одно неудобство.

– Ой! Ой! А какое? – сказал Пантагрюэль.

– То, что мухи до этого удивительно лакомы, – налетят и нагадят, и тогда все испорчено. Но против них тоже средство: надо хорошенько вымести их лисьим хвостом.

¹⁵¹ Дальше следует непристойное выражение.

ГЛАВА XVI. О характере и обычных занятиях Панурга

Панург был среднего роста, ни высок, ни низок; его несколько орлиный нос был с изгибом, как ручка от бритвы. В то время ему было лет тридцать пять или около того; охотник до чужого, учтив и любезен, – только что несколько похотлив и с предрасположением от природы к одной особой болезни, в то время называвшейся «фот д’аржан», причинявшей боль ни с чем не сравнимую. «*Faulte d’argent; c’est douleur non pareille*»¹⁵².

Тем не менее у него было шестьдесят три способа добывания денег, из которых самым честным и самым обычным была простая кража. При этом он был озорник, шулер, пьяница, гуляка и забулдыга, каких мало в Париже. «А в остальном – чудесный человек»¹⁵³.

Он всегда измышлял что-нибудь против полицейских и караульных. Бывало, соберет троих или четверых парней, напоит их, как тамплиеров, к вечеру и ведет их к св. Женевьеве или к Наваррскому коллежу. Когда подходил обход, – а это он узнавал, кладя шпагу на мостовую, а ухо – рядом: если он слышал, что шпага дрожит, то это был верный знак, что обход близко, – тогда он и его товарищи брали какую-нибудь тележку, раскачивали ее и сталкивали со всей силой вниз: весь караул валился на землю, как куча свиней, а они убегали в другую сторону. За два дня он знал все улицы, переулки и перекрестки Парижа, как «*Deus det*»¹⁵⁴. Другой раз рассыпал по пути, где должен был проходить патруль, порох и – как только патруль проходил – поджигал порох и развлекался, смотря, с какой грацией те убегают, думая, что огонь святого Антония охватывает их ноги.

Что же касается несчастных «магистрои искусств», то, встретив кого-нибудь из них на улице, никогда не пропускал случая сделать им какую-нибудь гадость: либо кинет навозу к ним на шляпы, либо привяжет сзади лисий хвост или заячьи уши, или сделает еще какую-нибудь неприятность.

Однажды, когда всем богословам было предписано отправиться в Сорбонну, он приготовил так называемую бурбонскую смесь, из чеснока, камеди, вонючей смолы, касторки, свежего, еще горячего навоза и развел ее в гное злокачественных язв. Ранним утром он жирно намазал этой смесью всю мостовую, так что сам дьявол не захотел бы прогуляться по ней, и всех этих добрых людей стало рвать при всем народе, будто они ободрали лису. Десять или двенадцать из них умерли от чумы, четырнадцать – заболели проказой, восемнадцать – нарывами, наконец – более двадцати семи схватили венерическую болезнь. А ему и горя мало.

¹⁵² «Отсутствие денег – ни с чем не сравнимая боль». Припев из одной пьески, приписываемой Пьеру Гренгуару.

¹⁵³ «*Au demourant le meilleur fils du monde*», – стих из «Послания к королю» Клемана Маро.

¹⁵⁴ «Даждь, боже», – начало заключительной фразы послеобеденной молитвы.

Под плащом обыкновенно носил он хлыст, которым и хлестал без пощады, чтобы их подогнать, пажей, попадавшихся ему навстречу с вином, которое они несли своим господам. В его кафтане было больше двадцати шести кармашков и карманов, всегда полных всякой всячиной. В одном – пузырек со свинцовой водой и острый, как игла скорняка, ножичек, которым он отрезал чужие кошельки; в другом – флакончик виноградного сока, которым он прыскал в глаза встречным, в третьем – головки репейника с воткнутыми в них гусиными или петушьими перышками: он кидал их на платье и шляпы честных граждан, и часто устраивал им рожки, которые они и носили по всему городу, а иной раз и всю жизнь.

Тоже и дамам всаживал сзади на шляпу украшения, иной раз в виде мужских...

В одном из карманов у него была куча рожков с блохами и вшами (он собирал их на паперти св. Иннокентия с нищих). Через маленькие полые тростинки или перья, которыми пишут, он сбрасывал их на воротники наиболее жеманных барышень, которых встречал, он никогда не ходил на хоры, но всегда помещался внизу, между женщинами, как за обедней, так и за вечерней и за проповедью.

Был у него карман, полный крючков и крюков, которыми он любил сцеплять мужчин и женщин, пользуясь теснотой, – а особенно тех, которые носили платье из тонкой тафты. Расходясь, они рвали себе платье.

В другом кармане держал огниво, трут, кремь и все прочее в этом роде. Еще в одном – два-три зажигательных стекла, при посредстве которых приводил в бешенство мужчин и дам и заставлял их терять всякую сдержанность в церкви.

Еще в одном – у него был запас ниток и иголок, которыми он проделывал тысячи чертовщин. Как-то при выходе из Суда, он, увидев, что в большом зале монах-францисканец собирается служить мессу, предложил ему помочь облачиться. И пока его облачал, пришел стихарь к ризе и подряснику, и потом удалился, когда судейские расположились слушать богослужение. При словах: «*Ite, missa est*»¹⁵⁵, когда бедный монах хотел снять облачение, он с ним стащил и платье и рубашку, хорошо сшитые вместе, оголившись перед всеми до плеч и обнаружив свои органы – внушительных размеров, само собой разумеется. Чем больше он тянул, тем больше открывался, пока один из судейских не сказал:

– Что это, батюшка хочет заставить нас целовать его зад? Антонов огонь его поцелуй!

¹⁵⁵ Формула окончания католического богослужения. По-славянски – «отпуст».

С тех пор было предписано святым отцам не разоблачаться при народе, а в своей ризнице, особенно не в присутствии женщин, так как они могут впасть в грех похоти.

Часто слышишь вопрос – почему это у отцов монахов такие длинные...?

Панург нашел прекрасный ответ:

– У ослов длинные уши, потому что матки их не покрывают головы новорожденных ослят чепчиком. От той же причины и это, ведь монахи не носят подштанников...¹⁵⁶

Затем у него еще был карман, набитый пухом, который он бросал под платье на спину чопорным женщинам, заставляя их или раздеваться при всех, или плясать, как курица на углях, или кататься, как бильярдный шар; другие убегали вперед, он бежал за ними сам; а тем, кто раздевался, он тут же набрасывал на спину плащ, как вежливый и любезный кавалер.

Еще в одном кармане у него была склянка с деревянным маслом; Встретив нарядную даму или господина, он, как будто пробуя материю, замасливал и портил наиболее красивые части платья, приговаривая:

– Вот прекрасное сукно! Прекрасный атлас! Превосходная тафта, сударыня! Пошли вам боже исполнение ваших желаний: новое платье, нового друга, помощи вам боже.

И при этих словах клал руку им на воротник, так что пятно оставалось навсегда, так введаясь в душу, тело и репутацию, что и дьяволу его было не вывести.

И под конец говорил своей жертве:

– Сударыня, берегитесь, не упадите, потому что здесь большая грязная яма.

Кроме того, у него был карман, набитый мелко натертым молочаем. В этот же карман он клал прекрасной работы носовой платок, который он стащил у придворной кастелянши, снимая с ее груди вошь (которую сам же и посадил туда).

Находясь в дамском обществе, он заводил речь о белье, клал руку на грудь и спрашивал:

– Голландское полотно, или из Эно?

А затем вытаскивал свой носовой платок и говорил:

– Посмотрите, вот это так работа! Это шитье Футиньяна или Фонтараби! – И встряхнув его у самого носа дамы, заставлял ее чихать без отдыха часа четыре.

А он в это время... как жеребец, а прочие дамы со смехом говорили ему:

– Что с вами, Панург? Ну и звуки!

– А это я контрапунктом вторю музыке носа этой дамы, – отвечал он.

В остальных карманах у него были наложены: щипцы, ключи для вырывания зубов, отмычки и другие инструменты, благодаря чему не было ни двери, ни сундука, которых он не сумел бы взломать.

Был у него карман и с бирюльками. Он играл в бирюльки так искусно, что казалось, пальцы у него прямо с руки Минервы или Арахнеи. И когда он менял тэстон или какую-нибудь другую монету, то, будь меняющий проворнее самого магистра Муша, Панург делал так, что пять или шесть бланков исчезали открыто, явно, безболезненно, и меняющий слышал только их запах.

¹⁵⁶ Вследствие крайней непристойности, опускаем дальнейшее рассуждение по поводу монахов.

ГЛАВА XVII. Как Панург приобретал индульгенции, как он выдавал замуж старух и какие процессы вел в Париже

Однажды Панург показался мне каким-то жалким и более молчаливым, чем обычно. Подозревая, что у него нет ни су, я спросил его:

– Панург, вы больны, насколько я вижу это по вашему лицу, и я понимаю, чем вы больны: у вас воспаление кармана; но не беспокойтесь: у меня найдется шесть с половиною су, не видевших ни отца, ни матери, которые вам пригодятся.

На это он отвечал мне:

– Деньги – что! Когда-нибудь у меня их будет больше, чем надо, потому что у меня есть философский камень, который притягивает деньги из кошельков, как магнит – железо. А вот не хотите ли вы приобрести индульгенцию¹⁵⁷? – спросил он меня.

– Ей-богу, – ответил я, – в этом мире я не особенно стараюсь замаливать грехи. Что будет в другом – не знаю. Ну, хорошо, идет: но за один денье¹⁵⁸ – ни больше ни меньше...

– Но только дайте мне денье, – говорит он, – займы, за проценты.

– Ни за что, – говорю я, – даю вам от полноты сердца.

– «Grates vobis dominos»¹⁵⁹, – сказал он.

Мы отправились, и начали с церкви св. Гервасия, где я купил индульгенцию только у первого прилавка, так как в таких делах я довольствуюсь малым. Потом я прочитал несколько коротких молитв св. Бригитте. А он накупил индульгенций повсюду, у каждой колонны, и каждому продавцу совал деньги.

Из этой церкви мы перешли в Нотр-Дам, церковь св. Иоанна, св. Антония и во все остальные, в которых только продавались индульгенции.

Я не покупал, впрочем, больше ни одной. Но он прикладывался к мощам у каждой раки и раздавал деньги направо и налево.

Словом, когда мы возвращались, он завел меня по дороге в кабачок (близ Замка) и показал мне десять или двенадцать кошельков, полных денег.

Я перекрестился и сказал:

– Откуда вы набрали столько денег в такое короткое время?

Он отвечал мне, что с блюд с индульгенциями.

– Кладя на блюдо один денье, я это делал с такой ловкостью, что сборщику денег казалось, что я клал крупную монету. Потому одной рукой я брал с дюжину денье, а другой – еще три-четыре дюжины, и так во всех церквях, где мы были.

– В самом деле? – сказал я. – Но ведь вы губите свою душу, вы – вор, святотатец.

– Да, по-вашему. А по-моему – нет. Ведь продавцы индульгенций сами давали мне их каждый раз, когда, подставляя мощи, чтобы я приложился, говорили: «Centuplum accipies»¹⁶⁰, то-есть предлагали мне брать за один денье сто. Ведь, «accipies» употреблено как у евреев, которые будущее время употребляют вместо повелительного наклонения. Следовательно, когда продавец индульгенций мне говорит: «Получишь сторицею», – он хочет сказать: «Получай сторицею», как в законе сказано: «Diliges dominum», что значит: «Возлюбиши господя», то-есть – возлюби.

«Так толкуют этот текст все массореты, раввины Кими, Абен Эзра и сам Бартолюс.

¹⁵⁷ Индульгенция – папская грамота с отпущением грехов.

¹⁵⁸ Денье – мелкая медная монета (часть су).

¹⁵⁹ «Благодарю вас, господин», – на испорченной латыни.

¹⁶⁰ «Получишь во сто крат более».

«Больше того – папа Сикст пожаловал мне полторы тысячи франков ежегодной ренты из своей церковной казны за то, что я вылечил ему Злокачественную опухоль, мучившую его до того, что он боялся остаться хромым на всю жизнь. Так я эту ренту выплачиваю себе сам, собственными руками, из этой церковной казны.

«Ах, друг мой, если бы ты знал, – продолжал он, – как я жирно попустничал во время Крестового похода, ты бы очень удивился. Он мне стал больше шести тысяч флоринов».

– А куда ж они ушли, чорт возьми? – говорю я. – Ведь у тебя нет ни денье!

– Туда, откуда пришли, – ответил Панург, – только переменял хозяина. Больше трех тысяч из них употребил я на устройство браков. Но я выдавал замуж не молодых девиц (у тех женихов хоть отбавляй!), – нет, глубоких старух, у которых нет ни одного зуба, находя, что эти добрые женщины употребили с пользой свою молодость, отдаваясь каждому встречному-поперечному до тех пор, пока их уже никто не хотел. Ей-богу, я заставлю их попрыгать еще разок, перед смертью. Для этого я дарил одной, сто флоринов, другой сто двадцать, третьей триста, в зависимости от безобразия и отвратительности каждой: потому что чем они были ужаснее и противнее, тем больше им нужно было давать, иначе и сам чорт не захотел бы их. Подарив деньги, я шел к какому-нибудь жирному толстяку и сам устраивал брак.

«Но раньше, чем показать старуху, я ему показывал эю и говорил: «Вот, куманек, получишь денежки, если хочешь порезвиться как следует!» Я заказывал хорошее угощенье, лучшие вина и много пряностей, чтобы разжечь и возбудить старух. В конце концов они действовали как все грешные. Очень же безобразных и уродливых я заставлял закрывать лицо мешком.

«Затем я много денег потерял на судебные процессы».

– Какие судебные процессы мог ты иметь? – спрашивал я. – Ведь у тебя ни кола ни двора.

– Друг мой, – говорил он, – городские модницы этого города – по внушению дьявола – придумали такие высокие воротники или шали, которые закрывают им всю грудь, так что нельзя даже руку просунуть, потому что застежка сзади, а спереди все закрыто, чем любовники и вздыхатели и созерцатели не были довольны. В один прекрасный вторник я вчинил иск

против указанных дам, изложив суду справедливую претензию на нарушение моих интересов, заявив, что с таким правом я могу пришить свой гюльфик сзади, если суд не отдаст соответствующего распоряжения. . . В конце концов барышни образовали союз, показали свои основания и отстаивали свое право. Но я, однако, не отступился и добился того, что суд окончательно воспретил ношение высоких воротников, без хотя бы малого разреза спереди.

«Но это дело много мне стоило.

«Другой процесс, прегрязного свойства, вел я против магистра Фифи и его приверженцев, добиваясь того, чтобы им воспретили по ночам и украдкой заниматься чтением своих боченков и бочек, «Сентенциями»¹⁶¹, – а только днем на улице дю-Ферр, пред лицом всех ученых софистов. По этому делу меня приговорили к уплате судебных издержек из-за какой-то формальности в отношении полицейского.

«Другой раз я подал в суд жалобу на мулов председателей, советников и других, клонившуюся к тому, чтобы заставить советниц сшить хорошенькие нагруднички для этих мулов, дабы они не пачкали слюною мостовой заднего двора в здании Суда, в том месте, куда их ставили на день грызть свои удила, и дабы на означенной мостовой пажи свободно могли играть в кости или «ренигдь»¹⁶², не пачкая своих штанов на коленках. Приговор последовал в мою пользу, но стоил мне порядочно.

«А потом сосчитайте, во что обходятся мне ежедневные угощения судейских пажей!»

– А зачем они? – сказал я.

– Друг мой, у тебя ведь нет никаких развлечений в этом мире. А у меня их больше, чем у любого короля, и, если хочешь развлекаться вместе, мы чорт знает что наделаем!

– Нет, нет, – говорю, – клянусь святым Адорасом! Ведь когда-нибудь тебя повесят!

– А тебя когда-нибудь похоронят, – говорит он. – А что почетнее: воздух или земля? Эх ты, телятина! Разве Христос не был повешен в воздухе?

«Пока пажи угощаются, я сторожу их мулов, и у некоторых подрезаю ремень у стремени, так что он держится только на ниточке. И когда какой-нибудь надутый советник или кто другой вскакивает, чтобы сесть на коня, – то падает плашмя, как кабан, при всем народе и вызывает смеху больше, чем на сто франков.

«А я еще больше смеюсь, потому что, когда такой советник вернется домой, он прикажет вымолотить своего пажа, как хлеб на току. Так что мне отнюдь не приходится жалеть денег, что стоит их угощение».

В итоге у него было, как сказано выше, шестьдесят три способа добывать деньги. Но зато целых двести четырнадцать способов их тратить.

¹⁶¹ Речь идет о книге Пьера Ломбара «Сентенции», которая издавалась в большом количестве экземпляров повсюду.

¹⁶² Reniguedieu и Renidieu – игра.

ГЛАВА XVIII. Как один очень ученый англичанин захотел вести диспут с Пантагрюэлем, но был побежден Панургом

В эти самые дни один ученый муж, по имени Таумаст, до которого дошла громкая молва о несравненной учености Пантагрюэля, приехал из Англии с единственным намерением повидать Пантагрюэля, познакомиться с ним и убедиться, такова ли его ученость, как о ней идет слава.

И вот, прибыв в Париж, он направился к дому Пантагрюэля, жившего в гостинице Сен-Дени и в это время прогуливавшегося по саду с Панургом, философствуя по образцу перипатетиков.

Англичанин задрожал от страха, увидя, что Пантагрюэль так велик и так толст. Затем поздоровался, как следует, и вежливо сказал:

– Платон, князь философов, говорит правильно, что если бы наука и мудрость приняли телесный образ, видимый людям, – весь мир повергся бы в величайшее изумление; потому что даже только слух о ней, если дойдет до ушей ученых, любителей знания, которых зовут философами лишает их сна и покоя и возбуждает в них горячее желание стремиться собственными глазами увидеть человека, в котором наука воздвигла свой храм и устами которого она вещает.

«Это было нам показано царицею Савской, которая от крайних пределов Востока и Персидского моря пришла, чтобы увидеть своими глазами, как Соломон ведет свой дом, и услышать слова его мудрости. Также в Анахарсисе, который пришел из Скифии в Афины, чтобы видеть Солона; в Пифагоре, посетившем мемфисских прорицателей; в Платоне, который посетил египетских магов и Архита Тарентского; в Аполлонии Тианском, который дошел до Кавказских гор, прошел Скифию, землю массагетов, Индию, проплыл по великой реке Физону до Брахманов, чтобы видеть Гиархаса, проехал Вавилонию, Халдею, Мидию, Ассирию, землю парфян, Сирию, Финикию, Аравию, Палестину и через Александрию до Эфиопии, чтобы увидеть гимнософистов. Подобный пример имеем мы и в лице Тита Ливия; много ученых людей съезжалось в Рим из отдаленных уголков Франции и Испании для того, чтобы повидать и послушать его. Себя я не смею считать принадлежащим к числу и разряду людей, столь совершенных; но и я все же хочу считаться человеком усердным и поклонником не только учености, но и самих ученых.

«И вот, услышав молву о неопределимых твоих познаниях, я оставил родину, родных и дом свой и переправился сюда, не ставя ни во что и длительность пути, и неприятности морской переправы, и новизну стран, для того только, чтобы видеть тебя и побеседовать с тобой по некоторым вопросам философии, геомантии и каббалы, которые для меня сомнительны и которыми я не удовлетворен. Если ты сможешь разрешить их, то отныне я и все мое потомство будем твоими рабами: так как я не имею другого дара, который считал бы настолько ценным, чтобы отблагодарить тебя.

«Все вопросы я изложу в письменной форме и завтра же поставлю в известность всех местных ученых, чтобы мы публично, в их присутствии, могли оспаривать эти вопросы.

«Но вот каким способом я предполагаю вести диспут. Не «про» и, contra» будем мы произносить речи, как делают глупые софисты этого и других городов; равным образом я не хочу вести диспут в академической манере, в виде декламации, ни посредством чисел, как делал Пифагор и как хотел делать в Риме Пико-делла-Мирандола.

«Я хочу диспутировать только посредством знаков, ничего не говоря, потому что предметы нашего спора так трудны, что слова человеческие не были бы достаточны для их изъяснения, как мне нужно. Поэтому да будет угодно твоему великолепию явиться туда. Это будет в Большом Наваррском зале в семь часов утра».

В ответ на это Пантагрюэль с достойным видом произнес:

– Милостивый государь, из милостей, дарованных мне богом, я не хотел бы отказать уделить никому, сколько могу, ибо всякое благо исходит от него, и ему угодно, чтобы оно приумножалось среди людей, достойных и способных воспринять эту небесную манну благородных знаний. В числе таких людей, как я хорошо вижу, ты занимаешь первое место. Поэтому объявляю тебе, что в любой час ты найдешь меня готовым повиноваться всякому твоему вопросу, в соответствии с малыми силами моими, хотя мне от тебя надлежит учиться более, чем тебе от меня; но, как ты заявил, мы совместно побеседуем о твоих сомнениях и будем искать их разрешения на дне неисчерпаемого колодца, где, как сказал Гераклит, скрыта истина. И я весьма одобряю предложенный тобой способ диспута, т.-е. посредством знаков, а не слов, ибо, поступая так, мы пойдем друг друга и избавимся от рукоплесканий, которыми праздные софисты любят сопровождать речи, когда аргументация удачна. Итак, завтра я не премину явиться в назначенный час на указанное тобою место, но я прошу тебя о том, чтобы между нами не было особого спора и шума, так как ведь мы не ищем ни почестей, ни аплодисментов, но исключительно одной истины.

Таумаст ответил на это:

– Бог да благословит тебя своими милостями, прими мою благодарность за то, что столь высокому великолепию угодно снизойти к моему ничтожеству. Итак, прощай, до завтра.

– Прощай! – сказал Пантагрюэль.

Вы, господа, читающие то, что здесь написано, не представляете себе, чтобы люди могли так высоко витать мыслью, как Таумаст и Пантагрюэль в течение всей этой ночи. Таумаст сказал привратнику отеля Ключи, в котором остановился, что он за всю жизнь никогда еще не испытывал такой жажды, как в эту ночь.

– Мне кажется, – говорил он, – что Пантагрюэль держит меня за горло. Распорядитесь, пожалуйста, подать вина, а также свежей воды, чтобы я мог прополаскивать горло.

Пантагрюэль, со своей стороны, всю ночь просидел над горою книг, так что Панург ему в конце концов заметил:

– Сударь, бросьте все эти мысли, идите спать. Я чувствую, что ум ваш так взволнован, что вы можете схватить горячку от чрезмерного напряжения мысли. Но прежде выпейте двадцать пять или тридцать хороших глотков, а потом идите и спите на здоровье, потому что завтра утром я отвечу за вас и буду спорить с англичанином: если я на приведу его *acj metam non loqui*, вы можете меня выругать!

– Что ты, Панург, друг мой! – сказал Пантагрюэль. – Ведь он изумительно знающий человек, как же ты сможешь удовлетворить его?

– Очень хорошо, – ответил Панург, – прошу вас, больше ни слова об этом, и предоставьте мне действовать. Может ли человек быть более знающим, чем черти?

– Ну, конечно, нет, – сказал Пантагрюэль, – разве по особой милости божьей.

– А вот я, – сказал Панург, – я не раз выступал на диспуте против чертей и оставлял их посрамленными и сажал на зад. Поэтому будьте уверены, завтра с этим англичанином я сделаю так, что его прослабит при всем народе.

Панург провел ночь в попойке с пажами и в игре с ними, на крючки и застёжки своих штанов, в *primus* и *secundus* и в палочку.

Когда наступил назначенный час, он проводил своего господина Пантагрюэля к установленному месту. Вы смело поверите, что во всем Париже не осталось никого, от мала до велика, кто бы не был там.

Все думали: этот черт Пантагрюэль, разбивший на диспуте всех болтунов и желторотых софистов, на этот раз получит свою порцию, – потому что этот англичанин – как сам чорт из Вовера. Посмотрим, кто победит.

Итак, все собрались, и Таумаст поджидал наших друзей. Как только в залу вошли Пантагрюэль с Панургом, все эти писаки, магистры искусств, школьники принялись хлопать в ладоши, по своему глупому обычаю.

Но Пантагрюэль закричал громким голосом, точно выпалил из пушки:

– Тише, черт возьми! Бога ради, тише, вы, бездельники! Если будете шуметь, я снесу вам головы всем без исключения.

При этих словах все разинули рот от удивления и не посмели даже кашлянуть, словно кто засунул им в рот по пятнадцати фунтов перьев каждому, и от этого крика вдруг все так захотели пить, что на полфута высунули язык, как будто Пантагрюэль насыпал им в горло соли.

Тогда начал говорить Панург, обращаясь к англичанину:

– Милостивый государь! Пришел ли ты сюда, чтобы препираться по поводу выставленных тобой положений, или же чтобы научиться и познать истину?

Таумаст ответил:

– Милостивый государь, ничто, кроме искреннего желания поучиться и познать то, в чем я сомневаюсь всю жизнь, не приводит меня сюда. Я не встречал еще ни одной книги, ни одного человека, который мне дали бы удовлетворительное разрешение этих сомнительных вопросов. Что же касается моего желания, якобы, препираться, – такового у меня нет: это было бы слишком низко, и я оставляю это всяким мошенникам софистам, ищущим на диспутах не истины, но только противоречий и споров.

– Итак, – сказал Панург, – если я, скромный ученик своего учителя, господина Пантагрюэля, смогу удовлетворить тебя всем, то было бы недостойно затруднять его. Поэтому предпочтительнее, чтобы он был председательствующим, который будет судить наши мнения, и он удовлетворит тебя с избытком, если тебе покажется, что я не удовлетворил твоей любознательности.

– Правильно, – сказал Таумаст. – Превосходно сказано... Начинай же.

Заметьте, что Панург к концу своего длинного гюльфика прицепил пучок из красного, белого, зеленого и синего шелка, а в гюльфик положил прекрасный апельсин.

ГЛАВА XIX. Как Панург посрамил англичанина, который аргументировал на диспуте посредством жестов

Итак, в присутствии слушавших в полном молчании зрителей, англичанин поднял на воздух обе руки отдельно, сложив концы пальцев в форме, которую по-шиннонски называют куриный зад, затем провел ногтями по каждой руке четыре раза, потом разжал пальцы и ладонью одной руки ударил с сухим треском по другой; снова соединил их, как выше описано, снова дважды ударил и четырежды открыл; потом соединил одну с другой и протянул вперед, как будто в благоговейной молитве.

Панург внезапно поднял на воздух правую руку, вложил большой палец себе в нос с правой же стороны, а четыре остальных протянул параллельно кончику носа и, прижав их друг к другу, закрыл ими левый глаз совсем и прищурился правым, опустив вниз веко и бровь. Затем высоко поднял левую руку, сильно сжав и вытянув четыре пальца и подняв большой наверх, и держал ее по линии, точно соответствующей положению правой руки, на расстоянии от последней локтя в полтора. После этого он опустил обе руки вниз и наконец поднял их до середины, как бы нацеливаясь прямо в нос англичанину.

– А если Меркурий, – сказал англичанин...

Панург перебил его:

– Вы заговорили!

Тогда англичанин сделал такой знак: поднял высоко в воздух раскрытую левую руку, сжал в кулак четыре пальца и приставил вытянутый большой палец к кончику носа. Сейчас же затем поднял раскрытую правую руку и опустил ее, приставив большой палец к мизинцу левой и тихонько поводя по воздуху четырьмя пальцами последней. Затем наоборот, то есть правой сделал то, что левой, а левой то, что правой. Панург, не удивившись этому, поднял свой превеликий гультфик левой рукой, а правой извлек из него кусок бычьего ребра и две деревяшки одинаковой формы, одну черного дерева, другую палисандрового, положил их симметрично между пальцами и, ударя друг о дружку, произвел звук в роде того, который брэтонские прокаженные производят своими погремушками, – впрочем, более музыкальный и звонкий, – и при этом прищелкнул во рту языком, весело посматривая на англичанина.

Богословы, медики и хирурги подумали, что таким знаком Панург давал понять, что англичанин – прокаженный. А советники, юристы и приказные думали, что этим он хотел выразить, что и в положении прокаженного есть своего рода счастье, – как утверждал некогда господь. Англичанин не испугался этого и, подняв обе руки, держал их так, что три первых пальца каждой сжал в кулак, причем пропустил большой палец между указательным и средним, мизинцы же вытянул и поднес к лицу Панурга, затем соединил их так, что большой палец правой руки касался левого, а мизинец левой – правого.

Панург, ни слова не говоря, поднял руки и сделал следующий знак: на левой руке большой и указательный пальцы приставил друг к другу ногтями, образовав таким образом отверстие, а все пальцы правой, кроме указательного, сжал в кулак и стал то вставлять, то вынимать указательный из этого отверстия. Потом раздвинул, как мог, указательный и средний пальцы правой руки и протянул их к Таумасту. Дальше приложил большой палец левой руки к углу левого глаза и, вытянув всю эту руку в виде крыла птицы либо рыбьего плавника, тихонечко двигал ею туда и сюда. То же самое стал делать правой рукою и у правого глаза.

Таумаст побледнел и задрожал и сделал следующий знак: средним пальцем правой руки ударил по бугру, который выступает под большим пальцем, а потом указательный палец правой вложил в такое же кольцо левой, как Панург, но поместил этот палец снизу, а не сверху.

Тогда Панург хлопнул руками и подул на ладонь; после чего снова положил указательный палец правой руки в кольцо левой и опять задвигал им часто-часто. Потом вытянул подбородок, пристально смотря на Таумаста.

Ничего вообще не понимая в этих движениях, присутствовавшие догадались, что этим он спрашивает: «Ну-ка, что вы на это скажете?»

И в самом деле, Таумаст сильно вспотел и казался человеком, погруженным в глубокое созерцание. Потом он сообразил – и все ногти левой руки приставил к ногтям правой, раскрыл пальцы как бы полукругом и обе руки в этом положении поднял как можно выше.

В ответ на это Панург положил большой палец правой руки под челюсти, а правый мизинец в середину кольца левой руки и при этом очень мелодично стал стучать нижними зубами о верхние.

Таумаст от напряжения встал, но, встав, издал громкий звук и навонял как тысяча чертей. Присутствовавшие стали зажимать себе носы от вони, потому что он обмарался от волнения. Потом он поднял правую руку, сложив пальцы таким образом, что их концы были вместе, а левую руку положил себе на грудь.

На это Панург потащил свой длинный гульфик с шелковым пучком и вытянул его на полтора локтя, придерживая конец в воздухе левой рукой, а правой взял апельсин и подбросил его в воздухе семь раз, а на восьмой спрятал в кулак правой, которую он держал высоко и неподвижно в воздухе. Затем он стал трясти своим гульфиком, показывая его Таумаету.

После этого Таумаст стал надуть обе щеки, как волынщик, и дуть, так, как будто наддувал пузырь. На это Панург одним из пальцев левой руки ткнул себя в зад и ртом втянул воздух на манер того, как высасывают устриц из раковин или едят суп. Затем открыл немного рот и хлопнул по нему ладонью правой руки, издав при этом громкий глубокий звук, который показался выходящим с поверхности диафрагмы, по трахейной артерии, и повторил это шестнадцать раз; Таумаст все время дышал как гусь.

После этого Панург засунул указательный палец правой руки в рот, сильно сжимая его мускулами рта, а затем вытащил его с громким звуком, напоминающим звук выстрела, когда дети стреляют из деревянной пушки. И это он проделал девять раз.

Тогда Таумаст закричал:

– Ах, господа! Вот в чем секрет: руку-то он просунул до локтя!

Потом англичанин вытащил свой кинжал, держа его острием книзу.

В ответ на это Панург схватил свой гульфик и стал трясти им изо всей силы на уровне бедер, затем положил на голову обе руки, соединенные в виде гребня, изо всей силы вытянув язык и вращая глазами, как умирающая коза.

– Ага! Я понимаю, – сказал Таумаст. – Ну, что? – И он приставил рукоять кинжала к груди, а к острию приложил ладонь и отогнул немного концы пальцев.

На это Панург опустил голову налево, приставил третий палец к правому уху и поднял кверху большой палец; затем скрестил обе руки на груди, пять раз кашлянул, на пятом разу ударив правой ногой об землю; затем поднял левую руку и, сжав пальцы в кулак, большой палец приставил ко лбу и хлопнул шесть раз в грудь правой рукой.

Таумаст, недовольный этим, приложил большой палец левой руки к кончику носа, плотно сложив остальные пальцы.

Тогда Панург приложил оба указательных пальца ко рту с обеих сторон, растянув его, насколько мог, и показав все зубы, двумя большими пальцами глубоко вдавил свои веки, сделав очень скверную гримасу, как показалось присутствующим.

ГЛАВА XX. Рассказ Таумаста об учености и добродетелях Панурга

Тогда Таумаст встал и, сняв с головы шапочку, вежливо поблагодарил Панурга. Потом громким голосом сказал всему собранию:

– Милостивые государи, сейчас я могу кстати сказать евангельские слова: «Et esse plus quam Salomon hic»¹⁶³. Вы имеете в своей среде несравненное сокровище: это – господин Пантагрюэль, молва о котором привлекла меня сюда из глубины Англии, чтобы побеседовать о неразрешимых проблемах магии, алхимии, каббалы, геомантии, астрологии и философии, занимавших мой ум. Но теперь я раздражен этой молвой, которая, кажется мне, завидует ему, ибо она не соответствует и тысячной доле того, что есть в действительности. Вы видели, как не он сам, но только его ученик вполне удовлетворил меня и даже сказал больше, чем я спрашивал, и сверх того открыл и даже разрешил мои другие невыразимые сомнения.

«Поэтому я могу заверить вас, что он разверз передо мной истинный кладезь и бездну энциклопедического знания, притом такого рода, что я никогда не думал найти человека, который был бы знаком с основными элементами этого знания – я разумею наш диспут посредством знаков без слов.

«Со временем я изложу в письменной форме все, о чем мы переговорили и что решили, дабы не думали, что это была нелепость, и все это я напечатаю, дабы каждый, подобно мне, мог вынести из этого учение.

«Поэтому вы можете судить, что мог бы сказать учитель, раз ученик его проявил такую доблесть, ибо «несть ученик больше учителя своего».

«Итак, восхвалим господина! Я же смиренно благодарю вас за оказанную мне вами честь. Бог воздаст вам за это в жизни вечной!»

Подобным же образом поблагодарил все собрание и Пантагрюэль и, уходя, увел с собой Таумаста, пообедать вместе с ним, – и поверьте, пили они так, что пришлось распоясаться, – ибо в то время животы носили застегнутыми, как теперь воротники; пили до того, что стали заговариваться: «Откуда вы?»

Дева святая! Как хлопали пробки, как ходили бутылки, и каким трубным гласом они орал:

– А ну-ка, паж, тащи, откупоривай, наливай, черт тебя возьми, наливай!

Не было никого, кто бы выпил меньше, чем двадцать пять – тридцать бочек. Пили они «sicut terra sine aqua»¹⁶⁴; потому что было жарко, и кроме того их мучила жажда.

Что же касается объяснения положений, выставленных Таумастом, и значения жестов, употребленных ими на диспуте, – я бы вам объяснил их на основании собственных их показаний.

Но мне сказали, что Таумаст напечатал об этом в Лондоне целую большую книгу, в которой изложено все без всяких пропусков; поэтому я пока воздержусь от этого.

¹⁶³ «И вот здесь больше, чем Соломон» (Евангелие от Луки, XI, 31).

¹⁶⁴ «Как земля в засуху».

ГЛАВА XXI. Как Панург влюбился в одну знатную парижанку

Панург начал входить в славу в городе Париже, благодаря диспуту, и котором он превзошел англичанина, и с того времени он очень ценил свой гюльфик и отдал его вышить в римском стиле. Панурга хвалили всюду и везде и сложили про него песню, которую распевали даже маленькие дети, собирая в поле горчицу. Он был желанным гостем во всяком дамском обществе, отчего стал настолько тщеславен, что даже задумал одержать победу над одной из важных городских дам.

И действительно, оставив всякие длинные предисловия и заявления, которые проделывают обыкновенно жалкие созерцатели, влюбленные постники, которые не трогают мяса, он в один прекрасный день сказал этой особе:

– Сударыня, было бы очень полезно для всего государства, усладительно для вас, почетно для вашего рода и необходимо для меня, чтобы вы произвели от меня потомство; и верьте этому, потому что опыт докажет вам это.

Дама при этих словах отскочила от него за сто лье, говоря:

– Скверный дурак, пристало ли вам делать мне такие предложения? Подумайте, кому вы это говорите! Убирайтесь и никогда не показывайтесь мне больше, потому что, не будь вы такое ничтожество, я велела бы отрубить вам руки и ноги.

– Быть с отрубленными руками и ногами, – сказал он, – мне все едино, при условии, что мы весело попируем вместе, вы и я. Вот – он показал свой знаменитый гюльфик, – вот господин Жан-Жеди, он сыграет вам штучку, которую почувствуете до мозга костей. Он очень учтив, и в его распоряжении столько способов проникать в мышеловку, что после него остается только одно: хорошенько вычиститься.

Дама ответила:

– Убирайтесь, негодяй! Если вы мне скажете еще хоть слово, я позову слуг и заставлю вас избить.

– О, – сказал он, – вы не так дурны, как говорите, или ваше лицо меня обманывает. Скорее земля вознесется на небо, а небо низвергнется в бездну, и весь строй природы перевернется, чем в такой красоте и изяществе, как ваши, окажется хоть капля желчи и коварства. Правда, говорят, что трудно

Встретиться с прекрасной дамой,
Чтоб не была она упрямой.

«Но ведь это касается вульгарных красавиц. А вы так исключительно, замечательно, божественно красивы, что, я думаю, природа одарила вас такой красотой, чтобы дать нам понять, что она может сделать, когда захочет приложить все свое могущество и умение. Все, что исходит от вас, – это мед, сахар, манна небесная. Это вам Парис должен был присудить золотое яблоко, а не Венере, не Юноне или Минерве: никогда не было у Юноны столько величественности, у Минервы ума, а у Венеры изящества, как у вас.

«О, небесные боги и богини, как будет счастлив тот, кому вы позволите обнять ее, поцеловать и потереться об нее! Клянусь богом, этим счастливецем буду я, это я вижу, потому что она уже любит меня. Я знаю это, и феи предназначили мне это. И поэтому не будем терять времени и приступим».

Он хотел обнять ее, но она сделала вид, что бросается к окну, чтобы позвать соседей на помощь.

Тогда Панург быстро вышел и сказал ей, убегая:

– Сударыня, подождите меня здесь, я сам схожу за ними, не трудитесь.

И он ушел, не особенно беспокоясь полученным отказом.

На следующий день он оказался в церкви, в тот час, когда приходила к обедне. Низко поклонившись, он подал ей святой воды, потом стал на колени рядом с ней и сказал:

– Знайте, сударыня, что я так влюблен в вас, что не могу ни мочиться, ни... Вы понимаете? Если со мной случится что-нибудь дурное, кто будет виноват?

– Уходите! – отвечала она. – Уйдите же, что мне за дело до того! Дайте мне молиться.

– Помолитесь о том, чтобы бог дал мне то, чего желает ваше благородное сердце, и дайте мне, пожалуйста, эти четки.

– Берите, – сказала она, – и не мешайте мне.

Сказав это, она хотела дать ему свои четки, которые были из цестринового дерева, с золотыми марками; но Панург проворно вытащил один из своих ножигов, ловко срезал четки и стянул их, говоря ей:

– Хотите мой ножичек?

– О нет! – сказала она.

– Кстати, – сказал он, – он в полном вашем распоряжении, так же как тело и имущество, со всеми потрохами и кишками.

Однако дама не очень была довольна судьбой своих четок, потому что они были ей нужны для церкви. Она думала:

«Этот болтун – несколько ветрен, он чужестранец. Мне никогда не вернуть своих четок. Что скажет мой муж? Он на меня рассердится; но я ему скажу, что какой-то вор срезал у меня их в церкви, и он легко поверит этому, видя конец ленты на моем поясе».

После обеда Панург направился к ней, спрятав в рукаве большой кошелек, полный жетонов, и начал говорить:

– Кто из нас двоих больше любит – вы меня, или я вас?

На это она ответила:

– Что касается меня, я вовсе не ненавижу вас, потому что я всех люблю; как бог велит.

– А кстати, – сказал он, – не влюблены ли вы в меня?

– Я уже не раз вам говорила, чтобы вы не обращались ко мне с подобными речами. Если вы еще будете говорить об этом, я покажу вам, что ко мне нельзя обращаться с такими бесчестными словами. Уходите прочь и верните мне четки, а то мой муж у меня их спросит.

– Как, сударыня, ваши четки? – сказал он. – Нет, не верну. Но я вам с удовольствием дам другие. Какие вам больше нравятся: золотые с эмалью, в виде больших шаров, или красивые «озера любви»? Или массивные зерна, как слитки? Черного дерева? Гиацинтовые? Гранитовые с бирюзой? Или из топазов пополам с сапфирами? Из бледных рубинов впрорезь с бриллиантами по двадцать восемь каратов? Нет, все это слишком мало. А вот я знаю четки так четки: из замечательных изумрудов, вперемежку с серыми янтарями, а в застежке пермская жемчужина величиной с апельсин. Они стоят только двадцать пять тысяч дукатов. Я хотел преподнести их вам в подарок; деньги у меня есть.

При этих словах он позванивал своими жетонами, как будто это были экю.

– А не пожелаете ли вы принять в дар кусок лилового бархата? Отрез вышитого атласа? Цепочку? Золотые вещи? Кольца? Скажите только – да! До пятидесяти тысяч дукатов для меня пустяки.

От этих слов у нее потекли слюнки, но она ответила:

– Нет, благодарю вас, от вас я ничего не хочу.

– Но, клянусь, – сказал он, – я от вас хочу. И хочу вещь, которая вам ничего не будет стоить, и вас от этого не убудет. Вот, – он показал свой длинный гульфик, – вот господин Жан Шуар, который ищет помещения.

Он хотел обнять ее, но она начала кричать, хотя не очень громко. Тогда Панург сказал ей:

– Так вы решительно не позволяете мне ничего? Пустяки! Ни чести ни добра от этого вам не прибавится. Но, клянусь богом, я заставлю вас поехать на собаках.

Сказав это, он пустился в бегство, из страха побоев, которых естественно опасался.

ГЛАВА XXII. Как Панург сыграл с парижанкой злую шутку, которую нельзя вменить ему в достоинство

Заметьте, что на следующий день был большой праздник Тела господня, когда все женщины стараются превзойти друг друга нарядами. Указанная дама в этот день была одета в прелестную робу из малинового атласа и платье из драгоценного белого бархата. Накануне Панург целый день искал повсюду и наконец нашел собаку – суку в поре, привязал ее к своему поясу, привел к себе в комнату и кормил ее досыта день и ночь, а утром убил, вынул из нее то, что предписывают греческие геоманты¹⁶⁵, и изрезал на мельчайшие кусочки. Спрятав их хорошенько, он отправился к тому месту, где должна была проходить его дама, следуя за процессией, обычной в этот праздник.

Как только она подошла, Панург подал ей святой воды, чрезвычайно учтиво поздоровался с ней, а через некоторое время, когда она произнесла свои молитвы, подошел, чтобы сесть рядом с ней на скамью, подал ей следующее признание, написанное в форме «рондо»: ¹⁶⁶

«На этот раз вы, о прекрасная дама, слишком были упрямы и выгнали меня без надежды на возвращение... Конечно, вы без всяких посредников имели право это сделать, раз вам так не нравилось мое домогательство... Без обмана: сердце мое не скрывает, как жжет его молния вашей красоты, и я не требую ничего иного, как только того, чтобы вы позволили мне весело перекувырнуть вас – на этот раз»...

В то время как она открыла бумажку, чтобы посмотреть, что там было, Панург быстро насыпал ей крошева из собаки в складки платья, рукавов, а затем сказал ей:

¹⁶⁵ Геомантия – род условной астрологии, полем наблюдения для которой служили пункты на земле. Эти случайно расположенные точки образовывали группы, которые якобы имели отношение к планетам и которым придавали условное значение.

¹⁶⁶ Рондо – стихотворная форма, в которой одна и та же пара созвучных окончаний, и только эта пара, не прерываемая никаким иным созвучием, проходит сквозь все стихотворение. Здесь приводится только пересказ содержания.

– Бедные влюбленные, сударыня, не всегда бывают счастливы. А что меня касается, то я надеюсь,

Что бессонные ночи мои,
И труды и тоска от любви,

от любви к вам, выведут меня из мук чистилища. Во всяком случае, молитесь богу, дабы даровал он мне терпение в моем страдании...

Не успел Панург произнести эти слова, как все собаки, что находились в церкви, сбежали к даме, почуяв запах крошек, которыми он ее посыпал: маленькие и большие, толстые и тощие – все сбежались, стали ее обнюхивать и мочиться на нее со всех сторон.

Это была величайшая подлость в свете! Панург немного отогнал их, а потом попросился с ней и удалился в часовню, чтобы посмотреть на потеху: гнусные собаки обмочили все ее платье, а одна большая борзая намочила на голову, другие на рукава, третьи на спину, а маленькие на башмаки. Так что всем бывшим тут дамам было много хлопот, чтобы спасти ее! А Панург стал хохотать и сказал одному из местных важных горожан:

– Я думаю, что эта дама в поре.

Когда он увидел, что все собаки, огрызаясь друг на друга, кружатся около нее, как вокруг суки в поре, он ушел звать Пантагрюэля. Встречая на всех улицах собак, он угощал их пинками ноги и говорил:

– Что ж вы не идете на свадьбу вместе с товарищами?

Ну, вперед, вперед, дьявол побери, скорей!

Придя домой, он сказал Пантагрюэлю:

– Прошу вас, учитель, посмотрите, как все здешние собаки собрались вокруг одной дамы, первой красавицы в городе: хотят с ней поиграть.

Пантагрюэль охотно согласился, и нашел зрелище забавным и новым. Самое интересное было во время крестного хода, когда вокруг дамы оказалось 600 014 собак, причинявших ей тысячи мучений. И где бы она ни проходила, все новые и новые собаки увеличивали свору и сейчас же пускали лужи на том месте, которого касалось ее платье.

Все останавливались при виде такого зрелища, обмениваясь замечаниями по поводу поведения собак, которые вскакивали к даме на шею и портили ее прекрасный наряд. Единственным средством спасения было бегство домой.

Но собаки – за ней, она от них – прислуги хохочут. Когда она вбежала домой и закрыла за собой дверь, то все собаки сбежались, и около двери они столько наделали луж, что потек настоящий ручей, в котором могли плавать утки. Это тот самый ручей, который нынче течет у Сен-Виктора, и в котором Гобелен красит алую рию, пользуясь свойствами собачьей мочи, как об этом говорил мэтр Дорибус. На ручье можно было построить и мельницу – конечно, не такую, как известная Базакль в городе Тулузе.

ГЛАВА XXIII. Как Пантагрюэль выехал из Парижа, получив известие, что дипсоды вторглись в страну аморотов, и о причине того, почему во Франции такие маленькие мили

В скором времени Пантагрюэль услышал, что отец его Гаргантюа был перенесен феей Морганой в царство фей, как некогда Ожье и Артур, и что вслед за тем, как распространился слух о его перенесении, дипсоды перешли границу, нанесли вред великой стране Утопии и держали в осаде столицу аморотов. Поэтому Пантагрюэль уехал из Парижа, ни с кем не попрощавшись, так как дело требовало спешки, и прибыл в Руан.

И вот, едучи, он заметил, что французские мили гораздо короче миль других стран, и спросил о причинах и основаниях этого у Панурга, который рассказал ему историю, приведенную Маротусом-монахом в «Деяниях королей канарских». Он говорил, что в древнее время страны не различались ни в отношении миль, ни стадиев, ни парасангов, пока король Фарамонд не установил этого различия, сделав это следующим образом: он выбрал в Париже сотню прекрасных, изящных и очень смелых молодых кавалеров и столько же прекрасных девушек пикардиек. Каждому из молодых людей он дал по девушке, снабдив деньгами на расходы и приказав парам отправляться в разные страны, а на том месте, где молодые люди будут ласкать своих девушек, он велел класть камень, что обозначало бы милю.

Посланные пары весело отправились в путь, и, так как они были молоды, здоровы и свободны, они забавлялись то и дело.

Вот почему французские мили такие короткие.

Но когда они проделали длинную дорогу, и уже устали как дьяволы, и масла в лампах им не хватало, они уже не так часто останавливались и довольствовались (я говорю про мужчин) каким-нибудь счастливым разочком в день.

Вот почему в Бретани, в Ландах, в Германии и в других, более отдаленных странах такие длинные мили. Другие приводят иные объяснения, но это мне кажется наилучшим. С этим Пантагрюэль охотно согласился.

Из Руана они прибыли в Омфлер, и тут Пантагрюэль, Панург, Эпистемон, Эстен и Карпалим сели на корабль. Здесь, пока они ожидал попутного ветра и занимались оснасткой судна, Пантагрюэль получил письмо от одной парижской дамы (которую он довольно долго содержал). На письме была надпись:

Наиболее любимому красавицами и наименее верному из храбрых.

П. Н. Т. Г. Р. Л.

ГЛАВА XXIV. Письмо, которое привез Пантагрюэлю посланец одной парижской дамы, и объяснение одного слова, написанного на золотом кольце

Когда Пантагрюэль прочел надпись, то был страшно изумлен, и, спросив у посланного имя той, которая послала его, раскрыл письмо, но не нашел в нем ничего написанного, только золотое кольцо с бриллиантом. Тогда Пантагрюэль позвал Панурга и показал ему посылку.

А Панург сказал, что на листе бумаги что-то написано, но так тонко, что не видно. Чтобы узнать это, он поднес лист бумаги к огню, чтобы посмотреть, не было ли письмо написано раствором соли нашатыря; затем положил его в воду, чтобы узнать, не было ли написано молочайным соком. Потом приблизил его к свечке, на случай, если оно написано луковым соком; потер его ореховым маслом – не написано письмо соком фигового дерева; потом потер молоком женщины, кормящей перворожденную дочь, чтобы посмотреть, не написано ли кровью жабы; потом один уголок письма потер пеплом от гнезда ласточек, не писали ли росой из яблок Аликакабю. Другой конец он потер серой из уха, чтобы посмотреть, не было ли написано вороновой желчью. Вымочил письмо в уксусе – не написано ли оно соком подорожника. Потом помазал жиром летучих мышей, чтобы посмотреть, не было ли оно написано китовой спермой – серым янтарем. Затем тихонько опустил его в таз со свежей водой и быстро вынул, чтобы посмотреть, не написано ли оно квасцами.

Видя, что ничего не может узнать, он позвал посланного дамы и спросил у него:

– Товарищ, та, что тебя послала, не дала тебе с собой еще какой-нибудь палки?

Он думал, что дама, может быть, прибегла к хитрости Авла Геллия.

– Нет, господин, – ответил тот.

Тогда Панург хотел обрить посланцу голову, чтобы узнать, не написала ли дама того письма, что хотела послать, на выбритой голове.

Но увидав, что волосы у посланца очень длинны, он отказался от своего намерения, сообразив, что в такое короткое время они не смогли бы так отрасти.

Тогда он обратился к Пантагрюэлю:

– Господин, как бог свят, не знаю, что сказать и что подумать. Чтобы узнать, не написано ли здесь что-нибудь, я употребил часть тех приемов, что описаны у мессира Франческо ди-Нианто из Тосканы, для чтения тайнописи, а также то, что писано у Зороастра и Кальфурния Басса, в их сочинениях о невидимых письменах, но ничего не вижу и думаю, что кроме кольца ничего нет. Поэтому хорошенько посмотрим его.

Рассматривая кольцо, они нашли изнутри надпись на еврейском языке: «Лама хаза-бтани»; тогда, призвав Эпистемона, спросили у него, что это значит.

Эпистемон ответил, что это – еврейские слова, означающие: «Зачем ты меня покинул?» На это Панург тотчас заметил:

– Ага, понимаю! Вы видите этот бриллиант? Он фальшивый. Так вот и объяснение того, что хочет сказать дама: «Скажи мне, неверный любовник, зачем ты меня покинул?»

Объяснение было тотчас же понято Пантагрюэлем. Он вспомнил, что перед отъездом не попрощался с дамой, и очень опечалился этим. И он охотно вернулся бы в Париж, чтобы помириться с ней. Однако Эпистемон напомнил ему расставание Энея с Дидоной, а также совет Гераклида Тарентского: в случае настоящей необходимости в быстром отъезде лучше перерезать канат, если корабль стоит на якоре, чем терять время на подъем последнего, и что Пантагрюэлю нужно оставить такие мысли и спешить добраться до родного города, который находится в опасности.

В самом деле, час спустя подул ветер, называемый норд-норд. Они поставили под ветер все паруса и вышли в открытое море. Через несколько дней, миновав Порто-Санто и Мадеру, пристали к Канарским островам. А оттуда двинулись дальше, мимо Капо-Бланко, Сенег, мимо Зеленого мыса, Гамбрии, Сагры, Мелли, мимо Мыса Доброй Надежды, сделав остановку в королевстве Мелинда. Выехали оттуда с северным ветром, миновав Меден, Ути, Удем, Геласим, острова фей и королевство Ахория; в конце концов прибыли к гавани Утопии отстоявшей всего на три лье с небольшим от столицы аморотов.

Немного отдохнув на суше, Пантагрюэль сказал:

– Друзья, город отсюда недалеко. Но прежде чем идти дальше следовало бы хорошенько обсудить, что мы будем делать, – чтобы не походить на афинян, которые собирали совет только после того, как что-нибудь сделали. Решились ли вы жить и умереть вместе со мной?

– О да, господин, – сказали они все, – будьте уверены в нас, как в собственных своих пальцах!

– Так вот, – сказал он, – только одно занимает мой ум и тревожит меня: я не знаю, в каком порядке и в каком числе враги осадили наш город. Если бы я это знал, я вышел бы с большей уверенностью. Поэтому давайте подумаем вместе о том, как бы нам это узнать.

На что все отвечали в один голос:

– Отправьте нас на разведки и подождите нас здесь. Сегодня же мы принесем вам достоверные сведения.

– Я, – сказал Панург, – попробую проникнуть в их лагерь, минуя часовых и караулы, попить с ними и подрасться на их счет, никем, не будучи узнан. Осмотрю орудия, палатки командиров, поважничая, перед солдатами, не будучи открытым. О, сам черт меня не перехитрит, – потому что я из рода Зопира.¹⁶⁷

– А я, – сказал Эпистемон, – я знаю все стратегемы и подвиги храбрейших капитанов и героев прошедших времен, все хитрости и тонкости военной науки. Я пойду, и даже если буду открыт и разоблачен, я вырвусь от них, причем сумею уверить и убедить их относительно нас во всем, что мне заблагорассудится, так как я происхожу от Синона.¹⁶⁸

– А я, – заявил Эстен, – я проберусь через их траншеи, несмотря на часовых и стражу, переломая им руки и ноги, будь они сильны как сам черт, потому что веду свой род от Геркулеса.

– А я, – сказал Карпалим, – я туда проникну, если туда проникали птицы. Я так проворен, что перескочу через их окопы и пройду через весь их лагерь раньше, чем они меня заметят. Я не боюсь ни копья, ни стрелы, ни самого быстрого коня: будь то Персея Пегас Паколе, я удеру от них цел и невредим. Берусь пройти по луговой траве, не примяв ни колоса, ни травинки, так как я из рода амазонки Камиллы.

¹⁶⁷ Зопир изувечил себя, чтобы предать Вавилон в руки персидского царя Дария, во время осады этого города.

¹⁶⁸ Синон, по Вергилию, предал грекам Троя.

ГЛАВА XXV. Как Панург, Карпалим, Эстен и Эпистемон, товарищи Пантагрюэля, посредством тонкой хитрости побили вчетвером шестьсот шестьдесят рыцарей

Когда они говорили это, они заметили шестьсот шестьдесят рыцарей, которые ехали на легких конях, посмотреть, какой это корабль причалил к гавани. Они мчались во весь опор, чтобы, если можно, захватить прибывших.

Тогда Пантагрюэль сказал:

– Друзья, возвращайтесь на корабль, – видите приближающихся неприятелей! Я перебую их всех как скотов, будь их хоть десять раз столько. А вы тем временем уйдите на корабль и скоротайте время, как сумеете.

Но Панург ответил:

– О нет, господин! Это неправильно, чтобы вы так делали. Напротив, вы уйдите на корабль, – и вы и все прочие. С ними управлюсь я один. Только не следует медлить. Идите.

На это все другие сказали:

– Хорошо сказано! Государь, вы уйдите! А мы тут поможем Панургу, и вы узнаете, что мы умеем делать.

Пантагрюэль на это ответил:

– Ну, что ж, я согласен. Но в случае, если вы окажетесь слабее неприятеля, я вас не оставлю.

Тогда Панург снял с корабля два больших каната и, прикрепив их к кабестану на палубе корабля, закинул их на землю, сделав из них два круга, один побольше, другой поменьше, внутри первого, и сказал Эпистемону:

– Войдите на корабль и, когда я вам позвоню, поверните как можно поспешнее кабестан на палубе, таща к себе оба каната.

Затем он сказал Эстену и Карпалиму:

– Друзья, ждите здесь и смело предстаньте перед неприятелем, окажите ему повинование и сделайте вид, что сдаетесь. Остерегайтесь только попасть в круг этих канатов и постоянно держитесь вне их.

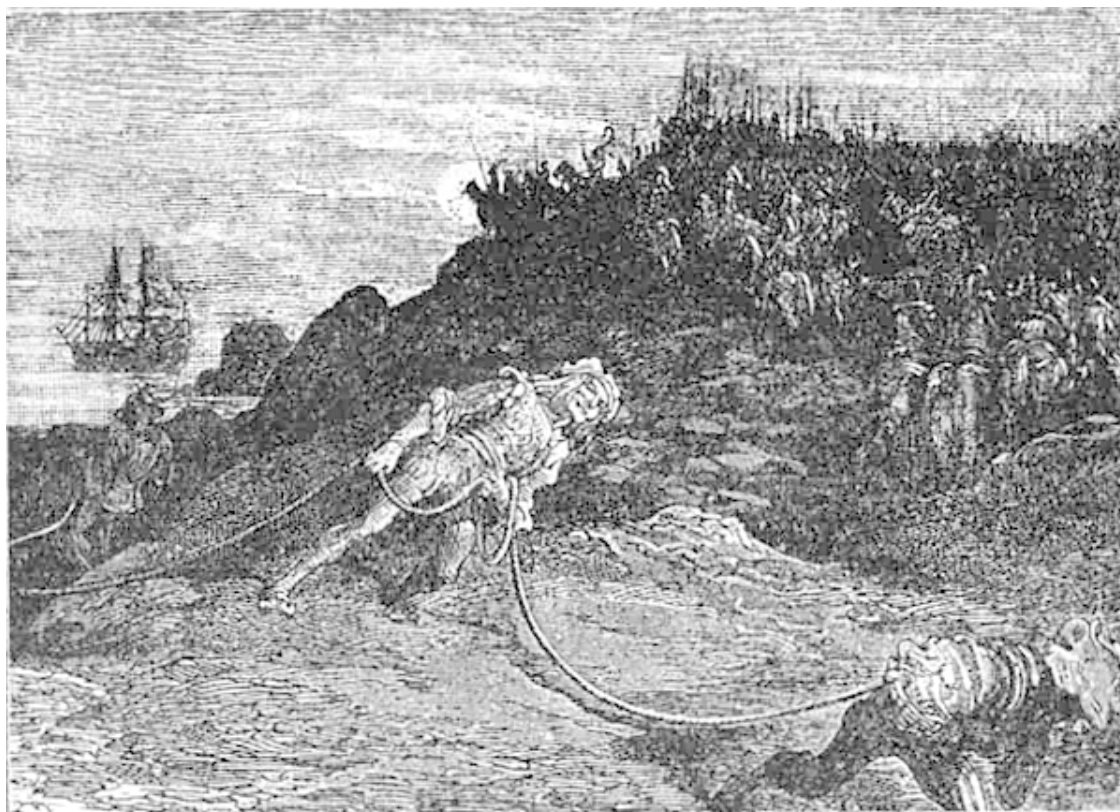
Непосредственно вслед за этим он вошел на корабль, забрал оттуда сноп соломы и ящик пушечного пороха, разбросал последний в кругах канатов и стал возле, держа в руках гранату.

Рыцари внезапно нагрянули, и их передовые доскакали почти до корабля, но так как берег был скользкий, упали вместе с лошадьми на землю, в числе сорока четырех. Видя это, остальные приблизились, думая, что им было оказано сопротивление. Однако Панург сказал:

– Господа, надо полагать, вы ушиблись. Просим извинения, но это не по нашей вине, а по вине морской воды, которая всегда бывает маслянистой и скользкой. Мы сдаемся на вашу милость.

То же повторили оба его товарища и Эпистемон, который был на палубе. Тем временем Панург отошел и видя, что все неприятели уже внутри канатных кругов, а его товарищи отступили, дав место рыцарям, которые шли толпою посмотреть корабль и кто в нем был, вдруг крикнул Эпистемону:

– Тяни, тяни!

Эпистемон принялся натягивать канат на кабестан, и оба каната обмотались вокруг лошадей и легко опрокинули их на землю вместе с всадниками. Те, видя это, схватились было за мечи и хотели перерубить канаты, однако Панург поджег фитиль, порох вспыхнул и сжег их всех, как грешные души в аду. Люди и лошади – никто не уцелел, за исключением одного, сидевшего на турецком скакуне, благодаря которому ему удалось бежать; но Карпалим, заметив это, побежал вслед за ним с такой поспешностью и легкостью, что догнал его меньше чем в ста шагах и, вскочив на круп его коня, обхватил его сзади и привел на корабль. Пантагрюэль очень обрадовался поражению неприятеля и восхвалял удивительную ловкость своих соратников. Он велел им отдохнуть и хорошенько поесть на берегу – да и выпить малую толику, растянувшись на земле, – и их пленнику вместе с ними. Только бедняга не совсем был уверен, что Пантагрюэль не проглотит его целиком, что тот мог бы сделать, так широка была его глотка; он сделал бы это так же легко, как вы проглотили бы дробинку, и места у него во рту занял бы человек не больше, чем зерно проса в пасти осла.

ГЛАВА XXVI. Как Пантагрюэлю и его товарищам надоело есть солонину, и как Карпалим пошел на охоту за дичью

Когда они угощались, Карпалим сказал:

– Клянусь чревом святого Кенета! Неужели мы никогда не поедим дичи? От этой солонины вечная жажда. Я принесу сейчас ляжку одной из поджаренных нами лошадей: будет недурное жаркое.

И только он встал, чтобы сделать это, как заметил на опушке леса большую красивую козулю, которая выбежала из своего убежища, увидев, как я думаю, костер Панурга. Он тут же кинулся вслед за ней с такой быстротой, как стрела из лука, и в один миг поймал ее, на бегу схватив руками в воздухе:

Четырех больших дроф,
Семь стрепетов,
Двадцать шесть серых куропаток,
Тридцать две красных,
Шестнадцать фазанов,
Девять бекасов,
Девятнадцать цапель,
Тридцать два диких голубя.

А ногами убил:

По дюжине зайцев и кроликов, выбежавших из нор,
Восемнадцать штук коростелей, подвернувшихся тут же,
Пятнадцать вепрят,
Двух барсуков,
Трех больших лисиц.

Ударив мечом по голове козулю, убил ее и, принеся ее, собрал своих зайцев, коростелей и вепрят. Очень издалека, откуда только его могли слышать, закричал во весь голос:

– Панург, дружище! уксусу! давай уксусу!

Добрый Пантагрюэль подумал, что у него сердечный припадок, и приказал дать ему уксусу. Но Панург отлично понял, что тот зацепил зайца, и, действительно, показал благородному Пантагрюэлю, что Карпалим несет на шее козулю, и его пояс весь увешан зайцами. Эпистемон сейчас же принялся строгать во имя девяти муз девять новеньких деревянных вертелов на античный образец. Эстен принялся помогать сдирать кожу, а Панург поставил два седла таким образом, что они образовали род тагана; поваром сделали пленника, и на том же костре, на котором были изжарены рыцари, велели жарить дичь. А затем начали пир на весь мир. К черту притворщиков! Тогда Пантагрюэль сказал:

– Хорошо бы во славу божию каждому из нас подвязать к подбородку по две пары церковных колокольчиков, а мне бы колокол с колоколен Пуатье, Тура и Камбрэ, чтобы посмотреть, какую бы задали обаду¹⁶⁹, двигая нашими челюстями.

– Но, – сказал Панург, – лучше немного подумать о делах и о том, как одолеть неприятеля.

– Умно сказано, – молвил Пантагрюэль, и спросил пленника: – Друг мой, скажи нам всю правду и не солги ни в одном слове, если не хочешь быть ободранным живьем: я ведь глотаю детей. Расскажи нам все о численности, о расположении и о силах вашей армии.

Пленник ответил:

¹⁶⁹ Название вида песни («Зоревая»).

– Государь, скажу вам сушную правду: в нашей армии триста великанов в каменных латах, на диво огромных, но все же далеко не таких как вы, – кроме одного, их начальника, именуемого Вурдалаком, который в доспехах из циклопических наковален. Затем в ней 163 000 человек пехоты, в броне из кожи домовых – все люди сильные и отважные, 11 400 латников, 3 600 полевых орудий, и мушкетов без счета, 94 000 саперов, 150 000 женщин легкого поведения, красивых как богини.

– Вот это по мне! – прервал Панург.

– Одни из них – амазонки, другие – уроженки Лиона, третьи – парижанки, есть из Тюрени, Анжу, Пуату, есть нормандки, немки, – словом, представлены все государства и все языки.

– Ну, а король, – сказал Пантагрюэль, – тоже там?

– Да, государь, – сказал пленник, – он самолично в армии. Мы называем его Анархом, королем дипсонов, что значит: «жаждущие». Никогда не было людей, столь жаждущих и столь охотно пьющих, как они. Палатку короля стерегут наши великаны.

– Этого достаточно, – сказал Пантагрюэль. – Ну, дети, готовы ли вы идти со мной?

Панург ответил:

– Бог накажет того, кто покинет вас. Я уже придумал, как я представлю вам их всех перебитыми как свиней, и ни один от меня не ускользнет, черт возьми! Но одно меня немного беспокоит.

– Это что же? – говорит Пантагрюэль.

– А вот что, – говорит Панург, – как мне управиться со всеми девицами за один вечер, так чтобы ни одна от меня не ускользнула, пока я не поиграю на ней, как полагается.

– Ха, ха, ха! – засмеялся Пантагрюэль.

– К черту! – сказал Карпалим. – Ей-богу! И я разделаю какую-нибудь из них.

– А я? – сказал Эстен. – Я, который не устраивался ни разу, с самого отъезда из Руана, хотя стрелка поднималась до десяти, одиннадцати и двенадцати!

– Ну что ж, – сказал Панург, – тебе достанутся самые жирные и белые.

– Как так, – сказал Эпистемон, – другие будут кататься, а я буду вести осла? Нет, дьявол побери! Мы воспользуемся правом войны: *qui capere sapiat*.

– Да нет же, – сказал Панург, – привяжи своего осла и езд, как все.

Добрый Пантагрюэль смеялся, а потом сказал:

– Вы считаете без хозяина. Я очень боюсь, что, прежде чем наступит ночь, я увижу, что у вас не будет большой охоты забавляться и что на вас поедят копы и пики.

– Баста, – сказал Эпистемон. – Я предоставлю вам их для жаренья или для варки, для начинки пирога или фрикасе. Их не так много, как было у Ксеркса, у которого было триста тысяч бойцов, если верить Геродоту и Трогу Помпею; и все-таки Фемистокл с горстью людей их разбил! Не унывайте, ради бога!

– К черту, – сказал Панург, – я одним гульфиком смету с дороги всех мужчин, а святой Бальтру, который находится внутри, почистит всех женщин.

– Ну, друзья, – молвил Пантагрюэль, – отправимся в путь.

ГЛАВА XXVII. Как Пантагрюэль воздвиг в память подвигов триумфальный столб, а Панург – другой, в память зайцев, и как Пантагрюэль породил из своих ветров маленьких мужчин, а из газов маленьких женщин, и как Панург разбил толстое древко на двух стаканах

– Однако, прежде чем мы уйдем отсюда, – сказал Пантагрюэль, – в память подвига, ныне нами совершенного, я хочу воздвигнуть здесь красивый трофей.

Тогда с великой радостью и деревенскими песенками поставили большой столб, к которому привесили седло, чепрак, латы, стремя, шпоры, кольчугу, железную перчатку, нагрудник, топор, рапиру, стальные ботфорты и др. – словом, все, что требуется для сооружения триумфальной арки или памятника славы. А Пантагрюэль написал следующую победную песнь для увековечения события:

«Здесь проявилась доблесть четырех выдающихся своею храбростью рыцарей, которые, будучи вооружены здравым смыслом, а не тяжелыми латами, подобно Фабию и обоим Сципионам, сожгли, как древесную кору, шестьсот шестьдесят отъявленных силачей-разбойников. Поучайтесь, короли, ферзи, ладьи и пешки, тому, что хитростью можно сделать больше, чем силой.

«Ибо победа, как известно, зависит от счастья: из той консистории, которую правит во славе великой господь, она дается не сильнейшему и величайшему, но как почетный дар тому, кто ему угоден, и где с верою уповаешь на него».

Пока Пантагрюэль писал вышесказанные стихи, Панург посадил большой столб рога, кожу и правую переднюю ногу козули; кроме того, уши от трех зайцев, кроличью спинку, челюсти одного русака, крылья с пары дроф, лапки с четырех лесных голубей, скляночку с уксусом, рожок с солью, деревянный вертел, шпиговку, дырявый котел соусник, глиняную солонку и стакан из Бовэ.

И в подражание похвальной оде Пантагрюэля написал следующее.

«На этом вот месте превесело расселись когда-то четыре лихих бражника и в честь Бахуса перепились как карпы в пруду... При этом господин Заяц лишился спинки и крестца, над которым каждый из пировавших потрудились. Соль и уксус загнали беднягу, этикие скорпионы.

«В жару следует не только пить честно и много славного вина, но и помнить, что есть зайца, не вымочив его в уксусе, не годится. Уксус – душа его и вкус, – запомните навсегда».

Тогда Пантагрюэль сказал:

– Ну, друзья, мы слишком занимались едой. Очень трудно допустить, чтобы большие обжоры совершали великие военные подвиги. Нет слаще тени, чем тень от знамени, пара – чем пар коня, звона – чем бряцание оружия.

Эпистемон улыбнулся на такую речь и сказал:

– Нет лучше тени, чем тень от кухни, пара – чем пар от пирога, звона – чем звон столовой посуды.

А Панург на это сказал:

– Нет лучше тени, как от занавесок, лучше пара – чем испарение от женской груди...

Вскочив, он дернул, прыгнул, свистнул и крикнул громким, веселым голосом:

– Живи вовеки, Пантагрюэль!

Пантагрюэль хотел проделать то же самое. Но от его звука на девять миль кругом задрожала земля, а от испорченного воздуха произошло на свет более 53 000 карликов и уродов,

и столько же произошло от газа маленьких горбуний, как вы можете видеть повсюду. Они не растут выше коровьего хвоста или лимузинской редьки.

– А что, – сказал Панург, – неужели ветры ваши так плодоносны.

Ей-богу, замечательные уродцы и уродицы, их надо поженить! От них родятся слепни.

Пантагрюэль так и сделал. Он назвал их пигмеями и отправил жить на остров поблизости, где они с тех пор весьма размножились, журавли ведут с ними постоянную войну, хотя те и храбро защищаются, потому что эти маленькие человеческие огрызки, которых в Шотландии называют «ручками от скребков», – очень вспыльчивы. Физическая причина этого в том, что сердце у них недалеко от заднего прохода.

Панург сейчас же взял два бывших там стакана, одинаковой величины и наполнил их до самого верху водой. Один из них поставил на одну скамью, а другой – на другую на расстоянии пяти футов от первой. Затем взял древко копья пяти с половиной футов длины и положил его на стаканы, так что концы его касались только краев стаканов.

А потом взял толстый кол и сказал Пантагрюэлю и другим:

– Посмотрите, господа, как легко мы одержим победу над врагами. Точно так же, как я разломаю пополам это древко, не разбив и не повредив стаканов и, больше того, не пролив ни капли воды из них, – точно так же мы разобьем головы нашим дипсодам, при чем ни один из нас не будет ранен и вообще никому не будет никакого ущерба. Но чтобы вы не думали, что здесь какое-нибудь колдовство, возьмите, – обратился он к Эстену, – ударьте этим колом по самой середине древка.

Эстен так и сделал и разломил древко на две равные части, при чем ни одной капли воды не пролилось из стаканов. А Панург сказал:

– Я знаю и многое другое. Идем: бояться нам нечего.

ГЛАВА XXVIII. Каким странным способом Пантагрюэль одержал победу над дипсодами и гигантами

После всех этих разговоров Пантагрюэль подозвал к себе пленника и отослал его домой, сказав:

– Возвращайся в лагерь к своему королю и расскажи обо всем, что здесь видел. Пусть он приготовится завтра в полдень угостить меня. Как только придут мои галеры, что будет не позже завтрашнего утра, я ему докажу, при помощи миллиона восьмисот тысяч воинов и семи тысяч гигантов, которые все больше меня ростом, что, напав на мою страну, он поступил глупо и неразумно.

Пантагрюэль выдумывал, что у него есть морская армия.

Но пленник ответил, что он стал его рабом и что он был бы доволен никогда не возвращаться к своим, и предпочел бы сражаться против них с Пантагрюэлем, и просил, чтобы, ради бога, он ему это позволил.

Пантагрюэль не хотел на это согласиться, но приказывал немедленно отправиться и исполнить, как он ему сказал, при чем передал ему ящичек с молочаем и зернами красного перца, велел снести этот ящичек своему королю и сказать ему, что если он в состоянии съесть унцию этого вещества, не запивая, то сможет без страха противостоять ему, Пантагрюэлю.

Тогда пленник, воздев руки, умолял пощадить его в час сражения, однако Пантагрюэль сказал ему:

После того как ты сообщишь все это своему королю, возложи надежды на бога, и он тебя не оставит: потому что и я, хотя Гаргантюа и Пантагрюэль и могуществен, как ты можешь видеть, и имею огромные армии так и не надеюсь на свои силы и свое искусство, но все мое упование на бога, моего покровителя, который никогда не оставляет тех, чьи мысли и надежды свои обращает к нему.

Пленник стал просить, чтобы Пантагрюэль взял с него умеренный выкуп. Пантагрюэль на это ответил, что он ставит себе целью не грабить и требовать выкупа от людей, а обогащать их и возвращать полную свободу.

– Ступай же с богом, – сказал он, – избегай только дурного общества, чтобы с тобой не приключилось несчастья.

Когда пленник ушел, Пантагрюэль сказал своим:

– Дети, я дал понять пленнику, что у нас на море есть войска и что мы не нападём раньше завтрашнего полудня. Я это сделал с той целью, чтобы враги, в ожидании нападения множества людей, этой ночью стали приводить в порядок лагерь и окапываться; но я намерен напасть на них сегодня, в час первого сна.

Теперь оставим Пантагрюэля с его апостолами и скажем о короле Анархе и его войске. Когда пленник прибыл, он явился к королю и рассказал ему, как пришел огромный великан, по имени Пантагрюэль, который разбил на-голову и велел сжарить живьем всех 659 рыцарей, и что он один спасся, дабы известить об этом короля. Что он, кроме того, имеет от названного великана поручение сказать ему, чтобы он приготовил завтра в полдень обед, ибо великан решил напасть на него в указанный час. Затем передал королю ящичек с настоем. Но едва Анарх проглотил ложечку, как почувствовал такое страшное воспаление в горле, что на языке образовался нарыв, а язык облупился. И он не находил облегчения ни в каком лекарстве, кроме непрерывного питья: едва он отнимал стакан от губ, как язык начинал нестерпимо гореть. Тогда ему стали вливать вино в глотку через воронку. При виде этого его капитаны, паши и телохранители попробовали этого снадобья, чтобы убедиться в свойстве его вызывать такую жажду и с ними случилось то же, что с королем. И они так здорово все перепились, что по всему лагерю прошел слух, что вернулся откуда-то бывший в плену рыцарь, что завтра на них

будет нападение, и что к этому король и командующие, вместе со стражей, уже готовятся путем заправской выпивки. Поэтому все в лагере принялись бражничать и глотать вино точно таким же манером. Словом, они пили столько, что заснул как свиньи, в беспорядке посреди лагеря.

Теперь вернемся к доброму Пантагрюэлю и расскажем, как он вел себя в данном случае.

При уходе с места трофея Пантагрюэль взял в руку, вместо посоха, мачту с корабля, положил в марс 237 боченков белого анжуйского вина, вывезенного из Руана, привязал к поясу барку, нагруженную солью, и понес ее с такой легкостью, как ландскнехт свою корзиночку, и пустился в путь со своими товарищами.

Неподалеку от неприятельского лагеря Панург сказал ему:

– Хотите вы, господин, сделать хорошее дело? Выгрузите это анжуйское белое из марса, и выпьем его на бретонский манер.

Пантагрюэль на это охотно согласился. И они выпили дочиства, так что не осталось ни капли из 237 боченков, кроме кожаной фляжки, которую Панург отлил для себя (это он называл своим *Vademecum*), да немного подонок для укуса.

Когда все упились, Панург угостил Пантагрюэля черт знает каким снадобьем, составленным из литонтрифона, нефрокатартикона, кудиньяка со шпанской мушкой и других мочегонных средств.

После этого Пантагрюэль сказал Карпалиму:

– Идите в город, заберитесь, точно крыса по стене, как вы это умеете, и скажите им, чтобы сейчас же они вышли и ударили на врага как возможно быстрее; сказав это им, сойдите, возьмите зажженный факел, которым подожгите все палатки и шатры в лагере. Затем вопите во весь голос и бегите из лагеря.

– А не хорошо ли будет, – сказал Карпалим, – если я сперва заклепаю дула у их артиллерии?

– Нет, нет, – сказал Пантагрюэль, – лучше подожгите в пушках порох.

Повинуясь этому, Карпалим сейчас же отправился и исполнил все, как велел Пантагрюэль. Из города вышли все воины, бывшие там. Когда он поджигал шатры и палатки в лагере, то проходил осторожно по спящим людям, так что те ничего не чувствовали, настолько глубоко они спали и храпели. Он дошел до места, где была артиллерия, и поджег все снаряды (но это было опасно). Огонь вспыхнул так внезапно, что мог бы спалить беднягу Карпалима, и если бы не его изумительное проворство, то он изжарился бы как свинья. . . Он выскочил быстрее, чем стрела летит из лука. Очутившись за траншеями, Карпалим так страшно закричал, что можно было подумать, что все дьяволы сорвались с цепи. При его крике враги проснулись. Но знаете как? Ошеломленные, как при утреннем звоне, который называют в Люссонэ. . .¹⁷⁰

Пантагрюэль в это время стал сыпать из своей барки соль, а так как враги спали разинув рты, он наполнил им солью всю глотку, и бедняги закашляли, как лисицы, завопив:

– Ах, Пантагрюэль, как ты нас подогреваешь!

Вдруг Пантагрюэлю захотелось облегчиться; благодаря снадобью, данному ему Панургом, он стал поливать лагерь так обильно, что утопил всех, и на десять миль кругом в окружности был настоящий потоп. История повествует, что если бы огромная кобылица его отца была там и сделала то же самое, то потоп был бы более значительным, чем при Девкалионе, так как каждый раз, когда она мочилась, получалась река больше Роны или Дуная.

При виде этого вышедшие из города сказали:

– Все они умерли жестокою смертью: посмотрите, как бежит кровь.

Но они ошибались, принимая мочу Пантагрюэля за кровь, потому что они смотрели при свете горящих шатров и слабом свете луны. Неприятели, проснувшись и увидев с одной стороны огонь в лагере, а с другой – наводнение и потоп, – не знали, что думать и что сказать. . .

¹⁷⁰ Следует неприличное слово.

Одни говорили, что наступил конец мира и страшный суд и что все должно быть сожжено огнем; другие – что это морские боги Нептун, Протей, Тритоны и другие их преследуют. И действительно, вода была морская и соленая.

О, кто сможет теперь рассказать, как справился Пантагрюэль с тремя сотнями гигантов!

О моя муза, моя Калиопа, моя Талия! Вдохнови меня в этот час!

Воздвигни мой дух! Вот где препоны, со стороны логики непреодолимые! Вот где настоящий тупик! Вот где трудность! Как рассказать об этой страшной бойне?

Как бы мне хотелось, по крайней мере, держать в руках бокал лучшего вина, какое будут пить те, кто будет читать эту правдивую историю!

ГЛАВА XXIX. Как Пантагрюэль уничтожил один три сотни великанов в каменных латах, а также их капитана Вурдалака

Гиганты, увидев, что весь их лагерь затоплен, вынесли, как могли лучше, короля Анарха на плечах из крепости, как Эней вынес отца своего Анхиза из горящей Трои.

Когда Панург увидел гигантов, он сказал Пантагрюэлю:

– Видите, господин, вышедших великанов? Хватите их вежливо вашей мачтой, по старому способу. Как раз в этот час требуется показать себя порядочным человеком; а мы со своей стороны не отстанем, и, смело скажу, я тоже перебую их немало. Почему нет? Давид ведь легко убил Голиафа. Да и вот этот толстый распутник Эстен, – сильный, как четыре быка, он тоже не станет себя беречь. Ну, смелей! Ударим на них!

Пантагрюэль сказал:

– Храбрости у меня наберется побольше, чем на пятьдесят франков. В одной ли в ней дело? И Геркулес никогда не решался сражаться один против двоих.

– Как, – сказал Панург, – вы себя сравниваете с Геркулесом? Да у вас, ей-богу, в зубах больше силы и в заду больше смысла, чем у Геркулеса во всем его теле с душою вместе. Человек стоит столько, сколько сам себя ценит.

Пока они обменивались такими речами, подошел Вурдалак со своими гигантами и, увидав, что Пантагрюэль – один, проникся самоуверенной наглостью, в надежде убить этого бедного человека. Поэтому он обратился к товарищам-гигантам:

– Клянусь Магометом, бездельники, если кто-нибудь из вас задумает биться вот с этим, – убью без пощады. Оставьте меня с ним один на один. А вы развлечетесь, смотря на нас.

Тогда все гиганты вместе со своим королем отошли к бутылкам, что стояли вблизи, и Панург и его товарищи – с ними, при чем Панург прикинулся, будто болен венерической болезнью, вертел шеей, дергал пальцами и хриплым голосом сказал им:

– Я отказываюсь, товарищи! Мы не воюем. Дайте нам подкрепиться вместе с вами, пока будут драться наши вожди.

На это король и гиганты охотно согласились и допустили их угощаться вместе с ними. В это время Панург рассказывал им басни Турпина, чудеса св. Николая и сказку об аисте.

Вурдалак пошел на Пантагрюэля со своей стальной палицей, весившей девять тысяч семьсот квинталов, из калибской стали; палица оканчивалась тринадцатью остриями из алмазов, наименьший из которых был больше самого большого колокола с собора Парижской богоматери (может быть, меньше на толщину ногтя, или, самое большее, на толщину ножичков, которые зовут ухорезками). Она была заколдована, так что никогда не могла сломаться, но, наоборот, ломала все, до чего ни касалась.

И вот когда великан стал приближаться с великой гордостью, Пантагрюэль, возведя глаза к небу, поручил себя богу всем сердцем и произнес следующий обет:

– Господи боже, спаситель мой и покровитель! Ты зришь всю тягость положения, в котором я ныне нахожусь. И сюда привела меня, только моя естественная ревность, ибо ты сам заповедал людям охранять и защищать себя, жен своих, детей, родину и семью, кроме тех случаев, когда это является твоим собственным делом, каковое есть – вера: ибо в этом деле ты не хочешь себе помощников, за исключением добрых католиков, служителей слова твоего. И ты запретил нам всякое оружие и всякую защиту, ибо ты – всемогущ, и в твоём собственном

деле или там, где твое право затронуто, ты можешь защититься больше, чем можно себе представить, – ты, у которого тысячи тысяч сотен миллионов ангельских легионов, малейший из которых может уничтожить все человечество и повернуть небо и землю как ему угодно как это некогда было проявлено в войске Сеннахериба! Поэтому, если тебе угодно быть в этот час мне в помощь, так как на тебя одного вся моя надежда и упование, – то я обещаю тебе, что во всех землях, как в Утопии, так и в других, над которыми я буду иметь власть, я повелю проповедовать твое святое евангелие в чистоте, в простоте и целости, так что злоупотребления кучи папеляров и лжепророков, которые отравили весь мир человеческими установлениями и извращенными вымыслами будут вокруг меня искоренены.

Тогда с небес был услышан голос: «Nos fac et vinces», то есть: «Сделай так – и победишь».

Увидев, что Вурдалак приближается, разинув пасть, Пантагрюэль смело пошел против него и крикнул во весь голос:

– Смерть тебе, злодей, смерть! – чтобы, согласно учению лакедемонян, испугать его своим страшным криком.

Потом он бросил в него из той барки, которую носил у себя за поясом, восемнадцать с лишком бочек соли, которой наполнил ему горло и глотку, нос и глаза.

Раздраженный этим, Вурдалак замахнулся на него своей палицей, намереваясь разбить ему череп. Но Пантагрюэль, ловкий, зоркий и проворный, отступил на шаг левой ногой, но не сумел уберечь от удара свою барку, которая разлетелась на 4 086 кусков, и остаток соли рассыпался по земле.

При виде этого Пантагрюэль широко взмахнул руками и, действуя как секирой, ударил концом мачты великану в грудь повыше соска. И, отклонив оружие влево, ударил его между шей и колетом, а затем, сделав выпад правой ногой, ткнул его верхним концом мачты промеж ног; при этом он сломал марс и пролил три-четыре бочки вина, которые оставались.

Вурдалак подумал, что Пантагрюэль пробил ему пузырь и что вино, которое потекло, – его моча.

Не довольствуясь этим, Пантагрюэль намеревался повторить удар, но Вурдалак, подняв палицу, стал наступать на него и хотел изо всей силы ударить Пантагрюэля. И в самом деле ему удалось так сильно ударить, что, не приди к доброму Пантагрюэлю на помощь господь, он бы разом рубил его от макушки головы до самой селезенки. Но, благодаря внезапному прыжку Пантагрюэля в сторону, удар пришелся вправо, при чем палица вошла в землю на 73 фута с лишком, пройдя сквозь скалу, из которой появился огонь больше чем из 9 006 бочек. Увидев, что Вурдалак принялся вытаскивать свою палицу из каменной глыбы, Пантагрюэль набежал на него и собирался уже сбить ему голову; но мачта его, к несчастью, немного задела за древко Вурдалаковой палицы, которая была заколдована (как мы уже говорили). Поэтому его мачта сломалась на расстоянии трех пальцев от его кулака, чему Пантагрюэль удивился более, чем литейщик колоколов, и закричал:

– Га, га, Панург! Где ты?

Панург, услышав это, сказал королю и гигантам:

– Ей-богу, им обоим плохо придется, если их не разнимут.

Но гиганты чувствовали себя прекрасно, как на свадьбе. Тогда Карпалим хотел встать, чтобы помочь своему господину. Но один гигант сказал ему:

– Клянусь Гольфаринном, племянником Магомета, если ты шевельнешься, я засуну тебя в штаны вместо клистира. У меня, кстати запор, и я не могу сходить без зубовного скрежета.

Оставшись без дубины, Пантагрюэль схватил конец своей мачты и стал колотить им, как попало, по Вурдалаку, но тому это было так же больно, как наковальне, если по ней щелкать пальцем.

Между тем Вурдалак вытащил из земли свою палицу и стал размахивать ею, чтоб нанести удар Пантагрюэлю, который изворачивался и уклонялся от ударов, в то время как Вурдалак угрожающе кричал:

– На этот раз, злодей, я тебя изрублю как начинку для пирога. Не придется тебе больше мучить жаждой бедных людей.

Тогда Пантагрюэль нанес ему такой страшный удар ногою в живот, что сбросил его навзничь на землю, схватил за ноги и протащил по земле на расстоянии выстрела из лука.

Вурдалак, у которого из горла пошла кровь, все кричал:

– Магомет! Магомет! Магомет!

При этом крике все гиганты вскочили, собираясь к нему на помощь. Но Панург сказал им следующее:

– Не ходите, господа, туда, верьте мне: наш господин сошел с ума и бьет, не глядя, куда попало. Вам от него плохо придется.

Но гиганты не послушались, видя, что Пантагрюэль остался без Дубины.

Как только Пантагрюэль увидел, что они приближаются, схватил Вурдалака за обе ноги и поднял его тело, будто пику, на воздух, и так как Вурдалак был в доспехах из наковален, то он им стал побивать гигантов в каменных латах, расколотил их всех, как каменщик щебень, так что ни одного не осталось не повергнутого на землю.

При крушении каменного снаряжения раздался такой ужасный грохот, что мне вспомнилось, когда растаяла на солнце масляная башня собора св. Стефана в Бурже.

Панург с Карпалимом и Эстеном тем временем прирезывали упавших на землю. Надо думать, что в живых никого не осталось; а посмотреть на Пантагрюэля, так он походил на косца, который косою, т.-е. Вурдалаком, косил траву на лугу (т.-е. гигантов). При этом фехтовании Вурдалак потерял голову. Это произошло, когда Пантагрюэль ударил некоего, по имени Рифландуйя, бывшего в тяжелом вооружении, т.-е. из камней песчаника, один осколок которого перерезал горло Эпистемону. Большая же часть гигантов были в легком вооружении – из туфа, некоторые – из аспидного камня.

Наконец, видя, что все мертвы, Пантагрюэль бросил труп Вурдалака изо всей силы в сторону города, и он упал плашмя, как лягушка, животом прямо на главную площадь, и, падая, убил драного кота, мокрую кошку, ощипанную утку и гуся лапчатого.

ГЛАВА XXX. Как Эпистемон с отсеченной головой был искусно вылечен Панургом и об известиях о дьяволах и осужденных

Когда избиение гигантов было закончено, Пантагрюэль удалился к месту бутылок, позвав туда Панурга и прочих. Все собрались к нему целы и невредимы, за исключением Эстена, которого один из гигантов слегка царапнул по лицу, и Эпистемона, который совсем не явился. Пантагрюэль был так опечален этим, что хотел даже лишиться себя жизни. Но Панург сказал ему:

– Ради бога, сударь, подождите немного. Мы отыщем его среди мертвых и узнаем всю правду.

Принялись искать и нашли его мертвым, с окровавленной головой в руках.

Эстен вскричал:

– О злодейка смерть! Ты лишила нас лучшего из людей!

При этом крике Пантагрюэль поднялся в величайшей скорби, какую когда-либо видели на свете, и сказал Панургу:

– Ах, друг мой, ваше знамение с колом, двумя стаканами и древком копья было ложным знамением.

Но Панург ответил:

– Не плачьте, дети, он еще совсем теплый, я его вылечу, и он будет здоров, как никогда.

Говоря это, Панург взял голову и держал ее на своем гюльфике, чтобы не застудить. А Эстен с Карпалимом снесли тело к месту, где они пировали, не в надежде, что он выздоровеет, но чтобы Пантагрюэль его увидел. Однако Панург утешал их, говоря:

– Если я не вылечу его, я готов потерять голову (это заклад дураков). Перестаньте плакать и помогайте мне.

И вот он промыл хорошенько прекрасным белым вином шею и потом голову, присыпав порошком из алоэ, который всегда носил с собой в одном из карманов, затем смазал голову и шею, не знаю какую, мазью – и приставил голову к туловищу: вену к вене, нерв к нерву, позвонок к позвонку, дабы он не стал кривошеим (таких Панург ненавидел до смерти). После этого он сделал вокруг пятнадцать-шестнадцать стежков, – чтобы голова снова не упала. Наконец помазал вокруг мазью, которую называл, «воскрешающей». И вдруг Эпистемон начал дышать, приоткрывать глаза, зевать, чихать и, наконец, как следует дернул.

Тогда Панург сказал:

– Теперь он наверняка выздоровел, – и дал ему выпить стакан крепкого белого вина со сладким сухарем. Таким манером Эпистемон был искусно вылечен, только больше трех недель после того хрипел и получил сухой кашель, от которого смог вылечиться только благодаря хорошей выпивке.

Он тотчас стал говорить и сказал, что он видел чертей, запросто говорил с Люцифером и хорошо покушал в аду и в Елисейских Полях, и уверял, что черти – прекрасные товарищи. Что же касается осужденных грешников, то тут он заявил, что весьма огорчен тем, что Панург так поспешно призвал его к жизни.

– Ибо, – говорил он, – мне было весьма любопытно их получше разглядеть.

– Вот как? – спросил Пантагрюэль.

– С ними, – говорил Эпистемон, – обращаются вовсе не так дурно, как вы думаете. Только положение их странно меняется. Я видел Александра Великого за починкою старых сапог, чем он и добывал себе средства к жизни.

Ксеркс – торговал горчицей,

Ромул – стал солеваром,

Нума Помпилий – слесарем,
Тарквиний Гордый – старьевщиком,
Сулла – перевозчиком на пароме,
Кир – царь персидский – скотником,
Фемистокл – стекольщиком,
Эпаминонд – гранильщиком зеркал,
Брут и Кассий – землемерами,
Демосфен – виноделом,
Цицерон – истопником,
Фабий – нанизывает четки,
Артаксеркс – стал сучильщиком веревок,
Царь Эней – мельником,
Ахиллес покрылся вшами,
Агамемнон стал блюдолизом,
Улисс – косцом,
Нестор – бродягой,
Дарий – чистильщиком отхожих мест,
Сципион Африканский – босой – орет: «Дрожжи, дрожжи!»,
Газдрубал сделался фонарщиком,
Ганнибал – торговцем яйцами,
Приам – тряпичником,
Ланселот обдирает шкуры с околевших лошадей.

Все рыцари Круглого Стола сделались несчастными поденщиками и служат гребцами на перевозах через Коцит, Флегетон, Стикс, Ахерон и Лету, когда господа дьяволы желают прокатиться по воде, как лодочники в Лионе или гондольеры в Венеции. Плата же за перевоз – только шелчок по носу, а вечером – кусок черствого хлеба.

Траян – занимается ловлей лягушек,
Антонин – служит лакеем,
Лукулл – поваром,
Юстиниан – делает игрушки,
Гектор – стал поваренком,

Парис – оборванцем-нищим,
Ахиллес – занимается уборкой сена,
Камбиз – погонщик мулов,
Нерон – дудит на флейте,

Фьерабрас – служит у него лакеем, но причиняет ему всякие неприятности, кормит его серым ситником, поит кислым вином, а сам пьет и ест на славу,

Юлий Цезарь и Помпей – смолят суда,
Жоффруа Большой Зуб – торгует огнивами,
Язон – служит счетчиком,
Пирр – царь эпирский – кухонным мужиком,
Октавиан-Август – стал архивною крысой,
Ромул – штопальщиком,
Папа Бонифаций VIII – лудильщиком,
Папа Александр – крысоловом,
Папа Сикст – лекарем в венерической клинике.

– Как? – удивился Пантагрюэль, – на том свете есть венерики?

– Разумеется, – сказал Эпистемон, – нигде я не видал такого их множества, как там. Их там больше ста миллионов, потому что, представьте, – те, кто не имел дурной болезни здесь, получают ее там.

– Господи, – молвил Панург, – значит, я в расчете!

– Мелюзина прекрасная – служит судомойкой,

Клеопатра – торгует луком,

Елена – в горничных,

Семирамида – питается тем, что вычесывает вшей у оборванцев,

Дидона – торгует грибами,

Лукреция – хозяйка на постоялом дворе,

Гортензия – пряха.

«Таким образом, те, кто были важными господами на этом свете, с трудом зарабатывают себе на жалкое существование в другой жизни. Наоборот, философы и те, кто в этом мире терпел нужду, стали на том свете, в свою очередь, важными господами.

«Я видел Диогена, который чванно красовался в пурпуровой тоге, со скипетром в правой руке, и приводил в бешенство Александра Великого, когда бил его палкой за то, что он плохо чинил ему штаны.

«Я видел Эпиктета, нарядно одетого по французской моде, под развесистым деревом, который со множеством девиц выпивал, танцевал, пировал по каждому поводу, и около него кучу экю. На виноградной беседке, как его девиз, были написаны следующие стихи:

Скакать, плясать, ухаживать,
Пить белое и красное вино,
И целыми днями ничего не делать,
А только считать золотые экю.

«Когда он увидел меня, он вежливо пригласил меня выпить с ним, на что я согласился охотно, и мы клюкнули по-богословски. А в это время пришел Кир и попросил у него, ради Меркурия, денье, чтобы купить несколько луковиц на ужин.

«– Нечего, нечего, – говорит Эпиктет, – я не подаю денье. На, разбойник, экю, и будь порядочным человеком.

«Кир обрадовался такой добыче. Но другие тамошние мошенники – цари Александр, Дарий и прочие – обокрали его ночью.

«Я видел Пателэна, казначея Радаманта, который торговался из-за пирожков, продаваемых на улице папой Юлием. Пателэн спросил:

– Почем дюжина?

«– Три бланка! – отвечал папа.

«– Получай, – сказал Пателэн, три удара палкой; получай, получай, негодяй, да ступай получать от других то же.

«Бедняга-папа ушел с плачем и пожаловался своему хозяину-пирожнику, что у него отняли пирожки. А тот отхлестал его за это так, что кожа его не годилась бы и на волюнку.

«Я видел мэтра Жана Лемера, как он передразнивал папу и заставлял всех этих несчастных царей и пап этого мира целовать ему ноги, и с важным видом, раздавая им благословения, говорил:

«– Покупайте индульгенции, плуты, покупайте! Они дешевы. Разрешаю вас от хлеба и супа и позволяю вам так и оставаться бездельниками.

«Он подозвал к себе Кальета и Трибуле и сказал им:

«– Господа кардиналы, отпустите им по булле: каждому по удару палкой по пояснице.

«Что и было сейчас же исполнено.

«Я видел мэтра Франсуа Вильона, который спросил у Ксеркса:

«– Почем горчица?

«– Один денье, – сказал Ксеркс.

«На это Вильон сказал:

«– Ах, лихорадка тебя заведи! Ты запрашиваешь за съестные припасы! – и он намочил в его пакет, как это делают торговцы горчицей в Париже.

«Видел я вольного стрелка де-Беньоле, который стал инквизитором еретиков. Встретил он Персефоре, который мочился у стены, на которой был нарисован огонь святого Антония. Он объявил Персефоре еретиком и уже готов был приказать сжечь его живьем, если бы не Моргант, который подарил ему девять бочек пива».

– Прибереги эти рассказы, – молвил Пантагрюэль, – до другого раза. Скажи только, как там поступают с ростовщиками?

– Я видел, – молвил Эпистемон, – что все они занимаются тем, что ищут среди уличной грязи старые гвозди и ржавые булавки, как делают и здесь бездельники. Но за квинтал этого лому дают не больше куска хлеба, да и на него не скоро наберешь, и несчастные неудачники иной раз там по три недели и больше сидят не евши ни крошки, а работают день и ночь, в ожидании будущего товара. Но об этой работе и о своем несчастье они забывают, до такой степени, проклятые, они деятельны, – только бы к концу года заработать несколько жалких денье.

– Ну, теперь, – сказал Пантагрюэль, – пора нам угоститься и выпить. Прошу вас, дети, потому что весь этот месяц хорошо пить. Тогда они вынули гору бутылок и устроили пир из походных припасов.

Но бедный король Анарх не мог развеселиться, почему Панург сказал:

– А к какому ремеслу приставим мы здесь господина короля, чтобы он уж изучил свое ремесло досконально, когда отправится на тот свет ко всем чертям.

– Ты правильно сказал, – молвил Пантагрюэль, – так делай с ним, что хочешь, дарю его тебе.

– Очень вам благодарен, – сказал Панург, – от подарка не отказываюсь, от вашего в особенности.

ГЛАВА XXXI. Как Пантагрюэль вступил в столицу аморотов, и как Панург женил короля Анарха и сделал его уличным продавцом зеленого соуса

После этой чудесной победы Пантагрюэль послал Карпалима в столицу аморотов, известить жителей о пленении короля Анарха и о полном поражении их врагов. Услышав эту новость, все обитатели города вышли ему навстречу в добром порядке и с пышной торжественностью и с величайшей радостью проводили его в город. Всюду были зажжены по городу, в знак веселья, огни, и на улицах расставлены прекрасные круглые столы, уставленные всякими кушаньями. Казалось, возобновились времена Сатурна – такое было устроено пиршество.

Но Пантагрюэль перед собранием сената сказал:

– Господа, надо ковать железо, пока горячо. И вот я, прежде чем продолжать пировать, хочу взять приступом все королевство дипсодов. Поэтому пусть те, кто хочет пойти со мной на это дело, приготовятся завтра, после попойки, потому что я начну поход. Не то чтобы мне нужно было больше людей, чтобы помочь мне в завоевании, – тех, что со мной, вполне достаточно, – но я вижу, что этот город столь переполнен жителями, что им негде повернуться на улицах. Поэтому я выведу их в качестве колонистов в Дипсодию и подарю им всю эту страну, прекрасную, плодоносную, здоровую, приятнейшую из всех стран мира, как многие из вас, кто бывал там когда-нибудь, знают это. Всякий из вас, кто пожелает отправиться туда, пусть, как я сказал, будет готов.

Весть об этом плане и решении разнеслась по городу, и на следующее утро на дворцовой площади столпилось 1 856 011 человек, не считая женщин и детей. И тотчас выступили в поход прямо в Дипсодию в таком хорошем порядке, что напоминали сынов Израиля, когда те вышли из Египта, чтобы перейти Чермное море.

Но раньше чем рассказывать об этом походе, я хочу сказать вам, как Панург поступил со своим пленником, королем Анархом. Он припомнил, что ему рассказывал Эпистемон о том, как обращались с королями и богачами из этого мира в Елисейских Полях, и как они добывали себе пропитание каким-нибудь низким и грязным ремеслом. Поэтому в один прекрасный день он одел своего короля в нарядный камзол из полотна, с вырезами, как у албанской шапки, и в штаны морского фасона, без обуви: «башмаки, – сказал он, – испортят вид». На голову дал ему зелено-синюю шапочку с большим каплуныным пером, – ах, нет, ошибаюсь: кажется, перьев было два, – и красивый пояс – зеленый с синим. «Такая ливрея, – говорил он, – очень пойдет королю, у которого извращенные вкусы».

В таком наряде он привел короля к Пантагрюэлю и сказал:

– Узнаете ли этого мужика?

– Конечно, нет, – сказал Пантагрюэль.

– Это господин король, трижды пережженный. Я хочу его сделать порядочным человеком, а то эти черти, здешние короли, как телята, ничего не знают и ни на что не годны, кроме того, чтобы делать зло своим подданным и, ради своего гнусного удовольствия, возмущать весь мир войной. Я хочу его приставить к делу и сделать из него уличного продавца зеленого соуса. Ну, кричи: «Не нужно ли вам соуса зеленого?»

Бедняга-король стал кричать.

– Так слишком тихо, – сказал Панург и взял короля за ухо, говоря: – Пой погромче, в тоне соль-ре-до! Так! У тебя хорошая глотка, черт!

Ты никогда не был так счастлив, как теперь, перестав быть королем. Пантагрюэлю все это доставляло большое удовольствие. Смеем сказать, это был добрейший человек в наших краях.

Так Анарх сделался недурным продавцом зеленого соуса.

Два дня спустя Панург женил его на старой фонарщице и сам справил свадьбу, с бараньими головами, бужениной с горчицей и потрохами с чесноком. Панург послал пять возов Пантагрюэлю, который съел все: таким он нашел угощение аппетитным.

Подávalи также вина из виноградных выжимок и прекрасную рябиновку. Чтобы устроить танцы, он нанял слепого музыканта, который играл на флейте.

После обеда Панург отвел новобрачных во дворец и представил их Пантагрюэлю. Пантагрюэль подарил им небольшой домик на задворках и каменную ступку, чтобы толочь лук для соуса. Так они завели маленькое хозяйство, и бывший король сделался славным уличным торговцем, не хуже других в Утопии.

Однако впоследствии мне говорили, что жена его бьет без пощады, но бедный дурень не смеет защищаться, настолько он глуп.

ГЛАВА XXXII. Как Пантагрюэль покрыл языком целую армию, и о том, что автор увидел у него во рту

Когда Пантагрюэль вошел со всем своим войском в земли дипсодов, все обрадовались этому и тотчас же сдались ему и добровольно принесли ему ключи от всех городов, где он шел. Только альмироды вздумали сопротивляться ему и ответили герольдам Пантагрюэля, что они сдадутся лишь на хороших гарантиях.

– Как? – говорит Пантагрюэль. – Каких гарантий от меня они хотят, кроме неприкосновенности их домашних хозяйств? Идем – и пусть их разорят.

Тогда все стали строиться в боевой порядок, так как решено было нападать. Но по дороге, проходя по большому полю, они были застигнуты сильным ливнем, отчего начали трястись и жаться друг к другу. Пантагрюэль, видя это, велел им сказать через капитанов, что это пустяки, и что он хорошо видит над облаками, что это только небольшая роса. Но пусть на всякий случай солдаты выстроятся, потому что он хочет их покрыть. Тогда все стали в порядке, вплотную друг к другу.

Пантагрюэль высунул язык наполовину и закрыл их, как насадка цыплят.

Я, рассказывающий вам эту правдивую историю, спрятался под листом лопуха, который был не меньшей величины, чем арка моста в Монтрибле. Но, увидев, как хорошо они закрыты, я пошел к ним под их кров – но не мог туда попасть, потому что они, как говорится, набились как сельди в бочке.

Лучшее, что я мог сделать, – это забраться наверх и пройти хороших два лье по его языку, пока не вошел в его рот.

Но – о боги, о богини! – что я там увидел! Порази меня Юпитер своим молниеносным трезубцем, если я вру! Я путешествовал во рту, как внутри святой Софии в Константинополе, и видел большие скалы, величиной с датские горы – это, я думаю, были его зубы – и обширные луга, большие леса, укрепленные города – не меньше Лиона и Пуатье.

Первый, с кем я там встретился, был человек, сажавший капусту.

Весьма пораженный, я спросил у него:

– Друг мой, что ты здесь делаешь?

– Сажаю капусту, – сказал он.

– Зачем капусту? – сказал я.

– Ах, сударь, – сказал он, – не всем даны такие тяжелые ядра, как у mortarы, – не всем дано быть богатым. Так я зарабатываю себе на жизнь и ношу капусту продавать на рынок в город, вот здесь, позади.

– Иисусе! – воскликнул я. – Здесь целый новый мир!

– Совсем не новый, – сказал он, – но говорят, что не здесь, а там есть новая земля, с солнцем и луной и множеством хороших дел. Но наша земля – древнее.

– Пускай так, мой друг, – сказал я. – А как называется город, куда ты носишь продавать капусту?

– Он называется Асфаражем. Там живут христиане, хорошие люди. Они вас прекрасно угостят.

Одним словом, я решил туда пойти.

По пути я встретил молодца, который охотился на голубей. Я спросил у него:

– Друг мой, откуда эти голуби?

– Сударь, – сказал он, – они с другого света.

Тогда я подумал, что, когда Пантагрюэль зевал, голуби целыми стаями влетали к нему в глотку, принимая ее за голубятню. Потом я вошел в город, который оказался прекрасным,

отлично защищенным и очень красивым. У городских ворот сторожа потребовали у меня пропуск, и я очень изумился этому и спросил их:

– Господа, нет ли здесь опасности чумной эпидемии?

– О, сударь! – сказали они. – Здесь поблизости столько умирает народу, что повозки разъезжают по улицам за трупами.

– Боже правый! – воскликнул я. – А где это?

На что был ответ, что это в Ларингии и Фарингии¹⁷¹ – в двух городах, больших, как Руан и Нант, богатых и очень торговых. А причиной чумы являются постоянные вонючие и заразные испарения, которые с недавних пор стали подниматься из пропасти, и от которых умерло уже больше двух миллионов двухсот шестидесяти тысяч шестнадцати человек в течение недели.

Тогда я подумал, сообразил и понял, что эта вонь шла из желудка Пантагрюэля с тех пор, как он съел столько чесночной подливки, о чем мы говорили выше.

Я ушел оттуда, и проходя между скал, то есть его зубов, я взобрался на одну из них и там нашел самые красивые места в мире: великолепные манежи для игры в мяч, галлерей, отличные луга, множество виноградников и бесконечное число мыз в итальянском вкусе, посреди полей, полных отрады: я там прожил месяца четыре, и никогда так превосходно не питался.

Потом я спустился по задним зубам, чтобы добраться до нижней губы; но по дороге был ограблен разбойниками в большом лесу, тянувшемся до ушей. После, этого я нашел небольшое местечко, расположенное в долине (забыл его имя), где меня кормили, как никогда, и я даже заработал немного денег на прожиток. И знаете как? Тем, что спал. Здесь нанимают людей на день для спанья и платят по пяти-шести су; а те, кто громко храпит, зарабатывают по семь с половиной су.

Я рассказал сенаторам, как меня раздели в долине, и они мне сказали, что, действительно, люди с той стороны – большие негодяи и прирожденные разбойники.

Из этого я заключил, что как у нас различаются жители «по ту» «по сю» сторону гор, так и там по ту и по сю сторону зубов; но по сю сторону – все гораздо лучше, и воздух чище.

И я начал думать, как это верно, когда говорят, что половина человечества не знает, как живет другая, если принять во внимание еще никто не описывал этих краев, в которых более чем двадцать населенных королевств, не считая пустынь и большого морского залива. Но я сочинил большую книгу, под заглавием «История глотчан», – так звал их потому, что они живут в глотке моего господина Пантагрюэля.

В конце концов я захотел вернуться и, пройдя по бороде, перескочил на его плечи, а оттуда скатился на землю и упал перед ним ниц.

Заметив меня, он спросил:

– Откуда ты, Алькофрибас?

Я ответил ему:

– Из вашей глотки, государь.

– А с каких пор ты там? – спросил он.

– С тех пор, – сказал я, – как вы выступили на альмиродов.

– Так ведь это больше шести месяцев. Чем же ты жил это время? Что ты ел, что пил?

Я отвечал:

– То же самое, сударь, что и вы: с наиболее лакомых кусков отправлявшихся через ваш рот, я брал себе дань.

– Хорошо, – сказал он, – но куда же ты справлял свои нужды?

– В ваше горло, сударь, – сказал я.

– Ха, ха, ха! Ты забавный малый, – сказал он. – С помощью божьей мы покорили теперь всю страну дипсодов; я жалуя тебе поместье Сальмигонден.

¹⁷¹ Гортань и Горло.

– Большое спасибо, сударь, – говорю я, – вы меня жалуете не по заслугам.

ГЛАВА XXXIII. Как Пантагрюэль заболел, и как он вылезился

Спустя недолгое время добрый Пантагрюэль заболел: у него так схватило живот, что он не мог ни пить, ни есть, – а так как беда никогда не приходит одна, то к этому прибавилось еще мочеизнурение, мучившее его так, что вы и представить себе не можете. Но его врачи помогли ему, и очень хорошо, – при помощи мочегонных и слабительных средств выгнали болезнь мочеиспусканием. Его моча была до того горячей, что до сих пор она еще не остыла. В разных местах Франции, там, где она текла, образовались так называемые горячие купанья:

В Кодере,
В Лимоне,
В Дасте,
В Бальрюке,
В Нерике,
В Бурбонензи и в других местах.
В Италии: В Монс-грот,
В Аппоне,
В Сан-Пьетро в Падуе,
На Св. Елене,
В Казанова,
В Сан-Бартоломео.
В графстве Булонском, в Поррете и в тысяче других мест.

Я весьма изумляюсь, что целая куча глупых философов и докторов тратят время на споры, отчего происходит теплота вышесказанных вод: от буры? от серы? от селитры, находящейся в шахтах? Они просто бредят, и лучше уж терли бы себе зад перекасти-полем, чем терять время на споры о том, происхождение чего им неизвестно. А решение вопроса очень легко, и доискиваться нечего: воды теплые, потому что произошли: от горячей мочи Пантагрюэля!

Итак, чтобы рассказать, как он вылезился от своей главной болезни, я сообщаю вам, что он принял в качестве болеутоляющего: четыре квинтала колофонского scammonia, семьдесят восемь возов кассии, одиннадцать тысяч девятьсот фунтов ревеню, – и это не считая остальных лекарств.

Надо вам сказать, что, по совету докторов, было решено очистить желудок от веществ, причинявших ему боль. Для этого приготовили семнадцать больших медных шаров, как те, что на памятнике Вергилия в Риме, которые открывались и закрывались изнутри при посредстве пружины. В один из этих шаров вошел человек с фонарем и зажженным факелом. И Пантагрюэль проглотил шар как маленькую пилюлю.

В пять других вошли другие дюжие парни, каждый из них имел заступ на плече. В три следующих шара вошли три крестьянина с кирками.

В семь остальных вошли семь человек с корзинами.

Всех их он проглотил как пилюли.

Когда они очутились в желудке, все открыли свои пружины и вышли из своих хижин. Первым вышел человек с фонарем. Им пришлось бродить больше полумили по ужасной, вонючей пропасти, более зловредной, чем Мефитис, чем Камаринское болото, чем зловонное Сорбонское озеро описанное Страбоном. И если бы они не предохранили сердца, желудка и винного кувшина (именуемого башкой), все бы они задохлись и погибли от этих ужасных испарений.

Ощупью и принюхиваясь, они приблизились к испражнениям и очагу дурного воздуха и наконец нашли гору нечистот. Тогда саперы-землекопы стали ее разрушать, а другие наполняли заступами корзины. Вычистив все как следует, каждый вернулся в свой шар. После этого Пантагрюэль постарался, чтобы его вырвало, и шары выскочили наружу.

Тут они весело вышли из своих пилюль. Мне вспомнилось, как греки вышли из Троянского коня.

Благодаря этому средству Пантагрюэль вылез, и его здоровье восстановилось.

Одну из этих медных пилюль вы можете видеть в Орлеане, на колокольне церкви св. Креста.

ГЛАВА XXXIV. Заключение сей книги и извинение автора

В заключительной главе первой части «Пантагрюэля» Раблэ говорит, что он решает на время прекратить на этом месте начатую им страшную историю Пантагрюэля. На следующей Франкфуртской ярмарке обещается продолжение истории, – как то: рассказ о женитьбе Панурга и о рогах, наставленных ему в первый же месяц после свадьбы; рассказ о нахождении Пантагрюэлем философского камня; плавание великана по Атлантическому океану; победа его над каннибалами (людоедами); женитьба его на дочери индийского царя; сражение его с чертями; поджог пяти адских камер и захват в мешок большой черной камеры ада; путешествие на луну, с целью разузнать, верно ли, что ущерб ее происходит от того, что три четверти ее прячут себе в голову женщины. И еще обещается тысяча других правдоподобных и веселых рассказов.

Раблэ называет их текстами французского евангелия. Считает, что писать и читать такие рассказы гораздо лучше, чем, наподобие ханжей и лицемеров или распущенных монахов, пережидаться в святош для того, чтобы обманывать людей.

На их красных мордах и толстых животах написано крупными буквами, что они притворяются богомольными, а на самом деле почитают только бога чревоугодия да пьянства.

А хорошие пантагрюэлисты, то есть люди, живущие радостной, мирной и здоровой жизнью, никогда не должны доверять обманщикам.

На этом кончается первая часть «Пантагрюэля».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ О ПАНТАГРЮЭЛЕ

**ТРЕТЬЯ КНИГА ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ
И СКАЗАНИЙ ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ
СОЧИНЕНИЕ МЭТРА ФРАНСУА
РАБЛЭ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ
ВЫШЕСКАЗАННЫЙ АВТОР
УМОЛЯЕТ БЛАГОСКЛОННЫХ
ЧИТАТЕЛЕЙ ПОБЕРЕЧЬ СВОЙ СМЕХ
ДО СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ КНИГИ**

1552 г.

Книга предваряется двумя стихотворениями. Одно посвящено «духу наваррской королевы», – Франсуа Раблэ предлагает покойной покинуть свою божественную обитель и спуститься на землю для того, чтобы «посмотреть третью часть веселых деяний доброго Пантагрюэля».

Второе стихотворение – Жана Фавра, в котором он рекомендует эту книгу читателю. Затем идет

ПРОЛОГ АВТОРА

Вначале рассказывается история про осаду Филиппом, царем македонским, Коринфа. Жители последнего, предупрежденные шпионами о нашествии неприятеля, всемерно заботились об укреплении города и ни минуты не теряли даром. Один Диоген был невозмутим до поры до времени. Но вдруг и он словно вышел из себя и заразился воинственностью сограждан. Он препоясал свой плащ, оделся сборщиком яблок и передал свои книги на хранение товарищу. А затем покатил свою знаменитую бочку на высокий холм, поблизости от стен города.

Там он с большой яростью стал поворачивать бочку во все стороны, опрокидывать ее, толкать, пихать, трясти, колотить, сбрасывать вниз, снова вкатывать наверх и т. д., совсем как Сизиф со своим камнем.

При виде этой возни, один из друзей спросил Диогена, чем вызвано такое варварское обращение его с бочкой. Философ отвечал, что так как государство не использовало его ни для какого труда, то он трудится над бочкой, дабы не оставаться единственным праздным человеком среди столь сильно занятых сограждан.

Себя Раблэ отнюдь не считает негодным к работе в то время, как все заняты посильною защитой родины. Но служить отечеству оружием он не может; однакоже его работа над Диогеновской бочкой не представляется писателю бесполезной, неважной. Он пишет. Подобно Эннию, он «пишет за питьем, пьет за писанием». И Эсхил, по Плутарху, творя выпивал и выпивая творил; и Гомер никогда не писал натошак, и Катон писал всегда только после выпивки. В своем лице Раблэ обещает воинам певца их подвигов.

Пантагрюэлизм, благодаря которому люди принимают все в хорошую сторону, – избавит автора этих похвал доблестным воинам от неудовольствия с их стороны в случае какой-либо неловкости в его изложении.

Раблэ приглашает читателей выпить. Пусть все мастера выпивки, все жаждущие пьют из его бочки полными стаканами, если хотят. А не хотят – не надо. Платы он никакой не берет. Пусть пьют не стесняясь.

И пусть не боятся, что вина не хватит, как это случилось на браке Кане Галилейской. Бочка его неисчерпаема. В ней бьет живой источник. Она настоящий рог изобилия и веселья.

– Только хорошенько заметьте, – продолжает Раблэ, – каких я приглашал людей: лишь первоклассных пьяниц и знатоков вина. Всякие паразиты и любители туманов пускай идут мимо; им тут нечем поживиться.

Разные спорщики и придиры пусть не разговаривают с автором. Также трусы и негодяи, как бы они ни были надуты, чванны, как бы они ни мучились жаждой и ни страдали от ненасытного аппетита.

Раблэ кончает пролог сильнейшей бранью:

– Долой, собаки! Прочь с дороги! К дьяволу! Ты, каналья, что застишь мне солнце!

«Как, вы явились сюда, чтобы украсть мое вино и мочиться в мою бочку!

«Назад, святоши! Вон, лицемеры!

«Прочь отсюда вы, пустосвяты, ко всем чертям!

«Как! Вы еще здесь!

«Я отказываюсь от своей доли в Папимании, если буду с вами иметь дело!»»

ГЛАВА I. Как Пантагрюэль основал в Дипсодии колонию утопийцев

Окончательно покорив Дипсодию, Пантагрюэль переселил в нее колонию из утопийцев, числом 9 876 543 210 человек, не считая женщин и детей, мастеров всех ремесел и профессоров всех свободных наук, чтобы освежить, населить и украсить страну, мало обитаемую и в большей своей части пустынную.

Он переселил их не только из-за чрезвычайного многолюдия Утопии, в которой расплодились мужчины и женщины, как саранча. Вы понимаете сами, и нет нужды распространяться подробнее, что у утопийцев и утопиянок были такие плодоносные органы, так ладно устроенные, что через каждые девять месяцев от каждого брака у них рождалось по меньшей мере по семи ребят как мужского, так и женского пола – наподобие народа иудейского в Египте, если не бредит Лира.

А также не столько из-за плодородия почвы, здорового климата и изобилия угодий в Дипсодии, сколько из-за того, чтобы удержать зареванную страну в долге и повинении, переселив в нее своих старых и верных подданных, которые не знали на своей памяти и не признавали и не служили другому господину, кроме него, и которые, со дня рождения и вхождения в этот мир, вместе с молоком кормилиц всосали сладость и доброту его правления, и в них были вскормлены и воспитаны. Поэтому была верная надежда на то, что они скорее расстанутся с жизнью телесной, чем откажутся от покорности, которой они обязаны своему государю, – где бы они ни были рассеяны и куда бы ни были переселены. И таковы будут не только они сами и дети, преемственно Родившиеся от них, – но в такой же верности и повинении они будут поддерживать и вновь присоединенные к его империи народности.

Так, действительно, и случилось, и Пантагрюэль в своем решении отнюдь не обманулся. Если утопийцы до переселения были преданнейшими его верноподданными, то дипсоды, после общения с ними в течение нескольких только дней, стали такими еще более, в силу неизвестно какого, естественного для всех людей, пыла при начинании всякого дела, приходящегося по душе. Единственно, на что жаловались они, призывая в свидетели небеса, это – что раньше до них не доходило никаких известий о славном Пантагрюэле.

Замечайте же вы, бражники, что лучший способ для того, чтобы подчинить и удержать в повинении завоеванную страну, вовсе не в том (как ошибочно думали некоторые тиранические умы, к своему же ущербу и бесчестию), чтобы грабить, насиловать, разорять и мучить население и править при помощи железных прутьев, – короче говоря – глотать и пожирать народ, на манер того царя, которого Гомер называет неправым Демовором, что значит «народоглот».

Не буду приводить вам по этому поводу примеров из древней истории, а только напомним о том, чему свидетелями были ваши отцы, да и вы сами, если не были слишком молоды.

Как новорожденного младенца, народ надо питать молоком, убаюкивать и развлекать. Как вновь посаженное деревцо, его нужно подпирать, беречь и защищать от всяких повреждений, обид и несчастий. Как человека, спасенного от тяжелой и продолжительной болезни и выздоравливающего, следует лелеять народ и беречь и помогать восстановлению его сил, чтобы он пришел к убеждению, что на свете нет другого короля или принца, которого он хотел бы меньше иметь своим врагом, а больше желал бы иметь своим другом.

Так Озирис, великий царь египтян, покорил всю землю не столько силою оружия, сколько помощью угнетенным, учением, как следует здраво и хорошо жить, разумными законами, милостями и благодеяниями. За это ему было дано прозвание: «великий царь Эвергет», то есть «благодетель», о чем сам Юпитер дал повеление некоей Памиле.

Действительно, Гезиод в своей «Иерархии» помещает добрых демонов (называйте их, если хотите, ангелами), как посредников и передатчиков между богами и людьми: выше людей, ниже богов. И так как через их руки получаем мы сокровища и дары неба, и так как они по отношению к нам всегда благодетельны и оберегают нас от всякого зла, – то он, Гезиод, говорит, что они несут царскую службу: ибо всегда творить благо и никогда не творить зла есть деяние исключительно царское.

Таким был повелитель вселенной Александр Македонский. Так владел всем материком Геркулес, помогая людям против чудовищ, спасая их от угнетения, насилий и тиранств, управляя ими милостиво, справедливо и правосудно, издавая законы, соответствующие особенностям различных областей, добавляя то, чего недоставало, и сокращая то, что было излишним, великодушно прощая прошлое, предавая вечному забвению обиды, как было, например, с амнистией афинян, когда, благодаря доблести и ловкости Тразибула, была искоренена тирания; затем в Риме, как изложено Цицероном, и при императоре Аврелии.

Таковы любовные напитки и волшебные чары, при помощи которых можно мирно и спокойно удержать в руках то, что покорено с большим трудом. И счастливо царствовать может завоеватель, будь он король, или князь, или философ, только если заставит храбрость уступить свое место справедливости. Храбрость его проявилась, когда он побеждал и завоевывал. Справедливость проявится в том, что он сумеет издать законы, в согласии с волею и склонностями народа: обнародует законы, установит вероисповедания, даст права каждому, как благородный поэт Марон говорит про Октавиана Августа:

Он победитель был, и он в своих законах считался с волею народов покоренных.

Вот почему Гомер в своей «Илиаде» называет добрых и великих царей «красою народов». Таковы были соображения Нумы Помпилия, второго царя римлян, справедливого политика и философа, когда он, устанавливая праздник в честь бога Терма, названный «Терминалиями», – повелел, чтобы в этот праздник не приносилось в жертву то, что было убито, этим как бы уча нас, что в пределах своего государства, а равно и соседних с ним, следует хранить мир, дружбу и благоволение и править, не пачкая рук кровью или грабежом. А кто поступает иначе, тот не только потеряет приобретенное, но навлечет на себя стыд и позор и осуждение: и все будут считать, что он приобрел это нечестным путем, вследствие того, что его завоевание уплыло из рук. Дурным путем приобретенное бесславно теряется. И пусть он сам всю жизнь покойно наслаждается своею добычею: если даже наследники его потеряют приобретенное им, – позор все-таки падет на покойного, и память его будет предаваться проклятию, как завоевателя несправедливого. Вы сами говорите пословицу: «Дурно приобретенное третий наследник не получит».

И вы, записные подагрики, заметьте, что таким способом Пантагрюэль из одного ангела сделал двух: случай, противоположный тому, что вышло из замысла Карла Великого, который из одного дьявола сделал двух, когда переселил саксонцев во Фландрию, а фламандцев в Саксонию. Не будучи в состоянии удерживать в таком повиновении саксонцев, присоединенных им к империи, чтобы они не возмущались при каждом случае, когда он отвлекался событиями в Испании или в какой-нибудь другой отдаленной стране, – он переселил саксонцев в верную ему страну – во Фландрию, а ганноверцев и фламандцев, природных своих подданных, переселил в Саксонию, не сомневаясь в их верности и после переселения в чужие страны.

А случилось так, что саксонцы на новом месте продолжали упорствовать в своих мятежах и неповиновении, а фламандцы, поселившись в Саксонии, впитали в себя характер и свойства саксонцев.

ГЛАВА II. Как Панургу был пожалован замок Сальмигонден в Дипсодии, и как он поедал там свой хлеб на корню

Данным правительству всей Дипсодии указом Пантагрюэль назначил Панургу во владение замок Сальмигонден, дававший 6 789 106 789 реалов¹⁷² ежегодного верного дохода, не считая неопределенной прибыли от жуков и улиток, которая, в зависимости от хорошего или плохого года, колебалась между 2 435 768 и 2 435 769 длинношерстных баранов¹⁷³. Иногда же доход повышался до 1 234 554 321 серафов¹⁷⁴, – когда добыча улиток и жуков была обильна. Однако это не каждый год.

И так хорошо и разумно управлял своим замком новый его владелец, что меньше чем в две недели он промотал и верный и неверный доход со своих владений вперед за три года. Собственно, не промотал, как вы могли бы подумать, на основание монастырей, созидание храмов, постройку учебных заведений и больниц, или бросанием сала собакам. Нет, он растратил свой капитал на тысячу маленьких угощений и веселых пиров, открытых для первого встречного: для весельчаков, молоденьких девочек и галльских милочек. Леса срубались, толстейшие деревья сжигались, чтобы продавать золу; деньги брались вперед, все покупалось дорого, а продавалось дешево, – словом, хлеб поедался на корню.

Пантагрюэль, извещенный об этом, нисколько не рассердился, не раздражился и не огорчился.

Я уже вам говорил – и повторяю еще раз, – что это был лучший из всех малых и великих человечков, когда-либо носивших шпагу. Он все принимал с хорошей стороны и всякий поступок истолковывал к лучшему. Он никогда не терзался, никогда не приходил в негодование. Не был бы он божественным светильником разума, если бы когда-нибудь огорчился или возволновался. Ибо все блага, которые покрывает небо и которые содержит земля, во всех измерениях – в высоту, в глубину, в длину и ширину, – не стоят того, чтобы волновать наши чувства и смущать наш разум.

¹⁷² Монета времен Филиппа Красивого.

¹⁷³ Старинная золотая монета с изображением агнца.

¹⁷⁴ Египетская монета из чистого золота.

Он только отозвал Панурга в сторону и мягко указал ему, что если он так хочет жить и не будет бережливее, то будет невозможно – или, по меньшей мере, очень трудно – сделать его когда-нибудь богатым.

– Богатым? Так ли я понял вашу мысль? Вы взяли на себя заботу сделать меня богатым на этом свете? Думайте о том, чтобы прожить весело, клянусь богом и добрыми людьми. А другой заботы и другого попечения в святое-святых небесного вашего мозга проникать не должно. Ясность его никогда да не затемняется тучками мелочных забот и раздражений. Пока вы будете жить весело, радостно и бодро, и я буду богат с избытком. Все кричат: хозяйство!.. хозяйство!.. Но кричит об этом тот, кто ничего в хозяйстве не понимает. У меня надо спросить совета. А относительно меня сейчас вы узнаете, что то, что мне ставят в порок, было только подражанием Парижскому университету и парламенту – местам, в которых находится истинный источник и живая идея пантеологии¹⁷⁵ и всякой справедливости. И еретик тот, кто в этом сомневается и нетвердо в это верит. Так вот они в один день съедают своего епископа, или доход с епископата (что одно и то же) за целый год, а иной раз и за два, – именно в тот самый день, в который епископ вступает в должность. Он не может уклониться от этого, если не желает быть немедленно побитым камнями.

«Такой образ действий в духе четырех главных добродетелей:

«Благоразумия, потому что деньги берутся вперед. Ибо неизвестно, кто умрет, кто проживет. Кто знает, будет ли мир существовать еще три года? И даже если бы мир просуществовал и долее, то найдется ли столь безумный человек, который посмел бы обещать себе прожить три года?»

Богами правит ли свободный человек?

И знает ли, когда скончает он свой век?¹⁷⁶

«Затем справедливости в отношении меня – я покупаю дорого (т.-е. в кредит), продаю дешево (т.-е. на чистые деньги). Что говорит Катон, в своем учении о хозяйстве, по этому поводу? Отцу семейства, – говорит он, – надо быть постоянным продавцом. Благодаря этому, невозможно ему в конце концов не разбогатеть, если только он, так сказать, не закроет лавочки.

«Справедливости в отношении распределения. Я даю возможность подкормиться хорошим (заметьте, хорошим!) и любезным товарищам, которых судьба, как Улисса, закинула на скалу голода без всяких средств к пропитанию; также милым (заметьте, милым!) и молоденьким француженкам (заметьте, молоденьким!), потому что, согласно мнению Гиппократу, молодежь трудно переносит голод, особенно если она живая, бойкая, стремительная, подвижная, ветреная молодежь.

А такие француженки с охотой и радостью доставляют удовольствие порядочным людям; они платонички и цицеронианки до того, что считают, что рождены на свет не только для себя самих, но что они составляют часть своего отечества, часть своих друзей.

«Акт третьей добродетели – силы – проявляется в том, что я срубая толстые деревья, как второй Милон, и уничтожаю темные леса, убежища волков, вепрей и лисиц, убежища разбойников и убийц, мастерские фальшивомонетчиков, пристанища еретиков; выравниваю почву – и леса превращаются в открытые пустоши с прекрасным кустарником.

«Последняя добродетель – воздержания – проявляется в том, что я съедаю свой хлеб на корню, как отшельник, питающийся салатом и корешками; я освобождаю себя от чувственных стремлений и таким образом сберегаю пищу для калек и убогих. Ведь таким путем я не трачусь

¹⁷⁵ «Всебогословие».

¹⁷⁶ Этот стих переведен Рабле на французский язык из трагедии Сенеки «Тиест» (так звали брата Атрея, дядю Агамемнона).

на косцов, которым нужны денежки; на арендаторов, которые любят выпить вина, и без воды; на жнецов, которым подай пирога; на молотильщиков, которые, ссылаясь на авторитет Вергилия, обрывают в садах весь чеснок, лук и шарлотку; на мельников, порядочных мошенников, как известно; на булочников, что не лучше их. Что же, все это разве маленькие сбережения? Я уже не считаю убытков от полевых мышей, усушки хлеба в амбарах, съеденного крысами, долгоносиками и т. д.

«Из стеблей хлеба у вас выходит прекрасный зеленый соус, не отягощающий желудка и легко переваривающийся, от которого проясняется ваш мозг, жизненные силы возбуждаются, зрение становится лучше, возбуждается аппетит, укрепляется пульс, и языку щекотно, цвет лица свежеет, мускулы крепнут, кровь течет ровнее, диафрагма менее давит, печень освежается, селезенка расширяется, почкам становится легче, все члены тела делаются более гибкими, позвонки укрепляются, мочеточные проходы опустошаются, тоже и семенные. Желудок ваш хорошо варит, прекрасно очищается, избилует ветрами; кровь выходит без затруднения: вы кашляете, плюете, вас рвет, вам зевается, сморкается, дышится, вдыхается, выдыхается и передыхается легко. Вы храпите, потеете, и еще тысячу других преимуществ представляет для вас пища такого рода»¹⁷⁷.

– Я прекрасно понимаю, – сказал Пантагрюэль, – вы хотите сказать, что люди небольшого ума даже и не сумеют много истратить за короткий срок. Вы не первый, придерживающийся подобной ереси. Нерон был ее приверженцем, и он превыше всех людей ставил своего дядю Кая Калигулу, который в несколько дней, обладая удивительной изобретательностью, сумел растратить все наследственное имущество, оставленное ему Тиверием. Но вместо того, чтобы соблюдать установленные римлянами законы против роскоши, которыми строжайше запрещалось каждому гражданину тратить в год сумму, превышающую его годовой доход, – вместо этого вы совершили «протервию». Так называлась у римлян жертва, подобная пасхальному жертвенному агнцу у евреев, когда полагалось съесть все съедобное, а остатки бросать в огонь, ничего не оставляя на завтра. Я могу про вас справедливо сказать то же, что Катон про некоего Альбидия, который проел и промотал все, чем владел, и когда у него остался только один дом, он поджег его, чтобы сказать: «Consummatum est»¹⁷⁸, так же, как впоследствии сказал святой Фома Аквинский, когда съел целую миногу.

¹⁷⁷ Мы опускаем здесь несколько фантастических и фривольных замечаний о воздействии вегетарианского супа на целый ряд органов человеческого тела.

¹⁷⁸ «Свершилось».

ГЛАВА III. Как Панург восхвалял и должников и займодавцев

– Но, – спросил Пантагрюэль, – когда же у вас больше не будет долгов?

– Это дело откладывается *ad calendas graecas*¹⁷⁹, до того времени, когда весь свет будет доволен, и вы будете наследником после себя самого. Боже упаси выйти из долгов! Тогда я не найду никого, кто бы дал мне займы хоть один денье. Кто с вечера не положит дрожжей, у того утром тесто не поднимется. Если вы постоянно у кого-нибудь в долгу, – ваш кредитор неустанно будет молить господа о ниспослании вам хорошей, долгой и счастливой жизни; из боязни потерять свой долг, он всегда и во всяком обществе будет говорить о вас только хорошее и подыскивать вам новых кредиторов, чтобы вы могли через них сделать оборот и чтобы вы, так сказать, чужой землей засыпали его ямы.

«Когда, в былое время, в Галлии, по закону друидов, на похоронах хозяев сжигались живьем все их рабы и слуги, – разве последние не боялись, что их хозяева и господа умрут? Ибо им самим нужно было умирать вместе с ними. И разве не молились они непрестанно Меркурию и Дису, отцу золота, о сохранении их господ в добром здравии? Не старались ли изо всех сил беречь своих хозяев и им служить? Ведь до их смерти могли жить и они.

«Так вот, поверьте, и ваши кредиторы будут горячо молить бога о продлении вам жизни и будут бояться вашей смерти, поскольку они любят рукава больше самой руки, а деньги больше жизни.

«Пример – ландерусские ростовщики, которые чуть не повесились, узнав, что хлеб и вино падают в цене и что вновь наступает хорошая погода».

Так как Пантагрюэль ничего не отвечал, Панург продолжал говорить:

– И то сказать, как подумать хорошенько, вы меня ставите в неловкое положение, попрекая долгами да кредиторами. Клянусь, именно только в этом отношении я считаю себя святым, почтенным и грозным человеком: вопреки мнению философов (которые утверждают, что из ничего не сделать ничего), я, ничего не имея, никакой первичной материи, стал творцом и создателем. Я создал! Что создал? Столько добрых и прекрасных кредиторов.

«Кредиторы (буду настаивать на этом вплоть до костра исключительно) суть прекрасные и добрые создания. Кто не дает в долг, тот – уродливая и злая тварь, адское порождение великого мерзавца дьявола.

«И я сделал. Что сделал? Долги. О редкая, антикварная вещь! Я сделал долгов больше, чем число слогов, получающееся в результате сочетаний всех гласных со всеми согласными, – число, высчитанное некогда благородным Ксенократом. Если вы по количеству кредиторов будете оценивать достоинство должников, вы не сделаете ошибки в практической арифметике.

«Думаете ли вы, как мне приятно видеть каждое утро вокруг себя моих займодавцев, столь смиренных, услужливых, рассыпающихся в реверансах? А когда я замечаю, что стоит мне взглянуть на одного из них поласковее, или угостить получше, чем других, – плут уже воображает, что его получка будет первой, что его срок наступит раньше других, – вижу, что моя улыбка считается чистыми деньгами. Тогда мне представляется, что я играю роль божества в сомюрской мистерии, окруженного ангелами и херувимами. Это мои клиенты, мои паразиты, мои поздравители, мои постоянные хвалители. И я в самом деле думаю, что из долгов построена описанная Гезиодом Гора Геройской Доблести, на которой мне принадлежит диплом первой степени, к которому все человечество, по-видимому, влечется и стремится, но которого,

¹⁷⁹ Римляне обозначали в шутку срок, который никогда не наступает, этим выражением, сохранившим именно это свое значение вплоть до наших дней. Это то же, что по-русски – «после дождичка в четверг». Календы, по римскому календарю, первые дни месяца.

из-за трудностей пути, достигают лишь немногие, как это видно из того, что весь свет охвачен пылким желанием и острым аппетитом делать долги и новых кредиторов. Однако не всякий бывает должником, кто им хочет быть; и может делать кредиторов не всякий, кто хочет.

«И вы хотите меня лишить этого высшего благополучия? Вы меня спрашиваете, когда я выйду из долгов?»

«Гораздо хуже – призываю в свидетели святого Баболена – если бы я всю свою жизнь не считал долгов связующим звеном между землей и небом, единственной поддержкой рода человеческого, без которой люди скоро бы погибли: долги – та самая великая мировая душа, которая, по утверждению академиков, живет все. Что это именно так, – представьте себе ясно в уме идею и форму некоего мира (возьмите, если вам угодно, хоть тридцатый мир, воображаемый философом Митродором), в котором не было бы ни должников, ни заимодавцев. Мир без долгов! В таком мире не может быть никакого правильного течения светил небесных. Все будет в полном беспорядке. Юпитер, не считая себя должником Сатурна, лишит его орбиты и, внося путаницу во все умы, перепутает все отношения между богами, небесами, демонами, гениями, героями, дьяволами, землями, морями и стихиями. Сатурн соединится с Марсом, и они приведут весь этот мир в сотрясение. Меркурий не пожелает служить другим и не будет больше их Камиллом, как его называют на этрусском языке: ведь он не будет их должником. Не будет почитаема Венера, так как она не будет ничего одолжать.

«Луна останется кровавой и темной. С какой стати солнце будет давать ей свой свет? К этому его ничто не будет обязывать. Солнце не будет светить на землю; небесные светила не будут оказывать доброго влияния, потому что земля перестанет, в свою очередь, питать их своими испарениями и выделениями, которыми, как говорил Гераклит, доказывали стоики, и утверждал Цицерон, питаются звезды. Между стихиями прекратится соответствие, обмен и взаимное превращение, потому что ни одна из стихий не станет считать себя обязанной другой, – ведь та ничего ей не одолжила. Земля не будет производить воды, вода не будет обращаться в воздух, воздух – в огонь, а огонь перестанет согревать землю. Земля будет производить только чудовищ: титанов, гигантов, алоидов. Дождь не будет дождить, свет – светить,

ветер – веять; не будет ни лета ни осени. Люцифер освободится от оков и, выйдя из адских глубин вместе с фуриями, эринниями и рогатыми бесами, захочет изгнать с небес всех богов как великих, так и малых народов. На этом свете, где никто никому не будет одолжать, останется только свинство; интриги, похуже происков ректора Парижского университета; чертовщина более путанная, чем игрища в Дуэ. Люди перестанут помогать друг другу; тщетно будет кто-нибудь взывать о помощи при пожаре, при наводнении, при убийстве: никто не придет помочь ему. А почему? Он ничего никому не одолжил, и никто ему ничего не должен. Никому нет дела до его пожара, до его кораблекрушения, до его разорения, смерти. Ведь он ничем не ссужал, и поэтому и ему никто ничего не ссудит.

«Словом, из такого мира будут изгнаны вера, надежда и любовь. А ведь люди рождены, чтобы помогать себе подобным. Их место займут недоверие, презрение, злопамятство, вместе с тучей всяких других зол, несчастий и проклятий. Вы подумаете, что Пандора вылила свою бутылку. Люди станут волками людям, и вурдалаками, и упырями, как были Ликаон, Беллерофон, Навуходносор: разбойниками, убийцами, отравителями, злодеями, злоумышленниками, недоброжелателями, ненавистниками; каждый против всех, как Измаил, Метабус, Тимон Афинский, прозванный по этой причине «мизантропом». Так что для природы было бы легче кормить рыб в воздухе, пасти оленей на дне океана, чем переносить такой сброд, который ничего не дает в долг. Клянусь, что я его ненавижу.

«Если же вы, по подобию этого жалкого и плачевного мира, в котором не дают в долг, представите себе другой «малый мир», то есть человека, – вы найдете там тоже ужасную сумятицу. Голова откажется ссужать дарение своих глаз, чтобы двигать ноги и руки; ноги не удостоят носить голову, руки перестанут для нее работать. Сердце восстанет против того чтобы биться ради пульсации остальных органов, и перестанет одолжать свое биение для них. Легкие откажутся снабжать сердце воздухом печень – посылать ему кровь для поддержки. Мочевой пузырь не захочет быть должником почек, и моча перестанет течь. Мозг, созерцая такой неестественный порядок вещей, предастся грезам и перестанет сообщать чувствительность нервам, движения – мускулам.

«Вообще в этом расстроенном мире, где ничего не должны и ничего не дают взаймы, вы увидите возмущение более опасное, чем то, которое изобразил в своей басне Эзоп.

«Без сомнения, такой мир погибнет; и не только погибнет, но гибель его последует вскоре, хотя бы это был сам Эскулап¹⁸⁰. Тело сразу сгниет, а душа в негодовании отправится ко всем чертям, вслед за моими деньгами».

¹⁸⁰ Эскулап – один из сыновей Феба Аполлона, считался богом здоровья и покровителем медицины.

ГЛАВА IV. Продолжение речи Панурга в похвалу заимодавцам и должникам

– Наоборот, представьте себе другой мир, в котором каждый дает займы, каждый берет в долг: все – должники, и все – заимодавцы. О, какая будет гармония среди правильного движения небесных сфер! Мне кажется, я слышу эту музыку сфер так же явственно, как некогда Платон.

«Какое сочувствие между стихиями! О, как природа будет утешаться своими делами и произведениями!

«Церера – тучная злаками, Вакх – винами, Флора – цветами, Помона – плодами! И Юнона – ясная, здоровая, веселая.

«Я теряюсь при созерцании этого!

«Между людьми – мир, любовь, взаимная склонность, верность, покой, пиры, праздники, радость, веселье, золото, серебро, мелкая монета, цепочки, кольца, товары – все будет переходить из рук в руки. Никаких процессов, войн, споров. Не станет ростовщиков, скупердяев, скряг.

«Боже истинный! Не наступит ли тогда золотой век, царство Сатурна, воплощенная идея олимпийских стран, где исчезают все добродетели, и одна любовь к ближнему царствует, правит, повелевает и торжествует? Все будут добры, прекрасны, справедливы! О счастливый мир! О счастливые жители этого счастливого мира! Вы трижды, четырежды блаженны!

«И мне кажется, что я уже там. Истинно, истинно клянусь вам, что если бы в этом мире имелся свой папа с сонмом кардиналов и в сообществе со своей святой коллегией, то через немного лет вы бы увидели в нем больше святых, и при этом более чудотворных, больше проповедей, обетов, посохов и свечей, чем сейчас во всех девяти епископатах Бретани, за исключением только Сент-Ива.

«Прошу вас принять во внимание, что благородный Пателэн, желая обоготворить и путем божественных восхвалений вознести до третьего неба отца Гильома Жуссома, ничего о нем не сказал другого, кроме того, что:

...он ссужал

Товаром всех, кто только ни желал.

«О, какое прекрасное слово!

«И вот по такому образцу вообразите и наш микрокосм, – все члены которого занимают, одолажат и должны, – то есть в его естественном состоянии. Ибо природа создала человека исключительно для того, чтобы давать и брать займы.

«Сама гармония небес не будет гармоничнее его благоустройства.

«Намерением основателя сего микрокосма было поддерживать душу, вложенную им туда в качестве гостя, и жизнь. Жизнь состоит из крови: кровь – пребывание души; и поэтому единственный труд в этом мире – это непрестанно ковать кровь. В этой кузнице все органы исполняют свойственную им службу, и их иерархия такова, что один у другого беспрестанно занимает, один другому дает в долг. Материя и металлы, подходящие для превращения в кровь, даны природой: это хлеб и вино. Все виды пищи заключены в этих двух. Отсюда произошло готское слово: «компанейство». Чтобы найти, приготовить и сварить пищу, работают руки, шествуют ноги и носят всю эту машину, глаза же – ведут. Аппетит в устье желудка, посредством кисловатой желчи, проходящей в него из селезенки, напоминает нам о необходимости заправить его едой. Язык пробует, зубы жуют, желудок принимает, переваривает и извергает. Брыжеечные вены всасывают все хорошее и пригодное, – выделяют экскременты, которые вытал-

квивающей силой изгоняются по специальным проходам. Питательные части идут в печень, которая снова преобразует их и делает из них кровь.

«Подумайте теперь о той радости, которой предаются эти служебные органы, когда они видят этот золотой ручей, благодаря которому они восстанавливаются.

«Не больше радость алхимиков, когда они после долгих трудов, стараний и трат видят, как металлы видоизменяются в их печах. Итак, каждый орган готовится и старается заново очистить и улучшить это сокровище. Почки с помощью своих вен извлекают из него ту жидкость, которую вы называете мочой, и через каналы спускают ее вниз. А внизу находится особый приемник, мочевой пузырь, который своевременно ее выделяет наружу.

«Селезенка извлекает из крови землистые части и желчь, которую вы называете черной кровью. Желчный пузырь извлекает излишнюю желчь. Потом кровь переносится в другую лабораторию, для еще более тонкой обработки – в самое сердце, которое диастолическими и систолическими движениями утончает и воспаляет ее, так что в правом желудочке доводит ее до совершенства, а затем через вены рассылает ее по всем членам. Каждый орган тянет ее к себе и питается ею на свой лад: ноги, руки, глаза, все; теперь они становятся уже должниками, между тем как ранее были кредиторами. В левом же желудочке сердце делает кровь столь тонкой, что ее называют духовной и по артериям кровь рассылается по всем органам тела для того, чтобы согреть и проветрить другую, венозную кровь.

«Легкие не перестают освежать ее в своих дыхательных долях. В признательность за это благо, сердце отправляет к легким лучшую часть крови через артерию.

«И, наконец, в этой удивительной сети кровь становится до такой степени утонченной, что в ней образуются духовные силы, при посредстве которых она воображает, разговаривает, размышляет, решает, выбирает, делает умозаключения и вспоминает. Клянусь добродетелью, я тону, теряюсь и блуждаю, когда вхожу в глубокую бездну подобного мира, где так дают и берут в долг. Давать ссуду, верить мне, нечто божественное, должать – геройская доблесть.

«Это еще не все. Этот мир, ссужающий, должаящий и одолающий так хорош, что, закончив круг своего питания, он уже начинает думать о ссуде тем, которые еще не родились, – и ссудой этою, если возможно, продолжить себя, умножить себя себе подобными, то есть детьми.

«Для этой цели каждый орган выделяет из самого ценного в своем питании некоторую часть и отправляет ее вниз. А там природа приготовила сосуды и удобные приехники, через которые длинными окольными и извилистыми путями кровь, опускаясь в детородные органы, принимает соответственную форму и отыскивает удобные места – у мужчин, а равно и у женщин, – предназначенные для продолжения и сохранения рода человеческого. И все это делается взаимными ссудами и долгами: оттого-то и есть выражение: «брачный долг». Естественное наказание налагается на лиц, отказывающихся от этого долга: острая боль в теле, смятение в чувствах.

«А тому, кто не отказывается от этого долга, – тому награда: удовольствие, наслаждение и страсть».

ГЛАВА V. Как Пантагрюэль честит должников и займодавцев

– Я понимаю, – ответил на речь Панурга Пантагрюэль, – и, по-моему, вы хороший аргументатор и увлечены вашим делом. Но проповедуйте, ораторствуйте вплоть до Троицына дня, – к вашему изумлению, вы увидите, что не убедили меня ни в чем, и что я ни за что не войду в долги, как бы прекрасно вы ни говорили. В «Послании» сказано: «Никому ни в чем не должайте, кроме взаимной любви и милости».

«Вы употребляете прекрасные обороты и образы, которые мне очень нравятся. Но говорю вам: если вы представите себе бесстыдного нахала и наглого заемщика, вторично входящего в город, где уже знакомы с его нравами, – вы увидите, что по его прибытии жители города придут в смятение и ужас не в меньшей степени, чем при появлении чумы в таком образе, как ее видел в Эфесе Тианский философ. Я того мнения, что персы не ошибались, считая ложь вторым из пороков, а долги – первым. Ибо долги и ложь идут обыкновенно рука об руку.

«Я не хочу, однако, настаивать, что никогда не следует делать долги или давать в долг. Нет такого богача, который никогда бы не был должен, нет и такого бедняка, у которого иной раз нельзя было бы занять. Но это будет тот случай, о котором Платон упоминает в своих «Законах», когда приказывает не позволять соседям черпать воду из вашего колодца, если они раньше не пороятся хорошенько в своей собственной земле и не найдут слоя глины (из которой лепят горшки) и не наткнутся на источник или иной водяной слой. Глина по своему составу такова, что, будучи жирной, гладкой и плотной, удерживает влагу, и последняя не легко испаряется. Поэтому великий стыд – всегда и всюду занимать, вместо того чтобы работать и зарабатывать. Только тогда должно давать займы, – по моему мнению, – когда человек, работая, не может заработать своим трудом, или когда он внезапно лишается своего добра.

«Однако оставим наш разговор; вперед не цепляйтесь за кредиторов; от прошлого я вас избавляю».

– Самое меньшее из большего, что я могу сделать, – сказал Панург, – это поблагодарить вас, и если благодарность должна измеряться любовью к благодетелям, то моя будет бесконечна и вечна. Ибо любовь, которую, по вашей милости, вы питаете ко мне, – неоценима; она превосходит всякий вес, всякое число и всякую меру; она бесконечна и вечна, но если измерять благодарность размером благодеяний и удовлетворением тех, кому они оказываются, – то она будет довольно жалкой. Вы мне оказываете много милостей, гораздо больше, чем следует; больше, чем я заслужил; больше, чем допускают мои достоинства. В этом я вынужден признаться. Вообще – да, но в этой статье – отнюдь нет. Не это у меня болит, не это грызет меня и мучит. Расквитавшись с долгами, – как я буду себя держать? Поверьте, что я буду в скверном положении первые месяцы: потому что не так я воспитан, не к этому я привык, и я этого очень боюсь. Во всем Сальмигондене отныне кто ни п... – попадет непременно мне в нос. И все п... уны при этом будут приговаривать: «Вот тебе за то, что у тебя нет долгов».

«Жизни моей, я предвижу, скоро наступит конец; эпитафию поручаю написать вам. Умру, можно сказать, весь зап...ый. Если какой-либо женщине не помогут принятые в медицине средства для выделения ветров при сильных желудочных коликах, – пусть врачи прописывают порошок из моей мумии. Это будет действительное средство. От самой малой дозы они зап...т больше, чем надо.

«Вот почему я очень просил бы вас оставить за мной сотни две-три долгов. Король Людовик XI, освободив от процесса Миля д'Илье, епископа Шартрского, получил от него в ответ просьбу оставить ему хоть несколько дел – для упражнения. Я предпочту отдать им доходы с жуков и улиток, – не трогая, однако, основного капитала, – чем оставаться никому ничего не должным...»

– Оставим, – сказал Пантагрюэль, – этот разговор. Я уже вам рассказал об этом.

ГЛАВА VI. О том, почему новобрачные освобождаются от повинности идти на войну

– Но в каком законе, – спросил Панург, – стоит, что те, кто сажает новый виноградник, кто строит новое жилище, и новобрачные – в первый год – освобождаются от призыва на войну?

– В законе Моисея, – отвечал Пантагрюэль.

– А почему, – сказал Панург, – новобрачные? О виноградарях заботиться мне не приходится: слишком я стар для этого. Да строители из мертвого камня в мою книгу жизни не вписаны. Я строю только живые камни, то есть людей.

– По моему суждению, – ответил Пантагрюэль, – это установлено для того, чтобы они первый год насладились вволю своей любовью, заботились бы о потомстве и запаслись наследниками. Таким образом, если на второй год они будут убиты на войне, их имя и герб останутся у их детей. Вместе с тем следует наверное узнать, бесплодны или плодovиты их жены (опыта одного года казалось тогда достаточным – в виду зрелости возраста, в котором тогда вступали в брак), чтобы в случае смерти первого мужа можно было выдать вдове вторично замуж: плодovитую – за такого, кто хотел бы детей, бесплодную – за того, кто к этому не стремится, а ищет и берет жену за ее добродетель, ум, женственность – ради домашнего уюта и ведения хозяйства.

– А проповедники из Варенны, – сказал Панург, – хулят второй брак, считая его безумием и бесчестьем.

– Да, – отвечал Пантагрюэль, – это для них как перемежающаяся лихорадка.

– А ведь даже, – сказал Панург, – даже и брат Ангэннан¹⁸¹ в своих «словах», проповедуя в Парилье и порицая вторичные браки, клялся всеми дьяволами ада, что он предпочитает лучше лишиться невинности сто девиц, чем спутаться с одной вдовой. Я лично нахожу ваш довод хорошим и весьма основательным. Но что бы вы сказали, если бы освобождение новобрачных давалось по той причине, что весь этот первый год они так предаются любовным утехам (что, впрочем, справедливо и законно), так истощают свои семенные сосуды, что изнуряются и истощаются и слабеют совсем, и в день битвы предпочтут скорее нырнуть, как утки, в обоз, чем сражаться рядом с воинами и храбрецами в том месте, где происходят битвы и раздаются удары? И под знаменем Марса не смогут наносить сильных ударов, потому что лучшие удары их были нанесены под занавесью Венеры, их друга. Что это так, можно видеть из того, что и теперь еще, среди других остатков и пережитков древности, во всех хороших домах существует обычай посылать молодоженов – не знаю, на который день после свадьбы – навестить какого-нибудь дядюшку, чтобы разлучить их на время с женами, успокоить их немножко и снова снабдить жизненными силами, для новых сражений по возвращении, хотя часто ни дяди ни тетки у них нет.

«Подобно тому как король Пэто после битвы при Корнабоне не то чтобы вытолкнул нас – меня и Куркалье, – но отослал нас домой собраться с силами. Тот, кстати, еще до сих пор ищет свой дом.

«Крестная мать моего дедушки, когда я был маленьким, говаривала:

«Богородицы» и «Отче»
Хороши, но не для всех.
Путь на жнитво покороче,
Чем обратный путь – для всех.

¹⁸¹ Поэт Мзро, как и Раблэ, говорит о некоем монахе Engainnant, как о большом развратнике. (Возможно, что это было прозвище, ходкое тогда, – в роде нашего «Руки Загребущие».)

«Что меня наводит на эту мысль, так это то обстоятельство, что виноградари почти не едят винограда и не пьют вина своей выделки в продолжение первого года, а застройщики первый год не живут в своих новосделанных жилищах: боятся задохнуться от недостатка воздуха, согласно компетентному мнению Галена (см. кн. 2-ю сочинения «О затруднительности дыхания»)...

«А спросил я это не без основания, не без уважительных причин. Так что не сердитесь».

ГЛАВА VII. Как Панург, начав носить блоху в ухе, перестал носить свой великолепный гульфик

На следующий день Панург велел себе проткнуть по-еврейски правое ухо и прикрепил к нему золотое с мозаикой колечко, в которое была вправлена блоха. Блоха была черная – это я говорю, чтобы вы не сомневались ни в чем: прекрасное дело – быть хорошо осведомленным во всем. Затраты на нее, по отчетам его канцелярии, не превосходили за четверть года того, что стоила свадьба одной гирканской тигрицы, то есть приблизительно 609 000 мараведисов¹⁸². Такие чрезвычайные траты стали его раздражать с той поры, как он разделался с долгами, и вот он начал кормить ее, на манер тиранов и адвокатов, потом и кровью своих подданных. Взял четыре локтя шерстяной ткани, нарядился в нее, как в длинный плащ простого покроя, перестал носить штаны, прицепил очки к шляпе и в таком виде предстал перед Пантагрюэлем; тот нашел его наряд весьма странным, – особенно, не видя чудесного и прелестного гульфика, на котором тот утверждал, как на якорю спасения, последнее свое убежище от всяких крушений и козней судьбы. Добрый Пантагрюэль не понимал этой тайны и спросил Панурга, – что собственно хочет он сказать новой своей просопопеей¹⁸³.

– У меня блоха в ухе, – сказал Панург. – Я хочу жениться.

– Что же? В добрый час, – сказал Пантагрюэль. – Рад за вас. Но так влюбленные себя не ведут: не ходят со спущенными штанами или вовсе без них, закрывая рубашкой голые колени, в драном плаще необычного для порядочных людей цвета. Если какие-нибудь еретики или сектанты иной раз так одевались, то многие приписывали это их ханжеству и обману и желанию потиранствовать над простым народом, – все-таки я не стану бранить их за это и проносить над ними суровый приговор. Каждый поступает по своему разуму, – а особенно в делах внешних, поверхностных или безразличных, которые сами по себе ни хороши, ни дурны, потому что они не идут ни от сердца, ни от мысли, – не из этих лабораторий всякого добра и зла: хорошо, если они хороши и если чувство управляется чистым духом; худо, если чувство извращено духом злым. Но только мне не нравится стремление к новшествам и презрение к общепринятым обычаям.

– Я с этого времени хочу держаться этого порядка и вникать в свои дела попристальной. Раз уж я чист от долгов, то впредь вы никогда мрачнее меня человека не увидите, если бог мне не поможет.

«Посмотрите на мои очки; увидев меня издали, вы скажете, что это брат Жан-Буржуа¹⁸⁴. Я уверен, что в ближайшем году я еще раз буду проповедовать крестовый поход. Бог да сохранит от зла наше воинство.

«Видите вы эту грубую шерсть? Поверьте, в ней особая скрытая сила, мало известная людям. Надел я этот плащ только сегодня утром, но уже бешусь, корчусь: как бы жениться и дьявольски работать над женой, не опасаясь палочных ударов. О, каким я буду великим хозяином!

¹⁸² Аполлоний Тианский – знаменитый в древности (I столетие нашей эры) философ-неопифагореец, ездивший по многим странам, родившийся же и умерший в Малой Азии.

¹⁸³ Намек на короля Карла VIII, который за недостатком средств должен был отставить несколько офицеров.

¹⁸⁴ Францисканский монах, основавший много монастырей в царствование Людовика XI и Карла VIII.

После моей смерти меня сожгут на великом костре, чтобы сохранить мой пепел как память и образец совершенного хозяина. Черт возьми! Посмотрите на меня и спереди и сзади: это покрой древней тоги, одеяния римлян в мирное время. Я его заимствовал с колонны Траяна в Риме, а также с Триумфальной арки Септимия Севера. Я устал воевать, устал и от коротких воинских одежд. Плечи истомились от лат и панциря. Долой оружие, да здравствуют тоги! По крайней мере, весь этот ближайший год, если я женюсь, как вы говорили вчера, согласно Моисееву закону.

«А что касается штанов, то моя двоюродная бабушка Лоренса когда-то говорила мне, что они существуют только ради гульфика. И я так думаю, заключая это подобно милому забавнику Галену, который говорит в книге 9-й, «Об употреблении органов тела», что голова существует ради глаз, потому что природа могла бы поместить нам голову на коленях или на локтях; но, создав глаза, чтобы те смотрели вдаль, она воткнула их в голову, как на палку, на самом верху нашего тела; как мы видим, маяки и высокие башни в гаванях воздвигаются на возвышенном Месте, чтобы свет был виден издали. А так как я желал бы на некоторое время – по крайней мере, на год – отдохнуть от военного ремесла, то есть жениться, я не ношу больше ни гульфика, ни, следовательно, штанов. Гульфик – наиважнейшая часть доспехов у воинов, и я утверждаю вплоть до костра (понятно, исключительно), что турки не вооружены соответственно, – в виду того, что носить гульфик запрещено их законом».

ГЛАВА VIII. Почему гульфик – наиважнейшая часть доспехов воина

– Кажется, вы хотите утверждать, – сказал Пантагрюэль, – что гульфик в военных доспехах – важнейшая часть? Парадоксальная и новая теория, потому что мы говорим, что вооружаться начинают со шпор.

– А я утверждаю это, и утверждаю не без основания. Взгляните на природу, которая, желая растения, деревья, кусты и травы и зоофиты, созданные ею однажды, сохранить на все времена, так чтобы виды оставались, хотя бы отдельные особи и погибали, – любопытно вооружила их зародыши и семена, в которых и заключается это постоянство видов, и снабдила и покрыла с удивительным искусством шелухой, костяной оболочкой, скорлупой, шипами, корой, колючими иглами, которые для растения то же, что прекрасные крепкие естественные гульфики. Пример этого очевиден на горохе, бобах, фасоли, орехах, персиках, лимонах, каштанах, на зерновом хлебе – на всех растениях вообще. Мы на них ясно видим, что зародыши и семена более тщательно закрыты, защищены и вооружены, чем любая другая часть растения.

«Но о сохранении человеческого рода подобным образом природа не позаботилась. Наоборот: она создала человека голым, нежным и хрупким, не снабдила его ни наступательным, ни оборонительным оружием, в состоянии невинности, в золотом веке; создала его как существо одушевленное, а не растение, как существо, рожденное для мира, не для войны, рожденное для радости и наслаждения всеми плодами и растениями, для мирного владычества над всеми животными. Но когда среди людей, при наступлении железного века и царствования Юпитера, умножилось зло, – земля начала производить крапиву, репейник, чертополох и всяких других бунтовщиков среди растительного мира против человека. С другой стороны, почти все животные, по роковому предопределению, отдалились от человека и молчаливо составили заговор не служить ему больше, не повиноваться, но, поскольку они в силах, противиться ему и вредить. Человек, желая удержать возможность первоначального наслаждения и власти в своих руках и в то же время не будучи в состоянии обходиться без услуг многих животных, должен был заново вооружиться».

– Клянусь святым гусем святого Женэ¹⁸⁵, – воскликнул Пантагрюэль. – После последних дождей ты сделался настоящим лифрелофром и даже, можно сказать, философом.

– Посмотрите, – сказал Панург, – как природа внушила ему вооружиться, и какую часть тела он вооружил сначала.

«Начал он вооружаться с господина Приапа. Так свидетельствует еврейский вождь и философ Моисей, утверждающий, что человек вооружился славным и изящным гульфиком, весьма искусно сделанным из фиговых листьев. Эти листья просты и вполне удобны, по своей твердости, гладкости, величине, цвету, запаху и прочим достоинствам, для закрытия соответствующих мест...»¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Бретонский святой, которого обычно изображали с гусем.

¹⁸⁶ Продолжение главы приходится опустить вследствие его непристойности.

ГЛАВА IX. Как Панург советовался с Пантагрюэлем о своей женитьбе

Так как Пантагрюэль ничего не отвечал, Панург продолжал свою речь. Глубоко вздохнув, он сказал:

– Вы, государь, слышали о моем решении, то есть о моей женитьбе, если только благодаря неблагоприятным обстоятельствам все ходы к тому для меня не будут закрыты и наглухо заключены. Заклинаю вас давнишней вашей любовью ко мне, скажите мне об этом ваше мнение!

– Раз вы, – отвечал Пантагрюэль, – бросили жребий и приняли твердое решение, – больше говорить нечего, а остается только привести свое намерение в исполнение.

– Пусть так, – сказал Панург, – но я не хотел бы исполнять его без вашего совета и согласия.

– Я, – ответил Пантагрюэль, – согласен с вами и советую вам это.

– Но, – сказал Панург, – если вы думаете, что лучше мне было бы остаться в теперешнем моем положении, как я есть, и не искать новизны, – так я бы предпочел не жениться.

– Ну, так и не женитесь, – отвечал Пантагрюэль.

– Так вы хотите, – сказал Панург, – чтобы я так оставался всю жизнь одиноким, без супружеского сообщества? Вы ведь знаете, что написано: «Горе одинокому!» Одиноким человек никогда не имеет таких утех, как женатый.

– Ну, так женитесь, ради бога, – ответил Пантагрюэль.

– Но если, – сказал Панург, – если жена мне наставит рога, в этом году, вы знаете, особенно много рогоносцев, – ведь этого будет довольно, чтобы окончательно вывести меня из терпения. Правда, я очень люблю рогоносцев, они люди славные, и я охотно вожу с ними компанию. Но лучше умереть, чем самому им стать. Это обстоятельство меня весьма беспокоит.

– Ну, так и не женитесь, – ответил Пантагрюэль. – Ведь мнение Сенеки правильно всегда, без исключения: «Как ты поступишь с другим, так, будь уверен, другой поступит с тобой».

– Вы говорите, – спросил Панург, – это – правило без исключения?

– Сенека говорит: без исключения, – ответил Пантагрюэль.

– О-го-го! – сказал Панург. – Черта с два! А какой свет он разумеет, – этот или тот? Пусть даже так, – но если я не могу обойтись без жены, как слепой без клюки (мне ведь надо наслаждаться, иначе я не могу жить), так не лучше ли мне соединиться с какой-нибудь честной и целомудренной женщиной, чем менять каждый день женщин, подвергаться постоянной опасности быть избитым, или, что хуже всего, заболеть?... А честных женщин у меня не было: пусть не прогневаются их мужья.

– Ну, так женитесь, ради бога, – ответил Пантагрюэль.

– Но если, – сказал Панург, – богу будет угодно, и случится так, что я женюсь на порядочной женщине, а она будет меня бить, – ведь я буду несчастнее Иова, если не взбешусь сейчас же. Мне говорили, что порядочные женщины обыкновенно сварливы, а потому несносны в семейной жизни. Я с ней буду поступать еще хуже, – избыю ее всю, ноги, руки, голову, легкие, печень и селезенку, раздеру ей на клочки платье, так что сам великий дьявол не заждется ее души! Без таких дряг я хотел бы обойтись, – хоть на этот год, а хорошо бы и навсегда.

– Ну, так не женитесь, – отвечал Пантагрюэль.

– Хорошо, – сказал Панург, – но когда я чист от долгов, как теперь» и не жениться?! Заметьте, я говорю, чист от долгов, к несчастью. Будь у меня много долгов, – мои кредиторы слишком позаботились бы, чтобы я стал отцом. Но без долгов – и не женат, у меня нет никого, кто бы так заботился обо мне, питал бы ко мне такую любовь, которую называют супружескою любовью. А если случайно я заболею, меня будут лечить только наоборот. Мудрец говорит: «Там, где нет жены, – я разумею, матери семейства, законной супруги, – больному тяжело при-

ходится». Я имел достаточно опыта в этом отношении, наблюдая пап, легатов, кардиналов, епископов, разных аббатов, приоров, священников и монахов. Ну, в таком положении вы никогда меня не увидите.

– Ну, так женитесь, ради бога, – ответил Пантагрюэль.

– Но что если, – сказал Панург, – я буду болен и не буду в состоянии исполнять супружеские обязанности, а жена моя, не вытерпев моей слабости, отдастся другому, и не только не будет помогать мне в беде, а еще и насмеется над моим несчастьем и (что еще хуже) обернет меня, – что, как я видел, часто случается? Тогда для меня конец, только и останется бежать, куда глаза глядят.

– Ну, так не женитесь, – сказал Пантагрюэль.

– Хорошо, – сказал Панург, – но ведь в таком случае у меня никогда не будет законных сыновей и дочерей, которым бы я мог надеяться передать имя свое и герб, и которым я бы мог оставить состояние, наследственное и благоприобретенное (а ведь я приобрету его в одно прекрасное утро, можете не сомневаться: я буду иметь большие доходы). С детьми я мог бы порадоваться, когда меня постигли бы неприятности со стороны посторонних, как я ежедневно вижу в отношении вашего славного и доброго отца и всех порядочных людей в их домашнем кругу. Без долгов и холостой, – если меня постигнет какая-нибудь неудача, то, вместо того чтобы меня утешить, вы же надо мной посмеетесь.

– Ну, так и женитесь с богом, – ответил Пантагрюэль.

ГЛАВА X. Как Пантагрюэль доказывает Панургу, что давать советы в брачных делах – очень трудная вещь, – и о гаданиях по Гомеру и Вергилию

В ряде следующих глав идет продолжение этого разговора, остроумного в начале, но в конце концов скучного. Раблэ заимствовал содержание этих глав отчасти из ходячих в его пору произведений, в роде трактата Тирако «О брачных узаконениях» (1513 г.), на латинском языке, или проповеди Раулина «О вдовстве», тоже на латинском. В главе десятой Пантагрюэль между прочим говорит, что в брак следует вступать с завязанными глазами, и что недурно гадать по Вергилию о будущей брачной судьбе. Далее идут примеры из древности, вроде того, что Брут перед битвою при Фарсале (в которой он был убит) раскрыл Гомера и напал на 849-й стих XVI песни «Илиады». (Между прочим, Раблэ в этом не точен, так как Брут был убит в сражении при Филиппах.) Далее идут примеры гаданий по «Энеиде» Вергилия. Все эти примеры взяты Раблэ из сочинений Лампридия, Спартиана, Поллиона и Капитолина, за исключением последнего примера, из жизни некоего друга Раблэ, монаха Пьера Лами, которому попался стих: «Neu! fuge crudeles terras, fuge litus avarum», когда он гадал о том, спасется ли от сетей демона. Стих советовал ему «бежать этих жестоких краев и скупых берегов», – и Лами после этого «ускользнул из дьявольских рук цел и невредим». Глава десятая кончается признанием Пантагрюэля, что предсказанная таким гаданием судьба «не неотвратима».

ГЛАВА XI. Как Пантагрюэль доказывает непозволительность гадания: на костях

Когда Панург предложил вместо гадания на поэтах погадать на костях, Пантагрюэль ответил, что такое гадание постыдно и богомерзко. Отец его Гаргантюа сжег шрифт проклятой книги: «Passe-temps des dez» («Времяпрепровождение с помощью костей»). Не лучше этого гадания и другое – на косточках «талес».

Тем не менее друзья выбросили кости, взяв их из Панургова кошелька, который был ими битком набит: Выпали очки: 5, 6, 5. Посмотрели на шестнадцатую страницу Вергилия; прежде чем прочесть ее, еще поболтали о том, что Панург обыграет свою жену в первую же ночь шестнадцать раз, – в чем, впрочем, Пантагрюэль не сомневался.

ГЛАВА XII. Как Пантагрюэль расследует, гадая по Виргилию, каков будет брак Панурга

Первый выкинутый костями стих Виргилия: «Nec deus hunc mensa, dea nec dignata cubili est», то есть: «Он не был достоин сидеть за столом бога, я не имел места на ложе богини», был истолкован Пантагрюэлем в том смысле, что жена Панурга будет развратницей, а он сам – рогоносцем. Богиня, по мнению его, это – девственница Минерва; бог – Юпитер-громовержец.

ГЛАВА XIII. Как Пантагрюэль советует Панургу гадать о том, будет ли его брак счастливым или нет, по снам

Пантагрюэль советует Панургу обратиться еще к одному способу узнать будущее, – к снам. И объясняет значение снов следующим образом.

Когда ребенок вымыт и накормлен, он спит глубоким сном, и кормилица может уйти на время, так как ее присутствие не является необходимым. Так и наша душа, когда тело спит и до пробуждения ни в чем не нуждается, – отлетает на свою родину, то есть на небо. Там она приобщается к созерцанию не только прошедшего, но и будущего, и по возвращении на землю сообщает об этом через телесные органы друзьям. Это и называется предсказанием или пророчеством.

– Правда, что она передает их не с такой точностью, как видела, чему препятствует несовершенство и хрупкость телесных чувств, подобно тому как луна, получая свет от солнца, не передает нам его столь ясным и чистым, столь ярким и пламенным, как она его получила. Поэтому-то необходимы для толкования снов мудрые, разумные и искусные в толкованиях «онирокриты» и «онирополы», как их называли древние греки. Вот почему Гераклит говорил, что сны ничего перед нами не раскрывают, а равно ничего от нас и не утаивают. Они посылаются нам только как знамение и указание на грядущие события, на то счастье или те беды, что ожидают нас самих, или на чужое счастье или несчастье.

И священное писание и светские истории удостоверяют тысячи случаев, происшедших согласно снам как самого сновидца, так и другого лица.

«Жители Атлантики и острова Фасоса, одного из Цикладских островов, лишены этого преимущества, так как у них никто никогда не видит снов. Так было и с Клеоном Давлийским, Фрасимедом, а в наши дни с ученым Вилланованом, французом, которые никогда не видали снов.

«Итак, завтра в тот час, когда веселая розоперстая Аврора прогонит ночную тьму, – поглубже засните. Но только освободите себя от всяких человеческих склонностей: любви, ненависти, надежды и страха. Как некогда великий прорицатель Протей, превращаясь в огонь, в воду, в тигра, в дракона и принимая другие странные личины, не мог предсказывать будущее: для этого было необходимо, чтобы он был восстановлен в своем собственном первоначальном виде; так и человек не может воспринять божество и получить дар прорицания, если наиболее божественная часть его, то есть разум и дух¹⁸⁷, не будет находиться в полном мире и спокойствии и будет занята и отвлечена страстями и внешними чувствами».

– Мне бы хотелось этого, – сказал Панург. – Но как надо сегодня поужинать: побольше или поменьше? Я спрашиваю об этом не без причины. Потому что – если я обильно и вкусно не поужинаю – сон мой ничего не стоит. Всю ночь мне лезут в голову разные бредни, такие же пустые, как и мой желудок.

– Все не ужинать, – отвечал Пантагрюэль, – было бы лучше всего, принимая во внимание вашу дородность и привычки. Амфиарай, древний прорицатель, требовал от тех, кто получал его предсказания во сне, весь тот день ничего не есть, а вина не пить три предыдущих дня. Но мы к такой суровой и крайней диете прибегать не будем.

«Я хотя и считаю, что человеку объевшемуся и опившемуся трудно получить какое-нибудь знамение из области духа, но во всяком случае не разделяю мнения тех, кто полагает, что путем продолжительного и упорного поста можно скорее достичь созерцания вещей небесных.

¹⁸⁷ «Nous» и «Mens» сказано у Раблэ.

«Достаточно вспомнить, как отец мой Гаргантюа (чье имя произношу я с почтением) говаривал часто, что писания отшельников-постников столь же бледны, вялы и постны, как были худы их тела, когда они сочиняли. Трудно допустить, чтобы дух оставался здоровым и ясным, когда истощено тело, – имея в виду, что, по утверждению философов и медиков, духи животных сил вздымаются, рождаются и действуют в нас благодаря артериальной крови, которая очищается, утончается и совершенствуется, проходя через удивительную сетку, которая лежит под желудочками мозга.

«В пример приведем некоего философа, который считал, что в одиночестве и вдали от толпы ему будет удобнее сочинять, размышлять и комментировать, а между тем всякий раз вокруг него лаяли собаки, выли волки, рыкали львы, ржали лошади, ревели слоны, шипели змеи кричали ослы, трещали цикады, ворковали горлицы. И это ему мешало больше, чем мешал бы шум на ярмарке в Фонтенэ или в Ниор, – потому что тело его чувствовало голод, а для того, чтобы заглушить его желудок урчит, в глазах темнеет и жилы высасывают субстанцию из мясистых частей тела и тянут вниз блуждающий дух, который пренебрегает своим кормильцем и хозяином, то есть телом. Подобно тому как птица, прикрепленная у ловчего к руке, пытается взлететь на воздух, но тотчас же, благодаря бечевке, вынуждена снизиться вновь.

«Тут кстати будет сослаться на авторитет Гомера, отца всякой философии, который говорит, что греки только тогда, а не раньше, прекратили свой плач по Патрокле, великом друге Ахилла, когда голод дал себя знать, и желудки их отказались снабжать их слезами. Ибо в телах, изнуренных долгим постом, не остается чем плакать и откуда брать слезы. Золотая середина всегда похвальна; а потому и в этом случае придерживайтесь ее.

«Не ешьте на ужин ни бобов, ни зайца, ни другого мяса, ни полипов, ни капусты, ни какой-либо другой еды, которая могла бы смутить и расстроить духов ваших животных сил. Потому что, как зеркало не может представить образов стоящих перед ним предметов, если поверхность его затуманена от дыхания или от дурной погоды, так и дух не воспринимает во сне предзнаменований, если тело обеспокоено и смущено испарением и дымом ранее съеденных кушаний, по причине симпатии, неразрывной между телом и духом.

«Вы съедите несколько хороших груш: крустумийских и бергамотов, яблок с коротким черенком, турецких слив и вишен из моего сада. Вам тогда нечего будет бояться, что ваши сны будут сомнительными или обманчивыми и подозрительными, – как утверждали иные перипатетики¹⁸⁸ относительно осенних снов, будто они носят такой характер оттого, что люди тогда больше питаются плодами, чем в другое время года. А древние пророки и поэты мистически поучают нас тому, что пустые и обманчивые сны лежат на земле, прикрытые опавшими листьями, потому что осенью листья опадают с деревьев. Естественное брожение, столь обильное в свежих плодах, которое путем испарения с легкостью передается животным частям, уже давно прекратилось.

«Выпьете также прекрасной воды из моего источника».

– Условия ваши, – сказал Панург, – для меня тяжеловаты. Но все-таки я соглашаюсь на них. Это стоит того; но я требую раннего завтрака, сразу после сновидений. А затем поручаю себя двум Гомеровым вратам, Морфею, Ицелону, Фантазусу и Фобетору. Если они помогут мне в моем деле, я воздвигну им веселый алтарь, весь из тонкого пуха. Если бы я в Лаконии посетил храм Ино и постоял там между изображениями Этила и Таламэса, – вся сложность моего положения, наверно, разрешилась бы в чудесных и радостных сновидениях.

Затем он спросил у Пантагрюэля:

– А не хорошо ли будет положить под подушку несколько лавровых ветвей?

– Не нужно, – отвечал Пантагрюэль, – это суеверие, и то, что об этом писали Серапион Аскалонит, Антифон, Филохор, Артемон и Фульгенций Планкиад, – было шарлатанством. То

¹⁸⁸ Философы Аристотелевой школы, ведшие свои занятия прохаживаясь.

же самое приходится сказать и о левом плече крокодила и хамелеона, не к чести старика Демокрита. Да и о бактрианском камне «Добромере». И про рог Аммона: так эфиопы называют один драгоценный камень с золотым отливом, по форме в роде бараньего рога, как рог у Юпитера Аммонского. Они утверждают, что сны людей, носящих такой камень, непогрешимо истинны, как божественный оракул. А вот, к случаю, что пишут Гомер и Вергилий о двух вратах к сновидениям, про которые вы вспомнили. Одни врата из слоновой кости, и через них входят сны смутные, недостоверные и обманчивые, – так как через слоновую кость, как бы вы ее ни утончали, ничего нельзя видеть – плотность и непрозрачность ее мешают проникновению духов зрения и восприятию видимых предметов. Другие врата – роговые; через них проходят сны верные, истинные и непреложные, так как через рог, благодаря его прозрачности, все предметы различаются вполне точно.

– Вы хотите этим сказать, – сказал брат Жан, – что сновидения господ рогоносцев – каким будет и Панург (с помощью бога и своей жены) – всегда верны и не обманчивы?...

ГЛАВА XIV. Сон Панурга и его истолкование

К семи часам утра на следующий день Панург явился к Пантагрюэлю. В комнате находились Эпистемон, брат Жан, Понократ, Эвдемон, Карпалим и другие. Когда пришел Панург, Пантагрюэль сказал им:

– Вот и наш сновидец!

– Это слово, – сказал Эпистемон, – когда-то дорого стоило сыновьям Иакова и дорого было продано.

Тогда заговорил Панург:

– А со мною было то же, что со сновидцем Гильо. Мне столько снилось, но я не понял ничего, кроме того, что, по моим сновидениям, у меня есть жена, молодая, любезная и совершенной красоты, которая обращается со мной нежно и ласково, как с балованным младенцем. Никогда не было человека счастливее и радостнее меня. Она меня ласкала, щекотала, чесала, щупала, целовала, обнимала – и в шутку приставляла ко лбу пару маленьких хороших рогов. Я, дурачась, убеждал ее, что она должна поместить их мне под глаза, чтобы лучше видеть, куда ее бодать, и чтобы Момус не нашел в них чего-нибудь незаконченного и требующего исправления, как он сделал это в расположении бычьих рогов. Моя дурочка, несмотря на мои увещания, втыкала их еще выше. При этом мне совсем не было больно, – случай, достойный удивления. Немного спустя мне показалось, что я – уж не знаю, каким чудом – превратился в тамбурин, а она – в сову. Тут мой сон прервался и я проснулся и вскочил – сердитый, угнетенный и негодующий.

«Ну, вот целое блюдо снов; угощайтесь и толкуйте, как понимаете. Карпалим, пойдем завтракать!»

– Я так понимаю, – сказал Пантагрюэль, – если только имею некоторое понятие в искусстве отгадывания снов, – что ваша жена не приставит вам, так сказать, настоящих, снаружи заметных рогов ко лбу, какие носят сатиры. Но она не будет хранить по отношению к вам супружеской верности, будет отдаваться другим, и сделает вас рогатым. Артемидор, как я уже сказал, дает ясное толкование по этому пункту. Точно так же вы никогда не превратитесь в тамбурины сами, но она вас будет бить, как бьют тамбурины на свадьбах.

И она не станет настоящей совой, но она вас будет обкрадывать, как свойственно совам. Вы видите, что ваш сон вполне совпал с гаданием по Вергилию: вы будете рогаты, вас будут бить и обирать.

Тогда брат Жан воскликнул:

– Ей-богу, он говорит правду: будешь ты, добрый человек, рогат, уверяю тебя – с прекрасными рогами.

Ха-ха-ха! Учитель наш рогатый! Храни тебя бог, скажи нам что-нибудь в поучение, а я пойду по приходу со сбором.

– Наоборот, – сказал Панург. – Сон мой предсказывает, что мой брак будет полон счастья, как рог изобилия. Вы говорите, что будут рога сатира. «Amen, amen, fiat, fiat, ad differentiam rарае»¹⁸⁹. Значит, я буду неутомим и стараться вовсю, как сатиры: вещь, которой все желают, и лишь немногие получают от небес. Следовательно, я никогда не буду рогоносцем. Ибо такой недостаток у мужа есть необходимая и единственная причина того, что ему наставляют рога. Что заставляет бездельников просить милостыню? То, что дома им нечем наполнить свой

¹⁸⁹ «Аминь, аминь, да будет так, в отличие от папы!» Первые слова составляют формулу, употребляемую в католическом богослужении. Слово «fiatur» – испорченная латынь: «да сбудется». «В отличие от папы», – прибавлено Панургом для издевательства.

мешок. Что заставляет волка выходить из леса? Недостаток в пище. Что заставляет женщину развратничать? Понимаете сами!

«Спрашиваю у господ ученых, у господ президентов, советников, адвокатов, прокуроров и у других толкователей почтенной статьи «О холоде и голоде».

«Кажется, – извините, если я ошибся, вы заблуждаетесь, когда толкуете рога в смысле рогоносца. Диана носит на голове рога в виде красивого полумесяца: что же она – рогата? Как же, черт возьми, она может быть рогата, если она никогда не была замужем! Пожалуйста, выражайтесь правильнее, – а то она с вами сделает то же, что некогда с Актеоном! Добрый Вакх носит рога, Пан, Юпитер Аммонский – и столько других. Что же они – рогоносцы? Юнона, по вашему, – распутница? А ведь по фигуре «Металепсис»¹⁹⁰ следовало бы вывести такое заключение.

«Ведь при наличии отца и матери назвать ребенка «подкидышем» или «ублюдком» – это то же, что молча и прилично назвать его отца рогоносцем, а мать распутницей. Скажем лучше: рога, что приставила мне во сне жена, – рога изобилия и всяких благ. Уверяю вас.

«Вдобавок я буду весел, как тамбурин на свадьбе, – вечно звенеть, вечно шуметь, всегда жужжать, всегда п... Верьте, что это мое счастье. Моя жена будет чистенькой и миленькой, как маленькая совушка. А кто этому не верит, пусть убирается к черту».

– Я отмечаю, – сказал Пантагрюэль, – последний пункт того, что вы сказали, и сравниваю его с первым: сначала вы были упоены своим сном, а под конец проснулись, внезапно вскочив, в сердцах и в негодовании и угнетении.

– Конечно, – сказал Панург, – ведь я же не ел ничего!

– Все пойдет к худу, я предвижу. Узнайте же за верное, что когда просыпаются внезапно, в негодовании и гневе, – то сон означает или предсказывает какое-нибудь зло. Означает зло, то есть болезнь злокачественную, скрытую, коварную, заразительную, таящуюся в недрах тела; она, благодаря сну, который, согласно медицинским опытам, всегда усиливает действие пищеварения, начинает проявляться и подниматься к поверхности тела. Благодаря этому неприятному движению ваш покой нарушается, и чувствительность ваша предупреждается к принятию мер. Как говорится в пословице: это все равно, что раздражить осу или разбудить спящую кошку. Или странное пробуждение предвещает зло. Это значит, что когда душа находится в состоянии предвещающего сна, то пробуждение предупреждает о том, что вам предназначено и готовится какое-нибудь несчастье, которое в скором времени обнаружится в своем Действии.

«Примеры: сон и внезапное пробуждение Гекубы. Или сон супруги Орфея, Эвридики. Обе они, по рассказу Энния, вскочили от сна в ужасе; Потом, действительно, Гекуба увидела собственными глазами смерть своего мужа Приама и своих детей и гибель своей родины. Эвридика же вскоре после сна умерла тяжелой смертью. Или – Эней, увидев во сне, что разговаривает с покойным Гектором, вскочил, внезапно проснувшись. И в эту самую ночь Троя была разорена и сожжена. В другой раз он же видел во сне своих богов-покровителей и пенатов. Он проснулся в ужасе, и в тот же день ему пришлось перенести ужасную бурю на море. Турн, понуждаемый во сне фантастическим видением адской фурии начать войну против Энея, вскочил в негодовании, внезапно проснувшись: и потом он был убит, испытал многие мучения, тем же Энеем.

«И тысячи других снов. Раз я завел речь об Энее, так вспомните что Фабий Пиктор говорит, как он никогда не предпринимал ничего и вообще с ним ничего не случилось такого, чего бы он предварительно не узнал или не предвидел, благодаря сонным откровениям.

«В этих примерах нет ничего противоречащего разуму, потому что сон и покой суть дары и особые благодеяния богов, как утверждают философы и свидетельствует поэт, говорящий:

¹⁹⁰ Фигура «остатка» или «исключения».

Когда на утомленных жизнью людей
Нисходит сон, сей дар небес...¹⁹¹

«Такой дар не может приводить к негодованию и гневу без того, чтобы великое несчастье не предвещалось им. Иначе покой не был бы покоем, а дар – даром.

«Допустим, что за обильным столом сидит какой-нибудь отец семейства с хорошим аппетитом, и вдруг, в начале трапезы, он вскакивает в испуге. Не знающий причины этого очень бы изумился. Но в чем же дело? А он слышит, как где-то вдалеке слуги кричат: «Пожар!», или служанки кричат: «Разбой!», или дети кричат: «Убийцы!»

«Конечно, надо бросить обед, бежать, чтобы помочь и навести порядок. В самом деле, я припоминаю, что каббалисты и масореты, истолкователи священного писания, рассказывая, что часто ангелы сатаны принимают личины ангелов света, указывают способ, каким можно доподлинно узнать истину: какие ангелы появляются. Разница между этими видами ангельских сил, по их словам, заключается в том, что доброжелательный ангел-утешитель появляется к человеку сначала в грозном виде, а потом дает ему утешение и оставляет его довольным и радостным. Между тем как злой ангел-соблазнитель сначала радует человека, а под конец оставляет его расстроенным, разгневанным и смущенным».

¹⁹¹ Стихи 268–269 из II песни «Энеиды». Раблэ приводит их в рифмованном французском переводе.

ГЛАВА XV. Извинение Панурга и изложение монастырской каббалы по вопросу о солонине

– Бог хранит от зла, – сказал Панург, – того, кто хорошо видит и ничего не слышит. Вас я, например, хорошо вижу, но вовсе не слышу вашего голоса и не знаю, что вы говорите. У голодного брюха нет слуха. Ей-богу, я зареву от голодного бешенства. Это после такой непосильной работы! Тот будет похитрее магистра Муши, кто еще раз сумеет меня в этом году заставить видеть сны. Как, черт возьми! Не ужинать? К дьяволу! Пойдем, брат Жан, пойдем завтракать! Когда я вовремя позавтракаю и желудок мой очищен и выкачан, то в случае нужды и необходимости я, пожалуй, обойдусь без обеда. Но не ужинать! К дьяволу! Это ошибка, это извращение природы! Природа создала людей для того, чтобы упражнять свои силы, работать и заниматься каждому своими делами, а чтобы это удобнее было делать, она снабдила нас свечами, то есть веселым и радостным солнечным светом. А вечером она у нас отнимает свет, молча говоря этим: «Вы, дети, – хорошие люди. Будет вам работать! Подходит ночь: надо прекращать работу и подкрепиться хорошим хлебом, хорошим вином, хорошими яствами, а затем немного повеселиться, лечь и уснуть, чтобы наутро встать свежими и работоспособными, как накануне».

«Отлично понимал это и тот славный папа, что первый установил посты. Он приказал поститься только до девятого часа, – остаток дня был предоставлен для свободного насыщения.

«В прежнее время мало кто обедал, как монахи и каноники. Да у них и нет другого занятия: каждый день у них праздник, и они старательно соблюдают монастырскую поговорку: «*de missa ad mensam*» (от обедни к обеду). Только, пожалуй, они своего аббата не станут ждать, не садясь за стол; вот сидя за столом, они его подождут, сколько ему угодно, – но не иначе и не в другом положении.

«Все люди ужинают, кроме разве каких-нибудь мечтателей-сновидцев. Потому-то ужин и называется «соене», то есть нечто всеобщее. Ты знаешь это прекрасно, брат Жан. Ну, пойдем, дружок, черт побери, пойдем! Желудок мой урчит от голода как собака. Бросим же ему в пасть побольше супа, чтобы усмирить его, по примеру Сивиллы в отношении Цербера.

«Ты любишь овощные похлебки, а мне больше нравятся с лавровым листом, с прибавкой даже куска земледельца, в девятый час просоленного».

– Я тебя понимаю, – отвечал брат Жан, – ты извлек эту метафору из монастырского котла. Земледельцем называешь ты быка, что пашет или пахал. Просолить в девятый час – это значит: проварить вполне. Наши добрые духовные отцы, руководясь известным древним каббалистическим установлением – не писанным, но передававшимся из уст в уста, – в мое время, встав к заутрени, прежде чем войти в церковь, делали известные знаменательные приготовления. Плевали в плевательницы, блевали в блевательницы, мечтали в мечтательницы, мочились в писсуары. Все для того, чтобы не принести чего-нибудь нечистого с собой на богослужение. Совершив это, благочестиво входили в священную часовню (так называли они на своем жаргоне монастырскую кухню) и благочестиво заботились, чтобы тогда же был поставлен на огонь бычок для завтрака братьев господ нашего. Они сами под котлом частенько разводили огонь. А так как на заутрене читается девять часов, то они поднимались утром раньше, а следовательно, вместе с числом часов увеличивались аппетит и жажда больше, чем если бы на заутрене читался только один или три часа. Чем раньше вставали, как говорит каббала, тем раньше и бык ставился на огонь; чем дольше он там стоит, тем больше варится; чем больше варится, тем становится нежнее, легче для зубов, для нёба вкуснее, тем менее отяготителен для желудка и тем питательнее для добрых монахов.

«А это и было единственной целью и первой задачей основателей монастыря, принимая в соображение, что они вовсе не едят для того чтобы жить, а живут для того, чтобы есть, и только для того и живут в этом мире. Пойдем же, Панург!»

– Теперь, – сказал Панург, – понял я тебя. Вот она в чем каббала.

Ну, проценты твои ростовщические я прощаю тебе; довольствуюсь одними издержками, после того как ты так изложил нам любопытную главу кулинарной монастырской каббалы. Идем, Карпалим! Брат Жан, мой друг, идем! А вам, господа, всяких благ. Я довольно повидал снов, чтобы выпить. Идем!

Не успел кончить Панург, как Эпистемон громко воскликнул:

– Самое обыкновенное дело у людей – это понимать, предвидеть, знать и предсказывать чужую беду. Но как редко бывает, когда предвидят, узнают, предсказывают и понимают собственную беду! Эзоп очень остроумно изобразил это в своих притчах, говоря, что каждый человек, рождаясь в этот мир, несет на шее суму, в одном кармане которой, висящем спереди, наложены всякие чужие ошибки и беды, которые всегда на виду; а в заднем кармане находятся собственные наши ошибки и несчастья, которых никому не видно, кроме тех, к кому небо особенно благоволит.

ГЛАВА XVI. Как Пантагрюэль советует Панургу побеседовать с панзустской Сивиллой

В этой главе Пантагрюэль рассказывает Панургу анекдот про Александра Великого. После победы над Дарием к Александру явился некий купец из города Сидона и объявил, что у него есть средство дать знать о победах Александра в Индии на родину, в Македонию, в пять дней. А сам Александр в такой же срок может узнать о том, что происходит в Египте и в Македонии. Александр не захотел выслушать нелепого изобретателя и долго после этого раскаивался.

Близ Крулэ, в Панзусте, живет весьма мудрая Сивилла, предсказывающая будущее, к которой Пантагрюэль советовал отправиться Панургу, захватив с собой Эпистемона.

Последний возразил, что вряд ли разумно советоваться со старыми женщинами в таком месте, которое пользуется дурной славой, как в древности Фессалия, где было много колдунов. Спрашивать советов у колдунов запрещено Моисеевым законом.

Но Панург заявил, что «советы женщин, и даже старых, ему всегда на пользу». Желудок его в таких случаях действует раза два в день, и притом превосходно. Древние германцы почитали советы старух наравне с советами жрецов. Он сослался также на Пифагора, Сократа и других мудрецов.

Поручив брату Жану на хранение свой гульфик, он увлек за собой Эпистемона, ворчавшего, что если вещунья будет как-нибудь колдовать перед ответом, – он оставит их у порога и дальше не пойдет.

ГЛАВА XVII. Как Панург разговаривает с панзустской Сивиллой

Их путь занял три дня. На третий день им указали на дом прорицательницы, стоявший на горе, под тенью огромного каштана.

Без труда проникли они в крытую соломой хижину, плохо построенную, плохо обставленную, всю закоптелую.

– Ба! – сказал Эпистемон. – Гераклит, великий скоттист¹⁹² и туманный философ, не удивился, когда вошел в такой дом, объяснив своим последователям и ученикам, что боги так же хорошо уживаются здесь, как и во дворце, полном всяких усад. Думаю, что лачужка столь знаменитой Гекаты, в которой она чувствовала юного Тезея¹⁹³, была в таком же роде, как и жилище Гирея и Энопиона, в которое не побрезговали войти Юпитер, Нептун и Меркурий, вместе угощались там и ночевали, а в уплату за расходы выковали Ориона.

В углу очага они нашли старуху.

– Да это настоящая Сивилла, – воскликнул Эпистемон.

Старуха была в жалком положении, плохо одета, имела изнуренный вид, беззубая, с гнозящимися глазами, сгорбленная, скрюченная. Она варила зеленые щи с пожелтевшим салом и похлебку из остатков.

– Зеленое и синее! – вскричал Эпистемон. – Мы промахнулись. Никакого ответа от нее мы не получим, – ведь мы не захватили золотого жезла.

– Нет, я захватил, – ответил Панург. – У меня в сумке есть золотая палочка вместе с хорошенькими золотыми червончиками.

И, сказав это, Панург почтительно приветствовал старуху, подал ей шесть копченых бычьих языков, большой горшок с арабским варевом, плетеную флягу с питьем и кошну из бараньей кожи с только что вычеканенными золотыми. А после всего с глубоким поклоном надел ей на средний палец золотой перстень, в который был вправлен прекрасный «жабий камень».

Затем в коротких словах он изложил ей причины своего прихода и вежливо попросил ее высказать свое мнение о его предстоящем браке.

Старуха несколько мгновений хранила молчание и в раздумье жевала беззубым ртом. Затем уселась на опрокинутую меру, взяла в руки три старых веретена, повертела в пальцах на разный лад, попробовала кончики их, выбрала самое острое, зажала его в руке, а два других бросила под посудину для проса.

Затем взяла прялку, повернула ее девять раз, а на десятый стала следить за движением прялки, не касаясь ее, пока та не остановилась.

¹⁹² Последователи Д. Скотта, английского схоластического философа конца XIII века.

¹⁹³ Знаменитая колдунья Геката (у Раблэ сказано – Гекала), о посещении которой полубогом Тезеем рассказывает Плутарх.

Потом я увидел, как она сняла один из своих башмаков (мы называем такие, «сабо») и покрыла себе голову передником, как попы надевают омофор перед тем, как служить обедню. Затем завязала его ветхим разноцветным лоскутом под самым горлом. Так нарядившись, отпила немалый глоток из фляги, вынула из бараньего кошелька три червонца, положила их в три ореховых скорлупы, поместив последние на дне опрокинутого горшка. Сделала три круга метлой по очагу, бросила в огонь полсвязки вереска и ветку сухого лавра. Молча смотрела, как горит; и увидела, что при горении не было ни шума, ни треска.

Тогда она в ужасе закричала, испуская сквозь зубы какие-то варварские, со странными окончаниями, слова.

Панург сказал Эпистемону:

– Ей-богу, я весь дрожу, и мне кажется, она меня околдовала. Она не говорит по-христиански. Поглядите: она, мне кажется, выросла на четыре пяди с тех пор, как покрыла себе голову передником. Что означает, что она так двигает скулами? Так поводит плечами? Для чего она издает такие звуки губами, точно обезьяна, жующая рака? У меня в ушах звенит, будто Прозерпина завывает под землей. Сейчас, должно быть, покажутся черти. О безобразные твари! Бежим! О змей-искуситель, я умираю от страха. Терпеть не могу чертей! Раздражаюсь при виде их, они отвратительны. Бежим же! Прощайте, сударыня. Большое спасибо за ваше добро. Нет уж, я не женюсь, никак нет! Раз навсегда отказываюсь от этого.

Он уже начал выбираться из комнаты, как старуха предупредила его и с веретеном в руке вышла из комнаты во двор при доме. А во дворе росла старая сикомора. Она трижды потрясла рукой дерево. Упало восемь листов, и старуха написала на них своим веретеном несколько коротких стихов. Затем бросила их по ветру и сказала:

– Ищите, если хотите; найдите, если можете: роковая судьба вашей брачной жизни на них написана.

Сказав эти слова, вернулась в свою берлогу, но на пороге двери задрала себе платье, кофту и рубашку выше ляжек и показала им зад.

Панург, увидев это, сказал Эпистемону:

– Клянусь лесовиком, вот Сивиллина дыра.

Она же неожиданно затворила за собой дверь, и больше ее не видели. Они побежали за листьями и, хотя не без больших усилий, подобрали их, так как ветер разбросал их по кустарнику в долине. Положив их в должном порядке один за другим, они прочитали такие стихи:

Вылущит временной Славы покой.
Будет беременной (Но не тобой).
Соки все высосет (Есть из чего).
Бедного выскоблит —
Но не всего.

ГЛАВА XVIII. Как по-разному толкуют стихи панзустской Сивиллы Пантагрюэль и Панург

Подобрав листки, Эпистемон и Панург вернулись ко двору Пантагрюэля, отчасти довольные, отчасти же в раздражении. Довольные тем, что вернулись; раздраженные трудной дорожкой, которая была и скользкой, и каменистой, и вообще содержалась не в порядке.

Они сделали Пантагрюэлю подробный отчет о своем путешествии и о том, какова оказалась Сивилла, и затем показали ему листки сикоморы и надпись на них в стихах.

Пантагрюэль прочел все и, вздохнув, сказал Панургу:

– Ну, видите, как все сходится! Пророчество Сивиллы ясно предвещает то же, что было указано нам как гаданием на стихах Вергилия, так и вашим собственным сном. Жена ваша опозорит вас: наставит вам рога, отдавшись другому, и, забременев от другого, она порядочно оберет вас; она будет вас бить, ободрав и искалечив некоторые члены вашего тела.

– Вы столько же понимаете, – ответил Панург, – в том, что предсказывается этими стихами, сколько свинья в пряниках. Не обижайтесь на мои слова, потому что я немного раздражен. Правильно будет обратное. Выслушайте меня хорошенько!

«Старуха говорит: подобно тому как боба не видно, если его не вылущить, так и мои совершенства и добродетели никогда не прославятся, пока я не женюсь. Сколько раз я от вас слышал, что суд и служба вскрывают человека и обнаруживают то, что у него скрыто. Иначе говоря, можно узнать, каков человек и чего он стоит, когда увидишь его в деле. Пока человек в частной жизни, подобно бобу в скорлупе, нельзя наверняка узнать, каков он. Вот толкование первого двустипшия. Иначе вам угодно утверждать, что честь и имя порядочного человека висят на хвосте у распутницы.

«Второе двустипшия говорит: жена моя забеременеет (вы понимаете, это ведь главное счастье брачной жизни), но не мной. Черт возьми, я думаю! Прекрасным маленьким младенчиком, вот кем она будет беременна! Я уж люблю его всей душой, я уже без ума от него. Это будет мой маленький бутуз. Какая бы сильная неприятность ни охватила мой дух, все как рукой снимет, только увижу и услышу, как он лепечет на своем младенческом языке. Да будет благословенна старуха! Я хочу назначить ей из моих сальмигонденских доходов хорошую пенсию, и постоянную, как какому-нибудь профессору, а не временную стипендию, как глупым бакалаврам. А вы хотели бы, чтобы жена моя меня в своем лоне носила, меня зачала, меня родила! И чтобы говорили: Панург – второй Вакх: он родился два раза. Как Ипполит или как Протей – первый раз от Фемиды, а второй раз от матери философа Аполлония.

«Третья часть говорит: жена меня высосет¹⁹⁴. Вы аллегорически объясняете это место и толкуете его как кражу и воровство. Я одобряю толкование, аллегория мне нравится, но не в вашем смысле. Может быть, искренняя симпатия ваша ко мне побуждает вас перетолковывать все это не в мою пользу, и с натяжками даже. Клерки говорят, что любовь очень пугливая вещь и нет хорошей любви без боязни. Но по моему мнению, да и вы сами отлично понимаете, в этом случае, как и у многих других латинских и античных писателей, воровство обозначает сладкий плод любви, который Венера желает, чтобы срывали потихоньку и украдкой.

«Другими словами – неужели вы хотите сказать, что она меня оберет и высосет, как высасывают устриц из раковин, и как, по свидетельству Диоскорида, киликийские женщины выбирают зерна алькермеса? О, какая ошибка!

«В конце предсказания говорится: моя жена «выскоблит, но не всего». Превосходно сказано! Вы толкуете это так, что она будет меня бить и истязать.

¹⁹⁴ Продолжение главы приходится опустить вследствие его непристойности.

«Умоляю вас, поднимите немножко ваш ум от земных мыслей к возвышенному созерцанию чудес природы, и вы сами осудите себя за ошибки, совершенные вами при превратном толковании этого пророчества божественной Сивиллы. Предположим (но не допустим) такой случай, что моя жена, по внушению злого духа, захочет со мной сыграть злую шутку, опозорить меня, наставить мне рога, обобрать меня и обидеть. Но это ей никогда не удастся привести в исполнение.

«Причины, заставляющие меня так думать, вполне основательные, и я почерпнул их из недр монастырской пантеологии. Брат Артюр Кюльтан сообщил мне когда-то, – дело было в понедельник утром, и мы ели меру пирогов с начинкой из телятины; помнится, шел дождь. Пошли ему бог счастья!

«При сотворении мира, или вскоре за тем, женщины составили заговор между собой, – ободрать с живых мужчин кожу, потому что те повсеместно хотят главенствовать над ними. Они скрепили договор между собой обещанием и клятвой на святой крови.

«Но – о, тщета женских предприятий! О, как хрупки представительницы этого пола! Начали они обдирать мужчину – или, по выражению Кагулла, «облуплять» его, – с самой приятной для них части.

«И вот прошло более шести тысяч лет, а они до сих пор облупили только кусочек. Иудеи сами даже, с досады, установили для мужчин обрезание, предпочитая называться обрезанными, чем быть, как другие народности, облупленными женским полом. Жена моя, не отставая в этом от других, облупит меня, если надо. Я вполне добровольно пойду на это, но, конечно, не дам облупить себя всего. Уверю вас, добрый король!»

– А вы не отвечаете, – сказал Эпистемон, – почему, увидав нас, она пристально посмотрела и дико и страшно закричала, сунула ветку в огонь, и та сгорела без всякого шума и треска? Вы знаете, что это – печальное предзнаменование и очень страшный знак, как утверждают Проперций, Тибулл, философ Порфирий, Евстафий в своих комментариях на «Илиаду» Гомера и другие.

– И то сказать, – отвечал Панург, – вы ссылаетесь на каких-то телят. Это все сумасшедшие, как поэты, и мечтатели, как философы.

ГЛАВА XIX. Как Пантагрюэль рекомендует советоваться с немymi

Пантагрюэль, когда кончили говорить, долго молчал и казался очень задумавшимся.

А затем сказал Панургу:

– Это вас искушает злой дух. Но слушайте: я читал, что в старое время наиболее истинные и достоверные предсказания давались вовсе не в письменной и не в словесной форме. Много раз они были ошибочны, даже когда считались тонкими и умными, как по причине двусмысленности и неясности слов, так и вследствие краткости изречений. Поэтому Аполлон, бог прорицания, назывался, «Loxias»¹⁹⁵.

«А предсказания, которые давались посредством знаков и жестов, считались наиболее истинными и верными. Таково мнение Гераклита. Такие предсказания давал Юпитер Аммонский, так пророчествовал Аполлон у ассирийцев. На этом основании его изображали с длинной бородой и в одежде старца, умудренного опытом, а не нагим, безбородым юношей, как делали греки.

«Воспользуемся этим способом. Спросите совета у какого-нибудь немого, посредством знаков и без слов».

– Согласен, – вскричал Панург.

– Но, – сказал Пантагрюэль, – надо, чтобы немой был также и глух от рождения, и именно потому немой. Потому что нет более наивного немого, чем тот, который не слышал от рождения.

– Как понимать вас? – возразил Панург. – Если верно то, что тот человек не говорит, который никогда не слышал, как говорят другие, – я бы вас мог заставить логически вывести из этого парадоксальнейшее и несообразное заключение. Но оставим это. Вы, значит, не верите, что написано Геродотом про двух детей, по воле египетского царя Псамметиха помещенных в хижину, где их кормили и воспитывали в постоянном молчании; эти дети по прошествии некоторого срока стали произносить слово «бекус», что по-фригийски означает «хлеб».

– Отнюдь не верю этому, – отвечал Пантагрюэль. – Это обман – утверждать, что у нас есть какой-то естественный язык. Все языки произвольно и совершенно условно созданы разными народами. Звуки, как утверждают диалектики, не имеют никакого значения по природе, но приобретают его по людскому произволу.

«Я не без основания говорю вам это. Бартоль (кн. I «О значениях глаголов») рассказывает, что в его время жил в Эвгубии некий господин Нелло-де-Габриэлис, который случайно оглох. Тем не менее он понимал любого итальянца, как бы тихо тот ни говорил, глядя только на его жесты и движения губ. Кроме того, у одного ученого и изящного писателя я вычитал, что армянский царь Тиридат во времена Нерона посетил Рим, где его приняли торжественно и с пышностью, дабы удержать его вечным другом сената и, римского народа. Не было достопримечательности в городе, которая ему не была бы показана. При его отъезде император преподнес ему чрезвычайные дары и, кроме того, предложил ему выбрать то, что больше всего ему понравилось в Риме, при чем император поклялся, что не откажет ему, чего бы он ни попросил. Он попросил в дар только одного актера, которого он видел в театре и, не понимая его речи, понимал все, что тот выражал знаками и жестикующей. Гость ссылаясь на то, что под его владычеством собраны народы, говорящие на разных языках, и для того, чтобы отвечать им и говорить с ними, ему необходимо пользоваться многими переводчиками, а этот актер

¹⁹⁵ Греческое слово «Loxias» значит «кривой».

мог бы один Удовлетворить всех, потому что он так замечательно показывал все жестами, что казалось, будто он говорит пальцами.

«Однако вам надо отыскать глухонемого от природы, чтобы его жесты и знаки имели наивно пророческое значение, – чтобы они не были надуманными, прикрашенными, натянутыми. Остается только узнать, желаете ли вы взять глухонемого или глухонемую».

– Я бы, – ответил Панург, – охотно взял женщину, да боюсь двух вещей. Первая – это, что женщины, что бы они ни видели, что бы они «и представляли в уме, о чем бы ни думали, – всегда воображают, что дело так или иначе связано со священным фаллусом. Какие бы жесты, знаки или движения вы ни производили в их присутствии, они их будут толковать по-своему и относить к некоему известному процессу. Поэтому мы будем введены в заблуждение, так как женщина будет думать, что все наши знаки имеют отношение к Венере.

«Я вам напомню о том, что произошло в Риме через двести сорок лет по основании города. Один молодой римский дворянин, встретив на горе Целионе даму латинянку, по имени Верона, глухонемую от рождения, спросил ее – со своими италийскими жестами – не зная о ее глухоте, – кого из сенаторов встретила она, поднимаясь на гору.

«Та, не слыша его слов, вообразила, что дело идет о том, что составляло вечный предмет ее мыслей, и чего молодому человеку свойственно желать от женщины. И вот знаками (которые в любви несравненно более действенны, привлекательны и значительны, чем слова) она увлекла юношу к себе в дом и знаками дала понять, что игра ей нравится. В конце концов, без всяких слов они принялись за дело.

«А второе, чего я боюсь, – это, что они могут ничего не ответить на наши знаки, а сразу бухнуться навзничь, соглашаясь на наши молчаливые предложения. А если и ответят какими-нибудь знаками на наши вопросы, – эти знаки будут настолько смешными и глупыми, что мы сами сочтем их имеющими прямое отношение к Венере.

«Вы знаете, что в Крокиньоле, когда монашенка, сестра Фессуя, забеременела от молодого послушника Руадимета, и когда, узнав о ее беременности, аббатисса вызвала виноватую к себе и в присутствии всего капитула обвинила ее в кровосмешении, – та стала оправдываться, ссылаясь на то, что это было сделано без ее согласия и что она была изнасилована братом Руадиметом.

«Аббатисса возразила: – Негодная, ведь это происходило в спальне, – почему же ты не кричала? Мы бы все прибежали к тебе на помощь.

«Та ответила, что она не смела кричать, потому что в спальне должна царить вечная тишина.

«– Но, негодяйка, – сказала аббатисса, – почему ты хоть знаками не дала знать своим соседкам по комнате?

«– Я, – ответила Фессуя, – делала задом знаки, как могла, но никто не пришел на помощь.

«– Но, негодяйка, – продолжала аббатисса, – почему же ты сейчас же не пришла сказать мне об этом и обвинить его, как полагается по правилам? Я бы сделала так, случись это со мной, – чтобы доказать свою невинность.

«– Потому, – отвечала сестра Фессуя, – что я боялась и не хотела пребывать во грехе и быть осужденной, в случае внезапной своей смерти, в ад. Я отисповедывалась у него, раньше чем он ушел из моей кельи, он наложил на меня епитимию: не рассказывать об этом никому. А ведь открыть тайну исповеди – слишком великий грех! И слишком отвратительный перед богом и ангелами его! Могло случиться, что это было бы причиной, что огонь небесный спалил бы все наше аббатство, и все бы мы упали в преисподнюю, как Дафан и Авирон».

– Вы не рассмешите меня этим, – сказал Пантагрюэль, – мне прекрасно известно, что монахи не так боятся нарушить заповеди божьи, как нарушить в чем-либо свой устав.

«Ну, стало быть, берите мужчину. Я считаю подходящим для этого Насдекабра – он и глух и нем от рождения».

ГЛАВА XX. Как Насдекабр отвечает Панургу знаками

Послали за Насдекабром, и он явился на следующий день. Как только он пришел, Панург прежде всего подарил ему жирного тельца, половину свиной туши, два боченка вина, меру хлеба и тридцать франков мелкой монетой. Потом провел его к Пантагрюэлю и в присутствии камергеров сделал такой знак: сначала он позевал некоторое время – и, зевая, изображал пальцем правой руки,водя им у самого рта, греческую букву «тау»; Он сделал это несколько раз.

А затем возвел глаза к небу и стал вращать ими, как выкидывающая недоноска коза, а в это время кашлял и глубоко вздыхал. Сделав это, показал отсутствие гультфика.

Насдекабр с любопытством смотрел на него, а затем поднял на воздух левую руку и сжал в кулак три пальца, за исключением большого и указательного, которые приставил друг к другу ногтями.

– Понимаю, – сказал Пантагрюэль, – что обозначает он этим знаком: он обозначает брак и, кроме того, число тридцать по пифагорейскому учению. Вы будете женаты.

– Большое спасибо, – сказал Панург, обращаясь к Насдекабру, – мой маленький архитриклин, мой графчик, мой фараончик и мой альгвазильчик.

Тогда тот поднял еще выше свою левую руку с вытянутыми пальцами и растопырил их, как только мог.

– Этим он, – сказал Пантагрюэль, – пространнее объясняет нам согласно значению пятеричного числа, что вы будете женаты. И не только будете женихом и станете супругом и мужем, а и то, что вы будете жить и наслаждаться с женой. Потому что Пифагор пятерку называет числом брачным, свадебным, – числом вполне совершившегося брака, по той причине, что это число составлено из триады – первого нечетного и лишнего числа, и из диады – первого четного числа; этим обозначается соединение мужского и женского начал. Действительно, некогда в Риме в день свадьбы, зажигали пять восковых свечей, при чем не дозволялось зажигать больше, как бы ни была богата свадьба, ни меньше, как бы свадьба бедна ни была. Кроме того, в прошедшие времена язычники молились пяти богам или же одному богу приносили пять жертв за новобрачных: Юпитеру брачущему; Юноне, покровительнице свадебного пира; Венере прекрасной; Пифоне, богине убеждения и красноречия, и Диане, за помощь ее при родах.

– Ого, – закричал Панург, – ого, милейший Насдекабр! Я подарю ему мызу близ Синэ и ветряную мельницу в Мирбалэ.

Проделав вышеописанное, немой чихнул замечательно громко, вздрогнул всем телом, при чем повернулся налево.

– Фу ты, черт, – сказал Пантагрюэль, – что ж это такое? Неблагоприятный для вас знак! Это означает, что брак ваш будет несчастным и неблагополучным. Чихание – по учению Терпсиона – один из сократических демонов; чихание направо показывает, что можно смело и уверенно приступить к выполнению своего решения и что дело потечет с начала до конца успешно; чихание налево означает обратное.

– Но вы всегда, – сказал Панург, – все толкуете в худшую сторону и навыворот, как второй Давус. Я ничему этому не верю. И считаю обманщиком этого старого барана Терпсиона.

– Однако, – сказал Пантагрюэль, – Цицерон об этом говорит, не знаю что, во второй своей книге «О гадании».

Потом Панург повернулся к Насдекабру и сделал такой знак: вывернул свои веки, заворочал челюстями справа налево и высунул изо рта язык наполовину. После чего раскрыл свою левую руку (только большой палец держал перпендикулярно к ладони) и приставил ее, вместо гультфика, к штанам. Правую же руку сжал в кулак, кроме большого пальца, который просунул себе подмышку и приложил к спине, повыше ягодиц, – к тому месту, что по-арабски называется «аль-катим».

И сейчас же переменял руки, то есть правую руку сложил точно так же, как только что левую, и заменил ею ту на месте гюльфика; левую же, сложив как прежде правую, положил на аль-катим. Таким образом он переменял руки девять раз. А на десятый привел веки в их естественное положение, челюсти и язык тоже, а потом бросил беглый взгляд на Насдекабра, при чем зажевал губами, как делают кролики, когда едят овес на корню.

Тогда Насдекабр поднял вверх раскрытую правую руку, а затем вложил большой палец – до первого сустава – в отверстие между третьим сочленением третьего и безымянного пальцев, прижав их вокруг большого пальца; остальные суставы этих пальцев приблизил к ладони, а указательный палец и мизинец вытянул вверх. Сложенную таким образом руку он положил на пупок Панургу, при чем, опираясь на два вытянутых пальца, как на ножки, стал нажимать на туловище Панурга большим пальцем, постепенно поднимая руку вверх и проводя последовательно по животу, по груди и шее Панурга. Дойдя до подбородка, сунул ему большой палец в рот, потер затем им же его нос и, добравшись до глаз, сделал вид, будто собирается ему их выдавить.

Панург рассердился и пытался вырваться и отскочить от него. Но Насдекабр продолжал ему тереть большим пальцем то глаза, то лоб, то поля шляпы.

Наконец Панург закричал:

– Ей-богу, сумасшедший господин, вы будете избиты, если не оставите меня в покое. Если вы будете злить меня еще, я сделаю маску из вашей гнусной физиономии.

– Да ведь он, – сказал брат Жан, – глухой. Он не слышит, что ты ему говоришь, этакий... Объясни ему знаками, кулаком по морде.

– Какого дьявола, – сказал Панург, – хочет от меня этот Алиборон? Он мне чуть глаз не выдавил. Ей-богу, клянусь, я его угощу щелчками вперемежку с хорошими оплеухами по обоим щекам!

Немой, видя, что Панург уходит, забежал вперед, остановил его силой, при чем сделал следующий жест: опустил правую руку, вытянув ее до самого колена, и сложил пальцы в кулак, при чем большой палец просунул между третьим и указательным.левой же рукой после этого стал тереть по правой выше локтя, постепенно, по мере трения, поднимая в воздух эту руку до локтя и опуская ее снова. А потом опять опустил ее вниз и, наконец, стал с промежутками то поднимать, то опускать ее, показывая Панургу.

Рассердившись, Панург замахнулся на него кулаком. Однако, из уважения к Пантагрюэлю, воздержался. Пантагрюэль сказал:

– Если уж эти знаки вас сердят, то как вас рассердит то, что они обозначают! Немой предсказывает вам, что вы женитесь, получите рога, будете биты и обобранны.

– На женитьбу, – сказал Панург, – я согласен. На остальное – нет; и прошу вас быть добрым поверить мне, что ни один человек не имел такого счастья ни на женщин, ни на лошадей, какое мне предназначено.

ГЛАВА XXI. Как Панург получает совет от одного старого французского поэта, которого звали Раминагробис

– Я никогда не думал встретить, – сказал Пантагрюэль, – такого упрямого в своих заблуждениях человека, какого вижу в вас. Все-таки, чтобы рассеять ваши сомнения, я готов сдвинуть скалу. Выслушайте мое предложение!

«Лебеди – птицы, посвященные Аполлону, – никогда не поют, кроме как только перед смертью, даже на реке Меандер во Фригии. (Я говорю это потому, что Элиан и Александр Миндий пишут, что видели там много умирающих лебедей, и ни один из них не пел.). Таким образом, пение лебедя служит верным предзнаменованием его близкой смерти, и он не умирает, не пропев предварительно.

«Точно так же и поэты, находящиеся под покровительством Аполлона, приближаясь к смерти, делаются пророками и, по внушению Аполлона, прорицают о грядущем.

«Кроме того я часто слышал, что любой старик, одряхлев и приближаясь к смерти, легко предугадывает будущее. Мне вспоминается, что Аристофан в какой-то комедии называет стариков «сивиллами»...

Пантагрюэль приводит несколько примеров из древности, теорию платоников о роли «добрых демонов» при приближении людей к «спасительной и надежной гавани» – смерти; встречая их приветствиями, демоны даруют им искусство прорицания. После чего Пантагрюэль переходит к делу.

«Близ Вильомера живет старик-поэт Раминагробис, вторым браком женатый на великой Гуорре, от которой у него родилась дочь, прекрасная Базош. Я слышал, что старик накануне смерти. Отправляйтесь к нему и послушайте его лебединую песнь. Быть может, вы получите от него, что вам нужно, и его устами Аполлон разрешит ваши сомнения».

– Хорошо, – отвечал Панург, – пойдем, Эпистемон, к нему поскорей, чтобы нас не опередила смерть. А ты, брат Жан, пойдешь?

– Пойду, – отвечал брат Жан, – очень охотно, из любви к тебе... – потому что я люблю тебя всей печенкой.

Тотчас они отправились и, придя к поэтическому жилью, нашли доброго старика уже в агонии; однако вид у него был веселый, лицо открытое, а взгляд ясный. Поклонившись, Панург надел ему на средний палец левой руки, в виде дара от чистого сердца, золотой перстень с великолепным громадным восточным сапфиром. Затем, подражая Сократу, он подарил ему прекрасного белого петуха, который тотчас же взгромоздился на его кровать, поднял веселую голову, отряхнулся, после чего очень громко запел.

Сделав подарки, Панург вежливо попросил старика сказать свое мнение насчет предпринимаемой женитьбы. Добрый старик велел принести ему чернил, бумаги и перо. Все было тотчас принесено, и он написал следующие строки:

Хотите – берите ее, не хотите – не надо.
Возьмете ее – превосходное дело;
А если ее не возьмете – другая отрада
И с первой сравняется смело.
Скачите галопом, исполненным тихого лада,
Назад уходите, входите несмело...
Берите, иль нет, – ваше дело.
Поститься приятно, и дважды обедать – услада.
Разрушить все то, что осталось цело,
И вновь воссоздать, что разрушено, – славное дело.
Желайте ей жизни, желайте ей смерти и ада...
Берите, иль нет, – ваше дело.

Старик вложил написанное им в руку и сказал:

– Теперь, дети, идите, храни вас бог небесный, – и больше не беспокойте меня ни этим ни каким другим делом. В этот день, который есть и последний день мая и мой последний, я уже выгнал из дому – с большим трудом и утомлением – целую кучу негодяев, грязных и зловонных животных, черных, пестрых, бурых, белых, серых и пегих. Эти твари не хотели мне дать спокойно умереть. Тайными уколами, точно гарпии, глупыми придирками, выкованными в кузнице не знаю, чьей жадности и ненасытности, они меня отвлекали от сладостного размышления, в котором я успокоился, созерцая, смотря и уже касаясь и вкушая то блаженство и счастье, которое добрый господь уготовал своим верным и избранным в другой, бессмертной жизни.

«Сойдите с их пути, не уподобляйтесь этим тварям, не утруждайте меня больше и оставьте меня, умоляю вас, в тишине».

ГЛАВА XXII. Как Панург покровительствует ордену нищенствующих монахов

Выйдя из комнаты Раминагробиса, Панург воскликнул в ужасе:

– Я уверен, клянусь богом, что это еретик, или черт меня возьми! Он злословит добрых отцов нищенствующих францисканцев и якобинцев, которые представляют два полушария христианства и благодаря круговращательному движению которых, как неких небесных противове сов, римская церковь, потрясенная и готовая впасть в ошибку или ересь, снова приходит в устойчивое равновесие, держась только ими одними.

«Но что они сделали ему, эти бедные черти, черт возьми, капуцины и францисканцы? Не довольно ли вообще мучают их? Не довольно ли они продымились и пропахли горем и бедой, эти бедняги, взятые из Ихтиофагии. А что, брат Жан, как ты думаешь: спасется его душа? Ей-богу, он, как змей, будет отдан тридцати тысячам корзин чертей! Как, поносить таких добрых и могучих столпов церкви! Вы называете это поэтической вольностью? Я с этим никогда не соглашусь! Он низкий грешник, надругающийся над религией. Я возмущен этим».

– Меня это ничуть не волнует, – сказал брат Жан. – Эти монахи злословят весь свет, и если их все злословят, мне это все равно. Посмотрим, что он написал.

Панург внимательно перечел писание доброго старика и сказал:

– Он бредит, несчастный пьяница. Но я прощаю его. Я думаю, ему скоро конец. Напишем ему эпитафию. От его ответа я стал мудр, как никогда.

«Послушай, Эпистемон, пузан мой! Как тебе кажется, ответил он что-нибудь определенное? Он, ей-богу, лукавый, вздорный и наивный софист. Бьюсь об заклад, что он из мавров! Ах, скотина, как он остерегается, чтобы не ошибиться в словах! Он отвечает только двусмысленностями! Он не может не сказать верно, потому что для этого довольно, чтобы один из двух смыслов оказался верным».

– Так поступал, – сказал Эпистемон, – великий прорицатель Тирезий, начиная свои откровения и прямо говоря тем, кто обращался к нему за советом: «То, что я скажу, либо сбудется, либо не сбудется». Таков стиль благоразумных прорицателей.

– И все-таки Юнона выцарапала ему оба глаза, – сказал Панург.

– Да, – отвечал Эпистемон, – с досады, что он лучше ее разрешил сомнение, выраженное Юпитером.

– Но что за дьявол, – сказал Панург, – что за черт вселился в этого мэтра Раминагробиса, что он без всякого основания, без всякого повода честит бедных блаженных отцов якобинцев, францисканцев и капуцинов? Я крайне возмущен этим, уверяю вас, и не могу молчать. Он тяжко согрешил. Душа его отправится в преисподнюю к чертям.

– Я вас совсем не понимаю, – отвечал Эпистемон. – Вы сами меня крайне поражаете, превратно толкуя, будто наш добрый поэт разумел под черными, бурными и пегими тварями братьев нищенствующих? По моему мнению, он вовсе не это понимает под такой софистической и фантастической аллегорией. Он говорит именно и только о блохах, клопах, клещах, мухах, мошках и других насекомых, из которых одни черные, другие рыжие, некоторые серые, некоторые пестрые, все несносные, мучительные и зловредные – и не только для больных, но и для людей сильных и здоровых.

«Возможно, что у него в теле водятся глисты и солитеры и черви. А может статься, он страдает (в Египте и в прилегающих к Эритрейскому морю краях это вещь самая обыкновенная) от укусов отвратительных паразитов, по-арабски называемых «мэден».

«Вы плохо делаете, иначе толкуя его слова, вы обижаете доброго поэта и названных братьев клеветой, приписывая им такое зло. Надо стараться все перетолковывать в хорошую сторону.»

– Учите меня различать мух в молоке! – сказал Панург. – Клянусь богом, он – еретик. Законченный еретик, закоренелый, закоснелый, достойный сожжения, как маленькие часы. Душа его пойдет в преисподнюю к чертям. Знаете, куда? Прямехонько под подкладной стул Прозерпины, в адский ретирад, где она отправляет естественные потребности, слева от большого котла, в трех шагах от Люциферовых когтей, по направлению к черной камере Демиурга. О негодяй!

ГЛАВА XXIII. Как Панург ведет речь о том, чтобы вернуться к Раминагробису

Панург убеждает своих друзей вернуться к старому поэту, чтобы спасти его душу. Он предлагает также в возмещение за оскорбление монахов со стороны поэта раздать по всем монастырям богатую милостыню и установить, чтобы в годовщину смерти Раминагробиса монахи повсюду на вечные времена получали по двойной порции пищи и вина.

– Таким образом, – говорит Панург, – он может получить прощение.

Ох, хо-хо! Я заврался, запутался в своих речах! Дьявол меня побери, если я туда пойду! Ведь комната-то его уже полна чертей. Я уж издали слышу, как они по-чертовски спорят и дерутся за то, кому высосать Раминагробидическую душу и с пылу горячую принести господину Люциферу. Нет, прочь! Я туда не пойду! Дьявол меня побери, если я туда пойду. Кто знает, вдруг произойдет *qui pro quo*, и вместо Раминагробиса они схватят беднягу Панурга? Ведь он теперь чист от долгов. Вот когда он был в долгу как в шелку, им это не удавалось. Теперь другое дело. Убирайтесь-ка по-добру, по-здорову. Нет, я туда не пойду! Ей-богу, я умираю уже сейчас от бешеного страха. Очутиться среди голодных чертей! Среди чертей на карауле! Среди чертей на деле! Нет, прочь отсюда! Бьюсь об заклад что по таким же причинам к нему на похороны не пойдут и эти самые якобинцы, францисканцы, кармелиты, капуцины, смиреннейшие братья! Они умны! К тому же он ничего им не оставил по завещанию. Дьявол меня побери, если я туда пойду! Если он попадет в ад, туда ему и дорога. Зачем он поносил монахов, святых отцов? Зачем он выгонял их из комнаты в тот час, когда особенно нуждался в их помощи, в их благочестивых молитвах, в их святых напутствиях? Зачем он не отказал им в завещании хоть несколько крох, каких-нибудь остатков, чтобы заморить червячка, этим бедным людям, у которых во всем мире ничего, кроме самой жизни, нет? Пусть идет туда, кто хочет и дьявол меня побери, если я туда пойду! Если я туда пойду, дьявол меня и поберет. Нет, нет. Прочь отсюда!

«Брат Жан, хочешь ты, чтобы тридцать тысяч дьявольских фургонов тебя увезли? Не хочешь – так сделай три вещи: отдай мне свой кошелек – это первое. Крест противодействует чарам. И с тобой случится то, что недавно произошло с Жаном Додэном, сборщиком податей в Кудрэ, что близ брода де-Вед, где солдаты разломали мостки. Он встретил на берегу брата Адама Кускойля, францисканца из монастыря Мирбо, и пообещал ему рясу при условии, что тот его перенесет через реку на плечах. Это был дюжий малый.

«Договор был заключен. Брат Кускойль поднимает рясу выше ляжек и сажает названного Додэна к себе на спину, как некий блаженный маленький святой Христофор¹⁹⁶. Он весело понес его, как Эней нес своего отца Анхиза из Трои во время пожара. Монах распевал: «Здравствуй, звезда морей!»

«Когда они дошли до самого глубокого места брода, повыше мельничного колеса, Кускойль спросил у Додэна, нет ли у него на себе денег. Додэн отвечал, что полный кошелек, и чтобы он не сомневался относительно обещанной новой рясы.

«– Как, – сказал брат Кускойль, – ты хорошо знаешь, что в силу особой статьи нашего устава нам строжайше запрещается носить при себе деньги. Несчастный ты человек, что заставил меня погрешить против устава! Зачем ты не оставил кошелька мельнику? Ты будешь сейчас же, непременно, за это наказан. Если когда-либо я увижу тебя у нас в капитуле, в Мирбо, – ты получишь хорошее «Мизерере»¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Святой Христофор, изображаемый с песьей головой, по преданию, перенес Христа через поток (дештефороз – христоносец).

¹⁹⁷ Мизерере – первое слово реквиема («отпевания»).

«И он внезапно освобождается от своего груза и бросает Додэна в воду вниз головой.

«По этому примеру, брат Жан, друг мой любезный, – чтобы дьяволы тебя стащили поудобнее, – дай-ка мне свой кошелек: не носи на себе никакого креста. Опасность очевидна. Если у тебя будут деньги, если ты будешь носить крест, они сбросят тебя на какой-нибудь утес, как орлы сбрасывают черепаху, чтобы разбить ее: плешивая голова поэта Эсхила этому свидетель. И тебе будет больно, друг мой, и я буду очень огорчен. Или они уронят тебя в море, и ты упадешь неизвестно где, очень далеко, как упал Икар.

«Во-вторых, расквитайся с долгами. Черти очень любят тех, кто чист от долгов; я по себе это превосходно знаю. Эти плуты не перестают подлизываться и ухаживать за мной, чего, когда я был в долгах, не делали. Душа того, кто в долгах, вся сухоточна и измождена; это не еда для дьяволов.

«В-третьих, возвращайся к Раминагробису в рясе и власянице. И если тебя в таком виде дьяволы тридцать тысяч лодок не захватят с собой, – я плачу за угощение. А если ты для безопасности захочешь иметь спутника, – то меня не ищи, – о нет! Предупреждаю тебя. Прочь отсюда! Я туда не пойду. Дьявол меня побери, если я туда пойду».

В дальнейшей части своей речи Панург рассказывает, что черти боятся блеска меча, а поэтому у дверей рая стоит херувим с блестящим мечом в руках. «Демонология» утверждает, что черти хотя и бессмертны, но подвержены «перерыву» в бытии. Когда идет сражение между двумя армиями, то главный шум получается не от человеческих воплей, не от стука оружия, грохота пушек или звука труб и барабанного боя – но от воя чертей, которые от неожиданных ударов шпаги претерпевают перерыв в своем бытии, – в роде того, как если бы повар хватил палкой по пальцам поварят, ворующих сало с вертела.

Панург советует отчистить от ржавчины кортик, принадлежащий брату Жану, перед тем как тот пойдет в хижину умирающего поэта. Сам же еще раз говорит: «Дьявол меня побери, если я туда пойду!»

ГЛАВА XXIV. Панург спрашивает совета у Эпистемона

Панург обратился за советом, жениться ли ему, к Эпистемону, сказав ему, что он, Панург, дал обет святому Франциску младшему (основавшему в Плесси-ле-Тур орден, к членам которого влечет местных уроженок, за что они особенно почитают этого святого) – дал обет этому Франциску носить очки на шляпе и не надевать гульфика, пока не освободится от сомнений в брачном вопросе.

Эпистемон посмеялся над его обетом, припомнив несколько других подобных обетов из истории. Указав, что все оракулы, существовавшие когда-то, теперь стали немые, как рыбы, да и прежде частенько обманывали людей, – Эпистемон отказался ехать с Панургом на Огийские острова, где, будто бы, на золотом ложе лежит скованный золотыми цепями Сатурн, питается божественными нектаром и амврозией, приносимыми к нему ежедневно в клювах «неизвестно какого рода птицами», и предсказывает всем судьбу.

ГЛАВА XXV. Как Панург советуется с Гер-Триппой

– Вот что все-таки сделайте, – сказал Эпистемон, – прежде чем вернуться к королю, если вы мне доверяете. Здесь, близ острова Бушара, проживает Гер-Триппа¹⁹⁸; вы знаете, что, будучи искусен в астрологии, геомантии, хиромантии, метопомантии¹⁹⁹ и в прочем из такого же теста, – он предсказывает все грядущие события. Побеседуем с ним о вашем деле.

– Об этом я ничего не знаю, – отвечал Панург. – Хорошо знаю только, что пока он однажды как-то разговаривал с великим королем²⁰⁰ о небесных и потусторонних вещах, придворные лакеи на лестнице между дверями приударили за его довольно хорошенькой женой. Он, видевший без очков все происходящее в эфире и на земле, толкующий о всех прошедших и настоящих событиях, предсказывающий грядущее, – не видел только проделок своей жены, да и никогда не узнал об этом. Хорошо, сходим к нему, пожалуй, раз вы этого хотите; поучиться никогда не лишне.

На другой день они пришли к Гер-Триппе. Панург подарил ему плащ из волчьей шкуры, огромную позолоченную шпагу в бархатных ножнах и пятьдесят хорошеньких «ангелотов»²⁰¹. Потом откровенно изложил ему свое дело.

Гер-Триппа сразу же, взглянув ему в лицо, сказал:

– У тебя метопоскопия²⁰² и физиономия рогносца. Я говорю, – оскандаленного и опозоренного рогносца.

Потом, осмотрев со всех сторон правую руку Панурга, Гер-Триппа продолжал:

– Вот эта ложная линия, что проходит здесь повыше холма Юпитера, бывает только на руках рогносцев.

Затем поспешно поставил иглой несколько точек, соединил их по законам геомантии и сказал:

– Вернее истины, что ты будешь рогносцем вскоре после того, как женишься.

Затем он спросил у Панурга его гороскоп, составленный при рождении, и, получив его, немедленно построил ему его небесный дом во всех частях, и рассматривая расположение и тройственные аспекты²⁰³, глубоко вздохнул и сказал:

– Я уже ясно предсказал, что ты будешь рогат; от этого тебе не уйти. А вот здесь я получаю еще новую уверенность и утверждаю, что ты будешь рогат. Кроме того жена будет тебя бить и оберет, потому что седьмой дом имеет все дурные аспекты, – в нем сошлись созвездия, все рогатые: Овен, Телец, Козерог и прочие. В четвертом доме я вижу ущерб Юпитера и Сатурнов четырехугольник в соседстве с Меркурием. Ты будешь горемыкою, милый человек!

– Буду, – отвечал Панург, – твоей лихорадкой, старый дурак и глупый шутник. Когда соберутся все рогносцы, – ты понесешь знамя! Но откуда у меня такая бородавка здесь между двумя пальцами?

И с этими словами он прямо протянул Гер-Триппе два первых пальца, наподобие рогов, сложив в кулак остальные. И сказал

Эпистемону:

¹⁹⁸ Гер-Триппа – так фамильярно называли Генриха Корнелия Агриппу, автора книги «Об оккультной философии» (1533 г.). Иначе – Агриппа Неттесгеймский.

¹⁹⁹ Средневековые гаданья по звездам, по земле, по рукам и по чертам лица.

²⁰⁰ Король Франциск!..

²⁰¹ Ангелот – английская монета, обращавшаяся во Франции в царствование Карла VI и Карла VII и стоившая около восьми франков.

²⁰² Метопоскопия – «обозрение» («выражение») лица.

²⁰³ «Аспект» значит «вид»; термин схоластической философии и астрологии.

– Вы видите здесь настоящего Оллуса из Марциала, который все свое старание отдавал наблюдению и изучению горестей и бед своих ближних; а в это время жена его пошалаивала²⁰⁴. Этот человек беднее самого Ируса²⁰⁵ и вместе с тем – самонадеян, хвастлив и несносен больше, чем семнадцать дьяволов вместе.

Пойдем! Оставим этого бесноватого бредить досыта со своими чертами и бесенятами. Я готов верить, что дьявол на службе у такого разбойника.

Он незнаком с первым параграфом философии: «Познай себя», – и, хвастаясь, видит соломинку в чужом глазу и не видит бревна в собственных глазах. Он – в роде Полипрагмона, которого описывает Плутарх²⁰⁶, это другая Ламия²⁰⁷, которая в чужих домах, на народе, видела лучше рыси, в собственном же доме была слепа как крот: у себя ничего не видела, потому что, вернувшись с улицы к себе домой, она снимала глаза с головы, как очки, и прятала их в башмак, привязанный за дверью ее дома.

При этих словах Панурга Гер-Триппа взял в руку ветвь тамаринда²⁰⁸.

– Он правильно делает. Никандр²⁰⁹ называет это дерево вещим, – сказал Эпистемон.

– Не хотите ли вы, – сказал Гер-Триппа, – узнать обстоятельнее всю правду посредством пиромантии, аэромантии, прославленной Аристофаном²¹⁰, в его «Облаках», посредством гидромантии, леканомантии, хорошо известной ассирийцам и испытанной Гермолаем-Варваром²¹¹? Я покажу тебе в тазу с водой твою будущую жену, как она будет развлекаться с двумя мужланами.

– Когда ты будешь совать свой нос, – сказал Панург, – ко мне пониже спины, не забудь снять свои очки.

– Путем катоптримантии, – продолжал Гер-Триппа, – Юлиан, римский император, предвидел все, что должно было с ним случиться, и очки тебе для этого не будут нужны. Ты увидишь ее как бы в зеркале – столь же ясно, как если бы я показал тебе ее в источнике храма Минервы, что близ Патраса. Путем коскиномантии, к которой весьма благоговейно относились римляне во время своих религиозных обрядов, ты, с ножницами и ситом в руках, увидишь своих чертей. Альфиномантия, которую Феокрит описал в своих идиллиях, алеуромантия, для которой надо смешивать пшеницу и муку, астраголомантия – для которой нужны костяшки, и они у меня есть, тиромантия – у меня как раз с собой бремонтский сыр²¹².

«А то вот – гиромантия: я заставлю тебя описывать круги, – и уверяю тебя, все они упадут налево, или стерномантия, – только для нее, чорт возьми, ты неважного сложения, грудь не вышла. Или либаномантия. Для нее надо немного ладана. Гастромантия – этим гаданием в Ферраре долго пробавлялась некая дама, Якоба Родиджина, чревоушательница. Не хочешь ли кефалеономантии, германского способа гадания? Тут надо жарить ослиную голову на горящих углях. Хочешь керомантии? Тут надо лить расплавленный воск в воду, – и ты увидишь жену свою и двух ее компаньонов. Капноантия требует горячих углей, зерен мака и сезама²¹³ и больше ничего: превосходное дело. Хочешь аксоино- мантии? – запасись только топором и

²⁰⁴ В эпиграммах Марциала говорится про Оллуса, что у него жена – распутница.

²⁰⁵ Ирус – имя того нищего, который в «Одиссее» борется с Улиссом.

²⁰⁶ Есть трактат Плутарха: «О любопытстве».

²⁰⁷ Ламия – фантастическое существо, в роде вампира; также – прозвище гетер.

²⁰⁸ Чрезвычайно твердое дерево.

²⁰⁹ Никандр – греческий поэт, живший около 150 г. до нашей эры, известный своим дидактическим эпосом.

²¹⁰ Аристофан – знаменитый древне-эллинский драматург (V в. до нашей эры) автор многих дошедших до нас комедий («Облака», «Лизистрата», «Всадники», «Птицы», «Лягушки» и т. д.)

²¹¹ Все это бывшие в употреблении у колдунов гаданья: на огне, по воздуху, по воде, по воде в тазу.

²¹² Катоптримантия – гаданье на зеркале; коскиномантия – на сите; следующие «мантии» – на овсяной и на пшеничной муке, на костях, на сыре.

²¹³ Сезам – хлебное растение в роде ячменя.

камнем агатом, который положишь на угли. О, как славно Гомер этим способом узнал истину относительно женихов Пенелопы! Онихомантия? – возьми прованского масла и воску. Тетрамантия? – ты увидишь, как пепел образует в воздухе фигуру твоей жены в великолепной позе. Ботаномантия? – у меня для нее есть листья шалфея. Сикомантия? – божественное искусство гадания по фиговым листочкам²¹⁴. Ихтиомантия? – когда-то ее очень уважали Тирезий и Полидам²¹⁵ и ликийцы пользовались ею во рву посвященной Аполлону роши. Коромантия? – возьми, пересмотри поросят, – найдешь какой надо пузырь. Клеромантия? – в крещенский вечер запекают боб в пироге и ищут. Антропомантия? – Гелиогабал²¹⁶, император римский, пользовался ею. Неприятное дело! Но ты вынесешь: судьба тебе быть рононосцем! А не хочешь ли сивиллиной стихомантий или ономотомантии?

«А что ты скажешь об алектриомантии? Я сделаю правильный круг, разделю его на твоих глазах на двадцать четыре равные части. На каждой изображу по букве алфавита, на каждую букву положу зерно пшеницы, потом выпущу молодого девственника-петуха. И вы увидите – уверяю вас! – как он съест все те зерна, которые будут лежать на буквах: «Будешь рогатым». Предсказание сбудется точно так же, как в Риме, когда император Валенций беспокоился о том, как бы узнать имя своего преемника, и выпустил вещего петуха, который проглотил зерна с таких букв: Ф, Э, О, Д²¹⁷. А может, вы хотите узнать свою судьбу посредством гаруспиций? или эктиспиций? по полету птиц? по пению вещунов? по солистиму уток?»²¹⁸

Гер-Триппа продолжал:

– Некромантия? Я вам сумел бы воскресить кого-нибудь из бывших мертвецов, как Аполлоний Тианский – Ахилла, или как Фитонисса, которая показала свое искусство Саулу. Мертвец предскажет вам все, ни больше ни меньше, как вызванный сивиллой Эрихто покойник предсказал Помпею весь ход и результат фарсальского сражения. Или – если вы боитесь мертвецов, как это свойственно рононосцам вообще, – я прибегну только к сциомантии»²¹⁹.

– Ступай к чорту, дурак сумасшедший! – отвечал Панург. – Свети своим фонарем какому-нибудь идиоту в остроконечной шапке! Дьявол, почему ты мне еще не посоветуешь подложить изумруд или камень гиены под язык или собирать языки удавов или зеленых лягушек? Или съесть печень и сердце дракона, чтобы учиться по крику и пению лебедей и других птиц узнавать свою судьбу, как делали в древнее время месопотамские арабы? Пошел ты ко всем чертям, рононосец, колдун, дьявольский сосуд, антихристов чародей! Вернемся к нашему королю: я уверен, что он не будет доволен нами, когда узнает, что мы входили в логово этого суемудрого чорта. Я раскаиваюсь, что туда ходил, и отдал бы сто нобилей²²⁰ и четырнадцать простолудинов, чтобы кто-нибудь плюнул ему в усы. Боже правый, как он меня надушил всей этой дрянью, чертовщиной, колдовством и ведовством! Дьявол его побери! Скажите аминь, и выпьем! А обедать мне после этого не захочется дня два, если не четыре!

²¹⁴ Гиромантия – гаданье на кругах; затем идут гаданья: на груди, на ладане, посредством чрево вещания, на ослиной голове, на воске, на дыне, на топоре, на ноге, на золе, на злаках и на фиговых листочках.

²¹⁵ Полидам – троянский, а Тирезий – греческий (ахейский) прорицатели. Полидама очень уважал и даже боялся герой троянской войны Гектор.

²¹⁶ Гелиогабал – правильное Эллагобал – один из поздних римских императоров (III в.), тиран и сумасшедший.

²¹⁷ Ихтиомантия – гаданье по внутренностям рыб; следующее гаданье – по таковым же свиной. Далее идет гаданье на бобах, на человеческих внутренностях, на стихах, на именах, гаданье с петухом. Императору Валенцию наследовал на троне Феодосий. Ф. Е. О. Д. – четыре первых буквы его имени.

²¹⁸ Гаруспиций – гаданье после жертвы; эктиспиций – на внутренностях животных.

²¹⁹ Некромантия – гаданье с вызовом самого покойника; сциомантия – когда вызывается только тень мертвеца.

²²⁰ Раблэ прибегает к обычному у него приему неожиданной шутки-двусмыслицы: сто нобилей – ожидаешь, что «нобилей с розой» – золотых монет, – а он говорит в смысле сто человек из знати».

ГЛАВА XXVI. Панург советуется с братом Жаном

В этой главе идет сначала перечисление эпитетов к слову, *coillon*», не совсем приличное, – по большей части в рифму. Затем Панург обращается к монаху с вопросом: следует ли ему жениться?

Брат Жан весело отвечал ему:

– Женись, черт тебя побери, женись и звони во все колокола – я говорю – женись как можно скорее. Боже милостивый, до коих же пор еще ты будешь откладывать? Разве ты не знаешь, что приближается Конец мира? – Сегодня мы ближе к нему, чем третьего дня, на двести с половиной туазов. Антихрист уже народился, как мне говорили. Правда что он пока только царапает свою кормилицу и нянюшек и никаких чудес еще не показывает, потому что он еще мал. Ибо написано: «*Crescite. Nos qui vivimus, multiplicamini*»²²¹.

«Так стоит в молитвеннике: «Пока еще мешок с зерном стоит всего три су, а боченок с вином шесть франков».

«Ты хочешь до самого судного дня воздерживаться, *dum venerit judicare*»²²².

– У тебя здоровый и ясный ум, брат Жан, – сказал Панург, – и говоришь ты дельно. Как раз об этом Леандр Абидосский из Азии, переплывая Геллеспонт, чтобы свидеться со своею подругой Геро из Сеста в Европе, умолял Нептуна и прочих морских богов:

Только б путь туда мой был благоприятным, —
Потонуть не страшно на пути обратном.

«Ему вовсе не хотелось умереть, не испробовав сладостей любви! Я решил отныне во всем своем Сальмигондене ввести такой обычай: перед тем как казнить по суду преступника, ему будут позволять день или два до казни провести так, чтобы в семенных каналах ничего не осталось. Драгоценная вещь, семя, не должно терять безрассудно. Может случиться, он даст потомство, и умрет без сожаления, оставив человека за человека».

²²¹ «Растите. Мы, кто живем, размножайтесь», – снова пример испорченной латыни, пародия.

²²² «Дондеже приидет судити».

ГЛАВА XXVII. Как брат Жан дает веселые советы Панургу

– Клянусь святым Ригоме, – сказал брат Жан, – я тебе, мой милый друг, не посоветую того, чего бы сам не сделал, будучи на твоём месте. А только имей в виду, чтобы твои удары были связаны и непрерывны. Если ты сделаешь перерыв, ты погиб, бедняга. С тобой случится то же, что бывает с кормилицами. Они теряют молоко, когда перестают кормить. И ты потеряешь свое молоко, если ежедневно не будешь упражняться. Предупреждаю тебя, друг мой, об этом. Я видел – со многими случалось, что они не могли, когда хотели, потому что не делали, когда могли. Так и привилегии человеческие теряются, говорят ученые, когда ими не пользуются. Потому, сынок, смотри, всегда заставляй работать этих троглодитов. Отдай приказ, чтобы они не смели жить как дворяне на доходы и ничего не делая.

– Ну да, – отвечал Панург, – я верю тебе, брат Жан. Ты идешь прямо к делу. Ты, без всяких исключений и обиняков, избавил меня сразу от всех опасений, которые меня пугали. Пусть и тебе небо пошлет всегда во всем такую же твердость. Итак, по твоему слову, я женюсь. Ошибки не будет. А если у меня будут хорошенькие камеристки, то тогда ты приедешь ко мне – станешь покровителем сестринской общины. Вот по первой части твоей речи...

– Послушай теперь, – сказал брат Жан, – оракула варенских колоколов; что говорят они?

– Я их слышу, – отвечал Панург. – Их звуки, клянусь, как пить хочу, – по-моему, куда более пророческие, чем звук котлов Юпитера Додонского! Слушай: «Же-нись, же-нись, же-ни, же-ни! Если женишься, женишься, женишься, – чудно будет, чудно будет, чудно будет... женись, женись!» Уверяю тебя, я женюсь. Все стихии зовут меня к этому. Слово это да будет тверже бронзовой стены!

«А что касается второго пункта твоей речи, – ты, кажется, сомневаешься и даже не веришь в мою способность к деторождению, – как будто я с богом садовников не очень дружен. Умоляю тебя, сделай милость, поверь, что я с ним на самой приятельской ноге, и он мне послушен, благосклонен, внимателен и покорен во всем и всюду. Стоит только отпустить поводья, то есть шнурки, показать ему добычу и сказать: начинай, товарищ!

«И будь моя будущая жена такой же охотницей до утех Эрота, как некогда Мессалина или маркиза Уинчестер из Англии, – я прошу тебя верить, – я буду еще богаче в удовлетворении ее. Я превосходно знаю слова Соломоновых притчей, – а ведь он был ученый знаток в этом деле. После него Аристотель объявил, что женщина по натуре ненасытна. Но я хочу, чтобы знали, что я в этом деле столь же неутомим! Пожалуйста, не ссылайся на пример разных баснословных удалцов в роде Геркулеса, Прокла или Магомета, который в своем «Алькоране» хвастается, что по мужской силе он один равнялся шестидесяти гребцам. Врал, мошенник! И не ссылайтесь мне на столь прославленного Теофрастом, Плинием и Атенеом индеец, который с помощью какой-то травы будто бы мог это делать в день раз семьдесят и более. Не верю этому, число подложно. Прошу и тебя не верить. Но прошу тебя верить (это истинная правда!), что мой священный Итифалл – первый, в мире первый! Слушай ты, дружище! Видел ли ты когда-нибудь рясу монаха из Кастра? Когда ее вносили в какой-нибудь дом, – на виду ли у всех, или так, чтобы никто не видал, – тотчас же в силу ее ужасных свойств все жильцы дома, люди и звери, мужчины и женщины, крысы и кошки – приходили в неистовство! Клянусь тебе, что и в моем гульфике есть энергия еще более чрезвычайная. Не стану тебе рассказывать ни о доме, ни о хижине, ни о церкви, ни о рынке, – приведу лишь один случай. Сажусь я однажды среди зрителей на представлении страстей господних в Сен-Мэксене, и вдруг – благодаря таинственному свойству моего гульфика – все актеры и зрители воспылали такой страстностью, что не осталось ни одного из ангелов, людей, чертей и дьяволиц, кто бы не взбесился! Суфлер бросил свою тетрадку. Актер, игравший святого Михаила, удрал с неба; черти выбежали из ада и унесли с собой в ад всех женщин. Сам Люцифер сорвался с цепи. Словом, видя эту суматоху,

я убежал, по примеру Катона-Цензора, который, чувствуя, что из-за его присутствия как-то не ладится праздник богини Флоры, ушел и не стал больше на нем присутствовать.

ГЛАВА XXVIII. Брат Жан успокаивает Панурга в его сомнениях по поводу рогов

– Я тебя понимаю, – сказал брат Жан, – но время все стирает. Нет такого мрамора или порфира, у которых не было бы своей старости и упадка. Если ты сейчас еще не стар, то пройдет несколько лет, и я услышу от тебя признание, что порох в пороховнице начинает иссякать. Я уже вижу, как волосы седеют на твоей голове. Твоя борода с седыми, и белыми, и черными, и бурными волосами похожа на географическую карту.

«Посмотри: вот Азия, вот Тигр и Евфрат. Вот Африка. Вот Лунная гора. А видишь Нильские болота? С этой стороны Европа. А видишь Тэлем? Вот этот белый пучок – Гиперборейские горы. Как пить дать, дружок, когда снег лежит на горах – я хочу сказать: на голове и на подбородке, – то и в долине гульфика не особенно тепло».

– Ах ты, глупая голова, – отвечал Панург, – ты не знаешь самых общих мест! Когда снег лежит в горах, то в долинах и гром и молния, град, буря и все черти. Хочешь видеть это на самом деле? Поезжай в Швейцарию, погляди на озеро Вундерберлих, в четырех милях от Берна, по направлению к Сиону. Ты упрекаешь меня седеющими волосами, а не принимаешь во внимание природы лука-порья, у которого головка белая, а хвост зеленый, прямой и крепкий. Правда, я замечаю в себе некоторые признаки старости, я говорю – зеленой старости, не говори об этом никому: пусть это останется секретом между нами. Дело в том, что вино мне по вкусу только самое лучшее, чего не было прежде; больше, чем обыкновенно, я боюсь плохого вина. Это знак, что дело идет к закату, и что полдень прошел.

«Но что из того? Событыльник я все-таки хороший, такой же, если не лучше, чем прежде. Этого я не боюсь, черт возьми! Не то меня печалит. Я боюсь, что во время долгого отсутствия нашего короля Пантагрюэля, которого я должен сопровождать, пойдешь ты хоть ко всем чертям, – что в это время жена сделает меня рогатым. Вот решительное слово, потому что все, кому я говорил об этом, – пугают меня этим и утверждают, что так мне предназначено небесами».

– Не всякий бывает роконосцем, кто им хочет быть, – ответил брат Жан. – Если ты роконосец, ergo жена твоя красива; ergo она будет хорошо относиться к тебе; ergo у тебя будет много друзей; ergo ты спасен. Это все монашеская логика. Тебе же лучше будет, греховодник. Никогда не было тебе так удобно. Ущерба никакого, прибыли много. Если так тебе предназначено, можешь ли ты этому помешать?

Далее следует, как и в главе XXVI, три столбца эпитетов к слову, *couillon*».

«Дружище Панург, раз тебе так предназначено судьбой, – неужели ты хочешь повернуть вспять планеты, переместить все небесные сферы? Предположить ошибки в движущих силах судьбы? Распустить клубки Парк²²³? Ах ты, глупый, ты поступил бы хуже гигантов. Вот что, милый! Предпочел бы ты быть ревнивым без причины, или быть рогатым, не зная об этом?»

– Я бы, – отвечал Панург, – не хотел быть ни тем ни другим. Но раз меня предупредили, я уж наведу поруку, – или в мире не хватит палок. Ей-богу, брат Жан, – лучше будет мне вовсе не жениться! Послушай, что мне говорят ближайшие колокола сейчас: «Не же-нись, не же-нись, не, не, не же-нись! А же-нишь-ся, а же-нишь-ся, то рас-ка-ешь-ся и рога носить соби-раешься!» Господи милостивый, я начинаю злиться. Вы, мозги рясофорные, неужели вы не знаете никакого средства против этого? Неужели природа так устроила людей, что женатый человек не может прожить на свете, не упав в пропасть и не подвергаясь опасности стать роконосцем?

– Я хочу, – сказал брат Жан, – научить тебя такому средству, благодаря которому жена не сделает тебя рогатым без твоего ведома и согласия.

²²³ Парки – три богини (по верованиям греков), державшие в своих руках нити человеческой жизни.

– Прошу тебя, – сказал Панург, – пожалуйста. Говори, мой друг.

– Возьми перстень Ганса Карвэля, – сказал брат Жан, – великого ювелира короля мелиндского²²⁴. Ганс был человек ученый, знающий, работающий, порядочный, рассудительный, умный, добродушный, милостивый, милосердный, – настоящий философ. К тому же веселый, хороший товарищ и весельчак, каких мало; с толстым животом и трясущейся головой, несколько неуклюжий.

«Под старость он женился на дочери судьи Конкордата, девушке молодой, красивой, любезной, обходительной, но чересчур благосклонной к соседям и слугам. Поэтому не прошло и нескольких недель, как он стал ревнив, как тигр, и стал подозревать, что она с другими упражняется в любви. Чтобы устранить это, он стал рассказывать ей всякие истории о дурных последствиях прелюбодеяния, читал ей повести о честных женах, проповедовал целомудрие, подарил ей книгу, восхваляющую супружескую верность и сильно поносящую развратных жен; и кроме того подарил ей прекрасное ожерелье из восточных сапфиров.

«Тем не менее он видел, что она так свободна и ласкова с соседями, что ревность его все возрастала. Однажды ночью, лежа рядом с ней и мучаясь ревностью, он заснул и увидел сон, будто разговаривает с дьяволом и рассказывает ему о своих горестях. Черт его утешал и надел ему на второй палец кольцо, сказав:

Дарю тебе это кольцо; пока оно у тебя будет на пальце, – жена твоя никогда не соединится плотски с другим без твоего ведома и согласия.

«– Большое спасибо, господин дьявол, – сказал Ганс Карвэль. – Я отрекись от Магомета, если когда-нибудь у меня снимут его с пальца.

«Дьявол исчез. Ганс Карвэль, радостный, проснулся и увидел, что палец его...

«Разве это не верное средство? Так вот и сделай по этому примеру, – и всегда носи кольцо жены на пальце»...

Тут кончился и их разговор и их путь.

²²⁴ Мелинда («Черная Индия») – город и страна в Африке (на реке Замбези), открытая Васко-де-Гама и от португальцев в 1693 г. перешедшая во власть арабов (ныне – в руках англичан).

ГЛАВА XXIX. Как Пантагрюэль, по случаю затруднений Панурга, устроил собрание с участием богослова, лекаря, законника и философа

Прибыв во дворец, они рассказали Пантагрюэлю свой разговор во время путешествия и показали ему написанное Раминагробисом.

Пантагрюэль, перечитав два раза, сказал:

– Ни один ответ мне так еще не нравился. В общем он означает, что всякий, кто вступает в брак, должен сам быть судьей в этом деле и спрашивать совета лишь у самого себя. Таково же всегда было и мое мнение, и в первый же раз, как вы у меня его спросили, я сказал то же самое. Мне помнится, вы про себя только посмеялись: самолюбие и себялюбие вас обманывают! Поступим иначе. Вот что! Мы сами и всё, что в нас есть, состоит из трех вещей: души, тела и имущества. Соответственно этому три рода людей в наши дни приставлены пещись о каждом из трех наших благ. Богословы пекутся о нашей душе, лекаря – о теле, юристы – о нашем имуществе. Я того мнения, чтобы позвать в воскресенье к обеду богослова, врача и юриста. Вместе с ними мы и побеседуем о ваших затруднениях.

– Клянусь святым Пико, – ответил Панург, – ничего хорошего не выйдет, наперед вижу. В этом мире все шиворот-навыворот. Мы поручаем охрану наших душ богословам, которые по большей части – еретики; тела вручаем лекарям, которые ненавидят лекарства и никогда их не принимают; имущество наше мы поручаем адвокатам, которые друг с другом никогда не ведут процессов.

– Вы говорите, как настоящий царедворец, – сказал Пантагрюэль. – Но первое ваше утверждение я отрицаю: главное занятие, и даже единственное, у добрых богословов состоит как раз в том, чтобы словами, делами и писаниями искоренять заблуждения и ереси (поскольку они заразительны) и насаждать глубоко в человеческих сердцах истинную и живую католическую веру.

«Второй пункт я одобряю. Хорошие врачи, действительно, относительно себя стараются принимать все предупреждающие, и предохранительные меры, так что не нуждаются в терапевтике и в пользовании медикаментами.

«Уступаю вам в третьем вашем утверждении: хорошие адвокаты так отвлечены покровительством и защитой чужих прав, что у них нет времени и досуга уделять внимание собственным интересам.

«Итак, в ближайшее воскресенье у нас будут: в качестве богослова – отец Гиппофадей; в качестве врача – магистр Рондibiliс; в качестве юриста – друг наш Бридуа.

«Еще, по-моему, надо соблюдать пифагорейское число «четыре», и четвертым мы пригласим верного нашего друга, философа Трульогана, имея в виду, что такой замечательный философ, как этот Трульоган, сумеет дать положительный ответ на всякий сомнительный случай. Карпалим, отдайте приказ пригласить всех четверых в ближайшее воскресенье к обеду!»

– Я думаю, – сказал Эпистемон, – что вы не могли бы сделать лучшего выбора среди всех наших соотечественников! Говорю это не только относительно совершенства каждого из них в своем деле, – об этом и спора быть не может, – но и потому, что Рондibiliс сейчас женат, а прежде не был; что Гиппофадей – и не был и не женат; что Бридуа был женат, а сейчас нет; что Трульоган и был женат и сейчас женат.

«Я облегчу Карпалиму труд – приглашу Бридуа, если желаете; он мой старый знакомый, и мне как раз надо поговорить с ним по поводу дел и успехов его честного и ученого сына, который в Тулузе слушает лекции ученейшего и достойнейшего Буассонэ.»

– Хорошо, – сказал Пантагрюэль, – делайте, как хотите. Заметьте кстати, не могу ли я что-нибудь сделать для его сына и для самого достойного г-на Буассонэ, которого я люблю и уважаю, как одного из наиболее выдающихся представителей своей профессии. Я сделал бы это от доброго сердца.

ГЛАВА XXX. Как богослов Гиппофадей дает советы Панургу по поводу вступления в брак

В следующее воскресенье обед еще не был готов, как появились все приглашенные – за исключением Бридуа, наместника Фонсбетона. За вторым блюдом Панург с глубоким поклоном сказал:

– Господа, весь вопрос в одном слове: должен я жениться или нет? Если вы мне не разрешите моих сомнений, я буду считать этот вопрос неразрешимым – как знаменитые вопросы Петра Альяко²²⁵. Ибо вы, господа, – люди избранные из избранных каждый в своей профессии.

На слова Панурга и поклон присутствующих отец Гиппофадей ответил с невероятным смирением:

– Друг мой, вы просите у нас совета. Но прежде всего надо чтобы вы сами себе посоветовали. Скажите, сильно вас беспокоят позывы плоти вашей?

– Очень сильно, – отвечал Панург, – не прогневайтесь, отец.

– Ничего, – сказал Гиппофадей. – А имеете ли вы при такой неприятности особый дар и милость воздержания?

– Клянусь, что нет, – отвечал Панург.

– Ну, так женитесь, друг мой, – сказал Гиппофадей. – Несравненно лучше жениться, чем гореть в огне похоти.

– Вот это любезно сказано, – закричал Панург, – без всяких блужданий вокруг и около. Большое спасибо, отец наш! Я женюсь теперь без колебания и очень скоро. Приглашаю вас на свадьбу. Фу ты, курица с яйцом, попируем мы на славу! Вы получите от меня ливрею, и мы поедим гуся, черт возьми, которого жена моя не зажарит²²⁶. Еще я вас попрошу открыть бал –

²²⁵ Один из средневековых схоластов.

²²⁶ В фарсе «Адвокат Пателэн» рассказывается о приглашении гостей на гуся, который в пьесе не подается, «потому что жена не хочет его жарить».

провести девиц в первом танце, если вам будет угодно оказать мне подобную высокую честь. Остается разрешить теперь одно только маленькое сомненьице, самое пустяшное. Буду я рогат?

– Никак нет, друг мой, – отвечал Гиппофадей, – если богу будет угодно.

– Помогите нам милость божья, – закричал Панург. – Куда вы отсылаете меня, люди добрые? К условным предложениям, которые в диалектике приводят к противоречиям и невозможностям. Если бы мой осел летал, у моего осла были бы крылья. Если богу будет угодно, я не буду рогат; я буду рогат, если богу будет угодно. О, если бы еще было условие, с которым бы я мог бороться, я бы не отчаивался! Но ведь вы меня отсылаете в частный совет господина, в комнату его маленьких удовольствий. Как вы найдете дорогу туда, господина французы? Отец наш, я думаю, что вам лучше не приезжать ко мне на свадьбу. От шума и суеты гостей на свадьбе треснет ваша голова. Вы любите покой, молчание и уединение. Вы, я думаю, не приедете. И, потом, танцуете вы довольно плохо и, открывая бал, осрамитесь. Я вам пришлю чего-нибудь вкусного в вашу комнату, и свадебную ливрею тоже. И вы выпьете за нас, если вам будет угодно.

– Друг мой, – сказал Гиппофадей, – не толкуйте моих слов в дурную сторону, прошу вас. Когда я сказал вам: если богу будет угодно, – разве я вас обидел чем-нибудь? Разве я дурно сказал? Разве это условие кощунственное или позорное? Не значит ли это, что я почи- таю господина, создателя, покровителя и защитника нашего? Не признал ли я этим его единственным подателем всякого блага? Не значит ли это, что мы все зависим от его благости? Без него ничего не может ни быть, ни иметь значения, ни силы, – если его святая благодать на нас не прольется. Не значит ли это – все наши начинания подчинять каноническому исключению и все наши предположения подчинять тому, что будет предуказано его святой волей как на небе, так и на земле? Не значит ли это – подлинно прославлять благословенное имя его? Друг мой, вы не будете рогоносцем, если будет угодно богу. Чтобы узнать, как ему будет угодно, не следует приходить в отчаяние, как от чего-то сокровенного, и, чтобы узнать это, вовсе не надо советоваться с его личным советом и совершать путешествие в комнату его пресвятей- ших наслаждений. Господь оказал нам благодеяние, открыв, возвестив, объявив и обнаружив волю в священной библии. Там вы найдете, что вы никогда не будете рогоносцем, то есть что жена ваша никогда не будет развратничать, если вы ее возьмете из порядочной семьи, если она будет воспитана в добродетели и честных правилах, будет посещать только общество людей нравственных, будет любить и бояться бога и стремиться угодить ему верой и соблюдением святых его заповедей, опасаясь оскорбить его и потерять его милость недостатком веры и нару- шением божественного его закона, в котором строжайше запрещается прелюбодеяние и пред- писывается женщине прилепляться единственно к мужу своему, – любить его и служить ему единственно после бога.

«Дабы укрепить ее в законе божием, вы, с вашей стороны, будете поддерживать ее в супружеской дружбе, сами пребывать в целомудрии, показывая ей добрый пример, жить стыд- ливо, чисто и добродетельно в браке, – так, как вы хотите, чтобы она жила: ибо, подобно тому как называют прекрасным и совершенным не такое зеркало, которое украшено позолотой и драгоценными камнями, но такое, которое верно отражает предметы, – так и женщина – не та больше достойна уважения, которая богаче, красивее, изящнее, знатнее, но та, которая стара- ется вести себя богобоязненно и угождать своему мужу.

«Взгляните на небо, – луна заимствует свой свет не от Меркурия, не от Юпитера, не от Марса и не от какой другой планеты или звезды небесной; она получает его лишь от солнца, супруга своего, и получает его не больше, чем оно дает ей, сообразно своему наитию и своим видам.

«Так же и вы будете для вашей жены примером и образцом добродетелей и чести, постоянно моля господина о милости и покровительстве».

– Итак, вы хотите, – сказал Панург, крутя усы, – хотите, чтобы я женился на описанной Соломоном мудрой жене. Но ведь ее, без всякого сомнения, давно нет в живых. Я ее, насколько

мне известно, никогда не видал, прости меня господи! Во всяком случае – большое спасибо. Скушайте этот марципанный пряник: он помогает пищеварению. Потом выпейте чашку этого белого вина: оно полезно для желудка. Будем продолжать.

ГЛАВА XXXI. Какие советы Панургу дает врач Рондibiliс

Продолжая свою речь, Панург сказал:

– Первое слово, сказанное тем, кто в Сосиньяке кастрировал монахов, – после того как он покончил с братом Кольдореилем, – было такое: «Очередь за другими». И я так же скажу: «За другими». Господин магистр Рондibiliс, помогите мне: должен я жениться или нет?

– Клянусь иноходью моего мула, – отвечал Рондibiliс, – не знаю, что я должен ответить на такой вопрос. Вы говорите, что чувствуете сильные возбуждения чувственности. На нашем медицинском факультете учат, и это мы взяли из учения древних платоников, что плотское влечение можно обуздать пятью средствами. Во-первых – вином.

– Я думаю! – воскликнул брат Жан, – Когда я очень пьян, я хочу только спать.

– Я имею в виду, – продолжал Рондibiliс, – неумеренное потребление вина, потому что вследствие излишнего питья в человеческом теле происходит охлаждение крови, расслабление нервов, уменьшение производительной силы, притупление чувств, извращение движений. Все это мешает акту оплодотворения. Действительно, вы видите, что Бахуса, бога пьяниц, изображают без бороды, в женском одеянии, женоподобным, будто евнух. Другое дело – умеренное потребление вина. На это указывает древнее изречение, в котором сказано, что Венера замирает без общества Цереры и Бахуса. Мнение древних, согласно рассказу Диодора Сицилийского, также лампсакийцев, как свидетельствует Павзаний, таково, что г-н Приап был сыном Вакха и Венеры. Вторым средством могут служить некоторые лекарства и растения, которые делают человека холодным, хворым и неспособным к деторождению. Опыт показал, что такие свойства имеют цветок нимфея гераклия, затем ива, тамаринд, мандрагора, цикута, ятрышник, кожа гиппопотама и многие другие, которые, будучи введены в человеческое тело, – как по своим элементарным свойствам, так и по специфическим, – холодят и убивают зародыш, или разгоняют духов, которые должны проводить его в назначенные природой места, или загромождают все ходы и выходы, через которые оно может быть извергнуто. С другой стороны, мы имеем и такие средства, которые горячат, возбуждают и облегчают человеку служение Венере.

– Я в них, благодарение богу, не нуждаюсь, – сказал Панург, – а вы, господин магистр? Не обижайтесь, пожалуйста: я говорю это не из зложелательства к вам.

– Третье средство, – продолжал Рондibiliс, – усидчивая работа, потому что за работой тело настолько расслабляется, что кровь, которая распространяется по нему для питания каждого члена, не имеет ни времени, ни силы, ни досуга для выработки семени. Природа человека этим предохраняет себя от истощения, ибо ей более необходимо сохранение индивидуума, чем размножение вида и рода человеческого.

«Поэтому Диану, постоянно занятую охотой, называют чистой. Поэтому некогда лагерь называли, *Castra*», от слова, *Castum*» – целомудренное, потому что там атлеты и воины непрерывно работают. Так Гиппократ, в своей книге «*De aere, aqua et locis*»²²⁷, говорит о некоторых народностях в Скифии, которые в его время были в делах Венериных бессильнее евнухов, ибо они постоянно были на конях и в работах.

«Наоборот, праздность философы называют матерью сладострастия. Когда Овидия спросили, по какой причине Эгист сделался прелюбодеем, он отвечал, что исключительно вследствие праздности. И если бы изъяли праздность из мира, тотчас бы исчезло и ремесло Купидона; его лук, колчан и стрелы стали бы для него бесполезной тяжестью: он никого бы никогда не ранил, потому что совсем не такой он искусный стрелок, чтобы попасть в журавля, летящего в воздухе, или в оленя, поднятого в роще, как умели попадать парфяне, то есть люди хлопотливые и работающие. Ему нужны люди праздные, спокойные, сидящие, лежащие и отдыхающие.

²²⁷ «О воздухе, воде и местах на земле».

«Действительно, Теофраст – когда его как-то спросили, что такое, по его мнению, амурчики – отвечал, что это страсти праздных умов. И Диоген подобным же образом говорил, что сладострастие есть занятие людей, ничем другим не занятых. Поэтому Канах, скульптор из Сикиона, желая наглядно изобразить, что праздность, леность и тунеядство воспитывают развратников, создал статую Венеры сидящей, а не стоящей, как изображали все его предшественники.

«Четвертое средство – усердные занятия наукой. Благодаря этому невероятно разряжается духовная сила, так что нечем становится гнать к назначенным местам плодоносящие соки и наполнять полостный нерв, коего задача – извержение их для продолжения рода человеческого. Что это так, посмотрите на человека, чем-нибудь напряженно занимающегося: вы увидите, что все артерии его мозга натянуты, как тетива на луке, чтобы быстро снабжать его жизненными духами, достаточными для наполнения желудочков здравого смысла, воображения, понимания, рассуждения и решения, памяти и воспоминания. Духи эти проворно перебегают путями, ясно очерченными в анатомии, – у самого конца той удивительной сетки, в которой кончаются артерии. Эти последние берут свое начало в левой сердечной полости, – и жизненные духи долго плутают по ним для того, чтобы сделаться животными силами.

«Так что у такого занятого наукой человека все естественные способности приостанавливаются, все внешние чувства прекращаются. Словом, вы подумаете, что он почти не живет, что он вне себя, охвачен экстазом и вы скажете, что Сократ не злоупотреблял термином, когда говорил, что философия – не что иное, как размышление смерти. Не потому ли и Демокрит ослепил себя, что считал потерю зрения меньшим злом, чем уменьшение внутреннего созерцания, которое прерывалось блужданием глаз.

«Потому-то Паллада, богиня мудрости, покровительница ученых людей, была девственницей; потому и музы девственны; потому-то и хариты пребывают в вечном целомудрии. Помнится мне, я читал, что Купидон, спрошенный как-то матерью своей Венерой, почему он не нападает на муз, – ответил, что они так прекрасны, чисты, честны и стыдливы, постоянно заняты, – одна – созерцанием звезд, другая – вычислениями, третья – измерением геометрических тел, четвертая – риторическими упражнениями, пятая – поэтическим сочинительством, шестая – музыкальными сочинениями, – что, приближаясь к ним, он опускает свой лук, закрывает колчан и тушит свой факел, от стыда и боязни обидеть их, а затем снимает повязку с глаз, чтобы рассмотреть получше их лицо и послушать их милое пение и поэтические оды. От этого он получал величайшее наслаждение, так что часто чувствовал себя в восхищении от их красоты и грации и засыпал под музыку. Вот почему он не хочет нападать на них и отвлекать от занятий.

«И я понимаю, почему писал Гиппократ в названной книге о скифах и еще в другой книге – «О способности к деторождению», о том, что люди становятся неспособными к этому, если им перерезать слуховые артерии около ушей, по причине, уже изложенной выше, – когда я вам говорил о разряжении духовных сил и крови, приемником которой служат артерии. Точно так же он считает, что многое в этом акте зависит от мозга головного, а также спинного.

«Пятое средство – это любовный акт».

– Я этого и ждал, – сказал Панург, – это средство я беру для себя. А предыдущими пусть пользуется, кто хочет.

– Это то, – сказал брат Жан, – что брат Сциллино, настоятель монастыря святого Виктора в Марселе, называет умерщвлением плоти. Я того же мнения, как был отшельник из монастыря святой Радегонды, близ Шинона, что пустытники Фиваиды не могли бы достичь лучшего умерщвления плоти и обуздания сладострастной чувственности, подавления плотского возмущения, как пуская в ход это средство раз двадцать пять – тридцать в сутки.

– Панург, на мой взгляд, – продолжал Рондибилис, – человек пропорционального сложения, умеренный в прихотях, хорошего духовного склада, соответственного возраста, и его

желание жениться вполне справедливо. Если он встретит женщину подобных же качеств, они вместе произведут потомство, достойное какого-нибудь заморского королевства. И чем он скорее женится, тем лучше, если он хочет видеть своих детей обеспеченными.

– Господин магистр, – сказал Панург. – Я женюсь, не сомневайтесь, – и очень скоро. Во время вашей ученой речи блоха, которая у меня в ухе, так щекотала, как никогда.

«Я прошу вас пожаловать на праздник. Мы устроим пир на весь мир, обещаю вам. Приведите, пожалуйста, и вашу жену, вместе с соседками, само собой разумеется».

ГЛАВА XXXII. Как Рондибилис объявил ношение рогов одним из естественных достояний брака

– Остается, – сказал Панург, продолжая, – разрешить один маленький пункт. Видели вы когда-нибудь на римском знамени буквы «S. P. Q. R.»?

Это значит: «Так мало, что почти ничего». Вот какой вопрос: не буду ли я рогоносцем?

– Святые угодники! – воскликнул Рондибилис. – Что вы у меня спрашиваете? Не будете ли вы рогоносцем? Мой друг, я женат, и вы будете скоро женаты. Но запишите железной иглой в своем мозгу следующие слова: всякий женатый человек подвергается опасности стать рогоносцем. Ношение рогов – одно из естественных достояний брака. Тень не столь естественно следует за человеческим телом, как ношение рогов за женатым. И когда вы услышите про кого-нибудь слова: «Он женат», и скажете себе: «Он, следовательно, есть, или был, или будет, или может быть рогатым», то вы не окажетесь человеком неопытным в построении естественных умозаключений.

– К чертям ипохондрию! – воскликнул Панург. – Что вы мне говорите!

– Но, друг мой, – отвечал Рондибилис, – Гиппократ, отправляясь однажды из Ланго в Полистило, чтобы посетить философа Демокрита написал письмо к своему старому другу Дионису, в котором просил чтобы на время его отсутствия тот отвез его жену к ее отцу и матери, – людям почтенным и пользовавшимся хорошей славой, – не желая, чтобы она оставалась дома одна. И все-таки он просил своего друга тщательно присматривать за ней и следить за тем, куда она будет ходить с своей матерью, и кто будет посещать ее у родителей. «Не то чтобы, – писал он, – я не доверял ее добродетели и скромности, испытанных и известных по опыту в прошлом. Но она – женщина. И это – все».

«Мой друг, природа женщины олицетворяется луной, и в этом и в других вещах они прячутся, стесняются и притворяются на виду и в присутствии своих мужей. А в их отсутствии они вознаграждают себя: развлекаются, гуляют, веселятся, отбрасывая свое лицемерие, и показывают себя в своем настоящем виде; как луна, когда она близка от солнца, никогда не появляется ни на земле, ни на небе; но в солнечном противостоянии, когда она наиболее удалена от солнца, – она начинает блистать во всей полноте и появляется вся, конечно, ночью. Так и все женщины.

«Когда я говорю «женщина», я говорю о поле столь хрупком, столь переменчивом, непостоянном и несовершенном, что мне кажется, природа (при всем моем уважении к ней) при сотворении женщины, очевидно, потеряла тот здравый смысл, с которым ею создано и образовано на земле все остальное. Я раздумывал над этим сто пять раз и все-таки не знаю, как решить это; разве, что при создании женщины природа больше имела в виду удовлетворение социального чувства мужчины и продление человеческого рода, чем совершенство женской индивидуальности. Ведь Платон не знал, к какому разряду отнести женщин: к разумным ли существам или к диким животным, потому что природа вложила им в тайное место тела орган, какого нет у мужчины и в котором иногда образуются какие-то соки – соленые, серные, борациновые, острые, режущие, колющие, щекочущие; благодаря болезненным раздражениям от этих соков (так как орган этот очень нервный и очень чувствительный) все тело их сотрясается, все чувства раздражаются, все ощущения обостряются, все мысли путаются.

«Так что, если бы природа не оросила их чела небольшим количеством стыда, то вы бы увидели, как они исступленно бегали бы за мужчинами – более ужасно, чем Претиды, Мималлониды и вакханки Тиады в дни вакханалий, потому что этот страшный одушевленный орган имеет связь со всеми главными частями тела, как показывает анатомия.

«Я называю его одушевленным, следуя в этом учению академиков и перипатетиков: потому что, если движение в собственном смысле есть верный признак одушевленного суще-

ства, как пишет Аристотель, и все, что само по себе движется, называется также одушевленным, то Платон с полным правом называет одушевленным и этот орган, признавая за ним способность к движениям различного рода, как-то: к сокращениям, устремлениям, возмущениям, и настолько сильным, что из-за них очень часто женщина лишается всякого другого чувства и движения, как это бывает при эпилепсии, разлитии желчи или апоплексии, истинном подобии смерти.

«Кроме того мы видим в этом органе явную способность различать запахи, благодаря чему женщины стремятся к благовониям и избегают вони. Я знаю, что Гален пытается доказать, что эти движения произвольны и несамостоятельны, а случайны; что иные из его последователей утверждают, что в органе этом нет способности различать запахи, и что различные действия оказываются свойством самих различных пахучих субстанций.

«Но если вы внимательно рассмотрите и взвесите на весах Критолауса доводы и основания, приводимые ими, – вы придете к заключению, что в этом деле, как во многих других, они рассуждают так больше по легкомыслию и из стремления перещегоолять своих предшественников, чем в поисках истины.

«Не буду, однако, дальше заходить в этом споре. Скажу вам только, что всяческой похвалы достойны целомудренные женщины, прожившие стыдливо и беспорочно всю жизнь, которые имели силы привести к повиновению это необузданное животное. А в конце концов прибавлю следующее: когда это животное сыто (если только оно может быть сытым) – от пищи, которую приготовила для него природа у мужчин, – то его своеобразные движения прекращаются и все стремления утихают, все фурии умиротворяются. Однако не изумляйтесь, что мы находимся в постоянной опасности стать рогоносцами, мы, которые не всегда имеем, чем оплатить и доставить удовлетворение».

– Вы не знаете, – сказал Панург, – другого средства в вашем искусстве?

– Есть, мой друг, – ответил Рондibiliс, – и очень хорошее, которым я пользуюсь. И средство это описано у знаменитого автора, жившего восемнадцать веков назад. Вот послушайте.

– Да вы, ей-богу, – сказал Панург, – порядочный человек. И я люблю вас по горло. Скушайте немного этого пирога с айвой: благодаря вяжущим свойствам она способствует первичному пищеварению.

«Но что я? Говорю по-латыни перед латинистами. Подождите, лучше я вам дам выпить вот в этом кувшине несторианского! А может быть, вы хотите еще глоток белого гиппокраса? Не бойтесь воспаления желез. В нем нет ни имбиря, ни райских зерен. Есть только отборная корица и чудесный сахар и доброе белое местное девиньерское вино».

ГЛАВА XXXIII. Какое врач Рондibiliс дает средство от рогов

– В те времена, – сказал Рондibiliс, – когда Юпитер устанавливал порядок в своем жилище на Олимпе и создавал календарь для всех своих богов и богинь, установив каждому богу время года и день для его праздника, назначив места для паломничества и оракулов, указав, какие кому приносить жертвы...

– Не так ли, – спросил его Панург, – как Тентэвиль, епископ Оксерский? Благородный первосвященник, как всякий порядочный человек, любил хорошее вино; потому особенно берег виноградную лозу, прародительницу Вакха. И вот он увидел, что несколько лет под ряд его виноград плачевно погибает то от ранних морозов, то от града, от утренников, туманов, изморозей и всяких других несчастий, которые приходились на праздники святого Георгия, Марка, Виталия, Евтропия, Филиппа, святого Креста, Вознесения и других, которые бывают в то время, когда солнце проходит под знаком Тельца. Ему пришло в голову, что вышеназванные святые были покровителями града и холода и вредителей винограда. Поэтому он задумал перенести их праздники на зиму, между Рождеством и Крещеньем, предоставляя им с полным почтением и уважением посылать град и мороз, сколько им будет угодно. В это время года мороз отнюдь не вреден, а даже явно полезен лозе. А на их места он поставил праздники святого Христофора, Иоанна Крестителя, Магдалины, Анны, Доминика, Лаврентия, то есть середину августа перенес на май, когда опасность от морозов не так велика.

– Юпитер, – продолжал Рондibiliс, – позабыл только про бедного демона рогоносцев, которого в ту пору не было: он был в Париже, в суде, где вел процесс какого-то из своих ленников и вассалов. Не знаю, сколько дней спустя он услышал о том, как его обошли, тотчас бросил процесс из-за своих хлопот, чтобы его не исключали из общего штата, и собственной персоной предстал перед великим Юпитером. Ссылаясь на свои прежние заслуги, на оказанные Юпитеру не раз приятные услуги, он настойчиво просил не оставлять его без праздника, без жертвоприношений и чествований. Юпитер оправдывался, указывая, что все его бенефиции распределены и штат его весь набран.

«Однако бог рогоносцев так надоедал ему, что в конце концов Юпитер включил его в свой штат и в список и установил ему на земле праздник для жертвоприношений и чествования. Праздник этот, за отсутствием свободных дней в календаре, пришелся на один день с праздником богини ревности. Власть его – над людьми женатыми, и главным образом над теми, чьи жены красивы; жертвы, ему приносимые, суть: подозрение, недоверие, досада, выслеживание и шпионство мужей за женами. Вместе с тем каждому женатому было строжайше приказано почитать и уважать этого бога, праздновать его день вдвойне и приносить вышесказанные жёртвы, под угрозой, что бог рогоносцев не будет милостиво помогать тем, кто его не станет почитать указанным образом, не будет с ними считаться, никогда не войдет в их дом, никогда

не посетит их общества, как бы они его ни упрашивали. Он оставит их гнить вечно в одиночестве со своими женами, без всяких соперников, и будет избегать их как еретиков и кошунствующих, как это в обычае и у других богов по отношению к тем, кто их не чтит, как должно: Бахус поступает так с неблагочестивыми виноградарями; Церера – с земледельцами; Помона – с огородниками; Нептун – с мореплавателями; Вулкан – с кузнецами, и т. д.

«Напротив, тем, которые (как сказано) будут соблюдать должным образом его праздник, прекратят всякие занятия и запустят все личные дела, чтобы шпионить за женами, дурно обращаться и всячески преследовать их из ревности (как этого требует порядок жертвенного богослужения), – тем дано нерушимое обещание, что бог рогоносцев будет к ним постоянно благосклонен, будет их любить, посещать, день и ночь пребывать в их домах, – никогда они не будут лишены его присутствия. Я сказал».

– Ха-ха-ха, – засмеялся Карпалим. – Вот средство еще более простое, чем кольцо Ганса Карвэля. Черт меня возьми, я верю в это средство! Такова природа женщины! Подобно тому как молния разбивает и сжигает только твердые, солидные, устойчивые предметы, а не разрушает мягких, неустойчивых и пустых внутри вещей, – так, например, она сожжет стальную шпагу, не повредив бархатных ножен или уничтожит огнем кости, не разрезав мяса, покрывающего их, – так и женщины никогда не проявляют духа, противоречия и не изощряются в тонких ухищрениях, если им не надо бороться за что-нибудь запрещенное и недозволенное.

– Разумеется, – сказал отец Гиппофадей, – и некоторые из наших ученых утверждают, что первая женщина, появившаяся на свет, которую евреи называют Евою, едва ли соблазнилась бы плодом с древа познания, если бы это не было запрещено. Что это так, – припомните, как коварный соблазнитель с первого слова напомнил ей о том, что это воспрещено, как будто желая подсказать: тебе это воспрещено, – поэтому ты должна от него вкусить, или ты не была бы женщиной.

ГЛАВА XXXIV. Как женщин обыкновенно влечет к себе все запретное

– В то время, – сказал Карпалим, – когда я бездельничал в Орлеане, у меня не было более сильного риторического приема, более убедительного довода по отношению к дамам, чтобы увлечь их в постель с целью любовной игры, – чем живое, ясное и настойчивое указание, что мужа их ревнуют. Не то чтобы я изобрел это средство. Об этом написано и это подтверждается законами, примерами, рассуждениями и ежедневным опытом. Имея такое убеждение в своей голове, они неизбежно будут наставлять рога своим мужьям, даже если для этого они должны были бы сделать то, что делали Семирамида, Пазифая, Эгеста, жительницы острова Мандеса в Египте, и им подобные, которых клеймили Геродот и Страбон.

– На самом деле так, – сказал Понократ, – и я слышал, что, когда папа Иоанн XXII проездом попал в Куэньфонское аббатство, настоятельница и благочестивые сестры стали просить его дать им разрешение принимать исповедь друг у друга, ссылаясь на то, что у монахини есть такие тайные грешки, открывать которые мужчинам-исповедникам им невыносимо стыдно. А друг другу они скажут на исповеди более откровенно и более свободно.

– Нет ничего, что разрешил бы я вам с большей охотой, чем это, – отвечал папа, – только я вижу здесь одно неудобство. Ведь исповедь должна держаться в секрете. А вы, женщины, едва ли сохраните тайну.

– Очень хорошо сохраним, – говорили те, – и лучше, чем мужчины.

«В тот же день святой отец передал им на хранение ящичек, в который он поместил маленькую птичку-коноплянку, и просил их запереть ящик в какое-нибудь верное и надежное место, обещав им своим папским словом, что, если они сохраняют в секрете его поручение, он даст им разрешение на то, о чем они просят. И в то же время он им строжайше запретил открывать ящик, под страхом тяжелой епитимьи и даже вечного отлучения.

«Не успел он им это запретить, как их разум воспламенился страстным желанием посмотреть, что внутри ящичка, и они дожидались только ухода папы за дверь, чтобы приняться за дело. Святой отец, благословив монахинь, удалился в свое помещение. Он не отошел и трех шагов от аббатства, как все эти милые дамы гурьбой бросились открывать запретный ларец, чтобы увидеть, что в нем.

«На следующий день папа пожаловал к ним с намерением, как казалось им, даровать испрашиваемое разрешение. Но раньше чем касаться этого дела, папа приказал принести ему его ящик. Ящик принесли, но птички в нем уже не было.

«Тогда папа объявил им, что для них было бы слишком трудно удержать тайну исповеди, раз они не могли в такой короткий срок удержать тайну ящика, несмотря на то, что это было им настойчиво рекомендовано».

– О господин магистр, – сказал Панург, – вы пожаловали к нам очень кстати! Слушая вас, я получил весьма большое удовольствие, благодарю бога за него. Мне не удавалось видеть вас с тех пор, как играли в Монпелье вместе с нашими старыми друзьями – Антонием, Сапорта, Гюи Бугье, Бальтазаром Нуайе, Толе, Жаном Кентеном, Франсуа Робинэ, Жаном Пердрие и Франсуа Раблэ – играли нравоучительную! комедию о человеке, женившемся на немой женщине.

– Я тоже был, – сказал Эпистемон, – на этом представлении. Мужу очень хотелось, чтобы она заговорила. Она и заговорила, благодаря искусству врача и хирурга, которые перерезали ей узел, образовавшийся у нее под языком.

«Как только ей был возвращен дар слова, она стала говорить так много, что муж побежал обратно к врачу за средством заставить ее замолчать. Но доктор ответил, что в его искусстве имеется много средств, чтобы заставить женщин говорить, но нет средств, чтобы заставить их молчать. Единственное средство против бесконечной болтовни жены – глухота мужа. Наш

женолюб оглох, – не знаю, какими чарами они этого добились. Видя, что он глух, что она говорит впустую, ибо он ее не слышит, жена пришла в бешенство. Потом, когда доктор стал спрашивать плату, муж ответил ему, что он в самом деле глух и что он не слышит, о чем тот просит. Тогда врач бросил ему в спину какой-то порошок, – и тот от этого сошел с ума. Тогда сумасшедший муж и взбесившаяся жена объединились вместе и так исколотили врача и хирурга, что оставили их полумертвыми. Я никогда не смеялся так, как на этом представлении».

– Вернемся же к нашим баранам, – сказал Панург. – Ваши слова, переведенные с баррагуэнского на французский язык, означают, что я могу смело жениться и не беспокоиться о рогах. Господин магистр, я думаю, что в день моей свадьбы. ваша практика помешает вам присутствовать на пиру. Вперед извиняю вам.

*Stercus et urina medici sunt prandia prima.
Ex aliis paleas, ex istis collige grana*²²⁸.

– Цитата не к месту, – сказал Рондibiliс, – следующий стих таков:

*Nobis sunt signa, vobis sunt prandia digna*²²⁹.

– Если моя жена заболеет, я посмотрю ее мочу, – сказал Рондibiliс, – пощупаю пульс и осмотрю живот и пониже, как предписывает Гиппократ (II, афоризм XXXV). Это прежде всего.

– Нет, нет, – сказал Панург, – не годится! Это для нас, юристов, существует такой отдел в кодексе: «*De ventre inspiciendo*»²³⁰. А я бы ей поставил клизму.

«Итак, не оставляйте других более важных дел. Я пошлю вам на дом жареной свинины, и вы останетесь всегда нашим другом».

Панург подошел к нему и сунул в руку, ни слова не говоря, четыре «нобиля с розою». Рондibiliс взял их с охотой, а потом сказал ему как бы в испуге и негодовании:

– Хе-хе-хе, сударь, сударь! Ничего бы давать не надо! Но, впрочем, большое спасибо. От дурных людей я никогда ничего не беру. Но порядочным людям никогда ни в чем не отказываю. Всегда готов к вашим услугам.

– За плату? – спросил Панург.

– Само собой разумеется, – отвечал Рондibiliс.

²²⁸ «Первые кушанья врача – навоз и моча; из других блюд едят они также солому, выбери из нее только зерна».

²²⁹ «Для нас это только знаки, а для вас подходящие кушанья».

²³⁰ «*Et custodiendo partu*» (Кодекс «Пандектов», XXV, 4): «Об исследовании чрева и о надзоре за деторождением».

ГЛАВА XXXV. Как Трульоган, философ, смотрит на трудности брачной жизни

После этих слов Пантагрюэль обратился к Трульогану, философу:

– Теперь, верный наш вассал, факел вручается вам. Теперь ваша очередь отвечать. Должен ли Панург жениться?

– И то и другое, – отвечал Трульоган.

– Что вы говорите? – спросил Панург.

– То, что вы слышите, – отвечал Трульоган.

– А что я слышу? – спросил Панург.

– То, что я говорю, – отвечал Трульоган.

– Ну, без шуток! – оказал Панург. – Должен я жениться или нет?

– Ни то, ни другое, – отвечал Трульоган.

– Дьявол меня побери, – вскричал Панург, – если я не начинаю бредить и хоть что-нибудь понимаю... Подождите – я надену очки на левое ухо, чтобы яснее вас слышать.

В эту минуту Пантагрюэль заметил у дверей залы собачку Гаргантюа, которую он звал Кинэ, потому что так звали собаку Товия. Увидев ее, он сказал всей компании:

– Наш король недалеко. Встанем!

И не успел он договорить, как Гаргантюа вошел в залу. Все поднялись, чтобы поклониться ему. Гаргантюа, ласково поздоровавшись со всеми присутствующими, сказал:

– Добрые друзья мои, прошу вас, вы сделаете мне удовольствие, не оставляя своих мест и не прекращая вашей беседы. Придвиньте мне только кресло к этому концу стола. Дайте мне выпить за всю компанию Добро пожаловать! А теперь скажите мне, о чем вы беседовали.

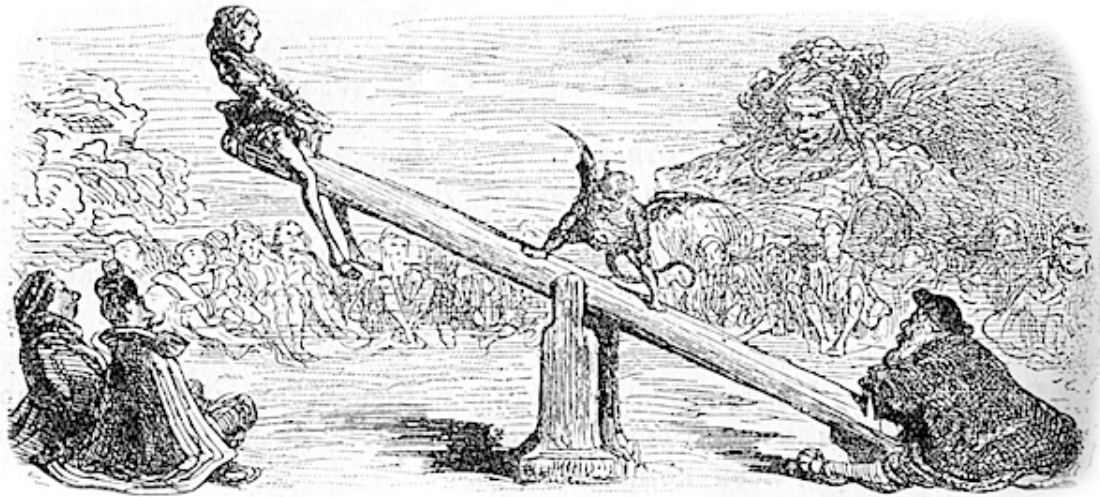
Пантагрюэль ответил ему, что за вторым блюдом Панург поставил на разрешение такую проблему: жениться ли ему или нет, и что отец Гиппофадей и магистр Рондибилис уже представили свои ответы на нее. Когда он входил, начал отвечать верный Трульоган. И сначала на вопрос Панурга: жениться ли ему или нет, – ответил: «И то и другое вместе»; а во второй раз сказал: «Ни то, ни другое». Панург жалуется на такие противоречивые и несовместимые ответы, заявляя, что ничего не понимает.

– Я думаю, – сказал Гаргантюа, – что я его понимаю. Ответ похож на тот, который дал один древний философ, которого спросили, имел ли он женщину, которую ему назвали. «Я ее имею, – ответил он, – но она меня не имеет, обладаю ею, но в ее обладании не нахожусь».

– Подобный ответ, – сказал Пантагрюэль, – дала и одна спартанская сводня. У нее спросили, имела ли она когда-либо дело с мужчиной Она ответила, что никогда, хотя мужчины иной раз и имели дело с ней»

– Итак, в медицине, – сказал Рондибилис, – станем на нейтральную позицию, в философии – на срединную.

– В святом «Послании», мне кажется, – сказал Гиппофадей, – это изъясняется точнее, когда там говорится: «Женатые должны быть как не женатые; имеющие жену – как не имеющие».

– Я так толкую это, – сказал Пантагрюэль, – иметь и в то же время не иметь жену – значит, иметь ее в соответствии с ее природным предназначением, то есть в качестве помощницы, утешительницы и собеседницы. Не иметь жены – значит, не трусить перед ней, для нее не осквернять высшую и единственную любовь, которой обязан человек богу; не оставлять служения родине, государству и друзьям; не пренебрегать занятиями и работами, чтобы только непрерывно угождать жене. Если так толковать ваше «иметь» и «не иметь» жены – не будет никакого противоречия в этом выражении.

ГЛАВА XXXVI. Продолжение ответов Трульогана, философа эфектического и пирронического²³¹

– Золотые слова, – отвечал Панург. – Но мне кажется, что я спустился в темный колодец, на дне которого, по словам Гераклита, сокрыта истина.

«Я ничего не вижу, ничего не слышу: все мои ощущения притуплены, и я подозреваю, что я очарован. Попробую заговорить по-иному.

Панург. А если я не женюсь?

Трульоган. Никакой беды не вижу.

Панург. Не видите беды?

Трульоган. Нет. Или зрение меня обманывает.

Панург. Я вижу больше пятисот бед.

Трульоган. Перечислите их.

Панург. Я говорю вообще, называю точное число вместо неточного, определенное вместо неопределенного. Пятьсот – то есть много.

Трульоган. Я слушаю.

Панург. Я не могу обойтись без жены, черт возьми!

Трульоган. Оставьте это гнусное животное.

Панург. Ну, ей-богу, не могу! Мои сальмигонденцы говорят, что спать одному или без жены – жестокая жизнь. И так говорила и Дидона в своих жалобах²³².

Трульоган. Как хотите.

Панург. Что верно, то верно. Чего лучше! Итак, я женюсь?

Трульоган. Пожалуй.

Панург. И будет мне хорошо?

Трульоган. В зависимости от того, кого встретите.

Панург. Итак, если встречу хорошую женщину, как я надеюсь, то буду я счастлив?

Трульоган. До некоторой степени.

Панург. Начнем с другого конца. А если я нападу на нехорошую жену?

Трульоган. Вина не моя.

Панург. Но посоветуйте же мне, умоляю вас. Что мне делать?

Трульоган. Что хотите.

Панург. Черт возьми!

Трульоган. Не призывайте черта. Прошу вас!

Панург. Во имя бога, в таком случае. Я ничего не сделаю, чего мы мне не посоветуете. Что вы мне посоветуете?

Трульоган. Ничего.

Панург. Жениться мне?

Трульоган. Вам, а не мне.

Панург. Значит – не жениться?

Трульоган. Ну опять же не мне.

Панург. Если я не женюсь, я никогда не буду рогатым?

Трульоган. Думаю, что так.

Панург. Ну, а положим, что я женюсь!

Трульоган. Куда положим?

²³¹ Пиррон полагал, вслед за Эпикуром, величайшее благо в равнодушии. Эфетический – последователь Гераклита Эфесского.

²³² Намек на стих из «Энеиды», IV, 550.

Панург. Я говорю: допустим случай, что я женился.

Трульоган. Не допустить не могу.

Панург. Г... тебе в нос! Выругаться бы как следует! Это бы меня облегчило. Но терпение!
Итак, если я женюсь, у меня вырастут рога?

Трульоган. Говорят, бывает.

Панург. А если моя жена будет скромной и целомудренной, я никогда не буду рогат?

Трульоган. Мне кажется, что вы говорите правильно.

Панург. Слушайте!

Трульоган. Сколько хотите.

Панург. А будет она скромна и целомудренна? Вот в чем вопрос.

Трульоган. Сомневаюсь в этом.

Панург. Но ведь вы ее никогда не видели?

Трульоган. Сколько мне известно.

Панург. Как же вы сомневаетесь в том, чего не знаете?

Трульоган. Имею основания.

Панург. А если б вы ее знали?

Трульоган. Еще больше имел бы.

Панург. Мой миленький паж, вот тебе моя шляпа: я тебе ее дарю, кроме очков, сходи ты на задний двор и поругайся там с цасок за меня, а я поругаюсь за тебя, когда тебе понадобится. Но кто сделает меня роганосцем?

Трульоган. Кто-нибудь.

Панург. О проклятье! Уж я вам намну бока, господин Кто-Нибудь.

Трульоган. Намнете, раз говорите.

Панург. Пусть заберет меня безглазый черт, если я не надену жене бергамасского пояса, когда буду уезжать из дому.

Трульоган. Что за язык!

Панург. Наплевать мне на язык! Довольно болтовни! Придем к какому-нибудь решению!

Трульоган. Я не возражаю.

Панург. Подождите! Так как из этого места я не могу пустить вам кровь, я надрежу вам другую вену. Вы сами женаты или нет?

Трульоган. Ни то, ни другое, и оба вместе.

Панург. Господи помоги! Я вспотел, черт возьми, от натуги и чувствую, что мое пищеварение нарушилось. Все мои френы, метафрены и диафрагмы возбуждены и натянуты от старания уложить в сумку моего понимания ваши ответы и замечания.

Трульоган. Я вам не мешаю!

Панург. Ну, вперед! Верный наш вассал, женаты ли вы?

Трульоган. Я думаю.

Панург. Во второй раз женаты?

Трульоган. Возможно, что и так.

Панург. В первый раз были женаты удачно?

Трульоган. Это не невозможно.

Панург. А во второй раз как себя чувствуете?

Трульоган. Как велит моя судьба.

Панург. Нет, серьезно: хорошо вам теперь?

Трульоган. Вероятно.

Панург. О господи! Ношей святого Христофора клянусь, легче извлечь звук из зада мертвого осла, чем из вас какой-либо ответ. Но уж на этот раз я постараюсь. Ну, дружище, посраим дьявола: скажем всю правду. Были ли вы когда-нибудь рогаты? Я говорю: вы, который здесь, а не вы, который играет там в мяч.

Трульоган. Нет, если это не было предопределено.

Панург. Плоть пресвятая, отказываюсь, сдаюсь. Его не поймаешь.

При этих словах Гаргантюа встал и сказал:

– Слава господу во всех делах его! Насколько я вижу, мир вырос с тех пор, как я застал его в первые годы. Вот до чего мы дошли! Значит, самые ученые и мудрые философы теперь примкнули к направлениям и школам пирронистов, апорретиков, скептиков и эффектиков. Да будет благословен господь! Право, впредь будет легче поймать льва за гриву, коня за хвост, быка за рога, буйвола за морду, волка за хвост, козла за бороду, птицу за лапы, чем такого философа – на словах. Прощайте, дорогие друзья!

И с этими словами он вышел. Пантагрюэль и прочие хотели пойти за ним, но он не позволил.

По уходе Гаргантюа из залы Пантагрюэль обратился к гостям:

– Тимей у Платона считал гостей в начале собрания. А мы, наоборот, будем считать их в конце. Раз, два, три. А где же четвертый? Наш друг Бридуа?

Эпистемон отвечал, что ходил к нему на дом звать его, но не застал. Пристав Миреленгского парламента приходил за ним, чтобы вызвать его лично явиться перед сенаторами и дать отчет в некоторых своих приговорах. Поэтому он выехал накануне, чтобы поспеть к назначенному дню и чтобы его не осудили заочно.

– Я хочу знать, что это значит, – сказал Пантагрюэль. – Больше сорока лет он состоит судьей в Фонсбетоне. За это время он вынес больше четырех тысяч окончательных приговоров. На две тысячи триста девять его решений были поданы апелляции в верховный суд Миреленгского парламента. Все его приговоры были судом утверждены, одобрены и скреплены, а апелляции отвергнуты полностью.

«И что его под старость потребовали явиться лично, – его, который так свято работал всю свою жизнь, – этого не могло быть без какого-нибудь несчастного случая. Я хочу помочь ему всем, чем только могу, во Имя справедливости. Зло в мире так возросло, что право теперь нуждается во всяческой поддержке. И я решил быть на страже права, из боязни Каких-нибудь неожиданностей.

Все гости встали из-за стола. Пантагрюэль одарил их драгоценными и почетными подарками: перстнями и другими драгоценными вещами, золотой и серебряной посудой и, сердечно поблагодарив всех, отправился в свой покой.

ГЛАВА XXXVII. Как Пантагрюэль убеждает Панурга посоветоваться с каким-нибудь юродивым

Проходя к себе, Пантагрюэль заметил в галерее Панурга в мечтательной позе, качающего головой и задумавшегося. Он сказал своему другу:

– Вы мне напоминаете попавшую в мышеловку мышь. Чем больше она старается избавиться от смолы, тем более в ней увязает. Так же и вы, чем больше стараетесь выбраться из сети сомнений, тем сильнее запутываетесь в ней. И я знаю только одно средство помочь вам. Послушайте. Я часто слышал простонародную поговорку, что «глупый умника научит». Так как вас не вполне удовлетворили ответы умных людей, посоветуйтесь с каким-нибудь дураком. Может случиться, что, сделав это, вы будете более удовлетворены и довольны. Ведь вы сами знаете, что благодаря советам и предсказаниям юродивых сколько королей, князей и государств было спасено, сколько сражений выиграно, сколько сомнений разрешено. Приводить примеры вряд ли нужно. Вы согласитесь с этими доводами.

«Того, кто зорко следит за своими частными и домашними делами, кто внимателен к домоуправлению, чей ум не блуждает, кто не упускает ни одного случая к накоплению и приобретению имущества и богатства, кто предусмотрительно умеет устранять неудобства бедности, – того вы называете мудрецом этого мира, хотя он будет считаться глупым с точки зрения небесного разума.

«Поэтому для того, чтобы быть мудрым сеточки зрения божественного разума – я хочу сказать: быть мудрым и вещим по божественному вдохновению и способным воспринять благодать откровения – нужно забыть самого себя, выйти из самого себя, освободить чувства свои от всякого земного пристрастия, очистить разум от человеческих забот и не заботиться ни о чем здешнем. Это то, что грубые люди – называют безумием. Поэтому-то невежественная чернь называла юродивым великого прорицателя Фавнуса, сына Пикуса, короля латинян. Поэтому мы видим, что среди комедиантов роли глупца и шута всегда играют самые опытные и талантливые актеры. Поэтому и математики утверждают, что у королей и шутов при рождении бывает одинаковый гороскоп. И в пример приводят Энея и Кореба (про которого Эвфорион говорит, что это был шут); у них у обоих был одинаковый гороскоп. Не будет неуместно рассказать вам, что говорит Иоанн Андрэ относительно некоего папского рескрипта, обращенного к мэру и гражданам города Ля-Рошели. Я разумею вот какой случай:

«В Париже, у малого Шатлэ, в лавке, где продают жареное, один носильщик, стоя около жаровни одного жарильщика, ел свой хлеб, находя, что он становится гораздо вкуснее, когда пропитается запахом жаркого. Повар ему не мешал это делать. Но когда весь хлеб был съеден, повар схватил носильщика за шиворот и потребовал, чтобы тот заплатил за пар от жаркого. Тот возражал, говоря, что он не принес никакого убытка говядине, ничего не взял у повара и ничего ему не должен. Пар, о котором шла речь, выходил наружу и, так или этак, все равно терялся в пространстве; что это неслыханное дело, чтобы в Париже продавали пар от жаркого на улице. Но повар спорил, что он не обязан кормить носильщиков паром от своего жаркого, и в случае, если тот не заплатит, грозился у него отнять его крюки.

Носильщик схватил палку и приготовился защищаться. Шум поднялся страшный. Парижские ротозеи сбежались на спор со всех концов. Среди них оказался случайно старый Жоан, шут, парижский гражданин. Заметив его, повар спросил у носильщика:

«– Не согласен ли ты взять в судьи нашего спора благородного Жоана?

«– Да, клянусь, – отвечал тот.

«Выслушав, о чем идет спор, шут приказал носильщику вытащить из-за пояса какую-нибудь серебряную монету.

«Носильщик положил ему в руку монету в двадцать су. Жоан взял ее и положил на левое плечо, будто взвешивая. Потом постучал ею о левую ладонь, будто бы желая узнать, не фальшивая ли она. Потом приложил к самому зрачку правого глаза, точно рассматривая добротность чеканки.

«Все это было проделано при глубоком молчании всех зевак, при твердой надежде повара и отчаянии носильщика.

«Наконец он позвонил несколько раз монетой по жаровне. А потом, с председательским величием, держа в руке свою погремушку точно скипетр, надвинув на уши свой колпак с двумя бумажными ушами похожими на органные регистры, шут два-три раза откашлялся и громко произнес:

«— Суд говорит вам, что носильщик, евший свой хлеб на пару от жаркого, в гражданском порядке заплатил повару звоном своих денег. Поэтому указанный суд приказывает обеим сторонам разойтись по домам без уплаты судебных издержек.

«Докторам прав приговор парижского шута показался настолько справедливым и удивительным, что они высказали сомнение, чтобы местный парламент, или даже римская курия, даже ареопаг могли бы вынести более юридически обоснованное постановление.

«Итак, подумайте, не посоветоваться ли вам с каким-нибудь юродивым».

ГЛАВА XXXVIII. Как Пантагрюэль и Панург. толкуют насчет Трибулэ

В этой главе идет «чествование» одного знаменитого дурака (шута) Панургом и Пантагрюэлем. По мнению Панурга, Трибулэ, шут короля Людовика XII, – дурак, хорошенький, с погремушками... напыщенный... синодальный, катаральный и т. д. По мнению же Пантагрюэля – фатальный, прирожденный, небесный, меркуриальный, лунатический, эксцентрический, эфирный, арктический, гениальный... талмудический, гиперболический... напыщенный, фанатический, фантастический... В общем, два собеседника награждают его эпитетами. Расхвалив Трибулэ, друзья посылают за ним Карпалима, а сами, в сопровождении Эпистемона, Понократа, брата Жана и Гимнаста, направляются в Мирелинген за Бридуа.

ГЛАВА XXXIX. Как Пантагрюэль присутствует при суде Бридуа, который выносит приговоры на основании суммы очков на выбрасываемых костях

В этой главе, переполненной трудно понимаемыми, из-за сокращений, латинскими ссылками, рассказывается о суде, под председательством Трэнкамеля, верховного судьи, над судьей Бридуа. Последний объясняет, что, изучив в кабинете дело самым подробным образом, то есть прочитав раз и другой, просмотрев и перелистав столько же раз все бесчисленные материалы, в роде жалоб, отсрочек, повесток, докладов, протоколов и т. д., – он, Бридуа, «кладет на край стола дело истца и выбрасывает ему кости, – как и все вы, господа, делаете... После того он кладет дело ответчика, на другой конец, «в виду того, что», и т. д., и точно так же бросает кости, выбрасывая очки ответчику. Кому из них достается больше очков – та сторона и выигрывает. Так делаете «и все вы, господа».

ГЛАВА XL. Как Бридуа излагает причины, почему он рассматривает все-таки дела до того, как решает их выбрасыванием костей

Эта глава также переполнена техническими юридическими латинскими терминами. В начале второй книги мы имели достаточные образчики судебного красноречия, и считаем возможным опустить совершенно устаревшие насмешки над сданными в архив обычаями. Самозащита Бридуа сводится к трем пунктам: во-первых, «без формы все содеянное становится не имеющим значения, «к тому же вы слишком хорошо знаете, что в судебной процедуре формальная сторона уничтожает часто все материальное и существенное. Во-вторых – для упражнения. А более здорового и более ароматного упражнения, чем опорожнять мешки, перелистывать бумаги, заполнять ведомости и изучать тяжбы, – в мире нет. В-третьих, наконец, время дает созреть каждому делу, и благодаря времени понемногу все выясняется. Он, Бридуа, «как и все вы, господа, тянет насколько можно дольше процесс, для того «чтобы он хорошенько созрел и приговор, откладываемый несколько раз, был легче принят проигравшей стороной... Иначе может произойти такой же вред, как если вскрыть нарыв, прежде чем он вполне созреет. Природа учит нас срывать только вполне созревшие плоды, девушек выдавать замуж тоже лишь, когда они созреют... «Вообще ничего не делать иначе как в полной зрелости.

ГЛАВА XLІ. Как Бридуа рассказывает историю про некоего посредника, улаживавшего тяжбы миром

Некто Перрен Данден, земледелец, пользовавшийся всеобщим уважением, человек пожилой, улаживал больше тяжб, чем три окружных суда сразу, – «Дин, собственной персоной, не будучи судьей, а только добрым человеком. Почти каждый день его приглашали на какой-нибудь обед, свадьбу, крестины, банкет, смотрины и просто по тавернам, – для того, «понимаете, чтобы уладить миром какую-нибудь ссору или тяжбу. Нигде во всем околотке не убиралось свиньи, от которой он не получал бы сосисок или колбас. У него был сын, который решил идти по стопам отца. Бывало, как только юноша слышит, что где-нибудь готовится процесс или тяжба, он тут как тут, и старается уладить дело миром. Но он так был несчастлив в этих делах, что ему никогда не удавалось уладить ни одной распри, как бы ничтожна и незначительна она ни была. Он не примирял тяжущихся, а, наоборот, всегда раздражал их и обострял вражду друг к другу.

«*Sermo datur cunctis, animi sapientia paucis*» (Слово дано всем, мудрость души – немногим).

Он стал жаловаться на это отцу, приписывая причины этого несчастья испорченности и склонности к сутяжничеству его современников и утверждая, что если бы мир был таков и тогда, когда действовал его отец, последний никогда бы не получил славы примирителя. (Этим он нарушил, между прочим, заповедь, запрещающую детям порочить своих отцов.)

Отец сказал ему, что надо поступать по-другому. «Тебе никогда не удастся примирить спорящих. Почему? Ты приступаешь к этому сразу, когда тяжба их зелена еще и незрела. А я всех примиряю. Почему? Я дожидаюсь конца распри, когда она созреет и переварится». Отец сослался при этом на пример преуспевающих врачей: обыкновенно ими становятся те из докторов, к кому кто-нибудь случайно обратился, когда болезнь его шла на убыль.

Оказывается, Данден-отец всегда подвергивался под руку тогда, когда кошельки обеих тяжущихся сторон начинали пустеть, и они готовы были отказаться сами от дальнейшего спора и процесса.

Подобным образом он мог бы помирить шиитов с суннитами, татар с москвитями, англичан с шотландцами, папу с феррарцами, императора со швейцарцами, – стоило лишь дожждаться момента, когда враждующие утомились бы войной, опустошили бы свою казну, исчерпали бы содержимое кошельков своих подданных, продали бы свои владения, израсходовали бы съестные и военные припасы. «Клянусь богом и его матерью, они были бы вынуждены перевести дух и умерить свою вероломную политику».

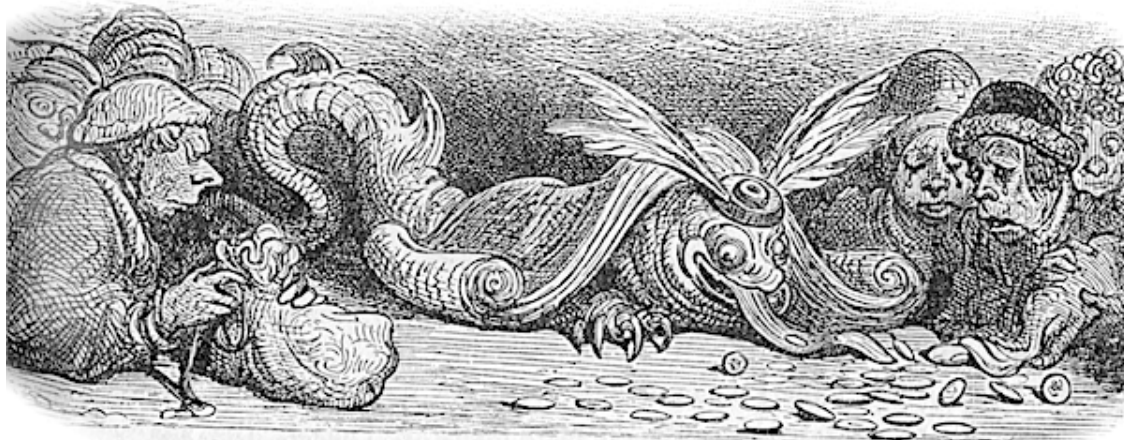
«*Odero si potero; si non, invitus amabo*» (Буду ненавидеть, если могу, а если нет – буду принужден любить).

ГЛАВА XLII. Как рождаются процессы, и как они постепенно совершенствуются

Дальше Бридуа сравнивал процесс при его рождении с бесформенным куском мяса, – в роде того, каков при рождении медведь: у него ни рук, ни ног, ни шерсти, ни головы. Но медведица, вылизав его, заставляет все эти органы обнаружиться.

Если хорошенько потрудиться над возникшим процессом, можно, его усовершенствовать... Посредством сильного и неустанного высасывания кошельков тяжущихся сторон – к процессу можно прирастить голову, ноги, когти, клюв, нервы, мускулы, вены, артерии и т. д. Это дело сержантов, приставов, следователей, прокуроров, комиссаров, адвокатов, нотариусов, приказных, судейских и пр.

Главное для процесса – это чтобы он порождал вороха документов.

В конце главы Бридуа рассказывает анекдот про драчуна-гасконца, который, проигравшись, вызвал всех товарищей по оружию на бой. Но никто не хотел принять вызов. Он наконец уснул около шатра, устав бегать по лагерю. К этому времени спустил все до нитки в карты в том же лагере некий ландскнехт и со шпагой в руке повсюду начал искать гасконца, чтобы принять его вызов. Он растолкал гасконца, но тот в полусне ответил только легким ругательством. Всякий воинственный пыл у него прошел. Они пошли вместе выпить.

Этот анекдот Бридуа привел для того, чтобы наглядно подтвердить уместность принятого им обыкновения заставлять жалобщика приносить ему свидетельство о том, что он хорошенько проспался перед тем, как являться обвинять кого-нибудь. Сон благотворно влияет на страсти. Однако свидетельство о сне требуется судье не для того, чтобы выносить более мягкий приговор соответственно мягкости обвинения, но исключительно для того, чтобы начать накопление документов в тех случаях, когда дело бесспорное и ясное, – и оттого, что виновная сторона поймана с поличным при нарушении ею чьих-либо интересов, процесс грозит выродиться в нечто легковесное со стороны документальной.

ГЛАВА XLIII. Как Пантагрюэль оправдывает Бридуа в том, что тот произносит приговоры, выбрасывая кости

Председатель Трэнкамель попросил Пантагрюэля произнести приговор по этому делу судьи Бридуа, которое представляется неслыханным в судебной практике. Пантагрюэль отвечает довольно длинной речью. Он просит позволения явиться в роли защитника Бридуа. По мнению Пантагрюэля, последний заслуживает снисхождения: во-первых – за старость; во-вторых – за свою простоту; а в-третьих – за то, что раз он вынес несправедливый приговор, то это была единственная ошибка в целом безмерном море правильно вынесенных им в прошлом приговоров. Капля морской воды, пущенная в реку Луару, никому не дает права сказать, что в реке соленая вода. Провидение предопределило, что все прежние приговоры, вынесенные судьей точно таким же способом, каждый раз одобрялись и утверждались верховным судом. Точно так же перст провидения виден и в том, что на этот раз ему не посчастливилось. Пантагрюэль просил судей простить Бридуа этот случай на двух условиях: чтобы потерпевшая сторона была им вознаграждена в полном размере своих убытков, и чтобы к нему был назначен ассистент, более молодой, ученый и осторожный, с указаниями которого он должен будет считаться. Если же верховный суд все-таки найдет нужным отрешить Бридуа от должности, Пантагрюэль просил передать виновного в его распоряжение, дабы он мог предоставить ему место, на котором Бридуа был бы полезен.

После этого Пантагрюэль поклонился судьям и вышел из залы. Панург и прочие – за ним, сели на коней и поехали обратно к королю Гаргантюа. Пантагрюэль рассказал все происшедшее в суде. Эпистемон очень удивился тому, что, несмотря на совершенную случайность жребия по костям, в течение стольких лет дела шли обычным и успешным порядком. Ему представлялся подобный способ вынесения приговоров подходящим лишь очень изредка, в совершенно запутанных случаях.

ГЛАВА XLIV. Как Пантагрюэль рассказывает странную историю по поводу зыбкости человеческих суждений и приговоров

– Вот какое трудное дело, – сказал Эпистемон, – пришлось разбирать однажды графу Долабелле – проконсулу Азии. Одна женщина в Смирне имела от первого мужа ребенка по имени Абэсэ. После смерти мужа она снова вышла замуж через некоторое время, и у нее родился сын от второго мужа, и его назвали Эфжэ. Вы знаете, что отчимы, свекры, мачехи и свекрови очень редко любят детей своих жен и мужей от первого брака. В данном случае муж и его сын, потихоньку, предательски заманив Абэсэ, убили его. Мать, услышав о гнусном злодеянии, не поделала оставить преступление безнаказанным, и, мстя за своего первенца, умертвила и мужа и его сына. Она была схвачена и приведена к Долабелле.

«В его присутствии она созналась в преступлении, ничего не скрывая, но только настаивала, что убила она их по праву и справедливости.

«Долабелле дело показалось настолько трудным, что он не знал, на чью сторону склониться. Преступление женщины было велико: она убила своего второго мужа и сына; но повод к убийству представлялся ему настолько естественным, как бы основанным на праве народов, – так как они убили ее первого сына вдвоем, предательски заманив в западню, не будучи им ни оскорблены, ни обижены, только из жадности, желая захватить в свои руки все наследство, – что он перенес это дело в афинский ареопаг, желая узнать, каково будет мнение и суд последнего. Но судьи ареопага постановили, чтобы состязавшиеся стороны явились перед судом через сто лет, дабы дать ответ на некоторые вопросы, находящиеся в протоколе. Это означало, что дело им показалось столь тяжелым и затруднительным, что они не знали, как его рассудить. Кто решил бы это дело бросанием костей, не ошибся бы, что бы кости ни сказали. Если бы женщина была осуждена, она заслуживала наказания, так как она мстила за себя сама, а право возмездия принадлежит правосудию. Если бы она была оправдана – и этому было основание в ее ужасном страдании. Но в случае с Бридуа меня удивляет, что он столько лет под ряд прибегал к такому способу».

– Я не смог бы, – сказал Пантагрюэль, – ответить категорически на вопрос, должен в этом сознаться. Предположительно я приписал бы эту удачность его приговоров особому благоволению небес и благо склонности вышних движущих сил, видящих простоту и искренность судьи Бридуа, который, не доверяя ни своим знаниям, ни способностям, хорошо знал всю противоречивость законов, эдиктов, обычаев и указов, понимал козни адского клеветника, который часто преобразуется в посланника неба и через слуг своих – подкупных адвокатов, советников прокуроров и прочих – черное превращает в белое и вселяет убеждение и той и другой стороне, что она права (ведь вы знаете, что нет такого скверного дела, которое не нашло бы своего защитника, – не будь этого не было бы в мире процессов). Поэтому он смиренно поручал себя богу справедливому судии; призывал себе на помощь небесную благодать; полагался на духа святого при сложном окончательном приговоре – и посредством жребия узнавал решение, которое мы называем приговором. Кости, поворачиваясь, падали в пользу того, кто, возбуждая справедливую жалобу, просил, чтобы его право было поддержано правосудием. Как говорят талмудисты, в метании жребия нет ничего дурного, и только этим путем обнаруживается воля божия в трудных и сомнительных для людей случаях.

«Я не хотел бы ни думать, ни говорить, ни верить (столь беззаконна несправедливость и очевидна подкупность тех, кто отвечает за право в этом Мирелингенском парламенте), что решать дело метанием костей хуже, что бы там ни было, чем то, когда оно проходит через их руки, обгаренные кровью; принимая при этом во внимание, что весь порядок судопроизводства

дан Трибонианом, человеком неверующим, бессовестным, грубым, до такой степени злобным, извращенным, несправедливым и алчным, что он продавал указы, законы, рескрипты, постановления и приказы за чистые деньги той стороне, которая больше предложит.

«Изрезав статьи закона, он оставил только обрывки и лоскутки, которыми теперь пользуются. Все остальное, что делало закон цельным, он уничтожил, боясь, что если останутся в целости свод законов и сочинения старинных юристов вместе с двенадцатью таблицами и эдиктами преторов, то его низость обнаружится перед всеми. Поэтому часто было бы лучше (то есть причинило бы меньше зла) тяжущимся попасть в капкан, чем предоставлять решению таких людей защиту своего права. Катон в свое время не даром высказывал пожелание, чтобы на дворе судебных палат расставлялись капканы».

ГЛАВА XLV. Как Панург советуется с Трибулэ

На шестой день после этого Пантагрюэль вернулся домой, – и как раз в тот час, когда прибыл туда же – водою из Блуа – Трибулэ. По его прибытии Панург подарил ему свиной пузырь, хорошо надутый и громко звенящий (так как в него был наложен горох); кроме того еще подарил деревянную позолоченную шпагу, охотничью сумку из черепахи, плетеную фляжку с бретонским вином и четверик яблок белого налива.

Трибулэ прицепил шпагу и сумку, взял пузырь в руки, съел часть яблок, выпил все вино. Панург смотрел на него с любопытством и сказал:

– Я еще не видал до сих пор дурака (а видел их больше чем на десять тысяч франков), который был бы дурак выпить!

Затем он изложил ему свое дело в изящных и красноречивых выражениях. Прежде чем он кончил, Трибулэ ударил его кулаком между плечами, сунул ему в руку бутылку, щелкнул его по носу свиным пузырем и, вместо всякого ответа, сказал, сильно мотая головой:

– Ей-богу, бесноватый дурак! Берегись монахов, ты, волынка из Бюзансэ!

С этими словами Трибулэ отошел в сторону и стал трещать пузырем, наслаждаясь мелодичным звуком горошин. И больше из него невозможно было вытянуть ни одного слова.

А когда Панург хотел спросить его еще, Трибулэ вытащил деревянную шпагу и хотел ударить его.

– Вот это превосходно! – сказал Панург. – Вот прекрасное решение!

Он – дурак, отрицать нельзя, но тот, кто его привел сюда ко мне, – еще глупее. Да и я трижды глуп, что сообщил ему мои мысли.

– Это выстрел, – вставил Карпалим, – как раз в мою сторону.

– Не будем волноваться, – сказал Пантагрюэль, – а обсудим его слова и жесты. Я заметил в них замечательные тайны, полные значения, и более не удивляюсь, как прежде, тому, что турки почитают таких юродивых, как монахов и пророков. Заметили вы, как падала и качалась его голова, прежде чем он открыл рот, чтобы говорить? На основании учений древних философов, церемоний магов, наблюдений юристов вы можете судить, что такое движение возбуждается наитием и внушением пророческого духа, который, резко входя в слабую и малую субстанцию (вы знаете, что малая голова не может содержать большого мозга), так потрясает ее, что, как говорят медики, сотрясение переходит на члены человеческого тела. Это происходит отчасти от тяжести и резкой стремительности вносимого бремени, отчасти же от слабости воспринимającego органа. Очень ясный пример этого – те люди, которые натошак не могут поднять полного вином кубка без того, чтобы руки не тряслись. То же некогда происходило и с прорицательницей пифией, которая, прежде чем дать предсказание, всегда трясла свой лавр. Лампридий говорил, что император Гелиогабал, стремясь прослыть предсказателем, во время праздников в честь своего великого идола раскачивал при всем народе головой; стоя между своими фанатиками – скопцами.

«И Плавт в своем «Ослоумии», сообщает, что Сориас всегда во время ходьбы мотал головой, будто бешеный и умалишенный, нагоняя страх на встречных. Тот же Плавт в другом месте, объясняя, почему мотал головою Хармид, говорит, что он находился в экстазе.

«И Катулл рассказывает в «Берецинфии и Атис» о таком месте, где менады – женщины-вакханки, жрицы Вакха – в исступлении, пророчествуя с ветвями плюща в руках, трясли головами. В подобных же случаях галлы, жрецы Кибелы, отправляя свое богослужение, делали то же самое. Отсюда богиня, по словам древних теологов, получила имя, так как, *kubistan*» обозначает: вертеть, извиваться, качать головой, изгибать шею.

«Тит Ливий пишет, что в Риме во время вакханалий и мужчины и женщины казались охваченными пророческим исступлением, потому что дрожали всем телом. Общий голос

философов и народа таков, что дар пророчества никогда не посылается небом без исступления и сотрясения тела, – не только при нисхождении на человека пророческого духа, но и во время самого пророчествования.

«И действительно, когда знаменитого юриста Юлиана как-то спросили, можно ли считать здоровым того раба, который в обществе фанатически испуганных людей вдруг заговорил и стал пророчествовать, не трясая головой, то он ответил, что раб должен считаться здоровым. Так мы видим, что в наше время учителя и педагоги трясут головы своих учеников (точно горшок за ручки), дергая их за уши (а уши – по учению мудрых египтян – орган памяти), чтобы вернуть их рассудок, отвлеченный посторонними мыслями, к доброму философическому учению.

«Вергилий то же говорит про Аполлона Цинтия».

ГЛАВА XLVI. Как Пантагрюэль и Панург толкуют по-разному слова Трибулэ

– Он говорит, что вы – дурак. И какой дурак? Бесноватый дурак, который на старости лет хочет связать себя и поработить брачными узами. Он говорит вам: берегитесь монахов. Клянусь честью, что именно какой-нибудь монах сделает вас рогоносцем. Ручаюсь моей честью, а дороже ее ничего для меня нет, будь я даже единым властителем Европы, Африки и Азии. Заметьте, как я полагаюсь на нашего нравоучителя Трибулэ. Все прочие оракулы и ответчики спокойно решили, что вы будете рогоносцем, но ясно не выразили, с кем совершит прелюбодеяние ваша жена и сделает вас рогоносцем. А благородный Трибулэ это сказал.

«Позорным будете рогоносцем, скандальным. Нужно ли, чтобы ваше супружеское ложе было осквернено монахом?»

«Кроме того он говорит, что вы будете волынкой из Бюзансэ, то есть что у вас будут хорошие рога.

«И как тот, кто, желая попросить у Людовика XII для своего брата соляные откупа в Бюзансэ, попросил вместо этого волынку, так и вы, собираясь жениться на порядочной, честной женщине, женитесь на легкомысленной, ветреной, сварливой и крикливой, несносной как волынка. Заметьте кроме того, что он тыкал вам в нос свой пузырь, а кулаком ударил по спине. Это предвещает, что она будет вас бить, водить за нос и обберет вас, – вот как и вы сами обобрали вобретонских детей, отняв у них свиной пузырь».

– Наоборот, – отвечал Панург, – не то чтобы я хотел бесстыдно исключить себя из числа дураков, нет, я принадлежу к ним, в чем признаюсь. Все люди – дураки. Соломон говорит, что число дураков бесконечно, а от бесконечности нельзя ничего убавить и ничего к ней прибавить, как доказывает Аристотель. И был бы я дураком бесноватым, если бы, будучи дураком, себя дураком не считал. Точно так же и число маньяков и бесноватых бесконечно. Авиценна говорит, что число видов всяких маний бесконечно.

«Однако все остальное, что он сказал, и все его движения – в мою пользу. Это моей жене говорит он: «береги монахов». Не «берегись монаха», а «береги», и не монаха, а «воробья», – это значит, у нее будет воробышек, с которым она будет забавляться, как Лесбия, которую воспевают Катулл. Он будет ловить мушек и вообще весело проводить время, как некогда Домициан.

«Затем Трибулэ говорит, что жена моя будет поселянка и будет приятна, как хорошая волынка из Солье или Бюзансэ. Правдивый Трибулэ хорошо знает мою натуру и мои тайные склонности. Уверяю вас, что мне больше нравятся веселые и простоволосые пастушки, от которых пахнет богородицыной травкой, чем придворные дамы в пышных нарядах, благоухающие всякими бальзамами. Он знает, что мне приятнее звуки деревенской волынки, чем напевы лютней, виол и скрипок.

«Он меня хлопнул кулаком по спине. Это во имя бога и уменьшения мук в чистилище! Он это сделал не со зла. Он думал, что бьет какого-нибудь пажа. Он – добрый дурак, невинный, уверяю вас, и грех тому, кто о нем плохо думает. Я прощаю ему от всего сердца.

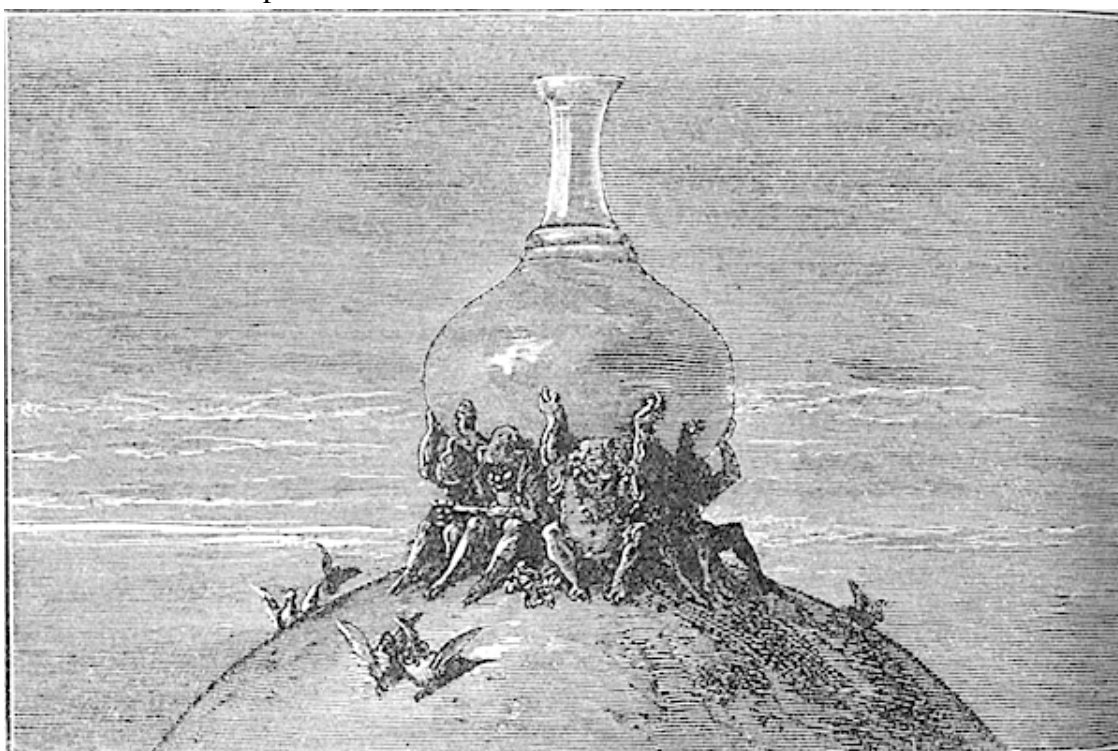
«Он щелкал меня по носу. Это маленькие дурачества между мной и моей женой, как между всеми новобрачными».

ГЛАВА XLVII. Пантагрюэль и Панург решают посетить оракул Божественной Бутылки

– А вот еще один пункт, на который вы не обратили внимания, а в нем – главный узел всего. Он мне всунул в руку бутылку. Что это означает? Что он хочет этим сказать?

– Это значит, вероятно, – ответил Пантагрюэль, – что ваша жена будет пьяницей.

– Как раз наоборот! – сказал Панург. – Бутылка была пустая. Клянусь спинным хребтом святого Фиакра из Бри, что наш нравоучитель – единственный не лунатик, Трибулэ – отсылает меня к бутылке. И я вновь подтверждаю мой первый обет, клянусь в вашем присутствии Стиксом и Ахероном, носить очки на шляпе и не носить гульфика на штанах, пока я не получу ответа от Божественной Бутылки. Я знаю одного благоразумного человека, моего приятеля, который знает место, область и государство, где помещается храм и оракул этой Бутылки. Он проводит нас к ней наверняка.

«Отправимся вместе, умоляю вас не отказывать мне. Я буду для вас Дхатом, Дамисом и компаньоном весь путь. Я издавна вас знал за любителя паломничать, за человека, жаждущего все видеть и всегда учиться. Мы увидим вещи удивительные, поверьте».

– Охотно, – отвечал Пантагрюэль, – но прежде чем пускаться в далекое путешествие, полное всяких случайностей и очевидных опасностей...

– Каких опасностей? – прервал Панург. – Опасности отбегают от меня на семь лье в окружности, где бы я ни был. Вроде того как в присутствии государя прекращается власть чиновников, как при восходе солнца исчезают тени, и как при появлении в Канде мощей святого Мартина исчезли болезни.

– Кстати, – сказал Пантагрюэль, – прежде чем отправляться в дорогу, нам надо кое-чем распорядиться. Во-первых, отошлем в Блуа Трибулэ.

(Что и было тут же исполнено, при чем Трибулэ получил от Пантагрюэля в подарок плащ из золотой парчи.)

– Во-вторых, надо попрощаться с королем, моим родителем, и получить от него совет. А еще нам нужно найти какую-нибудь сивиллу в качестве проводника и толмача.

Панург отвечал, что им довольно Ксеномана, его друга, и что кроме того он рассчитывает проехать через Фонарную страну и там взять ученого Фонаря, который будет для них тем же, чем Сивилла для Энея, когда он спустился в Елисейские поля.

– Я предсказываю, – сказал Пантагрюэль, – что грустить мы в дороге не будем. Я это и сейчас ясно вижу. Мне только жаль, что я не умею хорошо говорить на фонарном языке.

– Я буду говорить на нем за вас всех, – заметил Панург, – я его понимаю как родной, так я в нем понаторел.

Briz marg dalgotbric nubstze zos,
Isquebsz prusq albork crinqz zacbac.
Misbe dilbarkz morp nipp stancz bos,
Strombtz, Panurge walmap quost gruszbac.

– Отгадай, Эпистемон, что эти стихи значат?

– Это, – ответил Эпистемон, – перечисление имен дьяволов бродячих, дьяволов ходячих и дьяволов ползучих.

– Совершенно верно, – сказал Панург, – это придворный фонарный язык. По дороге я составлю для тебя маленький словарь, который тебе не понадобится дольше, чем пока сносится пара новых башмаков по Дороге. Ты овладеешь им раньше, чем солнце успеет взойти. А вот перевод этих стишков с фонарного на наш народный:

Когда я был влюблен, беда
Шла по пятам за мной всегда.
А у женатых тьмы утех,
Панург то знает лучше всех...

– Теперь, сказал Пантагрюэль, – остается только узнать волю короля, моего родителя, и получить его разрешение.

ГЛАВА XLVIII. Как Гаргантюа доказывает, что дети не должны вступать в брак без ведома и согласия родителей

Входя в главную залу дворца, Пантагрюэль встретил доброго Гаргантюа, выходящего с заседания совета. Он вкратце рассказал отцу о своих приключениях, доложил ему о предположенном путешествии и умолял его соизволить дать согласие на приведение последнего в исполнение. Добряк Гаргантюа держал в руках два толстых пакета с прошениями, на которые уже был дан ответ и на которые еще предстояло ответить. Он передал пакеты Ульрику Галлэ, начальнику своей личной канцелярии, отозвал в сторону Пантагрюэля и веселее обыкновенного сказал ему:

– Хвала богу, который сохраняет в вас желание добродетели, дражайший мой сын, и мне очень приятно, чтобы вы совершили это путешествие. Но я желал бы также, чтобы и вам пришла охота и желание вступить в брак. Мне кажется, что вы уже достигли подходящего для этого возраста. Панург достаточно потрудился, чтобы разрушить трудности, которые ему могли препятствовать. Теперь очередь за вами.

– Добрейший отец, – отвечал Пантагрюэль, – я об этом еще не думал. В этом деле я отдаюсь на вашу добрую волю и отеческое распоряжение. Я молю бога, чтобы вы скорее увидели меня мертвым у своих ног, по вашему желанию, чем живым, но женатым против вашего желания. Я никогда не слышал, что где-либо закон – священный или светский и даже варварский – разрешал детям жениться без согласия и одобрения родителей и близких родственников. Все законодатели отказывают детям в этом праве и оставляют его за родителями.

– Любезнейший сын мой, – отвечал Гаргантюа, – я верю вам и хвалю бога за то, что вы узнаете только вещи добрые и похвальные, и что через окна ваших чувств, за исключением наук, ничто не вошло в жилище вашего разума. В мое время на материке была открыта страна, где не знаю какие монахи, чувствовавшие такое же отвращение к браку, как жрецы фригийской Кибелы (будто сами они были каплунами, а не петухами, полными похоти и сладострастия) предписывали законы женатым людям относительно брака. Не знаю, что более отвратительно: тираническое ли самомнение этих ужасных кротов, не довольствовавшихся пребыванием в ограде своих таинственных капищ и вмешивавшихся в дела, диаметрально противоположные их положению, или суеверная глупость женатых людей, которые признавали такие вредные и варварские законы и оказывали последним повиновение. И не видели они при этом того (что блещет ярче утренней звезды), что признание таких брачных законов было на пользу только их жрецов, а отнюдь не на пользу и благо женатых. А это достаточная причина, чтобы сделать их подозрительными, как несправедливые и лживые.

«Отвечая на такую наглость наглостью, женатые люди могли бы установить законы для жрецов относительно обрядов и жертвоприношений, тем более, что они отнимают «десятину» от заработка, добываемого своим трудом в поте лица, чтобы обильно кормить и в довольстве содержать этих жрецов.

«И, по моему мнению, законы, установленные для жрецов мирянами, не были бы столь извращенны и наглы, как те, что они получили от жрецов.

«Ибо в мире не существовало еще такого закона, – как вы прекрасно заметили, – чтобы детям предоставлялась свобода вступать в брак без ведома, одобрения и согласия родителей. Между тем, благодаря законам, о которых я вам говорю, нет такого разбойника, злодея, висельника, мерзавца, негодяя, вора, подлеца, развратника и прокаженного в этих странах, который бы не мог насильно похитить по собственному выбору любую девушку из дома отца, из рук матери, как бы ни была благородна, прекрасна, богата, скромна и честна эта девушка, – наперекор всем ее родственникам, если только негодяй войдет в соглашение с каким-нибудь жрецом, который получит долю в добыче.

«Совершали ли худшие и более жестокие деяния готы, скифы и массагеты во враждебной области, долго осаждаемом и взятом силой и приступом городе? И страдальцы – отцы и матери – видят, как их красавицы-дочери, богатые, изящные и здоровые девушки, похищаются и уводятся из дома каким-нибудь насильником, человеком неизвестным, чужим, грубым, прогнившим насквозь, покрытым язвами, изношенным, нищим, несчастным. А они воспитывали своих дочерей с такой любовью, упражняя в добродетели, уча их всему хорошему и честному и надеясь в свое время выдать их замуж за столь же тщательно обученных и воспитанных сыновей своих соседей и старых друзей, чтобы они достигли счастья в браке, и увидеть, как от них произойдет потомство, которое унаследует как нравы своих отцов и матерей, так и их движимое и недвижимое имущество.

«Каково это все им видеть? Не думайте, что горе римского народа и его союзников, узнавших о кончине Германика Друза, было сильнее. Не думайте, что была больше печаль лакедемонян, когда Елена Греческая была воровским образом увезена из их страны прелюбодеем-троянцем. Не думайте, что горесть и жалобы их меньше, чем горе Цереры, когда у нее была похищена дочь ее Прозерпина; или Изиды, потерявшей Озириса; или Венеры – при кончине Адониса; Геркулеса – при исчезновении Гиласа; Гекубы – при похищении Поликсены.

«Но родители до такой степени охвачены боязнью этих дьяволов и суеверием, что не осмеливаются противоречить, раз присутствовал жрец и связал их дочь браком. И вот отцы и матери остаются в своих Домах, лишены столь любимых своих дочерей, и отец проклинает День и час, когда он женился, а мать сожалеет, что она не выкинула при таких печальных и несчастных родах; и в плаче и в слезах кончают они свою жизнь, которую по праву могли окончить в радости и добром отношении со стороны детей.

«Другие приходят в экстаз и делают как бы маньяками, до такой степени, что от горя топятся, вешаются, убивают себя, не будучи в состоянии терпеть такое унижение.

«Некоторые имеют более геройский характер и, по примеру сыновей Иакова, отомстивших за похищение сестры их Дины, находят негодяя и его соучастника-жреца, которые поти-

хоньку и подло улестили и соблазнили их дочь, и тут же, на месте, свирепо убивают, изрубив в куски, и бросают трупы в поле на съедение волкам и воронам.

При столь мужественном и рыцарском деянии кроты начинают дрожать и вопить, поднимают страшные жалобы и со всей наглостью требуют помощи светской власти и гражданского правосудия, гордо настаивая и добиваясь примерного наказания для виновников. Однако ни в обычном праве, ни в праве народов и ни в каких имперских узаконениях нет такой рубрики, такого параграфа, пункта и примечания, которыми бы за этот поступок определялись наказание или пытка, так как этому противится разум и это противно природе. Нет такого порядочного человека в мире, который не помутился бы, естественно, в своем рассудке, услышав о похищении, бесчестии и позоре своей дочери, больше, чем узнав об ее смерти. А ведь каждый, кто застанет убийцу в момент совершения им убийства его дочери из-за угла, может по праву и должен по природе убить его в тот же час, и не будет отвечать за это перед правосудием. Поэтому не диво, если кто-нибудь, захватив негодяя, соблаздившего дочь с одобрения подстрекающего на это жреца и похищающего ее из дому, хотя бы с ее согласия, может и должен предать их обоим позорной смерти и бросить на растерзание диким зверям их тела, недостойные сладостного и желанного последнего поцелуя великой матери земли, то есть так называемого погребения.

«Дражайший сын, после моей кончины прошу вас наблюдать, чтобы такие законы на были приняты в нашем королевстве, а пока я жив телом и дышу, такое распоряжение, с помощью божией, я издам сам, так как вы полагаетесь на меня в вопросе о своем браке, и я того же мнения, то я позабочусь об этом. Готовьтесь же к путешествию с Панургом. Возьмите с собой Эпистемона, брата Жана и других, кого хотите. Из моей казны возьмите по вашему усмотрению. Все, что бы вы ни сделали, не может мне быть неуютным.

«Из моего морского арсенала наберите такой экипаж, какой хотите: сколько нужно кормчих, матросов и толмачей; и при первом попутном ветре поднимите паруса с божьей помощью и покровительством.

«Во время вашего отсутствия я позабочусь и о жене для вас и о пире, который хочу на вашей свадьбе устроить так, как никогда не было».

ГЛАВА XLIX. Как Пантагрюэль делает приготовления к морскому путешествию, и о траве, названной пантагрюэльон

Немного дней спустя Пантагрюэль, распрощавшись с добрым Гаргантюа, который помолился о путешествии сына, прибыл в порт Таласс, близ Саммало, в сопровождении Панурга, Эпистемона, брата Жана, телемского аббата, и других из благородного дома, а именно Ксеномана, великого путешественника, исследователя опасных путей, который явился по приглашению Панурга, потому что находился в неизвестно каких вассальных отношениях к владельцу замка Сальмигонден.

Прибыв туда, Пантагрюэль организовал судовой экипаж в числе, равном тому, – которое некогда Аякс повел из Саламина в походе греков на Трою. Матросов, кормчих, штурманов, переводчиков, ремесленников, солдат, съестных припасов, артиллерии, боевых снарядов, одежды, денег было захвачено в достаточном количестве для продолжительного и рискованного путешествия. Между прочим, я видел, что он велел погрузить большой запас своей травы – пантагрюэльона, – как зеленой, в сыром виде, так и засушенной.

Следует ботаническое описание этой травы, которая восхваляется некоторыми учеными. Трава эта не что иное, как конопля, хотя и огромного размера.

Из особенных свойств растения Раблэ отмечает свойство конопляного семени убивать производительную способность в человеке, имеющем к нему пристрастие. Лепешки из пантагрюэльона расстраивают пищеварение, портят кровь и одурманивают мозг. У пантагрюэльона есть мужское растение, не цветущее, но обильное семенами, и женское, покрывающееся совершенно бесполезным беловатым мелким цветом. Листья его шире, мягче, чем у мужского растения, и ростом оно ниже. Пантагрюэльон сеют, когда прилетают ласточки, и вырывают из земли, когда цикады перестают петь.

ГЛАВА L. Как следует готовить пантагрюэльон и в каком виде потреблять

Пантагрюэльон, пишет Раблэ, готовят так: очищают стебель от листьев и семян и погружают в стоячую, непроточную воду – в случае сухой погоды на пять дней (если вода теплая), а если погода пасмурна и вода холодна, то от девяти и до двенадцати дней. Высушив на солнце, его надо в тени расщипать на волокна (в которых вся суть) и отделить их от ненужной древесины, годной только как горючий материал да для забавы детей, накладывающих ее в свиные пузыри. Впрочем, некоторые гастрономы пользуются древесиной как сифоном для высасывания молодого вина из бочки. Есть и такие пантагрюэлисты, новейшей формации, которые избегают ручного труда и пользуются для отделения волокон особыми инструментами, напоминающими сложенные пальцы разгневанной Юноны, которая с помощью их хотела помешать Алкмене родить на свет Геркулеса. Таким инструментом разминают древесину, приводя ее в негодность, чтобы сохранить лишь одни волокна. Этим способом пользуются те, кто добывает свой хлеб пятясь задом – канатчики, прядущие из этих волокон пряжу, то есть занимающиеся тем же времяпровождением что три сестры Парки, или Цирцея по ночам, или Пенелопа, отягивавшая ответы женихам таким способом во время отсутствия мужа своего Улисса.

Названия растений можно классифицировать, разбив на шесть групп. Одни называются по имени тех, кто их открыл, изучил и вырастил первый среди людей и богов. Имя «*Artemisia*» происходит от Артемиды, то есть Дианы, «*Gentiana*» – от короля Славонии Генция, «*Alcibiadion*» – от Алкивиада и т. д.

Некогда так ценилась прерогатива давать свое имя вновь открытым травам и злакам, что между Нептуном и Палладой возник спор из-за того, чьим именем должна быть названа земля, открытая ими обоими вместе, которая была названа впоследствии афинской, от Афины, то есть Минервы (Паллады); также Линкус, скифский король, приложил усилия, чтобы изменнически убить юного Триптолема, которого Церера послала показать людям еще неизвестную им пшеницу, убить для того, чтобы, воспользовавшись его смертью, дать свое собственное имя этому злаку и добыть себе бессмертную славу открывшего столь полезное и необходимое в жизни человеку растение. За такое предательство он, однако, был превращен Церерою в рысь, жадного хищника. Равным образом некогда велись продолжительные и кровопролитные войны между каппадокийскими царями из-за спора, чьим именем назвать некое растение, которое в конце концов было названо «полемонией», то есть растением войны.

Далее Раблэ заимствует у Плиния примеры растений, называвшихся по имени местностей, из которых они вывезены, – так, ремень (*Rhabarbe*) получил свое название от имени варварской реки Rha (Pa), как о том свидетельствует Аммиан, – а также растений, названных «от противного», как-то: абсент, дающий отвратительный напиток, назван так от слова «пинта» (питьевая мера); слово «*holosteon*» по-гречески означает «весь состоящий из костей», а растение под этим именем как раз самое нежное и хрупкое из всех известных в ботанике.

Есть цветы и травы, названные в соответствии с их качеством и действием на организм: *Callitrichum* – по-гречески – «прекрасноволосое» (употребляется как средство, помогающее росту волос), и др. Гелиотроп, по-гречески, означает: «обращающийся к солнцу». И действительно, этот цветок, когда солнце встает, расцветает; солнце подымается – и он тянется; солнце прячется – он смыкается. Цветок *Adiantum*, хотя и растет близ воды, никогда не задерживает влаги, – даже если его опустят надолго в воду.

Есть цветы и другие растения, названные по имени превращенных в них мужчин и женщин; пример – нарцисс.

Называют растения по сходству: назван так за свое сходство с хвостом лисицы *Alopescuros*; ирис походит на раду (Ирида). Бывает и наоборот, что люди получают свои родовые имена от растений: Фабий от слова, «*Faba*» (боб).

Цицерон от слова, «*Cicer*» (дикий горошек).

Наконец, просто по форме: трилистник имеет три листа: *trefeuill*; *pentaphyllon* имеет пять листьев, согласно тому, что означает его название по-гречески, и т. д.

ГЛАВА LI. Почему растение названо пантагрюэльон

Удивительные свойства этого растения Пантагрюэль, по словам Раблэ (который утверждает, что богопротивных басен он никогда не вставляет в эту правдивую историю), открыл если не самую траву, то такое применение ее, которое для грабителей ненавистнее, чем плевелы для пшеницы, чеснок для магнитов, лук для глаз, папоротниковое семя для грешных монашек, аконит для барсов и волков и т. д.

Иные из потреблявших эту траву по способу Пантагрюэля лишались ни много, ни мало – жизни, как-то римский император Бонос, фракийская царица Филлис, Арахнея, Леда: всем им казалось, что их болезнь состояла в том, что пантагрюэльон сдавливал им проходы для их острых слов и вкусных кусков хуже всякой ангины и дифтерита. Иные, умирая, прямо утверждали и жаловались, что их держит за горло Пантагрюэль. Но это был вовсе не Пантагрюэль, а именно пантагрюэльон. Так что те, кто говорил это в прямом смысле, делали грубую ошибку; это допустимо лишь в качестве синекдохи, стилистической фигуры, когда называют имя изобретателя вместо предмета, изобретенного им, как, например, называют вино Бахусом, а хлеб – Церерой. Благородный.

Пантагрюэль брал за горло тех, кто пренебрегал утолением своей жажды.

Пантагрюэльоном траву называли также и за сходство ее роста с величиною новорожденного Пантагрюэля. В этой траве было столько же энергии, как в нем самом. Впущенный в уши сок этой травы убивает всяких паразитов, проникших в них. Налитый в ведро с водой – превращает последнюю в сыворотку, чрезвычайно полезную для лошадей при коликах. Сваренный в воде корень пантагрюэльона смягчит жилы и сухожилия и помогает от ревматизма и подагры. Сырой пантагрюэльон лечит ожоги (от кипятка и от огня одинаково). Надо его только почаще менять на свежий: как только высохнет. Без этого злака кухня и стол были бы отвратительны, хотя бы состояли из изысканнейших блюд; и постели самой роскошной, драгоценной отделки были бы не сладки для сна. Мельники не могли бы возить ни хлеба, ни муки, каты – своих дел в суд, всякая переписка и регистрация у нотариусов прекратилась бы. Книгопечатание погребло бы, колокола бы не звонили, и не во что бы было одевать армию. Благодаря ему вошли в употребление и сформировались фасоны башмаков, ботинок, туфель, пантуфлей, ботфортов и т. д. Он дает тетиву для луков и арбалетов. Без пантагрюэльона, как травы вербеновой почитаемой манами и лемурами, тела умерших нельзя было бы предавать земле.

Благодаря этому растению, надуваемому воздухом, снимаются с якоря и движутся просторные фрегаты, галеры, брига; благодаря ему неизвестные народы добрались до нас, а мы до них. Исландцы и гренландцы благодаря ему будут пить из Евфрата. Силы небесные, боги земные и водные испугались того, что благодаря благословенному пантагрюэльону арктические народы проплывают по экватору и охватывают оба полюса своим зрением на горизонте. Боги-олимпийцы в ужасе изрекли: «Пантагрюэль снова ввергает нас в досаду и раздумье применением свойств растения его имени. Он собирается жениться и иметь от жены детей. Этому жребию помешать мы не можем, так как он прошел через руки и веретена роковых сестер – дочерей необходимости. А дети его, быть может, откроют другую траву, обладающую подобной силой, – и благодаря ей человечество проникнет к самим истокам града, в бассейны дождя, в лабораторию молний; сделают нападение эти люди на луну, войдут в территорию небесных знамений и там обоснуются; одни в созвездии Золотого Орла, другие – Овна, третьи – Короны, четвертые в созвездии Льва, пятые в созвездии Лиры. Воссядут за трапезу с нами, богами, а наших богинь возьмут себе в жены, и через это сами достигнут обожествления».

В конце концов они принялись в чрезвычайном совете обдумывать средства, как бы воспрепятствовать этому.

ГЛАВА ЛII. Как известный вид пантагрюэльона не горит в огне

То, что я вам рассказал, велико и удивительно. Но если бы вы решились поверить еще одному божественному свойству этого священного растения, – я мог бы вам про него порассказать! Поверите вы или нет – для меня все равно, лишь бы я говорил правду. Правду я вам и скажу. Но в качестве введения к ней (ибо подход к ней крут и труден) я у вас спрошу:

Если я волью в эту бутылку две пинты вина и одну воды, хорошо смешав их, как вы их разъедините? Как разделите, чтобы вернуть мне воду отдельно от вина, и вино отдельно от воды, и в той же мере, в какой я их налил? Или иначе: если бы на лодках и на подводках вы бы доставили к себе на дом про запас несколько бочек, боченков и ведер разных вин, как-то: гравского, орлеанского, мирвозского, затем откупорили бы их и наполовину выпили, остальное дополнили бы водой, – как лимузинцы, перевозчики вина из Аржантона, – то как бы вы удалили эту воду? Как бы очистили вино? Я знаю, вы мне скажете о воронке из плюща, которая не раз описывалась. Правильно. Это проверено тысячами опытов. Вы это знаете. Но тот, кто не знает про воронку и не видел ее никогда, вряд ли поверит возможности этого.

Пойдем далее. Если бы мы жили во времена Суллы, Мария, Цезаря и других римских императоров или в эпоху наших древних друидов, которые заставляли сжигать трупы своих родных и вельмож, – если бы вы захотели испить пепла ваших жен или родителей, в виде настойки на хорошем белом вине, как сделала Артемида с прахом своего мужа Мавзола, или же сохранить прах в целости в какой-нибудь урне или в ковчеге, то как бы вы смогли отделить пепел, оставшийся от мертвого тела, от пепла погребального костра? Отвечайте! Клянусь честью, это вам было бы очень трудно!

И вот я говорю, что, взяв этого небесного пантагрюэльона столько, чтобы покрыть тело умершего, и хорошо обернув его в эту траву, обвязав и зашив, бросьте в какой угодно сильный огонь. Сквозь пантагрюэльон огонь сожжет и превратит в пепел тело и кости покойного, причем самый пантагрюэльон не только не будет сожжен, но не потеряет ни одного атома пепла, находящегося внутри его, и не пропустит в себя ни одного атома пепла от костра, но когда вы извлечете его, наконец, из огня, он будет еще прекраснее, еще белее, еще чище, чем до того, как вы его кинули в огонь. Потому-то он и называется асбестом. Его в изобилии и недорого можете найти в Карпазии, в широтах Диасиены. О, это великая вещь! Удивительная вещь! Всепожирающий огонь, портящий и уничтожающий все предметы, – тот же огонь очищает и белит только пантагрюэльон, карпазийский асбест!

Если вы не верите и, подобно евреям и прочим неверным, требуете доказательств и знамений, то возьмите свежее яйцо и оберните его этим божественным пантагрюэльоном. И обернув, положите в какой угодно жаркий огонь и оставьте на сколько хотите времени. В конце концов вы вынете яйцо сварившимся, испекшимся, сгоревшим, – между тем как священный пантагрюэльон не подвергнется никакому изменению и даже не нагреется.

Меньше чем за пятьдесят тысяч бордосских эку, уменьшенных на одну двенадцатую часть су, вы сможете произвести этот опыт. Не сравнивайте этого с саламандрой. Это вздор. Я признаю, что она способна весело вынести какой-нибудь маленький огонек от горящей соломы. Но уверяю вас, что в большой печи саламандра, как всякое другое животное, задохнется и сгорит – мы это видели на опыте. Гален давно подтвердил и доказал это в третьей книге своего труда «О темпераментах», и то же самое вы найдете у Диоскорида, в книге второй. Не ссылайтесь мне ни на квасцы, ни на ту деревянную башню в Пирее, которую Люций Сулла никак не мог сжечь, потому что она была покрыта квасцами по приказанию местного наместника Архелая при короле Митридате Понтийском. И не сравнивайте пантагрюэльона с тем деревом, которое Александр Корнелий называл «Эонем» и говорил, что оно похоже на обвитый омелою

дуб, и что оно будто бы ни в огне не горит, ни в воде не тонет, как и омела с дубом, и что будто бы из этого дерева построен был знаменитый корабль «Арго». Найдите того, кто этому верит, а меня извините.

Не сравнивайте также другого дерева, хотя и удивительного, которое растет в горах Бриансона и Амбруна, из корней которого получается хорошая губка, а из ствола – превосходная смола, которую Гален сравнивает даже со скипидарною смолою.

На изящных листьях этого дерева копится тонкий небесный мед, манна небесная; и хотя оно смолисто и маслянисто, но огонь его не сжигает. По-латыни и по-гречески дерево это называется, *Larix*. На Альпах его зовут мелезой; антенориды и венецианцы называют его ларег; от последнего названия происходит имя пьемонтской крепости, *Larignum*, обманувшей Юлия Цезаря во время похода его на галлов.

Юлий Цезарь приказал всем жителям Альп и Пьемонта подвезти съестных припасов и всякого снабжения к этапам, намеченным по военной дороге, для его проходящего войска. Все повиновались этому приказу, кроме жителей Ларигнума, которые, полагаясь на неприступность места, отказали в контрибуции.

Чтобы наказать их за отказ, Цезарь приказал армии идти прямо на крепость. Перед воротами последней стояла башня, выстроенная из толстых лиственничных балок, наложенных одна на другую, точно поленица дров, и такой высоты, что с верха из катапульт легко можно было бить камнями и тяжелыми бревнами в осаждающих.

Узнав, что у осажденных других средств к обороне, кроме камней и бревен, нет, и что они могут бросать их только на близком расстоянии, Цезарь приказал своим солдатам набросать побольше хворосту вокруг башни и поджечь. Приказание немедленно было исполнено. Огонь охватил дрова, и пламя поднялось на такую вышину, что покрыло всю крепость. Все думали, что башня скоро будет сожжена и уничтожена. Но когда пламя прекратилось и дрова сгорели, – башня оказалась целой и невредимой. Увидев это, Цезарь приказал, чтобы вокруг крепости вне пределов досягаемости для камней с башни – была вырыта Линия рвов и фортов. И тогда ларигнианцы сдались на капитуляцию. Из их рассказов Цезарь узнал о необыкновенной природе этого дерева, которое ни горит, ни пылает, ни обугливается. По этому своему качеству дерево это достойно быть поставлено рядом с подлинным пантагрюэльюном. Более того, сам Пантагрюэль хотел заказать из этого дерева все решетки, двери, окна, водосточные трубы и крыши своей обители. Он хотел также обшить им нос и корму, палубу и кубрик, марс и прочие части всех своих судов: галер, лодок, бригантин, фрегатов, шхун и прочих кораблей своего морского арсенала в Талассе. Это он сделал бы, но оказалось, что лиственница – хотя и устойчивее прочих древесных пород в отношении пламени – все же в конце концов подвергается порче и ломке под действием огня, как камни в известковой печи. А асбест-пантагрюэльюн от огня скорее обновляется и очищается, чем меняется или портится. А потому:

Не хвастайтесь, арабы и индусы,
Своим эбеном, миррою своей!
Идите к нам, узнайте наши вкусы,
У нас берите семена с полей.
Когда у вас они возрастут – воздайте
Благодарений небу миллион.
И Францию счастливой почитайте,
Откуда вышел пантагрюэльюн.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ И СКАЗАНИЙ ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ

**ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ
И СКАЗАНИЙ ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ
СОЧИНЕНИЕ М. ФРАНСУА
РАБЛЭ, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ**

1552 год

Книга начинается длинным посланием «преславному князю и достопочтенному монсе-
ньору Одэ, шатильонскому кардиналу». В послании Раблэ сравнивает искусство писателя с
искусством медика. Посредством последнего доктор Раблэ облегчал страдания больных, кото-
рых пользовал лично; своими писаниями он старался облегчить страдания таких больных,
которые жили вдали. Многие писатели подробно наставляют врача относительно манер и
костюма: ясное и приятное лицо врача радует больного и вселяет в него надежду, – отталкива-
ющая же и неприятная наружность лишает его бодрости и сил. Подобно тому как дочь Августа,
Юлия, надевала соблазнительный наряд, чтобы понравиться мужу, так и врачу надлежало бы
приходить к больному в пышном и богатом наряде. Врач ни в коем случае не должен огорчать
больного ни видом своим, ни словами. Вот потому-то в книгах Раблэ так много веселых шуток.

ПРОЛОГ АВТОРА

Писатель обращается к благосклонным читателям со многими сентенциями, которые мы перечисляем вкратце.

Каждый врач должен помнить изречение: «Врачу, исцелися сам». Раблэ приводит несколько примеров медиков, действительно пользовавшихся до самой смерти завидным здоровьем. Своим читателям он советует неустанно молиться о сохранении их здоровья, а в случае потери его – о возвращении. Приведя несколько примеров силы искренней и скромной молитвы, Раблэ далее рассказывает случай с одним дровосеком, который хотел молитвой добиться от богов возвращения ему потерянного топора. Юпитер в это время собрал совет богов для обсуждения важнейших государственных дел. Вопли несчастного дровосека достигли слуха богов. Тем не менее боги, естественно, не задержали совещания ради того, чтобы помочь бедняку.

Приап на совете как раз рассказывал сказку о волшебной собаке и волшебной лисе. Первая была заколдована Вулканом так, что не могла упустить никакой попадавшейся ей на пути добычи; вторая, заколдованная Вакхом, не могла быть поймана.

Совет богов, в виду явного противоречия фактов существования двух таких животных, долго просидев над рассмотрением этого дела, решил превратить и собаку и лису в камни...

После речей Юпитера и Меркурия о разных предметах боги наконец обратили внимание на вопли, доносившиеся до них с земли, и решили немедленно бросить к ногам дровосека три топора, равные по весу, но один золотой, другой – серебряный, и третий – его собственный.

Юпитер постановил, что если человек выберет свой топор, ему будут отданы два других. Если же не свой, Меркурий должен отрубить ему голову. Дровосек отбросил от себя оба драгоценных топора и, обрадовавшись, схватился за собственный, за что и получил два остальных.

В восторге бедняк прицепил топоры и стал гулять в таком виде. На следующий день он обменял подарки богов на деньги и купил себе несколько усадеб, став первым богачом в округе.

Завистники-соседи узнали от него, каким образом достался ему клад, и решили поступить по его примеру. В скором времени ни у одного сына честной матери не осталось не потерянного топора.

Все принялись вопить во весь голос, взывая к Юпитеру: «Мой топор, мой топор, мой топор! Го-го-го! Го-го-го! Мой топор!» Всем им Меркурий приносил по три топора, и так как все хватались за золотой, рубил им голову.

Мораль – следует быть умеренным в своих желаниях. Больные должны просить только здоровья. Его-то и желает им Раблэ, предлагая выпить и выслушать рассказ про благородного Пантагрюэля.

ГЛАВА I. Как Пантагрюэль вышел в море, чтобы посетить оракула божественной Бакбюк

В июне, в день праздника весталок, – в тот самый день, когда Брут завоевал Испанию и покорил испанцев, а также скупой Красе был побежден и разбит парфянами, – Пантагрюэль, распрощавшись с добрым своим родителем Гаргантюа (который, следуя похвальному обычаю святых христиан в первые века церкви, помолился о благополучном путешествии сына и его товарищей), отправился в море из порта Талассы, в сопровождении Панурга, брата Жана, Эпистемона, Гимнаста, Эстена, Ризотома, Карпалима и других своих слуг и домочадцев, вместе с Ксеноманом, великим путешественником и исследователем опасных путей, который приехал за несколько дней до того, по приглашению Панурга.

Ксеноман составил королю Гаргантюа обозначенный им на его большой всемирной Гидрографии путь к оракулу Божественной Бутылки Бакбюк.

Число кораблей я уже указал в третьей книге. Все они были хорошо снабжены экипажем, проконопачены, обеспечены припасами, – особенно пантагрюэльюном. Все офицеры, переводчики, лоцманы, капитаны, шкиперы, штурманы, боцманы и матросы были собраны на «Таламеге». Так был назван большой и главный корабль Пантагрюэля. На корме этого корабля красовалась в виде девиза большая, объемистая бутылка, наполовину из полированного гладкого серебра, наполовину золотая, с эмалью алого цвета. По этому легко можно было судить, что белый и розовый были цветами благородных путешественников, и что целью их путешествия было слово Бутылки.

На корме второго корабля был высоко поднят старинный фонарь, искусно сделанный из прозрачного камня. Это означало, что путь их лежит через Фонарию.

Третий корабль имел в виде девиза прекрасный глубокий фарфоровый кубок. На четвертом красовался золотой кувшин с двумя ручками, в форме античной урны. На пятом – прекрасной работы жбан, усеянный изумрудами. На шестом – объемистый «монашеский» стакан из сплава четырех металлов. На седьмом – воронка черного дерева с золотой инкрустацией. На восьмом – золотая чаша драгоценной дамасской чеканки. На девятом – ваза из тонкого золота. На десятом – чаша из душистого райского дерева, которое вы называете «алоэ», в оправе из кипрского золота, персидской работы. На одиннадцатом – золотая, с мозаикой, корзина для винограда. На двенадцатом – боченок матового золота, с виньеткой из крупных индийских жемчугов.

Никто, как бы он ни был печален, разгневан, расстроен или грустен, – будь это сам плаксивый Гераклит, – не мог не возрадоваться и не улыбнуться весело при виде этой благородной эскадры судов с их девизами. Всякий сказал бы, что путешественники порядочные люди и любят хорошо выпить, и с полной уверенностью предрек бы, что все путешествие и туда и обратно пройдет весело и вполне благополучно.

Итак, на «Таламеге» собрались все моряки. Пантагрюэль произнес короткое и благочестивое наставление, подкрепленное соответствующими извлечениями из священного писания, по поводу мореплавания.

По окончании его речи была произнесена громким и ясным голосом молитва богу, так что слышали все граждане Талассы, сбегавшиеся на мол, чтобы видеть их посадку на суда. После молитвы был мелодично пропет псалом царя Давида, начинающийся так: «Израиль, исшед из Египта». По окончании псалма на палубе расставили столы и проворно подали еду. Талассцы, присоединившиеся к пению псалма, велели принести из дому побольше вина и съестного. Все выпили за них, а они выпили за всех. Вот почему никто из компании не страдал в пути морскою болезнью, ни желудком, ни головною болью. А этой неприятности они не избегли бы так просто, даже если бы перед отправлением в путь несколько дней пили морскую

воду (чистую или с примесью вина) и ели бы айву, лимонную цедру и сосали кисло-сладкий гранатовый сок, и если бы держали долгую диету, обложили бы живот бумагой или бы делали еще что-нибудь, что предписывают глупые врачи лицам, отправляющимся в море.

Повторив несколько раз выпивку, все разошлись по своим кораблям и рано утром отдали паруса восточному греческому ветру, по которому главный лоцман, Жаннэ Брейэ, указывал путь и наставил стрелки всех буссолей.

Его мнение и мнение Ксеномана было таково, что, так как оракул божественной Бакбюк находился близ Китая, в верхней Индии, то им не следует брать обычной дороги португальских мореходов, которые, пройдя экватор и Мыс Доброй Надежды, южную точку Африки, по ту сторону тропика Козерога, и теряя из виду Полярную Звезду, проходят огромный лишний путь, а следовать как можно ближе к параллели Индии и огибать с запада ее оконечность, – так, чтобы, обращаясь на север, находиться на той же высоте, как порт Олон, но не приближаясь, из опасения подвергнуться опасности застрять в Ледовитом океане. Следуя этим правильным поворотом по той же параллели, они были бы направо от Леванта, от которого при отплытии находились слева.

Такой путь оказался невероятно выгодным: без крушений, без опасностей, не потеряв никого из людей, при безоблачно ясном небе (кроме одного дня у Острова Макреонов) они совершили путешествие в верхнюю Индию меньше чем в четыре месяца. Этот же путь португальцы едва совершают в три года, при чем подвергаются тысячам неприятностей и бесконечным опасностям. Я, пока меня не переубедят, держусь того мнения, что по этому удачному пути следовали индийцы, которые приплыли в Германию и были приняты с почетом шведским королем в то время, когда проконсулом в Галлии был Квинт Метелл Целер, как об этом пишут Корнелий Непот, Помпоний Мела и после них Плиний.

ГЛАВА II. Как Пантагрюэль купил множество прекрасных вещей на острове Медамоти

Ни в первый, ни в два следующие дня они не видали земли и не встретили ничего нового, потому что они уже раньше ходили по этому пути. На четвертый день они наткнулись на остров, называвшийся Медамоти, красивый на вид и приятный благодаря большому числу маяков и высоких мраморных башен, которыми была украшена вся окрестность острова, не меньшего, чем Канада. Пантагрюэль, осведомившись, кто правит островом, услышал, что – король Филофан (который в это время был в отсутствии по случаю бракосочетания брата своего Филотеамона с инфантою королевства Анжис).

Пантагрюэль вошел в гавань и, пока корабельные шлюпки запасались пресной водой, стал рассматривать всякие ковры, картины, зверей, рыб и птиц и другие экзотические и чужеземные товары, находящиеся вдоль набережной и на рынках в порту.

Это был как раз третий день торжественной местной ярмарки, на которую ежегодно съезжались все самые богатые и знаменитые купцы Африки и Азии. Из этих товаров брат Жан купил две редкостные и драгоценные картины: на одной было написано очень живо лицо пропителя; на другой – портрет слуги, подражающего своему господину в жестах, манерах, походке и выражении лица. Картины были написаны мастером Шарлем Шармуа, придворным живописцем короля Мегиста. Вместо платы он отделался шуточками.

Панург купил большую картину – копию известной в древности вышивки, которую Филомела сделала иглой, изобразив сестре своей Прогнэ, как зять Терей лишил ее девственности и отрезал ей язык, чтобы преступление не могло раскрыться. Клянусь ручкой этого фонаря, что то была изящная и удивительная картина. Прошу вас не думать, что она изображала мужчину, насилующего девушку. Это было бы слишком глупо и слишком грубо. Картина была совсем другая и более понятная. Вы можете видеть ее в Телеме, по левую руку от входа в верхнюю галерею.

Эпистемон тоже купил себе картину, на которой живыми были изображены идеи Платона и атомы Эпикура.

Ризотом купил картину с изображением Эхо с натуры.

Пантагрюэль поручил купить Гимнасту серию ковров – семьдесят восемь штук, – изображающих «жизнь и деяния Ахиллеса». Ковры были вытканы из фригийского шелка и вышиты золотом и серебром, – каждый Длиною в четыре, шириною в три туаза²³³.

На первом ковре изображалась свадьба Пелея и Фетиды, затем Рождение Ахиллеса, юность его, описанная Папинием, затем – деяния и ратные подвиги, прославленные Гомером;

²³³ Французская мера «туаза» равнялась 1,95 метра.

смерть и погребение, описанные Овидием и Квинтом-калабрийцем. Наконец изображалось появление его тени и жертвоприношение Поликсены, согласно описанию Эврипида.

Кроме того Гимнасту велено было купить трех красивых молодых единорогов – рыжего самца и двух самок серой в яблоках масти. Вместе же с ними таранда, которого продавал некий скиф из Страны Стужи.

Таранд – животное величиною с молодого бычка, с головой в роде оленьей, немного побольше, с отличными, широко разветвленными рогами, с раздвоенными копытами, длинной, как у большого медведя, шерстью и кожей чуть-чуть помягче, чем панцирь. Житель Страны Стужи утверждал, что тарандов мало в Скифии, потому что они меняют окраску в зависимости от места, где живут и пасутся: они принимают цвет трав, деревьев, кустарника, цветов, пастбищ, скал, – вообще всего, к чему приближаются.

Это свойство у таранда общее с морским полипом, с индийскими волками, с хамелеоном (вид ящерицы, такой необыкновенной, что Демокрит написал целую книгу о внешнем виде, строении тела и магических особенностях этого животного). Я сам видел, как хамелеон менял цвет не только от приближения к нему окрашенных предметов, но и сам по себе, в зависимости от испытываемого им страха и других чувств; так, на зеленом ковре, я видел, что он зеленел, но, оставшись на нем некоторое время, последовательно становился желтым, голубым, бурым, лиловым, – подобно тому как гребень индюка меняет свой цвет в зависимости от переживаний птицы.

В этом таранде мы нашли особенно удивительным то, что не только его морда и кожа, но и вся шерсть целиком принимала цвет соседних предметов. Близ одетого в сероватую тогу Панурга шерсть его серела; около Пантагрюэля, одетого в ярко-красную мантию, и шкура и шерсть таранда краснели; около лоцмана, одетого по моде жрецов Анубиса и Изиды, шерсть его казалась совсем белой. У хамелеона превращений в два последних цвета не бывает.

Когда же таранда не волнует ни страх и никакие другие чувства, то он принимает свою естественную окраску, и цвет его шерсти такой, как у ослов в Мэнге.

ГЛАВА III. Как Пантагрюэль получил письмо от своего отца Гаргантюа и об удивительном способе быстро узнавать новости из чужих и отдаленных стран

Пока Пантагрюэль был занят покупкой этих чужеземных животных, с мола раздалось шесть выстрелов из пушек и вместе с этим послышались радостные, громкие восклицания со всех кораблей. Пантагрюэль обращается к гавани и видит, что прибыл один из быстроходов его отца Гаргантюа, названный «Хэлидоном», потому что на корме его стояла фигура морской ласточки из коринфской меди. Хэлидон – это рыба, величиною с луарскую плотву, очень мясистая, без чешуи, с перепончатыми крыльями (как у летучих мышей), длинными и широкими, с помощью которых она пролетает, как я сам часто видел, над водою целый гуаз быстрее стрелы. В Марселе их называют «ландоль».

Итак, корабль был легок, как ласточка, и скорее, казалось, летел над морем, чем плыл. На нем находился Маликорн, стольник Гаргантюа, который послал его нарочным – проведать о здоровье и положении своего сына, доброго Пантагрюэля, и отвезти ему доверительное письмо.

Милостиво поклонившись и обняв посла, Пантагрюэль, прежде чем вскрыть письма или говорить о чем-либо, спросил у Маликорна:

– С вами ли Гозаль²³⁴, небесный вестник?

– Да, со мной, – ответил тот. – Он завернут в этой корзиночке.

Это была голубка, взятая из голубятни Гаргантюа и высиживавшая птенцов в то мгновение, когда отходил быстроход Маликорна. Если бы с Пантагрюэлем случилось какое-нибудь несчастье, – он привязал бы ей к лапкам черную ленточку, но так как все шло благополучно, то, освободив ее, он привязал к ее лапкам белую шелковую ленточку и, не оглаживая, тотчас же выпустил ее на свободу.

Голубка быстро улетела, рассекая воздух с невероятной быстротой. Вы знаете, что нет полета быстрее, чем у голубя, имеющего яйца или птенцов, благодаря неодолимому, вложенному в него природой, стремлению ухаживать и помогать своим голубкам. И вот менее чем в два часа она совершила по воздуху долгий путь, который быстроход с крайней для его скоростью прошел в три дня и три ночи, при постоянном попутном ветре и при помощи весел и парусов, и видели, как она влетела к своим малюткам в гнездо. Тогда благородный Гаргантюа, услышав, что на ней была белая ленточка, обрадовался и успокоился относительно благополучия своего сына.

Таков был способ у благородных Гаргантюа и Пантагрюэля, когда они хотели быстро получить сведения о чем-нибудь очень волнующем, сильно желаемом, как, например, об исходе морского или сухопутного сражения; о взятии или защите какой-нибудь крепости; о мирном окончании какой-нибудь важной распри; о благополучном или неудачном разрешении от бремени какой-нибудь королевы или знатной дамы; о смерти или выздоровлении своих заболевших друзей или союзников и т. д.

Они брали Гозаля и приказывали передавать его по почте из рук в руки вплоть до места, откуда ожидалось и нужны были известия Гозаль, в зависимости от обстоятельств, приносил черные или белые ленточки и своим возвращением выводил их из тягостного ожидания, проделывая по воздуху в один час путь больше, чем могли бы сделать тридцать курьеров в один день. Этим выгадывалось много времени.

²³⁴ Раблэ делает примечание, что это слово означает по-еврейски «голубь».

И верьте, как очень вероятной вещи, что в голубятнях на их мызах во все времена года можно было найти голубок, высиживающих яйца или возящихся с птенцами. Этого в хозяйстве достигнуть легко, – посредством селитры и священной травы вербены.

Выпустив Гозаля, Пантагрюэль прочел послание своего отца Гаргантюа следующего содержания.

В этом письме отец выражает свое беспокойство, опасения за сына и просит поскорее известить его о первых днях путешествия; Гаргантюа посылает также несколько книг и приветы спутникам Пантагрюэля.

ГЛАВА IV. Как Пантагрюэль пишет своему отцу Гаргантюа и посылает ему несколько редкостных и очень красивых предметов

Пантагрюэль велел приготовить для посланного закуску в ближайшем кабаке, с вывеской, изображавшей сатира верхом на коне; а сам принялся писать ответ отцу.

В своем письме, после обычных излиятий родственных чувств, Пантагрюэль описывает отцу посылаемых ему животных. Единороги оказываются ручными, как котята; питаются или плодами с деревьев, или травой, овощами, фруктами; пастись в поле, из-за рога на лбу, они не могут и питаются только плодами с деревьев.

Пантагрюэль подарил посланному толстую золотую цепь с крупными бриллиантами, рубинами, изумрудами и другими камнями.

Матросы Маликорна получили по пятьсот экю каждый. Маликорн повез Гаргантюа подарки, а суда Пантагрюэля отправились в дальнейший путь, при чем Эпистемон читал вслух книги, присланные Гаргантюа.

ГЛАВА V. Как Пантагрюэль встретил корабль с путешественниками, возвращающимися из Фонарии

На пятый день, начиная поворачивать постепенно к полюсу и удаляться от линии равноденствия, мы открыли купеческое судно, плывшее на парусах к нам навстречу. Велика была радость как наша, так и купцов: наша – потому что мы услышали новости о море; их – потому что они услышали от нас новости о суше.

Сойдясь с ними, мы узнали, что это мореплаватели-французы из округа Ксэнтонж²³⁵. Беседуя и разговаривая с ними, Пантагрюэль услышал, что они плывут из Фонарии²³⁶, что еще больше обрадовало его и одинаково всю нашу компанию, и мы стали расспрашивать о порядках в стране и нравах населения Фонарии. Мы получили сведения, что в конце наступающего июля там собирается главный капитул Фонарей, и если мы поспеем туда (что для нас было легко), то увидим всю честную и веселую компанию фонарийцев. К этим дням идут большие приготовления – очевидно, собираются широко и глубоко пофонарничать²³⁷.

Нам сказали также, что, проезжая большое королевство Гебарим, мы будем с почетом приняты королем Огабэ, правителем этой земли, который сам и все его подданные говорят по-французски, на наречии туренском.

Пока мы слушали все эти новости, Панург затеял ссору с одним купцом из Тайбурга, по имени Дендено²³⁸.

Поводом к спору послужило следующее обстоятельство: этот Дендено, увидав Панурга без гульфика и с очками на шляпе, сказал о нем своим спутникам:

– Посмотрите на этот превосходный портрет рогоносца!

Панург, благодаря очкам, имел гораздо более тонкий, чем всегда, слух²³⁹. Поэтому, услышав слова купца, он спросил у него:

– Какой я, к черту, рогоносец, когда я еще не женат, как ты, если судить по твоей мало привлекательной роже.

– Да, действительно женат, – отвечал купец, – и не отказался бы от этого ни за все очки Европы, ни за все подзорные трубы Африки. У меня жена из самых красивых женщин на свете, из самых честных, скромных и целомудренных во всем Ксэнтонже, и – пусть не обижаются ее землячки – я везу ей из путешествия красивую ветку красного коралла, в одиннадцать дюймов длиною, в подарок к Новому году. А тебе что за дело? Кто ты такой? Чего мешаешься? Откуда ты, антихристов очконос? Отвечай, если ты божий человек.

– А я тебя спрашиваю, – сказал Панург, – что, если я чик-чик да ку-ка-ре-ку с твоей красивой, такой честной, такой целомудренной, такой скромной женой, так что крепкий бог садов Приап, который здесь на свободе, войдет в нее и никогда не выйдет и вечно там останется, разве только ты его зубами вытащишь! Что тогда? Оставишь ты его? Или будешь тащить зубами? Отвечай, Магометов бараний случник.

– Я ударю тебя шпагой по твоим очкастым ушам и убью тебя как барана! – с этими словами купец стал вытаскивать из ножен шпагу. Но она застряла в ножнах, – как вы знаете, на море легко ржавеет оружие из-за влажности и азотистости воздуха.

²³⁵ Округ на берегу Атлантического океана.

²³⁶ Фонария – или Триентский собор, или город Ля-Рошель, убежище кальвинистов во Франции.

²³⁷ Комментаторы видят намек на Триентский собор 1546 года.

²³⁸ От слова «dinde» – «индюк».

²³⁹ Шутка Рабле над невежеством его современников, способных думать, что одним и тем же инструментом можно пользоваться и для слуха и для зрения.

Панург побежал за помощью к Пантагрюэлю. Брат Жан схватился за свой только что отточенный меч и беспощадно убил бы купца, если бы капитан корабля и прочие пассажиры не взмолились Пантагрюэлю, прося его не дать разыгаться скандалу на его корабле.

Поэтому ссора была прекращена, и Панург и купец пожали друг другу руки и охотно выпили один за здоровье другого, в знак полного примирения.

ГЛАВА VI. Как после примирения Панург стал торговать у Дендено одного из его баранов

Когда ссора совсем утихла, Панург сказал по секрету Эпистемону и брату Жану:

– Отойдите-ка отсюда немного в сторону и позабавьтесь над тем, что увидите. Будет хорошая игра, если струна не лопнет.

Обратившись к купцу, он снова выпил за его здоровье полный бокал доброго фонарского вина. Прилично и вежливо купец ему ответил тем же. После этого Панург почтительно стал просить его сделать милость – продать ему одного из своих баранов.

Купец отвечал:

– Ого! Ну, друг мой, сосед наш, как вы умеете забавлять бедняков! Поистине, хороший покупатель! Славный бараний гуртовщик! Больше-то, пожалуй, вы смахиваете не на покупателя баранов, а на карманника. Николай-Угодник, я не позавидую, приятель, тому, кто с полным кошельком очутится рядом с вами. Ха-ха-ха! Не поздоровится тому, кто вас не признает! Смотрите-ка, добрые люди, какой историограф!

– Терпение! – сказал Панург. – Но, прошу вас, как об особой милости, продать мне одного из ваших баранов... Сколько стоит?

– Как, – отвечал купец, – друг наш, сосед мой, вы это понимаете? Это долгошерстные бараны. Язон снимал с них золотое руно. Это бараны восточные, бараны высокоствольные, высокожирные. Орден бургонского дома от них произошел.

– Хотя бы и так, – сказал Панург, – все-таки, пожалуйста, продайте мне одного, а я вам сейчас же уплачу за него западной монетой, полновесной и звонкой. Сколько?

– Сосед наш, друг мой, – отвечал купец, – прислушайтесь немного другим ухом.

Панург. К вашим услугам.

Купец. Вы плывете в Фонарию?

Панург. Да.

Купец. Повидать свет?

Панург. Да.

Купец. Повеселиться?

Панург. Да.

Купец. А зовут вас Робен-Баран?

Панург. Если вам так хочется.

Купец. Не обижайтесь!

Панург. Я понимаю шутку.

Купец. Кажется, вы шут короля?

Панург. Пожалуй.

Купец. Скажите, пожалуйста, ха-ха! Вы едете свет повидать, вы – шут короля, и зовут вас Робен-Баран. Посмотрите на этого барана, его тоже зовут Робен, как вас: Робен! Робен! Робен! Бе-бе-бе. Какой прекрасный голос!

Панург. Прекрасный и гармоничный.

Купец. Ну так заключим между собой договор, наш друг и сосед. Вы, Робен-Баран, будете на этой чашке весов, а мой баран-Робен на другой. Прозакладываю сотню бюшских устриц, что по весу, по качествам, по цене своей он быстро вас перетянет. Это так же верно, как то, что быть вам повешенным.

– Терпение! – сказал Панург. – Однако вы и для меня и для своего потомства много сделаете, если продадите мне этого или другого, пониже сортом. Пожалуйста, господин-сударь!

– Друг наш, – отвечал купец, – сосед мой, из шерсти этих баранов будет сделано тончайшее руанское сукно, да такое, что лиместрийские сукна перед ним – дерюга. Из кожи этих бара-

нов будет изготовлен сафьян, который продадут за турецкий или монтелимарский, на худой конец – за испанский. Из кишок сделают струны для скрипок и арф, которые будут продавать так же дорого, как мюнхенские или аквидейские. Как вы думаете?

– Если вам угодно, – сказал Панург, – продать мне одного, я буду вам верным слугой. Вот чистые денежки. Сколько?

И при этих словах он вытащил кошелек, полный новых «Генрихов»²⁴⁰.

²⁴⁰ Генрих II выпустил золотые монеты в 1549 и 1551 гг.

ГЛАВА VII. Продолжение торга между Панургом и Дендено

– Друг мой, – возразил купец, – сосед наш, это – еда только для королей и принцев. Мясо это так вкусно, так нежно, так лакомо – настоящий бальзам! Я везу баранов из такой страны, где даже свиньи (господи помилуй!) питаются одними сливами мирабель. Супоросые свиньи (извиняюсь перед обществом за такое словечко!) кормятся только цветами апельсинов.

– Но продайте мне, – сказал Панург, – одного барана; я заплачу вам по-королевски, честное слово бродяги! Сколько?

– Друг наш, – отвечал купец, – сосед мой, эти бараны ведут свой род прямо от того самого, который перенес через море Геллеспонт Фрикса и Геллу.

– Черт возьми! – воскликнул Панург. – Вы clericus vel addiscens.

– Слово, «ita» означает «капуста», – отвечал купец, – «vere» – значит «порей». Но pp! rrr! rrrrr! Ого-го, Робен, pp! rrrrr! Вы этого языка не понимаете?... А вот кстати: на полях, где они мочились, – везде такой урожай, как будто сам бог помочился. Не нужно никакого ни навоза ни мергеля. И более того: из их мочи алхимики извлекают наилучшую селитру в мире.

Их пометом (не прогневайтесь!) врачи в наших краях лечат семьдесят восемь разных болезней, из которых самая легкая – болезнь святого Евтропия, – убереги нас, боже, от нее. Как вы думаете, наш сосед, друг мой? Потому-то они и стоят у меня дорого!

– Стоят, очень стоят, – отвечал Панург, – но только продайте мне одного за хорошую цену.

– Друг наш, – отвечал купец, – сосед мой, поразмыслите чуточку над теми чудесами природы, которые заключаются в этих баранах, – даже в такой части, которую вы сочли бы бесполезной. Возьмем эти рога: столчите их железным или деревянным пестом, – мне все равно, – заройте их потом в землю на солнце, где угодно, и поливайте почаще; через несколько месяцев увидите, как из них вырастет лучшая спаржа в мире. С ней сравнится только равеннская. И говорить мне, что рога, – у вас, господ рогоносцев, – отличаются таким же чудесным свойством?

– Терпение! – отвечал Панург.

– Не знаю, – сказал купец, – учены ли вы. Много я видел ученых – и великих ученых, – которые были рогоносцами. Ей-богу, да! А кстати, если бы вы были ученым, вы бы знали, что в нижних конечностях этих божественных животных – в их ногах – есть кость, это пятка, «астргал», из которой – и ни от какого другого животного в мире, кроме индийского осла и ливийской козочки – уже в древности делали бабки для королевской игры тали, в которую император Октавиан Август за один вечер выиграл больше пятидесяти тысяч экю. Вам, рогоносцам, никогда не удавалось столько выигрывать.

– Терпение! – отвечал Панург. – Но приступим к делу!

– А как мне, друг наш, сосед мой, достойно восхвалить внутренние части, плечи, ключицы, бока, окорока, грудинку, печень, селезенку, потроха, пузырь, которым играют как мячом; ребра, из которых в Пигмионе делают небольшие прекрасные самострелы, чтобы стрелять вишневыми косточками в цапель; голову, из которой с примесью серы варят удивительное снадобье и кормят им собак от запора.

– Черт возьми! – сказал хозяин корабля купцу. – Слишком много болтовни. Продавай ему барана, если хочешь; а если не хочешь, не заговаривай ему зубы.

– Хочу, – отвечал купец, – только из любви к вам. Но пусть он мне заплатит монету в три ливра турской чеканки по моему выбору.

– Это много, – сказал Панург. – В наших краях я имел бы пять, даже шесть баранов за такие деньги. Подумайте, не слишком ли это. Вы не первый из моих знакомых, которые, желая скорее разбогатеть, наоборот – впадали в бедность, то есть ломали себе шею.

– Лихорадка тебя заведи! – сказал купец. – Дурачина ты этакий! Клянусь достойным ликом Харона, – самый маленький из этих баранов стоит вчетверо дороже лучшего из тех, что когда-то кораксийцы²⁴¹ в Тудитании, испанской провинции, продавали по золотому таланту²⁴² за штуку! А как ты думаешь, ты, дурак высокой пробы: что стоил талант золота?

– Милостивый государь, – сказал Панург, – как я вижу, вы слишком горячитесь. Нате вот вам ваши деньги.

Заплатив купцу, Панург выбрал из всего стада самого красивого большого барана и понес его. Баран принялся блеять и кричать, услышав это, все остальные тоже заблеяли, глядя в ту сторону, куда несли их товарища.

А купец между тем сказал своим пастухам:

– О, да он сумел выбрать барана, этот купец! Понимает толк в этом деле, негодяй! Честное слово, я берег этого барана для господина Канкаля, зная хорошо его натуру, потому что по своему характеру он особенно весел и радостен, когда держит в руке баранье плечо, такое приятное, красивое, и ловко расправляется с ним острым ножом.

²⁴¹ Жители Колхиды.

²⁴² Древняя монета высокой ценности – собственно, мера веса для слитков серебра и золота.

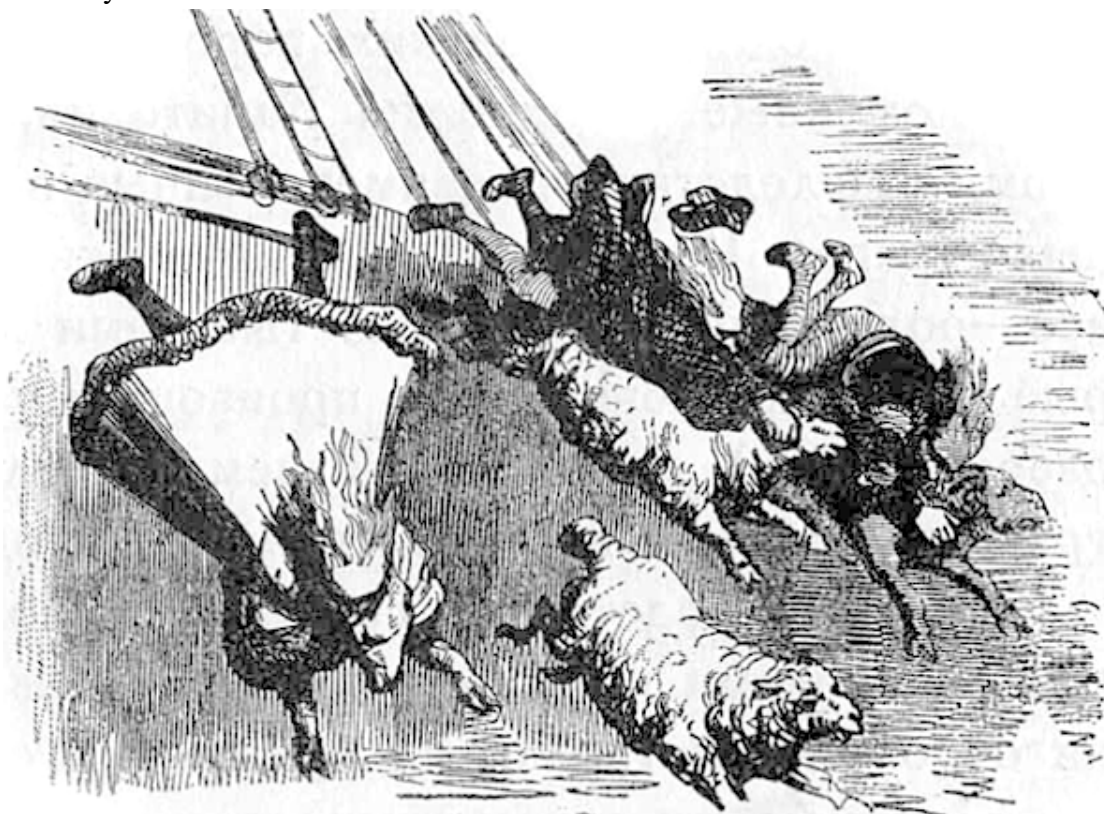
ГЛАВА VIII. Как Панург потопил в море купца и баранов

И вдруг – не знаю как (это случилось так внезапно, что я не успел рассмотреть всего) – Панург, ничего не говоря, бросил в море своего кричащего и блеющего барана.

И все остальные бараны, кричавшие и блеявшие в один тон, принялись скакать и бросаться в море один за другим по очереди. Произошла давка: кому первому прыгнуть за товарищем. И не было возможности их удержать. Как вы знаете, это у баранов в природе – всегда следовать за первым, куда бы он ни пошел. Поэтому Аристотель в книге девятой своей «Истории животного мира» говорит, что баран самое глупое и неспособное в мире животное.

Купец, в ужасе от того, что на его глазах гибнут и тонут его бараны, изо всех сил старался помешать этому, удержать их. Но тщетно.

Все по очереди прыгали в море и погибали. Наконец он взял и вытащил за шерсть на палубу большого и сильного барана, думая таким образом удержать его и спасти, следовательно, и остальных. Но баран оказался такой силы, что увлек за собою в море купца и потопил его, – подобно тому как бараны Полифема, кривого циклопа, унесли из пещеры Улисса с его товарищами. То же стали делать вслед за хозяином и пастухи и гуртовщики: кто брал барана за рога, кто за ноги, кто за шерсть. И все они один за другим были унесены в море и жалостным образом тонули.

Панург с веслом в руках стоял возле кухни, не для того, чтобы помогать пастухам, но чтобы мешать им как-нибудь взобраться на корабль и уйти от гибели, и красноречиво проповедовал им, – точно брат Оливье Мальяр или второй Жан Буржуа²⁴³, расписывая им по всем правилам риторики все несчастья этого мира и все блага жизни другой, утверждая, что отошедшие туда счастливее живущих в сей долине бед, и каждому из них обещая по возвраще-

²⁴³ Имена знаменитых проповедников XV столетия.

нии из Фонарии воздвигнуть памятник и достойный склеп на самой вершине горы Сэни²⁴⁴. И желал им тем не менее, – если все-таки им не противно быть среди людей и если их не тянет потонуть, – желал им успеха и встречи с каким-нибудь китом, который на третий день их извергнул бы из пасти целыми и невредимыми в какой-нибудь Ковровой стране, по примеру пророка Ионы.

Когда корабль опустел, освободившись от купцов и баранов, Панург закричал:

– Осталась ли здесь еще хоть одна баранья душа? Где здесь Тибо-Ягненок и Реньо-Баран? Те, что спят, когда другие пасутся? Тут ли они, я не знаю. Это старая военная хитрость. Как тебе кажется, брат Жан?

– Хорошо сделано, – отвечал брат Жан. – Я ничего не нашел в этом дурного, только, мне кажется, прежде на войне в день сражения или приступа обыкновенно обещали солдатам двойную плату за этот день: если выиграют сражение – будет добыча, из которой можно будет заплатить; проиграют его – им будет стыдно спросить плату, как это сделали грюйерцы, беглецы после битвы при Серизоль; так и вам бы следовало отложить расплату до конца сражения: денежки бы у вас остались в кошельке.

– На деньги наплевать, – сказал Панург. – Клянусь добродетелями божескими, я позабылся тысяч на пятьдесят франков с лишком. Отправимся, ветер как раз попутный. Слушай, брат Жан, не было человека, сделавшего мне что-либо приятное, которого бы я не отблагодарил или, по крайней мере, не был ему признателен. Я вовсе не неблагодарный человек, им не был и не буду. Но не было человека, сделавшего мне неприятность, который бы не раскаялся в этом мире или будущем. Я не настолько пустой человек.

– Ты, – сказал брат Жан, – сам себя осуждаешь, как старый черт. Ведь написано в молитвеннике: «Мне отмщение и т. д.».

²⁴⁴ Сэни – одно из парижских кладбищ.

ГЛАВА IX. Как Пантагрюэль прибыл на остров Энназин, и о странных родственных связях между жителями этой страны

На третий день плавания, на рассвете, перед нами показался треугольный остров, формой и положением очень сильно напоминавший Сицилию. Его называли Остров Родственников. Мужчины и женщины походили на жителей Пуату, с той разницей, что все они, мужчины, женщины и дети, имели носы в форме трезвонного туза. По этой причине древнее имя острова было Энназин (то есть безносый). Все жители приходились друг другу родственниками и свойственниками, чем очень хвастались. Их местный начальник сказал нам развязно:

– Вы, люди другого мира, считаете чем-то удивительным, что некогда из одной фамилии (это были Фабии), в один день (это было 13 февраля), из одних городских ворот (это были ворота Карментальские, расположенные у подножия Капитолия, между Тарпейской скалой и Тибром, впоследствии переименованные в Ворота Злодеев), против известных врагов Рима (это были этруски) вышли триста шесть воинов, и все – родственники, с пятью тысячами других солдат, их вассалов, которые все были убиты (это произошло у реки Кремеры, вытекающей из озера Баккан). А из нашей земли, если будет нужно, выйдет больше трехсот тысяч, и все родственники и одной фамилии.

Но их родство и свойство было очень странно: все они были родственниками и свойственниками между собой, но никто из них не был ни отцом, ни матерью, ни братом, ни сестрой, ни дядей, ни теткой, ни племянником, ни зятем, ни свекровью, ни крестным...

Почему-то один высокий старик как-то назвал при мне (говорит Раблэ) «папашей» маленькую трехлетнюю девочку, а девчурка ответила ему: «Что, дочка?»

Родство заключалось в том, что если кто-нибудь называл женщину, например, угрем, – та обращалась к нему: «мой морж». (Брат Жан по поводу этого сделал грубое и сальное замечание.)

Раблэ приводит ряд входящих в какую-нибудь поговорку выражений, составленных из двух частей, в роде как: «Спасибо, хорошее лицо!» – «И вам большое спасибо, дурная игра!» На что Пантагрюэль замечает, что соседство или родство «bonne mine» с «mauvais jeu» – вещь не плохая (всякий знает французскую поговорку: «faire bonne mine au mauvais jeu» – «при плохой игре делать хорошее лицо»). Если девушку называли «музой», – она кавалера – «рожок (рог по-французски «corne», муза – «muse», а «cornemuse» – волынка). Кавалер называет даму «клеткой»; она его – «птичкой». Понократ замечает, что, вероятно, эта птичка часто попадает в клетку. И так далее... Свадьбы там справлялись в кабачках. Венчали «грушу» с «сыром». В другом зале венчали «сапожок» с «ботинкой»; в третьем «молодой башмак» справлял свадьбу со «старой туфлей», беря ее замуж только из жадности: вся она была расшита золотом.

ГЛАВА X. Как Пантагрюэль сошел на острове Шэли, в котором правил король – святой Панигон

Юго-восточный ветер дул нам в корму, когда, оставив мало приятных «Родственников» с трезовым носом на лице, мы вышли в открытое море. На закате солнца мы пристали к острову Шэли, – большому, плодородному, богатому и многолюдному, управляемому королем – святым Панигоном. Он в сопровождении детей и принцев двора выехал к самой гавани, чтобы принять Пантагрюэля, и отвез его в свой замок. У входа – в замковую башню ждала их королева с дочерьми и придворными дамами. Панигон выразил желание, чтобы и она и вся свита расцеловали Пантагрюэля и его спутников. Таков был обычай вежливости в стране.

Это и было сделано со всеми, за исключением брата Жана, который исчез и скрылся среди королевских чиновников. Панигон настаивал, чтобы Пантагрюэль остался у него на этот и следующий день. Пантагрюэль основывал свой отказ, ссылаясь на ясную погоду и попутный ветер, которого путешественники чаще желают, чем имеют, и которым надо пользоваться, когда он дует, потому что он не всякий раз дует, когда его хотят.

После такого заявления выпили раз двадцать пять или тридцать друг за друга, и Панигон отпустил нас. Пантагрюэль, вернувшись в гавань и не видя брата Жана, спросил, где он и почему его не было со всеми. Панург не знал, как оправдать его, и уже хотел возвращаться в замок, чтобы его позвать, как брат Жан сам прибежал, очень веселый, и закричал в великой радости:

– Да здравствует благородный Панигон! Клянусь смертью буйвола, он побивает своей кухней! Я сейчас оттуда, там всего полная чаша. Ну, я там набил свое брюхо по монашескому уставу.

– Ты, мой друг, – сказал Пантагрюэль, – всегда с своими кухнями.

– Курица жареная, – воскликнул брат Жан, – кухонные обычаи и церемонии я знаю лучше, чем всякие шуры-муры с женщинами, реверансы, поклоны, целование ручек их милости, целование ручек их величествам, и тра-та-та и тра-та-та! Начхать на эту ерунду... Черт возьми, я вовсе не говорю, чтобы мне не приходилось иногда глотнуть этого соку.

Но эта гадость с реверансами меня злит хуже молодого черта, я хочу сказать – хуже двойного поста. Святой Бенедикт никогда не лжет. Вы говорите: целовать барышень. Но клянусь достойной и святой рясой, которую ношу, я охотно от этого уклоняюсь, потому что боюсь, чтобы со мной не случилось того же, что с сеньором Гиершаруа.

– А что? – спросил Пантагрюэль. – Я ведь знаю его. Он из лучших моих друзей.

– Его как-то пригласили, – сказал брат Жан, – на великолепный пышный пир, заданный каким-то соседом его и родственником, куда были приглашены и все дворяне, дамы и барышни по соседству.

И вот в ожидании его прихода дамы нарядили всех пажей, одев их барышнями, нарядными и чопорными. Превращенные в барышень пажи явились к подъемному мосту, когда он подходил. Он поцеловал их всех очень вежливо и с торжественными поклонами. В конце концов дамы, Ждавшие его в галерее, разразились хохотом и стали делать знаки пажам, чтобы те сняли свои наряды.

«Увидев это, добрый господин от стыда и досады не удостоил поцеловать этих наивных дам и барышень, ссылаясь на то, что если так были переодеты пажи, то, черт возьми, и они, должно быть, какие-нибудь лакеи, только еще хитрее переряженные.

«Боже милосердный, da jurandi»²⁴⁵, почему бы нам не перенести и гуманность нашу туда, на божью прекрасную кухню, и не наблюдать там за верчением вертелов, за музыкой шипящих кусков, за прокладкой шпика, за температурой похлебок, за приготовлениями десерта, за порядком подачи вин. «Beati immaculati in via»²⁴⁶. Так сказано в требнике»

²⁴⁵ «Da jurandi» – взятое из старинной латинской грамматики речение, служащее для подтверждения чего-либо клятвой (jurare – клясться).

²⁴⁶ «Блаженны на пути не запятнанные».

ГЛАВА XI. Почему монахи охотно пребывают в кухне

– Вот, – сказал Эпистемон, – вот это попросту, по-монашески сказано. Так монахи монастыря говорят, а не то что монахи омонашейные. Поистине, вы приводите мне на память то, что – лет двадцать тому назад – я видел и слышал во Флоренции. Нас была хорошая компания: все люди любознательные, любители попутешествовать, побывать у ученых людей, повидать всякие итальянские редкости и древности. Поэтому мы с любопытством разглядывали местоположение и красоту Флоренции, архитектуру Собора, пышность храмов и великолепных дворцов. Мы вступили в состязание, кто более удачно превознесет в достойных похвалах все это, как вдруг один амьенский монах, по имени Бернар Лардон, в раздражении и возмущении сказал:

«– Не знаю, какого черта вы находите здесь, чтобы так расхваливать! Я смотрел на все это так же, как вы, и я не более слеп, чем вы. Ну и что же? Красивые дома – и все. Но – с нами бог и святой Бернар, наш покровитель, – во всем городе я не видел еще ни одной кухни, а я их высматривал очень любознательно, прямо скажу, как сыщик; я уж было приготовился считать и перечислять, сколько харчевен попадетя по правой и сколько по левой стороне улицы, и на какой стороне больше. В Амьене, на пути вчетверо или втрое меньшем, чем тот, что мы сейчас совершили с нашими осмотрами, я бы мог показать вам больше четырнадцати старинных ароматных кухонь. Я не знаю, что за удовольствие получаете вы, глядя на этих львов и африканов (так, мне кажется, вы называете то, что они зовут тиграми) близ башни! Или на этих дикобразов и страусов во дворце синьора Филиппо Строщи! Ей-богу, дети мои, мне было бы приятнее поглядеть на хорошего жирного гуся на вертеле. Этот порфир, этот мрамор – красивые. Я ничего не скажу о них дурного; но амьенские пирожки на мой вкус лучше. Античные статуи хорошо сделаны, охотно верю, но, клянусь святым Ферреолем Аббевильским, молодые девчонки из наших краев в тысячу раз привлекательнее!

– Что это значит, – спросил брат Жан, – что вы всегда найдете монахов в кухнях, а королей, пап и императоров – никогда?

– Нет ли, – отвечал Ризотом, – в кухонных котлах и вертелех каких-нибудь, скрытых свойств и специфических особенностей, которые притягивают монахов, как магнит железо, и не притягивают императоров, пап и королей? Или, быть может, таковы коренящиеся в самих рясах и клобуках природные свойства и наклонности, которые сами собой ведут и толкают добрых монахов в кухни, хотя бы они вовсе не собирались и не решали идти туда?

– Это значит, – отвечал Эпистемон, – формы следуют за материей, – так говорит Аверроэс.

– Вот-вот, – сказал брат Жан.

– Я вам скажу, – отвечал Пантагрюэль, – (оставив без ответа предложенный вопрос, потому что он щекотлив, и едва ли вы коснетесь его, не уколовшись) помнится мне, я читал, что король македонский Антигон, войдя однажды в свою походную кухню и встретив там поэта Антагороса, который жарил угря и сам держал солому, спросил у него весело: «А что, когда Гомер описывал подвиги Агамемнона, он тоже жарил угрей?» – «А как ты думаешь, – отвечал Антагорос королю, – когда Агамемнон совершал свои подвиги, он тоже любопытствовал, кто в его лагере жарит угрей?» Королю казалось неприличным, что поэт у него занимался жареньем на кухне; поэт дал ему понять, что гораздо неприличнее встретить на кухне короля.

– А я еще прибавлю, – сказал Панург, – и расскажу вам, что однажды ответил Вилляндри, бретонец, господину герцогу де-Гизу. Между ними шел разговор об одном сражении короля Франциска с императором Карлом Пятым, во время которого бретонец препышно вооружился вплоть до стальных поножей, сел на великолепного коня, – и тем не менее в битве его не видали.

«— Честное слово, — оправдывался бретонец, — я там был, и мне Легко будет это доказать, — и был даже в таком месте, где бы вы никогда не посмели быть!»

«Герцогу очень не понравилась такая речь, чересчур дерзкая и самонадеянная, и он уже обиделся было, но Вилльяндри сейчас же успокоил и рассмешил его, добавив: — А я был при обозе. Ваша честь никогда бы не стали там прятаться, как я это сделал».

В таких разговорах они дошли до кораблей и не остались дольше на острове Шэли.

ГЛАВА XII. Как Пантагрюэль проехал Прокуратию, и о странном образе жизни сутяг

Полные хорошего настроения после доброго приема у короля Панигона, мы продолжали наш путь.

На следующий день мы доплыли до Прокуратии, страны безобразной и грязной. Я о ней ничего не знал. Видели прокульторов и сутяг – людей всякой масти. Они не пригласили нас ни поесть ни выпить. Только со множеством заученных поклонов сказали нам, что они всецело к нашим услугам, за плату. Один из наших переводчиков рассказал Пантагрюэлю, каким странным способом этот народ добывает себе пропитание, – диаметрально противоположным тому, который в обычае у жителей Рима. В Риме бесконечное число людей добывает свой хлеб отравлениями, драками и убийствами. Кляузники же зарабатывают тем, что их самих бьют, так что если бы они долго оставались небитыми, они поумирали бы от голода, – и сами, и жены, и дети их.

– Это в роде тех, – сказал Панург, – которые не могут поднять к экватору кой-чего, если их не высесть перед тем как следует (об этом есть у Галена). Клянусь святым Тибо, если бы меня так высекли, то, напротив, совсем бы меня выбили из седла, клянусь всеми чертями!

– Способ у них такой, – сказал переводчик, – когда какой-нибудь монах, священник, ростовщик или адвокат хотят сделать зло какому-нибудь дворянину, то посылают к нему одного из «кляузников». Кляузник подает на него в суд, вызывает его, оскорбляет его, бесстыдно поносит его, согласно инструкции, до тех пор, пока дворянин, если он только не слабоумен и не глупее головастика, не будет вынужден избить его палкой или шпагой по голове, или переломать ему ноги, или вышвырнуть его в окно или через стены своего замка.

«А после этого кляузник на четыре месяца богат, как будто палочные удары для него настоящая жатва. Потому что от ростовщика или адвоката он по меньшей мере получит хорошую плату; а от дворянина возмещение за бесчестие, иногда столь непомерное, что дворянин теряет все свое имущество и еще подвергается опасности сгнить в тюрьме, как если бы он прибил самого короля».

– Против такой напасти, – сказал Панург, – я знаю прекрасное средство, которым пользовался г-н де-Башэ.

– Какой де-Башэ? – спросил Пантагрюэль.

– Г-н де-Башэ, – сказал Панург, – был человек храбрый, доблестный и мужественный, рыцарски великодушный. По его возвращении из продолжительной войны (в которой герцог Феррарский с помощью французов доблестно защищался от ярости папы Юлия II) один жирный приор из Сен-Луана для своего удовольствия и развлечения, каждый день стал его таскать по судам, требовать личной явки, сутяжничать. И вот однажды, завтракая со своими слугами (так как он был гуманный и добродушный человек), он послал за своим пекарем, которого звали Луаром, и за его женой, а также за кюре своего прихода, которого звали Ударом и который, по тогдашнему французскому обычаю, служил у него экономом, и в присутствии своих дворян и слуг сказал им:

«– Дети мои, вы видите, сколько гадостей делают мне каждый день эти негодяи-кляузники. Я решил, если вы мне не поможете, бросить эту страну и отправиться хоть к султану, ко всем чертям. Поэтому как только они приедут, то вы, Луар, и ваша жена, будьте готовы явиться в моем большом зале в своих прекрасных подвенечных платьях, как будто для венчания, как вы прежде венчались. Возьмите вот сотню золотых экю, которые я вам дарю, чтобы справиться ваши красивые наряды.

«– А вы, господин Удар, не замедлите появиться там же в вашем красивом стихаре и в епитрахили, со святой водой – как будто для их венчания. Вы тоже, Трюдон (так звали его

барабанщика), вы тоже будьте с флейтой и барабаном. Как только произнесут слова обручения и жених поцелует невесту, – под звуки барабана начинайте угощать друг друга все вы, господа, – на память о свадьбе, – легкими тумачами. От этого вы только лучше поужинаете. Но когда дело дойдет до кляузника, то колотите его, как рожь молотят, не щадите. Ударяйте, бейте, колотите, прошу вас. Вот возьмите, я даю вам мои новые боевые рукавицы, обшитые замшей. Бейте его, не считая ударов, куда придется! Кто его лучше отколотит, того буду считать наиболее мне преданным. Не бойтесь попасть под суд. Я ручаюсь за всех. Такие удары будут даны смеясь, – согласно обычаю, сохраняемому на всякой свадьбе.

«– Хорошо, – спросил Удар, – но как мы узнаем кляузников: ведь в наш дом ежедневно сходятся люди отовсюду?»

«– Я уже отдал приказ, – ответил де-Башэ, – Когда у ворот появится кто-нибудь пеший или на плохой лошади верхом, с толстым и широким серебряным кольцом на большом пальце, – это и есть кляузник. Привратник, учтиво встретив его, позвонит в колокольчик. Тогда будьте готовы и идите в зал разыгрывать трагикомедию, которую я вам изложил.

«В тот самый день, богу было угодно, прибыл старый, толстый и красный кляузник. Он позвонил – и привратник тотчас узнал его и по грубым сапогам, и по жалкой кляче, и по холщевому мешку, набитому всякими повестками и прицепленному к поясу, а особенно по толстому серебряному кольцу на большом пальце левой руки.

«Привратник был вежлив с ним, с честью проводил его и весело позвонил в колокольчик. На этот звон Луар с женой нарядились в свои красивые платья и появились в зале, гордо выступая. Удар тоже надел ризу и епитрахиль; выходя из своей ризницы, он повстречался с кляузником, провел его к себе и долго поил его у себя, пока прочие надевали боевые рукавицы. Он сказал гостю:

«– Вы не могли приехать в более удачное время. У хозяина праздник; мы хорошо угостимся: всего вдоволь. У нас сейчас свадьба. Пейте и веселитесь!»

«И пока кляузник выпивал, де-Башэ, видя в зале всех своих людей в требуемом снаряжении, послал за Ударом.

Пришел Удар со святой водой. Кляузник за ним. Войдя в зал, он не забыл, несколько раз униженно поклонившись, вызвать де-Башэ на суд. Де-Башэ оказал ему самый ласковый прием, подарил ему червонец и просил его присутствовать при подписании свадебного контракта и венчании.

«Так все и было сделано. Под конец пустили в дело тумачи. Но когда очередь дошла до кляузника, его угостили боевыми рукавицами так хорошо, что оглушили и искалечили, подставили под глаз черный синяк, восемь ребер сломали, смяли грудную клетку, переломали лопатки, на четыре части каждую, а нижнюю челюсть – на три куска; и все это смеясь. Одному богу известно, как тут работал Удар, прикрывая рукавом своей ризы огромную крепкую рукавицу, опушенную горностаем! Он был здоровый забияка.

«Так вернулся на остров Бушар кляузник, разделанный под тигра я все-таки вполне удовлетворенный и довольный господином де-Башэ. С помощью хороших местных хирургов он прожил, сколько вам угодно. После о нем не говорили. Память о нем исчезла вместе со звоном колоколов, звонивших на его похоронах.

ГЛАВА XIII. Как господин де-Башэ нанимал себе людей по примеру мэтра Франсуа Вильона

«Когда кляузник вышел из замка и взобрался на свою «esgue orbe»²⁴⁷ (так он называл свою кривоглазую кобылу), Башэ велел позвать в беседку своего сада свою жену, дочерей и всех домочадцев; велел подать хорошего вина, пирожных, ветчины, фруктов, сыра, с великой радостью выпил с ними и затем сказал:

– Мэтр Франсуа Вильон под старость удалился в Сен-Максан, в Туату, под покровительство местного аббата, порядочного человека.

«Там, для развлечения местных жителей, он вздумал поставить мистерию страстей на языке Пуату.

«Когда роли были распределены, актеры набраны, театр приготовлен, он сказал мэру и старшинам города, что мистерия будет готова: концу Ниорской ярмарки, так как оставалось только найти подходящие для действующих лиц костюмы. Мэр и старшины отдали приказами искать таковые.

«Он сам, чтобы одеть старика-крестьянина, игравшего бога-отца, попросил брата Этьена Тапку, ключаря местных францисканцев, одолжить ему ризу и епитрахиль.

«Тепку отказал в этом, ссылаясь на то, что их местным уставом строжайше запрещено что-нибудь одолжать или предоставлять актерам.

«Вильон возразил, что устав касается только фарсов, пантомим и развратных игр; что так – он видел сам – применяют устав в Брюсселе и в других местах. Тапку, несмотря на это, решительно объявил ему, что пусть он доказывает это в другом месте, если ему угодно, а из его ризницы и на что не надеется, потому что, наверное, ничего не получит.

«Вильон в сильном негодовании рассказал это актерам и прибавил, что скоро бог отмстит и примерно накажет Тапку.

²⁴⁷ Вместо «esque orbe» (кляузник говорит по-латыни с ошибкой, как школьник).

«В следующую субботу Вильона известили, что Тапку отправился на монастырской кобыле для сбора милостыни в Сен-Лигер, и что он вернется к двум часам пополудни.

«Тогда Вильон устроил смотр своих чертей в городе и на базаре. Все черти были наряжены в волчьи, телячьи и бараньи шкуры, с бараньими головами, бычьими рогами и с большими кочергами; они были опоясаны толстыми ремнями, на которых висели коровьи бубенцы и колокольчики с мулов, производившие ужасающий звон. У некоторых в руках были черные палки с ракетами внутри, у других – длинные горящие головни, на которые они на каждом перекрестке полными пригоршнями бросали толченую в порошок смолу, отчего поднимался огонь и страшный дым.

«Проведя их так через город, – к удовольствию народа и к великому ужасу малых детей, – в конце концов он привел их покутить в харчевню за городскими воротами, от которой началась дорога в Сен-Лигер. Подходя к харчевне, он еще издали заметил возвращающегося со сбора Тапку и обратился к своим спутникам с макароническими²⁴⁸ стишками:

Nec est de patria, natus de gente belistra,
Qui solet antiquo bribas portare bisacco.

«– Ага, проклятый! – заговорили тогда черти. – Он не хотел богу-отцу одолжить бедную ризу! Пугнем же мы его!

«– Хорошо сказано! – отвечал Вильон. – Но спрячемся, пока он не подъедет. Приготовьте ваши ракеты и головни.

«Как только Тапку подъехал, все выскочили на дорогу ему навстречу, бросая со всех сторон в него и в кобылу огонь и горючий порошок, к его великому ужасу, звоня в свои бубенцы и завывая как дьяволы:

²⁴⁸ Макаронические стихи писались в средние века на несколько измененной латыни, в которой допускались шуточные формы и неведомое древним словотворчество. Приведенные стихи означают: «Тот происходит из страны и от расы нищих, кто имеет обыкновение носить в ветхой суме кусок хлеба».

«– Го-го-го-го! Бррру-рру-ррррс! Гау-гоу-гоу! Го-го-го! Что, брат Этьен, хорошо мы разыгрываем дьяволов?»

«Кобыла от ужаса понеслась рысью, потом галопом во весь опор, стала бросаться во все стороны и скинула Тапку на землю, хотя он и держался за седло изо всех сил. Стремена у него были веревочные. Его сандалия так запуталась в них, что он не мог ее освободить, и кобыла тащила его, волоча задом по земле, неистово лягая его и от страха бросаясь от изгородей, кустов и канав, так что разбила ему всю голову; мозг вывалился около придорожного креста; руки разлетелись в разные стороны: одна здесь, другая там; ноги тоже; все внутренности были растерзаны, так что, когда кобыла примчалась в монастырь, она привезла с собой только правую ногу да запутавшуюся сандалию.

«Вильон, видя, что все случилось так, как он предполагал, сказал своим чертям:

«– Вы отлично будете играть, господа черти, уверяю вас! О, как хорошо вы будете играть! Я презираю сомюрских, дуэских, монморильонских, лангрских, сент-эспенских, анжерских, даже, богом клянусь, пуатуских дьяволов, и со всем их театром, если бы они вздумали равняться с вами! О, как вы хорошо сыграете!

«Так, добрые друзья мои, – сказал Башэ, – я предвижу, что вы впредь хорошо будете играть этот трагический фарс, раз вы на первом же пробном представлении так великолепно отколотили и пощекотали кляузника. Теперь я удваиваю вам жалованье. Вы, друг мой, – сказал он, обращаясь к жене, – распорядитесь как угодно. В ваших руках и на вашем сохранении все мои богатства. А что касается меня, то я прежде всего пью за всех вас, мои милые друзья. Ого! Вино свежее и славное.

«Во-вторых, вы, дворецкий, возьмите этот серебряный таз. Я дарю его вам. Вы, оруженосцы, – возьмите эти две серебряные позолоченные чаши. Вас, пажей, три месяца не будут сечь. Моя милая, дайте им в подарок мои султаны, белые с золотыми блестками. Вам, отец Удар, – эту серебряную флягу. А вот эту, другую, – поварам; камеристам – эту серебряную корзину; конюхам – ладью серебряную, позолоченную; привратникам – эти две тарелки; погонщикам мулов – эти десять суповых ложек.

«Трюдон, возьмите все серебряные ложки и этот ящичек. Вы, лакеи, возьмите эту большую солонку. Хорошенько служите мне, друзья, и я уж вас вознагражу. Твердо верьте, что я предпочту, клянусь богом, получить сто ударов палицей по шлему, служа моему доброму королю, чем хоть один раз явиться в суд по вызову этих собак-кляузников, в угоду какому-нибудь жирному приору!»

ГЛАВА XIV. Продолжение избиения кляузников в доме де-Башэ

В этой главе повторение истории главы XII. Четыре дня спустя к Башэ явился по поручению приора новый молодой кляузник – на этот раз худой и высокий – звать его в суд.

Гостя не ждали, и в замке все занимались играми. Тем не менее, при звоне колокольчика, Удар и Луар с женой мгновенно сумели приготовиться к той же «трагикомедии». Все прочие также надели боевые рукавицы. Г-н Башэ сам встретил кляузника на дворе, тот упал перед ним на колени и в такой позе передал ему приглашение явиться в суд по жалобе приора. Г-н Башэ пригласил его на венчание, и все произошло, как и в первый раз. В должную минуту пустили в ход кулаки. Кляузника опрокинули и облили ему лицо вином; пришив к его рукавам разноцветные ленты, его посадили на клячу и отправили домой. Больше о нем ничего не слышали.

На следующий день приор послал к Башэ кляузника, на этот раз с двумя помощниками. Опять привратник зазвонил, и гостей повели обедать. Тут за десертом кляузник вручил Башэ повестку о явке в суд. Затем опять венчание.

«Свадебный приговор уже скреплен и подписан. С одной стороны приносят вино и пряности; с другой – кучу белых и коричневых лент; с третьей стороны потихоньку надевают рукавицы», – так кончается XIV глава.

ГЛАВА XV. Кляузниками вводятся вновь старинные обычаи при обряде обручения

Глава начинается с тоста, произнесенного кляузником за чашей доброго бретонского. Он сам похлопал кое-кого из присутствующих, чем подал повод пустить в ход боевые рукавицы. Его порядочно помяли, но и Удару досталось. Свалка была прервана десертом и общими тостами; не все, однако, произносили их: у иных челюсти были свернуты на сторону. Так как помощники кляузника были люди сильные – они, со своей стороны, намяли бока кое-кому из слуг. Дело кончилось примирением: кляузник попросил прощения, признавая, что сам затеял драку. Помощники его признали и публично заявили, что г-н де-Башэ великолепный человек, что обручение было чудесно, и что они сами затеяли драку. С тех пор оставили де-Башэ в покое, а свадьба де-Башэ вошла в поговорку.

ГЛАВА XVI. Как брат Жан пробует натуру кляузников

– Этот рассказ, – сказал Пантагрюэль, – показался бы забавным, если бы не нужно было всегда помнить о страхе божием.

– Лучше было бы, – сказал Эпистемон, – если бы дождь ударов этими рукавицами упал на жирного приора. Он тратил деньги на свое развлечение, отчасти чтобы делать неприятности де-Башэ, отчасти чтобы посмотреть, как избивали кляузников. Кулачные удары очень кстати украсили бы его бритую голову, принимая во внимание величайшее взяточничество среди деревенских судей. Чем были виноваты перед ним эти бедняги кляузники?

– Мне вспоминается по этому поводу, – сказал Пантагрюэль, – один благородный древний римлянин, по имени Люций Нераций. Он происходил из знатной и богатой в свое время семьи. Но у него были какие-то тиранические наклонности. При выходе из дворца он всегда заставлял своих слуг набивать сумки золотом и серебряной монетой и, встретив на улице какого-нибудь щеголя, он просто для забавы, совершенно не будучи им обижен, принимался наделять его ударами кулака по лицу.

И сейчас же, чтобы успокоить его и помешать жаловаться в суд, наделял его деньгами. Таким образом он давал удовлетворение согласно закону Двенадцати Таблиц. Так он расточал свое имущество на то, что избивал людей за свои деньги.

– Клянусь священным сапогом святого Бенедикта, – сказал брат Жан, – теперь я узнаю правду.

С этими словами он сошел на землю, вынул кошелек и вытащил из него двадцать штук «экую с солнцем». А потом закричал громким голосом, в присутствии целой толпы кляузников:

– Кто хочет заработать двадцать золотых экую за то, что его чертовски избьют?

– Я! Я! Я! – отвечали все. – Вы нас оглушите ударами, это верно, но зато хорош и заработок!

И все сбежались толпой. Каждый старался попасть первым, чтобы быть так дорого избитым. Брат Жан выбрал из всей толпы одного краснорожего кляузника, который носил на большом пальце правой руки толстое и широкое серебряное кольцо, в которое был вправлен крупный жабный камень.

Когда он его выбрал, то я увидел, что вся толпа стала роптать и услышал, как какой-то молодой, высокий, худой кляузник, хороший ученый (как шла общая молва о нем) и в церковном суде человек уважаемый, стал жаловаться и ворчать на то, что красномордый отнимает у них всю практику, и что если бы во всей области весь заработок составлял только тридцать палок, он прикарманивал бы себе двадцать восемь с половиной.

Но все эти жалобы и ропот происходили только от зависти. Брат Жан отдубасил палкой краснорожего и по спине и по животу, по рукам и по ногам, по голове и по всему телу, так что я уже считал его забитым насмерть. Потом он вручил ему двадцать экую. И негодяй вскочил, довольный как король или двое королей за раз.

Остальные говорили брату Жану:

– Г-н брат-дьявол! Если вы хотите еще кого-нибудь побить, и за меньшую сумму, – все мы к вашим услугам, г-н черт. Все целиком, с мешками нашими, бумагами, перьями и всем прочим!

Краснорожий заорал на них громким голосом:

– Ах вы, бездельники, так вы на мой рынок лезете! Хотите заманить и отбить у меня покупателей? Вызываю вас на суд на восьмое мартабря. Я потягаюсь с вами, черт возьми!

И потом, повернувшись к брату Жану, сказал ему с веселым и радостным лицом:

– Достопочтенный отче, дьявол, господин! Если вы во мне нашли хороший материал и вам угодно еще поразвлечься и меня поколотить, я удовлетворюсь половинной платой, цена

справедливая. Не щадите меня, пожалуйста. Я весь, как есть, в вашем распоряжении, г-н черт: с головой, легкими, потрохами и всем прочим. Я с вас беру не дорого.

Брат Жан прервал его и отошел в другую сторону. А прочие кляузники в это время обступили Панурга, Эпистемона, Гимнаста и других, смиренно умоляя побить их за самую маленькую цену, иначе они подвергаются опасности очень долго поститься. Но никто их не слушать.

ГЛАВА XVII. Как Пантагрюэль прошел острова Тогю и Богю, и о странной смерти Бренгнарилля, глотателя ветряных мельниц

В тот же самый день Пантагрюэль прошел два острова – Тогю и Богю, на которых не нашли ничего съедобного. Бренгнарилль, странный гигант, за недостатком ветряных мельниц, которыми он обыкновенно питался, проглотил все сковороды, котлы, кастрюли, горшки и даже печи и печурки на острове. Вследствие этого, под утро, в час пищеварения он тяжело заболел несварением желудка, вызванным тем, что (как говорили врачи) пищеварительная сила его желудка, естественно приспособленная к перевариванию ветряных мельниц, не могла переварить вполне печей и жаровен; котлы и горшки переваривались довольно хорошо, о чем свидетельствовали мочевые осадки в четырех бочках его мочи, дважды выпущенной им в это утро.

Чтобы ему помочь, прибегали к разным средствам. Однако болезнь оказалась сильнее лекарства. И благородный Бренгнарилль скончался в то же утро, при чем так странно, что не более изумительна была смерть Эсхила, которому было предсказано кудесниками, что он умрет в определенный день от падения на него какого-то предмета. Когда назначенный день настал, Эсхил вышел из города, удаляясь от всяких домов, деревьев, скал и всего такого, что могло упасть и своим падением причинить ему вред. Он оставался посреди широкого луга, поручив себя открытому небу, будучи, как ему казалось, в полной безопасности, если только небо не упадет на него, что он считал невозможным.

Однако говорят, что жаворонки очень боятся падения неба. Упадет небо – все они попадутся. Этого же боялись когда-то и прирейнские кельты; это были благородные, воинственные, рыцарски – доблестные и победоносные французы. Когда Александр Великий спросил их, чего они боятся больше всего на свете, вполне надеясь, что они сделают исключение для него одного, в виду его великих подвигов, побед, завоеваний и триумфов, – кельты ответили, что они ничего не боятся, кроме того, чтобы на них не упало небо. И тем не менее они не отказывались войти в союз и дружбу с таким великодушным и доблестным царем, как он (если верить Страбону (книга VII) и Арриану (книга I)).

Также и Плутарх рассказывает в написанной им книге – «О лице, показывающемся на теле луны», – про некоего Фенака, очень боявшегося, как бы луна не упала на землю, и очень жалевшего тех, кто живет под луной, как эфиопов и тарробанийцев, если вдруг на них упадет такая громада! Он боялся также за небо и землю: достаточно ли крепко держатся они на столбах Атланта, как думали древние, по свидетельству Аристотеля (VI книга «Метафизики»).

Тем не менее Эсхил был убит, благодаря падению черепахи, которая, выпав из когтей орла, парившего высоко в воздухе, ему на голову, пробила череп.

Далее Раблэ приводит целый ряд удивительных смертей: поэт Анакреон подавился виноградным зернышком. Претор Фабий задушен был козым волосом, попавшим в чашку молока. Некий стыдливый человек умер от задержания в кишках ветров, которых он не хотел выпустить в присутствии римского императора Клавдия. Кто-то умер от укуса кошки в мизинец; кто-то – от укола иглы, такого слабого, что и следа от него не оставалось. Филомен умер от смеха, следя за движениями осла, пожиравшего его фиги. Живописец Зевксис умер от смеха при взгляде на портрет старухи собственной работы.

Бренгнарилль (увы!) задохнулся и умер, проглатывая кусок свежего масла перед жарко натопленной печкой – исполняя предписание лечившего его врача.

В конце главы Раблэ называет немало выдуманных островов, мимо которых проплыли путешественники, объясняя попутно, что «острова Тенелиабиц и Женелиабин» – острова, плодородные на клистиры – носят названия, значащие: по-арабски «манна» и «мед». Также они

проехали острова «Эниг» и «Эвигс» (немецкие слова), от которых гессенский ландграф так тяжело пострадал.

ГЛАВА XVIII. Как Пантагрюэля застигла на море буря

На следующий день мы встретили справа девять судов, нагруженных монахами: якобинцами, иезуитами, капуцинами, эренитами, августинцами, бернардинцами, селестинцами, тэатинцами, игнатинцами, францисканцами, кармелитами и прочими святыми иноками, которые направлялись на Шезильский собор, чтобы отстаивать истинное вероучение против новых еретиков.

При виде их Панург чрезвычайно обрадовался, будучи уверен в полном благополучии и на этот и на длинный ряд ближайших дней. Учтиво приветствуя блаженных отцов и поручив спасение своей души их благочестивым молитвам, он приказал бросить на их суда семьдесят восемь дюжин окороков, порядочно икры, несколько десятков колбас, несколько сотен соленых осетров и две тысячи золотых монет – за упокой душ отошедших.

Пантагрюэль оставался задумчивым и печальным. Брат Жан заметил это и спросил его, чем он так непривычно огорчен, когда шкипер, смотря, как завертелся на корме флюгер, и предвидя мучительные неприятности и новый шторм, приказал всем быть настороже – как матросам, прислуге и юнгам, так и нам, пассажирам; велел убрать паруса почти на всех мачтах, спустить булинь и из всех рей оставить только боковые.

Море внезапно начало вздуться и бушевать со dna пучины; крупные валы стали бить в борта наших судов; мистраль, сопровождаемый неистовым вихрем, со страшными порывами, яростными смерчами и смертоносным шквалом, засвистал в реях. Небо гремело, грохотало, сверкало молниями; хлынул дождь, ударил град, воздух утратил прозрачность и стал темен и непроницаем. Только свет от бороздящих небо молний да разверзающихся краев освещаемых ими туч прерывал по временам страшную тьму...

Отвратительные и ужасные змеи повисли на гребнях волн. Вы поверите, что нам казалось, будто это древний хаос, в котором смешались огонь, воздух, вода, земля, – словом, все стихии вокруг нас.

Панург, хорошо покормивший рыб содержимым своего желудка, сидел на корточках на палубе в полном изнеможении и полумертвый от расстройства чувств. Он призывал на помощь всех святых обоюго пола и требовал, чтобы его тут же кто-нибудь отъисповедал. Потом закричал в диком ужасе:

– Мажордом, го-го! Друг мой, батюшка, дядюшка! Дайте чего-нибудь соленого. Нам скоро придется наглотаться воды, как я вижу. Мало есть и хорошо пить – вот отныне мой девиз. О, если бы бог и благословенная достойная святая дева Мария соизволили, чтобы я теперь, то есть вот именно сейчас, находился где-нибудь на твердой земле, в полном покое! О, трижды и четырежды счастливы те, кто сажает капусту!

О Парки! Зачем вы из меня не выпряли человека, сажающего капусту! О, как мало число тех, к которым Юпитер настолько был благосклонен, что predetermined им сажать капусту. Они всегда стоят на земле одной ногой, другая тоже неподалеку. Кто хочет, пусть ведет диспуты о счастье и о высшем благе, но, по моему рассуждению, сейчас тот, кто сажает капусту, должен быть признан счастливее всех, и с гораздо большим правом, чем Пиррон, который, находясь в такой же, как мы, опасности и увидев на берегу поросенка, евшего рассыпанный ячмень, объявил его вдвойне счастливым: во-первых – потому, что у него ячменя в изобилии, и во-вторых – потому, что он находился на твердой земле.

«Эта волна унесет нас, господь-спаситель! Друзья мои, хоть немного уксусу! Я весь вспотел от волнения. Увы! Увы! Паруса оборваны, снасти лопаются, верхние рей упали в воду. Нос корабля поднят прямо к солнцу, якорные канаты почти все порвались. Увы! Увы! Где наши компасы? Все пропало, о господи! Киль опрокинулся. Увы! Увы! Кому достанутся эти обломки? Друзья, позвольте мне спрятаться сюда, за перила. Ну, ребята, фонарь упал! Смот-

рите, не выпускайте из рук ни румпеля ни талей! Я слышу, как трещит корма. Не сломался ли руль? Ради бога, берегите канаты! Бе-бе-бе, бу-бу-бу! Взгляните-ка на стрелку компаса, – пожалуйста, господин звездочет! – откуда ветер? Честное слово, мне страшно! Бу-бу-бу-бу-бу! Ну, конечно! Я уж напустил в штаны от страха! Бу-бу-бу-бу! От-то-то-то-то-ти! От-то-то-то-то-ти! Бу-бу-бу! У-у-у! Бу-бу-бу! Бу-бу-бу-бус! Тону! Тону! Тону! Умираю! Помогите, добрые люди! Тону!»

ГЛАВА XIX. Как держались Панург и брат Жан во время бури

Предварительно воззвав о помощи к богу-спасителю и совершив общее благочестивое моление, Пантагрюэль, по совету шкипера, крепко держал мачту. Брат Жан в одной куртке помогал матросам; Эпистемон, Понокарт и другие – тоже. Один Панург оставался сидеть на палубе, причитая и заливаясь слезами.

Брат Жан, проходя в кубрик, увидел это и сказал:

– Ей – богу, Панург – теленок, Панург – плакса, Панург – крикун! Ты гораздо лучше бы сделал, если бы помогал нам здесь, чем реветь там как корова, сидя как идол.

– Бе-бе! Бу-бу! – отвечал Панург. – Брат Жан, друг мой, отец мой родной, я тону, я тону, друг мой, я тону! Со мной – кончено, отец мой духовный, кончено со мной, мой друг! Вы уж меня не спасете и своим мечом. Увы, увы! Мы уж по ту сторону линеек, всю гамму прошли! Бе-бе-бе! Бу-бу-бу! Увы! Мы уж теперь ниже приписного «до»!

Я тону! Ах, отец мой! Дядя мой! Все мое! Вода уже прошла мне в башмаки через колет! Бу-бу-бу! Гу-гу-гу! Га-га-га-га! Я тону! Увы, увы! Гу-гу-гу-гу-гу-гу! Бе-бе-бу-бу-бо-бу! Бо-бу! Го-го-го! Го-го! О-ге! Увы! Сейчас я как вилообразное дерево – ногами вверх, головой книзу. Дай бог, чтобы я в эту минуту оказался в барке добрых, блаженных соборных отцов, которых мы встретили утром, таких набожных, жирных, веселых, милых и обходительных! Го-ла! Го-ла! Го-ла! О-ге! О-ге! Увы!

«Эта дьявольская волна (*mea culpa, deus!*²⁴⁹), я говорю, эта божья волна зальет наш корабль! Увы! Брат Жан, отец мой, друг мой, исповедуйте меня! Видите, я на коленях. Верую, господи! Ваше святое благословение!»

– Ты, чортов висельник, – сказал брат Жан, – иди нам помогать, тридцать легионов чертей! Пойдешь ты или нет?

– Не будем ругаться в такой час, отец мой, друг мой, – сказал Панург. – Вот завтра – сколько угодно. Го-ло! Го-ло!

Спор продолжается. Брат Жан передразнивает Панурга и негодует; тот вопит и не сходит с места. Между прочим, просит помочь ему составить завещание. Брат Жан возмущается: можно ли говорить о завещании, когда нужно работать? Панург молит святых Николая-Угодника и Михаила-Архангела спасти его, обещая построить им «часовню или две» на меже, между местечками Канд и Монсоро, «где ни корове ни теленку пастись негде».

²⁴⁹ «Моя вина, господи!»

ГЛАВА XX. Как матросы покидают корабли, предоставляя их ярости бури

Перебранка между Панургом и братом Жаном продолжалась, при чем первый даже не ругался, а только язвил и шутил. А не то стонал: «Бе-бе-бе! Бу-бу-бу!» Он предлагал за то, чтобы его как-нибудь выбросили на твердую землю, весь Сальмигонден и весь свой запас улиток...

Вдруг шкипер приказал: «Ложитесь в дрейф». Ужас Панурга был неопишум. Он предлагал всем дать какой-нибудь обет, совершить большое паломничество. «Каждый подумай о своей душе!.. Надеяться можно лишь на помощь небесного чуда!» Даже Пантагрюэль пришел в волнение.

– Что же галс! – воскликнул брат Жан. – Тысяча чертей! На штирборт! Ложись в дрейф, бога ради! Румпель долой! Ложись в дрейф! Ложись в дрейф! Ну и выпьем! Самого лучшего выпьем, желудочного! Слышите вы там, мажордом? Тащите сюда! Вынимайте! Ведь все равно вино ваше отправится к миллионам чертей! А ты, паж, подай сюда мой пробочник (так он называл тревник). Пойдите! Давай сюда, мой друг! Так, божьей милостью! Ну и град! Ну и молнии! Держите вы там повыше, пожалуйста! А когда у нас праздник всех святых? Думаю, что сегодня тоже праздник, да только всех чертей.

– Увы! – сказал Панург. – Брат Жан губит свою душу в кредит. О, какого я хорошего друга с ним теряю! Увы! Увы! Еще хуже, чем прежде! Мы идем от Сциллы к Харибде. Увы! Тону! Верую, господи! Хоть одно словечко в завещание, брат Жан, отец мой! Друг мой рассудительный, Ахат мой, Ксеноман мой! Мое все! Тону, тону! Хоть два слова завещания. Вот здесь, на этой скамеечке!

ГЛАВА XXI. Продолжение бури и короткий разговор о завещаниях, которые составляются на море

– Составлять завещание, – сказал Эпистемон, – теперь, когда нам следует изо всех сил стараться помогать экипажу предотвратить крушение, мне кажется поступком таким же неудачным и неуместным, как неуместно было поведение оруженосцев и любимцев Цезаря, наступавшего на Галлию, когда они забавлялись составлением завещаний и всяких бумажек, жаловались на свою судьбу и плакали о том, что с ними нет ни жен ни римских друзей, в то время как необходимость требовала схватиться за оружие и напрячь все силы против врага их Ариовиста.

«Это такая же глупость, как того возчика, который, когда его телега опрокинулась, стал на коленях, умолять о помощи Геркулеса, вместо того чтобы приложить руки и поставить телегу на колеса и погнать волов. К чему послужит вам писание завещания? Ведь мы или спасемся от этой опасности, или потонем. Если спасемся – завещание будет ни к чему. Завещание имеет значение и утверждается лишь смертью завещателя. Если мы потонем – не потонет ли и завещание вместе с нами? Кто же доставит его исполнителям?»

– Какая-нибудь добрая волна, – отвечал Панург, – выбросит его на берег, как Улисса; и какая-нибудь дочь короля, выйдя на прогулку на солнышко, найдет его и приведет в исполнение. А на берегу воздвигнет мне великолепный памятник, как Дидона своему мужу Сихею; Эней – Деифобу на Троянском берегу, близ Реты; Андромаха – Гектору в городе Бутроте.

Дальше продолжается перечень знаменитых памятников. Вместо того чтобы работать, все спорят. Вдруг Пантагрюэль громко и жалобно воскликнул: «Господи боже, спаси нас! Мы гибнем! И да будет не так, как мы хотим, – но да исполнится святая воля твоя!»

Панург взывал:

– С нами бог и благословенная дева Мария! Го-ла! Го-ла! Я тону! Бе-бе-бе-бус! Бе-бе-бе-бус! В руки твои! Боже истинный, пошли мне какого-нибудь дельфина, чтобы он меня отнес на сушу, как некогда малыша Ариона. Я отлично сыграю на арфе, если цел ее гриф.

– Отдаю себя всем чертям! – воскликнул брат Жан.

– С нами бог! – произнес Панург сквозь зубы.

– Если я доберусь до тебя, я тебе докажу, что ты – теленок двуногий, двурогий, безрогий. Иди же помогать нам, ты, плаксивый теленок, тридцать миллионов тебе чертей! Пойдешь ты, морской теленок? Фу, какой ты отвратительный плакса!

– Вы ничего другого не скажете?

– Ну, веселый мой требничек, вперед, сюда! Поглажу тебя против шерстки. «Блажен муж, иже не иде». Наизусть помню все. Прочитаем, например, житие господина Николая-Угодника:

*Horrida tempestas montem turbavit acutum*²⁵⁰.

«Грозой звали в коллеже Монтегю педагога, который страшно сек школьников розгами. Если педагогов, которые секут бедных маленьких ребят, невинных школьников, осуждают в ад, то, клянусь честью, он там привязан к колесу Иксиона и должен розгами погонять ту самую куцую собачонку, что вертит колесо, – ну, а если сечением невинных ребят они спасают свою душу, то быть ему над...»

²⁵⁰ «Страшная буря потрясла высокую гору». Это пародия на стих Горация.

ГЛАВА XXII. Конец бури

– Земля, земля! – закричал Пантагрюэль. – Я вижу землю. Друзья, ободритесь! Мы недалеко от гавани. Я вижу, небо с северо-запада уже начинает проясняться. Чувствуете вы сирокко?

– Мужайтесь, ребята! – закричал шкипер. – Течение стало слабеть. К румпелю! Сюда, сюда! Бизань-мачту крепите! Канат на кабестан! Поворачивай! Руку на руль! Сюда, сюда, сюда! На другой галс! Травить! Готовь бизань! Румпель под ветер! Ты, с... сын, к штирборту!

– Тебе, милый человек, – сказал брат Жан матросу, – верно, очень приятно было узнать, чей ты сын.

– Тяни вверх! До конца!

– Есть, – отвечали матросы.

– К себе, к себе! Сюда, сюда! Поворачивай на другой галс!

– Прекрасно сказано, мысль хорошая, – одобрил брат Жан.

– Наверх, ребята, наверх! Аккуратнее! Хорошо! К себе! На штирборт!

Шкипер попутно хвалит работу Понократа и продолжает командовать.

– О, – закричал Эпистемон, – теперь мой приказ – надеяться и надеяться. Направо я вижу звезду Кастора.

– Бе-бе! Бу-бу-бу! – кричал Панург. – Очень боюсь, что это не Кастор, а Елена распутница.

– Это действительно, – возразил Эпистемон, – Миксархагевас, если тебе больше нравится название аргивян. Гей! Гей! Я уже вижу землю! Вижу гавань! Вижу множество людей на пристани. Я вижу отсюда огни над обелиском.

– Гей! Гей! – кричал шкипер. – Огибайте мыс и отмели.

– Есть, – отвечали матросы.

– Подходят, – сказал кормчий, – сторожевые суда. Помощь во-время.

– Святой Иоанн, – закричал Панург, – вот это сказано! Прекрасные слова!

– Мня-мня-мня! Бе-бе-бе! – говорил брат Жан. – Если ты попробуешь хоть каплю моего винца, – пусть дьявол меня самого попробует. Слышишь? Извольте, друг наш, полный кубок самого лучшего. Эй, Гимнаст, принеси кувшины да большой пирог с ветчиной. Да смотри, не урони по дороге.

– Мужайтесь, дети! – закричал Пантагрюэль. – Мужайтесь! Будьте учтивы! Видите, около нашего корабля две ладьи, три барки, пять лодок восемь каперов, четыре гондолы, шесть фрегатов, которые люди с этого ближайшего острова посылают нам на помощь. Но кто это так кричит и жалуется? Разве я один держу мачту не крепче и не прямее, чем двести канатов?

– Это, – отвечал брат Жан, – бедняга Панург, – у него телячья горячка. Он дрожит от страха, когда пьян.

– Если, – сказал Пантагрюэль, – он испытывал страх только во время страшной бури и опасного урагана, а в остальное время выказывал неизменную доблесть, я от этого уважаю его ни на волос не меньше. Ибо как вечный страх есть признак грубого и низкого сердца, – как у Агамемнона, за что Ахиллес порицал его и говорил, что у него собачий глаз и оленьё сердце, – так и отсутствие страха в случае очевидной опасности есть признак отсутствия или недостатка предусмотрительности. Однако, если и есть что-нибудь, чего стоит бояться в этой жизни, кроме того, чтобы оскорбить бога, – то я не скажу, что это смерть. Не буду вступать в спор с Сократом и академиками, утверждавшими, что сама по себе смерть не так уж плоха, – самой смерти бояться вообще не стоит. Но еще и Гомер думал, что ужасно тяжело, отвратительно и противостоительно погибнуть на море. Действительно, Эней во время бури, которой были застигнуты его корабли близ Сицилии, стал сожалеть, что не погиб от руки силача Диомеда, и говорил, что

трижды и четырежды счастливее те, что погибли во время пожара Трои. А ведь из нас никто не погиб! Вечная слава богу-спасителю! Но наше хозяйство пришло в полный беспорядок. Ну что же! Нужно будет поломанное починить. Берегитесь, чтобы не сесть на мель.

ГЛАВА XXIII. Как по окончании бури Панург снова сделался славным парнем

– Ага-га! – закричал Панург. – Все прекрасно! Буря прошла. Прошу вас, пожалуйста, позвольте мне сойти первым. Мне очень бы хотелось сходить по моим делам. Могу я вам чем-нибудь помочь? Позвольте мне свернуть этот канат. Храбрости у меня довольно, я думаю. Страха очень мало. Давайте-ка, дружок, давайте его! Страха? Ни чуточки! Хотя, по правде сказать, этот девятый вал, прокатившийся с носа до кормы, немножко попортил мне кровь. Парус долой? Прекрасно!

«Как? Вы ничего не делаете, брат Жан? Время ли пить в такой час? Почему знать, может, спутник святого Мартина» найдет на нас сейчас новую бурю.

«Не помочь ли вам еще чем-нибудь? Я очень раскаиваюсь, да поздно, что я не следовал учению добрых философов, которые говорят, что прогуливаться у моря, плыть у земли – вот самое верное и приятное дело, как прогуливаться пешком, когда вашу лошадь ведут под уздцы. Ха-ха-ха, – ей-богу, все прекрасно! Не помочь ли вам еще чем-нибудь? Давайте, я отлично управляюсь с этим, если черт не попутает».

У Эпистемона вся рука была ободрана и окровавлена, оттого что он изо всех сил удерживал один из канатов. Услышав речь Пантагрюэля, он сказал:

– Поверьте, государь, что и я был напуган и боялся не меньше Панурга. И что же? Я не щадил себя, помогая в работе. Я считаю, что если смерть есть роковая и неизбежная необходимость, то умереть в такой-то и такой-то час, тем или иным образом – в святой воле божей. Поэтому нужно неустанно молиться ему, просить, умолять его, взывать к нему. Но этим нельзя ограничиваться: следует и с нашей стороны быть деятельным и, как говорит священное «Послание», быть в содействии с ним. Вы знаете, что сказал консул Кай Фламиний, когда, благодаря хитрости Ганнибала, он оказался запертым у Перуджийского – так называемого Тразименского – озера? «Дети, – сказал он солдатам, – чтобы отсюда выйти, вам не следует полагаться на молитвы и обеты богам. Нет, выйти отсюда надо, действуя силой и доблестью, проложив дорогу посреди неприятеля мечом». И, по Саллюстию, помощь богов, как сказал Марк Порций Катон, добывается вовсе не пустыми обетами и женским плачем. Бдением, трудами, доблестью достигается желанный успех во всех делах. Если в нужде и в опасности человек сам небрежен, слаб и ленив, то напрасно он взывает к богам, – те только раздражаются и приходят в негодование.

– Черт меня побери... – сказал брат Жан.

– И меня – половину! – сказал Панург.

Брат Жан продолжал:

– ...если виноградник в Севилье не будет обобран и уничтожен, когда я буду только петь: «От врагов злоумышления избави!» – как делают прочие черти-монахи, вместо того чтобы древком от креста отбивать виноградник от лернейских разбойников.

– Плыви, моя ладья, – воскликнул Панург, – все идет хорошо; только брат Жан ничего не делает и смотрит на меня, как я в поте лица работаю, чтобы помочь этому славному матросу, из матросов первому. Дружище! Два словечка только – не рассердитесь! Какой толщины доски на этом корабле?

– Не бойтесь, в два добрых пальца, – отвечал шкипер.

– Господи помилуй, – сказал Панург, – так мы, значит, всегда всего на два пальца от смерти! И это-то одна из девяти радостей брачной жизни! А вы, друг наш, прекрасно делаете, что измеряете опасность на локти. Что до страха, так у меня его ни капли! Меня зовут Гильом Бесстрашный. Я храбр, как он, и даже больше. Я имею в виду не овечью храбрость, а волчью, убийственную для других, и не боюсь ничего, кроме опасности.

ГЛАВА XXIV. Как брат Жан объявляет, что Панург без причины трусил во время бури

– Добрый день, господа, – сказал Панург. – Добрый день всем... Вы все здоровы? Слава богу! А вы? Добро пожаловать! Сойдем на берег. Лестницу сюда, эй! Бросайте сходни! Лодку, лодку поближе! Надо ли вам помочь? Я голоден как волк, поработав как четыре вола! Правда, прекрасное место и хорошие люди! Дети, нужна вам еще моя помощь? Ради бога, не жалейте моего пота. Адам, то есть человек, рожден для того, чтобы в поте лица трудиться, как птица – для того, чтобы летать. Наш господь – вы слышите? – желает, чтобы мы в поте лица ели хлеб наш, а не так, ничего не делая, как вот этот оборванец монах, брат Жан, который только пьет и умирает со страху.

«Вот прекрасная погода! Теперь я понял, насколько правилен и основателен был ответ благородного философа Анахарсиса, который, когда его спросили, какое судно считает он самым надежным, отвечал: «То, которое стоит в гавани».

– Еще лучше, – сказал Пантагрюэль, – когда на вопрос, кого больше – мертвых или живых, он спросил: «А среди кого вы считаете плавающих по морю?» – этим тонко дав понять, что те, кто плавают по морю, столь всегда близки к смертельной опасности, что они ни живые, ни мертвые. Также и Порций Катон говорил, что он раскаивался бы только в трех вещах: если бы он когда-нибудь доверил свою тайну женщине, если бы провел хоть один день в праздности, и если бы он вздумал отправиться по морю в такое место, куда можно добраться по суше.

– Клянусь достойной рясой, которую ношу, – сказал брат Жан Панургу – ты, мой друг, во время бури трусил без причины и без толку! Судьба тебе предназначила гибель вовсе не на воде. Ты уж наверняка будешь вздернут высоко в воздухе или весело сожжен, как некий святой отец. Государь, вам не надобен ли дождевой плащ? Бросьте шкуру волка или барсука. Велите содрать шкуру с Панурга и накрывайтесь ею. Только не подходите к огню, ради бога, и не ходите мимо кузниц! А то мгновенно этот плащ превратится в пепел. Но под дождем, под снегом, под градом носите его сколько угодно. Даже, ей-богу, вы можете броситься в нем в воду, в самую глубину – не замочитесь нисколько. Сделайте из этой кожи себе зимние сапоги: никогда не промокнут. Сделайте пузыри, чтобы учить мальчишек плавать, – научатся без всякой опасности.

– Так его кожа, – сказал Пантагрюэль, – в роде той травы, что называется «Волосы Венеры» и никогда не мокнет и не промокает: всегда остается сухой, даже если держать ее в воде сколько угодно. Потому она и называется, *adiantos*».

– Панург, мой друг, – сказал брат Жан, – никогда не бойся воды, прошу тебя! От другой стихии прекратится твоя жизнь!

– Хотя бы и так! – отвечал Панург. – Но повара у чертей иногда замечаются и ошибаются в своем деле, и часто варят то, что предназначено жарить, как здешние повара часто шпигуют куропаток, предполагая их жарить, а выходит всегда, что они их варят.

«Слушайте, милые друзья, перед всей благородной компанией заявляю, что под капеллой, которую я обещал воздвигнуть в честь господина Николая Угодника между Канд и Монсоро, я подразумевал просто купель с розовой водой»²⁵¹.

– Вот плут! – сказал Эстен. – Вот плут, целых полтора плута! Оправдывает ломбардскую поговорку: «*Passato el pericolo, gabbato el santo*»²⁵².

²⁵¹ Трудно переводимая игра слов: «*chapelle*» значит – капелла (часовня) и перегонный куб. Чтобы сохранить игру слов, переводчик переводит во втором случае словом «купель».

²⁵² По-итальянски: «По миновании опасности святого надувают».

ГЛАВА XXV. Как после бури Пантагрюэль сошел на Макреоновы острова

Вскоре мы сошли в гавани острова, именуемого Макреоновым. Добрые местные граждане приняли нас с почетом.

Старый макроб (так назывался там мэр) хотел проводить Пантагрюэля в дом городского управления – освежиться, отдохнуть и поесть. Но тот не захотел идти, пока все спутники его не сойдут на берег. Убедившись, что все налицо, Пантагрюэль велел всем переодеться и вынести с кораблей на сушу всяких съестных припасов, чтобы хорошенько попить.

Приказание было исполнено тотчас же. Богу одному известно, сколько тут было выпито и съедено. Местные жители тоже принесли в изобилии съестного. Пантагрюэлисты отдали их своими припасами с лихвой. Правда, что последние были порядком попорчены во время бури.

По окончании пира Пантагрюэль попросил всех приняться за работу – чинить поломанное бурей.

Работа весело закипела. Починка не представляла трудности, потому что все островитяне были плотники – и такие мастера, как в венецианском арсенале; большой остров был населен только в трех гаванях и десяти приходах, а все остальное пространство было покрыто высоким лесом, безлюдным как Арденнские леса.

По нашему настоянию старик макроб показал нам все достопримечательности острова. В тенистом и пустынном лесу оказалось много старых разрушенных храмов, обелисков и пирамид, древних памятников «гробниц, с различными надписями и эпитафиями; одни из них были сделаны иероглифическими письменами; другие – на ионическом наречии трети – на языках арабском, агарянском, славянском и т. д.

Эпистемон из любознательности списал некоторые из них.

Панург между тем сказал брату Жану:

– Это Остров Макреонов. А Макреон по-гречески означает «старик», – человек, которому много лет.

Брат Жан спросил:

– Что ты хочешь, чтоб я делал? Ты хочешь, чтобы я это переделал. Но меня не было здесь, когда их так окрестили.

– Кстати, – сказал Панург, – я думаю, что слово «макрель» происходит от слова «макреон», потому что сводничают только старухи. И на мой взгляд этот остров Макрель – оригинал и прототип того, который есть в Париже. Пойдем ловить устриц.

Старик макроб на ионийском наречии спрашивал у Пантагрюэля, какими усилиями, каким искусством удалось им добраться до гавани острова сегодня, в день, когда было так беспокойно в воздухе и такая страшная буря разыгралась на море. Пантагрюэль отвечал ему, что всевышний господь снизошел к простоте и искренней любви его спутников, которые путешествуют не ради корысти и не ради торговли. Единственная причина побудила их пуститься в море, а именно – ревностное желание увидеть и узнать оракул Бакбюк и получить ответ Бутылки относительно некоторых затруднений одного из товарищей. Все-таки они находились в большой беде и подвергались явной опасности потерпеть крушение. Потом Пантагрюэль спросил старца, как ему кажется: по какой причине разразилась такая страшная буря? Может быть, прилегающие к острову моря обычно подвержены бурям, как у островов на океане близ Сан-Майе, или в Средиземном море близ Саталина, в Гибралтарском проливе, у Мессинского маяка и т. д.

ГЛАВА XXVI. Как добрый макроб рассказывает Пантагрюэлю про то, как жили и умирали герои

Тогда добрый макроб в ответ произнес следующее:

– Дорогие путники, здесь вы на одном из островов Спорад, не тех ваших Спорад, которые лежат в Карпатском море, но Спорад океанических, некогда богатых, часто посещавшихся, полных товаров я всякого изобилия, многолюдных и подчиненных владычеству Британии. Теперь, когда время бежит и мир близится к концу, они бедны и пустынно, как вы сами видите.

«В этом темном лесу, протянувшемся на семьдесят восемь с лишком тысяч лье, обитают демоны и герои, теперь состарившиеся; мы думаем, что так как сейчас перестала сиять на небе комета, выходявшая три предыдущих дня под ряд, значит, вчера кто-нибудь из них умер и от его-то кончины и произошла эта страшная буря, перенесенная вами. Ибо при их жизни и здесь и на соседних островах всегда полное изобилие, на море же – ясность и спокойствие.

«Но когда кто-нибудь из них умирает, то мы обычно слышим в лесу страшные жалобы и вопли, а на земле видим болезни, опустошения и бедствия, в воздухе – трепет и мрак, на море – бурю и ураган».

– В том, что вы говорите, – сказал Пантагрюэль, – много правдоподобного. Как факел или свеча, пока живут и горят, изливают свой блеск на всех, освещают все вокруг, радуют каждого, каждому оказывая своим светом услугу и никому не причиняя ни ущерба, ни неприятности, а как только потухнут, так дымом и чадом заражают воздух, вредят и доставляют неприятности каждому, – так и эти благородные и замечательные души. Пока они обитают в теле, их пребывание спокойно, полезно, приятно и почетно. Но в час их кончины – одновременно и на островах и на материке происходят в воздухе великие потрясения трепет и мрак, гроза и град; земля сотрясается и дрожит; на море начинаются бури и ураганы; среди народа поднимаются жалобы и возмущение, меняются религии, падают королевства, низвергаются республики.

– Еще недавно, – сказал Эпистемон, – мы испытали это сами, при кончине доблестного и ученого рыцаря Гильома дю-Бэлле, при жизни которого Франция благоденствовала настолько, что весь мир ей завидовал, все искали союза с ней и боялись ее. И вдруг по смерти его она надолго впала в жалкое состояние и всеобщее презрение.

– Так же и при смерти Анхиза в Дрепани, в Сицилии, – сказал Пантагрюэль, – буря причинила Энею страшные страдания. Вероятно, по этой же причине и Ирод – тиран и жестокий царь иудейский, – видя, что он близок к смерти, отвратительной и ужасной по своей природе (он умер от фтириазиса, заживо съеденный червями, вшами, – как до него умерли Люций Сулла, Ферецид-сириец, наставник Пифагора, греческий поэт Алькман²⁵³ и другие), и предвидя, что после его смерти евреи устроят иллюминацию, велел собрать к себе во дворец отовсюду из городов, местечек и поместий Иудеи всех знатных и чиновных граждан под обманном предложением, будто он желает сообщить им важные сведения относительно порядка управления и охраны провинции. Всех явившихся он велел запереть в дворцовом ипподроме. А затем он сказал своей сестре Саломее и мужу ее Александру:

«– Я уверен, что евреи возрадуются моей смерти; но если вы желаете выслушать и исполнить то, что я вам скажу, то похороны мои будут почетными, и весь народ на них будет плакать. Как только я умру, вы велите сейчас же моим телохранителям, лучникам (я уже им отдал насчет этого распоряжения), перебить всех этих знатных чиновников, которые там заперты. Когда это будет сделано, то вся Иудея вопреки своему желанию будет охвачена горем и слезами, а иностранцам покажется, что все плачут по случаю моей смерти: будто в моем лице отошел герой.

²⁵³ Эти смерти описываются у Плиния.

«Тем же одушевлен был некий другой отчаянный тиран, говоривший так:

«– При моей смерти да смешается земля с огнем и сгорит, – то есть да погибнет весь мир!

«А Нерон-бездельник сказал, изменив эти слова: не «при моей смерти», а «при моей жизни», как свидетельствует Светоний. Эти отвратительные слова, о которых упоминают Цицерон в III книге «О целях» и Сенека в II книге «О жалости», – приписываются Дионом Никейским и Суидасом императору Тиверии».

ГЛАВА XXVII. Как Пантагрюэль рассуждает об отходе душ героев и об ужасных чудесах, предшествовавших кончине покойного владельца Ланже

Пантагрюэль рассуждает в этой главе про то, что появление на небе комет предшествует за несколько дней «переселению» душ некоторых благородных и героических людей. Небо в этом случае действует наподобие хорошего врача, который, ставя прогноз больному и видя неизбежную смерть, предупреждает его близких об этом, чтобы умирающий мог «привести в порядок свой дом, преподать наставление детям, рекомендовать вдовство жене», и т. д. Так и небо, будто радуясь предстоящему на него переселению блаженной души, возжигает у себя заранее веселые огни в виде комет и падучих звезд.

Как афинский ареопаг выставлял для всеобщего обозрения особые знаки по поводу судьбы обвиняемых, как-то: «Θ», означавшее смертный приговор, «Τ» – оправдание, «Α» – неясность²⁵⁴, так, – говорил Пантагрюэль, – и небеса молчаливо говорят воздушными эфирными знаками комет: «Если вы, о смертные, хотите что-нибудь еще узнать от умирающих касательно общественного блага и пользы, – старайтесь скорее к ним попасть и получить от умирающих ответ. Конец и развязка комедии приближаются. Если пропустите – тщетно будет ваше сожаление!»

«Чтобы показать земле, – говорит Пантагрюэль, – что жители ее недостойны присутствия среди них и общения с ними столь замечательных душ, небеса пугают и изумляют людей чудесами, знаменами и другими предвещающими явлениями, противоречащими всем законам природы».

Эпистемон упоминает о чудесах, предшествовавших кончине славного рыцаря Ланже, но в чем эти чудеса состояли – не рассказывает. Брат Жан задает наивный вопрос: «Как это могут умирать эти герои и полубоги?» На это Пантагрюэль отвечает, что, по мнению стоиков, все люди смертны, кроме одного, который «бессмертен, не подвержен страстям и невидим». Лесным дриадам «Парки прядут нить жизни такой же длины, как жизнь их дерева (которое ими охраняется)». Это, – говорит Пантагрюэль, – сказано у Пиндара и других.

– Что касается полубогов – Пана, фавнов, сатиров, лесных, водяных, демонов, нимф и героев, – то многие из них, в общей сложности, если взять сроки их жизни, как высчитал Гезиод, живут около 9 720 лет. Число это составляется через умножение шести в третьей степени на три во второй степени и всего этого произведения на пять. Смотри Плутархову книгу «О прекращении оракулов».

– Этого, – сказал брат Жан, – в тревнике не стоит. Поверить этому я смогу разве только в угоду вам.

– Я думаю, – сказал Пантагрюэль, – все разумные души изъяты из ножниц Парки Атропос. Все бессмертны – ангелы, демоны и люди. Я вам расскажу очень странную историю, которая записана и засвидетельствована многими учеными и знающими историографами.

²⁵⁴ «Θ» – первая буква греческого слова, что означает «смерть», «Τ» – начало слова «оправдание», «Α» – начало слова «неясность».

ГЛАВА XXVIII. Как Пантагрюэль рассказывает жалостную историю касательно кончины героев

– Эпитерсес, отец Эмилиана-ритора, плыл из Греции в Италию на корабле, нагруженном различными товарами, с несколькими путешественниками, и однажды под вечер, около Эхинских островов (что между Мореей и Тунисом), когда ветер стих, корабль их отнесло к острову Паксосу. Там они причалили, и в то время как часть путешественников спала, другая же бодрствовала, ела и пила, – с острова Паксоса был услышан чей-то голос, громко призывавший Тамуса.

«Этот крик привел всех в ужас.

«Тамус был их шкипер, уроженец Египта, но имя его было известно лишь нескольким из путешественников.

«Потом услышали вторично голос, с ужасным криком зовущий Тамуса. Никто не отвечал, и все оставались в молчании и трепете, когда тот же голос раздался в третий раз, и еще ужаснее, чем раньше. Тогда Тамус ответил:

«– Я здесь. О чем ты меня спрашиваешь? Чего ты хочешь от меня?

«Тот же голос раздался еще громче, приказывая ему, когда он придет в Палоду, объявить, что Пан, великий бог, умер.

«При этих словах, как рассказывал Эпитерсес, все матросы и путешественники изумились и очень испугались. И когда они совещались между собой, что лучше: молчать, или объявить то, что им было приказано, Тамус сказал, что, по его мнению, следует поступить так: если случится, что ветер будет попутный, то проплыть мимо острова и ничего не объявлять. Если же тогда море будет спокойно, то объявить, что они слышали.

«И вот, когда они были близ Палоды, случилось так, что не было ни ветра, ни течения.

«Тогда Тамус, взойдя на нос корабля и обратившись лицом к земле, закричал, как ему было приказано, что великий Пан умер. Не успел он еще закончить последнего слова, как с берега послышались глубокие вздохи, вопли и восклицания ужаса – не одного, а многих. Известие об этом (так как многие там были) быстро распространилось по всему Риму, и цезарь Тиверий, тогдашний римский император, послал за этим Тамусом и, выслушав его, поверил его словам. Осведомившись у ученых людей (которых было порядочное число тогда в Риме и при дворе Тиверия), кто был этот Пан, он убедился из их объяснений, что это был сын Меркурия и Пенелопы. Так еще раньше было написано Геродотом и Цицероном в III книге «О природе богов».

«Все же я толкую это как смерть великого спасителя верующих, который был вероломно умерщвлен в Иудее завистливыми и неправедными первосвященниками, книжниками, священниками и монахами Моисеева закона. И это объяснение мне не кажется неприемлемым, потому что на греческом языке он с полным правом может быть назван Паном: ибо он – наше Все, все, что мы имеем, все, чем мы живем, все, на что мы надеемся, – все есть он, в нем, от него и через него. Это добрый Пан, великий пастырь, который, по свидетельству пламенного пастуха Коридона, не только овец своих любит и милует, но и пастырей. И при его смерти жалобы, вздохи, восклицания и стенания раздалась по всей великой вселенной – на небесах, на земле, на море, в аду. Такому моему толкованию соответствует и время. Ибо этот превеликий и предобрый Пан, единственный наш спаситель, скончался в Иерусалиме, когда в Риме царствовал цезарь Тиверий».

Кончив свою речь, Пантагрюэль пробыл некоторое время в молчании и в глубоком созерцании. Немного спустя мы увидели, как слезы закапали с его глаз, крупные как страусовы яйца.

Убей меня бог, если я солгал хоть слово!

ГЛАВА XXIX. Как Пантагрюэль прошел остров Тапинуа, где царствовал Каремпренан

Когда корабли нашего веселого каравана были починены и исправлены, съестные припасы возобновлены, и макреоны остались более чем довольны и удовлетворены тем, как Пантагрюэль расплатился за все, а наши люди были тоже веселее обычного, – на следующий день в великой радости поставили паруса под легкий и приятный ветер. На вершине дня Ксеноман издала показал остров Тапинуа, где царствовал Каремпренан о котором Пантагрюэль уже когда-то слышал и охотно бы повидал его лично, если бы Ксеноман не отговорил его, как потому, что для этого надо будет сделать большое отклонение от пути, так и потому, что на всем этом острове и при королевском дворе уж очень было скудно.

– Вы там увидите, – говорил он, – одного великого пожирателя гороха, потребителя сельдей и кротов, великого уборщика сена; полувеликана, плешивого и с двойной тонзурой по образцу фонарийцев; еще фонарщика, знаменосца ихтиофагов, диктатора Горчичников грозу малых детей, обжигателя золы, отца и кормильца врачей; расточителя индulgенций, помилований и молитвенных коленопреклонений; человека порядочного, хорошего и очень набожного католика. Три четверти дня он плачет. Никогда не посещает свадеб. Правда, он самый искусный человек на сорок королевств в деле выделки игл для шпигования, а также вертелов. Лет шесть тому назад я был в Тапинуа, вывез оттуда целый гросс игол и раздарил их мясникам в Канд. Последние оценили их по достоинству. Когда мы будем возвращаться, я покажу две такие иглы: они воткнуты на главном портале.

«Пища, которой он питается, состоит из соленых бобов, улиток, соленых грибов и соленого салата, отчего он страдает иной раз мочеизнурением. Его одежда очень веселая и покромом и цветом. Цветом – серая, и прехолодная: ни спереди ни сзади ничего нет, рукавов тоже нет».

– Вы мне сделаете удовольствие, – сказал Пантагрюэль, – если опишете мне его наружность и сложение, и как он работает и развлекается, так же подробно, как уже рассказали об его одежде и пище.

– Пожалуйста, – сказал брат Жан, – я его нашел в моем требнике, он ускользнул после подвижных праздников.

– Охотно, – отвечал Ксеноман. – Мы подробнее, вероятно, услышим о нем, проходя мимо острова Фаруш, на котором правят жирные Колбасы, смертельные его враги, с которыми он ведет вечную войну.

«Не помогай им Чистый Вторник, их добрый сосед и покровитель, этот великий фонарщик Каремпренан расколотил бы их в прах и искоренил весь их род».

– А что эти Колбасы – самцы или самки? – спросил брат Жан. – Ангелы или смертные люди? Женщины или девушки?

– Они, – отвечал Ксеноман, – по своему полу – женщины; по положению – смертные. Некоторые из них девственны, другие – нет.

– Убей меня дьявол, – сказал брат Жан, – а я на их стороне! Какой беспорядок в природе – вести войну против женщин! Вернемся; Разорим этого великого негодяя.

– Сражаться с Каремпренаном! – сказал Панург. – Клянусь всеми дьяволами! Я не так глуп и не так смел.

«*Quid juris*²⁵⁵, если мы очутимся запертыми между Каремпренаном и Колбасами? Между молотом и наковальней! Тьфу ты, пропасть! Скорее прочь отсюда! Поплывем окольной доро-

²⁵⁵ Это латинское выражение можно передать приблизительно так: «законно ли это».

гой. Прощайте, господин Каремпренан! Рекомендую вам Колбасы, да не забудьте и кровяных тоже!»

ГЛАВА XXX. Как Каремпренан анатомируется и описывается Ксеноманом

В этой главе идет подробное описание Каремпренана, у которого, например, «нёбо – в роде каменной печи... затылок – в роде фонаря... память – в роде повязки»... и т. д. Разум у него – «как табурет».

ГЛАВА XXXI. Анатомия внешних органов Каремпренана

Еще несколько страниц таких же шуточных анатомических описаний.

ГЛАВА XXXII. Продолжение описания Каремпренана

Ксеноман продолжает рассказ про особые свойства Каремпренана, в таком роде:

«Его кашель был в роде ящиков с вареньем из айвы... Его зевок – горшки с гороховым супом. Его вздохи – копченые говяжьи языки».

«И вот удивительное дело! – продолжал Ксеноман. – Он работал, ничего не делая; ничего не делая, работал; его работа состояла в бездельничанье, а его бездельничанье – в работе... Чтобы заснуть, он открывал глаза; чтобы открыть глаза, он засыпал (он – как заяц – боялся козней со стороны его вековечных врагов – Колбас). Смеялся, кусаясь; а укусы его состояли в одном смехе. Постничая, ничего не ел; не ел ничего – и все-таки ел постное... Купался на высоких колокольнях, сушился в прудах и реках... Охотился в глубине моря, а рыбу удил в воздухе. Боялся только своей тени да крика жирных козуль... Гвозди вбивал кулаком. Своим толстым стилетом писал на гладком пергаменте предсказания и альманахи».

Далее рассказывает Пантагрюэль.

– Физис (т.-е. Природа) прежде всего родила Красоту и Гармонию, и родила без плотского совокупления, так как она сама по себе весьма плодovита и плодоносна. Антифизис, всегдашняя противница Природы, немедленно позавидовала таким прекрасным и благородным родам и сама родила Амодунта и Дискорданс, совокупившись с Теллюмоном.

«Голова этих новорожденных была сферической и круглой со всех сторон, как шар, а не сдавленная немного с двух сторон, как у людей. Уши у них были высоко подняты и огромны, как у осла; глаза – выпученные, без ресниц, прикреплены к косточке, твердые как рачи; ноги – круглые как клубки; руки – вывороченные назад к плечам. Ходили они постоянно колесом, на голове, ногами вверх. Вы знаете, что обезьяньим самкам их детеныши кажутся прекраснее всего на свете; так и Антифизис хвалилась и старалась доказать, что дети ее красивее и привлекательнее детей Физис, говоря, что иметь голову и ноги круглые и ходить колесом – самая совершенная и наиболее подходящая походка, в которой есть доля божественности, благодаря которой небеса и все вечное закруглено.

Ходить ногами вверх, головой вниз – это значит подражать творцу вселенной: ведь волосы у человека в роде как корни, а ноги – ветви; и деревьям удобнее быть воткнутыми в землю корнями, чем ветвями. Доказывая это, она намекала, что ее дети более естественны – потому что они как прямое дерево, – чем дети у Физис, которые были как дерево опрокинутое. Что же касается рук, она доказывала, что гораздо разумнее, чтобы они были выворочены назад, за спину, так как эта часть тела не должна оставаться без защиты, а перед прекрасно снабжен зубами, которыми человек может не только жевать без помощи рук, но и защищаться против всего вредоносного. Таким образом, благодаря свидетельству и подтверждению тупых дураков, она привлекала на защиту своего мнения всех глупцов и бессмысленных людей. И все безмозглые люди, лишенные от природы способности суждения и здравого смысла, ею восхищались.

«После этого она еще произвела на свет пустосвятов, ханжей и папистов; затем маньяков пистолетов, женевских кальвинистов-обманщиков, бесноватых пютербов, притворщиков, людоедов и вообще всяких монахов-обжор, а также и других противоестественных и безобразных чудовищ, чтобы досадить Природе».

ГЛАВА XXXIII. Как Пантагрюэль заметил чудовищного кита близ острова Фаруш

Был полный день, когда, приближаясь к острову Фаруш, Пантагрюэль издалека заметил большого и чудовищного кита, который шел прямо на нас, пыхтя и храпя и извергая из пасти воду выше корабельных мачт, которая падала, как с горы огромная река.

Пантагрюэль указал на него шкиперу и Ксеноману. По совету шкипера трубы на «Таламеге» заиграли сигнал кораблям сомкнуться тесным строем. По этому сигналу все суда, галеры и шлюпки – согласно морской дисциплине – расположились в порядке, выстроившись друг за другом в форме греческого τ , пифагоровой буквы, какую образуют летящие журавли, – в виде острого угла, в вершине которого находился «Таламег» с экипажем, приготовившимся к доблестному бою.

Брат Жан весело и решительно поднялся на палубу вместе с бомбардирами. Панург принялся вопить и кричать, как никогда.

– Бабиль-ба-бу! – кричал он еще хуже, чем раньше. – Бежим! Клянусь смертью быка, это – Левиафан, которого описал благородный пророк Моисей в житии святого Иова. Он проглотит нас всех – и людей и суда – как пилюлю. В его огромной адской пасти мы зайдем места не больше, чем перечное зернышко в пасти осла. Смотрите, какой он! Бежим, достигнем суши! Я думаю, что это то самое морское чудовище, которому некогда было назначено поглотить Андромеду. Мы все погибли. О, если бы был здесь какой-нибудь могучий Персей, чтобы убить это чудовище!

– Я буду этим Персеем, – отвечал Пантагрюэль. – Не бойтесь!

– Господи помилуй! – закричал Панург. – Так вы сделайте, чтобы не было причин боязни. Когда, хотите вы, чтобы я боялся, как не тогда, когда опасность очевидна!

– Если такова судьба ваша, – сказал Пантагрюэль, – какую предрек вам недавно брат Жан, – то вы должны бояться Пирэя, Геоя, Аэтона и Флегона, знаменитых коней пылающего Солнца, извергающих огонь из своих ноздрей. А китов, которые выпускают лишь воду из пасти и из ушей, вам совсем не должно бояться. Вашей жизни не грозит опасность от их воды. Эта стихия скорее сохранит и защитит вашу жизнь, чем нарушит и повредит ей.

– Ну, – сказал Панург, – клянусь рыбешкой, не излагал ли я вам учения о превращении элементов и о том, что от жареного до вареного всего один шаг? Увы! Вот он! Я пойду спрячусь внизу. Все мы умрем сейчас. Я уже вижу на марсе мачты, как коварная Атропос свежена-точенными ножницами готова всем нам перерезать нитку жизни... Берегитесь, вот он! О, как ты страшен и отвратителен! Сколько ты потопил других, которые отнюдь этим не хвалились! Если бы он еще выбрасывал доброе, белое и красное, вкусное, сладкое вино, а не эту горькую, вонючую соленую воду, – это было бы еще переносимо, и было бы за что потерпеть, как тому английскому милорду, которому, приговорив его к смерти за разные преступления, позволили выбрать себе казнь, и он выбрал смерть через утопление в бочке с мальвазией!..

«Ай, вот он! Ой-ой! Дьявол, сатана-Левиафан! Я не могу тебя видеть, так ты отвратителен и уродлив! Ступай, подлец, в суд! Жалуйся на меня кляузникам!..»

ГЛАВА XXXIV. Как Пантагрюэль поразил чудовищного кита

Войдя в проход между кораблями, кит окатил их целыми бочками воды, – как будто они попали под Нильский водопад в Эфиопии. Копья, пики, дротики, стрелы и колья летели в кита со всех сторон. Брат Жан не щадил себя при этом. Панург умирал со страху.

Артиллерия дьявольски гремела и палила в кита, исполняя свой долг без смеха. Но пользы было мало: большие медные и железные ядра, входя в его кожу, будто расплавились, как черепицы на солнце – так казалось тому, кто глядел на них издали.

Тогда Пантагрюэль, сообразив, что необходимо приступить к действию, размахивается и показывает, что он может сделать.

Вы говорите, да и написано, что бездельник Коммод, римский император, так искусно владел луком, что издали пропускал стрелы между пальцами детей, поднимавших руки вверх, не рая этих пальцев. Вы рассказываете нам еще об одном индийском стрелке, который во времена покорения Индии Александром Великим был так искусен в стрельбе из лука, что издали пропускал стрелы сквозь кольцо, хотя его стрелы были в три локтя длиной, а их железные наконечники – такие огромные и тяжелые, что ими стрелок пробивал стальные мечи, толстые щиты и крепкие кольчуги и вообще все, к чему ни прикасался, как бы плотно и твердо это ни было.

Вы нам говорите также о чудесах ловкости древних французов, которые превосходили все прочие народы в искусстве метания стрел и на охоте за черным и красным зверем натирали наконечники стрел чемерицею, – чтобы битая дичь была нежнее, вкуснее, здоровее и слаще, – а место, куда попадала стрела, вырезали и удаляли. Вы поведете также рассказ о парфянах, которые, обратившись к цели спиной, стреляли искуснее, чем прочие народы, обратившись к ней лицом. Вы будете прославлять за ловкость скифов, посланник которых однажды предложил Дарию, царю персидскому, подарок, состоявший из птички, лягушки, мыши и пяти стрел, ни слова при этом не говоря. На вопрос, что означают эти подарки и не поручено ли ему сказать что-нибудь, он отвечал, что нет. Дарий страшно удивился и ничего не понимал, пока один из семи капитанов, – которые убили волхвов, – по имени Гобриэс, не растолковал ему, сказав: «Такими дарами и приношениями скифы без слов говорят вам следующее: если персы не улетят на небо, как птицы, не спрячутся подобно мышам в землю, не укроются на дне прудов и болот как лягушки, – все они будут уничтожены могуществом скифских стрел.

Но благородный Пантагрюэль в искусстве метания стрел и копий без сравнения превосходил всех. Своими страшными пиками и копьями по длине, толщине, тяжести и крепости очень похожими на огромные балки, поддерживающие мосты в Нанте, Сомюре, Бержераке и в Париже Мост Менял и Мост Мельников, – этими своими пиками на расстоянии тысячи шагов он открывал устриц, не задевая раковины; снимал нагар со свечи, не туша ее; попадал сороке в глаз; отделял подошвы от сапог, не портя последних; перевортывал листы требника брата Жана один за другим, не надрывая ни одной страницы. Одним из копий, которых был большой запас на его корабле, он сразу поразил кита в лоб, так что пробил ему обе челюсти и язык, и тот больше не мог ни раскрыть рта, ни глотать, ни выпускать воды. Вторым ударом он выбил ему правый глаз, третьим – левый. При общем ликовании, все увидели на лбу кита эти три рога, которые слегка наклонялись вперед, в виде равностороннего треугольника. Кит ворочался с боку на бок, качаясь и шатаясь, оглушенный, ослепленный и умирающий. Не довольствуясь этим, Пантагрюэль поразил его в хвост, и копьё это отклонилось назад.

Затем он нанес ему еще три удара в спину, вонзив копьё перпендикулярно, на равных расстояниях, и разделив пространство между хвостом и мордой на четыре равные части. И наконец всадил ему еще пятьдесят копий в один бок, пятьдесят – в другой, так что туловище кита стало походило на киль трехмачтового испанского судна, утыканный порядочным коли-

чеством крюков для снастей, на которые издали походили эти бревна. Все это представляло чрезвычайно приятное зрелище. Умирающий кит наконец опрокинулся вверх брюхом, как все мертвые рыбы.

Опрокинутый, с бревнами в виде подпорок, он походил на стоногую змею – сколопендру, описанную Никандром, древним мудрецом.

ГЛАВА XXXV. Как Пантагрюэль сошел на остров Фаруш, древнее обиталище Колбас

Команда судна фонарийцев доставила связанного кита на землю, на ближайший остров, называемый Фаруш, чтобы его анатомировать и собрать почечный жир, который считался чрезвычайно полезным и даже необходимым для лечения некоей болезни, именовавшейся ими «безденежьем». Пантагрюэль не видел в этом особого расчета, так как он в Галльском океане встречал и других китов, даже еще более громадных. Он все же соизволил сойти на остров, чтобы дать посушиться и подкрепиться тем из его людей, которых отвратительный кит замочил и запачкал. Они высадились у маленькой пустынной гавани на южной стороне острова, у опушки высокого, прекрасного и приятного леса, в котором протекал восхитительный ручеек, нежный, чистый и серебристый. Там они разбили палатки с походными кухнями. Топили, не жалея дров. Когда все переоделись, брат Жан позвонил в колокол. По этому сигналу быстро расставили и накрыли столы.

Пантагрюэль, весело обедая со своими людьми, за вторым блюдом заметил несколько маленьких Колбас, которые, не говоря ни слова, карабкались на одно из высоких деревьев, росших неподалеку от места пира. Пантагрюэль спросил Ксеномана:

– Что это за звери?

Он думал, что это белки, хорьки, куницы или же горностаи.

– Это Колбасы, – отвечал Ксеноман. – Это – остров Фаруш, о котором я говорил вам сегодня утром. Между Колбасами и Каремпренаном, их хитрым и старым врагом, с давних пор идет смертельная война. Я думаю, что они испугались нашей пальбы по киту и заподозрили, что это их враг прибыл сюда со своими войсками, желая захватить их врасплох или же причинить им разорение на острове, как он уже несколько раз тщетно пытался это сделать, с малой пользой для себя, благодаря заботливости и бдительности Колбас. Вероломство неприятеля и

близкое соседство его владений вынуждали их быть постоянно настороже, подобно тому как говорила Дидона спутникам Энея, хотевшим занять в Карфагене гавань без ведома ее и согласия.

– Друг мой! – сказал Пантагрюэль. – Если вы видите, что мы могли бы каким-нибудь честным образом положить конец этой войне и примирить их, скажите мне ваше мнение. Я займусь этим от всего сердца и не пощажу ничего своего, только бы уладить отношения между двумя враждующими странами.

– Это сейчас невозможно, – отвечал Ксеноман. – Около четырех лет прошло с тех пор, как, проходя мимо островов Фаруш и Тапинуа, я вменил себе в обязанность установить мир между ними или, по меньшей мере, долгое перемирие, и они уже были бы давно добрыми друзьями и соседями, если бы только те и другие отказались от своего пристрастия в одном пункте. Каремпренан не хотел включать в мирный договор ни лесных Свиных Колбас, ни горных Сосисок, старых кумовьев и союзников наших Мясных Колбас. Последние же требовали, чтобы крепость Как и замок Салуар были переданы им в полную власть безусловно, и чтобы из этой крепости были изгнаны подлые убийцы и разбойники, занимавшие ее.

«Соглашение не могло быть достигнуто, так как условия договора показались обеим сторонам несправедливыми. Поэтому окончательно ни до чего не договорились. Во всяком случае они стали врагами менее суровыми и более мягкими, чем прежде. Но затем в Шезиле было издано постановление национального собора, коим и Колбасы осуждались, и Каремпренан объявлялся нечистым и осквернившимся в случае, если он заключит с ними союз или какое бы то ни было соглашение, – это постановление страшно озлобило, ожесточило, словно отравило их и заставило упорствовать в враждебном настроении. Помочь тут ничем нельзя. Легче помирить котов с крысами или собак с зайцами».

ГЛАВА XXXVI. Как свирепые Колбасы устроили засаду против Пантагрюэля

Пока Ксеноман рассказывал, брат Жан заметил двадцать пять или тридцать молодых, стройных Колбас, крупными шагами удалявшихся из гавани по направлению к городу, крепости и замку, и сказал Пантагрюэлю:

– Дело без осла не обойдется, – я уж вижу. Эти почтенные Колбасы, пожалуй, могут принять вас за Каремпренана, хотя вы на него ни мало не походите. Оставим наш обед и приготвимся к должной самозащите.

– Это будет не плохо сделать, – сказал Ксеноман. – Колбасы – суть Колбасы: всегда двоедушны и предательницы.

Тогда Пантагрюэль поднимается из-за стола и идет осмотреть лес. Он сейчас же возвращается и осведомляет нас, что он уже открыл на него засаду из жирных Колбас, а направо, в полулье расстояния от них, большой отряд других, гигантских и мощных Колбас, в ярости идущих в битву против нас, – под звуки дудок, рожков, пузырей с гремушками, тамбуров, барабанов, труб и горнов. Заключая из того, что он насчитал семьдесят восемь знамен, мы приблизительно определили их число не менее, чем в сорок две тысячи. Порядок, в котором они двигались, гордая поступь и уверенное выражение лиц заставляли нас думать, что это были не молоденькие Колбаски, а старые боевые Колбасы. В первых рядах – под знаменами – шли воины в полном вооружении, с маленькими пиками (как нам издали показалось), но во всяком случае очень острыми и хорошо отточенными. На обоих крыльях наступающих фланги прикрывались лесными Свиными Колбасами, массивными Паштетами и конными Сосисками; все это были рослые, воинственные и свирепые островитяне.

Пантагрюэль был в большом волнении, и не без причины, хотя Эпистемон и доказывал ему, что, может быть, в обычае Колбас так принимать и встречать, в полном вооружении, своих иностранных друзей, как благородные французские короли встречаются добрыми городами королевства при восшествии на престол, после коронавания.

– Быть может, – говорил он, – это только регулярная гвардия местной королевы, которая, осведомленная теми самыми молодыми караульными Колбасами, которых вы видели на дереве, о том, что в порт вошел пышный кортеж ваших судов, подумала, что это прибыл к ним какой-нибудь богатый и могущественный государь, и лично выходит к вам навстречу для приветствия.

Неудовлетворенный этим Пантагрюэль собрал совет, чтобы услышать его мнение относительно того, что следует делать в таком затруднительном случае, когда опасность очевидна, а надежды неопределенны.

Он вкратце указал, что такой способ вооруженной встречи часто скрывает в себе смертельную опасность под видом дружбы и ласки.

– Так, – говорил он, – император Антонин Каракалла некогда истребил александрийцев; а в другой раз уничтожил свиту персидского царя Атабана, под предлогом, что он хочет жениться на его дочери. Это не осталось безнаказанным, так как вскоре он потерял жизнь. Жители города Сихема были обмануты подобным же способом сынами Иакова, отомстившими им за похищение сестры их Дины. Галлиен, император римский, так же лицемерно убил константинопольских воинов. Под видом дружбы Антоний заманил к себе армянского царя Артавада, затем велел заковать его в толстые железные цепи и в конце концов умертвил. В памятниках древности можно найти тысячу других подобных историй.

«С полным правом и донныне восхваляется осторожность французского короля Карла VI, который, возвращаясь после победы над фламандцами и жителями Гента в свой добрый город Париж и услышав, что парижане, числом до двадцати пяти тысяч, вышли из города к нему

навстречу, со своими молотками, в боевом порядке, не захотел вступить в город, как его ни уверяли парижане, что они вооружились, чтобы принять его с большим почетом, без всякой задней мысли и дурного намерения. Он потребовал, чтобы они сначала разошлись по домам и разоружились.

ГЛАВА XXXVII. Как Пантагрюэль послал за капитанами Рифль-андуем и Тайль-буденом, и о замечательной речи его относительно имен, мест и лиц

На кораблях Пантагрюэля были как раз два капитана, имена которых находились в тесной связи с именами хозяев острова – Андуй (Колбас), и их союзниц – Буден (Колбас Свиных), а именно – Рифль-андуй и Тайль-буден. Он послал за ними Гимнаста; Панург было вызвался заменить его, но брат Жан стал обвинять Панурга в трусости, в том, что он выискивает предлог, чтобы уклониться от предстоящей битвы. На замечание Эпистемона относительно связи имен капитанов и врагов Пантагрюэль произнес целую речь по поводу прорицаний на основании собственных имен. Он привел массу примеров, из которых самый разительный пример – Регилиана, который за свое имя, происходящее от слова «гех» (по-латыни – царь), был провозглашен императором. Далее Пантагрюэль ссылаясь на удивительную догадливость Пифагора, который на основании четности или нечетности числа слогов собственного имени выводил заключение, какая сторона у кого подвержена хромоте, подагре, параличу и т. п. Четное число показывало, что левая, нечетное – правая. И в самом деле оказывалось так – исключений из этого правила не было. Ахиллес был ранен в правую пятку, потому что имя его было нечетное. Афродита же была ранена Диомедом в левую руку, Вулкан был хром на левую ногу.

Затем Пантагрюэль снова вернулся к именам и рассказал про осаду Александром Великим города Тира. Долго не удавалось взять ему этот город. Но однажды он увидел во сне сатира, которого ему, хотя и с великим трудом, удалось в конце концов изловить и схватить. Сон его был истолкован так, что Тир будет взят, ибо слов «сатир», если разделить его на две части, будет «са» и «Тир», то есть – «твой» и «Тир». Люций Павел Эмилий, избранный императором, воевал против македонского царя Персея. И вот его дочь как-то встретила отца со слезами и объявила ему, что ее любимая собачка «Перса» сегодня умерла. Павел получил полную уверенность в своей победе над Персеем.

К концу этой речи явились оба капитана в сопровождении солдат, вполне вооруженных и очень решительных. Пантагрюэль вкратце объяснил им необходимость с их стороны выказать доблесть в сражении, если их вынудят принять его (ибо он до сих пор не мог поверить, что Колбасы могли быть так вероломны). Он запретил начинать нападение самим и передал пароль: «Чистый Вторник».

ГЛАВА XXXVIII. Почему люди не должны презирать Колбас

Вы, пьяницы, смеетесь – и не верите, что так было вправду, как я вам рассказываю. Я не знаю, как вас заставить верить. Если хотите, верьте; не хотите – пойдите, посмотрите сами. Но я хорошо знаю, что я видел. Дело происходило на острове Фаруш. Я вам называю остров. А припомните силу древних гигантов, взгромоздивших Пелион на Оссе и желавших окутать Оссой тенистый Олимп, чтобы вступить в сражение с богами и искоренить их на небе.

Это была сила недюжинная, немалая. Ведь они были половиной тела колбасами или, вернее, змеями.

Змий, искусивший Еву, был колбасообразный; тем не менее про него написано, что он был тоньше и хитрее всех прочих живых существ. Таковы и Колбасы! Еще и сейчас в некоторых академиях придерживаются мнения, что искуситель был именно Колбасой, – по имени Итифалл, – в которую был когда-то превращен добрый господин Приап, великий соблазнитель женщин в «парадизах» (слово греческое, по-французски значит «сады»).

Швейцарцы – сейчас народ смелый и воинственный, – а как знать, не были ли и они прежде сосисками? Я бы не решился положить против этого палец в огонь. Гимантоподы, один из весьма замечательных народов Эфиопии, согласно описанию Плиния, не что иное, как колбасы. Если этих примеров недостаточно, чтобы поколебать недоверчивость ваших милостей, то сейчас же (конечно, только после выпивки) поезжайте в Люзиньян, Портенэй, Вуан, Мервант и Понзог в Пуату. Там вы найдете стариков, свидетелей, людей уважаемых и старого закала, которые вам рукой святого Ригомэ поклянутся, что у Мелюзины, основавшей все эти места, было тело женщины только до органов жизни, а ниже она была змеиной колбасой, или колбасообразной змеей. Поступь ее, тем не менее, была изящная и твердая, – и до сего дня ей подражают бретонские фигляры когда пляшут свои триори с пением.

По какой причине Эрихтоний первый изобрел рыдваны, дроги и телеги? Потому что Вулкан произвел его на свет с ногами в виде колбас: чтобы прятать свои ноги, он предпочитал ездить в повозке, а не верхом. Ибо уже и в его время Колбасы не пользовались хорошей славой. У Оры, скифской нимфы, тело тоже было полуженским, полуколбасообразным. Тем не менее Юпитеру она показалась такой красивой, что он разделил с ней ложе и имел от нее сына, по имени Колакс.

Перестаньте же смеяться, поверьте, что нет ничего более истинного, чем евангелие.

ГЛАВА XXXIX. Как брат Жан заключает союз с поварами для предстоящей битвы с Колбасами

Брат Жан, увидев бодрое настроение яростно шедших на них Колбас, сказал Пантагрюэлю:

– Как я вижу, предстоит сенокос на славу! О, какая честь и великолепные похвалы будут нам за победу! Но мне хотелось бы, чтобы вы оставались только зрителем этого сражения и предоставили мне действовать с моими людьми.

– Какими людьми? – спросил Пантагрюэль.

– Отвечу по требнику, – отвечал брат Жан. – Почему Потифар, старший повар в кухнях фараона, тот самый, что купил Иосифа, и кому Иосиф, если бы захотел, мог наставить рога, – почему этот Потифар начальствовал над кавалерией во всем Египетском царстве? Почему Набузардан, старший повар короля Навуходоносора, был выбран из всех его военачальников для осады и разрушения Иерусалима?

– Я слушаю, – отвечал Пантагрюэль.

– ...Черт возьми, – сказал брат Жан, – я осмелюсь поклясться, что они когда-нибудь раньше сражались с Колбасами или со столь же ничтожными, как Колбасы, врагами. Бить и валить таких врагов, кромсать и потрошить несравненно приличнее и удобнее поварам, чем всяким кавалеристам, солдатам и пехотинцам.

Пантагрюэль вспоминает, как Цицерон на хвастовство одного из Помпеевых офицеров количеством оставшихся в его лагере «орлов» (знамен значков) сказал: «Это было бы хорошо и кстати, если бы воевали с сороками». Он со своей стороны, находит, что брат Жан верно полагает, что им предстоит «кулинарная баталия», – и потому входит в союз с поварам. Он соглашается остаться зрителем предстоящего побоища.

Брат Жан тотчас отправляется к походным кухням и, предложив поварам выпить, зовет их в бой против Колбас. Те охотно соглашаются и выражают свою готовность «жить и умереть под его предводительством». «Жить – да! умереть – ни в коем случае!

Предоставим это Колбасам», – отвечает брат Жан и дает поварам пароль: «Набузардан».

ГЛАВА XL. Как брат Жан воздвигнул свинью и спрятал в нее поваров

Тогда, по приказу брата Жана, искусными мастерами была сооружена огромная свинья и помещена на корабле.

Дается описание этой машины. Повара вошли в свинью, как греки в деревянного коня при осаде Трои. Раблэ перечисляет на нескольких страницах имена этих поваров. Между ними мы встречаем Фуарара, Бренуса, Веделя, Лентя (так звали одного из проглоченных Гаргантюа паломников). Глава заканчивается так: «Брат Жан со своим большим посохом входит последним и запирает изнутри двери, которые были с пружиной».

ГЛАВА XLI. Как Пантагрюэль сокрушил Колбас

Колбасы приблизились настолько, что Пантагрюэлю было видно, как они протягивали руки. Тогда он посылает Гимнаста узнать, чего они хотят и из-за какой обиды они собираются без всякого вызова воевать со своими старыми друзьями, ничего дурного им не сделавшими и не сказавшими. Гимнаст с глубоким почтением поклонился первым рядам и закричал изо всех сил:

– Ваши, ваши, ваши, все мы ваши, все мы к вашим услугам! Все мы сторонники Мардигра, старого вашего союзника!

При этом слове толстая, дикая, жирная Мозговая Колбаса, выступив перед фронтом своего батальона, хотела схватить его за горло.

– Ей-богу, – сказал Гимнаст, – тебе не пройти туда иначе как по кусочкам! Целиком никак не удастся.

При этих словах он поднимает свой меч «Поцелуй меня в...» (так он его назвал) обеими руками и разрубает им Колбасу надвое. Боже правый, до чего она была жирна! Она напомнила мне тушу того огромного бернского быка, который был убит при Мариньяне – при поражении швейцарцев. Верите ли, не меньше чем на четыре пальца было у нее сала на брюхе!

Когда он размозжил Мозговую Колбасу, то Колбасы бросились на него и преподло повалили на землю, но в это время Пантагрюэль с товарищами поспешили к нему на помощь. Тогда началась настоящая свалка. Рифль-андуй обдирал Колбас; Тайль-буден рубил Сосисок, Пантагрюэль перебивал врагам колени; брат Жан, сидя спокойно в своей свинье, все видел и наблюдал; как вдруг Телячьи Паштеты, бывшие в засаде, в великом ужасе обрушились на Пантагрюэля.

Тут брат Жан, увидев расстройство и смятение, открывает двери свиньи и выходит оттуда со своими добрыми солдатами. Одни из них тащили вертела, другие – сковороды, про-

тивни, листы, жаровни, кастрюли, котелки, щипцы, ухваты, горшки, ступки, пестики, – все они выстроились в порядке, как поджигатели, крича и завывая благим матом: «Набузардан, Набузардан, Набузардан!» И с криками и возмущением они ударили на Паштетов и Сосисок. Колбасы внезапно заметили это новое подкрепление и пустились галопом в бегство, будто увидав всех чертей сразу. Брат Жан поражал их ударами, кроша как мух; солдаты его тоже не щадили себя. Жалко было смотреть: все поле было усеяно мертвыми и ранеными Колбасами! И в рассказе говорится, что если бы бог не помог, то все колбасное племя было бы истреблено солдатами-кулинарами. Но произошел удивительный случай.

Хотите – верьте, хотите – нет.

С северо-восточной стороны прилетел большой, жирный, толстый серый кабан, на длинных и широких, как у ветряной мельницы, крыльях. И имел он ярко-красное оперение, как у краснокрыла, который на готском языке называется фламинго. Глаза у него были красные и пламенеющие, как у Пиропа. Уши – зеленые, как празиновый изумруд; зубы – желтые, как топаз; хвост у него длинный и черный, как лукулловский мрамор; ноги – белые, блестящие и прозрачные, как алмаз, и в то же время лапчатые, как у гуся и как некогда у тулузской королевы Педок. И было у него вокруг шеи золотое ожерелье с надписью ионическими буквами, в которой я мог разобрать только два слова:

«Hus Athenan». Это означало: «Кабан Минервы».

Погода стояла прекрасная и ясная. Но с прилетом этого чудовища загредел такой сильный гром с левой стороны, что мы все были поражены. Как только Колбасы заметили кабана, то тотчас» е побросали свое оружие и палки и упали на колени на землю, высоко подняв сложенные руки, ни слова не произнося, как будто молились ему.

Брат Жан со своими солдатами продолжал колотить и сажать Колбас на вертела.

Однако по приказу Пантагрюэля был сыгран отбой, и битва прекратилась. Чудовище, несколько раз пролетев туда и сюда между обеими змиями, сбросило на землю более двадцати семи бочек горчицы; потом исчезло в воздухе, не переставая кричать: «Мардигра, Мардигра, Мардигра!»

ГЛАВА XLII. Как Пантагрюэль вел переговоры с королевой Колбас Нифлезэт

Упомянутое чудовище больше не появлялось, и обе армии безмолвствовали. Пантагрюэль попросил позволить ему вступить в переговоры госпожой Нифлезэт, – так звали королеву Колбас, которая сидела своем рыдване вблизи знамен. Согласие легко было получено. Королева сошла на землю, грациозно приветствовала Пантагрюэля и охотно повидала его. Пантагрюэль начал жаловаться на то, что приходится воевать. Она почтительно принесла извинения, оправдываясь тем, что вследствие ложных донесений произошла ошибка: шпионы известили ее, будто это старинный враг Каремпренан высадился на берег и принялся разглядывать урину китов.

Она просила простить эту обиду, ссылаясь на то, что вообще в Колбасах больше грязи, чем желчи. Она соглашалась на условия, что она сама и все Нифлезэт, ее преемники, всегда будут владеть островом и страной в качестве вассалов Пантагрюэля и его преемников, будут повиноваться его приказаниям во всем и везде; будут друзьями его друзей и врагами его врагов; ежегодно, в знак феодальной верности, будут присылать ему по семидесяти восьми тысяч королевских Мясных колбас для закуски перед обедом в течение шести месяцев в году.

Все это она выполнила. На следующий день она отправила на шести огромных бригантинках названное число королевских Колбас доброму Гаргантюа, – в сопровождении юной Нифлезэт, наследной принцессы.

Благородный Гаргантюа переслал подарок великому королю Парижа, но от перемены климата и по недостатку горчицы, этого естественно восстанавливающего бальзама для Колбас, они почти все умерли. По приказу и желанию великого короля их похоронили кучами в том месте Парижа, которое до сих пор называется «Колбасная мостовая»²⁵⁶.

Благодаря настойчивости придворных дам юная Нифлезэт была спасена и окружена почетом. После она вышла замуж в богатый и прекрасный край и родила несколько красивых деток, за что хвала богу!

Пантагрюэль любезно отблагодарил королеву, простил все обиды, отказался принять сделанное ею предложение и подарил ей маленький перламутровый ножичек. А затем стал с любопытством ее расспрашивать о вышеописанном чудовище. Она отвечала, что это чудовище – не что иное, как идея Чистого Вторника, их бога-покровителя в военное время первого основателя и родоначальника всей колбасной расы. А на кабана похож он потому, что Колбасы выделяются из свиной.

Пантагрюэль спрашивал, с какой стати и в каких лечебных целях сбросил он на землю столько горчицы. Королева отвечала, что горчица – их святой Грааль²⁵⁷ и небесный бальзам; и что если только положить немного горчицы в раны сокрушенных Колбас – в самый короткий срок они заживают, и даже мертвые Колбасы воскресают.

О другом Пантагрюэль с королевой не говорил и удалился на свой корабль. То же сделали и все его добрые товарищи, захватив с собой свое оружие и свинью.

²⁵⁶ Такое название сохранялось до 1676 г.

²⁵⁷ По древнему христианскому апокрифу (преданию) – чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Иисуса Христа. В начале средних веков существовал рыцарский «орден святого Грааля».

ГЛАВА XLIII. Как Пантагрюэль высадился на острове Руах

Через два дня мы прибыли на остров Руах²⁵⁸. Клянусь вам созвездием Плеяд, что я не встречал более странного народа и более странной жизни. Живут они одним ветром. Ничего не пьют, не едят, кроме ветра. Других домов у них нет, как только флюгера. В садах сеют они только три вида анемонов. Что же касается руты и других помогающих против ветров в желудке трав, – они их тщательным образом выпалывают.

Простонародье употребляет при питании поддувала и веера, перья, бумагу, полотно, смотря по возможности. Богатые живут ветряными мельницами. Когда они устраивают пир или угощение, то ставят столы под одну или под две ветряные мельницы. И там угощаются вволю, как на свадьбе. А за обедом спорят о добротности ветров, превосходстве одного над другим, о полезности их для здоровья, редкостности, – вот как вы, пьяницы, на своих банкетах философствуете о таких же качествах вина.

Тот хвалит сирокко, другой – зефир, третий – борей, четвертый – бриз, пятый – муссон. И так далее. Иные хвалят прохладное дуновение рубашки, столь приятное для франтов и влюбленных.

Для лечения больных пускается в ход сквозной ветер, – как у нас кормят процеженным бульоном²⁵⁹.

В дальнейшем рассказывается, как один житель с острова колотил высокого лакея и низенького пажа сапогом. Оказывается, он гневался на слуг за то, что они украли у него полмеха теплого юго-западного ветра, который сохранялся им для зимы, как редкое блюдо. На этом острове не плюют, не мочатся, зато в изобилии выпускают ветры и газы. Страдают разными болезнями, потому что еще Гиппократ заметил, что всякая болезнь рождается и происходит от ветра. Самая распространенная болезнь – пучение живота и колики. Для лечения принимают в большом количестве ветрогонные, ставят банки и проветривают желудок. Умирают все от вздутия живота, как бы при водянке мужчины – испуская ветер, женщины – газ. Стало быть, душа у них выходит через задний проход.

В воздухе вьются стаи ржанок, «живущих на той же диете». Каждый ходит гулять с походными мехами за поясом. При нужде выдувают из них ветер.

В эту минуту король прислал им приказ, чтобы в течение трех часов они не пускали к себе на корабли ни одного туземного жителя или жительницы. У него был похищен сосуд с тем самым ветром, который когда-то подарил Улиссу добрый хрипун Эол, чтобы тот мог приводить в движение корабли во время затишья. Этот сосуд король благоговейно хранил, как чашу Святого Грааля, пользуясь им для лечения многих тяжелых болезней самым простым способом: впуская его больному столько, сколько нужно для «девичьего... вздоха», – того, что святые монашенки называют «звоночком».

²⁵⁸ Слово «Руах», делает примечание сам Раблэ, по древне-еврейски означает «ветер» или «дух».

²⁵⁹ Здесь игра слов: le vent coulis – сквозной ветер, le coulis – процеженный бульон.

ГЛАВА XLIV. Как малые дожди прекращают большие ветры²⁶⁰

Пантагрюэлю нравился этот образ жизни, и он в таком смысле высказывался местному владыке:

«Бели вы разделяете мнение Эпикура, называющего наслаждение высшим благом, и притом наслаждение легко достижимое, а не трудное, то я считаю вас счастливецом. Жить ветром вам ничего не стоит, или очень мало. Нужно только дуть».

Его собеседник указал на то, что, к сожалению, иной раз за обедом, угощаясь «большим божьим ветром как манной небесной», они подвергаются неожиданной неприятности: заморозит какой-нибудь дождичек – и сразу прервет – унесет угощение. По этому поводу Панург вставил неприличный рассказ в стихах про некоего Женена Кинкенэ и его жену Кэло. А хозяин острова продолжал рассказ о житейских неприятностях, о великане Бренгнарилле, пользующемся курортным лечением на Острове Ветров ежегодно и проглатывающем все ветряные мельницы, а также и мехи, до которых очень лаком, а они вынуждены три или четыре раза в год поститься, хотя и без молитв и коленопреклонений. Они пробовали, по совету местных специалистов по желудочным болезням, подкладывать ему в мельницы петухов и кур. «Проглотив их первый раз, он чуть не умер». Птицы пели у него в животе и летали, отчего него сделались колики и судороги, будто змея влезла в желудок через рот.

– Вот, – сказал брат Жан, – сравнение некстати. Как я когда-то слышал, змея, вошедшая в желудок, не доставляет никакой неприятности, и вылезет сейчас же, если подвесить потерпевшего за ноги и подставить ему ко рту чашку с горячим молоком.

– Вы, – сказал Пантагрюэль, – слышали про это; также и те, кто вам рассказал, тоже слышали. Но такого лечения никто никогда не видал, и нигде про него не написано. А в V книге Гиппократы «Об эпидемиях» рассказывается о подобном казусе, при чем пациент тут же и умер от спазм и конвульсий.

– Кроме того, – продолжал местный сановник, – все лисицы нашего острова вскочили великану тогда в горло в погоню за птицей... Он мог умереть в любую минуту, если бы, по совету Бадена-Кудесника, не стал во время пароксизма обдирать лису, – это послужило ему противоядием! Затем ему дали еще лучшее средство, посоветовав поставить клистир из хлебных зерен и проса. Куры кинулись за зернами, гусята тоже, а за ними и лиса. Внутри он принял через рот еще пилюль из борзых и гончих собак.

– Не бойтесь, добрые люди, – сказал Пантагрюэль. – Теперь все кончено. Этот большой Бренгнарилль, пожиратель ветряных мельниц скончался. Уверяю вас! А умер он оттого, что задохнулся, глотая кусочек свежего масла перед горячо натопленной печкой, – как ему советовал доктор.

²⁶⁰ Пословица.

ГЛАВА XLV. Как Пантагрюэль высадился на Острове Папефигов

На следующий день утром мы встретили Остров Папефигов, которые были когда-то богаты и свободны и назывались Весельчаками, – Но теперь были бедны, несчастны и в подчинении у Папиманов. Дело обстояло так. Однажды во время ежегодного праздника Жезлов бургомистры, синдики и толстые равнины Весельчаков отправились погулять и посмотреть праздник в Папимании, на соседнем острове. Одни из них, увидя папский портрет (а там был похвальный обычай выставлять публично портрет в дни праздников Двойных Жезлов), показал ему фигу, что в этой стране было знаком явного презрения и глумления. В отместку за это, через несколько дней Папиманы без всякого предупреждения взяли за оружие, напали врасплох, опустошили и разрушили весь Остров Весельчаков и перерезали всех бородатых мужчин. Женщин и юношей пощадили – приблизительно на тех же условиях, как император Фридрих Барбаросса – миланцев.

Вкратце история сводится к тому, что, желая наказать миланцев, выгнавших его жену из города (они привязали ее задом наперед на круп мула), Фридрих велел привязать к этому мулу на известное место фиговый листок и под страхом смерти предложил жителям – каждому в присутствии всех других и палача – отрывать зубами этот листок и без помощи рук водворять его снова на место. Отказывавшихся сейчас же вешали. У кого же страх смерти превозмогал стыд, те это делали и, показывая листок палачу, громко говорили: «Ессо lo fico» (то есть: «Вот фига»).

Подвергнувшись подобному же бесчестию, остатки жалких и несчастных Весельчаков спаслись от смерти и сделались рабами и данниками победителей, и им было дано имя Папефигов, потому что они показывали фиги портрету папы. Благополучие покинуло с этого времени бедняг. Каждый год обрушивались на них град, бури, чума, голод и всякие бедствия, как вечное наказание за грехи предков и родителей.

При виде такой нищеты и горя мы не захотели проникать в глубь острова. Только для того, чтобы взять святой воды и поручить себя божьему покровительству, вошли мы в одну часовенку около гавани, – разрушенную, покинутую и без кровли, как в Риме собор святого Петра. Войдя в часовню и черпая святую воду, мы заметили внутри купели человека в епитрахили, погруженного в воду целиком, как утка, кроме кончика носа – для дыхания. Вокруг него стояли три священника, бритые и с тонзурой, и читали обряд заклинания по гримуару.»

Пантагрюэлю такой случай показался странным. Задав вопрос, что за представление разыгрывается здесь, – он получил в ответ, что три последних года под ряд на острове царствовала такая страшная моровая язва, что страна опустела больше чем наполовину и земли остались без владельцев. Когда же эпидемия прошла, с этим человеком, что лежит в купели, произошло следующее событие...

Далее идет рассказ о дележе между землепашцем и чертом посева на полях. Этот вот человек, лежащий в купели, пахал поле и сеял какую-то траву или злак «тузель» (комментаторы не установили, что это за злак); появился чертенок и заявил, что с того дня, когда земляки его показали папе фигу, весь их край перешел во владение чертей. На этом основании черт потребовал раздела жатвы пополам, при чем себе спросил «корешки», великодушно уделяя пахарю «вершки». В июле условился прийти за своею частью.

ГЛАВА XLVI. Как чертенок был обманут папефигом-пахарем

В половине июля землепашец со своими батраками сжал хлеб, обмолотил, провеял, ссыпал в мешки и понес на рынок. Черт с чертенятами сделал то же самое с корешками, – и все уселись на рынке рядышком торговать. Пахарь выгодно продал хлеб и набил деньгами башмак, привязанный к поясу. Черти же не продали ничего, и крестьяне глумились над ними.

Чорт объявил земледельцу, что его другой раз не удастся обмануть потребовал, чтобы на следующий год крестьянин отдал ему «то, что вырастет над землей, а себе взял то, что будет под землей», хотя крестьянин его и пред упредил, что будет сеять репу. «Работай, негодяй, работай, – говорил черт, а я отправлюсь искушать еретиков: это превкусные души, если поджарить их на углях, – у господина Люцифера сейчас колики в желудке, ему нужно согревательное».

Наступила жатва, и черт явился с целым эскадроном слуг – дьяволят. Они стали снимать ботву, крестьянин же репу. Он опять продал выгодно, над чертями же на базаре смеялись. Разозлившийся черт тогда потребовал от крестьянина, чтобы тот через неделю вступил с ним в единоборство особого рода: каждый должен будет царапать другого ногтями; кто запросит пощады – должен будет уступить все поле победителю.

Затем черт стал рассуждать о сравнительных вкусовых качествах разных душ. Души кляузников, нотариусов-мздоимцев и адвокатов-лихоимцев годятся лишь для чертей – кухонных мужиков; к Люциферову же столу идут только в свежепросоленном виде.

Вкуснее всего завтракать школьниками, обедать адвокатами, закусывать виноградарями, ужинать купцами, а на сон грядущий отведывать горничных. При каждой же еде хороши нищенствующие монахи. К сожалению, школьники с недавних пор вечно сидят над библией. Приходится чертям ждать помощи от ханжей, их наставников, которые угрозами, руганью, насилием, жестокостью и кострами вырывают у них из рук «святого Павла» и тем передают в руки чертей.

Что касается адвокатов, то одно и то же блюдо за обедом надоедает. Как-то Люцифер попросил поискать ему душу какого-нибудь ханжи, который позабыл бы в молитве поручить себя богу; он обещал двойную плату за такую душу – и все принялись за поиски... Но тщетно...

Виноградарями разговляться ему не позволяют колики в животе, но, в виду того, что в северных странах нанесли такое подлое оскорбление его питомцам – интендантам, угольщикам и мясникам (здесь намек на упразднение монастырей в реформатских государствах), чорт решительно собирается потратить эту неделю на совращение трапезундских школьников и ордена нищенствующих монахов.

ГЛАВА XLVII. Как черт был обманут старухой папефигой

Рассказ о черте и землепашце заканчивается в этой главе. Беспокоясь за исход предстоящего состязания, пахарь вернулся домой с унылым видом. Но старуха, узнав, что его не обокрали и что денег у него полон кошелек, успокоила его, попросив положиться в этом деле на нее. В день состязания сам пахарь пошел на исповедь и причастился, а затем забрался в купель, по совету священника...

«Пока нам рассказывали эту историю, – пишет Раблэ, – пришло известие, что старуха обманула черта и выиграла поле в свою пользу».

Сделала она это так. Когда черт пришел на состязание, в доме земледельца он не нашел хозяина, а только лежавшую и стонавшую жену последнего. На расспросы черта о причинах этого она сказала ему, что, готовясь к состязанию, муж сделал пробу на ней, царапнув ее ногтем мизинца разок между ног, да и разодрал ее всю. Черту посоветовала она спастись, покуда цел, от такого противника. И с этими словами обнажила себя до подбородка, подобно персианкам, которые сделали это перед своими детьми, бежавшими с поля брани. Увидев, что она разодрана, черт громким голосом призвал на помощь всех демонов и чудовищ женского рода и заявил о том, что он бежит, предоставляя поле во владение хозяевам.

«Выслушав катастрофу и конец истории, – продолжает Раблэ, – мы удалились на свой корабль. Дальше тут не оставались. Пантагрюэль положил в церковную кружку восемнадцать тысяч золотых из сострадания к нищете народа и бедствиям, постигшим эти места».

ГЛАВА XLVIII. Как Пантагрюэль высадился на Острове Папиманов

Оставив запустелый Остров Папефигов, мы плыли в течение дня при ясной и чудесной погоде, когда нашему взору предстал благословенный Остров Папиманов. Только мы бросили якорь в порту и не успели еще привязать канаты, как прибыли к нам на лодке четверо различного одетых людей. Один был в монашеской рясе, весь в грязи, обутый в сапоги. Другой был одет сокольничьим, в перчатке, с чучелом птицы. Третий был одет стряпчим, с большим мешком, набитым извещениями, повестками, жалобами и отсрочками. Четвертый – в одежде виноградаря из Орлеана, в прекрасных полотняных гетрах, с корзиной и с кривым ножом за поясом.

Как только они подплыли к нашему кораблю, тотчас же громко закричали все вместе:

– Видели ли вы его, люди проезжие? Видели ли вы его?

– Кого? – спросил Пантагрюэль.

– Его, – отвечали они.

– Кто он? – спросил брат Жан. – Черт возьми, я изобью его насмерть!

Он думал, что они жалуются на какого-нибудь разбойника, убийцу или святотатца.

– Как? – сказали прибывшие. – Вы, странники, не знаете единого?

– Господа, – сказал Эпистемон, – мы не понимаем таких терминов. Объясните, пожалуйста, о ком идет речь, – и тогда мы скажем всю правду без утайки.

– Это, – сказали они, – сущий! Видели ли вы его когда-нибудь?

– Но сущий, – отвечал Пантагрюэль, – по учению наших богословов – это бог. В таких словах он объявил о себе Моисею. Его мы, конечно, не видели, он и невидим телесными очами.

– Мы совсем не говорим, – сказали они, – о том вышнем боге, на небесах. Мы говорим о боге на земле. Видели ли вы его когда-нибудь?

– Они говорят о папе, – сказал Карпалим, – клянусь честью!

– Да, да, – отвечал Панург, – да, господа! Я видел их трех, но от этого вида никакой пользы не получил.

– Как? – сказали они. – В наших святых декреталях поется, что бывает только один живой.

– Я говорю, – вскричал Панург, – одного за другим. За один раз я видел только одного.

– О люди, – сказали они, – трижды и четырежды счастливые! Желанные, больше чем желанные люди! Добро пожаловать!

И вот они опустились перед нами на колени, желая облобызать наши ноги, чего мы не хотели допустить, указав им, что они не смогут выразить большего почтения папе, если он случайно прибудет к ним собственной особой.

– Выразим большее, выразим! – отвечали они. – У нас это уже решено. Ему мы поцелуем зад и другие части! Потому что они у него есть, у святого отца, – так сказано в наших прекрасных декреталях, – иначе он не был бы папой. Так что тонкая философия декреталей делает неизбежным такое умозаключение: раз он папа – значит, у него есть эти органы. Если же в мире таких органов не было бы, не было бы и папы.

Тем временем Пантагрюэль спросил у юнги с их судна, кто такие эти лица. Тот ответил, что это представители четырех сословий острова. Он прибавил еще, что нас хорошо примут и хорошо угостят, потому что мы видели папу. Пантагрюэль передал это Панургу, на что тот тихонько ему сказал:

– Богом клянусь и обещаюсь, именно так! Все приходит во-время к тому, кто умеет ждать. До сих пор пользы от того, что я видел папу, никакой не было! А сейчас, дьявол побери, польза будет, как я вижу.

Тогда мы сошли на берег – и к нам, как на крестный ход, пришли все жители острова: мужчины, женщины, малые дети. Наши четыре сословия закричали громким голосом:

– Они его видели! Они его видели! Они его видели!

При этом возгласе весь народ сразу пал перед нами на колени, воздевая руки к небу и крича:

– О счастливые! О блаженные люди!..

Крики эти длились больше четверти часа. Потом прибежал магистр местной школы со всеми педагогами, надзирателями и школьниками, задали школьникам генеральную порку, как и у нас есть обычай сечь малых ребят, когда вешают какого-нибудь злодея, для того, чтобы они помнили о таком случае.

Пантагрюэль рассердился и сказал:

– Господа, если вы не перестанете сечь детей, я уеду обратно.

Народ был поражен его громовым голосом, и я заметил, как маленький длиннорукий горбун спросил у старшего педагога:

– Клянусь экстравагантами, неужели те, кто увидит папу, делаются такими громадными, как тот, который сейчас нам грозит? О, как жаль, что я до сих пор его не видел и не вырос с этого человека!

Они кричали так громко, что прискакал Гоменац (так звался их епископ) на муле без узды и в зеленой попоне, в сопровождении своих подручных – иподиаконов, несших кресты, знамена, хоругви, балдахины, факелы, кропильницы. Он тоже хотел облобызать нам ноги (как добрый христианин Вальфинье ноги папы Климента), говоря, что один из их гипофетов,» буквovedов, комментаторов священных декреталий, написал о том, что подобно тому как мессия, которого иудеи ожидали так долго, наконец явился к ним, так и на их остров придёт когда-нибудь сам папа. В ожидании же этого блаженного дня, если к ним прибывает тот, кто видел папу в Риме или в другом месте, они должны угощать и с почетом принимать его.

Но мы все-таки под приличным предлогом уклонились от этого.

ГЛАВА XLIX. Как Гоменац, епископ папиманский, показывал нам упавшие с небес декреталии

Потом Гоменац нам сказал:

– Нашими священными декреталиями нам вменяется в обязанность и приказывается чаще посещать церкви, нежели кабаки. Поэтому, не уклоняясь от этого прекрасного постановления, отправимся в церковь, а потом уже пойдем пировать.

– Так идите же, добрый человек, – сказал брат Жан, – вперед, а мы пойдем за вами. Вы прекрасно сказали, – как добрый христианин. Давно уже мы не видели церкви. Дух мой возрадовался, и я думаю, что от этого я только лучше покушаю. Чудесно встретиться с порядочным человеком!

Приблизившись к двери храма, мы заметили большую вызолоченную книгу, всю покрытую редкими и драгоценными камнями: рубинами, изумрудами, брильянтами и жемчугами, более или по крайней мере столь же замечательными, как те, которые Октавиан Август пожертвовал в храм Юпитера Капитолийского. Книга висела в воздухе, на двух толстых золотых цепях, прикрепленных к фризу портала. Мы с восхищением глядели на нее.

Пантагрюэль свободно трогал ее руками и поворачивал, потому что ему легко было достать ее. Он уверял нас, что, прикоснувшись к ней, он ощущает как бы легкий зуд в ногтях и легкость в руках, а вместе с тем в мыслях страшное искушение поколотить одного-другого служителя, – только без тонзуры.

Затем идет перечисление прочих памятников древности, считавшихся упавшими с неба.

– Здесь вы тоже видите, – продолжал Гоменац, – священные декреталии, написанные рукою ангела-херувима. Впрочем, вы, люди заморские, не поверите этому.

– Да, не слишком-то, – вставил Панург.

Епископ продолжал:

– А между тем они чудесным образом спустились к нам с высоты небес, подобно тому как – согласно Гомеру, отцу всей (за исключением, конечно, божественных декреталий) философии, – река Нил, которая называется оттого *Diipetes*²⁶¹.

«Но так как вы видели папу – благовестителя этих декреталий и вечного их блюстителя, – мы дозволим вам посмотреть на них и приложиться к ним, если вы хотите. Но прежде вам надлежит три дня поститься и по правилам исповедываться, перебрав тщательно и перечислив все свои грехи, так чтобы не уронить ни одного прегрешения на землю, как божественно поется в этих священных декреталиях. А на это надо время».

– Вот что, добрый человек, – заявил Панург, – всяких декреталий мы видели много – и на бумаге, и на пергаменте, и на велене, и рукописных, и отпечатанных. Нет нужды трудиться показывать нам эти. Мы довольствуемся добрым вашим желанием и благодарим вас.

– Но, поистине, – сказал Гоменац, – вы никогда не видали таких, ангелом написанных! Те, что у вас в стране, только списаны с наших, о чем сказано в сочинениях одного из наших древних толкователей декреталий. В конце концов, пожалуйста, не жалейте моих трудов. Но только решите: хотите ли вы исповздываться и поститься – всего три прекрасных коротеньких божьих дня.

– Исповедываться, – сказал Панург, – мы согласны вполне; но только пост нам некстати, потому что мы на море напустились так, что пауки покрыли нам зубы паутиной. Вот поглядите на доброго брата Жана (Гоменац при этих словах приветливо поцеловал его), – у него мох во рту вырос от недостатка упражнения челюстей и губ.

²⁶¹ «Происходящий от Юпитера». Это слово встречается в «Одиссее» (IV, 77).

– Он говорит правду, – отозвался брат Жан, – я так усердно постился, что стал совсем горбатым.

– Ну, так пойдем в церковь, – сказал Гоменац, – и простите нас, если мы сейчас не пропоем для вас прекрасной обедни. Час полуденный прошел, а священные декреталии воспрепятствуют нам после него служить обедню, – я хочу сказать: полную, с пением, – но я вам отслужу краткую, без пения, так называемую сухую.

– Я бы предпочел, – сказал Панург, – напротив, мокрую от хорошего анжуйского вина. Ну, бейте, да покороче!

– Ах, – сказал брат Жан, – не нравится мне очень, что мой желудок еще пуст. Потому что, если бы я хорошо позавтракал и по монашескому обычаю выпил, то, когда он запел бы реквием, я принес бы с собой и хлеб и вино за умерших. Но – терпение! Ну, грабьте, бейте, но только поскорее, чтобы меня не стошнило от голода, да и другого чего не приключилось. Пожалуйста!

ГЛАВА L. Как Гоменац показал нам первообраз папы

По окончании мессы Гоменац вытащил из ларца у главного алтаря большую связку ключей, которыми отпер тридцать два замка и четырнадцать задвижек, на которые запиралось окно с толстой железной решеткой, бывшее над вышеупомянутым алтарем. Затем он с таинственным видом накрылся мокрым мешком и, раздвинув алый атласный занавес, показал нам за ним чье-то изображение, – написанное довольно плохо, по моему мнению. Прикоснувшись к нему длинным жезлом, он дал нам поцеловать кончик, которым трогал картину. И спросил нас:

– Чье, вам кажется, это изображение?

– Это, – отвечал Пантагрюэль, – похоже на папу. Я узнаю его по тиаре, омофору, мантии, туфлям.

– Вы говорите верно, – сказал Гоменац. – Это – идея всеблагого бога на земле, прибытия которого мы благоговейно ждем и которого надеемся когда-либо узреть в нашем краю. О, счастливый, вожделенный, долгожданный день! И счастливы и трижды счастливы вы, которым звезды были столь благоприятны, что вы в лицо и в действительности видели этого земного бога, взирая даже только на портрет которого, мы получаем полное прощение всех грехов, которые помним, и одну третью часть и восемнадцать сороковых – забытых. Потому-то мы и видим его лишь по большим годовым праздникам.

Тогда Пантагрюэль заметил, что это изображение напоминает работу Дедала. Даже если это подделка и плохое изображение, в нем скрыта какая-то божественная сила, касающаяся прощения.

– Как и в Севилье, – сказал брат Жан, – однажды какие-то бездельники за ужином в праздник в госпитале расхвастались друг перед другом, что один за день заработал шесть бланков, другой – два су, третий – семь каролусов, а какой-то толстяк-нищий – три хороших тостона.

«Значит, – заметили его товарищи, – у тебя божья нога». Как будто некое божество скрывалось в его гнойной, покрытой струпьями ноге!

– Когда вы будете рассказывать нам такие басни, – сказал Пантагрюэль, – не забывайте приносить с собою таз. Меня чуть было не вырвало. Произносить святое имя боже, говоря о таких отвратительных, грязных предметах! Фу! Фу-фу! Если ваше монашество так злоупотребляет словами, так и оставляйте их, по крайней мере, у себя: не выносите из монастырей.

– Но и врачи, – возразил Эпистемон, – признают известного рода причастность божества к некоторым заболеваниям. Вот и Нерон хвалил грибы и, по греческой поговорке, называл их пищей богов, – потому что ими он отравил своего предшественника Клавдия, императора римского.

– Мне кажется, – сказал Панург, – что этот портрет не походит на наших последних пап, потому что я их видел без омофора, но со шлемом на голове и с персидской тиарой; и в то время как во всем христианском мире царили мир и спокойствие, они одни вели жестокую и вероломную войну.

– Это, – сказал Гоменац, – была война против непокорных, бунтарей, еретиков, отчаянных протестантов, не повиновавшихся его святейшеству, сему благому богу на земле. Такая война не только позволительна и разрешена, но и прямо предписывается священными декреталями. И папа должен немедленно предавать огню и мечу всех императоров, королей, герцогов, князей, республики, если те хоть на йоту отступят от его приказаний; должен лишить их имущества, отнять у них королевство, отправить их в изгнание, предать анафеме и уничтожить их не только телесно, вместе с детьми и прочими родственниками, но и души их осудить на ввержение в самую раскаленную из адских печей.

– Здесь, – сказал Панург, – клянусь всеми чертями, здесь отнюдь не еретики, не то что Раминагробис или там некоторые немцы да англичане. Вы все – христиане на подбор.

– Поистине так, – согласился Гоменац, – поэтому мы все и будем спасены. Ну, а теперь возьмем святой воды, и затем будем обедать.

ГЛАВА LI. Беседа во славу декреталий во время обеда

И вот заметьте, гуляки, что, пока Гоменац служил сухую обедню, трое церковных старост с большими блюдами в руках прогуливались посреди народа, громко взывая:

– Не забудьте счастливцев, которые видели его в лицо!

При выходе из храма они подали Гоменацу блюда, наполненные папиманской монетой. Гоменац сказал нам, что это был сбор на угощение и что из этих даяний часть пойдет на то, чтобы хорошо выпить, другая – чтобы хорошо поесть, согласно чудесному смыслу одной глоссы, скрытой в каком-то уголке священных декреталий. Это и было сделано в прекрасном кабачке, похожем на кабачок Гильо в Амьене. Вы можете поверить, что кушаний было весьма много, и выпивка изобильна.

За обедом я отметил две достопамятные вещи. Первая – что всякое подаваемое нам мясо, без исключения, – будь это козуля, каплун, свинья (которых так много в Папимании) или голуби, кролики, зайцы, индейка и пр., и пр., – все это было фаршировано бездной премудрости. А во-вторых – что все кушанья подавали хорошенькие местные девушки-невесты, такие, уверяю вас, хорошенькие, белокуренькие, нежненькие, грациозные. Одеты они были в длинные белые свободные ряски с двойным поясом; ходили с непокрытой головой, с маленькими бантиками и лентами лилового шелка в волосах, усеянных розами, гвоздикой, майораном, анисом, флер-д'оранжем и другими ароматными цветами. Все они каждый раз, как приближались к нам, предлагали нам вина, делая глубокие заученные реверансы.

Все присутствующие охотно смотрели на них. Брат Жан поглядывал на них сбоку, как пес, утачивший крылышко птицы. Когда унесли первое блюдо, девушки мелодично пропели эпод во хвалу святейших декреталий.

Когда подали второе блюдо, Гоменац радостно и весело обратился к одному из стольников с такими словами:

– Посвети сюда, духовный отче!²⁶²

При этих словах одна из девушек тотчас же подала ему большой кубок с вином «экстравагантным»²⁶³.

Он взял кубок в руку и с глубоким вздохом сказал Пантагрюэлю:

– Милостивый государь, и вы, любезные мои друзья! Пью за всех вас от всего сердца! Добро, добро пожаловать!

Выпив и возвращая кубок миленькой девушке, он громко и выразительно воскликнул:

– О, божественные декреталии, благодаря вам вкусное это вино так вкусно!

– Да, – сказал Панург, – вино не из худших в корзине.

²⁶² В подлиннике – «Clerice, éclairé ici».

²⁶³ Так называлось вино, входившее в «десятину» (т.-е. в десятую часть, взимаемую в пользу церкви с доходов «мирян»), предписанную «экстравагантами».

ГЛАВА LII. Продолжение беседы о чудесах, совершенных декреталиями

– Вот, – сказал Панург, – золотые слова. Но я верю им сколь можно меньше. Потому что в Пуату у шотландского доктора Декрегалипотенса²⁶⁴ мне довелось однажды прочесть главу из декреталий. Забери меня дьявол, если от этого чтения у меня не сделался такой запор, что дня четыре-пять я почти совсем не ходил, – только чуть-чуть и преждевременно. Знаете как? Точь-в-точь так, как в поэме Катулла говорится про Фурия, его соседа.

За целый год ты, друг, раз десять облегчался и смело в руку брать свое... решался.

Твой не казался перст замочшим никогда мне:

Не жестче ль был твой... чем боб и даже камни?

– Ха-ха-ха! – воскликнул Гоменац. – Друг мой! Надо полагать, вы были запятнаны в то время каким-нибудь смертным грехом!

– Было бы лучше, – сказал Пантагрюэль, – если бы благодаря декреталиям дурное вино становилось хорошим!..

Гоменац продолжал:

– О серафическая шестая декреталия! Столь необходимая для спасения нас, бедных людей!

Гоменац воздаёт хвалу разным частям декреталий, утверждая, что среди людей наступит благодать, когда, вместо всяких других занятий, они будут заниматься лишь чтением декреталий, внедряя их в полости мозга, в лабиринты артерий и пр. Эпистемон не вынес этого, встал и заявил Панургу, что «фарш» ему расстроил кишечник, и что он удержаться не может. А Гоменац продолжал воспевать благодать, которая наступит в мире при условии полной и безусловной отдачи его во власть декреталий. Всякие войны, грабежи, разбои прекратятся; из убийств будет иметь место лишь убиение еретиков и проклятых бунтарей... Стоит прочитать из декреталий только небольшой параграф, примечание под строкой, как воспламеняется в сердце очаг божественной любви и милосердия к ближним (кроме еретиков).

– Мне однажды, – сказал брат Жан, – в Севилье случилось подтереться листочком одной из злостных клементин, которые Жан Гимар, наш сборщик, выбросил на монастырский двор. Пусть меня заберут черти, если у меня не появился такой геморрой с шишками, что бедный мой волосатый зад пришел в полную негодность.

– О! – сказал Гоменац. – Это была, очевидно, божья кара, возмездие за грех, который вы совершили, испачкав такую священную книгу, которую вы должны были почитать и прикладываться к ней с благоговением.

– Жан Шуар, – сказал Понократ, – купил в Монпелье у монахов святого Олария прекрасные декреталии, написанные на атласном лэмбальском пергаменте большого формата, чтобы сделать из них велен для плющения золота. И вот какое странное несчастье: ни одной штуки годной не вышло: все были дырявые и рваные.

– Наказание, – промолвил Гоменац, – возмездие божие!

– Франсуа Корню, аптекарь в Мансе, – сказал Эвдемон, – употребил том помятых экстравагант на пакеты. Я отрекусь от дьявола, если все, что в эти пакеты ни клали, сейчас же не

²⁶⁴ Декреталипотенс – знаток декреталий.

сгнивало, не портилось и не становилось ядовитым: ладан, перец, корица, гвоздика, шафран, воск, пряности, кассия, ревень, тамаринд, – словом, вообще все: лекарства, порошки и зерна.

– Возмездие, – сказал Гоменац, – и наказание господне. Тратить столь святыя письма для мирской суеты!

– В Париже, – сказал Карпалим, – некий Груанье, портной, употребил часть старых клементин для патронов и выкроек. И – странный случай – все одежды, скроенные по таким патронам и по таким выкройкам, сейчас же портились и рвались: платья, мантии, плащи, юбки, безрукавки, колеты, камзолы, куртки, кофты. Груанье, думая скроить плащ, выкраивал гульффик. Вместо безрукавки шил шляпу с широкими полями. Под видом куртки выкраивал омофор. Взял выкройку камзола – а вышло в роде кастрюли. Его подмастерья стали шить по этой выкройке, вырезали дно – и вышла – ни дать ни взять – сковорода для каштанов. Кроил воротник, выходил сапог. Кроил фижмы, выходил капюшон. Думал сшить плащ, а выходил швейцарский тамбурин... До того дошло дело, что бедняга должен был по суду уплатить за материю всем своим заказчикам, – и сейчас он гол как сокол.

– Наказание, – сказал Гоменац, – и божеское возмездие!

– В Каюзаке, – сказал Гимнаст, – как-то состязались в стрельбе в цель господина д'Эстиссак и виконт де-Лозен. Пероту при этом разрезал пол-тома декреталий на хорошей канонической бумаге и из листов вырезал белые части для мишени. Так вот, душу свою про заклад отдам и продам всем чертям, если только кто-нибудь из местных стрелков попал в цель хоть раз (а ведь они – самые превосходные стрелки во всей Гиени!). Все выстрелы были мимо. Так и остался девственно-белым святейший картон, незапятнанным и целомудренным. Также Сансорнен старший, которому были поручены на хранение заклады, клялся нам золотыми фигами (своей великой клятвой), что он совершенно отчетливо, ясно видел, как стрела Каркелена вошла прямо в черную точку посередине белого поля – и вот за мгновение до того, как вонзиться, отскочила в сторону как целый туаз, к самой пекарне.

– Чудо! – воскликнул Гоменац. – Чудо! Чудо! Духовный отче, посвети! Пью за всех присутствующих! Вы представляетесь мне истинными христианами!

При этих словах девушки прыснули со смеху. Брат Жан фыркнул кончиком носа, будто собираясь заржать по-лошадиному.

– Мне кажется, – сказал Пантагрюэль, – что в такую мишень можно стрелять с большей безопасностью, чем некогда в самого Диогена.

– Что? – спросил Гоменац. – Как? Разве он был декреталистом?

– Ну вот, теперь все в порядке! – сказал Эпистемон, возвратившийся после того, как облегчился.

– Диоген, – продолжал Пантагрюэль, – однажды, желая развлечься, посетил как-то лучников, которые стреляли в цель. Один из них был до того неловок, неискусен и неметок, что, когда приходила его очередь стрелять, все зрители отходили в сторону, боясь, как бы он их не ранил. Диоген, увидя, что после одного столь кривого выстрела стрела упала футов на двадцать в сторону от мишени, – при втором его выстреле, когда все отбежали, кто в одну сторону, кто в другую, – наоборот, подошел к самой цели и встал вплотную к ней, утверждая, что это место – самое надежное, что стрелок попадет скорее куда угодно, чем в мишень, и только мишень вне опасности от стрел.

– Один паж, – сказал Гимнаст, – господина д'Эстиссака, по имени Шамульяк, заметил колдовство. Пероту, по его совету, заменил мишень бумагами из процесса Пульяка. Тогда обе стороны отлично стали попадать.

– В Ланде руссе, – сказал Ризотом, – на свадьбе Жана Делифа устроили пышный свадебный пир, как это в обычае в этом краю. После ужина были разыграны несколько фарсов, комедий, всяких забавных шуток. Проплясали мавританские танцы с колокольчиками и цимбалами; потом ввели масок и ряженых. Я со школьными товарищами – чтобы почтить праздник, как

умели – утром достали себе лиловые и белые ливреи, сделали смешные бороды со множеством раковинок святого Михаила и скорлупок от улиток. А так как у нас не было ни листьев репейника, ни лопуха, ни бумаги, то из листков старой шестой книги декреталий, которая там была брошена, мы себе сделали личины с прорезами на месте глаз, носа и рта. И удивительное дело! Когда окончились наши ребяческие развлечения и мы сняли маски, мы показались друг другу безобразнее и гаже, чем дьяволята из «Страстей господних», что ставят в Дуэ: так наши лица были испорчены в тех местах, где к ним прикасались листы декреталий. У одних рябины, у других – короста, я кого – язва, у кого – краснуха, у кого вскочили чирьи. Словом сказать, из всех нас наименее пострадал тот, у кого выпали зубы.

– Чудо! – воскликнул Гоменац. – Чудо!

– Еще не время смеяться, – сказал Ризотом. – Две мои сестры Катерина и Ренэ, положили под эту шестую книгу, как под пресс (потому что она была покрыта толстыми планками), свои чепчики, манжеты и воротнички, только что выстиранные, набеленные и накрахмаленные. И вот, богом клянусь...

– Подождите, – сказал Гоменац, – какого бога разумеете вы?

– Бог один, – отвечал Ризотом.

– Ну да, – сказал Гоменац, – на небесах. А на земле разве нет другого?

– Прошу прощенья, – молвил Ризотом, – о нем-то я и не вспомнил. Итак, богом земным, папою, клянусь, что их воротнички, нагрудники и чепчики и все прочее белье стало чернее, чем мешок угольщика.

– Чудо! – закричал Гоменац. – Духовный отче, посвети и заметь эти прекрасные истории.

– Как это, – вставил брат Жан, – говорят:

Как декреты залетали,
А монахи ездить стали —
Нам с тех пор не повезло,
И пошло по свету зло...

– Понимаю вас, – сказал Гоменац. – Это все прибауточки новейших еретиков!

ГЛАВА LIII. Как силою святых декреталий золото из Франции тонким способом извлекается в Рим

В этой главе продолжается беседа. Эпистемон указывает, что с помощью некоторых глав декреталий Рим ежегодно вытягивает из Франции четыреста тысяч дукатов с лишком. «Только-то?» – заявил Гоменац. По его мнению – это немного, ибо «христианнейшая Франция – единственная кормилица римского двора». Гоменац ставит в особую заслугу декреталиям эту производящую деньги энергию. Нет другой такой могучей книги, даже из числа книг священного писания. Читающие декреталии – и «ни во что другое не верующие, ни о чем другом не думающие и не говорящие», кроме того, что есть в декреталиях, – добьются всеобщего уважения и преимущества перед всеми остальными. Из декреталистов надо избирать императоров, полководцев, администраторов. Декреталист «может обратить в святую веру турок, евреев, татар, московитов, мамелюков и саррабуитов (т.-е. развратных монахов)». Священные декреталии сделали святой апостольский римский престол грозой мира, так что все короли и императоры, и ныне и присно и во веки веков, коронуются Римом и повергаются во прах перед чудесною туфлею папы. Университеты обязаны привилегиями только декреталиям.

Тут Гоменац расхохотался и забрызгал слюной. Сняв свою засаленную шляпу с четырьмя прикрепленными к ней гульфиками, он передал ее одной из девушек, и та надела ее на голову, предварительно любовно приложившись к ней, – в восторге от того, что, значит, она первая выйдет замуж.

Глава кончается обращением Гоменаца с молитвой к земному богу – «декреталиарху». Он умоляет папу отдать приказ, чтобы в его епархии никогда не было недостатка в священных индульгенциях. После этого Гоменац стал бить себя в грудь, проливая горячие слезы, и целовать свои пальцы, сложив их крестом.

ГЛАВА LIV. Как Гоменац подарил Пантагрюэлю груши доброго христианина

Эпистемон, брат Жан и Панург при виде такой досадной катастрофы принялись, спрятавшись за салфетки, кричать:

– Мяу, мяу, мяу! – и делали в то же время вид, что они вытирают глаза, точно плачут. Девицы были прекрасно обучены и тотчас же подали всем кубки, полные клементинского вина, и в изобилии варенья; пир снова оживился. В конце обеда Гоменац раздал нам много больших и прекрасных груш, приговаривая:

– Вот, друзья, возьмите. Это особенные груши, таких не найдете в других местах. Не на всякой земле родится все. Только в одной Индии растет черное дерево. Из Сабейи идет хороший ладан. С острова Лемноса – глина для пилюль. И только на нашем острове рождаются эти прекрасные груши. Если вы хотите, вы можете развести их и в вашем краю.

– А как вы называете эти груши? – спросил Пантагрюэль. – Они, кажется, хорошие, сочные. Если их сварить в кастрюльке, разрезав на четыре части и прибавив немного вина и сахара, – по-моему, получится очень здоровое кушанье как для больных, так и для здоровых.

– Не иначе, – отвечал Гоменац. – Мы – люди простые, как господу угодно. Мы называем фиги фидами, сливы – сливами, а груши – грушами.

– В самом деле, – сказал Пантагрюэль, – когда я вернусь домой (а если богу угодно, это будет скоро), я их разведу в своем саду в Турени, на берегу Луары, и они будут называться «грушами доброго христианина», ибо лучших христиан, чем эти добрые папиманы, я не видел.

– Я считаю, что тоже было бы хорошо, – сказал брат Жан, – чтобы он нам подарил две-три тележки со своими девицами.

– А что с ними делать? – спросил Гоменац.

– Пустить им кровь, – сказал брат Жан, – между двух больших артерий. У нас будут детки, и умножится раса добрых христиан, которые в нашей стране не слишком хороши.

– Поистине, – сказал Гоменац, – этого мы не сделаем. Вы хотите их отдать на потеху ребятам, – я узнаю вас по вашему носу, даже если бы никогда вас не видел. Увы, увы! Хороший сын, нечего сказать! Неужели вы хотите погубить вашу душу? Наши декреталии это запрещают, и мне бы хотелось, чтобы вы их хорошенько узнали.

– Терпение, – сказал брат Жан. – Но «*Si tu non vis dare, praesta quaesumus*»²⁶⁵. Так стоит в требнике. И я не боюсь в этом отношении никакого бородача, будь он доктор трижды кристаллический, – я хочу сказать, декреталический.

Окончив обед, мы распрощались с Гоменцем и со всем добрым населением, поблагодарив их со всею учтивостью и в возмещение за все их добро обещав им, что по приезде в Рим будем так действовать перед святым отцом, что он вскорости лично захочет повидать их.

Затем мы вернулись на корабль. Пантагрюэль, по своей щедрости и в благодарность за то, что нам показали священное изображение папы, подарил Гоменцу девять кусков золотой фризовой парчи, чтобы из нее сделали занавес перед железным окном. Затем велел наполнить до краев кружку на украшение и устройство храма «двойными эю с волчком»²⁶⁶. А каждой из девушек, которые прислуживали за столом во время обеда, подарил по девятьсот четырнадцать золотых монет с изображением благовещения, чтобы они могли в должный срок выйти замуж.

²⁶⁵ «Если не хочешь дать, то одолжи, пожалуйста».

²⁶⁶ Так Раблэ называет эю с изображением лилии, почти треугольные, очень похожие на волчок.

ГЛАВА LV. Как Пантагрюэль в открытом море услышал разные оттаявшие слова

Отъехав в открытое море, мы пировали, закусывали, болтали, разговаривали, как вдруг Пантагрюэль поднялся из-за стола и стал озирать окрестность. Затем он сказал:

– Товарищи, вы что-нибудь слышите? Мне кажется, что я слышу, в воздухе разговаривают несколько человек, и, однако, я никого не вижу. Слушайте!..

По его приказанию мы стали внимательно слушать и втягивать ушами воздух, как устриц из раковин, не услышим ли голоса или какого-нибудь звука. Чтобы ничто не ускользнуло от слуха, некоторые из нас, по примеру императора Антонина, даже приложили свои ладони сзади ушей. Тем не менее мы заявляли, что никаких голосов не слышим.

Пантагрюэль продолжал утверждать, что слышит в воздухе различные голоса – и мужские и женские; тогда и нам показалось, что или мы слышим голоса, или у нас звенит в ушах. И чем больше вслушивались, тем больше различали голоса, и наконец начали разбирать целые слова. Это нас страшно напугало, и не без причины: ведь мы никого не видели, а слышали между тем столько разных голосов – мужских, женских, детских и даже конских; так что Панург закричал:

– Черт возьми, что за насмешка! Мы погибли! Бежим! Вокруг засада! Брат Жан! Где ты там, друг мой? Будь подле меня, умоляю тебя! Твой меч с тобою? Посмотри, как бы он не застрял в ножнах. Ты его наполовину не отчистил от ржавчины. Мы погибли!

«Послушайте – ей-богу, это палят из пушек. Бежим! Не на четвереньках, как Брут с войсками в сражении при Фарсале, нет! На парусах и на веслах. Бежим! На море мужество меня покидает. В погребе и в других местах у меня его больше чем достаточно. Бежим! Будем спасаться! Я говорю не от страха, потому что, кроме опасности, я ничего не боюсь. Я всегда так говорил, и так говорил и вольный стрелок из Беньолэ²⁶⁷.

«Но не будем рисковать, чтобы нас не провели за нос²⁶⁸. Бежим! Поворачивай задом! Поверни руль! С... с... О, если б было богу угодно, чтобы я сейчас находился в Кенкенуа, – пусть бы мне хотя и не жениться никогда! Бежим! Куда нам до них! Ведь их десять против одного, уверяю вас. А кроме того, они у своих очагов, а мы страны не знаем. Они убьют нас. Бежим! Стыда никакого не будет! Демосфен говорит, что тот, кто бежит, опять будет сражаться! Так, по крайней мере, скроемся пока! Эй, вы, там, к румпелю, на булинь! Ой, смерть! Бежим, сто чертей! Бежим!»

Пантагрюэль, слыша шум, поднятый Панургом, сказал:

– Кто это там собирается бежать? Сперва посмотрим, что это за люди. А вдруг они – наши. Однако я все еще никого не различаю, а вижу я на сто миль кругом. Но послушайте. Я читал, что некий философ, по имени Петроний, был того мнения, что есть несколько миров, касающихся друг друга в виде равностороннего треугольника. А в центре, – говорил он, – стоит обиталище истины, где живут слова, идеи и образы прошлого и будущего. А вокруг них расположен этот век²⁶⁹. В некоторые годы, через долгие промежутки, часть этих слов и идей падает на людей – как простуда, или как пала когда-то роса на Гедеоново руно²⁷⁰. Другая же часть остается для грядущего – и так до скончания века.

«Вспоминается мне тоже, что Аристотель думал, будто Гомеровы слова были крылатыми, летающими, порхающими и подвижными, а следовательно – одушевленными. Сверх

²⁶⁷ Имя стрелка Беньолэ взято из стихотворения Вильона «Монолог вольного стрелка» – «Je ne craigne que les dangers».

²⁶⁸ В подлиннике звуковая игра слов: «n'asardons... nazardes».

²⁶⁹ Это рассказывается и у Плутарха

²⁷⁰ В Библии, в «Книге Судий», рассказывается о росе, окропившей руно Гедеона во время перехода по пустыне и сильного зноя.

того Антифан²⁷¹ говорил, что учение Платона подобно словам, которые в какой-нибудь стране, будучи произнесены в холодную зиму, застыли и замерзли в ледяном воздухе и услышаны не были. Как будто то, чему Платон обучал малых детей, едва-едва доходило до них, когда они становились стариками.

«И вот следовало бы подумать и допытаться, не здесь ли случайно то место, в коем оттаивают такие замерзшие слова. О, мы бы очень изумились, если бы нашли здесь голову и лиру Орфея. А между тем, когда фракиянки изрубили в куски Орфея, то голову и лиру его бросили в реку Гебр. По этой реке спустились они в Понтийское море, до острова Лесбоса, неразлучно плывя вместе по морю. Из головы непрерывно лилась печальная песня, – будто плач о смерти Орфея. А лира, струны которой колебались от ветра, звенела, аккомпанируя пению. Так посмотрим, не тут ли они теперь».

²⁷¹ Об этом тоже у Плутарха, в сочинении «О прогрессе добродетели».

ГЛАВА LVI. Как среди замерзших слов Пантагрюэль нашел непристойности

Пантагрюэлю отвечал шкипер:

– Сударь, не бойтесь ничего. Здесь как раз граница Ледовитого моря, где в начале прошлой зимы произошло крупное и жестокое сражение между аримаспеянами и нефелибатами. Тогда-то в воздухе замерзли слова и крики мужчин и женщин, удары палиц, треск лат и конских доспехов, ржание лошадей и весь прочий ужас сражения. И вот сейчас суровость зимы прошла, наступила ясная и теплая погода, и слова тают и становятся слышимы.

– Ей-богу, – сказал Панург, – я этому верю. Но не можем ли мы увидеть какое-нибудь из этих слов. Мне вспоминается, я читал, что у подножия горы, где Моисей получил еврейский закон, народ воспринимал голоса зрением.

– Смотрите, смотрите, – сказал Пантагрюэль, – видите те, которые еще не оттаяли.

И он бросил к нам на палубу целую пригоршню замерзших слов, похожих на жемчужные драже разного цвета. Среди них были красные, зеленые, небесно-голубые, песочного цвета и золоченые. В наших руках они согревались и таяли как снег, и тогда мы их действительно слышали, но не понимали, так как это был варварский язык. Только одно довольно крупное слово, когда брат Жан согрел его в своих руках, издало звук в роде как каштан, когда его бросить, не надрезав, на жаровню, и он лопнет. Все мы вздрогнули от испуга.

– Это, – сказал брат Жан, – был в свое время выстрел из орудия.

Панург просил Пантагрюэля дать ему еще таких слов.

Пантагрюэль ответил, что давать слово – это дело влюбленных.

– Ну, так продайте, – сказал Панург.

– А это дело адвокатов, – отвечал Пантагрюэль, – продавать слова. Я скорее продал бы вам молчание, и подороже, как иной раз Демосфен продавал его.

Тем не менее он кинул на палубу еще три-четыре пригоршни. Я увидел тогда слова колкие, кровавые, такие, про которые шкипер говорил, что они иной раз возвращаются туда, откуда вылетели, но это были слова из перерезанного горла – слова страшные; были и другие, неприятные на вид.

Когда они все оттаяли, то мы услышали:

«Гин-гин-гин-гин! Гис-тик-торшь-лорнь! Бредеден! Бредедек! Ф-рр! Ф-ррр! Ф-ррр! Бу-бу-бу-бу-бу-бу! Тракк! Тракк! Трр! Тррр! Трррррр Он-он-он! Он-он-он-он! У-у-у-у-он! Гот-магот!» – и уж не знаю, какие там варварские слова. Говорили, что это фыркали и ржали лошади во время стычки. Затем мы услышали еще и другие грубые звуки, которые, оттаяв, походили на барабанный бой, звучали как труба, как рог или горн. Поверьте, как нас это забавляло! Мне хотелось сохранить несколько неприличных слов в масле, как хранят снег и лед – переложив чистой соломой. Но Пантагрюэль не захотел этого; он сказал, что глупо запасать такие вещи, в которых никакого недостатка нет и которые всегда под рукой, как неприличные слова у всех веселых и добрых пантагрюэлистов.

Тут Панург немного рассердил брата Жана и заставил его призадуматься, так как поймал его на слове в ту минуту, когда тот меньше всего этого ожидал. Брат Жан пригрозил, что он заставит его раскаяться в этом, как раскаялся когда-то г-н Жуссом, который продал на слово сукно благородному Пателэну. Он пригрозил Панургу, что, когда тот женится, он поймает его как быка за рога, после того как он поймал его на слове как человека.

Панург в насмешку соорудил гримасу. А затем воскликнул:

– Дай бог, чтобы здесь, не двигаясь дальше, мне услышать слово Божественной Бутылки.

ГЛАВА LVII. Как Пантагрюэль причалил к обители г-на Гастэра, первого в мире магистра искусств

В этот же самый день Панург высадился на одном острове – удивительном среди всех других как своим местоположением, так и личностью его правителя. Остров со всех сторон вначале был крут, каменист, труден для подъема, неприятен для глаз, затруднителен для ног и немного менее неприступен, чем гора Дофинэ, имевшая форму тыквы и называемая так потому, что, на памяти людей, никто еще ни разу не взбирался на нее, кроме только инспектора артиллерии при короле Карле VIII, Дуаяка, который с помощью удивительных приспособлений взобрался туда и нашел на вершине старого барана. Трудно было догадаться, кто его туда перенес. Некоторые говорили, что его еще молодым ягненком похитил орел или сова, и ему удалось спастись от них в кустарники.

Преодолев все трудности весьма нелегкого подъема, пропотев порядком, мы нашли, что вершина горы весьма хороша, плодородна, здорова и восхитительна, так что я подумал, что это истинный земной рай, о положении которого сильно спорят добрые богословы. Но Пантагрюэль утверждал, что там находится обитель Добродетели, по-гречески «Аретэ», описанная Гезиодом, – впрочем, это мнение не мешает быть другому, более здравому.

Правителем острова был г-н Гастэр, первый учитель искусств в мире. Если вы думаете, что огонь был великим учителем искусств, Как пишет Цицерон, вы заблуждаетесь и делаете ошибку. Сам Цицерон в это не верил²⁷². Если вы думаете, что Меркурий был первым изобретателем искусств, как когда-то верили наши древние друиды, – вы тоже сильно заблуждаетесь. Справедливо только мнение сатирика²⁷³, который говорит, что учителем всех искусств был г-н Гастэр. Именно с ним проводила время добрая госпожа Нужда, иначе называемая Страданием, мать девяти муз, от которой – от связи ее с богом изобилия Порусом – некогда родился Амур, благородный ребенок, посредник между небом и землей, как свидетельствует Платон в «Пире».

Этому рыцарственному королю мы вынуждены были оказывать всяческое почтение, принося присягу в верности и повиновении. Это – властный, строгий, круглый, жесткий, трудный, непреклонный властелин. Его нельзя ни в чем уверить, ничего ему доказать, ни в чем убедить. Он ничего не слушает, и как египтяне утверждали, что их Гарпокрас, бог безмолвия (по-гречески – Сигалион), был безуст, то есть не имел рта, – так и Гастэр был сотворен без ушей, наподобие безухой статуи Юпитера на острове Кандии. Говорит он только знаками. Но этим знакам все повинуются быстрее, чем эдиктам преторов и приказам королей. В своих требованиях он не допускает никаких отсрочек и никаких промедлений. Вы скажете, что рыкание льва приводит в трепет всех зверей далеко кругом, насколько только может быть слышным его голос. Об этом написано. Это верно. Я это видел. И вот я удостоверяю, что от приказов Гастэра дрожит все небо, колеблется вся земля. Раз повеление дано, его следует выполнить без промедлений, или умереть.

Шкипер рассказывал нам, как однажды (по примеру восстания органов тела против желудка, описанного Эзопом) восстало против Гастэра все королевство соматов, устроило заговор, чтобы выйти из его повиновения. Но вскоре спохватилось и раскаялось в этом, и все вернулись со всем смирением к нему на службу. Иначе бы они все погибли от злого голода.

В каком бы обществе он ни находился, никаких споров никогда не бывает о чьем-нибудь превосходстве или предпочтении. Он всегда идет вперед, будь тут короли, императоры и даже сам папа. И на Базельском соборе он шел впереди всех, хотя вам говорят, что собор этот

²⁷² В сочинении «О природе богов» Цицерон приводит мнение последователей Гераклита о роли огня в создании искусств.

²⁷³ Раблэ разумет Персия. Вся эта глава представляет собой развитие мыслей этого поэта.

был бурным вследствие честолюбивых споров о первых местах. Весь мир работает и трудится, чтобы служить ему. Поэтому в вознаграждение за это он делает добро миру тем, что изобретает для него все искусства, ремесла, всякие приборы, машины и приспособления. Даже диких зверей он учит искусствам, в которых природа им отказала. Воронов, грачей, попугаев, дроздов он делает поэтами, сорок – поэтессами, и учит их произносить слова на человеческом языке, говорить и петь. И все ради желудка.

Орлов, коршунов, соколов, стервятников, сапсанов, балабанов и ястребов – хищных, диких и жадных птиц – он делает такими ручными и покорными, что если он им и позволяет, когда ему заблагорассудится, улетать в небесный простор на какую угодно высоту, то все-таки и там он по своему желанию управляет их полетом, парением, порханием, метанием и заставляет даже над тучами ухаживать именно за ним. А затем внезапно свергает их с неба на землю. И все это ради желудка.

Слоны, львы, носороги, медведи, лошади, собаки – все по его приказу пляшут, играют в мяч, ходят по канату, сражаются, плавают, прячутся, носят, что он хочет, и берут, что он хочет. И все это ради желудка.

Рыб, как морских, так и пресноводных, китов и морских чудовищ заставляет покидать свои бездны и пучины морские; волков выгоняет из лесу, медведей – из убежищ в скалах, лисиц – из нор, змей – из земли, все это ради желудка.

Словом, он так огромен, что в ярости своей пожирает всех, – как было с басками, когда их осадил полководец Квинт, во время серторианских войн; с сагунтинцами, осажденными Ганнибалом; с евреями во время осады их римлянами. И еще с шестью сотнями других народов. И все это ради желудка.

Когда Нужда, управительница его, пускается в путь, то там, где она идет, закрываются все суды; все эдикты безмолвствуют, все призы раздаются впустую. Она не подчиняется никаким законам, свободна от всех. Всякий от нее бежит – куда бы то ни было, скорее подвергая себя опасности кораблекрушения, предпочитая пройти через огонь, горы, пропасти, только не быть захваченным ею.

ГЛАВА LVIII. Как при дворе хитроумного магистра Пантагрюэлю показали отвратительными энгастримиты и гастролатры

При дворе великого хитроумного магистра Пантагрюэль увидел два сорта людей, несносных и слишком угодливых, которые вызвали в нем вращение. Одни назывались энгастримитами, другие – гастролатрами²⁷⁴. Энгастримиты говорили, что они происходят от древнего рода Эврифея, ссылаясь при этом на свидетельство Аристофана в комедии «Осы», в древности назывались эвриклеями, как пишет Платон и Плутарх в своей книге «О прекращении оракулов». А в священных декретах и названы чревовещателями; так же называет их и на ионическом языке Гиппократ (V книга «Об эпидемиях»), ибо они действительно говорят чревом. Софокл называет их стерномантами. Это были прорицатели, волшебники и обманщики простого народа, которые, как казались, говорили и отвечали тем, кто их спрашивал, не ртом, а животом.

Такою чревовещательницей была жившая около 1513 года от рождества благословенного нашего спасителя некая Якоба Рододжина, итальянка, женщина низкого происхождения, из чрева которой мы часто слышали (как и бесчисленное число жителей Феррары и других) голос чистого духа, – конечно, тихий и слабый и небольшой, но вполне членораздельный, ясный и понятный, когда из любопытства ее призывали себе богатые синьоры и князья Цизальпинской Галлии. Чтобы не было подозрений в обмане с ее стороны и какой-нибудь подделки, заставляли раздеваться донага и затыкали ей рот и нос. Говоривший из нее злой дух велел называть себя Креспэлю или Цинциннатулом, и когда его так называли, он был, видимо, доволен и тотчас отвечал на вопросы.

Если его спрашивали о настоящем или прошедшем, он давал дельные ответы, повергавшие слушателей в изумление. Говоря же о будущем всегда лгал и никогда не говорил правды, и часто как бы сознавался в своем незнании и вместо ответа просто выпускал газ или бормотал какие-нибудь непонятные слова на варварском наречии.

Гастролатры, с другой стороны, держались всегда сбившись в кучи и ходили толпами: одни веселые, жеманные, разнеженные, другие – печальные, серьезные, строгие и упрямые; но все они были праздными, ничего не делали, никогда не работали, – бесполезное бремя и груз на земле. По словам Гезиода, они боялись одного (насколько можно было судить) – похудеть и тем обидеть Чрево. Впрочем, обычно они ходили в масках, наряженные, и в таких странных одеяниях, что просто диво. Вы скажете, пожалуй (и так написано у многих древних и мудрых философов), что изобретательность природы кажется удивительной в той игривости, которая проявилась при образовании ею морских раковин; столько в них разнообразия, как в фигурах, цветах, так и в очертаниях и формах, неподражаемых для искусства. Уверяю вас, что в одеянии этих гастролатров было не меньше разнообразия и нарядности!

Все они считали Гастэра своим великим богом, молились ему как богу, приносили жертвы как всемогущему богу, не признавали другого бога, кроме него, служили ему, любили его превыше всего на свете, чтили как божество. Вы могли бы сказать, что святой апостол в «Послании к Филиппинам», гл. III, говорит именно о них: «Многие, о которых я часто говорил вам (и еще сейчас говорю вам со слезами на глазах), суть враги креста Христова; смерть их будет концом их, ибо бог их – чрево их».

Пантагрюэль сравнивал их с циклопом Полифемом, которого Эврипид заставляет говорить так:

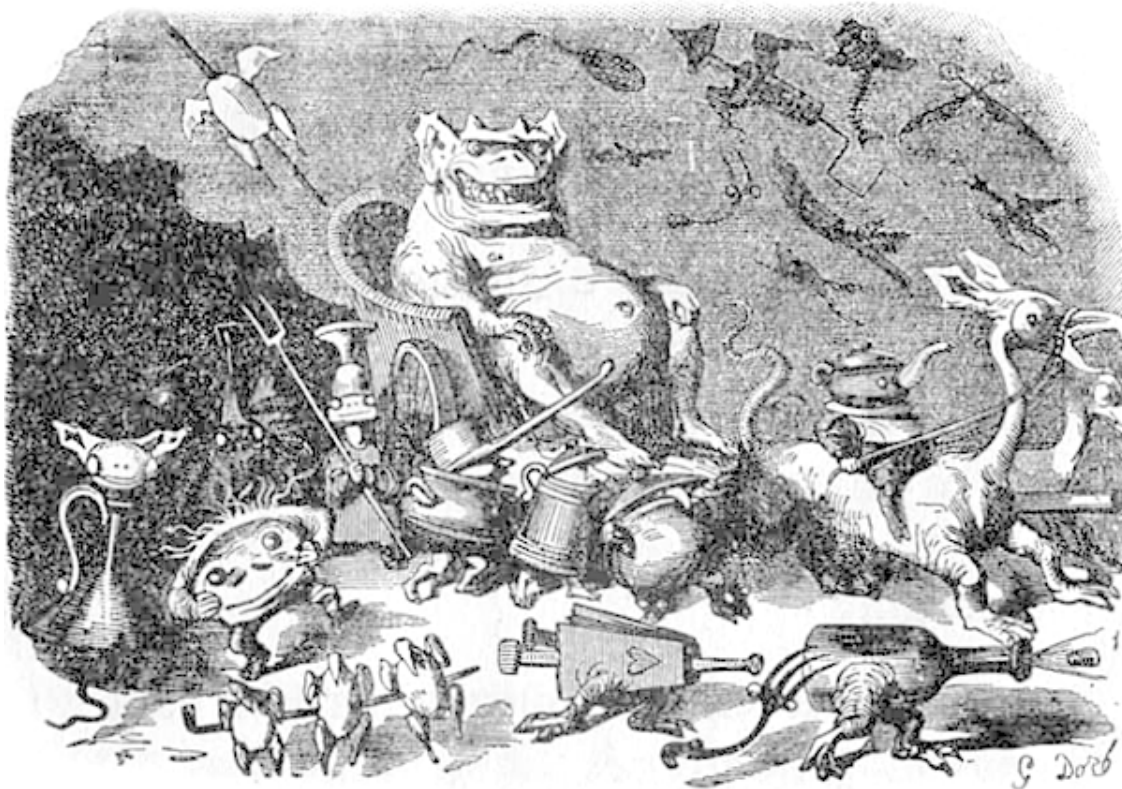
²⁷⁴ Энгастримиты – чревовещатели. Гастролатры – чревоугодники (по-гречески).

«Я приношу жертвы лишь самому себе (богам никогда), и моему Чреву, величайшему из всех богов».

ГЛАВА LIX. О смешной статуе «Мандуке» и о том, как и что приносят в жертву гастролатры своему богу – Чреву всемогущему

Мы разглядывали гримасы и жесты этих большеротых трусливых гастролатров, как вдруг с удивлением услышали явственно колокольный звон, по которому все выстроились как бы в боевой порядок – по старшинству, по чину и званию. И в строю прошли перед господином Гастэром, предводимые жирным, молодым и сильным брюхачом, который нес на длинном позолоченном шесте деревянную статую, плохо вырезанную и грубо размалеванную, как та, которую описывают Плавт, Ювенал и Помпоний Фест.

В Лионе на карнавале ее называют «Машкрутт»²⁷⁵, а здесь ее называют «Мандукой».

Это было чудовищное, смешное, отвратительное и пугавшее маленьких детей изображение. Глаза у него были больше живота; голова – толще всего остального тела; челюсти – большие, широкие и страшные, с крепкими зубами – сверху и внизу. Посредством приспособления – спрятанной внутри золотого шеста веревочки – зубы можно было заставить страшно щелкать друг о друга, как в Меце зубы дракона святого Климента.

Когда гастролатры приблизились, я заметил, что за ними шла толпа толстых слуг, нагруженных коробками, корзинами, тюками, горшками, мешками и котлами. Все шествующие вслед за Мандукой пели уже не знаю какие дифирамбы и пеаны и приносили своему богу в жертву, открыв свои корзины и котлы:

Белое вино с нежным сухим жарким.

Белый хлеб.

Крупичатые булки.

²⁷⁵ Машкрутт – буквально «коркожуй» (жующий корки). Мандука – от латинского слова «manducare», что значит «жевать».

Шесть сортов мяса, жареного на углях.

Разные похлебки.

Фрикассе.

И так далее.

Ситный хлеб. Простой хлеб. Мясо козули. Телячьи окорока. Пирожки.

А в промежутках – неизменные напитки: прекрасное белое вино сменялось розовым и красным. Некоторые вина подавали замороженными в больших серебряных чашах. Затем опять приносили жертвы:

Колбасы говяжьи с горчицей. Колбасы мозговые.

Сосиски. Окорока.

Копченые языки. Соленую дичь с репой.

Колбасы свиные.

И так далее.

Все это перемежалось напитками. Потом ему совали в пасть:

Жиго. Оленину.

Горячие паштеты. Бараний бок.

Свиные котлеты с луковым соусом. Кур с цыплятами. Жареных каплунов. Телячью грудинку.

И так далее, и так далее.

И опять много вина. А затем:

Паштеты с дичью. Шестнадцать сортов круглых пирогов. Жаворонков. Торты.

Голубей. Кремы.

Свиные ножки. Макароны.

И так далее.

Затем опять вино, чтобы горло не пересохло. И опять жаркое.

ГЛАВА LX. Как в постные дни ублажали своего бога гастролатры

Когда Пантагрюэль увидел эту жертвоприносящую сволочь и разнообразие жертвоприношений, он рассердился и ушел бы, если бы Эпистемон не попросил его посмотреть, чем кончится весь этот фарс.

– А что эти негодяи приносят в жертву своему богу – Чреву всемогущему – в постные дни?

– Я скажу вам, – ответил шкипер, – в виде закуски они ему подносят:

Икру. Сто сортов салата.

Анчоусы. Шпинат.

Селедку. Свежее масло.

И так далее.

«Затем пьют – надо выпить, черт побери. Все в порядке у них, и недостатка нет в вине.

Потом подают:

Миноги в вине. Осетров.

Усачей. Карпов.

Устриц. Дельфинов.

И так далее, и так далее.

«Кто не пьет за такой жратвой – того ждет смерть. Это прекрасно известно, и против этого принимаются меры. Затем приносят в жертву:

Треску. Бабочек.

Лягушек. Ракушек.

Яйца вареные, печеные и в других видах.

И так далее.

«Чтобы все это легче переварить, жертвы вином умножаются. Под конец предлагаются:

Рис. Фисташки.

Просо. Фиги.

Каши. Виноград.

Миндальное молоко. Кутья.

Орехи. Артишоки.

И так далее.

«Поверьте, – продолжал шкипер, – что они только о том и заботятся, чтобы этому Гастэру, своему богу, послужить дорогими и изобильными жертвами, – больше чем служили идолу Гелиогабала, больше чем кумиру Ваала в Вавилоне при Валтасаре.

«Тем не менее этот Гастэр признает, что он вовсе не бог, но жалкая, несчастная, подлая тварь. И как некогда царь Антигон I ответил некоему Гермодоту (который его называл в своих стихах богом и сыном солнца): «Мой «лазанофор» этого не думает (лазаноном назывался сосуд для нечистот, а лазанофором – тот, кто выносил его), – так и Гастэр отсылал этих обезьян к своему судну, чтобы разглядели да поразмыслили, какое божество находится в его испражнениях».

ГЛАВА LXI. Как Гастэр изобрел способы получать и сохранять зерно

В этой главе идет перечисление изобретений Гастэра. Он изобрел земледелие для производства зерна, военное искусство и оружие для его защиты, медицину, астрологию и математику для сохранения хлебного зерна в течение столетий; водяные и ветряные мельницы. Им открыты были также дрожжи и соль (вреднее всего для людей хлеб пресный и без соли), огонь; далее им изобретены были часы разных сортов, «для того, чтобы знать время, нужное для печения хлеба, сделанного из зерна». Он придумал способы для перевозки хлеба из страны в страну; посредством скрещивания ослов и лошадей вывел выносливую породу мулов. Изобрел телеги и фуры, барки, галеры и корабли.

Против засухи он открыл способ вызывать дождь с неба, разрезая некую, обыкновенную луговую траву, которой люди не замечали. Эту траву, вероятно, клали в источник жрецы Юпитера в Аркадии во время засух, и она вызывала образование паров, а из них туч и дождя. Он изобрел средство для предотвращения града и для успокоения ветров. Для защиты от разбойников, кравших хлеб на полях, он изобрел искусство строить города, крепости и замки, где зерно защищается людьми с большим старанием, чем золотые яблоки в Садах Гесперид драконами. Он же изобрел средства для разрушения крепостей и замков – тараны и катапульты, а затем – пушки, мортиры и порох. Он далеко оставил за собой приемы оксидраков, побеждавших и предававших внезапной смерти неприятелей при помощи молнии, грома града и бури. Ибо его дьявольский способ страшнее, ужаснее: один пушечный выстрел может больше умертвить и свалить, разбить и убить людей, оглушить сознание, больше разрушить стен, чем сто ударов молнии.

ГЛАВА LXII. Как Гастэр изобрел искусство не быть раненым пушечными выстрелами

Гастэр, пряча зерно по крепостям, однажды сам был осажден неприятелем, и его крепости были разрушены «титанической силой». Он изобрел тогда способ делать безвредными пушечные ядра. Для этого он привешивал по пути ядер магнитный камень. Все ядра теряли свою силу и оставались в воздухе, вращаясь вокруг магнита. Но кроме того он изобрел способ возвращать назад ядра с тою же силою и по тому же направлению, откуда они летели. Есть такая трава, которая отпирает все замки; есть рыба, которая останавливает ветер и вынуждает стоять на месте самые большие корабли; если эту рыбу посолить, можно привлечь золото «на нее» с каких угодно глубин. Олени сами умеют извлекать стрелы из своих ран, поев травы «диктам», что растет на Кандии. Этой травой Венера вылечила своего любимого сына Энея. Запах лавра, фигового дерева и тюленя отводит молнию от растений и животных: она никогда в них не попадает. Бешеный бык усмиряется и неподвижно стоит перед диким фиговым деревом. Пение петухов пугает львов, а также портит бузину, идущую на приготовление флейт.

В конце главы дается поучение: люди любознательные должны заниматься не вульгарной простонародной музыкой, но тою божественной и небесно-ангельской музыкой, более отвлеченной, которая доносится издали, то есть из стран, где не слышно пения петухов. «Так как для того, чтобы какое-нибудь место характеризовать как особо уединенное, мы говорим, что там-де никогда еще не слышалось пения петуха».

ГЛАВА LXIII. Как Пантагрюэль заснул вблизи острова Канэфа, и о задачах, предложенных ему на разрешение при его пробуждении

На следующий день, беседуя о том, о сем, мы продолжали наш путь и прибыли к острову Канэфу, к которому корабль Пантагрюэля не мог пристать, потому что ветер спал и наступил штиль. Мы качались на волнах, переваливаясь со штирборта на бакборт и с бакборта на штирборт, хотя к парусам прибавили еще много лиселей.

Все мы пребывали в раздумье, печальном, угрюмом и сердитом, не говоря ни слова друг с другом. Пантагрюэль с Гелиодором (на греческом языке) в руках задремал на скамейке у входа в люк. Такова была его привычка, что с книгой он спал гораздо лучше, чем без нее. Эпистемон смотрел по астролябии, на какой высоте от нас был полюс.

Брат Жан перебрался на кухню и по высоте вертелов и гороскопу фрикассе соображал, который мог быть час.

Панург, засунув язык в стебель пантагрюэльона, пускал пузыри и струйки воды. Гимнаст точил зубочистки из мастикового дерева. Понократ грезил в полусне, щекотал сам себя, чтобы рассмеяться, и чесал пальцем голову. Шкипер задавал матросам хитрые вопросы.

В это время брат Жан, возвращаясь из кухни, заметил, что Пантагрюэль проснулся. Тогда, прерывая общее упорное молчание, он громко и очень весело спросил, каким способом поднять погоду во время штиля.

Тотчас вслед за ним и Панург спросил средство против раздражения.

Эпистемон, третьим, спросил шутливым тоном о способе помочиться, когда нет расположения к этому.

Гимнаст, поднявшись на ноги, попросил указать ему средство против темноты в глазах.

Понократ почесал себе лоб и, тряхнув ушами, спросил о способе не спать по-собачьи.

– Подождите, – сказал Пантагрюэль, – тонкие философы-перипатетики учат, что всякая задача, всякий вопрос, всякое сомнение, предлагаемые на разрешение, должны быть высказаны понятно, ясно и определенно. Что по-вашему значит: «спать по-собачьи»?

– Это значит, – отвечал Понократ, – спать натошак на... солнечном припеке, как делают собаки.

Ризотом сидел на корточках близ насоса. Тогда, подняв голову и глубоко зевнув, так что вызвал и у всех товарищей, по природной симпатии, такую же зевету, он спросил о средстве против зеветы. Ксеноман, с головой ушедший в фонарь, который чинил, спросил, каким образом привести в равновесие волюнку в желудке, чтобы она не раскачивалась из стороны в сторону. Карпалим спросил, какие явления предшествуют в природе тому, чтобы кто-нибудь объявил себя голодным.

Эстен, слышав шум, прибежал на палубу и закричал с кабестана, Почему больше опасности умереть человеку, когда он натошак укушен Змеей тоже натошак, чем когда и человек и змея поедят; почему слюна человека, еще не евшего, ядовита для всех ядовитых змей и Животных.

– Друзья мои, – отвечал Пантагрюэль, – на все сомнения и вопросы предложенные вами, можно дать одно подходящее решение и ответ, и на все такие симптомы и случаи пригодно одно единственное лекарство. И ответ вам будет сейчас же дан, без всяких обиняков и излишних слов: голодный желудок ушей не имеет, голодное брюхо – глухо. Вы будете удовлетворены одними знаками и жестами, – вот вам и все решение. Так некогда Тарквиний Гордый, последний царь римский, знаками отвечал своему сыну Сексту. (При этих словах Пантагрюэль дотронулся до веревки колокола, и брат Жан сейчас же побежал в кухню.) Тарквиний находился в

городе сабинян. Сын ему прислал нарочного с вопросом: как ему сделать, чтобы совсем покорить сабинян и привести их к полному послушанию. Царь, не доверяя верности посланца, ничего не ответил последнему, но только свел его в свой тайный сад и в присутствии его срезал мечом головки росших там высоких маков. Когда гонец явился без ответа и только рассказал сыну, что сделал отец, тому легко было понять по этим знакам, что отец советует ему срезать головы начальникам города, дабы держать остальной народ с тех пор в совершенном повиновении.

ГЛАВА LXIV. Как Пантагрюэль оставил без ответа предложенные ему на разрешение задачи

Затем Пантагрюэль спросил:

– Какие люди живут на этом прекрасном собачьем острове?

– Все они, – отвечал Ксеноман, – лицемеры, смиренники, эремиты, ипокриты²⁷⁶, начетки, ханжи, пустосвяты, отшельники. Люди бедные, живущие – как и пустынный из Лормона, что между Блэ и Бордо, – милостыней, которую подают им путешественники.

– Ну, так я туда не поеду, – сказал Панург. – Уверю вас. Подуй мне черт в зад, если я туда поеду!

«Эремиты, ипокриты, пустосвяты, лицемеры, ханжи, – ну их к дьяволу! Прочь отсюда! Я помню еще наших жирных шеزيلских соборян, – чтобы Вельзевул и Астарот свели их с Прозерпиною, столько мы натерпелись, увидев их, от бурь и всякой чертовщины! Послушай, мой милый капральчик Ксеноман, пожалуйста: эти ипокриты, эремиты, блюдолизы – женаты они или девственники? Бывают ли они женского рода?

– В самом деле, – сказал Пантагрюэль, – вот прекрасный и забавный вопрос!

– Ну, разумеется, да, – отвечал Ксеноман. – Там есть красивые собой и превеселые эремитки, ипокритки и ханжи женского рода. И кучи маленьких ипокритеночков, эремитеночков и лицемерчиков.

– Оставьте это, – прервал их брат Жан. – От юного эрэмита старый черт родится, заметьте эту пословицу.

Пантагрюэль продолжал:

– В противном случае, если бы род их не продолжался, остров Канэф давно опустел бы и стал необитаемым.

Пантагрюэль послал им с Гимнастом на барке милостыню, семьдесят восемь тысяч прекрасных маленьких полуэку (с фонарем). Потом он спросил:

– Который час?

– Девять с лишком, – отвечал Эпистемон.

– Как раз час обеда, – сказал Пантагрюэль. – Приближается священная линия, столь прославленная Аристофаном в его комедии «Проповедницы». Эта линия совпадает с часом, когда тень бывает десяти футов длины. Некогда у персов вкушать пищу в определенный час предписывалось только царям: всем другим часами служили аппетит и желудок. И действительно: у Плавта один паразит жалуется и с неистовой яростью нападает на изобретателей солнечных и иных часов, ибо дело известное, что нет часов вернее желудка. Когда Диогена спросили, в какой час следует человеку питаться, он отвечал: «Богатому – когда у него есть аппетит, бедному – когда у него есть, что есть». А еще более точно канонические часы для питания указывают врачи.

Вставить вам в пять, обедать в девять.

И ужин в пять, ложиться в девять.

«Режим знаменитого царя Петозириса был другой».

Не успел он досказать, как слуги расставили столы и покрыли их благовоными скатертями, салфетками, тарелками, солонками; принесли кубки, чаши, бокалы, чашки, бутылки, чаны. Брат Жан с помощью дворецких, пекарей, стольников, чашников, виночерпиев, поваров и прочих внес на палубу четыре страшных пирога с ветчиной, такой величины, что мне пришли на память четыре бастиона города Турина. Боже правый, сколько было выпито тогда и

²⁷⁶ Мы сокращаем перечисление яств, приносимых в жертву Гастэру, ограничиваясь в каждой серии несколькими характерными для нее видами кушаний.

съедено! Еще не подали десерта, когда западо-северо-западный ветер начал надувать большие и малые паруса на всех мачтах. И тогда все принялись петь различные песнопения во славу всевышнего бога небесного. За фруктами Пантагрюэль спросил:

– Друзья мои, все ли сомнения ваши получили разрешение?

– Слава богу, мне больше не зевается, – сказал Ризотом.

– А я больше уж не сплю по-собачьи, – сказал Понократ.

– У меня в глазах больше не темнеет, – ответил Гимнаст.

– Ия теперь не натошак, – сказал Эстен. – Поэтому на весь сегодняшний день моя слюна не опасна для:

Аскалабий, Бупрестид, Аскалаботов, Василисков.

И так далее.

Идет перечисление по алфавиту около ста разновидностей известных в то время ядовитых животных и насекомых.

ГЛАВА LXV. Как Пантагрюэль со своими приближенными повышает погоду

– А на какую ступень таких ядовитых животных, – спросил брат Жан, – вы поместите будущую супругу Панурга?

– И ты говоришь плохо о женщинах? – спросил Панург. – Ого! Бабий угодник!

– Клянусь, – сказал Эпистемон, – Эврипид написал, а Андромаха произносит, что против всех ядовитых зверей людским изобретением и божьим научением было найдено полезное средство. Но до сих пор не найдено средства против злой женщины.

– Этот щеголь Эврипид, – заметил Панург, – всегда злословил женщин. За это, в силу божественного возмездия, он был съеден собаками, в чем его и стыдит Аристофан. Но дальше! Говори, чья очередь!

– Я сейчас смогу мочиться сколько угодно, – сказал Эпистемон.

– Мой желудок, – сказал Ксеноман, – загружен и уж не будет наклоняться в одну сторону больше, чем в другую.

– Мне, – сказал Карпалим, – больше не надо ни вина ни хлеба. Конец жажде, конец голоду!

– Меня сейчас ничто не раздражает благодаря господу и вам, – сказал Панург, – я весел как попугай, бодр как сокол, легок как мотылек.

«Правильно написал ваш прекрасный Эврипид, и правильно говорит Силен²⁷⁷, приснопамятный пьяница:

Безумец тот, лишенный смысла,
Кто много пьет и смотрит кисло.

«Неуклонно должны мы восхвалять всеблагого господа, создателя нашего, хранителя и промыслителя, который этим добрым и свежим вином, этим добрым хлебом и этим добрым мясом вылечил нас от телесных и душевных потрясений, не считая удовольствия и наслаждения, которое мы получили от еды и питья».

– Но вы мне не отвечаете на вопрос этого благословенного и достопочтенного брата Жана: как поднять погоду? – сказал Пантагрюэль. Так как вы довольны столь легким разрешением ваших вопросов и сомнений, то доволен и я. Потом, где-нибудь в другом месте, мы об этом поговорим еще, если вам заблагорассудится.

«Остается, значит, избавиться от вопроса, предложенного братом Жаном: как поднять погоду? Но разве мы ее не подняли? Взгляните-ка на вымпел на рейде. Взгляните, как надулись паруса. Как напряглись шкоты и ванты! Поднимая и опустошая чаши, мы подняли одинаково и погоду – по скрытой в природе симпатии. Если верить мудрым мифологам, так же поднимали ее Атлас и Геркулес. Но они подняли ее на полградуса выше, чем следует. Атлас – чтобы повеселее чествовать гостя своего Геркулеса. Геркулес – из-за своих мучений от жажды в Ливийской пустыне.

– Истинно так, – сказал брат Жан, перебивая его речь, – я от многих достопочтенных ученых слышал, что Тюрлюпен, ключник вашего доброго отца, ежегодно сберегает более восемнадцати сотен бочек вина тем, что заставляет приезжих и слуг пить раньше, чем они почувствуют жажду.

²⁷⁷ Действующее лицо трагедии Эврипида «Циклоп».

– Подобно тому, – продолжал Пантагрюэль, – как верблюды и дромадеры в караванах пьют сразу, утоляя прошлую, настоящую и будущую жажду, поступил и Геркулес. Так что, благодаря такому высокому подъему погоды, на небе произошли новые колебания и изменения, над которыми было столько споров и разногласий между сумасшедшими астрологами.

– Это, – сказал Панург, – как говорится в народной поговорке:

Дурная погода проходит, хорошая вновь наступает,
Чем более жирную тушу чудесным вином запивают.

– И тем, что мы ели, пили, – сказал Пантагрюэль, – мы не только подняли погоду, но вместе с тем сильно разгрузили корабль. Не только так, как Эзоп разгрузил свою корзинку, то есть не тем, что поедали съестные припасы, – но и тем, что избавили себя от поста. Ибо как мертвое тело тяжелее живого, так и человек натощак тяжелее, и его более тянет к земле, чем когда он попьет и поест. И не вздор говорят те, кто во время долгого путешествия поутру завтракают и пьют, утверждая, что их лошади оттого поедут быстрее. Разве вы не знаете, что некогда амиклеяне²⁷⁸ превыше всех богов уважали и почитали благородного отца Бахуса, называя его «Псилою», наиболее подходящим словом. «Псила» на дорическом наречии означает «крылья». Потому что, подобно тому как птицы при помощи крыльев легко взлетают высоко в воздух, так и при помощи Бахуса, то есть прекрасного, сладкого, вкусного вина, высоко взлетает дух человеческий, так как тело очевидным образом облегчается, и то, что в нас есть земного, смягчается.

²⁷⁸ Амиклеяне – жители Амикла, древнего города в Греции, недалеко от Спарты.

ГЛАВА LXVI. Как близ острова Ганабэна, по приказанию Пантагрюэля, музы были встречены приветствием

Хороший ветер продолжал дуть, веселые речи не прекращались. Пантагрюэль озирает даль и заметил гористую землю, на которую указал Ксеноману, и спросил его:

– Видите вы вон там налево высокую гору с двумя вершинами, очень похожую на гору Парнас в Фокиде?

– Прекрасно вижу, – отвечал Ксеноман, – это остров Ганабэн. Вы хотите пристать к нему?

– Нет, не хочу, – сказал Пантагрюэль.

– И хорошо делаете, – сказал Ксеноман. – Там нет ничего, что стоило бы повидать. Все население – воры, разбойники. Правда, на правой вершине бьет красивейший в мире источник, и вокруг огромный лес. Ваши суда могли бы сделать там запас воды и топлива.

– Это хорошо и дельно сказано, – молвил Панург, – ха-ха-ха! Не будем никогда высаживаться на земле воров и разбойников. Уверяю вас, здесь точно такая же земля, как я видел когда-то на островах Серк и Герм, между Бретанью и Англией, или как Понеропль у Филиппа во Фракии: острова воров, мошенников, разбойников, убийц и насильников, – все из подземелий Консьержери. Не будем высаживаться здесь, прошу вас. Поверьте если не мне, то совету мудрого и доброго нашего Ксеномана. Клянусь бычьей смертью, они хуже каннибалов. Они съедят нас всех живьем. Не будем здесь сходить, ради бога. Лучше сойти в ад! Слушайте! Ей-богу, я слышу ужасающий бой в набат. Такой, как некогда у гасконцев в Бордо при приближении сборщиков податей и комиссаров. Или у меня в ушах звенит? Отъедем подальше. Ой! Подальше! Прочь!

– Сходите, – сказал брат Жан, – сходите на берег. Идем, идем, идем! Там нам не придется платить за ночлег. Мы их всех разорим. Высадимся!

– Тут дело не без черта, – сказал Панург. – Этот бешеный монахов черт, этот чертов монах ничего не боится. Отчаянный, как все черти, и совсем не заботится о других. Он думает, что все – монахи, как он.

– У-у, прокаженный, – отвечал брат Жан. – Ступай ко всем чертям, – они тебе анатомируют мозг. Этот чертов дурак так труслив и подл, что каждый час от страха делает в штаны. Если ты боишься таких пустяков – не спускайся, оставайся здесь стеречь багаж, или спрячься под юбку Прозерпины, тысяча чертей!

При этих словах его Панург исчез и спрятался в трюме среди сухарей, корок и крошек хлеба.

– Я чувствую, в душе у меня что-то страшно сжимается, – сказал Пантагрюэль, – будто я слышу какой-то далекий голос, который говорит мне, что мы не должны сходить здесь на берег. Сколько бы раз ни приходилось мне ранее ощущать в душе такое движение – всегда было хорошо, если я отказывался и оставлял в стороне то, от чего меня голос отвлекал, и, наоборот, так же было хорошо, если следовал за тем, к чему он меня толкал, и я никогда не раскаивался.

– Это как демон Сократа, так прославленный академиками, сказал Эпистемон.

– Слушайте, – сказал брат Жан, – пока команда запасается пресной водой, а Панург изображает из себя волка на соломе, хотите хорошо посмеяться? Пальнем-ка из этой большой пушки, что близ каюткомпании. Это будет салютом музам этой горы Анти-Парнаса. А то, пожалуй, порох в ней испортится.

– Хорошо сказано, – отвечал Пантагрюэль, – пришлите сюда главного бомбардира.

Бомбардир проворно явился. Пантагрюэль приказал ему выпалить из пушки и тотчас зарядить ее свежим порохом на всякий случай. Это было мгновенно исполнено. Бомбардиры остальных кораблей, шхун, галлионов и прочих сторожевых судов, как только в первый раз

выпал с Пантагрюэлева корабля, сейчас же вслед за ним выпалили из своих орудий. Вообразите, какой раздался грохот!

ГЛАВА LXVII. Как Панург обделался от страха и большого кота Родилардуса принял за дьяволенка

Панург выскакивает из трюма точно ошалелый козел, в одной рубашке и с одним чулком на ноге, вся борода в хлебных крошках, и в руке большой великолепный кот, уцепившийся за другой чулок. Двигая губами, словно обезьяна, ищущая вшей в голове, дрожа и стуча зубами от страха, ринулся он к брату Жану, сидевшему на вантах на штирборте, и стал умолять его сжалиться над ним и защитить его своим мечом, клянясь при этом долей своей в Папимании, что он только что видел всех спущенных с цепи чертей.

– Погляди-ка, мой друг, – лепетал он, – мой брат, мой отец духовный! Все черти нынче празднуют свадьбу. Ты никогда не видел такого дьявольского пиршества. Видишь ты дым этих адских кухонь?

И при этом он показывал на дым от пушечного пороха, стлавшийся над кораблями.

– Тебе никогда не приходилось видеть столько душ осужденных. И знаешь что? Посмотри, мой друг, эти души такие нежненькие, белокуренькие, такие деликатные, что ты сказал бы – это стигийская амврозия. Я уж подумал (да простит меня бог!), что это – английские души. И я думаю, что сегодня утром этот остров Коней, близ Шотландии, был со всеми англичанами, которые его захватили, опустошен и разграблен сеньорами де-Терм и Дассэ.

Брат Жан при его приближении почувствовал какой-то еще другой запах, кроме запаха пушечного пороха; поэтому он вытащил Панурга на открытое место и заметил, что вся рубашка его замарана от поноса. Сдерживающая сила нерва, который управлял мускулом, так называемым сфинктером (то есть кольцом заднего прохода), ослабела от сильного страха, явившегося результатом его фантастических видений, к которым присоединился грохот канонады, казавшийся в каютах гораздо страшнее, чем на палубе. Вообще одним из симптомов и проявлений страха следует считать то, что в таких случаях обыкновенно приоткрывается решетка серая, придерживающая до поры до времени фекальную материю.

Пример – господин Пантольф из Кассины, сиенец, который проезжал через Шамбери на почтовых и, сойдя у дома Винэ, зажиточного местного гражданина, взял у него из конюшни вилы, сказав ему по-итальянски:

«От самого Рима я не мог сходить. Возьми, пожалуйста, в руки эти вилы и испугай меня». Винэ сделал несколько выпадов вилами, – будто собираясь его ударить по-настоящему. Сиенец сказал ему: «Если ты не сделаешь по-другому, то не сделаешь ничего. Постарайся действовать поздоровее!»

Тогда Винэ нанес ему такой удар вилами между шеей и колетом, что сбросил его на землю ногами вверх. Смеясь во все горло, сказал ему он: «Вот это, ей-богу, называется «Datum Camberiaci»²⁷⁹!

И тут же сиенец снял штаны и сходил так обильно, как не сходить девяти буйволам и четырнадцати архиереям зараз! И еще долго благодарил хозяина, уверяя, что этой услугой тот приобрел в нем верного друга.

Другой пример – из жизни английского короля Эдуарда V. Когда мэтр Франсуа Вильон был изгнан из Франции, он удалился к Эдуарду. Король настолько приблизил его к себе, что ничего от него не скрывал из домашних мелочей.

Однажды король, находясь за приватным делом, показал Вильону картину, изображавшую французский герб, и сказал ему: «Видишь, какое уважение я питаю к твоим французским королям. Я их герб помещаю только в своем кабинете уединения, близ стульчака». – «Гос-

²⁷⁹ «Дано по-камберийски». Здесь намек на некоторые королевские указы, данные в городе Шамбери.

поди, – отвечал Вильон, – какой вы мудрый король, благоразумный, смысленый, как заботитесь о своем здоровье, и как хорошо вам служит ваш доктор медицины Томас Линасер²⁸⁰. Предвидя, что в старости, естественно, у вас будут запоры, и что ежедневно вам надобен будет аптекарь, я хочу сказать – клистир, иначе вы не сможете опорожняться, он очень удачно именно здесь, а не в другом месте, приказал нарисовать французский герб, благодаря своей особенной проницательности. Ведь только взглянув на него, вы приходите в такой ужас, что тотчас обдываетесь как восемнадцать простаков из Пэонии²⁸¹. Если бы картины такие были нарисованы где-нибудь в другом месте дворца: в спальне, в гостиной, в капелле, в галереях или другом месте, то, боже мой, вы испражнялись бы всюду, как только бы их увидели. И я думаю, что если бы у вас было здесь еще изображение великого французского знамени, то, при взгляде на него, у вас бы все внутренности вышли из живота».

Брат Жан, затыкая свой нос левой рукой, указательным пальцем правой показывал Пантагрюэлю на рубашку Панурга. Пантагрюэль, видя, что Панург так взволнован, испуган и дрожит без всякого повода, и к тому же обмарался и весь исцарапан когтями знаменитого кота Родилардуса, – не мог удержаться от смеха и сказал ему:

– Что вы хотите делать с этой кошкой?

– С этой кошкой? – сказал Панург. – Убей меня дьявол, я ведь думал, что это дьяволенок, весь в шерсти, которого я тайком зацепил чулком в адской квашне! К дьяволу дьявола! Он мне разодрал всю кожу.

И с этими словами он бросил кота на землю.

– Идите, – сказал Пантагрюэль, – ради бога, идите вымойтесь теплой водой, почиститесь, подправьтесь, наденьте чистую рубашку и переоденьтесь.

– Вы говорите, что я боюсь? – возразил Панург. – Ничуть! Да, ей-богу, я храбрее, чем был бы, если бы проглотил всех мух, что во всем Париже попадают в тесто за время от праздника святого Иоанна до праздника всех святых. Ха-ха-ха! Вы это называете поносом, навозом, испражнениями, экскрементами и как еще? А по-моему – это испанский шафран. Го-го-ги! Это – шафран из Иберии! Вот как! Выпьем!

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ И СКАЗАНИЙ БЛАГОРОДНОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ

²⁸⁰ Домашний врач королей Генриха VII и Генриха VIII (а не Эдуарда V, который вступил на престол в 1482 г., т. е. спустя 19 лет после изгнания Вильона). Раблэ заимствовал тему анекдота из рукописи XIII века, в которой место Вильона занимает жонглер Гуго Черный, а вместо герба Франции английский король вешал в известном месте портрет Филиппа Августа, которого боялся.

²⁸¹ Пэония – провинция в Македонии, приводившаяся у древних как типичный пример захолустья. Жители ее – наши «пошехонцы».

**ПЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА ГЕРОИЧЕСКИХ
ДЕЯНИЙ И СКАЗАНИЙ ДОБРОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ
СОЧИНЕНИЯ МЭТРА ФРАНСУА
РАБЛЭ, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ,
В КОТОРОЙ СОДЕРЖАТСЯ ПОСЕЩЕНИЯ
ОРАКУЛА БОЖЕСТВЕННОЙ БАКБЮК
И СЛОВО БУТЫЛКИ, ДЛЯ КОТОРОГО
БЫЛО ПРЕДПРИНЯТО ВСЕ ЭТО ДОЛГОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ, ВЫПУЩЕННОЕ В СВЕТ В 1564 Г**

ПРОЛОГ АВТОРА

В прологе Раблэ излагает свое предположение, что с течением времени многие книги будут заброшены, – из числа тех, что блистали приманчивой внешностью, но внутри были скучны и темны, как сочинения Гераклита, и непонятны, как числа Пифагора. Будет время – никто их и в руки не возьмет, их место займут пантагрюэльские книги, многоплодные, как стручья бобов.

ГЛАВА I. Как Пантагрюэль прибыл на Остров Звучащий, и о шуме, который мы слышали там

Продолжая наш путь, мы плыли три дня, ничего не открыв. На четвертый день мы заметили землю; нашим лоцманом нам было сказано, что это Остров Звучащий, и мы услышали звуки, доходившие до нас издали, частые и беспорядочные, – нам показалось, что это звонят колокола: большие, маленькие и средние – все вместе, как это бывает в Париже, в Туре, в Жержо, в Нанте, в Медоне и других местах в дни больших праздников. Чем более мы приближались, тем яснее слышали этот усиливающийся звон. Мы подозревали, что это Додона со своими гусями; или портик «Гептафон», что в Олимпии²⁸²; или вечные звуки от того колосса, который воздвигнут над гробницей Мемнона в египетских Фивах; либо же это шум и гам, что когда-то слышался вокруг некоего саркофага на острове Липаре, одном из Эолийских. Но местоположение не соответствовало ничему из этого.

– Я подозреваю, – сказал Пантагрюэль, – что это какой-нибудь пчелиный рой собирается упорхнуть по воздуху отсюда; чтобы созвать пчел обратно, вся округа принялась трезвонить в кастрюли, тазы, котлы и бить в корибантские²⁸³ кимвалы Кибелы, великой матери богов.

Послушаем!

Приблизившись еще, мы слышали среди непрерывного колокольного звона неустанное пение туземцев, как нам показалось. По этому случаю, прежде чем причалить к Острову Звучащему, Пантагрюэль задумал высадиться с нашей ладьи на маленькую скалу, вблизи которой мы заметили хижину с садиком вокруг. Там мы встретили маленького простака-отшельника, по имени Брагибюс, уроженца Гленэ, который снабдил нас всеми сведениями относительно трезвона и угостил на странный манер: он заставил нас четыре дня под ряд поститься, утверждая, что на Острове Звучащем иначе нас не примут, потому что это время – как раз пост четырех времен года.

– Никак не могу понять, – сказал Панург, – этой загадки. Скорее это время четырех ветров, – ведь, постясь, мы будем начинены только ветром... А что, кроме поста, другого время-

²⁸² Гептафон – греческое слово, означает по-русски – «семиголосные», «звучащие по семь голосов». Возможно, что так называлась в Олимпии (греческий город в Пелопоннесе, где происходили олимпийские игры) галерея, посвященная богине Эхо.

²⁸³ Корибанты – мифические предшественники жрецов матери богов Кибелы, отправлявшие ей богослужение в диком экстазе, с музыкой и плясками.

препровождения у вас нет? Мне кажется, что это очень скудно. Мы отлично обошлись бы без таких дворцовых праздников.

– В моем Донате²⁸⁴, – сказал брат Жан, – я нахожу только три времени: прошедшее, настоящее и будущее. А это, четвертое, должно быть, «на выпивку».

– Это, – сказал Эпистемон, – время аорист, сделавшееся из «прошедшего весьма несовершенного» греков и латинян временем «пестрымпрепестрым». Терпение, как говорят скареды!

– Это неизбежно, как я вам сказал, – подтвердил отшельник, – а кто перечит – тот еретик, и ему полагается только костер.

– Наверняка, отец, – сказал Панург, – будучи на море, я гораздо больше боюсь вымокнуть, чем согреться, и потонуть, чем сгореть.

«Хорошо, попостимся, бога ради! Но я уж так долго постился, что посты подточили всю мою плоть. Я очень боюсь, что в конце концов крепость тела моего придет в упадок. Еще другого я боюсь – это разгневать вас, когда я буду поститься: ведь я в этом ничего не понимаю; многие мне говорили, и я им верю, что я очень неуклюже это делаю. А от себя скажу: пост меня мало беспокоит – нет ничего легче и сподручнее. Гораздо больше меня донимает забота, как бы совсем не поститься в будущем, ибо тут ведь надо иметь и во что одеться, и что себе в мельницу положить. Будем же поститься, ради бога, раз уж мы попали сюда на эскуриальные²⁸⁵ торжества: давненько я их не видывал».

– Уж если надо поститься, – сказал Пантагрюэль, – то нет другого выхода, как поспешить с этим, как с плохой дорогой. Поэтому мне бы хотелось посмотреть мои бумаги и разобраться, так ли хороша морская наука, как сухопутная. Потому что Платон, желая дать описание глупого, невежественного, неискусного человека, сравнивает его с человеком, возросшим на море, на судне, как мы сказали бы о человеке, выросшем в бочонке и глядевшем лишь через дыру.

Пост наш был ужасен и очень страшен: первый день мы пропостились сломанными палками; второй – обломками шпаг и мечей; третий точеным железом; четвертый – огнем и кровью.» Таково было предписание фей.

²⁸⁴ Латинский грамматик IV в. нашей эры.

²⁸⁵ Эскуриальные – дворцовые.

ГЛАВА II. Как Остров Звучащий был населен ситицинами, которые стали птицами

Когда наш пост кончился, отшельник снабдил нас письмом, адресованным некоему Альбиану Камару, церковному сторожу Острова Звучащего. Это был славный старичок, лысый, с очень румяным, ярко-малиновым лицом. Он оказал нам очень хороший прием благодаря рекомендации отшельника, услышав, что мы попостились, как было об этом выше сказано.

Великолепно накормив нас, он изложил нам все особенности жизни на острове, при чем уверял, что сперва на нем обитали ситицины²⁸⁶, которые по прихоти природы (все на свете меняется) сделались птицами.

Тут я вполне уразумел все, что Аттий Капитон, Поллукс, Марцелл, Авл Геллий, Атений, Суидас, Аммоний и др. писали о ситицинах, и нам не показалось трудным поверить в превращения Никтимены, Прогнеи, Итис, Алкмены, Антигоны, Терей и других в птиц.

Стало у нас мало сомнений и относительно детей макробов, превращенных в лебедей, и относительно паллосцев из Фракии, которые внезапно, девять раз выкупавшись в Тритоновом болоте, превратились в птиц. Потом он ни о чем другом нам не рассказывал, кроме клеток и птиц. Клетки были большие, богатые, роскошные и изумительной архитектуры.

Птицы были большие, красивые и очень учтивы в обращении, похожие на моих соотечественников; они пили и ели как люди, облегалась как люди, глотали как люди, спали и спаривались как люди. Словом, с первого взгляда, увидев их, вы бы сказали, что это – люди; между тем они отнюдь не были людьми, согласно объяснениям почтенного старца, который уверял нас, что они не принадлежали ни к белому духовенству, ни к мирянам. Их оперение также приводило нас в смущение: у одних совсем белое; у других совсем черное; у иных совсем серое; у некоторых наполовину белое, наполовину черное; у иных совсем красное; у иных белое с синим; прекрасно было на них смотреть. Самцов он называл – клерго, монаго, претрего, аббего, эвего, карденго и, наконец, папего, который был единственный в своем роде²⁸⁷. Самок он называл – клержессами, монажессами, претрежессами, абежессами, эвежессами, папежессами. И совсем – говорил он нам – как у пчел, которых посещают трутни, ничего не делающие, но все едящие и портящие: так вот уже лет триста, не знаю как, к этим веселым птицам каждую пятую луну прилетает большое число «каго»²⁸⁸, которые опозорили и загадили весь остров; они так уродливы и чудовищны, что все их избегают. У всех у них шея на сторону, лапы мохнатые, когти и живот как у гарпий, а сзади они похожи на стимфалид²⁸⁹. Нет никакой возможности их искоренить: взамен одного умершего прилетает двадцать четыре новых.

Я тут пожелал второго Геркулеса²⁹⁰, потому что брат Жан, глаза на них, совсем одурел, а с Пантагрюэлем случилось то же, что с мессиром Приапом при созерцании им жертвоприношений Церере.

²⁸⁶ Ситицинами Раблэ называет певцов и музыкантов, играющих на похоронах.

²⁸⁷ Клерго – клирики, монаго – монахи, претрего – священники, аббего – аббаты, эвего – епископы, карденго – кардиналы, папего – папа.

²⁸⁸ Каго – ханжи.

²⁸⁹ Стимфалиды – хищные птицы, водившиеся, по преданию, у Стимфального озера в Греции, пожиравшие людей и своими перьями и пометом заглушавшие посеvy.

²⁹⁰ Геркулес покончил с гидрой, у которой взамен отрубленной головы выросло две новых.

ГЛАВА III. Как на Острове Звучащем есть только один папего

Тогда мы спросили у господина сторожа, почему, приняв во внимание размножение этих почтенных птиц во всех их разновидностях, папего имеется только один. Он нам отвечал, что таково первоначально установленное и роковое предназначение звезд; что клерго порождают претрего и монаго без плотского общения, как это делается среди пчел, от бычка, наряженного по способу Аристея; от претрего рождаются эвего, от тех – красавцы карденго, а карденго, если их не застигнет смерть, кончают в качестве папего... Папего обыкновенно только один, подобно тому как и в пчелиных роях бывает лишь один король, и в мире лишь одно солнце. Когда тот скончается, рождается на его место другой, один из всей массы карденго, – понятно, всегда без плотского совокупления. Так что в этой разновидности птиц существует вечно неделимое единство, единый представитель с непрерывной преемственностью, – точь-в-точь как аравийский феникс²⁹¹. Правда, что около двух тысяч шестисот шестидесяти лун назад в природе были произведены на свет два папего за раз, но это было самым большим бедствием из всех, когда-либо виденных на этом острове.

– Ибо, – говорил сторож, – все эти птицы так грабили здесь одни других и дрались за это время, что острову грозила опасность остаться без обитателей. Часть из них стали приверженцами одного и поддерживали его; часть же – другого и защищали этого другого. Часть из них стали немые, как рыбы, и никогда не пели, а часть вот этих колоколов, подвергшихся запрету, не позвонили ни разу. В течение этого смутного времени они призывали к себе на помощь императоров, королей, герцогов, маркизов, графов, баронов и мирские общины с континента и суши, и ересь эта и мятеж этот кончились только тогда, когда один из папего лишился жизни, и множество свелось вновь к единству.

Затем мы спросили, что побуждает этих птиц беспрестанно петь. Сторож нам отвечал, что это колокола, висящие над их клетками. Потом сказал нам:

– Не желаете ли, чтобы я заставил сейчас запеть этих монаго, – тех, что вы видите в плащах с капюшоном, как у лесных жаворонков?

– Пожалуйста! – ответили мы.

Тогда он позвонил в колокол всего шесть раз, и монаго – ну, сбегаться и петь!

– А если бы, – сказал Панург, – я позвонил в этот колокол, мог заставить бы я петь вот этих, у которых оперение цвета копченых сельдей?

– Да, тоже, – отвечал сторож.

Панург позвонил, и тотчас сбежались эти копченые птицы и запели вместе, но у них голоса были сильные и неприятные. Тогда сторож объяснил нам, что они живут только рыбой, как цапли и бакланы, и что это – дикая разновидность ханжей нового издания. Кроме того он прибавил, что ему сделал предупреждение Робер Вальбрэнг, который недавно проезжал из Африки мимо них, что скоро должна прилететь еще шестая разновидность, которых он назвал «капусенго», – унылее, безумнее и злее всех остальных разновидностей, обитающих на острове.

– Африка, – сказал Пантагрюэль, – обычно и постоянно производит на свет всякие новые и чудовищные предметы.

²⁹¹ Феникс – сказочная птица.

ГЛАВА IV. О том, что все птицы с Острова Звучащего – перелетные

– Но, – сказал Пантагрюэль, – вы изложили нам, что от карденго родится папего, и что карденго родятся от эвего, эвего же от претрего, а претрего от клерго, – я бы хотел услышать, откуда родятся у вас эти клерго?

– Все они, – сказал сторож, – птицы перелетные и прилетают к нам из другого мира. Часть – из большой удивительной страны, именуемой «Хлеба-нету», а часть – из другой, – что к западу, – именуемой «Слишком-много-их». Из этих двух областей ежегодно клерго перелетают к нам стаями, покидая отцов, матерей, всех друзей и родственников. Вот какой у них порядок: иной раз в каком-нибудь благородном доме этой последней страны появляется слишком много детей, будь то мужского или женского пола, и если бы всех их оделить наследством (чего хочет разум, приказывает природа и велит бог), то дом распался бы; по этой-то причине в таких случаях родители освобождаются от них, посылая на этот остров, даже если имеют обеспеченные доходы с острова Боссара.

– Это, – сказал Панург, – остров Бушар²⁹² у Шинона.

– Я говорю – Боссар²⁹³, – отвечал сторож. – Обычно ведь они горбатые, кривые, хромые, однорукые, подагрики, калеки, жалкие существа, бесполезно обременяющие землю.

– Это, – сказал Пантагрюэль, – обычай, совершенно противоположный соблюдавшимся в древности правилам посвящения девушек в весталки; как свидетельствует Лабен Антистий, правилами этими было запрещено посвящать в это звание девушек с каким бы то ни было пороком в душе, изъяном в органах чувств или хоть с единым пятнышком на теле, как бы ни было оно скрыто и ничтожно.

– Я изумляюсь, – продолжал сторож, – что тамошние матери носят их по девяти месяцев во чреве: ведь у себя в доме они не могут их вынести и вытерпеть и девяти, а чаще всего даже семи лет; они накидывают сверх одежды только одну рубашку, а на макушке головы вырезают не знаю сколько именно волос, произнося при этом какие-то заклинательные и умиловительные слова (как у египтян жрецы Изиды создавались благодаря каким-то льняным одежкам и бритью), и таким образом, видимо, открыто, явно, благодаря пифагорейской метемпсихозе²⁹⁴, без всяких ран и повреждений, делают их вот такими птицами, какими вы их видите сейчас перед собой. Во всяком случае, мои милые друзья я не знаю, что бы это могло быть, и

²⁹² Не остров, а известный своим ханжеством город во Франции.

²⁹³ От слова «la bosse» – «горб».

²⁹⁴ Учение о переселении душ (ныне признаваемое индусами, японцами, тибетцами, у древних греков его проповедывал Пифагор).

отчего происходит, что самки, будь то клержессы, монажессы или абежессы, поют не те милые, изящные строфы, которые было в обычае петь в честь Ормузда, по установлению Зороастра, но те проклятые и суровые, какие применялись для демона Аримана²⁹⁵. И постоянно проклиняют своих родственников и друзей, обративших их в птиц, – молодые и старые одинаково.

«Больше всего их приходит к нам из страны «Хлеба-нету», которая чрезвычайно обширна. Асафисы²⁹⁶, обитатели этой страны, когда им угрожает опасность мало приятной голодовки оттого, что им нечем питаться, и оттого, что они не умеют и не хотят ничего делать, – ни работать в каком-нибудь честном искусстве или ремесле, ни служить верою и правдою порядочным людям; и те, кто не мог насладиться любовью, кто не достиг намеченной цели и дошел до отчаяния; а также и те, кто злодейски совершил какое-нибудь преступление, и кого ищут, чтобы предать постыдной казни, – все они прилетают сюда: тут их жизнь обеспечена, и они внезапно становятся жирными, как сурки, – те, что раньше были тощи, как иголки; здесь они в полной, совершенной безопасности и неприкосновенности и на полной свободе».

– Но, – спросил Пантагрюэль, – раз сюда прилетев, возвращаются ли птицы когда-нибудь в тот мир, где они были высижены?

– Некоторые – да, – отвечал сторож, – прежде очень мало, и то с сожалением и неохотно. После же некоторых затмений их отлетела сразу большая куча, благодаря воздействию небесных созвездий. Это нас несколько не печалит, ибо и оставшихся более чем достаточно. Все они, перед тем как улетать, сбросили свое оперение в крапиву и репейник.

Мы, действительно, нашли там несколько оперений.

²⁹⁵ Ормузд – в древне-персидской религии – бог света и добра, Ариман – мрака и зла.

²⁹⁶ Асафисы – по-гречески – невежды.

ГЛАВА V. Как прожорливые птицы немы на Острове Звучащем

Не успел он окончить этих слов, как к нам слетелось двадцать пять или тридцать птиц – цвета и оперения, каких мы еще не видали на острове. Их перья ежечасно меняли цвет – как кожа хамелеона или как цветок трилистника и тевкриона. Все они имели под левым крылом знак, как будто кружок с двумя диаметрами или как бы перпендикулярно падающую к прямой линии другую прямую. Он у всех был почти что одной формы, но не у всех одного цвета: у одних он был белый, у других – зеленый, у иных – красный, фиолетовый и голубой.

– Кто это такие? – спросил Панург. – И как вы их называете?

– Они, – отвечал сторож, – метисы, ублюдки. Мы их называем обжорами, лакомками, – в вашем мире для них много богатых лакомств.

– Прошу вас, – сказал я, – заставьте их немного попеть, чтобы мы услышали их голос.

– Они не поют, – ответил он, – никогда, но зато они вдвойне питаются.

– Где же, – спросил я, – самки?

– У них вовсе нет таких, – отвечал он.

– Почему же они все покрыты коростой и изъедены венерической болезнью?

– Она, – сказал сторож, – свойственна этому роду птиц, благодаря флоту, который они иногда посещают.

Он сказал нам больше того:

– Поводом к их прибытию сюда, в ваше соседство, служило желание увидеть, нет ли между вами одного великолепного вида петухов – страшных хищных птиц, не идущих на приманку и не признающих перчатки ловчего; они говорят, что такие в вашем мире существуют, и из них одни носят на ногах подвязки, прекрасные и драгоценные, с надписью красивыми буквами: «Кто дурно об этом подумает, осужден на оплевание»²⁹⁷. Другие поверх своего оперения носят знаки торжества над дьяволом-клеветником²⁹⁸, а есть и такие, что носят баранью шкуру²⁹⁹.

– Господин сторож, – сказал Панург, – может быть, это и верно, но мы их совсем не знаем.

– Ну, – сказал сторож, – довольно говорить – пойдем пить.

– А есть? – спросил Панург.

– Есть, – сказал сторож, – значит, хорошо выпить. Нет ничего дороже и драгоценнее времени: используем же его на добрые дела.

Сначала он решил повести нас искупаться в банях карденго, прекрасных и доставляющих высокое наслаждение. По выходе из бани он хотел, чтобы алипты³⁰⁰ нас умастили драгоценными благовониями, но Пантагрюэль сказал ему, что и без этого он выпьет слишком достаточно. Поэтому сторож ввел нас в большую и усладительную трапезную и сказал нам:

– Я знаю, что отшельник Брагибюс заставил вас поститься четыре дня. Здесь вы будете, наоборот, четыре дня не переставая пить и есть.

– А будем ли мы в это время спать? – спросил Панург.

– Полная свобода, – отвечал сторож, – ибо кто спит – тот пьет.

Боже правый! Как мы пировали... О, великий, превосходный, порядочный человек!..

²⁹⁷ В подлиннике: d'être tout conchié (непристойность). Исторически, основывая орден «Подвязки», английский король произнес другую фразу: «Nonni soit, qui mal у pense» – «Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает».

²⁹⁸ Орден рыцарей св. Михаила, с изображением святого, поражающего дьявола.

²⁹⁹ Орден «Золотого Руна».

³⁰⁰ Алипты – лица, которые натирали маслом атлетов перед борьбой.

ГЛАВА VI. Как питались птицы Острова Звучащего

Пантагрюэль опечалился в лице: казалось, он не доволен четырехдневным времяпрепровождением, которое нам было назначено. Сторож заметил это и сказал:

– Государь, вы знаете, что семь дней до и семь дней после тумана никогда не бывает на море бури. Это происходит оттого, что стихии благосклонны к ласточкам, – птицам, посвященным Фетиде, – которые в это время высиживают на берегу своих птенцов. Здесь море мстит за свое долгое спокойствие и четыре дня не перестает ужасно бушевать, когда сюда прибывают какие-нибудь путешественники. Мы полагаем, что причина та, чтобы в течение этого времени, пока необходимость вынуждает их пребывать здесь, они могли хорошо угоститься на доходы от колокольного звона. Однако не считайте, что время тут будет праздно потеряно. Сверхъестественная сила удержит вас здесь, если вы не хотите бороться с Юноной, Нептуном, Дорисом, Эолом и всеми Вейовами: поторопитесь только хорошенько угоститься.

После первых закусок брат Жан спросил у сторожа:

– На этом острове у вас только клетки да птицы. Они не занимаются земледелием, не обрабатывают земли. Все их занятие – прыгать, щебетать и петь. Из каких краев доходит к вам этот рог изобилия и такое множество благ земных и лакомых кусков?

– Отовсюду с того света, – отвечал сторож, – за исключением лишь нескольких областей воздушного царства, которые несколько лет тому назад взволновали Камаринскую топь.

– Пест!.. – сказал брат Жан. – Они раскаются – тили-бом, они раскаются – бим-бом!.. Выпьем, друзья!

– А из какой страны вы сами? – спросил сторож.

– Из Турени, – отвечал Панург.

– В самом деле, – сказал сторож, – вы, значит, не дурной высижены сорокой, раз вы из благословенной Турени. Из Турени ежегодно к нам прибывает так много всякого добра, что местные жители, как-то проезжая здесь, сказали нам, что герцогу Туренскому всех его доходов не хватает на то, чтобы поесть досыта, – из-за чрезмерной щедрости, Которую оказывали его предшественники этим святейшим птицам, чтобы здесь угощать нас досыта фазанами, куропатками, рябчиками, индийскими пулярдками, жирными лудунскими каплунами, дичью всех сортов и всех сортов живностью. Выпьем, друзья! Посмотрите, на этот нашест с птицами: как все они жирны и выхолены благодаря доходам, что нам идут оттуда; потому они так хорошо и поют за них! Вы никогда не видали соловьев, которые лучше бы пели, чем они, когда они видят эти два золоченых жезла.

– Это, – сказал брат Жан, – праздник жезлов.

– Или когда я им звоню в эти большие колокола, что, видите, висят вокруг их клеток. Выпьем, друзья! Сегодня прекрасно выпить, впрочем – и всякий день это хорошо! Выпьем! Я пью от полноты сердца за вас. Добро пожаловать!

«Не бойтесь, что вина и еды не хватит: даже если бы небо стало медным, а земля железной, – и тогда у нас недостатка в припасах не было бы, будь это на семь, а то и на восемь лет дольше, чем продолжался голод в Египте. Выпьем же вместе в добром согласии и любви!»

– Дьявол! – воскликнул Панург. – Хорошо вам на этом свете живется!

– А на том свете, – отвечал сторож, – еще много лучше нам будет. Елисейские Поля от нас никак не уйдут. Выпьем, друзья! Пью за вас всех.

– То был дух, – сказал я, – совершенный и божественный, побудивший ваших первых ситицинов изобрести такое средство, благодаря которому у вас имеется все, к чему род человеческий стремится по своей природе, и что мало кому из людей, а собственно говоря – никому, не предоставляется. Это – рай и в этой жизни и в будущей! О счастливые люди! О полубоги! Да будет угодно небу, чтобы и мне было так же!

ГЛАВА VII. Как Панург рассказывает церковному сторожу притчу о жеребце и осле

Когда мы хорошо выпили и закусили, сторож отвел нас в комнату, хорошо убранную, с коврами и портьерами, всю золоченую. Туда он велел для нас принести много миробаланов³⁰¹, мятных стеблей, вареного зеленого имбиря, вдоволь глинтвейна и чудесного вина. И приглашал нас, пользуясь этими противоядиями, как питьем из реки Леты, предать забвению и небрежению тяжелые испытания, перенесенные нами на море. На наши корабли, которые вошли в гавань, он велел доставить в изобилии съестных припасов. Так мы отдыхали эту ночь, но я не мог спать из-за непрерывного трезвона колоколов. В полночь церковный сторож разбудил нас, чтобы выпить. Сам он выпил первый, сказав:

– Вы, жители того света, говорите, что невежество – мать всех зол, и вы говорите правду; но, тем не менее, вы не изгоняете его из своих умов и живете в нем, с ним и через него. Вот почему изо дня в день вас удручает столько зол; всегда вы жалуетесь, всегда плачете и никогда не удовлетворяетесь жизнью; теперь я это вижу. Ибо невежество держит вас сейчас на одрах ваших прикованными к ним, как был прикован искусством Вулкана бог войны; и вы не понимаете, что долг ваш – в том, чтобы беречь свой сон и отнюдь не беречь блага этого преславного острова. Вы должны бы были уже трижды поесть; берите пример с меня: чтобы поесть припасы Острова Звучащего, надо подниматься очень рано – когда их пни умножаются: когда их берегут – они уменьшаются. Косите луг вовремя, и трава вырастет на нем еще гуще и лучшего качества; а не будете его косить, через несколько времени он весь зарастет мохом. Выпьем, друзья, выпьем все вместе! Самые тощие из наших птиц поют теперь нам. Выпьем за них, пожалуйста. Выпьем! Милости прошу! От этого вы только лучше отхаркнете. Выпьем раз, другой, третий, девять раз выпьем, – *non cibus, sed charitas*³⁰².

Чуть занялся день, он опять разбудил нас – есть суп из овощей. После мы только и делали, что ели, и еда продолжалась весь день, и мы не знали, обед ли это или ужин, закуска или завтрак. Только для прогулки мы прошли несколько раз по острову – посмотреть и послушать веселое пение этих благословенных птиц.

Вечером Панург сказал церковному сторожу:

– Милостивый государь, не будет вам неприятно, если я вам расскажу веселую историю, случившуюся в стране Шастельрода двадцать три луны тому назад? Конюх одного дворянина как-то в апреле проваживал утром его больших лошадей по полю. Он повстречал там веселую пастушку, сторожившую в тени кусточка своих овец, а с ними осла и несколько коз.

«Заговорив с ней, он убедил ее сесть сзади него на лошадь – посетить его конюшню, а там разделить с ним его деревенское угощение. Пока они беседовали друг с другом, лошадь обратилась к ослу и сказала ему на ухо (ибо животные весь тот год разговаривали в разных местах):

«– Бедный, жалкий ослик, я жалею тебя и чувствую к тебе сострадание. День-денской ты трудишься, – я уж это вижу по тому, как протерт у тебя ремешок под хвостом. Это хорошо, потому что бог создал тебя на службу роду человеческому. Ты – порядочный ослик. Но то, что ты, как я вижу, плохо вычищен, выскоблен, покрыт и накормлен, – это мне кажется немного деспотическим и за пределами справедливого. Ты весь взъерошен, заморен, истощен, ешь только тростник, грубые шипы и жесткий чертополох. Вот почему, ослик, я приглашаю тебя пойти со мной твоей рысцой и посмотреть, как ухаживают за нами и как кормят нас, которых природа произвела для войны.

³⁰¹ Сушеный индийский фрукт.

³⁰² «Не пища, а милость».

«– Ну, что же, – отвечал осел, – я пойду очень охотно, господин конь.

«– Для тебя я, – сказал тот, – господин жеребец, – знай, осел!

«– Извините, – отвечал осел, – извините, господин жеребец, мы так неотесаны в языке, так плохо обучены, мы – деревенщина и мужики. Кстати, я вам охотно буду повиноваться, последую за вами издали из боязни побоев (у меня вся кожа истыкана), – раз уж вам угодно было оказать мне такую честь.

«Когда пастушка села на лошадь, осел последовал за последней, в твердом намерении хорошенько поесть, дойдя до квартиры. Конюх заметил его и приказал конюшенным мальчикам встретить его вилами и угостить палками. Осел, слыша эту речь, поручил себя богу Нептуну и начал весьма поспешно удирать с поля битвы, думая про себя и умозаклячая: «Он говорит правильно: не по моему положению ходить по дворам знатных вельмож, – природа меня произвела на свет лишь для помощи бедным людям. Эзоп достаточно наставил меня одной своей притчей. Это было заносчиво с моей стороны; иного средства нет, как удирать отсюда – и, скажу, скорее, чем спаржа сварится...»

«И осел – бежать: Рысью, скоком и в галоп!..

«Пастушка, видя, как осел удаляется, сказала конюху, что это ее осел, и попросила, чтобы с ним хорошо обращались; иначе она уйдет, не войдя к нему. Тогда конюх приказал лучше не давать овса лошадям целую неделю, чем не накормить осла до-отвалу. Гораздо хуже было с тем, чтобы звать его обратно. Слуги напрасно ласково звали его:

«– Тпр!.. Тпрр!.. Ослик, тпрр, тпрр, ослик! Эй!

«– Не пойду, – сказал осел, – мне стыдно.

«Чем ласковее его звали, тем упрямее он брыкался. И до сих пор они были бы на том же месте, если бы пастушка не научила их потрясти высоко в воздухе решето с овсом и позвать его. Так и сделали. И осел вдруг повернулся и сказал:

«– Овес? Ладно, идет! Но только не вилы, говорю я.

«Таким образом он сдался им, мелодично напевая... Вы ведь знаете, как приятно слушать голос и музыку этих аркадийских животных!

«Как только он пришел, его поставили в конюшню рядом с большим конем; он был вычищен, выскоблен, ему положили свежей подстилки до самого живота и полные ясли сена, полную кормушку овса... Когда конюшенные мальчики просевали овес, он стал двигать ушами, как бы объясняя им, что он съел бы овес в лучшем виде и не просеянный, и что такой чести он недостоин.

«Когда оба хорошо поели, конь спросил осла:

«– Ну вот, бедняжка осел, как ты себя чувствуешь, как тебе нравится такой уход? А ты еще не хотел идти! Что ты об этом скажешь?

«– Клянусь фигой, – отвечал осел, – которую ел один из наших предков, отчего умер от смеха Филемон, – вот где утеха, господин жеребец! Впрочем, что я? Это ведь только угощения. Балуетесь ли вы с ослицами когда-нибудь, вы, господа кони?

«– О каких ослицах говоришь ты мне, осел? – спросил конь. – У тебя заушница. Не за осла ли ты меня принимаешь?

«– Ха-ха-ха! – отвечал осел. – Я немного груб, чтобы научиться конскому придворному языку. Я спрашиваю: жеребятничаете ли вы когда с кобылицами, вы, господа жеребцы?

«– Говори тише, осел! – сказала лошадь. – Если конюхи услышат, они так густо истычут тебя вилами, что у тебя пропадет всякая охота думать об ослицах. Мы даже подумать об этом боимся. Зато в остальном обеспечены как короли.

– Клянусь своей подругой, – сказал осел, – не надо мне в таком случае ни твоей подстилки, ни сена твоего, ни овса. Да здравствует репейник в поле, потому что там можно вдоволь любиться. Меньше есть и всегда любить – вот мой девиз. Это для нас и сено и корм. О госпо-

дин жеребец, мой друг! Если бы ты видел нас на ярмарке, когда собирается наш деревенский капитул! Как мы там балуемся вволю, пока наши хозяйки торгуют своим луком и цыплятами!

«На этом они расстались.

«Я сказал».

Панург замолчал и более не произнес ни слова. Пантагрюэль стал убеждать его закончить речь. Но сторож возразил:

– Для хорошего слушателя довольно и одного слова; я очень хорошо понимаю, что вы хотите оказать и на что намекаете этой притчей про села и лошадь; но вы бесстыдник. И знайте, что здесь для вас нет ничего, и не говорите об этом больше.

– Да, если бы я, – сказал Панург, – не увидел недавно одной абежессы с белыми перышками, на которой с большим удовольствием я бы поехал, чем ее в поводу повел. И если другие здесь птицы неважные, так она мне показалась птичкой хоть куда. Я хочу сказать – такой хорошенькой да славненькой, стоящей того, чтобы согрешить разок-другой. Впрочем – господи прости! – я ничего дурного не думаю. То дурное, о чем я думаю, может внезапно случиться со мной.

ГЛАВА VIII. Как нам с великими трудностями был показан папего

Третий день продолжался в праздновании и в таких же пирах, как и два предыдущих. В этот день Пантагрюэль выразил настойчивое желание увидеть папего; однако сторож ответил, что он не так-то легко допускал себя видеть.

– Что же, – сказал Пантагрюэль, – у него Плутонув шлем на голове, на когтях кольцо Гигеи, или на груди хамелеон, что он делается невидимым для мира?

– Нет, – отвечал сторож, – но к нему затруднен доступ самою природою. Я во всяком случае распорядюсь, чтобы вы его могли увидеть, когда это будет возможно.

После этих слов он оставил нас на месте доедать обед. Вернувшись спустя четверть часа, он сказал нам, что сейчас папего можно видеть. И повел нас – украдкой и втихомолку – прямо к клетке, в которой тот сидел в компании двух маленьких карденго и шести больших жирных эвего. Панург с любопытством разглядывал его наружность, движения, манеру себя держать. А потом крикнул громким голосом:

– Что за животное, будь ему неладно! Кажется, он глуп!

– Говорите тише, – сказал сторож, – ради бога! У него есть уши, как мудро заметил Михаил де-Матискон³⁰³.

– А если он глуп?

– Если он услышит, что вы злословите, – вы погибли, добрые люди! Видите там, в его клетке, водоем? Оттуда сейчас же выйдут гром и молния, гроза, буря и черти; и вы в один миг будете погружены на сто футов под землю.

– Лучше было бы, – сказал брат Жан, пить и пировать!

Панург оставался в упорном созерцании папего и его компании, когда заметил под его клеткой маленькую совушку. Тогда он закричал:

– Клянусь божьей благодатью, нас тут хорошо обкурили и плохо снарядили. В этом месте хватит за глаза курева да обдуривания. Взгляните-ка на эту совушку: мы тут богом убиты.

– Говорите тише, ради бога! – сказал сторож. – Это вовсе не совушка: это – самец, это – благородный сыч.

– Но вот что, – сказал Пантагрюэль, – заставьте-ка спеть для нас немного этого папего, чтобы мы услышали его гармонию.

– Он поет, – отвечал сторож, – только в свои дни, а ест только в свои часы.

– Я не так делаю, – сказал Панург, – все часы – мои. Поэтому пойдем выпьем хорошенько.

– Вы, – сказал сторож, – правильно сейчас говорите, и, говоря так, вы никогда не будете еретиком. Идем, я того же мнения.

Возвращаясь к выпивке, мы заметили старого эвего с зеленой мовой, на корточках, в компании приказного и трех подьячих, – веселые гички!

³⁰³ Вероятно, епископ города Макона, с которым Раблэ был в Риме в 1536 г.

Он храпел под зеленью. Рядом с ним находилась хорошенькая ежесса; она весело распевала, и от ее пения мы получили такое большое удовольствие, что нам захотелось иметь все наши органы превращенными в уши, чтобы ничего не потерять из ее пения и, ничем не отвлекаясь, ее слушать. Панург сказал:

– Эта прекрасная абежесса уже из сил выбивается, чтобы петь, этот толстый мужлан эвего храпит в это время. Я заставлю его попеть, дьявол поберет!

И он позвонил в колокол, который висел над клеткой эвего; но он ни звонил, эвего храпел еще пуще и все-таки не пел.

– Ради бога, – сказал Панург, – у-у, старый дурак! Я заставлю его запеть по-другому!

И он взял толстый камень и хотел его ударить.

Но сторож воскликнул:

– Бей, милый человек, бей, рази, убивай, умерщвляй всех королей и князей на свете, – изменой, ядом, каким хочешь другим способом; они всех ангелов с небес, – за все получишь прощение от папего; не тронь этих священных птиц, если тебе дорога жизнь, как твои собственные, так и твоих родных и друзей, живых и умерших! Даже те, которые после произойдут на свет, и те будут несчастливы. Посмотри хорошенько на этот водоем.

– Стало быть, лучше, – сказал Панург, – выпивать и пировать вдоволь.

– Он хорошо говорит, господин сторож, – сказал брат Жан при виде этих дьявольских птиц мы только и делаем, что кощунствуем, опустошая же ваши бутылки и кувшины, мы только славим бога. Поэтому пойдем выпьем как следует. О прекрасные слова!

На третий день, после выпивки (как вы сами понимаете), сторож с нами распрощался. Мы ему подарили прекрасный нож, который он принял с большим удовольствием, чем Артаксеркс³⁰⁴ стакан холодной воды, предложенный ему крестьянином. Он учтиво поблагодарил нас, послал к нам на суда всяких свежих запасов, пожелал нам доброго пути и возвращения, достижения личного спасения и цели нашего предприятия и заставил нас обещать и поклясться юпитером-камнем, что наш обратный путь опять пройдет через его земли.

³⁰⁴ Артаксеркс, Царь персидский, один из трех этого имени. О каком эпизоде говорит Раблэ, трудно угадать.

ГЛАВА IX. Как мы пристали к Острову Железных Изделий

Следующий остров, посещенный путниками, был Островом Железных Изделий. Вместо травы там росли пики, стрелы, аллебарды и т. п. А на деревьях над ними висели кинжалы, дротики, ножи, а также щипцы, клещи, серпы и другие железные изделия. Когда трава дорастала до дерева, последнее надевало на нее заготовленное деревом украшение – железный наконечник. Такой наконечник не всегда соответствовал подрастающей траве. Иной раз пика втыкалась в метлу, – и ей приходилось лазить и чистить трубы. Аллебарда получала лезвие косы и годилась для косца.

На этом острове с путниками ничего не случилось. Комментаторы Раблэ объясняют эту главу как аллегорическое изображение брака.

ГЛАВА X. Как Пантагрюэль прибыл на остров Кассаду

На следующем острове была такая тощая земля, что кости (т. е. скалы) протыкали ее кожу: песчаная, бесплодная, нездоровая и неприятная земля.

«Кассада» – испорченное итальянское «каччиата» – вид игры в трик-трак. Этот остров был островом мошенничеств, плутней всякого рода: там стоял замок чертей Азарта, которые носили названия различных предметов и выражений из игр. Вокруг скал этого острова произошло больше крушений, чем между Харибдой и Сциллой и в любой другой морской пучине. Тут же хранился и святой Грааль, «божественная и мало кому известная вещь».

Панург настоял, чтобы местные синдики показали им эту святыню. После пышнейших церемоний «нам показали морду жареного кролика».

ГЛАВА XI. Как мы проплыли мимо застенка, где обитает Грипмино, эрцгерцог Пушистых Котов

Через несколько дней, не раз подвергаясь опасности кораблекрушения, мы проплыли мимо Острова Осуждения, – другой совершенно пустынный остров; также мы прошли Остров-Застенок, на который Пантагрюэль не захотел сойти – и очень хорошо сделал.

Ибо там мы были арестованы и посажены в заключение, по приказу Грипмино, эрцгерцога Пушистых Котов³⁰⁵, – за то, что один из нашей братии захотел продать полицейскому шляпы с острова Кассады и, проходя мимо судилища, побил одного кляузника.

Пушистые Коты – животные очень страшные и ужасные: они питаются маленькими детьми и едят на мраморных камнях. У них шерсть на коже растет не наружу, но внутрь; всякий и каждый из них носит вместо символа и девиза раскрытый кошель, но не все на один лад: некоторые носят его привязанным к шее вместо шарфа; другие – на зад; иные – на брюхе; иные – на боку. И все это имеет свои тайные основания. У них когти такие крепкие, длинные и заостренные, что ничто не вырвется из них, раз будет ими захвачено. Некоторые надевают себе на голову колпаки с четырьмя желобками или гульфиками, или с отворотами; иные носят бархатные шапочки.

Когда мы входили в их тайник, нищий с паперти, которому мы дали полтестона, сказал нам следующее:

– Дай вам бог, милые люди, поскорее отсюда выйти и невредимыми: посмотрите хорошенько на выражение этих столпов, поддерживающих своды грипминодского правосудия. И те, что, если вы проживете еще шесть олимпиад и два собачьих века вы увидите этих Пушистых Котов властителями всех что ни на есть имений и богатств, – если только внезапно в их потомстве, вследствие божественной кары, не погибнут имущество и доходы, которые они неправо стяжали, – помяните слово добропорядочного нищего! Среди них царствует Сektэссенция, при помощи коей они все хватают, все пожирают и на все гадят; вешают, жгут, четвертуют, обезглавливают, умерщвляют, сажают в тюрьмы, разрушают и губят все без разбору – доброе и худое. Среди них порок называется добродетелью, злость прозывается добротой, измена носит имя верности, кража наименована щедростью. Грабеж – их девиз; произведенный ими грабеж признается благом всем родом человеческим, за исключением еретиков. И все это они делают с верховным и несокрушимым авторитетом. В знамение верности моего предвещания заметьте, что ясли у них стоят выше кормушек. Когда-нибудь вспомните об этом. И если когда-либо в мир придут чума, голод или война, вихри, землетрясения, пожары или другие напасти, – не приписывайте, не относите их на счет неблагоприятного расположения планет, или злоупотреблений римской курии, или тирании королей и князей земных, или обмана святош, еретиков и лжепророков, или коварства ростовщиков и фальшивомонетчиков, или невежества, бесстыдства и безрассудства врачей, хирургов, аптекарей, или развратности любодейных жен, жриц Венеры и детоубийц. Приписывайте все той огромной, несказанной, невероятной, неизмеримой злобе, которая беспрестанно куется и выделяется в горнах этих Пушистых Котов и которая известна миру не больше, чем еврейская каббала, – вот почему ее не ненавидят, не поправляют и не наказывают, как это было бы справедливо. Но если когда-нибудь она была обнаружена и обличена перед народом, то не было ни такого красноречивого оратора, который мог бы своим искусством поддержать их, ни такого сурового и драконовского закона, который страхом наказания охранил бы их; ни такого могущественного начальника, который силою помешал бы свирепо сжечь их всех живыми в их норе. Их собственные дети, Пушистые Котята,

³⁰⁵ Глава эта представляет собой сатиру на старинный суд.

и прочие девственники почувствовали бы к ним ужас и отвращение, Вот почему, так же как Ганнибал от своего отца Гамилькара под торжественной и священной присягой получил приказание преследовать римлян, пока он будет жив, так и я получил от покойного моего отца приказание быть здесь до тех пор, пока не падет на них молния с неба и не обратит их в прах, как вторых Титанов, богохульников и богоборцев, потому что у всех людей до такой степени очерствели сердца, что когда среди них появилось или готово появиться зло, – они не замечают, не чувствуют, не предвидят его издали, или же, чувствуя, не дерзают и не хотят или не могут искоренить его.

– Так! – сказал Панург, – ого! Нет, нет, ей-богу, я туда не пойду. Вернемся, говорю, вернемся, ради бога!

Сему бродяге так я поразился,
Как если б в зиму гром вдруг разразился...

Когда мы обернулись, то нашли дверь запертой, и нам было сказано, что туда войти легко, как в Аверн³⁰⁶, но что выйти оттуда составляет затруднение, и что мы бы не могли выйти никоим образом без пропуска и разрешения «присутствия», на том одном основании, что с ярмарки не уходят как с базара, и что у нас запыленные ноги. Хуже всего было тогда, когда мы прошли через калитку, ибо мы были представлены (чтобы получить пропуск или разрешение) безобразнейшему из всех когда-либо описанных чудовищ. Его называли Грипмино. Я не сумею вам лучше сравнить его, чем с Химерой, или Сфинксом, или Цербером, или с изображением Озириса, как его изображали египтяне: с тремя головами, а именно – рычащего льва, лающей собаки и волка, разевающего пасть; эти головы обвиты змеем-драконом, кусающим свой хвост, и вокруг них сияет нимб из лучей. Руки его полны крови; когти – как у гарпии; морда – с вороньим клювом; зубы – четырехлетнего кабана; глаза – пылающие, как глаза адской пасти; и весь он покрыт ступками и пестиками, – были видны одни только когти. Седалищем для него и всех его подручных сторожевых Котов служили длинные, совсем новые ясли, сверху которых были расставлены весьма обширные и красивые кормушки, как нас и предупреждал нищий. Подле главного седалища находилось изображение старой женщины, державшей в правой руке лезвие серпа, в левой же весы, и с очками на носу. Чашами весов были две бархатные сумки, – одна была полна монет и свисала вниз, другая же – пустая – высоко поднималась. Я – того мнения, что это было изображение грипминодского правосудия, весьма несходное с установленным у древних фиванцев, которые своим вершителям правосудия, после их смерти, воздвигали статуи из золота и серебра, смотря по их заслугам, либо же из мрамора, но без рук.

Когда мы предстали пред ним, уж не знаю какие люди, совсем закрытые одеждой из сумок и мешков и больших кусков всяких писем, велели нам сесть на скамью подсудимых. Панург сказал:

– Друзья мои, конопатчики, мне и на ногах слишком хорошо; а скамья ваша уж чересчур низка для человека в новых штанах и коротком камзоле.

– Садитесь сюда, – отвечали они, – и чтобы больше вам этого не повторять. Сейчас земля разверзнется и поглотит вас живьем, если вы собьетесь в ответах.

³⁰⁶ Аверн – озеро в Италии, близ Неаполя, напускающее удушливые испарения. По сказаниям древних поэтов, здесь был вход в ад; отсюда и ад стали называть Аверном.

ГЛАВА XII. Как Грипмино предложил нам загадку

Когда мы уселись, Грипмино, посреди своих Пушистых Котов, сказал нам яростным и хриплым голосом:

– Так, так, так, именно так³⁰⁷.

– Выпить бы, выпить, вот это будет так, – сказал Панург сквозь зубы.

Безмужняя блондинка безобидно
Когда-то эфиопа зачала;
Она его без боли родила,
Хоть выползал он как змея-ехидна:
Он матери (неслышно и невидно)
От нетерпенья выгрыз целый бок;
И но горам, и по долам в свой срок
Стал двигаться, и в воздухе носиться...
Мудрец не мог на то не подивиться,
Как вырос «человеческий зверок».

– Именно так, отвечай мне, – сказал Грипмино, – реши эту загадку и угадай нам сейчас, что это такое, именно так.

– Так, ей-богу же, – отвечал я, – если бы у меня в доме был сфинкс, как, ей-богу, был он у Верреса, одного из ваших предшественников, – так, ей-богу, я мог бы решить загадку; но, конечно, меня там не было, и я, ей-богу, не повинен в этом деле.

– Так, так, – сказал Грипмино, – клянусь Стиксом, – потому что не хочу сказать другого, – именно так, я тебе докажу, именно так, что лучше бы тебе было попасть в лапы Люцифера, именно так, и всех чертей, именно так, чем в наши когти, именно так. Ты их хорошо видишь? Именно так, ты, болван, ссылаешься на свою невинность, именно так, как на вещь достойную, чтобы избежать наших пыток? Именно так, наши законы как паутины, именно так; простые мушки и маленькие бабочки попадают в них, именно так; большие зловредные оводы их прорывают насквозь, именно так. Подобным образом и мы не ищем крупных разбойников и тиранов, именно так: их слишком трудно переваривать, именно так, и они нас одурачили бы, именно так.

Черт большой, именно так, пропоет вам литию, именно так.

Брат Жан, которому надоели рассуждения Грипмино, сказал:

– Эй, господин черт в юбке, как хочешь ты, чтобы он отвечал за этот случай, которого он не знает? Не удовлетворишься ли ты правдой?

– Именно так, – сказал Грипмино, – еще не бывало за время моего царствования, именно так, чтобы кто-нибудь здесь заговаривал прежде, чем его спросят. Кто спустил с цепи этого бешеного дурака?

– Ты солгал, пес, – сказал брат Жан, не разжимая губ.

– Именно так, когда твоя очередь будет отвечать, – именно так, тебе дела будет достаточно, именно так.

– Негодяй, ты солгал, – говорил брат Жан, не шевеля губами.

– Ты думаешь, что ты в своем академическом лесу, именно так, со своими бездельниками-охотниками и искателями истины? Именно так, у нас здесь есть другие дела, именно так: здесь отвечают, говорю я, именно так, категорически о том, чего не знают. Именно так,

³⁰⁷ Непереводимая игра слов. «Огса» значит: «так», «именно так» и «золото сюда».

сознаются в том, что сделали то, именно так, чего никогда не делали. Именно так, именно так, утверждают, что знают то, чему никогда не учились. Именно так, именно так, здесь ошпилют гуся, не давая ему кричать. Именно так, ты говоришь, не имея полномочий. Именно так, я хорошо это вижу; именно так, лихорадка тебя заберит; именно так, венчайся с ней!

– Вот-то дьяволы, – закричал брат Жан, – архидьяволы, протодьяволы, пантодьяволы, – ты, значит, хочешь женить монахов! О-го-го! Я считаю тебя еретиком!

ГЛАВА XIII. Как Панург объясняет загадку Грипмино

Грипмино, как будто не слыша этой речи, обратился к Панургу, сказав:

– Именно так, именно так, именно так, а ты, спесивец, ничего не хочешь сказать об этом?

Панург ответил:

– Вот именно, черт побери, я вижу ясно, что здесь чума на нас запала, именно, черт побери: в виду того, что невинность здесь в безопасности, и дьявол здесь служит обедню, именно, черт побери! Прошу вас, я расплачусь за всех, именно, черт побери, и вы нас отпустите. Не могу больше, именно, черт побери!

– Отпустить? – сказал Грипмино. – Именно так, уже лет триста как не бывало, именно так, чтобы кто-нибудь ускользал отсюда, не оставив здесь шерсти, именно так, а чаще всего даже шкуры, именно так! В чем дело? Именно так, это значило бы, что ты тут несправедливо у нас задержан, именно так, и что с тобой поступили несправедливо, именно так! Несчастный ты человек, именно так; и еще несчастнее будешь, если не ответишь на заданную загадку, именно так, что она значит, именно так, именно так.

– А это, именно, черт побери, – отвечал Панург, – это – черный червяк, рожденный из белого боба, именно, черт побери, через дыру, которую он в нем прогрыз, именно, черт побери, который то летает, то ползает по земле, именно, черт побери; потом, по мнению Пифагора, первого любителя мудрости (по-гречески – «философа»), именно, черт побери, посредством метемпсихозы получил кроме того человеческую душу, именно, черт побери! Если бы вы были людьми, именно, черт побери, то после вашей злосчастной смерти, по его мнению, ваши души войдут в тела червей, потому что в той жизни вы грызете и жрете все, а в другой вы будете грызть утробы собственных матерей, именно, черт побери!

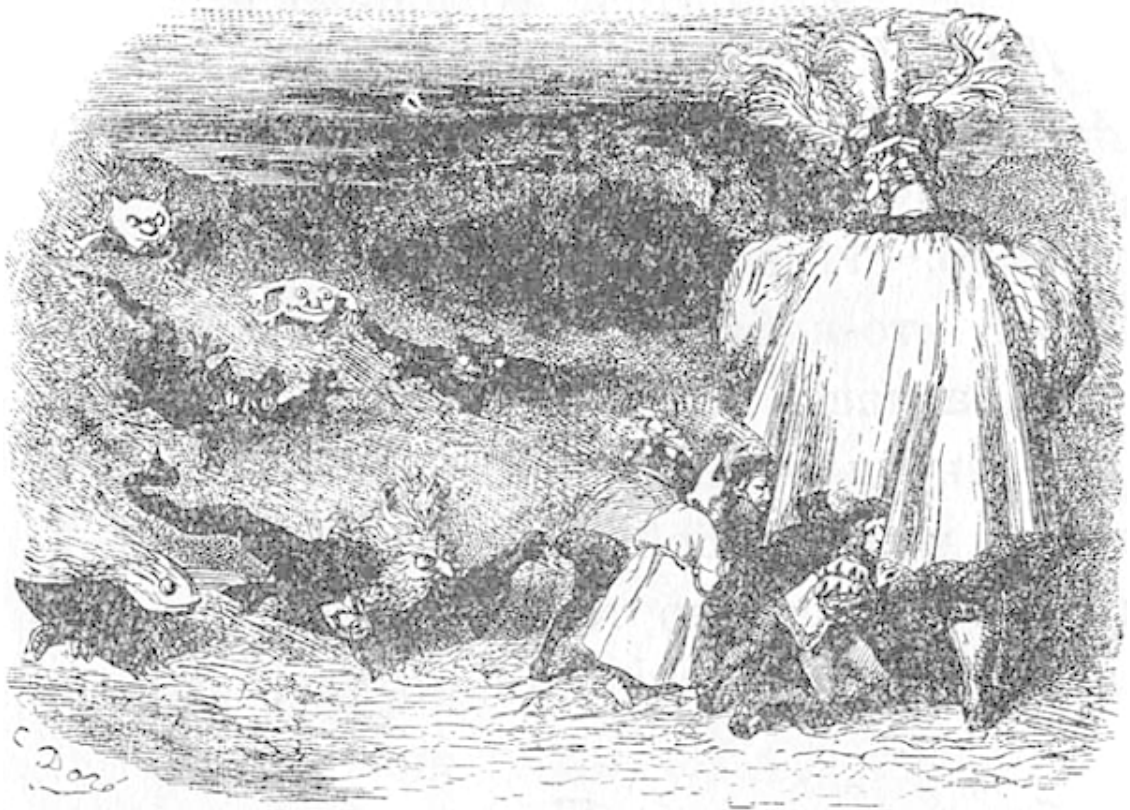
– Ей-богу, – сказал брат Жан, – от всего сердца желал бы я, чтобы задница моя стала бобом и дыру прогрызли эти черти.

После этих слов Панург бросил на середину паркета толстый кожаный кошелек, наполненный «экою с солнцем». При звоне кошелька все Пушистые Коты стали играть на когтях, как на скрипках без гримов. И закричали все за раз громким голосами:

– Это – лакомство; процесс был славный, лакомый и хорошо приправленный; это – порядочные люди.

– Это – Мидас, это – золото, – сказал Панург, – вот эти «экою с солнцем».

– Суд, – сказал Грипмино, – суд понимает это, именно так, именно так, именно ладно. Идите, ребята, именно ладно, и проходите, именно ладно, – не настолько мы дьяволы, насколько черны.

По выходе из застенка мы были отведены в гавань несколькими приказными. Перед тем как нам сесть на корабли, они предупредили нас, чтобы мы не пускались в дорогу, не одарив по-вельможному как даму Грипминоду, так и других Пушистых Кошек: иначе у них есть приказание вернуть нас в застенки.

– Здорово, – отвечал брат Жан, – мы тут в стороне осмотрим нашу казну и дадим всем довольно.

– Но, – сказали служители, – не забудьте дать на вино нам, беднякам.

– А бедняги никогда вина не забывают, – сказал брат Жан, – о нем помнят, во всех странах, во всякие времена года.

ГЛАВА XIV. Как Пушистые Коты живут взяткой

Не договорил брат Жан этих слов, как заметил, что к гавани подошли шестьдесят восемь галер и фрегатов. Он сейчас же побежал спросить новости, а также, каким товаром нагружены суда, и увидел, что все они нагружены дичью: зайцами, каплунами, голубями, кабанами, козульями, телятами, цыплятами, утками, чирками, гусями и прочей живностью. Там же он заметил куски бархата, атласа и камки. Тогда он спросил путешественников, куда и к кому везут они эти лакомые куски. Они отвечали, что к Грипмино, Пушистым Котам и Пушистым Кошкам.

– А как вы называете, – спросил брат Жан, – все эти снадобья?

– Взятками, – отвечали путешественники.

– Так, значит, – сказал брат Жан, – они живут взятками, – ну, так им погибнуть в потомстве! Клянусь силой божьей, это так: отцы их пожрали тех добрых дворян, которые в силу своего положения упражнялись в воровстве и в охоте – для того, чтобы быть к военному времени умелыми и уже окрепшими в работе. Охота ведь – подобие битвы, и Ксенофонт отнюдь не солгал, когда писал, что из охоты, как из троянского коня, вышли все хорошие и замечательные военачальники.

Я не ученый, но мне это говорили, и я верю этому. Души их, по мнению Грипмино, входят по смерти в кабанов, оленей, козуль, цапель, куропаток и других подобных животных, которых они в течение первой своей жизни всегда любили и искали. И вот эти Пушистые Коты, разрушив и пожрав их замки, земли, владения, имения, все их постоянные и случайные доходы, продолжают искать их кровь и душу и в другой жизни. О порядочный нищий, который предупредил нас о значении кормушки, воздвигнутой у них выше яслей!

– Но ведь, – сказал путешественникам Панург, – великим королем провозглашено, чтобы никто, под страхом повешения, не брал ни оленей, ни ланей, ни кабанов, ни козуль.

– Верно, – отвечал один за всех, – но великий король так добр и милостив, а эти Пушистые Коты такие бешеные и так жаждут христианской крови, что, подкупая Пушистых Котов, мы менее боимся оскорбить великого короля, чем потерять надежду: тем более, что завтра Грипмино выдает одну из своих Пушистых Кошек за толстого Митуара, весьма Пушистого Кота. В прошлые времена их называли травоядными; но, увы, они больше не жуют травы. А мы теперь зовем их зайцеядными, куропаткоядными, кроликоядными и свиноядными; другой пищи они не едят.

– Брр... брр... – сказал брат Жан, – в ближайшем году их будут называть отбросоядными, навозоядными, г...ядными! Не правда ли!

– Ей-богу, так, – отвечала вся компания.

– Сделаем, – сказал он, – две вещи: во-первых, захватим всю эту дичь, что видите здесь; мне надоела солонина: она воспаляет мне брюшину. Конечно, хорошо заплатим за это! Во-вторых, вернемся в застенки и разорим всех этих дьяволов – Пушистых Котов.

– Ни в коем случае, – сказал Панург, – я не пойду туда. Я несколько труслив по своей натуре.

ГЛАВА XV. Брат Жан решает покончить с Пушистыми Котами

– Честью рясы клянусь, – сказал брат Жан, – какое путешествие мы совершаем? Это путешествие каких-то тунеядцев: мы только и делаем³⁰⁸... что ничего не делаем. Клянусь телом господним, это не в моей натуре; если я днем не совершу какого-нибудь геройского поступка, – ночью я не могу спать. Значит, вы меня взяли спутником, чтобы я в пути служил обедни и исповедывал?... Пасхой клянусь, первый, кто попадетсЯ мне, в наказание ввержен будет мною, как подлец и негодяй, в пучину моря, головой вперед, для уменьшения его мук в чистилище. Что дало Геркулесу вечную славу? Не то ли, что он, странствуя по свету, освобождал народы от тиранов, от заблуждений, от опасности и всяких напастей? Он предавал смерти разбойников, всех чудовищ, всех ядовитых змей и зловредных животных. Почему бы нам не следовать его примеру и не делать, как он, во всех странах, мимо которых мы проезжаем? Он поразил стимфалид, Лернейскую гидру, Какуса, Антея, кентавров. Я не учен, но ученые это говорят. В подражание ему сокрушим и ограбим до нитки всех этих злобных Пушистых Котов; это – чертисамцы; освободим эту страну от всякой тирании. Я отрицаю Магомета; но если бы я был так же, как он, силен и могуч, – я бы не спросил у вас ни помощи ни совета. Итак, идем? Уверю вас, мы их легко перебьем. Они перенесут все с терпением, не сомневаюсь в этом, так как они «от нас вынесли терпеливо оскорблений больше, чем десять свиней могут выпить помоев. Идем!

– До оскорблений, – сказал я, – и бесчестья им нет дела, лишь бы у них были экую в кошельке, пусть даже все вымаранные в навозе; и, может быть, мы поразим их, как Геркулес, но нам недостает командования Эврисфея, – и сейчас я ничего бы не хотел, как только того, чтобы Юпитер прогулялся между ними часика два в таком виде, в каком он некогда посетил Семелу, свою подругу, первую мать доброго Бахуса.

– Бог, – сказал Панург, – оказал нам великую милость, избавив от их когтей. Что касается меня, я туда не возвращусь: до сих пор я возбужден и взволнован от досады, что там вытерпел. По трем причинам я там был весьма рассержен: во-первых, потому, что я был рассержен; во-вторых – потому, что я был рассержен; и в-третьих – потому, что я был рассержен. Послушай-ка правым ушком, братец Жан, левый мой дружок: сколько бы раз ты ни пожелал отправиться в судилище Миноса, Эака, Радаманта и Диса – я готов составить тебе неразлучную компанию, пройти с тобой Ахерон, Стикс и Коцит, выпить полный стакан из реки Леты, заплатить за нас обоим Харону за перевоз на его ладье. Но для возвращения в их застенки – если ты случайно хочешь туда возвратиться – бери себе другого спутника вместо меня. Я туда не возвращусь, – вот мое крепкое, как медная стена, слово. Если только меня не поведут туда принуждением и силой, – я не пойду к нему, пока буду жить в этой жизни. Разве Улисс возвращался за своим мечом в пещеру Циклопа? Клянусь, нет! А я в застенке ничего не забыл и туда не вернусь.

– О, – сказал брат Жан, – славное сердце, добрый товарищ с руками паралитика! Но будем говорить по очереди, хитроумный доктор: почему это и что вас заставило бросить им кошелек, полный экую? Что, у нас их слишком много? Не довольно ли было бы им бросить несколько истертых тестонов?

– Потому что, – ответил Панург, – Грипмино все время, пока говорил, открывал свой бархатный кошель, восклицая: «Золото сюда, золото сюда!»³⁰⁹ Из этого я вывел заключение, что мы могли бы вырваться на свободу, бросив золото туда, золото туда, ей-богу – именно туда, клянусь всеми чертями! Ибо бархатный кошель вовсе не для хранения тестонов или мелкой монеты – этоместилище для «экую с солнцем».

³⁰⁸ В подлиннике упоминается несколько непристойных действий.

³⁰⁹ См. прим. 39.

Слышишь ты, брат Жан, мой маленький дружок? Когда ты пожаришь с мое да пожаришься с мое, ты заговоришь на другой латыни! Но по их приказу нам следует убираться.

Конопатчики все еще были в гавани, дожидаясь от нас нескольких денье. И, видя, что мы хотим поднять паруса, обратились к брату Жану с предупреждением, что прохода нет, если не будет уплачено за вино сторожам согласно таксе на подарки.

– А-а, святой Гюрю-бюрю! – сказал брат Жан. – Вы еще здесь, приказные черти? Не достаточно ли я уже разозлен, чтобы мне еще надоедать! Клянусь телом господним, будет вам сейчас на вино, обещаю это наверное.

И тогда, обнажив свой меч, он сошел с судна, решив свирепо перебить их; но они бросились во всю прыть наутек, и больше мы их не видели. И однако мы не избавились от неприятности, ибо некоторые из наших матросов, получив отпуск от Пантагрюэля на то время, пока мы были у Грипмино, удалились в гостиницу близ гавани с целью угоститься и немножко освежиться.

Уж не знаю, хорошо ли заплатили они за свое угощение или нет, но только одна старуха, увидев брата Жана на суше, обратилась к нему с великой жалобой – в присутствии некоего казначея, зятя одного из Пушистых Котов, и двух свидетелей-очевидцев. Брат Жан, придя в нетерпение от их разговоров и намеков, спросил:

– Конопатчики, друзья мои, не хотите ли вы вообще сказать этим, что наши матросы не порядочные люди? Я держусь обратного мнения и, по справедливости, докажу вам это: вот господин Брагмар, вот здесь.

Говоря это, он размахивал своим мечом. Крестьяне пустились рысью в бегство. Осталась одна старуха, которая стала заверять брата Жана, что его матросы порядочные люди, что она жалуется только на то, что они ничего не заплатили за постель, на которой они отдыхали после обеда, и просила за постель пять турецких су.

– В самом деле, – отвечал брат Жан, – это дешево, они неблагодарные люди; не всегда они будут получать ее за такую плату. Я заплачу охотно, но прежде хочу поглядеть на нее.

Старуха отвела его на квартиру, показала ему постель и, расхвалив все ее достоинства, сказала, что она не дорожится, прося за нее пять су. Жан дал ей пять су, а потом разрубил своим мечом перину и подушки пополам и через окна пустил перья по ветру. Старуха спустилась вниз и стала звать на помощь и кричать: «убивают!», пытаясь собрать перья. Брат Жан, не обращая на это внимания, забрал одеяло матрац и две простыни на наш корабль, не будучи никем замечен, так как воздух был затемнен перьями как снегом, и отдал их матросам. Затем он сказал Пантагрюэлю, что постели тут дешевле, чем в Шинонской области, хотя там имеются знаменитые гуси Потилэ. Ибо за постель старуха у него спросила только пять дюжинок, а в Шиноне такая стоит не меньше дюжины франков.

Как только брат Жан и все прочие из компании прибыли на корабль, Пантагрюэль приказал отплывать. Но поднялся сирокко, и такой яростный, что они потеряли дорогу и, чуть не вернувшись опять к стране Пушистых Котов, попали в большую пучину, где море было глубоко и страшно. Юнга, бывший на верху мачты, закричал, что он еще видит злое жилище Грипмино; отчего Панург, обезумев от страха, закричал:

– Хозяин, друг мой, несмотря на ветры и волны, поворачивай поводи. О, мой друг, не будем возвращаться в эту злую страну, где я оставил свой кошелек!

Ветер отнес их к острову, у которого они однако не осмелились сразу пристать, а укрылись у больших скал на расстоянии мили оттуда.

ГЛАВА XVI. Как Пантагрюэль прибыл на Остров Апедефтов с длинными пальцами и крючковатыми руками, и о страшных приключениях и о чудовищах, которых он там видел

Под апедефтами (т.-е. невеждами) Раблэ подразумевает чиновников казначейства, набравшихся из людей, не имевших никакого научного ценза. Жители этого острова, с крючковатыми длинными пальцами, жили в давилъне (помещение для выжимки винограда), в которую проход был через галерею, увешанную картинами и изображениями казней и пыток. Винт в прессе назывался «приход» остов – «расход», гайки – «баланс», крышка – «недоимки», бочки – «убытки», ведра – «доверенности» и т. д., – именованья, заимствованные из бухгалтерии. В давилъне было чем угоститься брату Жану с Панургом: миланские сосиски, индюшки, каплуны и т. п., а также вина. Большая давилъня (а там много и малых) предназначена была для выжимки винограда, взятого с лоз, составлявших конфискованное имущество повешенных. Виноградные кисти клали в пресс и отжимали досуха. В дело шли и другие лозы: задесятинная (церковная), окладная, неокладная, лоза купчих крепостей, домов, путей сообщения, непредвиденных доходов, уделов и т. д. Лучшей во всем была лоза сбережений.

ГЛАВА XVII

В этой главе говорится обжорах, лопающихся (в буквальном смысле слова) от жиру. Глава осталась неоконченной.

ГЛАВА XVIII. Как наш корабль сел на мель, и как мы были спасены путниками, плывшими из Квинты

Подняв якоря и канаты, мы отдали парус нежному зефиру. Приблизительно на двадцать третьей миле поднялся яростный вихрь из разных ветров; под этим вихрем мы держались некоторое время лишь с помощью главной мачты да булиней – для того только, чтобы не сказали, что мы не слушаемся лоцмана, который нас уверял, что в виду слабости этих ветров, а также их забавной борьбы друг с другом, равно как ясности воздуха и спокойствия течения, нельзя ни надеяться на что-нибудь очень хорошее, ни опасаться чего-нибудь очень дурного; и что поэтому нам следовало бы держаться изречения одного философа, который советует воздерживаться и переносить, то есть медлить и выжидать.

Однако вихрь продолжался так долго, что на нашу настойчивую просьбу лоцман попытался пробиться через него и продолжать путь в прежнем направлении. И действительно, подняв бизань-мачту и направив руль прямо по стрелке компаса, он, благодаря жестокому внезапному порыву ветра, пробился через вышесказанный вихрь. Но это было так же мало благоприятно, как если бы мы, избегая Харибды, попали на Сциллу. Ибо в двух милях оттуда наши корабли сели на песчаную отмель, как в водовороте святого Мексана.

Весь наш экипаж сильно опечалился; сильный ветер рвал стены. Но брат Жан отнюдь не поддавался меланхолии, но утешал то одного, то другого нежными словами, указывая, что вскорости мы получим помощь неба, и что он видел Кастора над верхушкой мачты.

– О, если бы богу было угодно, – сказал Панург, – чтобы нам быть в этот час на земле, и ничего больше, и будь у каждого из вас, столь любящих морское плавание, по двести тысяч экю, – я бы откормил для вас тельца и к нашему возвращению заготовил бы сотню фаготов. Идет, я согласен никогда не жениться; сделайте только, чтобы я был спущен на землю и чтобы у меня была лошадь для возвращения: без слуги я обойдусь. За мною никогда так не ухаживают, как когда у меня нет слуги. Плавт отнюдь не солгал, сказав, что число наших «крестов», то есть огорчений, докук, неприятностей, соответствует числу наших слуг, даже если у них нет языка, – самой опасной и дурной части в слуге, из-за которой одной были изобретены для них все пытки, допросы и геенны огненные.

В этот час прямо к нам вплотную подошел нагруженный барабанами корабль, на котором я узнал нескольких пассажиров, людей хорошего общества, – и между прочим Анри Котирала, старого товарища, который носил на поясе большую ослиную голову, как женщины носят четки; в левой руке у него был большой, жирный, старый, грязный колпак какого-то паршивца; в правой же была большая капустная кочерыжка. Как только он нас узнал, он закричал от радости и сказал мне:

– Не у меняли она! Глядите, – и он показал ослиную голову, – вот истинная Альгамана: эта докторская шапка – наш единственный эликсир, а вот это, – продолжал он, показывая кочерыжку, – это *Lunaria major*³¹⁰. Мы ее обработаем к вашему возвращению.

– Но, – сказал я, – откуда вы? И куда? Что везете? Пробовали ли вы море?

Он отвечал:

– Мы из Квинты; в Турень; алхимию; вплоть до зада.

А какие люди, – говорю я, – с вами там на палубе?

– Певцы, – отвечал он, – музыканты, поэты, астрологи, рифмоплеты, геоманты, алхимики, часовщики; все они из Квинты, и у них есть оттуда рекомендательные письма, прекрасные и подробные.

³¹⁰ Лунная трава, которую алхимики считали необходимой для изготовления «философского камня».

Не успел он окончить этих слов, как Панург в раздражении и негодовании сказал:

– Вы, кто делаете все, вплоть до прекрасной погоды и маленьких детей, почему вы не возьмете за нос нашего корабля и не выведете без промедления на морское течение?

– Я собирался это сделать, – сказал Анри Котираль, – сейчас, сию минуту, тотчас вы будете сняты с мели.

Тогда он велел пробить дно у 7 532 810 больших барабанов с одной стороны и этот бок приложил к шканцам и, туго привязав канаты, прикрепил нос нашего корабля к корме и привязал его к якорным битенгам. Потом одним толчком снял нас с песков с великой легкостью и не без приятности, ибо звон барабанов, смешиваясь с мягким шуршанием гравия и криками команды, казался нам не менее гармоничным, чем музыка звезд, которую Платон, как он говорит, слышал иной раз по ночам во сне.

Мы, страшась показаться неблагодарными за это благодеяние, поделились с ними своими колбасами, наполнили их барабаны сосисками и выгрузили на их палубу шестьдесят две бочки вина, но тут два больших кита напали на их корабль и тотчас бросили внутрь его больше воды, чем ее есть в Виенне от Шинона до Сомюра, заполнили все их барабаны, замочили все их мачты и залили их штаны через воротник. При виде этого Панург пришел в такую неистовую радость и так надрывался от смеха, что колики у него продолжались больше двух часов.

– Я хотел, – сказал он, – угостить их вином, но они получили очень кстати воду. Пресная вода им не впрок: они ею только моют руки. А вместо буры им послужит эта прекрасная соленая вода с селитрой и аммиачной солью из кухни Гебера.

Нам не удалось дольше разговаривать с ними, так как первый порыв вихря отнял у нас возможность свободно управлять рулем, и лоцман просил нас впредь оставить руководство кораблем и не докучать себе ничем другим, кроме угощенья. С этого часа нам следовало плыть по ветру и повиноваться течению, если мы хотели в безопасности достигнуть царства Квинты.

ГЛАВА XIX. Как мы прибыли в царство Квинтэссенции, именуемое Энтелехией

Благоразумно следовали мы вихрю в течение полусуток, и на третий день воздух показался нам более прозрачным, чем обычно, и в добром благополучии мы сошли в гавани Матэотехнэ, на небольшом расстоянии от дворца Квинтэссенции. Сходя в гавани, мы встретили на берегу большое число лучников и воинов, охранявших арсенал. Сперва они нас почти испугали. Ибо они велели всем нам оставить оружие и грубо спросили нас:

– Кумовья, из каких стран вы прибыли?

– Кузен, – отвечал Панург, – мы – уроженцы Турени. А едем из Франции и жаждем оказать почтение госпоже Квинтэссенции и посетить преславное королевство Энтелехии.

– Что вы говорите? – спросили они. – Вы говорите: Энтелехия или Энделехия?

– Прекрасные кузены! – отвечал Панург. – Мы люди простые и преглупые, извините грубость нашей речи, так как, вообще, сердца наши открыты и честны.

– Без причины мы вас не спросили бы об этом различии, так как проезжало здесь много других из вашей области Турень, которые показались нам добрыми олухами и говорили правильно; но из других краев к нам наезжали какие-то спесивцы, гордые как шотландцы, желавшие вступать в препирательства с нами уже при входе. Мы их хорошо отчистили, хотя они и корчили противные рожи. В вашем мире ведь у вас столько лишнего времени, что вы не знаете, на что его использовать, иначе как на разговоры, диспуты и нелепые писания про нашу госпожу королеву! Было нужно, чтобы Цицерон оставил свое «Государство» для того, чтобы заняться этим предметом, да и Диоген Лаэртский, и Теодор Газа, и Аргирофил, и Виссарион, и Полициан, и Бюде, и Ласкарис, и все эти дьяволы, мудрые сумасброды; число их не было бы достаточно велико, если бы недавно не пополнилось Скалигером, Биго, Шамбрие, Франсуа Флери и не знаю уж там какими другими юными господчиками. Жабу бы на них, чтобы она заткнула им горло с гортанью вместе! Уж мы их! Но что там, черт!..

– Однако они льстят чертям, – сказал Панург сквозь зубы.

– Вы не призваны сюда поддерживать их в их безумии, и у вас на это нет полномочия, – так не будем и говорить больше о них. Аристотель, первого сорта человек, образец всякой философии, был крестным отцом нашей госпожи королевы. Он очень хорошо и точно назвал ее Энтелехией. Энтелехия – настоящее ее имя. Пусть убирается к черту, кто называет ее иначе. Кто иначе ее называет, блуждает по небу. Вам же наше «добро пожаловать»!

Они обняли нас, чем мы все были обрадованы. Панург сказал мне на ухо:

– Товарищ, тебе нисколько не было страшно во время этой выходки?

– Немного было, – отвечал я.

– А мне, – сказал он, – было страшней, чем некогда воинам Эфраима, когда их колотили и топили галаадиты за то, что вместо «шибболеф» они говорили «сибболеф».

Затем капитан отвел нас во дворец королевы в молчании и с большими церемониями. Пантагрюэль хотел с ним кое о чем поговорить, но тот, не будучи в состоянии из-за высокого роста Пантагрюэля достать до него, потребовал лестницу или огромные ходули. И затем сказал:

– Баста! Если бы наша госпожа королева захотела, мы бы выросли с вас. Это и случится, когда ей будет угодно.

В первых галлереях мы встретили большую толпу больных людей, которые были расставлены по разным местам, соответственно болезням: прокаженные отдельно, отравленные – в одном месте, чумные – в другом, венерики – в первом ряду, и так далее.

ГЛАВА XX. Как Квинтэссенция лечила больных песнями

Во второй галерее нам была капитаном показана дама – молодая, хотя и имевшая по крайней мере восемьсот лет от роду, прекрасная, изящная, пышно одетая, в кругу своих фрейлин и кавалеров. Капитан сказал нам:

– Теперь не время разговаривать с ней. Будьте только внимательными зрителями того, что она делает. В ваших королевствах имеются иные короли, которые фантастическим образом излечивают от некоторых болезней – как-то: от золотухи, эпилепсии, злокачественной лихорадки простым наложением рук. А эта наша королева излечивает от всех болезней без прикосновения, а только тем, что играет песенку в соответствии с болезнью.

Потом он показал нам органы, играя на которых, она производила свои удивительные исцеления. Они были очень странного устройства: трубы были из кассии в виде стволов; верхний брусок – из бакаутowego дерева, пластины – из ревеня, педаль – из молочая, а клавиатура – из аммония.

Пока мы рассматривали эту удивительную и новую структуру органа, – ее абстракторами, сподизаторами, масситерами, прегустами, ьтабакинами, шашанинами, нееманинами, рабребанами, нерсинами, розюинами, недибинами, неаринами, сагаминами, перазинами, шезининами, саринами, сотринами, аботами, энилинами, аркасдарпенинами, мебинами, жибуринами, и прочими ее офицерами были введены прокаженные. Она им сыграла песенку, уж не знаю и какую, и они внезапно и совершенно излечились. Затем были введены отравленные; она сыграла им другую песню – и люди встали на ноги. Потом – слепые, глухие, немые и даже апоплектики. Это нас испугало, и не напрасно, и мы упали наземь, простершись, как люди, пришедшие в экстаз и восхищение при созерцании той силы, которая на наших глазах исходила от госпожи королевы; не., в нашей власти было произнести хоть слово; мы так и оставались ниц на земле, когда она, дотронувшись до Пантагрюэля красивым букетом из распутившихся роз, который она держала в руке, привела нас вновь в чувство и заставила встать на ноги. Затем она сказала нам шелковыми словами, такими и подобными тем, которые хотела Парисатида слышать в тех

случаях, когда говорили с Киром, ее сыном, – или, по крайней мере, словами из кармазинной тафты:

– Благородство, светящееся вокруг ваших особ, дает мне возможность судить с уверенностью о добродетели, таящейся внутри ваших душ; и, видя медоносную сладость ваших скромных изъявлений почтительности, я без труда убеждаюсь, что сердце ваше не терпит порочности, бесплодности либерального и высокомерного знания, а, напротив того, богато многими иноземными и редкими учениями, – а их теперь гораздо легче желать, чем встретить, вследствие грубых нравов невежественной черни; вот по какой причине я, господствующая, в силу прошлого опыта, над всякими пристрастиями, не могу сейчас удержаться, чтобы не сказать вам обыкновенного слова, то есть – «добро, добро, в высшей степени добро пожаловать».

– Я не ученый человек, – сказал мне тихонько Панург, – отвечайте вы, если хотите.

Но и я не ответил; не дал ответа и Пантагрюэль, – и мы пребывали в молчании. Тогда королева сказала:

– По этому вашему молчанию я узнаю, что вы не только вышли из Пифагорейской школы, от которой берет корень, в постепенной и последовательной преемственности, древность моих прародителей, но также и то, что в Египте – в этой знаменитой кузнице высокой философии – много лун тому назад вы грызли ваши ногти и скребли голову пальцем. В Пифагорейской школе молчание было символом познания. Молчание и египтянами было обожествлено в их хвалах; и первосвященники Гиерополиса приносили жертвы великому богу в молчании, не производя никакого шума, а равно и не произнося ни слова. В намерения мои не входит лишать вас благодарности, – но, наоборот, я хочу в живейшей форме выразить вам мои мысли, хотя бы их сущность и ускользнула от меня.

Кончив эту речь, она обратила свои слова к своим чиновникам и сказала им только:

– Табакины, к панацее!

При этом слове табакины сказали нам, что мы должны извинить госпожу королеву, если мы с нею не будем обедать. Ибо она ничего не ест, за исключением некоторых категорий, абстракций, разновидностей, видимостей, мыслей, мечтаний, трудностей, шарад, задних мыслей, антитез, метемпсихоз и трансцендентных пролепсисов.

Затем они нас отвели в небольшой покой, весь убранный алгебраически; там нас угостили бог знает как. Говорят, что Юпитер на дубленой коже козы, которая вскормила его в Кандии (этой кожей он пользовался вместо щита в борьбе с Титанами, за что и был прозван Эгинхус), написал все, что делается в мире. Жаждою моей клянусь, пьяницы, друзья мои, что на восемнадцати козых шкурах нельзя было бы записать тех прекрасных кушаний, закусок и угощений, которые нам подавали, даже если писать такими маленькими буквами, какими Цицерон, по его словам, видел написанной «Илиаду» Гомера, – так что ее можно было покрыть одной ореховой скорлупой. Со своей стороны, будь у меня сто языков, сто ртов и железный голос и сладкоречив Платона, я не сумел бы в четырех книгах изложить вам трети и половины этого. А Пантагрюэль говорил мне, что ему кажется, когда королева говорила своим табакинам: «К панацее», она произносила условленный между ними символ верховного пиршества, – как Лукулл говорил слово «Аполлон», когда хотел особенно угостить своих друзей, хотя бы те его заставляли врасплох, как иной раз Цицерон и Гортензий.

ГЛАВА XXI. Как королева проводила время после обеда

По окончании обеда мы были отведены одним из шашанинов в залу королевы и видели там, как, согласно обычаю, после обеда она вместе со своими дамами и принцами двора просеивала, провеивала и проводила время через большой и красивый шелковый, белый с голубым, мешок. Потом мы заметили, что они, в воспоминание старинных обычаев, играли вместе в кордас, эммелию, сицинию, ямбику, персику, фригию, никатизм, фракцию, калабризм, кернофор и тысячи других игр и танцев.

Потом по ее распоряжению мы осмотрели дворец и увидели в нем столь новые, удивительные и странные вещи, что я и теперь, думая о них, мысленно восхищаюсь. Однако ничто не повергало нас в такое изумление, как искусство ее придворных, абстракторов, перазинов, недобинов, сподизаторов и других, которые нам откровенно и без утайки говорили, что госпожа королева делает невозможное и исцеляет неизлечимых больных, тогда как они, ее чиновники, лечат остальных.

Там я увидел, как некий юный перазин лечил венериков, – я хочу сказать, чрезвычайно сложные случаи, в роде как руанские, – только дотрагиваясь троекратно до позвоночника больных обломком подковы.

Я видел, как другой отлично вылечивал страдающих водянкой, коликами и болезнями мочевого пузыря, ударяя их по животу обоюдоострой тенедосской секирой девять раз под ряд без перерыва.

Еще другой тотчас излечивал от перемежающейся лихорадки, только привязывая к поясу больных с левого бока лисий хвост (по-гречески называемый «хеналопекс»).

Один лечил от зубной боли, трижды обливая корень больного зуба бузиновым уксусом и потом оставляя его сохнуть на солнце в течение получаса.

Еще один лечил все виды подагры – острой, хронической, прирожденной и случайной – только тем, что заставлял подагрика закрывать рот и открывать глаза.

Я видел еще одного, который в несколько часов вылечил девять дворян от болезни святого Франциска, освободив их от всех долгов и каждому из них прикрепив к шее веревку, на которой висела шкатулка, наполненная десятком тысяч экую с солнцем.

Еще один при посредстве чудесной машины выбрасывал через окна дома: таким образом они очищались от зараженного воздуха.

Еще один излечивал все три формы чахотки, худосочия, сухотки и атрофии органов, не прибегая ни к купаньям, ни к молочной диете, ни к средствам для уничтожения волос, ни к осмолению, ни к другим медикаментам, а только делая больных монахами на три месяца. Он утверждал, что если они не пожиреют, будучи монахами, то уж ни природа, ни искусство никогда не заставят их потолстеть.

Я видел еще одного, в сопровождении множества женщин, шедших двумя группами: в одной были девушки – хорошенькие, молоденькие, белокуренькие, нежненькие и, как мне показалось, доброжелательные, другая состояла из старух – беззубых, с гноящимися глазами, морщинистых, коричневых, трупного вида. Пантагрюэлю сказали, что он переплавляет старух, заставляя их таким образом молодеть и благодаря его искусству делаться такими, как присутствующие там девушки, которых он в тот день переплавил и восстановил вполне в красоте форм, в изяществе, в росте и во всем телосложении, такими, как они были в возрасте пятнадцати – шестнадцати лет, – за исключением только пяток, которые у них остаются гораздо короче, чем были в их первой юности.

Это было причиной, почему они с того времени при всяких встречах с мужчинами становятся очень покорными и легко падают на спину. Группа старух ожидала своей очереди с большой верою, настойчиво приставая к нему, ссылаясь на то, что это невыносимо по при-

роде, когда недостает красоты, а охота большая. И он в своем искусстве имел непрерывную практику и заработки более чем посредственные. Пантагрюэль спрашивал, делал ли он плавлением молодыми также и стариков. Тот ответил, что нет; но что способ помолодеть для них – это пожить с переплавленной женщиною: от нее он заражается тою пятой разновидностью венерической болезни, которая именуется чесоткой, по-гречески «офиязис», благодаря которой меняют и волосы и кожу, как это ежегодно бывает со змеями; в них возрождается юность, как в аравийском фениксе. Это истинный источник юности. Тогда тот, кто был дряхлым стариком, вдруг становится юным, веселым и проворным, как это случилось, по словам Эврипида, с Иолаем; как это произошло с прекрасным Фаоном, столь любимым Сапфо, по милости богини Венеры; с Тифоном при посредстве Авроры; с Эзоном благодаря искусству Медеи, – а равным образом и с Язоном, который, по свидетельству Ферекида и Симонида, был ею восстановлен и омоложен; и, как говорит Эсхил, то же произошло с кормилицами доброго Бахуса, а также и с их мужьями.

ГЛАВА XXII. Как чиновники Квинтэссенции упражнялись в различных вещах, и как королева удержала нас в должностях абстракторов

После того я видел многих из этих вышеназванных чиновников, которые в короткий срок делали белыми эфиопов, растирая им живот дном корзины.

Другие пахали песчаный морской берег на трех парах лисиц в одном ярме и не теряли семян.

Иные мыли черепицы и смывали с них краску.

Другие извлекали воду из наждака, который вы называете пемзой, – долгое время толкли его в мраморной ступке и изменяли его состав.

Некоторые стригли ослов и получали очень хорошую шерсть.

Другие собирали виноград с шиповника и фиги с чертополоха.

Некоторые доили козлов и собирали молоко в сито с великой пользой для хозяйства.

Кое-кто мыли голову афром и шелока при этом не теряли.

Некоторые ловили ветер сетями и набирали в них декуманских раков.

Видел я молодого, сподизатора, который искусно извлекал газы из сдохшего осла и торговал ими – пять су за локоть.

Другой гноил навозных жуков. О прекрасное кушанье!

Но Панург с отвращением схватился за грудь, увидав некоего аркасарпенина, который гноил добрую порцию человеческой урины в лошадином навозе со значительным количеством и христианского... фу, безобразник! Тот нам ответил, тем не менее, что сие священное очистительное он поставляет королям и великим князьям, и этим ему удастся продлить им жизнь на добрый туаз или два.

Другие обдирали угрей с хвоста, и названные угри не кричали раньше, чем оставались без кожи, – точь-в-точь как меленские угри³¹¹.

Другие из ничего делали нечто великое, а великое превращали в ничто.

Третьи резали огонь ножом и черпали воду сетями.

Кое-кто делали фонари из мочевых пузырей, а из туч – медные печи.

Мы видели двенадцать других чиновников, пировавших под лиственным навесом и пивших из обширных и красивых круглых сосудов вина четырех сортов, – свежие и сладкие во всех отношениях. Нам было сказано, что этим они улучшали, по местному обычаю, погоду, и что таким способом когда-то улучшил погоду Геркулес вместе с Атласом.

Иные делали из необходимости доблесть, и их дело мне показалось прекрасным и нужным.

Иные зубами производили алхимические опыты.

Другие в большом цветнике тщательно измеряли прыжки блох; они уверяли меня, что это более чем необходимое дело для управления королевствами и республиками и для ведения войн, ссылаясь на Сократа, который первый свел филозофию с небес на землю и сделал ее из праздного и любопытного занятия полезной и выгодной вещью, посвящая половину своих трудов измерению скачков блох, как свидетельствует один из квинтэссенциалов, Аристофан.

Я видел также двух жиборинов, отдельно на верхушке высокой башни стоявших на карауле; нам было сказано, что они стерегут луну от волков.

Я встретил в углу сада еще четырех других, которые яростно спорили и готовы были вцепиться друг другу в волосы. Спросив, отчего возник спор, я услышал, что уже четыре дня

³¹¹ Раблэ высмеивает поверие, существовавшее в его время, о предсмертном крике угрей.

прошло с тех пор, как они начали разбирать три высоких и сверхфизических положения, от решения которых они ждали золотых гор. Первый вопрос был о тени осла-самца; второй – о дыме от фонаря; третий – о шерсти козы, – есть ли она именно шерсть. Потом нам было сказано, что им отнюдь не кажется странным, если две противоречивых вещи сразу истинны по модусу, по форме, по фигуре и по времени, – положение, из-за которого парижские софисты скорее позволят раскрестить себя, чем признают его.

Мы с любопытством наблюдали удивительные деяния этих людей, когда появилась королева со своей знатной свитой; в это время уже засияла ясная вечерняя звезда. При приходе королевы мы снова почувствовали себя испуганными и ослепленными. Она тотчас же заметила наш страх и сказала нам:

– То, что заставляет человеческую мысль блуждать в безднах изумления, вовсе не есть превосходство результатов, в рождении которых от естественных причин они убеждаются при посредстве искусства мудрых мастеров: это есть новизна опыта, овладевающая их чувствами, – ведь они не предвидят легкости дела, когда ясное суждение соединяется с настойчивым изучением. Однако придите в себя и освободитесь от всякого страха, если вы подверглись ему при рассмотрении того, что сделали мои подчиненные. Смотрите, слушайте, созерцайте по свободному выбору все, что есть в моем доме, – и вы мало-помалу освободитесь от рабства невежества. Я очень желала бы этого. Но чтобы дать вам не ложное доказательство тому, я, видя любознательность в сердцах ваших, которую вы достаточно доказали, удерживаю вас отныне в должности моих абстракторов.

Мы поблагодарили ее, смиренно и молча приняв предложение.

ГЛАВА XXIII. Как королеве был подан ужин, и как она ела

Королева, окончив эту речь, повернулась к своим дворянам и сказала им:

– Пищевод, общий посол, служащий для питания всех органов, как низших, так и высших, докучает нам необходимостью восстанавливать путем доставления сообразной пищи то, что ими потеряно вследствие непрерывного действия естественной теплоты в первоначальной влажности. Сподизаторы, сезинины, нееманины и перазины, вам остается только быстро поставить столы, изобилующие питательными веществами всех законных сортов. Также и вы, благородные прегусты, совместно с моими милыми масситерами, уже давшие доказательство вашего искусства, заботливости и усердия, так как не успею я дать вам приказание, как вы уже за исполнением своих обязанностей и всегда начеку! Я только напоминаю вам, чтобы вы делали то, что делаете.

Проговорив эти слова, она удалилась на некоторое время с частью своих фрейлин, и нам было сказано, что это для того, чтобы принять ванну, что у древних было так же обычно, как у нас сейчас мыть руки перед обедом. Проворно расставили столы и покрыли их весьма драгоценными скатертями. Порядок был такой, что владычица ничего не ела кроме небесной амвросии, и ничего не пила, кроме божественного нектара. Но вельмож и придворных дам и нас вместе с ними угостили столь редкими лакомыми и дорогими кушаньями, какие и Апицион никогда не снились.

К концу обеда принесли миску со всякой всячиной на случай если бы голод не был утолен. Она была такого объема и такой величины, что ее едва можно было бы покрыть золотым подносом, который Питий Битин подарил царю Дарию. В ней находились различного рода похлебки, салаты, фрикассе, рагу из горошка и из дикой козы, жаркие, вареное мясо, мясо, жаренное на углях, большие куски солонины, копченая ветчина, божественные соленья, паштеты, тартинки, масса кур, приготовленных по-мавритански, сыры, сладкие кремы, желе, фрукты всевозможных сортов. Все это казалось мне очень хорошим и вкусным, но я, однако, и не притронулся к этому, так как был сыт до-отвала. На дне миски я заметил множество костей, игральные карты и тарокки, игру в луночки, шахматы и шашечницы, а также чаши, наполненные экию с солнцем, для тех, кто хотел бы поиграть.

Наконец, внизу я усмотрел множество мулов, хорошо оседланных, в бархатных пополах, а также иноходцев под дамским и мужским седлом, уж не знаю сколько носилок, обитых бархатом, и несколько феррарских экипажей для тех, кто пожелал бы с приятностью прокатиться.

Это мне не показалось странным, но самый способ, каким ела королева, показался мне новым: она ничего не жевала, не потому, что у нее не было крепких и хороших зубов, и не потому, чтобы ее кушанья не требовали жеванья, – но таков был ее нрав и обычай. Кушанья, которые пробовали сперва прегусты, переходили к масситерам, и те очень изящно их прожевывали, – имея глотку на подкладке из кармазинного атласа с золотыми прожилками, а также зубы из прекрасной белой слоновой кости. Как следует прожевав кушанья, вливали их прямо ей в желудок через золотую трубочку. По той же причине (нам было сказано) она и очищалась только по доверенности.

ГЛАВА XXIV. Как в присутствии Квинты был дан веселый бал в виде турнира

По окончании ужина дан был бал в виде турнира, достойный не только внимания, но и вечной памяти. Прежде всего накрыли большим бархатным ковром пол во всем зале. Ковер этот имел вид шахматной доски, разделенной на равное количество квадратов, белых и желтых, шириною и длиной в три локтя каждый.

Затем вошли в зал тридцать две молодые особы. Шестнадцать из с были в костюмах золотого сукна, а именно: восемь юных нимф, как отображали их в древней свите Дианы; затем – король, королева, два караульных офицера, два рыцаря и два стрелка.

В подобном же порядке вышли и другие шестнадцать, одетые в серебряное сукно.

Их расположение на ковре было следующее: короли стали в последнем ряду, на четвертом квадрате, так что золотой король поместился на белом, а серебряный – на желтом квадрате; королевы – рядом с королями: золотая – на желтом квадрате, серебряная – на белом. Возле них, возле телохранителей королей и королев, встали с каждой стороны по два стрелка. Рядом со стрелками – рыцари, подле рыцарей – начальники караулов. Перед ними во втором ряду, поместились восемь нимф – и между двумя рядами оставалось четыре ряда пустых квадратов.

У каждой партии были свои музыканты, одетые в ее цвет: одни – в оранжевые ткани, другие же – в белые. Их было по восьми с каждой стороны, в руках у них были самые разнообразные инструменты, очень мелодичные, хорошо настроенные, меняющие темп, тон согласно ходу бала. Разнообразие движений танцующих, их вымышления, наступления, отступления и т. д. казались мне замечательными. И еще более превосходящим человеческое воображение было то, что участники турнира так быстро схватывали звуки, соответствующие движениям вперед или назад, что как скоро раздавался известный тон, они тотчас устремлялись на назначенное место, несмотря на то, что движения их были совершенно различны.

Так, стоящие в первой линии, как бы готовые начать битву, нимфы наступают на врага прямо на один квадрат вперед – за исключением первого хода, когда им позволяется пройти два квадрата. Они одни никогда отступают. Когда одна из нимф дойдет до последнего ряда, где стоит король враждебной стороны, то ее король венчает ее королевой, с этого момента она пользуется движениями и привилегиями коровы. Но до этого нимфа берет неприятеля только по диагонали и вперед. Ни нимфам, ни кому другому не позволено брать врага, если, беря его, они оставляют свою королеву без прикрытия.

Короли ходят и берут врага на один шаг во всех направлениях. Они переходят также лишь на соседний квадрат – с белого на желтый и наоборот, за исключением одного случая: на первом своем ходе, ли его ряд свободен от других офицеров, кроме караульного, король может последнего поставить бок-о-бок с собой, а сам ретироваться вокруг него и встать рядом с ним с другой стороны. Королевы ходят и бегают с большей свободой, чем все другие. Они ходят по прямой линии всем ее протяжении, если квадраты этой линии не заняты своими, также и по диагонали – по квадратам своего цвета.

Стрелки ходят и вперед и назад, поблизости и вдаль – но цвету первого своего квадрата никогда не изменяют.

Рыцари ходят и берут врага, переходя через один квадрат по прямой линии, даже если он занят своими или чужими, и затем располагаясь вправо или влево и меняя при этом цвет квадрата. Прыжки их весьма опасны для противной партии и требуют от нее усиленного внимания, так как они никогда не берут врага открытым, прямым нападением.

Офицеры караула ходят и берут по прямой линии, вправо и влево назад и вперед, как короли, но имеют право двигаться по всей линии, если она свободна, чего не делают короли.

Главная цель, которую преследовали обе партии, – в том, чтобы напасть на короля противной партии и отрезать его от свиты, так чтобы он не мог вырваться ни в какую сторону. Когда король попадал в такую засаду и не мог ни убежать, ни получить помощи от своих, – битва прекращалась, и проигрывал осажденный король. И вот для того, чтобы спасти короля от опасности попасть в такое положение, все принадлежавшие к его партии готовы были жертвовать собой; та и другая стороны беспрестанно забирали в плен противников под звуки музыки.

Когда кто-нибудь брал в плен противника, то, сделав ему поклон, легко хлопал его по правой руке, удалял с поля и занимал его место. В случаях же нападения на короля – брать его в плен не дозволялось. Был отдан строгий приказ: всякий, кто лишает короля охраны или угрожает ему, обязан низко ему поклониться и предупредить: «Храни вас бог!», чтобы принадлежавшие к партии этого короля могли оказать ему помощь, прикрыв его, или же он сам мог переменить место, если, к несчастью, помощь оказывалась невозможной. И во всяком случае противная партия не берет короля в плен, но, опускаясь на левое колено, приветствует его, говоря: «Добрый день!»

Этим и кончался турнир.

ГЛАВА XXV. Как сражаются тридцать два участника бала

Когда обе стороны заняли свои места, музыканты начали играть воинственный, довольно грозный марш, как при атаке. Обе партии приготовились к бою, ожидая сигнала.

Когда внезапно музыканты серебряной партии умолкли, то продолжали играть инструменты золотой, это значило, что золотая партия нападает. Так и произошло. При новой мелодии мы увидели, как нимфа, стоявшая перед королевой, повернулась налево кругом к королю, как бы с просьбой разрешить ей атаку, и поклонилась всей своей партии. После чего скромно переступила два квадрата и сделала реверанс противной партии, которую атаковала. Тогда золотые музыканты умолкли, и заиграли серебряные. Здесь не следует пройти молчанием, что нимфа поклонилась королю и всей своей партии, имея в виду, чтобы и они не оставались праздными. Все отдали ей поклон, повернувшись на полный круг налево, кроме королевы, которая повернулась к своему королю, направо. Такой порядок поклонов всех выступавших сохранялся во все продолжение зала той и другой стороной.

Под музыку серебряных музыкантов выступила серебряная нимфа, стоявшая перед своей королевой, поклонилась королю и всей своей партии, при чем и те отдали поклон точно так же, как золотые, но только поворачиваясь в другую сторону: королева – к своему королю, налево. Нимфа вышла вперед на два квадрата и, поклонившись своей противнице, стала напротив золотой нимфы, без всякой дистанции, как будто готовясь вступить в бой; но дело в том, что нимфы берут врага только боку. Их подруги последовали за ними – как золотые, так и серебряные, – и бой начался тем, что золотая нимфа, выступившая на поле первой, ударила по руке серебряную нимфу, слева от нее, чем выбила ее из строя, и сама заняла ее место. Однако же вскоре, при новых звуках музыки, сама была поражена серебряным стрелком. Тогда золотая нимфа стала его теснить; серебряный рыцарь выступил в поле; золотая королева встала впереди своего короля.

После этого серебряный король переменял квадрат, опасаясь нападения со стороны золотой королевы, и встал на место своего правого караульного офицера, которое, по-видимому, было отлично укреплено и находилось под хорошей защитой.

Два рыцаря, стоявшие налево, как золотой, так и серебряный, выкупили и взяли в плен несколько нимф из противной партии, так как же не могли отступать назад. Также и золотой рыцарь приложил все старания, чтобы захватить нимф. Но серебряный рыцарь замыслил более важное дело: маскируя свое предприятие, он, хотя и мог захватить золотую нимфу, оставил ее, прошел мимо и сделал так, что оказался перед своими врагами в таком месте, откуда поклонился королю противной партии и сказал: «Храни вас бог!» Получив такое предупреждение о необходимости спешить к своему королю на помощь, золотая партия дрогнула, не потому, чтобы она не могла оказать немедленную помощь королю, но потому, что, спасая короля, она теряла невоснаградимо правого караульного офицера. Тогда золотой король отступил налево, а серебряный рыцарь взял в плен золотого офицера, что было для золотых большой потерей. Но золотая партия решила отомстить и окружила рыцаря со всех сторон так, что он не мог ни бежать, ни вырваться из их рук. Он делал тысячи усилий, чтобы уйти, его соратники прибегали к тысяче хитростей, чтобы его защитить, но в конце концов золотая королева взяла его.

Лишившись одного из важных защитников, золотая партия прилагает усилия и пытается, не рассуждая, отомстить, при чем действует довольно неосторожно и производит большие опустошения внутри неприятеля.

Серебряная партия маскирует свой план и ждет минуты реванша. Она дарит золотой королеве одну из своих нимф, устраивая скрытую засаду, так что после взятия нимфы золотой стрелок чуть не захватил в плен серебряную королеву... Золотой рыцарь замысливает захват

серебряных королевы и короля и говорит им: «Добрый день!» Их спасает серебряный стрелок, которого, однако, берет золотая нимфа, но и сама попадает в плен к серебряной».

Бой ожесточается. Офицеры покидают караул и идут на помощь. Со всех сторон грозит опасность. Но богиня войны еще медлит выносить приговор. Несколько раз серебряные доходят до самой стоянки золотого короля, но быстро отражаются. Среди других золотая королева творит чудеса храбрости: одним ходом она берет стрелка и боковым ходом захватывает караульного офицера серебряных. Видя это, серебряная королева бросается вперед и, пылая равной смелостью, хватая последнего караульного офицера противников и нескольких нимф. Долго длится поединок двух королей, в котором обе то пытаются захватить друг друга врасплох, то сами спастись и защитить королей. В конце концов золотая королева берет серебряную, но и сама попадает в плен к серебряному стрелку. После этого у золотого короля остаются только три нимфы, стрелок и караульный офицер, а у серебряного – три нимфы и правый рыцарь. Вследствие этого обе стороны сражаются осторожнее и медленнее.

Оба короля, видимо, огорчены потерей своих возлюбленных королей, и все их старания и усилия направлены к тому, чтобы получить других, если можно, из числа своих нимф, возвести их в королевское достоинство, если они проникнут до последнего ряда неприятельского короля, вступить в новый брак и любить их. Золотые нимфы идут вперед, и одна из них сделана новой королевой; ей надевают корону и подают новый наряд.

Серебряные нимфы поступают так же, и только один шаг отделяет одну из них от королевского достоинства, но в этом месте ее подстерегает золотой офицер караула – и она остается неподвижной.

Новая золотая королева также хочет отличиться храбростью, силой и воинственностью. Она совершает великие подвиги. Однако серебряный рыцарь тем временем захватывает в плен золотого офицера, охранявшего границу, – благодаря этому получают новую королеву и серебряные. Она тоже пылает желанием выказать себя достойной своего сана. Бой возобновляется с большим ожесточением. Обе стороны идут на тысячи ухищрений, атак и нападений.

Серебряной королеве удастся незаметно пробраться к шатру золотого короля и сказать ему: «Храни вас бог!», при чем ему может быть оказана помощь только одной новой королевой. Она без колебаний выдвигает себя, чтобы его спасти. Меж тем серебряный рыцарь, скачущий во все стороны, оказывается около своей королевы, и вдвоем с нею они ставят золотого короля в такое отчаянное положение, что ему приходится ради своего спасения потерять свою королеву. Но золотой король берет в плен серебряного рыцаря. И золотой стрелок с двумя оставшимися нимфами изо всех сил стараются защитить своего короля. Однако в конце концов все они выходят из строя и берутся в плен; золотой король остается один.

Тогда все серебряные с глубоким поклоном говорят ему: «Добрый день!», так как серебряный король остается победителем. При этих словах обе партии музыкантов заиграли вместе в знак победы.

Первый бал кончается так весело, с такими изящными жестами, такими благородными манерами и с такой редкой грацией, что мы были как в экстазе, и, право, нам казалось, что мы вознесены до высших наслаждений и до крайних пределов счастья олимпийского неба.

Окончив первый турнир, обе партии вернулись на свои прежние места и вступили, по примеру первого боя, во второе сражение, но при более быстром темпе музыки и делая совсем другие ходы.

Здесь я увидел, что золотая королева, как бы досадуя на медленность действий своей партии, прошла вперед одною из первых, вместе с одним стрелком и одним рыцарем, и чуть было не захватила врасплох серебряного короля в самом его стане, несмотря на защиту офицеров. Увидев же, что ее замысел открыт, врезалась во вражеский лагерь и столько побила нимф и офицеров, что было жалко смотреть. Вы сказали бы, что это новая амазонка Пентидея производит опустошения в греческом лагере. Однако сокрушительная работа ее не про-

должалась долго. Серебряные воины, втайне оплакивая гибель своих, не обнаруживая своих тайных намерений, устроили воинственной королеве засаду. Стрелок из дальнего угла с помощью странствующего рыцаря взял ее в плен. И скоро дело было окончено. Впредь королева будет осторожнее: будет держаться поблизости от своего короля, не выбираясь вперед, – а если и пойдет, то с более надежным прикрытием. Серебряные победили и в этот раз, как в прошлый.

В третий и последний раз обе партии сражались по тем же правилам, выказали себя еще более оживленными. При этом и музыка играла все быстрее и резче, на фригийский лад, в роде той, которую некогда обрел Марсий. Начав свой турнир, они так проворно бросились друг друга, что с каждым тактом музыки успевали сделать по четыре хода, со всеми приличествующими поклонами. Каждый поклон они сопровождали поворотом на одной ноге, что делало их похожими на вертящиеся волчки, – детскую игрушку, двигаются так быстро, что движение ее уже не заметно и красная точка на ней кажется уже не точкой, а линией, что остроумно заметил Кузан в своем трактате «О возвышенном».

Непрерывные рукоплескания и разные сигналы слышались то одной, то с другой стороны. Все угрюмцы и ненавистники людей и смеха, в роде сурового Катона, Красса, Тимона Афинского или Гераклита расхохотались бы, увидав этих юношей, королев и нимф, скачущих а носящихся взад и вперед, с самыми разнообразными телодвижениями под звуки веселой музыки, так изящно и ловко, что никто не мешал другому.

Чем меньше оставалось борцов у обеих сторон, тем интереснее было следить за теми ухищрениями, с которыми, под музыку, они ловили друг друга... В конце концов победа осталась за золотым королем.

Среди турнира королева незаметно исчезла, и мы ее больше не видели. Ученики Гебера отвели нас и занесли в списки по приказу, данному королевой.

ГЛАВА XXVI. Как мы сошли на остров Годос, на котором дороги ходят

От Квинтэссенции в двух днях плавания находился остров Годос (греческое слово, по-русски – путь). «Там дороги – существа одушевленные, если верно определение Аристотеля, утверждавшего, что главный признак одушевленного существа есть способность к произвольному движению», – подшучивает Раблэ над обычаем спрашивать: «Куда идет дорога?»

На этом острове, встав на дорогу, без труда достигают того места, куда она идет, ибо идет она сама. Дороги там избегают бродяг и праздношатающихся. Правосудие задерживает «выбирающих окольный путь, самый длинный». Там поощряют выбирающих «кратчайшую, военную дорогу». Дороги на острове избегают возниц, топчущих их ногами и переезжающих их. Старые дороги там в роде стариков, с длинной седой и всклокоченной бородой, как бы ползающих на коленях...

Между прочим, в этом месте Раблэ утверждает устами Пантагрюэля, что «Селевк (античный философ I века до нашей эры) здесь пришел бы к заключению, что земля движется вокруг своей оси, а не небо вокруг земли, хотя нам и кажется наоборот, подобно тому как, плывя по Луаре, мы видим, будто движутся деревья, а на самом деле движемся лодка, на которой мы находимся».

Раблэ острит также по поводу частых на острове, как и на родине наших путников, превращений дорог из водных в проезжие: «два месяца назад плавали в лодке, а теперь проезжают в телеге».

ГЛАВА XXVII. Как мы прошли Остров Сандалий, и об ордене братьев-фредонов

После этого мы прошли Остров Сандалий, которые живут только тресковой ухой. Тем не менее мы были хорошо приняты и угощены королем острова, по имени Бений, третий этого имени, который после выпивки отвел нас посмотреть на новый монастырь, по его замыслу воздвигнутый и построенный для братьев фредонов, как он называл своих монахов, говоря, что на материке обитают братья-пажи и друзья прекрасной дамы, также славные и блаженные меньшие братья, братья наименьшие, едоки копченых сельдей; наконец скрюченные мини-мальные братья. По их уставу и особой булле, полученной от Квинтэссенции, гульфики их штанов имеют форму туфель, и каждый имеет по два гульфика – один спереди, а другой сзади, при чем они утверждают, что в этой двойственности гульфиков изображаются должным образом некоторые отвратительные и страшные тайны. Башмаки у них круглые, как купели – в подражание обитателям песчаного моря; кроме того борода у них выбритая, а подошвы подбиты гвоздями.

Чтобы показать, что они не заботятся о богатстве, он заставлял их брить и выщипывать, как щетину у свиней, волосы с задней части головы, от макушки до шеи. Спереди волосы, начиная с височных костей, росли свободно. Так поступали они во всем наоборот, как люди, нисколько не заботящиеся о благах мира сего. И для пущего вызова изменчивой Фортуны носил каждый не в руке, как она, но у пояса, наподобие четок, острую бритву, которую дважды в день и трижды в ночь точили.

Выше ног каждый носил круглый шар, потому что Фортуна, как говорят, имеет такой шар под ногами. Капюшон их был прикреплен спереди, а не сзади; таким образом у них лицо было скрыто, и они на свободе смеялись как над Фортуной, так и над взысканными Фортуной счастливыми, – не более и не менее как наши барышни, носящие каш-лэ, которое вы называете кашнэ, древние же называли его покрывалом, потому что оно покрывает собою премного грехов. Таким образом у них была всегда открыта задняя часть головы, как у нас лицо; по этой причине они ходили животом или задом вперед, как им заблагорассудится. И когда они шли задом вперед, то вы подумали бы, что это их естественная ходьба, как потому, что у них круглые башмаки, так и оттого, что назади у них другой гульфик. А если они шли животом вперед, – вы бы подумали, что они играют в жмурки. Очень интересно было смотреть!

Образ жизни их был такой: как только ясный Люцифер появлялся над землей, они, из милосердия, надевали друг другу сапоги со шпорами. В этих сапогах со шпорами они и спали, или, по крайней мере, храпели; спали они также с очками на носу.

Мы находили странным такой обычай; но они нас удовлетворили своим ответом, указывая нам, что, когда наступит страшный суд, люди как раз будут покоиться во сне; чтобы доказать с очевидностью, что они не отказываются предстать на суд, как делают любимцы Фортуны, они всегда обуты, со шпорами на ногах и готовы вскочить на коня, когда прозвучит труба.

Когда било полдень (заметьте, что все их колокола, как на часах, так и в церквах и трапезных, сделаны по принципу Понтануса, то есть подбиты тонким пухом, с лисьим хвостом вместо языка), – итак, когда било полдень, они просыпались и, кто хотел, разувались, мочились, кто хотел, облегчались, кто хотел, чихали. Но все, по принуждению и суровому уставу, обильно и широко разевая рот, зевали – этими зевками завтракая. Зрелище показалось мне забавным: поставив сапоги со шпорами на решетку, они спускались в монастырь, там курьезным образом мыли себе руки и полоскали рот, затем садились на длинную скамейку и чистили себе зубы до тех пор, пока настоятель не подавал знака, свистя в кулак. Тогда каждый разевал пасть, насколько мог, и все зевали – иной раз с полчаса, иной раз больше, иной раз меньше, смотря по тому, считал ли настоятель завтрак отвечающим празднику дня. После этого они устраивали

прекрасное шествие, во время которого несли две хоругви, на одной из которых находилось прекрасно написанное изображение Добродетели, на другой – Фортуны. Один из фредонов нес впереди хоругвь с изображением Фортуны; за ним шел другой – с хоругвью Добродетели и с кропильницей, наполненной ртутной водой, которая описана Овидием в его «Фастах», ею он как бы беспрерывно бичевал фредона, несшего Фортуну.

– Этот порядок, – сказал Панург, – противоречит мнению Цицерона и академиков, которые считают, что Добродетель должна идти впереди, Фортуна же следовать за нею.

Нам, однако, было указано, что так и следует делать, потому что в их намерение входит бичевать эту Фортуну.

Во время процессии они напевали сквозь зубы не знаю какие антифоны; я не слышал их Пателэна, но, внимательно прислушиваясь, заметил, что они поют исключительно ушами. О, прекрасная музыка, как хорошо соответствует она звону их колоколов, – никогда вы не увидите их разногласящими!

Пантагрюэль сделал удивительное замечание относительно их процессии. Он нам сказал:

– Видели ли вы и заметили ли хитрость этих фредонов? Совершая свой крестный ход, они вышли в одну церковную дверь, а вошли в другую.

Они остерегались войти туда, откуда вышли. Клянусь честью, это довольно хитрые люди, – высокой пробы хитрецы, тонкие как свинцовый кинжал; хитрецы, не ухищренные, но ухищряющие, прошедшие сквозь тонкое сито.

– Эта хитрость, – сказал брат Жан, – заимствована из оккультной философии, и я в ней ни черта не понимаю.

– Оттого-то она, – отвечал Пантагрюэль, – и более опасна, что в ней ничего не поймешь. Ибо хитрость понятная, предвиденная и разгаданная утрачивает всякий смысл и самое название хитрости: мы ее называем тупостью. Честью клянусь, что они способны и на многие другие хитрости!

По окончании процессии, как после прогулки и полезного для здоровья упражнения, они отправлялись в трапезную и под столом становились на колени, опираясь грудью и животом на фонарь. Пока они находились в таком положении, входил большой человек в деревянных сандалиях, с вилами в руках и наскоро угощал их; поэтому они начинали трапезу с сыра и кончали горчицей и латуком, как это было, по свидетельству Марциала, в обычае у древних. В конце каждому из них подавали блюдечко горчицы, и после обеда они закусывали горчицей. Расписание стола было у них такое: по воскресеньям они ели свиные и мясные колбасы, сосиски, шпигованную телятину и рыбу, перепелочек (не считая всегдашнего сыра на закуску и горчицы на последнее). По понедельникам – прекрасный горошек с салом, с обширными комментариями и толкованиями между строк. По вторникам – много просфор, лепешек, пирогов, галет и печенья. По средам – деревенское, то есть чудесные бараньи, телячьи головы и головы барсуков, которые водились в этом краю в изобилии. По четвергам – похлебки семи сортов и вечную горчицу в промежутках. По пятницам – только рябину, хотя бы и не спелую, насколько я мог судить по цвету. По субботам они грызли кости, но от этого, однако, не были ни бедными, ни страдающими, ибо каждый из них имел очень хороший стул. Питьем им служило «антифортунное» вино, как они называли какой-то неведомый мне местный напиток.

Когда они хотели пить или есть, они опускали капюшон спереди, и он служил им салфеткой. По окончании обеда они молились богу, всегда в трель. Остаток дня, в ожидании страшного суда, они занимались делами милосердия: по воскресеньям мяли бока друг другу; по понедельникам щелкали друг друга по носу; по вторникам царапались; по средам утирали друг другу нос; по четвергам таскали друг у друга из носа козявок; по пятницам щекотали один другого; по субботам бичевали друг друга. Таков был их образ жизни, когда они пребывали в монастыре.

Если, по приказанию настоятеля, они отлучались из него, им было строжайше запрещено – под страхом тяжелой кары – даже есть или пробовать рыбу, находясь на море или на реке; также вкушать какого бы то ни было мяса, когда они были на твердой земле, – это для того, чтобы для каждого было явным, что они, наслаждаясь каким-нибудь предметом, не соблазняются властью и похотью и непоколебимы, как Марпезианская скала.

И все они делают с приличествующими случаям антифонами, поют же всегда ушами, как мы уже сказали. А когда солнце ложится в океан, они обувают друг другу, как выше сказано, сапоги со шпорами, и с очками на носу располагаются ко сну. В полночь входит человек в сандалиях, и братья встают чистить и точить свои бритвы; затем, совершив крестный ход, ставят над собой столы и питаются, как выше сказано.

Брат Жан-забияка, видя этих веселых братцев-фредонцев и слушая их устав, потерял всякое терпение и громко воскликнул:

– Крысу вам большую на стол! Я сокрушу его, клянусь богом, я ухожу! Сейчас я наверное знаю, что мы находимся на земле антихтонов³¹² и антиподов. В Германии разрушают монастыри и расстригают монахов, а здесь их, наоборот, воздвигают.

³¹² Платон в одном из диалогов рассказывает про «антихтон», что значит. противуземля», «земля навыворот», где все такое же, как у нас, но обратное.

ГЛАВА XXVIII. Как Панург, расспрашивая одного брата-фредона, получал от него только односложные ответы

Панург с самого нашего прихода только и делал, что внимательно рассматривал физиономии этих королевских фредонов; потом дернул одного из них, тощего как копченый черт, за рукав, и спросил его:

– Брат-фредон, фредонец, фредончик! Где твоя подруга?

Фредон отвечал ему: – Внизу.

Панург. А много у вас их здесь?

Фредон. Мало.

Панург. А сколько их всего?

Фредон. Двадцать.

Панург. Сколько же вам хотелось, чтобы их было?

Фредон. Сто.

Панург. Где вы их прячете?

Фредон. Там.

Панург. Я не думаю, чтобы они все были, одного возраста. А какой у них стан?

Фредон. Прямой.

Панург. Каков цвет лица?

Фредон. Как у лилий.

Панург. А волосы?

Фредон. Белокурые.

Панург. Какие глаза?

Фредон. Черные.

Панург. А перси?

Фредон. Круглые.

Панург. А личики?

Фредон. Холеные.

Панург. А брови?

Фредон. Мягкие.

Панург. Каковы их прелести?

Фредон. Зрелые.

Панург. Их взгляд?

Фредон. Открытый.

Панург. Каковы ноги их?

Фредон. Плоские.

Панург. Пятки?

Фредон. Короткие.

Панург. Каковы они снизу?

Фредон. Прекрасны.

Панург. А руки их?

Фредон. Длинные.

Панург. Что носят они на руках?

Фредон. Перчатки.

Панург. А кольца на пальцах из чего?

Фредон. Золотые.

Панург. Во что они одеваются?

Фредон. В сукна.

Панург. А в какие сукна вы их одеваете?

Фредон. В новые.

Панург. Какого цвета?

Фредон. Светло-зеленые.

Панург. Каковы их головные уборы?

Фредон. Голубые.

Панург. А обувь их какая?

Фредон. Коричневая.

Панург. А каковы все материалы, что вы назвали?

Фредон. Тонкие.

Панург. А башмаки их?

Фредон. Кожаные.

Панург. Перейдем к кухне – я разумею, к их кухне, – не спеша пощиплем, выпотрошим все понемногу. Что у них на кухне?

Фредон. Огонь.

Панург. Что поддерживает этот огонь?

Фредон. Дрова.

Панург. Какие дрова?

Фредон. Сухие.

Панург. А какого дерева?

Фредон. Тисовые.

Панург. А растопки и щепки?

Фредон. Из падуба.

Панург. А какими дровами топите комнаты?

Фредон. Сосновыми.

Панург. А еще какими?

Фредон. Липовыми.

Панург. Но девушки ваши, – как вы их кормите?

Фредон. Хорошо.

Панург. Что едят они?

Фредон. Хлеб.

Панург. Какой?

Фредон. Черный.

Панург. А еще что?

Фредон. Мясо.

Панург. Какое?

Фредон. Жареное.

Панург. А суп они не едят?

Фредон. Никогда.

Панург. А пирожного?

Фредон. Вдоволь.

Панург. И я тоже. Едят они рыбу?

Фредон. Да.

Панург. Какую рыбу вы им подаете?

Фредон. Холодную.

Панург. А еще что?

Фредон. Яйца.

Панург. А какие яйца они любят?

Фредон. Вареные.

Панург. Я спрашиваю, – как сварены?
Фредон. Вкрутую.
Панург. И это вся их еда?
Фредон. Нет.
Панург. Как так? Что же у них еще есть?
Фредон. Говядина.
Панург. А еще что?
Фредон. Свинина.
Панург. А еще что?
Фредон. Гусыни.
Панург. А кроме того что?
Фредон. Гусаки.
Панург. А другое что?
Фредон. Петухи.
Панург. А соус какой?
Фредон. Соленый.
Панург. А на сладкое что у них бывает?
Фредон. Сусло.
Панург. В заключение обеда что?
Фредон. Рис.
Панург. А еще что?
Фредон. Молоко.
Панург. А еще что?
Фредон. Горошек.
Панург. А какой горошек?
Фредон. Зеленый.
Панург. А в горошек что кладется у вас?
Фредон. Сало.
Панург. А фрукты?
Фредон. Хорошие.
Панург. Какие?
Фредон. Сырые.
Панург. А еще что?
Фредон. Орехи.
Панург. А как они пьют?
Фредон. Чисто.
Панург. А что?
Фредон. Вино.
Панург. Какое?
Фредон. Белое.
Панург. А зимою?
Фредон. Здоровое.
Панург. А весною?
Фредон. Крепкое.
Панург. А летом?
Фредон. Свежее.
Панург. А осенью, за сбором винограда?
Фредон. Сладкое.

– Клянусь моей рясой! – воскликнул брат Жан. – Как ваши фредонские девицы должны быть толсты, и как они могут бегать рысью, раз питаются так обильно и хорошо!

– Позвольте мне кончить, – сказал Панург. – В котором часу они ложатся?

Фредон. Ночью.

Панург. А когда встают?

Фредон. Днем.

– Вот поистине самый милый фредон, какого я видел в этом году. Да будет богу и благословенному святому Фредону – совместно с благословенной и достойной святой Фредонной – угодно, чтобы он стал первым судьей Парижа! Прах побери, дружок, какой из него вышел бы ускоритель всяких судебных дел, какой укоротитель процессов! Какая гроза дебатов, какой опустошитель мешков, перелистыватель бумаг, какой борзописец! Ну, теперь перейдем к другим предметам, и поговорим о характера и о чувствах.

Далее следует непристойный разговор сексуального характера.

Панург, улыбаясь, сказал:

– Вот бедняга фредон! Вы слышали, как он решителен, краток и быстр в ответах? Он произносит только односложные слова. Я думаю, что он сделает из одной вишни три куска.

– Ей-богу, – сказал брат Жан, – с девочками своими он так не говорит, – с ними он очень многосложен. Вы говорите о трех кусках из одной вишни? Клянусь святым Григорием, что из бараньей лопатки он сделает только два куска, а из кварты вина – один глоток. Посмотрите, как он пришиблен.

– Эта, – сказал Эпистемон, – противная ржавчина монахи во всем мире жадны на еду, – а еще говорят нам, что у них в этом мире только одна жизнь. А что другое, чорт возьми, у королей и великих князей?

ГЛАВА XXIX. Как Эпистемону не нравится установление поста

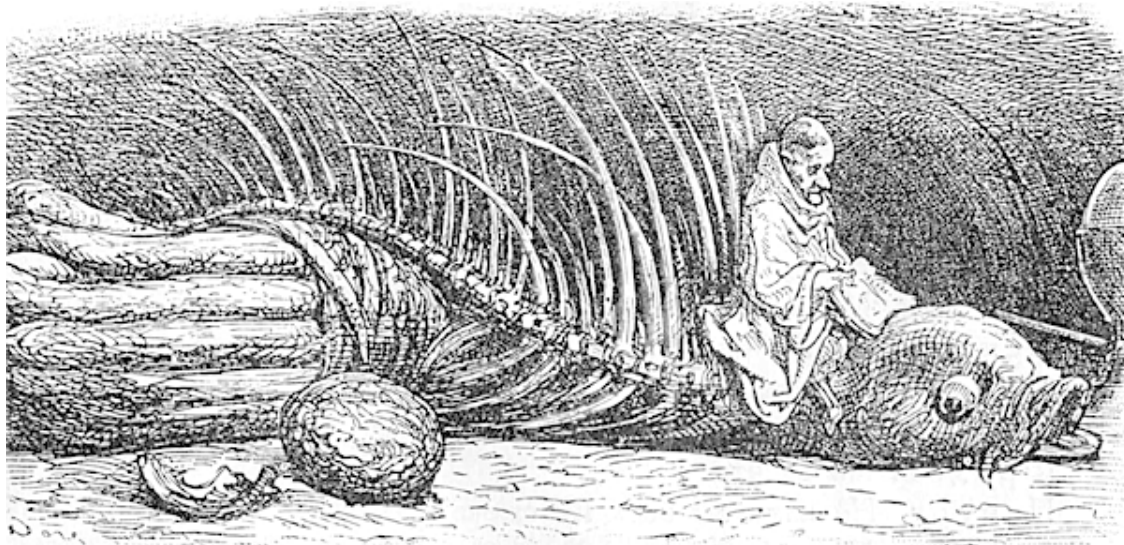
– Заметили ли вы, – сказал Эпистемон, – что этот скверный урод фредон представил нам март как месяц распутства?

– Да, – отвечал Пантагрюэль, – между тем март всегда приходится в великом посту, установленном для измождения плоти, умерщвления чувственных стремлений и обуздания эротической яри.

– По этому, – сказал Эпистемон, – вы можете судить, осмысленно ли поступил тот папа, который первый учредил пост, – раз этот скверный башмак фредон сознается, что никогда он не замаран так похотью, как во время поста; по очевидным причинам, приводимым всеми хорошими и учеными врачами, которые утверждают, что ни в какое время года не едят такой возбуждающей похотливости пищи, как в это время: всякие бобы, горошек, фасоль, турецкий горох, лук, орехи, устрицы, сельди, соленья, морскую рыбу, салаты из возбуждающих трав, руту, настурцию, дракон-траву, полевой кардамон, водяную петрушку, мак, рогач, хмель, фиги, рис, виноград...

– Вы будете, пожалуй, очень изумлены, – сказал Пантагрюэль, когда я вам скажу, не предписал ли добрый папа, учредитель святого поста, видя, что тогда как раз такое время года, в которое естественное тепло выходит из центра, где задерживается в течение зимних холодов, и распространяется по членам, по окружности, как древесный сок по дереву, не предписал ли папа этих кушаньев для того, чтобы способствовать размножению рода человеческого. Меня навело на мысль то обстоятельство, что в метрических записях Туара больше числится детей, рожденных октябре и ноябре, чем во все другие девять месяцев в году; эти дети, если отсчитать назад, все сделаны, зачаты и зарожжены во время поста.

– Я, – сказал брат Жан, – слушаю ваши речи и получаю не мало удовольствия от того; но кюре из Жамбера приписывал это обильное женское потучнение не постной пище, но тем маленьким допросчикам под сводами, проповедничкам елейным, исповедничкам келейным, которые в это время своей власти присуждают развратных мужей чуть ли не к самым когтям Люцифера. Под их угрозой женатые мужчины больше не балуются с горничными, а возвращаются к женам.

– Толкуйте, – сказал Эпистемон, – учреждение поста, как вам думается, – каждый держится своего мнения; но уничтожению его, – которое, по-моему, неизбежно в скором вре-

мени, – воспротивятся все дикие, – я это знаю, я слышал от них. Ведь без поста их искусство будет в пренебрежении, – они ничего не заработают, потому что никто хворать не будет. В посту сеются всевозможные болезни; пост – настоящий томник, естественное зачатие и рассадник всяких зол. И примите только во внимание, что если от поста тела гниют, то и души тоже портятся. Дьяволы тогда делают свое дело. Ханжи тогда выступают, у святош начинаются большие праздники: столько всяких епитимий, отпущений, исповедей, бичеваний, анафематствований! Я не хочу утверждать, что аримаспийцы в этом лучше нас.

– А что, – сказал Панург, – вы скажете об этом человеке, милашечка мой, фредон? Не еретик ли он, чего доброго?

Фредон. И весьма.

Панург. Что ж, его надо сжечь?

Фредон. Надо.

Панург. И как можно скорее?

Фредон. Пожалуй.

Панург. Не поджаривая?

Фредон. Нет.

Панург. А как же?

Фредон. Живьем.

Панург. А что потом с ним будет?

Фредон. Умрет.

Панург. Что, он вас так рассердил?

Фредон. Увы!

Панург. А кто он, по-вашему?

Фредон. Безумец.

Панург. Безумец или бесноватый?

Фредон. Больше того.

Панург. А кем, вы хотите, чтобы он стал?

Фредон. Сожженным.

Панург. Жгли также и других?

Фредон. Многих.

Панург. Которые были еретики?

Фредон. Меньше его.

Панург. А еще будут жечь?

Фредон. Многих.

Панург. А вы их помилуете?

Фредон. Ни за что.

Панург. Не надо ли всех их сжечь?

Фредон. Надо.

– Не знаю, – сказал Эпистемон, – что вам за удовольствие рассуждать с этим злым оборванцем-монахом; если бы я раньше с вами не был знаком, у меня составилось бы о вас не очень лестное мнение.

– Да ну, ей-богу, сказал Панург, – я бы с охотой отвел его к Гаргантюа, – до того он мне нравится; когда я женюсь, он будет служить у моей жены шутом.

– И даже больше, – сказал Эпистемон.

– Получай свое вино, – сказал, посмеиваясь, брат Жан, – бедняга Панург, тебе уж никак не избежать стать рогоносцем!

ГЛАВА XXX. Как мы посетили Атласную страну

В этой главе Раблэ осмеивает путешественников – любителей чудесного баснословного. На острове Фризе находилась Атласная страна, «где ни деревья ни травы никогда не теряли ни листы ни цветов», ибо были из дамасской ткани и тисненого бархата. Таковы же были животные и птицы, слоны там сидели за столами, молча пили и ели, как блаженные отцы – монахи – в трапезной. Плиний именно там видал пляшущих на канате под звон колокольчика слонов и гуляющих по столам во время пира, без помехи сотрапезникам...

Там был носорог; тридцать два единорога; золотое руно, завоеванное Язоном; хамелеон, питавшийся одним воздухом и больше ничем; три гидры, По семи голов у каждой; четырнадцать фениксов; кожа золотого осла Апулея; триста девять пеликанов; шесть тысяч шестнадцать птиц – селевкидов, стимфалид, гарпий и т. д. И другие всевозможные птицы и звери.

ГЛАВА XXXI. Сак в Атласной стране мы видали Наслышку, содержавшего свидетельскую школу

Проехав немного далее по этой Ковровой стране, мы увидели разверзшееся до самых пучин Средиземное море – точь-в-точь так, как в Аравийском заливе разверзлось Эритрейское море, дабы дать проход евреям, шедшим из Египта. Тут я признал Тритона, трубившего в свою большую раковину, Главка, Протея, Нерея и тысячу других богов и морских чудовищ. Мы увидели также бесчисленное количество всевозможных видов рыб, – пляшущих, летающих, порхающих, сражающихся, едящих, дышащих, спорящих, охотящихся, устраивающих засады, заключающих перемирия, торгующих, играющих и веселящихся. В углу, поблизости от них, мы увидели Аристотеля с фонарем в руке, в позе, похожей на ту, в какой рисуют около святого Христофора отшельника, высматривающего, обдумывающего и записывающего. Сзади него стояли, как сыщики, другие философы, как-то: Аппиан, Гелиодор, Атений, Порфирий, Танкрат аркадийский, Нумений, Поссидоний, Овидий, Оппиан, Олимпий, Телевк, Леонид, Агафокл, Теофраст, Дамострат, Муциан, Нимфодор, и еще пятьсот других таких же праздных людей, как Хризипп или Аристарх Сольский, который пятьдесят восемь лет провел в наблюдении за бытом пчел, ничего другого не делая. Между ними я заметил Тьера Жилля, у которого был урыльник в руке и который был глубоко погружен в созерцание урины этих прекрасных рыб.

Вдосталь насмотревшись на Атласную страну, Пантагрюэль сказал:

– Я долго здесь насыщал свое зрение, но от этого отнюдь не чувствую себя сытым; желудок мой прямо бесится от голода.

– Ну что ж, попытаемся, попытаемся, – сказал я, – и попробуем этих анакамперотов, что висят над нами. Фи, да они ничего не стоят!

Я взял тогда несколько плодов миробалана, висевших с одного конца ковра. Но я не мог ни прожевать, ни проглотить их; да и вы, попробовав их, сказали бы и поклялись, что это крученый шелк, без всякого вкуса. Можно было подумать, что Гелиогабал отсюда, как бы вторым изданием, заимствовал способ угостить тех, которых заставил долго пропоститься, обещая им роскошный, обильный и царский пир, – а подал им кушанья восковые, мраморные, глиняные и из расписной и узорчатой ткани.

Рыская по вышесказанной стране в поисках чего-нибудь съедобного, мы услышали резкий шум, будто женщины колотят белье или стучит мельничный толчок. Не медля мы направились к тому месту, откуда слышался шум, и увидели горбатого старикашку, маленького и чудовищно уродливого. Его называли Наслышкой; у него была пасть, растянутая до ушей, – а внутри пасти семь языков, или один язык, рассеченный на семь частей. Как бы то ни было, всеми семью языками вместе он говорил разное и на разных языках; по всей голове да и на всем остальном теле у него было столько же ушей, сколько когда-то у Аргуса глаз; кроме того он был слеп, а ноги его были в параличе. Вокруг старика я заметил невероятное число мужчин и женщин, внимательно слушавших его; некоторые из этой толпы показались мне милыми; у одного из них в руках была карта вселенной, и он кратко, в лаконичных афоризмах, изъяснял, что в ней, – а слушавшие в несколько часов становились учеными людьми и говорили с большим изяществом об удивительных вещах, и все на память. Чтобы узнать хоть сотую часть всего этого, не хватило бы человеческой жизни. Говорили о нильских пирамидах, о Вавилоне, о троглодитах, о гимантоподах, о блемимиях, о пигмеях, каннибалах, гиперборейских горах, об эгипанах, обо всех чертях, – и все «по-наслышке». По-моему, я видел там Геродота, Плиния, Солина, Филострата, Мелу, Страбона и других древних; затем Альберта – великого якобинца, Петра Свидетеля, папу Пия II, Волатеррана, Паоло Джовио – достойного мужа, Жака Картье, Хайтона армянина, Марко Поло – венецианца, Людовика – римлянина, Педро Альва-

реса – и не знаю сколько еще других новейших историков, спрятавшихся за одним из ковров и втихомолку писавших прекрасные штучки, и все «по-наслышке».

Позади одного из бархатных ковров с изображением листьев мяты, вблизи Наслышки, я увидел множество першеронцев и жителей провинции Мэн, хороших студентов, еще молодых. Спросив у них, на каком факультете они занимаются, мы услышали в ответ, что с юного возраста они учатся быть свидетелями и так преуспели в этом искусстве, что, уехав отсюда и вернувшись к себе на родину, они честно живут своим ремеслом свидетеля, свидетельствуя обо всем в пользу тех, кто им больше платит, – и все «по-наслышке». Говорите об этом, что угодно, – но они нам отрезали от своей краюхи, и мы вволю напились из их боченков. После этого они нас сердечно предупредили, что нам надо, елико возможно, скупиться на правду, если мы хотим преуспеть при дворе знатных вельмож.

ГЛАВА XXXII. Как мы открыли Фонарную страну. Как мы сошли в Порту Светящихся Рыб и вступили в Фонарию

Плохо накормленные в Атласной стране, мы плыли, – продолжает рассказчик, – три дня, а на четвертый приблизились к Фонарной стране. На море там светились огоньки, – это были рыбы с огненным языком. По объяснению же лоцмана, не рыбы, а сторожевые огни, зажженные в честь чужеземных «фонарей» – францисканцев, отправляющихся туда на собрание «провинциального капитула».

Путники вошли в порт Фонарии. Близ него находилась деревня, населенная светляками, жившими на счет Фонарей, «как в наших краях живут на счет монахинь братья-сборщики» (т.е. собиратели на женские монастыри).

Спутников провели к королеве, которая была одета в платье из горного хрусталя, усеянное крупными алмазами. Все Фонари, как знатные и большие, так и малые, были также украшены, – кто стразами, кто рогом, кто бумагой, кто воценой тканью. Фонарь философа Эпиктета был просто глиняный, а считался одним из самых пышных: за него когда-то давали три тысячи драхм...

За ужином всем дали сальные свечи (королеве – факел из воска). По просьбе Панурга, изложенной на фонарном языке, королева соизволила предоставить спутникам на выбор любого из Фонарей из числа собравшихся на провинциальный капитул. Они хотели взять его в качестве проводника по дороге к оракулу Божественной Бутылки.

ГЛАВА XXXIII. Что подавали на ужин дамам Фонарии

В этой главе перечисляются сначала многочисленные закуски, затем разные кушанья и, наконец, танцы после обеда (около ста пятидесяти). Закуски – в роде таких: «вкусные щелчки», «чайники под винегретом», «стразы», «ерунда», «чепуха», «запеченные пустяки» и т. п. Во вторую очередь подавали: «оставь меня в покое», «убирайся прочь», «расправься с ним сам», «рукоплескание», всякие ругательства и т. д. На последнее – блюда в таком же роде: «бреден-брееда», «галиматья», «тирлитантен», «прошлогодний снег» и т. п.

Некая старая Фонарка из пергамента до того перепилась на пиру, что потеряла по дороге и жизнь и смерть; это довольно часто случается в Фонарии.

Что касается танцев, то некоторые из них действительно исполнялись во времена Раблэ («Катерина», «Радость Пикардии», «Принцесса любви» и т. д.), другие, вероятно, выдуманы.

ГЛАВА XXXIV. Как мы прибыли к оракулу Бутылки

Под веселым освещением и руководством нашего благородного Фонаря мы прибыли на вожденный остров, где помещался оракул Бутылки. Сойдя на землю, Панург резво подпрыгнул в воздухе на одной ноге и сказал Пантагрюэлю:

– Нынче мы нашли то, что искали с такими заботами и многообразными трудностями.

Потом он вежливо поручил себя нашему Фонарю. Последний велел нам всем надеяться и отнюдь не пугаться, что бы нам ни предстало.

Приближаясь к храму Божественной Бутылки, мы должны были пройти среди большого виноградника, с лозами всяческих пород: тут были лозы – фалернская, мальвазийская, мускатная, бонская, мирвосская, орлеанская, мускатная, куссийская, гравская, анжуйская, корсиканская, верронская, неракская и другие. Означенный виноградник был некогда насажден добрым Бахусом, и с таким благословением, что все время приносил листья, цветы и плоды, как апельсиновые деревья в Сан-Ремо. Наш великолепный Фонарь велел нам съесть каждому по три виноградинки, положить виноградных листьев в башмаки и взять в левую руку по зеленой ветке. У конца виноградника мы прошли под античной аркой, на которой находился трофей пьяницы, весьма тщательно вырезанный: это была предлинная вереница всяких флаконов, бутылей, бутылок, склянок, фляжек, бочек, боченков, штофов, кувшинов, пинт, а также античных сосудов, свисавших с тенистого навеса. Кроме того премного чеснока, луку, шарлоту, окороков, икры, круглых сыров, копченых бычьих языков, старого сыра и тому подобных закусок, перевитых виноградными лозами и с большим искусством связанных ветвями. Сверх того тут было до сотни видов рюмок, стаканов, кубков, бокалов, фиалов, кружек, чашек, стаканчиков, ковшей и тому подобной вакхической артиллерии. На самой арке, под зоофором, были написаны такие два стиха:

Пробираясь тайником,
Запасайся фонарьком!

– Этим, – сказал Пантагрюэль, – мы уже запаслись, во всем государстве Фонарии нет более божественного Фонаря и лучшего, чем наш!

Арка эта заканчивалась прекрасным широким туннелем, сплетенным из виноградных лоз, украшенных виноградинами пятисот различных цветов и пятисот различных форм, не натуральных, а полученных благодаря земледельческому искусству. Тут были желтые, синие, бурые, голубые, белые, черные, зеленые, лиловые, крапчатые, длинные, круглые, треугольные, квадратные, яйцеобразные, в форме венчика, бородатые, в форме кочана, волосатые... Конец туннеля был закрыт тремя античными плющами, ярко-зелеными и увешанными кольцами. Там наш светлейший Фонарь приказал, чтобы каждый из нас сделал себе из этого плюща по албанской шапочке и накрыл ею себе голову. Это было сделано без промедления.

– Под этим навесом, – сказал тогда Пантагрюэль, – никогда не осмелился бы пройти великий жрец Юпитера.

– Причина тому, – сказал наш пресветлый Фонарь, – мистическая, для обозначения того, что первосвященники, равно все лица, предающиеся и посвящающие себя созерцанию божественных вещей, должны сохранять свой дух в спокойствии и вне всякого смятения чувств, которое обнашивается в опьянении больше, чем в другой страсти, – ибо, проходя здесь, он имел бы вино, то есть виноград, над головой, и могло бы оказаться, что он как бы находится под началом и во власти вина. И вы равным образом не были бы допущены в храм Божественной Бутылки, раз прошли под этим навесом, если бы Бакбюк – благородная жрица – не увидела, что ваши башмаки полны виноградными листьями: это есть знак, диаметрально противоположный

первому, и с очевидностью показывает, что вино вами презирается, попирается и находится у вас в подчинении.

– Я, – сказал брат Жан, – не учен, вот почему это мне не нравится. Но в требнике моем я нахожу, что в «Откровении», как удивительное явление, видели женщину, у которой была луна под ногами; это, как мне объяснил Биго, чтобы показать, что она иной расы и природы, чем другие женщины, у которых у всех луна, наоборот, в голове, и, следовательно, мозг у них всегда лунатический; оттого мне легко поверить в то, что вы говорите, Фонарь, друг мой!

ГЛАВА XXXV. Как мы спустились под землю, чтобы войти в храм Бутылки, и почему Шинон – первый город в мире

Таким образом мы спустились под землю через арку, покрытую штукатуркой, с грубо нарисованной снаружи пляской женщин и сатиров, которые сопровождали старика Силена, смеявшегося на своем осле. Тут сказал Пантагрюэль:

– Этот вход пробуждает во мне воспоминание о размалеванном ребе первого в мире города; ибо там живопись такая же и такой же жести, как здесь.

– Где это, – спросил Пантагрюэль, – какой это первый город, о котором вы говорите?

– Шинон, – сказал я, – иначе Каинон, в Турени.

– Я знаю, где Шинон, – отвечал Пантагрюэль, – знаю также расписанный погреб, я там выпил много стаканов свежего вина, и нисколько не сомневаюсь в том, что Шинон – древний город; об этом свидетельствует его герб, на котором написано:

Шинон, дважды, трижды Шинон,
Хоть мал он, но славится он,
На древнем он камне стоит,
У рощи, где Вьенна бежит.

«Но почему этот город – первый в мире? Где вы нашли, что это написано? Каковы ваши предположения?»

– Я нахожу, – сказал я, – в священном писании, что Каин был первым градостроителем; поэтому вполне правдоподобно, что первый город он назвал по своему имени Каиноном, как впоследствии, в подражание ему, все другие основатели и устроители городов давали последним свои имена. Афина – это греческое имя Минервы – дала свое имя Афинам, Александр – Александрии, Константин – Константинополю, Помпей – Помпейполису, что в Киликии;

Адриан – Адрианополю, Хана – хананеянам, Саба – сабеянам, Ассур – ассирийцам. Подобным образом названы и Птолемида, Кесария, Тибериум, Геродиум в Иудее...

Пока мы таким образом беседовали, вышел большой Фляга, губернатор Божественной Бутылки, в сопровождении стражи храма, которая вся состояла из Французских Бутылочек. Заметив, что мы все с тирсами в руках (как я сказал) и увенчаны плющом, а также узнав нашего знатного Фонаря, он нас пропустил в полной безопасности и приказал, чтобы нас отвели прямо к принцессе Бакбюк – придворной даме Бутылки и верховной жрице при всех мистериях. Это и было сделано.

ГЛАВА XXXVI. Как мы спустились по четверичным лестницам, и об испуге Панурга

После этого мы спустились на одну мраморную ступень, – там оказалась площадка; повернув налево, мы спустились по двум ступеням – и опять такая же площадка; потом три в другую сторону – и опять подобная площадка; и еще четыре – и снова то же.

Панург спросил:

– Это здесь?

– Сколько ступеней, – сказал наш великолепный Фонарь, – вы насчитали?

– Одна да две, три да четыре, – отвечал Пантагрюэль.

– Итого сколько? – спросил Фонарь.

– Десять, – отвечал Пантагрюэль.

– При посредстве, – сказал Фонарь, – пифагорейской тетрады умножьте то, что получилось.

– Десять, – сказал Пантагрюэль, – двадцать, тридцать, сорок.

– Сколько в сумме? – спросил Фонарь.

– Сто, – отвечал Пантагрюэль.

– Прибавьте, – сказал Фонарь, – первый куб, то есть восемь; в конце этого рокового числа мы найдем дверь храма. И заметьте предусмотрительно, что это – истинно-платоновская психогония, столь прославленная академиками, но столь плохо понятая, половину которой составляет единство (сумма) двух первых целых чисел, двух квадратов и двух кубов.

Пока мы спускались по этим числовым ступеням под землю, нам очень нужны были, во-первых, наши ноги, ибо без них мы бы могли спуститься только катясь, как бочки в подземный погреб; а во-вторых – наш пресветлый Фонарь, потому что при спуске нам не светил никакой другой свет, как если бы мы были в пещере святого Патрика в Гибернии или во рву Трофония в Беотии.

Когда мы спустились приблизительно на семьдесят восемь ступеней, Панург, обращаясь к нашему блестящему Фонарю, воскликнул:

– Чудесная дама! С сокрушенным сердцем прошу вас вернуться назад. Смертью быка клянусь, я умираю от страха! Я согласен никогда не жениться. Вы много потерпели и потрудились для меня. Бог вам воздаст за это в день великого возмездия! Я не окажусь неблагодарным по выходе из этой пещеры троглодитов. Пожалуйста, вернемся! Я сильно подозреваю, что здесь тот самый Тенар, которым спускаются в ад, и мне кажется, что я уже слышу лающего Цербера. Слушайте, это он, или у меня звенит в ушах! У меня нет к нему ни малейшего благоговения, – ибо даже зубная боль никогда не бывает сильнее, чем укус собаки, хватающей вас за ноги! Если здесь ров Трофония, то лемуры и кобольды съедят нас живьем, как некогда они съели одного из аллебардчиков, Деметрия, за недостатком объедков. Тут ли ты, брат Жан? Прошу тебя, брюханчик мой, не отходи от меня, – я умираю от страха. С тобой ли твой меч? Ведь у меня к тому же нет никакого оружия – ни наступательного, ни оборонительного. Вернемся!

– Я тут, – сказал брат Жан, – я тут, не бойся: я держу тебя за шиворот; восемнадцать дьяволов не вырвут тебя из моих рук, хотя я и безоружен. В оружии, при нужде, недостатка не будет, когда доброе сердце в союзе с доброй рукой; даже с неба оружие дождем упадет, как на полях Кро, близ Марианских оврагов в Провансе, когда-то выпал каменный дождь (камни эти еще там лежат) в помощь Геркулесу, которому иначе нечем было сражаться с двумя детьми Нептуна. Да что? Не спускаемся ли мы здесь в лимб малых детей (ей-богу, они нас тут обделают всех!) – или мы в ад идем ко всем дьяволам? Прах побери, я их сейчас избыю, раз у меня в башмаках виноградные листья! О, как здорово я подерусь! А где же, где они? Я боюсь только

их рогов. Но те рога, что Панург, женившись, будет носить, меня вполне предохранят от этого. Я уже вижу в пророческом прозрении его, второго Актеона, рогача рогозадного.

– Берегись, брат, – сказал Панург, – чтобы – в ожидании, пока будут женить монахов – не жениться тебе на перемежающейся лихорадке. Ибо я только в таком случае могу выбраться из этого подземелья цел и невредим, если я тебя случу с нею, – исключительно для того, чтобы сделать тебя рогоносцем, рогозвучащим. Иначе говоря, я полагаю, что лихорадка перемежающаяся – плохой груз. Мне припоминается, что Грипмино собирался ее дать тебе в жены, да ты его обозвал еретиком.

Здесь наша беседа была прервана великолепным нашим Фонарем, который указал нам, что тут такое место, которое подобает почтить прекращением разговора и молчанием языков. А кроме того дал решительный ответ, что нам ничуть не следует отчаиваться в возможности возвращения после того, как услышим слово Божественной Бутылки, раз мы набили виноградными листьями наши башмаки.

– Ну, так идем же, – сказал Панург, – бросимся напролом головой сквозь всех чертей. Двух смертей не бывать! Во всяком случае я берег свою жизнь для какой-либо битвы. Бей! Наступай! Храбрости у меня более чем достаточно; правда, что сердце у меня дрожит, но это только от холода и затхлого воздуха в этом погребе. Но не от страха, нет, и не от лихорадки. Бей! Наступай! Проходи! Мочись! Имя мое – Гильом Бесстрашный.

ГЛАВА XXXVII. Как двери храма удивительным образом приотворились сами

В конце ступеней мы встретили портал из тонкой яшмы, очень соразмерный и сделанный в дорическом стиле, на передней стороне которого ионическими буквами из самого чистого золота было написано следующее изречение: «В вине истина». Обе половинки дверей были медные, в роде коринфских, массивные, с маленькими выпуклыми виньетками, изящно эмалированные в согласии с требованиями скульптуры, и обе были плотно сдвинуты одна с другой в своем гнезде, без замка, без ключа, без цепочки и без какой бы то ни было смычки. Там висел только один индийский диамант, величиною с египетский боб, оправленный в золото, припаянный в двух точках, а формою шестиугольный, с прямыми ребрами; с каждой стороны его, по направлению к стене, свисало по пучку чеснока.

Тут наша благородная проводница сказала нам, чтобы считали законным ее извинение, так как она больше нас сопровождать не будет; что нам следует только повиноваться указаниям верховной жрицы Бакбюк. Ибо входить внутрь ей не позволено по некоторым причинам, о которых людям, живущим смертной жизнью, лучше умолчать, чем говорить. Но на всякий случай она рекомендовала нам не терять рассудка, ничего не пугаться и не бояться и положиться на нее относительно возвращения. Затем она вытащила диамант, висевший в месте соединения двух половинок дверей, и вложила его справа в нарочно для того устроенную серебряную выемку; вытащив из-под порога дверей шнур кармазинного шелка, длиною в полтора туаза, с висящим на нем чесноком, привязала его к двум золотым кольцам, нарочно для этого прикрепленным по бокам, и отошла в сторону.

Вдруг обе половинки, без того чтобы кто-нибудь к ним притронулся, открылись сами собой, не издав при этом ни резкого скрипа, ни страшного сотрясения, как обыкновенно это бывает с тяжеловесными бронзовыми дверями, а только нежный и изящный рокот, отдавшийся в сводах храма. Пантагрюэль сразу постиг причину этого, увидав под краями половинок дверей по маленькому цилиндру, которые касались дверей выше порога, и по мере того, как дверь отодвигалась к стене, они поворачивались на твердом куске пестрого мрамора, чисто и гладко отполированного, издавая нежный и гармонический рокот.

Я очень изумился тому, как двери сами собой, без толчка с чьей-либо стороны, распахнулись. Чтобы постичь этот чудесный случай, я, после того как мы все вошли внутрь, окинул взором пространство между дверьми и стеной, любопытствуя узнать, какую силою и каким орудием они были опять закрыты, подозревая, что наш любезный Фонарь к месту, где они смыкались, приложил траву, называемую «эффиопис», при посредстве которой отмыкают все, что заперто. Но я заметил, что в части, где смыкались обе половинки, в нижнем пазу находится пластинка из тонкой стали, вделанная в коринфскую бронзу.

Кроме того я увидел две доски из индийского магнита, большие, толщиной в пол-ладони, голубой окраски, гладко отполированные; во всю свою толщину они были вправлены в стену храма в том месте, где раскрытые настежь двери упирались в стену.

Значит, благодаря сильному притяжению магнита, стальные пластины, следуя сокровенному и удивительному закону природы, приходили в движение; вследствие этого двери, медленно влекомые, сдвигались, однако не всегда, но только когда удаляли вышеназванный диамант, – благодаря близости последнего сталь освобождалась от естественного для нее повиновения магниту, – и когда снимали оба пучка чеснока, которые наш веселый Фонарь удалил и повесил к кармазинному шнуру, – ибо чеснок умерщвляет магнит и лишает его притягательной силы.

На одной из вышеупомянутых досок, направо, был тонко высечен латинскими старинными буквами следующий стих ямбического сенара:

Ducunt volentem fata, nolentem trahunt.

«Судьбы ведут того, кто хочет, отводят в сторону того, кто не хочет». А на другой доске, слева, я увидел изящно высеченную надпись прописными ионическими буквами:

«Все движется к своему концу».

ГЛАВА XXXVIII. Как пол храма был вымощен удивительными эмблемами

Прочитав эти надписи, я кинул свой взор на великолепный храм и стал созерцать на полу невероятный узор, с которым поистине не может сравниться никакое произведение искусства в нашем мире под твердью небесной, – ни каменный пол в храме Фортуны в Пренесте времен Суллы, ни пол, называемый греками Асаротом, сооруженный Созистратом в Пергаме. Ибо он был мозаичной работы, весь из маленьких полированных изящных четырехугольных камешков, своего природного цвета каждый: один – красный яшмовый, приятно расцвеченный разными пятнами; другой – из пестрого мрамора; третий – из порфира; тот – из волчьего глаза, усеянного золотыми искорками, мелкими как атомы; тот – агатовый, с разбросанными в беспорядке бликами молочного оттенка; тот – из очень светлого халцедона; тот – из зеленой яшмы, с красными и желтыми прожилками. Все эти камешки были разбросаны по диагонали.

Под портиком рисунок пола был сделан из маленьких камешков, каждый натурального цвета, служивших для изображения фигур эмблемы: как будто на вышеназванный пол высыпали в беспорядке охапку виноградных лоз. Ибо в одном месте они казались насыпанными более, в другом – менее щедро; и эта замечательная листва была повсюду, а особенно в полусвете проглядывали в одном месте какие-то улитки заползшие на виноград, в другом – маленькие ящерицы, бегущие по лозе; там виднелся виноград полусозревший, а там – поспевший вполне. Все это было составлено и исполнено с таким искусством и умением, что этот виноград не менее легко способен был обмануть воробьев и других пичужек, чем живопись Зевксиса из Гераклеи; как бы то ни было, нас он обманул превосходно, так как на месте, где художник насыпал виноградные ветви очень густо, мы, из страха повредить себе ноги, шагали большими шагами, высоко поднимая ноги, как когда проходят по неровному и каменистому месту.

А потом я окинул взором своды храма и стены, выложенные мрамором и порфиром, также мозаичной работы, с чудными эмблемами, от одного конца до другого, изображающими с невероятным изяществом битву, выигранную добрым Бахусом у индийцев; начиная слева от входа в следующем порядке.

ГЛАВА XXXIX. Как в мозаике храма была изображена выигранная Бахусом у индийцев битва

Идет подробное описание нескольких картин. Вначале изображены были города, селения, замки, крепости, поля и леса, объятые пламенем. Затем тут же распутные и разъяренные женщины разрывали на части волов, баранов и овец, питаясь их сырым мясом. «Это обозначало, что Бахус, войдя в Индию, предал все огню и мечу».

Узнав, что войско Бахуса состоит из одного пьяного старика да голых и пляшущих хвостатых и рогатых, как козлы, молодых поселян и пьяных женщин, индийцы решили даже не оказывать ему вооруженного сопротивления, так как победа над таким сбродом ни в коем случае не могла послужить к славе победителя, а разве к позору. И Бахус беспрепятственно шествовал через страну, предавая все огню (огонь и молния – отцовское оружие Бахуса: Юпитер приветствовал его молнией перед рождением, а мать его Семела была уничтожена огнем вместе со всем своим домом). Бахус ехал на великолепной колеснице, в которую были впряжены три пары молодых леопардов.

В доказательство того, что добрые пьяницы никогда не стареют, лицо у Бахуса было совсем ребяческое, без волоска на подбородке, а на голове – острые рожки, над которыми прекрасный венок из лозы винограда; обут он был в золоченые полусапожки. Его телохранителями были вакханки (менады, эвиады, тиады, бассарида – неистовые женщины), с живыми змеями и драконами взамен поясов, с распущенными волосами, в которые были вплетены виноградные ветви; они были одеты в олени и козьи шкуры, с аллебардами, топориками и тирсами в руках; легкие щиты, звенящие от прикосновения, служили им тамбуринами и тимпанами. Их было восемьдесят тысяч. Авангардом их предводительствовал Силен, дрожащий старик, жирный, толстый, с большими прямыми ушами и острым орлиным носом. Одет он был в женское желтое платье и ехал верхом на осле. За ним бежали рогатые молодые люди, нагие и все время певшие и плясавшие; звали их титирами и сатирами; их было свыше восьмидесяти пяти тысяч. Арьергардом предводительствовал Пан. Это было чудовище с покрытыми шерстью козлиными ногами и с прямыми, глядевшими в небо, рогами на голове. Он был краснолицый, длиннородый, смелый, мужественный и дерзкий, весьма раздражительный человек. В левой руке у него была флейта, в правой – изогнутая палка; в его войско входили также сатиры, а затем всякие домовые, лешие, фавны, лары, лемуры, кобольды и пр. Их было семьдесят восемь тысяч. Все они кричали: «Эвое!»

ГЛАВА XL. Какими эмблемами была изображена битва Бахуса с индийцами

Впереди индийского войска стояли слоны с башнями на спине, в которых заключены были в бесчисленном множестве воины. Менады напали на индийцев первые, со страшным звоном своих тимпанов; слоны бросились в паническом ужасе назад и стали топтать индийцев... Силен, пришпорив своего осла, ринулся впереди авангарда; осел его, разинув пасть, гнался за слонами с воинственным ревом. Пан вприпрыжку вертелся вокруг менад, побуждая их доблестно сражаться. Один юный сатир вел семнадцать пленных царей, а одна вакханка опутала своими змеями и тащила за собой сорок два военачальника за раз. Бахус разъезжал на колеснице по лагерю, смеялся, забавлялся да выпивал за здоровье всех и каждого. Затем была изображена колесница Бахуса после его триумфа, вся увитая плющом, на которой стоял сам Бахус и пил вино из кубка.

Возле колесницы шли пленные индийские цари, закованные в толстые золотые цепи. В заключение был изображен Египет с Нилом, крокодилами, обезьянами, ихневмонами, ибисами, гиппопотамами и прочими тамошними животными. А Бахус разъезжал по этой стране в сопровождении двух быков, с золотыми надписями – на одном «Апис», а на другом «Озирис», потому что до прихода Бахуса в Египте не видывали ни быка, ни коровы.

ГЛАВА XLI. Как храм освещался чудесною лампой

Перед тем как приступить к описанию самой Бутылки, я вам опишу чудесную фигуру лампы, при посредстве которой свет распространялся по всему храму, – и такой изобильный свет, что – хотя храм был и подземный – в нем было так же видно, как в полдень, когда ясное солнце освещает землю. Посередине свода было прикреплено кольцо из массивного золота, толщиной в кулак; с него свешивались три почти столь же толстые цепи, очень искусно сделанные, которые в двух с половиной футах ниже кольца поддерживали в виде треугольника круглую пластину из чистого золота, такой величины, что диаметр ее превосходил два локтя и пол-ладони. В ней были проделаны четыре отверстия, или прореза, в каждом из которых был вделан полый шар, выдолбленный внутри, открытый сверху, в роде маленькой лампы, до двух ладоней в окружности; все лампы были из драгоценных камней: одна – из аметиста, другая – из ливийского карбункула, третья – опаловая, четвертая – топазовая. Каждая из них была наполнена горящей водой, пять раз перегнанной через змеевидный перегонный куб, – нестораемой, как то масло, которое когда-то Каллимах налил в золотую лампу Паллады в афинском Акрополе, с пылающим фитилем, частью из асбестового льна (как было некогда в храме Юпитера Аммонского, – его видел еще Клеомброт, преусердный философ), частью же из карпазийского льна, которые от огня скорее обновляются, чем истребляются.

Под этой лампой, фута на два с половиной, три цепи также были вправлены в три дужки, выходившие из большой круглой лампы из чистейшего хрусталя, диаметром в полтора локтя, открытой сверху ладони на две; через это отверстие была вставлена ваза из такого же хрусталя, в форме тыквы или урыльника; она спускалась до дна большой лампы, с таким количеством вышеназванной горящей воды, что пламя от асбестового фитиля приходилось прямо в центре большой лампы. Поэтому все сферическое тело последней, казалось, горело и пылало, потому что огонь находился в центре и в средней точке.

И остановить на ней твердый и постоянный взгляд было трудно, как этого нельзя делать, глядя на солнце, потому что такой удивительной ясности был материал и такая тонкая и прозрачная была вещь, благодаря отражению различных цветов (что свойственно драгоценным камням) с четырех маленьких верхних ламп на большую нижнюю; и блеск от этих четырех, изменчивый и мерцающий, сиял по всему храму. Далее, когда этот сильный свет падал на полированный мрамор, которым была выложена вся внутренность храма, то появлялись такие цвета, которые мы видим в небесной радуге, когда ясное солнце касается дождевых туч.

Изобретение было удивительное; но еще удивительнее казалось мне, что скульптор вырезал вокруг – на поверхности этой хрустальной лампы – живую и веселую стычку голых ребятишек, верхом на деревянных лошадках, с копьями из тростника и щитами, искусно сделанными из кистей винограда, перевитых лозами; их ребяческие движения и усилия были выражены искусством так умело, что сама природа не могла бы сделать лучше. Они даже не казались вырезанными в хрустале, но выпуклыми, или даже совсем отделенными, благодаря разнообразному и приятному свету, который проходил через скульптуру изнутри.

ГЛАВА XLII. Как верховная жрица Бакбюк показала нам в храме фантастический фонтан, и как вода фонтана принимала вкус вина, в зависимости от воображения пивших

Пока мы рассматривали в восторге этот чудесный храм и достопамятную лампу, пред нами предстала почтенная жрица Бакбюк со своей свитой, с веселым и смеющимся лицом; и, видя, что мы наряжены, как было сказано, без затруднения ввела нас в среднюю часть храма, в которой под вышесказанной лампой находился прекрасный фантастический фонтан, из более драгоценных материалов и работы более ценной, редкой и чудесной, чем грезилось Дедалу³¹³, когда он был в Аиде. Подножие фонтана было из чистейшего и прозрачного алебастра, высотой в три ладони с небольшим, семиугольное, равномерно выступающее наружу, с дорическими бороздками, извилинами и изгибами вокруг. Внутри он был точнейшей круглой формы. На середине каждого угла у края возвышалась пузатая колонна в форме столбика из слоновой кости, и их было всего семь, по числу семи углов. Длина их от основания до архитрава равнялась семи ладоням, немного меньше, точно такого же размера, как диаметр, проходящий через центр окружности и внутренней округлости.

Далее следует очень трудно понимаемое описание геометрического расположения колонн.

Первая колонна – то есть та, что при входе в храм предстала нашему зрению – была из небесно-голубого сапфира. Вторая – из гиацинта (с греческими буквами А в разных местах), цвета того цветка, в который была превращена кровь раздражительного Аякса. Третья – из анахитского диаманта – блистала и сверкала как молния. Четвертая – из отливающего оранжевым, а также и аметистовым цветом рубина, так что пламя его и блеск переходили в пурпурный и лиловый цвет аметиста. Пятая – из смарагда, в пятьсот раз более великолепного, чем колоссальный смарагд Сераписа в египетском лабиринте, – более цветистого и блестящего, чем те смарагды, которые вставлены вместо глаз мраморному льву, лежащему близ гробницы царя Гермия. Шестая – из агата, с более веселыми и разнообразными по цвету пятнами, чем у того, которым так дорожил Пирр, царь эфирский. Седьмая – из прозрачного селенита, белизною как берилл, с блеском гиметийского меда, – и в ней показывалась луна, по фигуре и движению такая, как на небе, – то полная, то как в новолуние, – возрастающая или убывающая.

Эти камни древними халдеями и магами связывались с семью небесными планетами.

Чтобы понять точнее и более по-ученому этот предмет, скажем, что на первой, сапфировой, колонне над капителью находилось изображение, из драгоценного свинца, бога Сатурна с косою и с искусно эмалированным (согласно приписываемым этой сатурновой птице цветам) золотым журавлем у ног. На второй, гиацинтовой, колонне с левой стороны стоял Юпитер из юпитерова олова, с золотым эмалированным (в натуральных цветах) орлом на груди. На третьей – Феб из червонного, огнем прокаленного, золота, с белым петухом в правой руке. На четвертой – Марс из коринфской меди, со львом у ног. На пятой – Венера из меди – из того же материала, из которого Аристонид отлил статую Атамаса, для того чтобы выразить красноватой белизною этого металла стыд, который тот испытывал, созерцая сына своего Леарха, умершего от падения; у ее ног – голубь. На шестой – Меркурий из твердой ртути, гибкой, но неподвижной, с аистом у ног. На седьмой – серебряная Луна, и у ног ее борзая собака. Эти статуи были такой вышины, что чуть превосходили третью часть колонны каждая; они были

³¹³ См. прим. 103 к книге IV.

сделаны по чертежам математиков так умело, что канон Поликлета, про которого говорили, что он учил искусству, творя искусство, вряд ли мог идти в сравнение с ними.

Основание колонн, капители, архитравы, зоофоры и карнизы были фригийской работы, массивные, из более чистого и более тонкого золота, чем то, которое доставляет Лез близ Монпелье, Ганг в Индии, река По в Италии, Гебр во Фракии, Тахо в Испании, Пактол в Лидии. Арки, поднимавшиеся между колоннами, были из того же камня, что и ближайшие по порядку колонны: то есть сапфировая арка шла к гиацинтовой колонне, гиацинтовая – к алмазковой, и далее в той же последовательности. Над арками и капителями колонн с внутренней стороны был воздвигнут купол, служивший крышею для фонтана; сзади линии планет он начинался в виде семиугольника и медленно переходил в сферическую фигуру. Хрусталь был до такой степени чист, прозрачен и гладок, до такой степени однороден во всех своих частях, без прожилок, пятен, бугорков и капелек, что Ксенократ никогда не видал такого, какой бы можно было сравнить с этим. По остову его были по порядку искусно изваяны в изящных фигурах двенадцать знаков Зодиака, двенадцать месяцев года, с их особенностями, оба солнцестояния, оба равноденствия, линия эклиптики с несколькими более значительными неподвижными звездами вокруг Южного полюса и в иных местах, с таким искусством и выразительностью, что я подумал, что это работа короля Несепса или древнего математика Петозириса.

На верхушке вышесказанного купола, соответствовавшей центру фонтана, находились три грушевидные жемчужины, одной формы, и все вместе соединенные в виде цветка лилии, такой величины, что он превосходил целую ладонь. Из чашечки этой лилии выходил карбункул величиной со страусово яйцо, семигранной формы (число, излюбленное природой), такой чудесный и удивительный, что когда мы подняли глаза, чтобы посмотреть на него, то чуть не потеряли зрение. Ни огонь, ни солнце, ни молния не сверкали ярче его и ослепительнее, когда он нам предстал. Он бы легко затмил и Пантарб³¹⁴ индийского магика Иоахаса; тот поблек был перед ним, как звезды в полдень перед солнцем.

Так что справедливые ценители легко согласились бы с тем, что вышеописанные фонтан и лампы превосходят по богатству и по своей исключительности все, что Азия, Африка и Европа вместе заключают в себе.

Пусть теперь Клеопатра, египетская царица, хвастается своими двумя жемчужинами, висевшими в ее ушах, одну из которых, подарок Антония-триумвира, она растворила в воде с уксусом и выпила, – эта жемчужина была оценена в сто тысяч сестерций.

Пусть чванится Люллия Плаутина своим платьем, покрытым изумрудами и жемчужинами по очереди, приводившим в восхищение все население Рима, который называли ямой и кладовой грабителей-победителей всего мира.

Течение и падение воды из фонтана производилось через три трубы и каналы, сделанные из мурры и смежные с тремя углами равнобедренных вышеупомянутых краевых треугольников этого сооружения; каналы образовывали свитую вместе двойную улиткообразную спираль. Посмотрев их, мы отвели взор в другую сторону, когда Бакбюк приказала нам прислушаться к течению воды; и тогда мы слышали на диво гармоничный звук, хотя смутный и прерывистый, как бы шедший далеко из-под земли. От этого он нам казался более привлекательным, чем если бы был открытым и слышался вблизи. Подобно тому как через окна наших глаз дух наш услаждался созерцанием вышеназванных вещей, – в такой же степени наслаждался он через наши уши, внимая этой музыке.

Тогда Бакбюк сказала нам:

– Ваши философы отрицают, что движение может производиться при посредстве фигур, – послушайте это, и вы убедитесь в обратном. Посредством вот только этой одной рас-

³¹⁴ Филострат в своей «Биографии колдуна Аполлония Тианского» описывает этот прибор (магический), которым волшебник Иоахас наводил страх на посетителей.

ходящейся на две части улиткообразной фигуры, вместе с пятеричной системой клапанов в каждом внутреннем изгибе, – как в поллой вене в том месте, где она вступает в правый сердечный желудочек, – вытекает этот священный фонтан и производит такую гармонию, что поднимается вплоть до моря вашего мира.

Потом она приказала принести кубки, чаши и бокалы, золотые, серебряные, хрустальные и фарфоровые, и мы были любезно приглашены испить жидкости, которая струилась из этого фонтана, что мы сделали очень охотно. Ибо, надо вам сказать, мы не из той породы телят, которые, как воробьи, едят только тогда, когда им наступят на хвост, или которые пьют и едят только тогда, когда их хорошенько отдубасят: никогда никому мы не отказываем, если нас вежливо пригласят выпить. Потом Бакбюк спросила нас, чем показался нам напиток. Мы ответили ей, что он нам показался хорошей и холодной ключевой водой, более прозрачной и серебряной, чем вода Аргироида в Этолии, Пеня в Фессалии, Аксиуса в Мидонии и ручья Кидна в Киликии, который показался Александру Македонскому среди жгучего лета таким прекрасным, прозрачным и прохладным, что наслаждение выкупаться в нем превысило у героя страх болезни, которая, как он предвидел, могла случиться с ним от этого преходящего удовольствия.

– Вот, – сказала Бакбюк, – что значит не наблюдать за собой и не понимать тех движений, которые производят мускулы языка, когда питье стекает вниз – не в легкие по нервной артерии (как полагали славный Платон, Плутарх, Макробий и другие), но в желудок по пищеводному каналу.

«Странники, неужели у вас глотки так оштукатурены, вымолены и эмалированы, – как некогда у Пифилла, названного Тейфом, – что вы не узнали вкуса этого божественного напитка? Принесите сюда, – сказала она своим приближенным женщинам, – мои скребки, – вы знаете какие, – чтобы поскрести, прочистить и выскоблить им нёбо».

И вот были принесены прекрасные, большие, веселые окорока; прекрасные, толстые, веселые копченые языки; прекрасная солонина; мозговые и другие колбасы; икра, прекрасные сосиски из дичи и всякие другие глоткоочистители. По ее приказу мы ели все это до тех пор, пока не признали, что желудки наши чудесно прочищены, и пока нас не стала раздражать довольно сердито жажда. Тогда она нам сказала:

– Некогда один еврейский военачальник, ученый и доблестный, ведя свой народ по пустыне, – во время крайнего голода, – вызвал с небес манну, которая, благодаря воображению вкушавших, была такого вкуса, который прежде имела для них мясная пища. И вот вы также, выпив этого чудесного напитка, почувствуете вкус такого вина, которое вообразите. Итак, воображайте и пейте!

Мы сделали это, а потом Панург воскликнул:

– Ей-богу, это боннское вино лучше вкусом, чем я когда-либо пил – или я отдам себя ста шести чертям! О, чтобы подольше его смаковать, хорошо бы иметь шею длиной в три локтя, как желал Филоксен, или как у журавля, как желал Мелантий.

– Честное слово фонарщика, – воскликнул брат Жан, – это вино Грав, веселое и искристое. О, ради бога, друг наш, научите меня, каким способом вы это делаете!

– Мне кажется, – сказал Пантагрюэль, – что это из мирвоссских вин. Перед тем как пить, я это вообразил себе. Плохо только то, что оно прохладное, – то есть, я говорю, холоднее, чем лед, чем вода Нонакриса и Дирке, холоднее, чем вода Контопории в Коринфе, которая замораживала желудок и пищеварительные органы тех, кто ее пил.

– Пейте, – сказала Бакбюк, – раз, и два, и три, каждый раз воображая что-нибудь другое, и вы найдете, что питье – того вкуса, который вы вообразили. И впредь не говорите, что для бога что-нибудь невозможно.

– Но никогда, – отвечал я, – нами это не говорилось; мы утверждаем, что он всемогущ.

ГЛАВА XLIII. Как Бакбюк нарядила Панурга, чтобы тот услышал слово Бутылки

По окончании этих бесед и питья Бакбюк спросила:

– Кто из вас тот, кто хочет слышать слово Божественной Бутылки?

– Я, – сказал Панург, – ваша смиренная воронка.

– Друг мой, – сказала она, – для вас у меня одно наставление: подойдя к оракулу, старайтесь слушать его только одним ухом.

Затем Бакбюк надела на него зеленый плащ, прекрасную белую шапочку, нацепила гиппократов рукав; вместо перчаток надела ему два старинных гульфика; опоясала его тремя связанными вместе волынками; вымыла ему лицо трижды в вышесказанном фонтане; наконец бросила ему в лицо горсть муки; три петушьих пера воткнула с правой стороны в его гиппократов рукав и заставила его обойти девять раз вокруг фонтана, сделать три красивых небольших прыжка и семь раз коснуться задом земли, сама все время произнося не знаю какие заклинания на этрусском языке и читая в ритуальной книге, которую нес возле нее один из ее мистагогов. Вообще я думаю, что ни Нума Помпилий, второй царь римский, ни жрецы Цереры в Этрурии, ни святой военачальник иудеев никогда не учреждали стольких церемоний, сколько я тогда видел, а равно ни мемфисские прорицатели при египетском Аписе, ни эвбейцы города Рамнеса в Рамнузии; и ни Юпитеру Аммонскому, ни Феронии древние не посвятили стольких религиозных обрядов, сколько я наблюдал там.

В таком наряде она отделила его от нашей компании и повела направо, через золотую дверь, из храма, в круглую часовню, сложенную из слюды и других прозрачных каппадокийских камней, через прочную массу которых, без окон и других отверстий, проникал солнечный свет, проходивший через пролом в скале, закрывающей главный храм, с такою легкостью и в таком изобилии, что свет казался рождающимся внутри, а не идущим извне. Работа была здесь не менее изумительна, чем некогда в священном храме в Равенне или в Египте, на острове Хеммисе. И нельзя обойти молчанием, что постройка этой круглой часовни была выверена с такой симметрией, что внешний диаметр был равен высоте до свода. Посередине часовни помещался фонтан из тонкого алебаstra, семигранной формы, исключительной работы и системы клапанов, наполненный водой такой прозрачности, какой только может достигать эта стихия в своей беспримесной чистоте; в ней находилась наполовину погруженная Бутылка, одетая в прекрасный чистый хрусталь, правильной овальной формы, – за тем исключением, что наружная часть была несколько более открытой, чем дозволяется при этой форме.

ГЛАВА XLIV. Как верховная жрица Бакбюк представила Панурга Божественной Бутылке

Тут Бакбюк, благородная жрица, заставила Панурга преклонить колени и поцеловать край фонтана; потом велела ему подняться и проплясать вокруг три вакхических танца. После этого она приказала ему сесть между двумя приготовленными там седалищами прямо на землю задом. Потом развернула свою ритуальную книгу и, подсказывая ему в левое ухо, заставила его пропеть песню виноградарей.

Когда эта песня была кончена, Бакбюк бросила, не знаю что, в фонтан, и вдруг вода начала сильно кипеть, как будто в большом котле в Бургейле, когда там празднуют праздник жезлов. Панург в молчании слушал одним ухом; Бакбюк стояла рядом с ним на коленях, когда из священной Бутылки послышался шум, какой производят пчелы, рождающиеся из тела молодого бычка, которого убьют и обрядят по изобретенному Аристеем способу, – или такой, какой производит стрела, вылетевшая из арбалета, – или же словно шум от внезапного сильного летнего дождя. И тогда было услышано слово: «ТРИНК!»

– Она, – воскликнул Панург, – могу побожиться, разбилась или треснула, чтобы не соврать! Так в наших краях разговаривают хрустальные бутылки, когда лопаются подле огня.

Тогда Бакбюк поднялась и тихонько взяла Панурга под руку, говоря ему:

– Друг, воздайте благодарность небесам, разум вас обязывает к тому: вы быстро получили слово Божественной Бутылки. Я говорю – самое веселое, самое божественное, самое верное слово, которое когда-либо я от нее слышала с той поры, как служу здесь у ее пресвятого оракула. Вставайте же, идем в капитул, в глоссах которого толкуется это прекрасное слово.

– Идем, – сказал Панург, – ради бога! Я так же умен, как раньше. Объясните, где эта книга? Поворачивайте, где этот капитул? Посмотрим на эту веселую глоссу.

ГЛАВА XLV. Как Бакбюк истолковала ответ Бутылки

Бакбюк, бросив, не знаю что, в фонтан, отчего вдруг прекратилось кипение воды, повела Панурга в главный храм, в середине которого находился животворящий источник. Там, вынув большую серебряную книгу размером в пол-мюйда, зачерпнула ею из источника и сказала ему:

– Философы, проповедники и ученые вашего мира питают вас прекрасными словами через уши, а здесь мы внедряем наши наставления прямо через рот. Поэтому я вам не говорю: прочтите эту главу, посмотрите эту глоссу; а говорю вам: попробуйте этой главы, проглотите эту глоссу. Некогда один древний пророк иудейского народа съел одну книгу и сделался ученым до зубов. Теперь вы выпьете и станете ученым до печенки. Ну, раскройте челюсти!

Когда Панург разинул пасть, Бакбюк взяла серебряную книгу, и мы подумали, что это была действительно книга, – по причине ее формы, точно у требника, – но это была почтенная и действительная, настоящая фляга, полная фалернского вина, которое она заставила Панурга проглотить все.

– Вот, – сказал Панург, – замечательная глава и очень достоверная глосса! И это все, что обозначает трижды великое слово Бутылки? Я, право, очень рад.

– Да, ничего больше, – отвечала Бакбюк. – «Тринк» – слово, общее всем языкам, знаменитое и понятное всем национальностям, и означает: «Пейте!». Вы в вашем мире говорите, что слово «сак» звучит одинаково на всех языках и – по справедливости – по полному праву принято всеми нациями. Ибо, как говорится в басне Эзопа, все люди рождаются с мешком на шее, природою обречены на страдания и просят милостыню друг у друга. Нет в поднебесной такого могущественного царя, который мог бы обойтись без другого человека, и нет такого гордого бедняка, который мог бы обойтись без богача, – даже будь это сам философ Гипсий, который все умел делать. Еще менее обходятся люди без напитка, чем без мешка! И мы здесь утверждаем, что не смех, а питье – неотъемлемое свойство человека. Не говорю о простом питье, обязательном, ибо так пьют и звери, – я говорю о том, чтобы пить вино доброе и холодное. Заметьте, друзья, что от вина становятся божественными, и что нет довода более убедительного и нет дара прозрения менее обманчивого», чем у вина. Ваши академики убеждают в этом, когда производят этимологию слова «вино», которое по-гречески называется «Ойнос» – от слова «vis» – сила, могущество. Ибо у него есть власть наполнять душу всякой истиной, всяким знанием и философией. Если вы заметили, что написано ионическими буквами над дверью храма, вы могли понять, что «в вине скрыта истина». Божественная Бутылка посылает туда вас» будьте сами толмачами вашего предприятия.

– Невозможно сказать лучше, – сказал Пантагрюэль, – чем сделала эта почтенная жрица; ведь и я так же сказал, как только вы впервые со мной об этом заговорили. Итак – тринк! Что говорит вам сердце, охваченное вакхическим восторгом? А?

– Выпьем, – сказал Панург.

Выпьем, что во имя Вакха...

ГЛАВА XLVI. Как Панург и другие сочиняют стихи в поэтическом неистовстве

В этой главе, после не слишком пристойной ругательной оценки стихов Панурга со стороны брата Жана, все путники, начиная с Пантагрюэля, занимаются стихотворством. Пантагрюэль довольно складно превозносит в рифмах вино; брат Жан, выругавшись, добавляет к его изысканным строфам еще четверостишие (уже не без нецензурности); Панург раздражается чем-то в роде частушек. Наконец брат Жан говорит:

– Убирайся, старый дурак, к черту! Больше я рифмовать не в силах: рифма меня за горло схватила, – поговорим, как бы нам отблагодарить здешних.

ГЛАВА XLVII. Как, попросившись с Бакбюк, покинули оракул Божественной Бутылки

– Как отблагодарить здешних, – отвечала Бакбюк, – об этом не беспокойтесь: с нас будет вполне достаточно того, если вы нами довольны. Здесь, внизу, в наших подземных областях, мы не в том полагаем высшее благо, чтобы брать и получать, но в том, чтобы быть щедрыми и раздавать, и считаем себя счастливыми, не когда мы много берем и получаем от другого, – как то в уставе и обычаях сект вашего мира, – но тогда, когда мы одаряем щедро других. Однако прошу вас занести письменно свои имена и своей страны сюда, в эту ритуальную нашу книгу.

Тут она раскрыла прекрасную и большую книгу, в которой под нашу диктовку одним из ее мистагогов были проведены золотым грифелем несколько штрихов, – точно что-то написано, – хотя никаких писем нам не было видно.

Сделав это, она наполнила своей фантастической водой три меха и, передавая их нам из рук в руки, сказала:

– Идите, друзья, под покровительство этой интеллектуальной сферы, коей центр – повсюду, а окружность – нигде, которую мы называем богом. Придя же в ваш мир, свидетельствуйте, что под землю заключены большие богатства и удивительные вещи. И недаром Церера, уже почитаемая всею вселенной за то, что она показала и обучила людей искусству земледелия и изобретением хлебных злаков избавила род человеческий от грубой пищи – желудей, – недаром она так горько плакала о том, что дочь ее была похищена в наши подземные области, – конечно, предвидя, что под землю эта ее дочь встретит больше всяких благ и превосходных вещей, чем мать ее совершила наверху. Что случилось с искусством, некогда изобретенным мудрым Прометеем, – искусством вызывать с небес молнии и небесный огонь? Вы, конечно, утратили его: оно покинуло ваше полушарие, а здесь – под землю – в употреблении. И напрасно вы иной раз удивляетесь, видя, что города ваши бывают палимы молнией и эфирным огнем, и не зная, кем, от кого и где берет начало этот страшный на ваш взгляд, но обычный и полезный для нас беспорядок. Ваши философы, которые жалуются на то, что все уже описано древними, и что им ничего не осталось для новых открытий, слишком очевидно ошибаются. То, что с неба появляется вам и что вы называете «феноменами», – то, что вам предъявляет земля, то, что заключают в себе море и реки, – несравнимо с тем, что скрыто в земле.

«Потому-то, справедливо, имя подземного властителя почти на всех языках сопровождается эпитетом, который указывает на богатства. Он (когда все свои старания и труды люди приложат, чтобы отыскать бога-властителя, которого во время оно египтяне называли на своем языке «укрытым», «тайнственным», «спрятанным» и, призывая его этим именем, умоляли его обнаружить и раскрыть себя перед ними), – он расширит знания и о себе и о своих творениях при помощи доброго Фонаря. Ибо все философы и древние мудрецы, дабы в безопасности и спокойствии проходить путь божественного знания и достижения мудрости, полагали необходимыми следующие две вещи: божественное руководство и сотрудничество человека.

«Так, у персов Зороастр взял себе товарищем всей своей таинственной философии Ари-маспа; у египтян Гермес Трисмегист – Эскулапа; Орфей во Фракии – Музея; там же Аглаофем – Пифагора; у афинян Платон сначала имел пособником Диона Сиракузского (в Сицилии), а по смерти того взял второго, Ксенократа; Аполлоний – Дава. Когда же ваши философы – при руководстве божьем и в сопровождении какого-нибудь светлого Фонаря – отдадутся тщательным изысканиям и исследованиям, как это свойственно роду человеческому (благодаря этим своим качествам Геродот и Гомер получили название «алфестов», то есть искателей и изобретателей), – они найдут, что истинным был ответ мудреца Фалеса египетскому царю Амазису, когда – спрошенный им, что на свете разумнее всего, – он ответил: «Время; ибо только временем были прежде и временем будут после открыты все скрытые вещи; и по этой-то причине

древние называли Сатурна – отцом Истины, а Истину – дочью Времени. Поэтому неминуемо найдут, что все их и их предшественников знание едва составляет малейшую часть того, что есть и чего они не знают». Из этих трех мехов, которые я вам теперь вручаю, вы почерпнете суждение и познание, как говорит пословица: «по когтям узнается лев». По мере разрежения заключенной в них воды – вследствие теплоты небесных тел и жара соленого моря, а также естественного превращения элементов – в них образуется весьма здоровый воздух, который будет служить вам светлым, ясным и приятным проводником, ибо ветер есть не что иное, как плавающий и волнующийся воздух. При посредстве этого ветра вы пойдете по прямому пути, если не хотите нигде сойти на землю, вплоть до гавани Олонн в Тальмондуа, пуская этот ветер на ваши паруса вот через это золотое поддувало, которое прилажено здесь в виде флейты, – сколь вы сочтете нужным, чтобы плыть осторожно, всегда в безопасности и с удовольствием, не подвергаясь опасностям и бурям. Не сомневайтесь и не думайте, что буря происходит от ветра; наоборот, ветер происходит от бури, поднимающейся со дна пучины. Не думайте также, что дождь происходит от слабости задерживающих небесных сил и от тяжести нависающих туч: он происходит по вызову подземных стран, равно как по вызову верхних тел; он незаметно влечется снизу вверх – об этом вам свидетельствует царственный пророк, который пел и говорил, что бездна вызывает бездну. Из трех мехов два наполнены вышеназванной водою, третий же извлечен из колодца индийских мудрецов, называемого бочкою браминов.

«Вы найдете кроме того, что корабли ваши в должной мере снабжены всем, что могло бы быть полезным и необходимым для остальной части вашего предприятия. Пока вы пребывали здесь, я приказала все привести в порядок. Идите же, друзья, в радости душевной и сvezите это письмо королю вашему Гаргантюа, приветствуйте от нас его, а также и принцев, и слуг его благородного двора».

Окончив эти слова, она вручила нам закрытое и запечатанное письмо и после наших заверений в вечной признательности вывела нас через дверь, примыкающую к той прозрачной часовне, где Бакбюк приглашала нас предлагать вопросы. Пройдя через страну, полную всяческих утех, приятную, с умеренным климатом, как в Темпе Фессалии, более здоровую, чем та часть Египта, которая обращена к Ионийскому заливу, зеленеющую лучше, чем Термискрия, более плодородную, чем та часть горы Тавра, которая обращена к Аквилону, чем остров Гиперборей в Индийском море, чем Калигия на горе Каспите, – цветущую, ясную и привлекательную, как Туренский край, – мы нашли наконец в гавани наши корабли.

КОНЕЦ ПЯТОЙ КНИГИ И ВСЕГО, ЧТО БЫЛО ОБНАРОДОВАНО О ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЯНИЯХ И СКАЗАНИЯХ БЛАГОРОДНОГО ПАНТАГРЮЭЛЯ